

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY

3 1924 092 368 376

Date Due

Date Due			
RR OCT 9 '54			
APR 10 1968 M P			
MAY 22 1968 M P			

BX
601
L78
U.1

CORNELL
UNIVERSITY
LIBRARY

CORNELL UNIVERSITY LIBRARY

3 1924 092 368 376

Date Due

RR OCT 9 54			
APR 10 1968 M P			
MAY 22 1968 M P			

РАСКОЛЬНИКИ
И
ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

СОЧИН

Вед. Вас. Ливанова

ТОМЪ 1.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ВНОВЬ ПЕРЕСМОТРѢННОЕ АВТОРОМЪ
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОБАВЛЕННОЕ НОВЫМИ
ОЧЕРКАМИ

С ПЕТЕРБУРГЪ.

1869 Г.

А. С. Соколов
0152 200
27 Мая 1869

РАСКОЛЬНИКИ

и

ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ.

СОЧИНЕН.

ОБД. ВАС. ЛИВАНОВА.

ТОМЪ I.

Издание второе, вновь пересмотрѣнное авторомъ, исправленное и добавленное новыми очерками.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Д-РА М. ХАНА, ВОЛОТНАЯ Д. № 5.

1869

17 206
~~VII~~ 5)

BY
201
V.1

A. 884214

1 1700

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

PHYSICS DEPARTMENT

CHICAGO, ILL.

20/00

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стран.
Предисловіе.	
- I. Пророчица раскольничья Устинья Никифорова	1
- II. Хлысты Михайловскаго Замка	61
- III. Вѣгунъ	74
- IV. Скауны	105
- V. Духоборцы и Сенаторъ Лопухинъ	117
VI. Скопитель.	134
VII. Дѣтубійство Безпоповцевъ	144
VIII. Начало и происхожденіе Молоканъ и Духоборцевъ въ Россіи	152
IX. Богатіе скопцы Солодовниковы	215
X. Молоканскій попь.	235
XI. Раскольничьи ходаки	257
XII. Тамбовскіе Молокане и Духоборцы	297
XIII. Закланіе сына въ жертву Богу	349
XIV. Императоры Павелъ Петровичъ и Николай Павло- вичъ у Петербургскихъ и Черниговскихъ раскольниковъ	355
- XV. Странникъ	369
XVI. Харьковскіе Молокане и Духоборцы	388
XVII. Какъ раскольники исповѣдаются по почтѣ	410
XVIII. Іоаннъ Креститель и Варвара Мученица.	414
XIX. Раскольникъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ и Агаѣя Рахманова.	424

XX. Скопческій Богъ Кондратій Селивановъ	463
XXI. Пропагандистъ Мясницкій	496
XXII. Раскольники Савва и Тимофей Морозовы	502
XXIII. Молоканская обѣднѣ	513
XXIV. Адамантъ Благочестія	534
XXV. Фабрикація московскими раскольниками подлож- ныхъ Высочайшихъ указовъ	537

А. В. Меллер.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Первое изданіе нашей книги «Раскольниковы и Острожники» вызвало со всѣхъ концовъ Россіи благодарность за безпристрастный взглядъ на дѣло раскола и *фактическое разобличеніе такъ называемыхъ тайныхъ сектантскихъ*... Намъ довелось получать благодарственные письма отъ всѣхъ слоевъ русскаго общества. Всѣ желаютъ одного: свѣта и свѣта для темныхъ дѣлъ раскольниковыхъ... ближе къ развязкѣ!—Скупцы и *коноводы раскола*, что изъ-за набиванія кармана сосутъ крестьянскую кровь, притихли и, прислушиваясь къ говору публики, совсѣмъ для нихъ неблагопріятному, распускали всевозможныя злоязычныя клеветы на автора и отыскивали «подкупныхъ писаекъ» для безошаднаго отзыва о книгѣ. Изъ людей серьезныхъ, къ чести ихъ сказать, знающихъ дѣло, патроновъ себѣ они не нашли—даже и за огромныя деньги... Оставалось удовольствоваться отсутствіемъ положительныхъ знаній. И вотъ мы, вмѣсто серьезной критики знающихъ людей, *основательно* изучившихъ дѣло раскола и вообще сектъ въ Россіи, дѣйствительно имѣли случай прочесть въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ нѣсколько такихъ рецензій, въ коихъ ничего не нашли, кромѣ положительнаго незнанія предмета, о которомъ писалось.. Изъ этихъ рецензентовъ, что не умѣютъ отличить поповца отъ безпоповца, одинъ — въ фельетонѣ газетномъ—имѣлъ даже смѣлость предложить свою особу намъ въ учителя. Почти-тѣльнѣйше благодаря его за эту непрошенную, дерзкую навязчивость, мы, какъ знакомые 14 лѣтъ съ дѣломъ, о которомъ пишемъ, имѣли бы, кажется, больше правъ сдѣлать такое предложеніе людямъ малосвѣдущимъ, но при всемъ томъ этого не сдѣлаемъ.

Что бы не быть, однако, *криво* понятыми гѣмъ нибудь и на будущее время, мы сочли необходимымъ сказать при второмъ изданіи своей книги, къ качествѣ «предисловія», нѣсколько словъ о томъ, какииъ путемъ фактовъ и выводовъ, при теоретическомъ и практи-

II

ческомъ знакомствѣ съ сектантами, мы пришли къ тѣмъ взглядамъ на дѣло раскола, которые проводимъ въ своихъ «очеркахъ и разсказахъ».

I.

Всѣ серьезные знатоки раскола русскаго пришли къ единогласному убѣжденію, что расколъ нашъ выражаетъ собою характеристическую черту русской жизни — строгій, безусловный консерватизмъ въ дѣлахъ вѣры и народности. Но вѣдь бываетъ ревность и не по разуму!.. Безусловный консерватизмъ въ дѣлахъ вѣры—есть смерть христіанству ¹⁾. Христіанство, въ пониманіи и разработываніи его, подлежитъ безконечному развитію, какъ и родъ человѣческій въ дѣлѣ цивилизации ²⁾. Начиная съ самаго тупаго пониманія христіанства новообращеннымъ, напр., чувашениномъ или бурятомъ, и кончая глубокими изслѣдованіями христіанской религіи знаменитыхъ ученыхъ, есть много ступеней пониманія оной. Все зависитъ отъ того, на какой степени умственнаго развитія стоитъ лице, принявшее это христіанство. Христіанская религія, посѣянная среди такихъ людей, у которыхъ нѣтъ никакого запаса высшихъ умственныхъ знаній, нѣтъ ни науки, ни литературы и вообще не начиналась еще исторія интеллектуальнаго развитія — никогда не будетъ оцѣнена ими сразу по достоинству ³⁾. Какъ люди младенческаго пониманія вещей, люди суевѣрія, лишившись онаго въ одной формѣ, они будутъ имѣть его въ другой ⁴⁾. Напрасно христіанство будетъ преподавать имъ простое свое ученіе и предписывать простое богослуженіе. Умы ихъ слишкомъ незрѣлы, чтобы совершить такой великій шагъ; имъ нужны

¹⁾ Бокль, въ Истор. Цивилиз. въ Англіи, Т. I, о вліяніи религіи на цивилизацію, стр. 257—328.—Гизо, О религіи христіанской.—Огюсть Контъ, О христіанствѣ.—Джонъ Ствартъ Милль, въ книгѣ Von die Freiheit (о свободѣ) гл. 11.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Бокль, въ Исторіи Цивилизаціи Англіи. Т. I, гл. V.

⁴⁾ Toquille Democratie en Amerique.. Vol. II, p. 130.—Гизо, О христіанской религіи.—Ritters History of Ancient Philosophie Vol I,

будутъ болѣе сложныя формы и болѣе сложное вѣрованіе. Суевѣріе ихъ, вмѣсто того, чтобы уменьшаться, получитъ только другое направленіе. Новая религія будетъ искажена старыми обрядовыми заблужденіями⁵⁾. Вмѣсто духовнаго поклоненія Богу невидимому, вмѣсто усвоенія духа Христова—они будутъ боготворить мертвую обрядность и придавать суевѣрное значеніе какойнибудь цѣпочкѣ на кадыкѣ, пуговицѣ на ризахъ, какойнибудь книгѣ кожанной, пудовымъ восковымъ свѣчкамъ на лампадахъ и т. п., такъ что лучшія, свѣтлыя черты христіанства будутъ совсѣмъ затерты, и признаки первоначальной прелести его совершенно уничтожены⁶⁾. Не видимъ ли мы, что чистое ученіе о единомъ, невидимомъ Богѣ—который есть Духъ и не требуетъ себѣ мертвыхъ обрядовъ въ ущербъ истиннаго познанія его и поклоненія ему духомъ и истиною—преподанное древнимъ евреямъ, оставалось, въ теченіе многихъ столѣтій, вовсе безъ дѣйствія? Народъ, которому это ученіе было сообщено, въ то время еще не освободился отъ младенческаго пониманія и потому умъ его не могъ постигнуть такой великой идеи⁷⁾. Подобно всѣмъ другимъ малоразвитымъ народамъ, евреи жаждали религіи, которая питала бы ихъ легковѣріе безпрестанными чудесами, которая, вмѣсто отвлеченнаго возведенія Божества къ одной сущности, умножала бы ихъ боговъ и расплодила оныя до того, чтобы ими были покрыты всѣ поля и переполнены гѣса⁸⁾. Это и есть достиженіе въ религіи одной обрядности—естественный плодъ невѣжества; вотъ къ чему евреи безпрестанно и возвращались! Не смотря на самыя строгія и безпощадныя наказанія, они, при всякомъ удобномъ случаѣ, оставляли чистое поклоненіе Богу, для воспріятія котораго умы ихъ были слишкомъ незрѣлы, и впадали въ суевѣріе, болѣе доступное ихъ пониманію⁹⁾. Теперь, въ настоящемъ вѣкѣ, они давно ужъ болѣе или менѣе перестали все это дѣлать. А почему? Какому другому обстоятельству можно приписать ихъ дальнѣйшую перемену, какъ

⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁾ Haxthausen, O roscolnykaxъ.—Vochts Geschichte. Russ. Kirch. Band I.

⁷⁾ Бокль, Истор. Цивилиз. въ Англі. Т. I, гл. V, стр. 293.—Локкъ, въ Locke's Works Vol II.

⁸⁾ Тамъ же.

⁹⁾ Guisot, Histoire de la civilisation en France, Vol. II.

не тому простому факту, что евреи, подобно всемъ другимъ народамъ, по мѣрѣ своихъ успѣховъ въ цивилизаціи ¹⁰⁾, стали вырабатывать для себя болѣе идеальную, *умощенную* религію и, презрѣвъ суевѣрную, мертвую обрядность, медленно и постепенно возвысились умомъ до болѣе твердаго пониманія одной «Великой Причины», — пониманія, которое напрасно старались имъ привить въ болѣе раннее время ¹¹⁾. Вотъ какая тѣсная связь существуетъ между убѣжденіями какого нибудь народа, или слоя общества, и его познаніями, и до какой степени необходимо — когда дѣло идетъ о цѣлыхъ націяхъ или слояхъ общества — чтобы умственная дѣятельность предшествовала улучшенію религіи! Если намъ нужны дальнѣйшіе примѣры, поясняющіе эту важную истину, то мы найдемъ ихъ въ событіяхъ, совершившихся въ Европѣ вскорѣ послѣ распространенія христіанскаго ученія. Римляне были, за рѣдкими исключениями, народъ невѣжественный. Для такого народа обряды, церемоніи и вообще статуизмъ были самымъ естественнымъ вѣрованіемъ ¹²⁾. И дѣйствительно, мы знаемъ, что римляне предавались обрядовому, идолопоклонству, которое немногіе великіе мыслители — и только немцы — отваживались презирать. Христіанская религія, заброшенная среди такихъ людей, застала ихъ неспособными оцѣнить ея высокое, дивное ученіе ¹³⁾. Нѣсколько времени спустя, Европа была наводнена наплывомъ новаго народонаселенія, и завладѣвшіе ею народы, еще болѣе дикіе, чѣмъ римляне, принесли съ собою суевѣрія, сообразныя съ ихъ тогдашнимъ умственнымъ состояніемъ. И вотъ надъ матеріалами, произшедшими изъ этихъ двухъ источниковъ, христіанство призвано было трудиться! Результатъ этого чрезвычайно замѣчательнъ. Послѣ того, какъ новая чистая христіанская религія, казалось, побѣдила всѣ препятствія, и уже была принята въ лучшей части Европы, вскорѣ обнаружилось, что не возымѣла она никакого положительнаго дѣйствія у невѣждъ ¹⁴⁾. Переставъ явно поклоняться

¹⁰⁾ Бокль, Истор. Цивилиз. въ Англ. Т. I, гл. V, стр. 294.

¹¹⁾ Тамъ же.

¹²⁾ Middletons Letter from Rome. Также Priestley's History of the Corruptions of Christianity. Сравн. Blunt's Vestiges of Ancient Manners.

¹³⁾ Тамъ же.

¹⁴⁾ Бокль, Ист. Цивил. въ Англ. Т. I, гл. V, стр. 296.

идолаше, они суевѣрно читли обломки ихъ саногвъ, пальцы отъ руки, ножку отъ жертвенника, пѣночку отъ надильницъ и т. под. Прошло нѣсколько вѣковъ и христіанство стало понемногу освобождаться отъ этихъ искаженій. Начать реформу оказалось невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока европейскій умъ не былъ, въ нѣкоторой степени, пробужденъ отъ словывавшей его летаргїи. Постепенно двигалась на пути знанія, люди стали смотрѣть съ негодованіемъ на тѣ узкія, суевѣрныя понятія, предъ которыми прежде благоговѣли ¹⁵⁾. Интересный примѣръ этого представляетъ вліяніе протестантизма, въ сравненіи съ католицизмомъ. Католическая вѣра относится къ протестантской также, какъ темные вѣка относятся къ восемнадцатому столѣтію ¹⁶⁾. Въ темные вѣка люди были легковѣрны и невѣжественны, и потому произвели религію, требовавшую много вѣры и мало знанія. Въ шестнадцатомъ столѣтіи, легковѣріе и невѣжество, довольно еще значительныя, стали быстро уменьшаться и потому оказалась необходимость устроить религію на основаніяхъ, соответственныхъ измѣнившимся обстоятельствамъ—религію, болѣе благоприятную для духа пытливости, менѣе обремененную чудесами, легендами, изваяніями,—религію, въ которой обрядовыя церемонїи были бы не такъ часты и не такъ тягостны, которая, наконецъ, не поощряла бы безчисленнаго множества разныхъ умерщвленій плоти, бывшихъ такъ долго въ повсемѣстномъ употребленіи ¹⁷⁾. Все это было совершенно, водвореніемъ протестантизма—такого образа богочитанія, который, соответствуя вполне потребностямъ своего вѣка, имѣлъ, какъ всѣмъ извѣстно, большой и скорый заслуженный успѣхъ. Еслибъ этому великому движенію позволено было совершаться безъ перерывовъ, то оно, въ теченіи немногихъ поколѣній опрокинувъ старое суевѣріе, водворило бы на его мѣстѣ болѣе простое и менѣе безпокойное вѣрованіе; при этомъ, разумѣется, быстрота переворота была бы пропорціональна умственной дѣятельности различныхъ странъ ¹⁸⁾. Изъ всего сказаннаго нами видно, что когда какойнибудь народъ, вслѣдствіе случайныхъ причинъ, исповѣдуетъ

¹⁵⁾ Тамъ же.

¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 297.

¹⁷⁾ Moury Legendes Pieuses du Moyen Age.—Гизо, О христіанской религіи.

¹⁸⁾ Бокль, Истор. Цивил. въ Англ. Т. I, гл. V, стр. 298.

религію, которая выше, чѣмъ онъ самъ, то религія эта не производитъ своего законнаго дѣйствія и останавливается лишь на механическихъ обрядахъ, изъ-за которыхъ онъ пойдетъ пожалуй на плаху, но съ которыми не скоро расстанется ¹⁹⁾. Въ такомъ состояніи, безусловный консерватизмъ въ дѣлѣ религіи есть смерть религіи... и остановиться народу, наприцѣръ, на томъ, что кто не молится двумя перстами, не сугубитъ аццалуя, не ходитъ «песолонь», не творитъ богослуженія по стариннымъ Иосифовскимъ книгамъ, не цуетъ по крестамъ въ церкви, не носитъ лѣстовокъ и не принимаетъ бѣглыхъ поповъ австрійскаго правленія, тотъ сынъ антихриста... и погибъ для будущей жизни, — значить, по меньшей мѣрѣ, обречь себя на вѣчное окаянство, оградить себя китайскою стѣною отъ лучшаго и широчайшаго пониманія христіанства, вся суть коего, какъ невѣстно всему просвѣщенному міру, заключается въ духѣ, а не въ обрядахъ... Это узкое пониманіе высокой, идеальной религіи христіанской, которымъ ознаменовали себя наши старообрядцы, т. е. обожатели однихъ мертвыхъ обрядовъ въ дѣлахъ вѣры, какъ бы оно ни было искренно, исчезнетъ неминуемо, какъ показала уже намъ исторія, при первомъ свѣтѣ лучей всемогущей цивилизаціи.... Стало быть *расколъ, какъ догма, не вѣченъ* ²⁰⁾. Объ этомъ нечего и говорить! Онъ можетъ быть *живучъ*, какъ и живетъ уже 200 лѣтъ на русской землѣ, но это произошло отъ того, что все русское государство 1000 лѣтъ спало... При всемъ богатствѣ своихъ самъ расколъ, какъ догма, носить внутри самого себя зерно разложанія ²¹⁾. Рано, или поздно зерно это пробьетъ скорлупу, которою закрыто, и тогда расколъ не спасутъ никакія силы!

II.

Теперь о безусловномъ консерватизмѣ въ дѣлѣ народности.

¹⁹⁾ Наши архивы дѣла представляютъ намъ безчисленные примѣры фанатическихъ страданій и даже самоубійствъ изъ-за двухъ пальцевъ перстосложенія, изъ-за осмиблечнаго креста, изъ-за цѣпочекъ на кадилѣ. (См. Истор. Министер. Вн. Дѣлъ, Т. VIII. Н. Варадинова. — Обзоріе Пермскаго раскола архим. Палладія. Спб. 1863. г.)

²⁰⁾ Стат. О противогосуд. элементѣ въ расколѣ въ «Отечест. Зап.» 1866 г. кн. 12.

²¹⁾ Тамъ же.

Историческій и этнографическій опыты съ безспорною очевидностію доказываютъ намъ, что тѣ народности, которыя задавались узкою задачею развивать свою жизнь на *исключительно* національныхъ началахъ, не давая мѣста никакому внѣшнему благотворному вліянію, весьма скоро изживались и превращались, какъ жена Лота, въ соляной столбъ ²³⁾. Китайскія и монгольскія стѣны сохраняютъ и доселѣ летаргію и непробудный сонъ народа. Народность, которую хотятъ изолировать отъ всякаго внѣшняго вліянія, подобна растѣнію, закупоренному въ уѣкомъ горшкѣ въ теплицѣ ²⁴⁾. Растѣніе это никогда не разовьется далѣе тепличнаго. Между тѣмъ, расти оно на свободѣ, какъ бы пышно оно раскинулось ²⁵⁾, какъ бы долго существовало! Говорятъ, что расколъ въ мертвыхъ обрядностяхъ старой вѣры своей отстаиваетъ принципъ національности ²⁶⁾? На это мы замѣтимъ, что религиозныя убѣжденія раскола слишкомъ *узки и младенчески* для того, чтобы подъ знамя ихъ имѣла честь стать вся Россія... *Обогащеніе* раскольниками старой вѣры, говоря откровеннѣе, *мертвой обрядности* и буквы внѣшней, показываетъ только, что есть извѣстный народный слой въ русскомъ государствѣ, который застрялъ, во вѣдствіе нѣкоторыхъ историческихъ причинъ, во тѣмъ умственной, и слишкомъ еще далекъ ²⁶⁾ отъ должнаго усвоенія кроткой, простой и чистой религіи христіанской, и ждуть отъ него скораго усвоенія оной во всей ея простотѣ—все равно, что ожидать на слѣдующій же годъ хорошаго урожая отъ сѣмени, брошеннаго на сухую, каменистую землю ²⁷⁾. Въ этомъ родѣ довольно было попытокъ, и всѣ онѣ привели къ одному результату. Люди съ са-

²²⁾ Джонъ Стюартъ Милль, въ книгѣ О свободѣ, гл. II—IV.—Богль, Истор. Цивиліз. въ Англии Т. I, гл. V.—Огюсть Контъ въ глав. О народности.

²³⁾ О противогосударств. элементѣ въ расколѣ, «Отечест. Записки» 1866 г. кн. 12.

²⁴⁾ Тамъ же.

²⁵⁾ Натянутое ученіе нашихъ славянофиловъ, необузданно защищающихъ темный расколъ, и лишь раздувающихъ понапрасну страсти раскольниковъ. Изъ этихъ славянофиловъ есть, впрочемъ, и издающіе газеты на раскольничьи деньги.

²⁶⁾ Etudes l'avenir de la Russie par Chedo-Ferroti. VII.

²⁷⁾ Тамъ же.

мыми лучшими напѣреніями, самыми искренними рвеніемъ, пытались, и теперь еще пытаются выяснитъ *суть* христіанской религіи во всей ея чистотѣ между раскольниками. Вслѣдствіе неослабной дѣятельности, они во многихъ случаяхъ часто успѣвали ²⁸⁾ убѣдить нѣкоторыя общины раскольниковъ открыто признать лучшее пониманіе истинъ христіанской религіи. Но ежели кто сравнитъ отчеты нашихъ миссіонеровъ съ длиннымъ рядомъ данныхъ, доставленныхъ правительственными мѣстами и лицами, то скоро увидитъ, что подобное признаніе существуетъ только на словахъ, въ дѣйствительности же эти темныя общины доказываютъ, что онѣ по прежнему остались при одной мертвой обрядности и по прежнему, не знаютъ самой религіи... Они принимаютъ, по прежнему, лишь внѣшность религіи и на этомъ оснавливаются. Они стали крестить своихъ дѣтей въ нашей церкви, принимать причастіе, толпами ходить въ церковь,—все это они стали дѣлать и, не смотря на это, оставаться столь же далекими отъ пониманія настоящаго *духа христіанства*, какъ и были въ то время, когда преклоняли колѣна предъ своими бѣглыми попами, ничего не знающими, кромя псалтиря и часослова Іосифовскаго изданія ²⁹⁾. И оно понятно, почему? Обряды и формы всякой религіи находятся на поверхности: ихъ сразу видятъ, скоро заучиваютъ и легко перенимаютъ люди, неспособные, по малоразвитости своей, проникнуть въ самую глубину ³⁰⁾. Только болѣе глубокая внутренняя перемѣна въ человѣкѣ можетъ быть прочна, а такой перемѣны никогда не произойдетъ въ расколѣ, пока онъ погруженъ въ умственный застои... Устраните невѣжество, тогда будетъ мѣсто для лучшей религіи ³¹⁾! Только этимъ способомъ и можно принести пользу. По этому случаю, Бокль выражается такъ: «Послѣ тщательнаго изученія исторіи нынѣшняго столѣтія и варварскихъ странъ, я съ полною увѣренностію утверждаю, что нѣтъ ни одного хорошо доказаннаго случая прочнаго обращенія въ христіанство какого ни-

28) Отчеты Оберъ-Прокур. св. Синода съ 1850—1867 г.

29) См. въ Обзор. Пермск. раскола архим. Нагадія, Спб. 1863 г.—Отчеты миссіонеровъ.

30) Бокль, въ Ист. Цивил. въ Англ. о вліяніи религіи на цивилизацію, гл. V, стр. 290.—Кьюве въ *Eloges Historiques* Vol III, pag 70.—Coytu въ *History of Brasil* Vol II, p. 378.

31) Тамъ же.

будь варварскаго народа, за исключеніемъ развѣ тѣхъ весьма немногихъ примѣровъ, гдѣ миссіонеры, будучи столько же людьми знанія, сколько и людьми благочестія. пріучили дикаря къ пріемамъ мышленія и, возбудивъ въ немъ, такимъ образомъ, умственную дѣятельность, приготовили его къ воспріятію религіозныхъ началъ, которыхъ онъ, безъ такого возбужденія, никогда не могъ понять»³²⁾. Такимъ образомъ, если смотрѣть на дѣло съ высшей точки зрѣнія, то оказывается, что расколъ нашъ отстаиваетъ принципъ такой религіозной національности, о которой мы его не просили, и которая служить скорѣе къ нашему укору, чѣмъ къ гордости!.. Недаромъ иностранцы, посѣщавшіе Россію³³⁾ и присматривавшіеся къ нашему, расколу выразились, что «если судить по религіозной слѣпотѣ русскихъ раскольниковъ о всемъ русскомъ народѣ, то придется провозгласить, что это страна отъ природы бездарнаго и тупаго племени, необѣщающаго никакой будущности своему отечеству». Даже наши молокане, которыхъ мы привыкли считать сектаторами своего рода, познакомившись съ раскольниками, выражаются о нихъ³⁴⁾, что это люди, у коихъ солома въ головѣ вмѣсто мозга³⁵⁾. «Богъ есть Духъ, говорятъ они, что и Христосъ подтвердилъ своимъ ученикамъ, и кто мняется ему духомъ, кто старается приблизиться къ его совершенству и воплотить въ себѣ духъ Христовъ, тотъ и воздаетъ Богу истинное поклоненіе тотъ лишь истинный христіанинъ³⁶⁾, а раскольники идутъ на плаху за два пальца въ перстосложеніи, за выстриженную маковницу на затылкѣ, чрезъ которую будто и можетъ только приходять благодать Божія на голову. Мы вовсе не вретисия ни двумя, ни тремя перстами, а знаемъ Бога потверже и поблаже ихнаго!» Нѣтъ! для того, чтобы народность всякаго государства жила, ей нужна возможно-широкая сфера дѣятельности, воз-

³²⁾ Бокль, о вліяніи религіи на цивилизацію, гл. V, стр. 291. — *Къ въ Eloges Historiques Vol. III. — Combé's North America Vol I, II.*

³³⁾ *Haxthausen Studien Russlands Band I, III.*

³⁴⁾ Изъ нашихъ мѣстныхъ наблюденій надъ сектою Молоканъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи.

³⁵⁾ Подлинное выраженіе одного молоканскаго старца—тоже въ Самарской губ.

³⁶⁾ Коренное ученіе всѣхъ Молоканъ въ Россіи. См. ихъ обрядники въры.

можно-разнообразныя столкновѣнія и вліянія. Гдѣ много этихъ столкновеній и вліяній, тамъ кичитъ и жизнь, гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ застой и сонъ ³⁷⁾.

Теперь, оставляя вопросъ о религіозной національности, какъ болѣе, или менѣе разсмотрѣнный нами, взглянемъ: далеко ли ушелъ расколъ съ своею исключительною національнію и во всемъ прочемъ? Что онъ намъ особенно путнаго далъ? Развилъ науки, искусства? Ни чуть не бывало! Наука его въ 200 лѣтъ не произвела ничего, кромѣ устрашающей массы самыхъ ребяческихъ ³⁸⁾ самыхъ незамысловатыхъ, схоластическихъ, бесплодныхъ и безграматныхъ мараній, ниже лубочныхъ, которыми ужъ право не одинъ сколько нибудь развитый человѣкъ не станетъ ни зачитываться, ни услаждаться... И лучше этого онъ никогда ничего и не произведетъ, если останется въ своемъ «заколдованномъ кругу» невѣжества въ дѣлѣ *общаго образованія* ³⁹⁾! Пока кругъ познаній раскольниковъ не будетъ расширенъ, до тѣхъ поръ достоинство ихъ литературы будетъ пропорціонально количеству ихъ невѣжества. Пока они не будутъ читать лучшихъ книгъ, чѣмъ ихъ раскольничьи, паче же кожанья, до тѣхъ поръ единственнымъ результатомъ ихъ учености будетъ лишь накопленіе матеріаловъ для поддержанія старыхъ заблужденій и усиленія старыхъ предрассудковъ ⁴⁰⁾. Ученость раскольничья послушаетъ лишь орудіемъ ихъ невѣжеству, такъ что чѣмъ больше они будутъ читать, тѣмъ меньше знать ⁴¹⁾. История показываетъ намъ, что бывали такія состоянія общества, въ которыхъ литература принесла больше вреда, чѣмъ пользы. Такъ, напримеръ, во весь періодъ времени съ VI по X вѣкъ, въ цѣлой Европѣ было не болѣе трехъ, или четырехъ человѣкъ, которые смѣли думать широко, самостоятельно, — да и тѣ принуждены были скрывать свою мысль подъ тем-

³⁷⁾ О противогосуд. элементѣ въ расколѣ «Отечественныя Записки» 1866 г. кн. 12.

³⁸⁾ См. раск. библ. въ Казан. Дух. Акад., вывезенную изъ Соловецкаго монастыря по распор. правител.

³⁹⁾ Бокль, Истор. Цивил. въ Англіи Т. I, гл. V. — Шюссеръ въ *Geschichte des XVIII Jahrhunderts* Band II. — Конта *Philosophie Positive.*

⁴⁰⁾ *Etudes sur l'avenir de la Russie* par Chedo-Ferroti.

⁴¹⁾ Тамъ же.

нныя и мистическимъ слогомъ. Остальная часть общества была, въ теченіи этихъ четырехъ вѣковъ, погружена въ самое унижительное невѣжество ⁴²⁾. Въ тѣ времена люди, которые способны были читать, — а таковыхъ было не много, — ограничивались изученіемъ сочиненій, поощрявшихъ и усиливавшихъ суевѣрія, каковы разныя легенды и гомыли. Изъ этихъ источниковъ почерпали они тѣ басни и выдумки, изъ которыхъ преимущественно сложилось схоластическое богословіе того времени. Эти жалкія религіозныя бредни были чрезвычайно распространены и цѣнились, какъ и нашими раскольниками безчисленныя цвѣтныя въ кожанныхъ переплетахъ и жизнеописанія раскольничьихъ учителей, — какъ твердыя и важныя истины ⁴³⁾. Чѣмъ больше изучали такую литературу, тѣмъ больше вѣрили такимъ сказочнымъ повѣстямъ; другими словами: чѣмъ больше было учености, тѣмъ больше и невѣжества ⁴⁴⁾! И наши раскольники, чѣмъ больше будутъ читать свою сказочную, ребяческую, съ самымъ узкимъ пониманіемъ христіанской вѣры литературу, не принимая въ себя всеобщихъ цивилизующихъ знаній, которыми гордятся лучшіе на земномъ шарѣ народы, тѣмъ больше будутъ заходить въ непроходимый лѣсъ!... Но если не науку и не религію, то не развилъ ли расколъ искусства? И этого нѣтъ! Ни живописи, ни вааянія, ни музыки раскольники не подвинули впередъ ни на шагъ во всѣ 200 лѣтъ своего существованія. Нельзя же дрюковыя ноты самаго дисгармоничнаго, невыносимаго пѣнія считать идеаломъ музыкальнаго образованія государства! Человѣкъ съ скольконибудь музыкальнымъ ухомъ не можетъ выносить такого первобытнаго пѣнія двухъ секундъ... Нельзя считать идеаломъ національнаго костюма и дубленый тулупъ, смазанныя дегтемъ сапоги и кожанныя лѣстовки въ рукахъ. Нельзя считать идеаломъ живописи иконы суздальскаго писанія, презирая Рафаелеву Мадону и считая это мировое произведеніе порожденіемъ дьявола ⁴⁵⁾... Не ясно ли, что *раскольничья цивилизація*, въ концѣ концовъ, неизбежно ведетъ, при натискѣ прогресса, къ полному разложенію?.. Развѣтїе жизни совершается всегда съ логическою

⁴²⁾ Бонль, *о вліяніи религіи на цивилиз.* гл. V, стр. 307.

⁴³⁾ Гизо, въ *Histoire de la civilisation en France* Vol II.

⁴⁴⁾ Тамъ же.

⁴⁵⁾ См. *Обозр. Пермск. раскола архим. Паладія*, Спб. 1863, въ гл. о живописныхъ иконахъ.

послѣдовательностию. Этотъ законъ исторіи имѣетъ мѣсто въ приложеніи какъ къ нормальнымъ явленіямъ жизни, такъ и къ ея неправильностямъ. Какъ бы ложно ни было то начало, выраженіемъ котораго служитъ раскольничья цивилизація, оно должно развиваться логически. Но какой *логическій исходъ* возможенъ для раскола? Ни поповщина, ни безпоповщина не выражаютъ всей мысли раскола, и эта мысль развита до послѣднихъ предѣловъ въ странничествѣ ⁴⁶⁾. И такъ «странничество» есть самый логическій и, слѣдовательно, необходимый исходъ раскола, какъ цивилизація! Но что такое странничество? Отрицаніе всякихъ государственныхъ, общественныхъ и семейныхъ связей и отношеній, отрицаніе всякихъ элементовъ цивилизаціи; возвращеніе къ дикости и звѣроподобію доисторическаго времени ⁴⁷⁾...

III.

Взглянемъ теперь на расколъ, какъ на политическую корпорацію. Какую будущность имѣетъ онъ, какъ *сила оппозиціонная государству*?

Извѣстно, что расколъ, на первыхъ порахъ своего существованія, представлялъ событіе чисто церковное. Это было явленіе, исключительно религіозное, вызванное исключительно интересами вѣры. Но жизненная идея раскола не могла ограничиться на всегда одною областію отвлеченнаго мышленія. Какъ продуктъ жизни, она должна была войти въ связь и ближайшее отношеніе къ другимъ вопросамъ, къ другимъ проявленіямъ жизни. Расколъ сдѣлался скоро и *противогосударственнымъ явленіемъ*. Эта противогосударственность раскола была логически-неизбѣжнымъ послѣдствіемъ развитія идеи раскола: Противогосударственность раскола была результатомъ его противокерковности ⁴⁸⁾. Понятія, выработанныя вѣковою жизнію народа

⁴⁶⁾ Ст. О противогосуд. элементѣ въ расколѣ, «Отч. Зап.» 1866 г. кн. 12, стр. 656.

⁴⁷⁾ Тамъ же, стр. 657.

⁴⁸⁾ Тамъ же, стр. 497.

въ сферѣ церковной жизни, не могли быть не перенесены въ область жизни государственной. Тѣмъ легче и удобнѣе это могло случиться, что въ эпоху происхожденія раскола, релігіозная сторона была преобладающею въ жизни, а церковь такъ проникала государство, что трудно было провести вограниченную черту между ними и указать, гдѣ оканчивалась церковь и гдѣ начиналось государство. Вражда на церковь соединилась въ расколѣ съ враждою и на государство! Въ историческомъ развитіи этого начала нельзя не отличать по крайней мѣрѣ двухъ періодовъ. Первый періодъ начинается первыми столкновеніями раскола съ властію гражданскою и оканчивается вмѣстѣ съ XVII вѣкомъ. Второй періодъ начинается воцареніемъ Петра I. Въ первомъ періодѣ расколъ постепенно теряетъ свою солидарность съ правительствомъ. Въ это время, такъ сказать, расчищается почва для будущаго противогосударственнаго дѣйствованія раскола, готовятся матеріалы для будущаго противогосударственнаго зданія. Во второмъ періодѣ, расколъ прямо становится въ положеніе, враждебное правительству, и начинаетъ противогосударственную пропаганду. Соловецкая осада, стрѣльцкіе мятежи, бунты Разина и Пугачева, въ которыхъ раскольники принимали дѣятельное участіе, ясно показываютъ, что расколъ пересталъ быть лишь церковнымъ дѣломъ, перешолъ на почву политическую. Раскольники отказались въ повиненіи правительству, подали руку политическимъ преступникамъ; это обстоятельство уже хорошо характеризуетъ ихъ отношеніе къ гражданской власти ⁴⁹⁾! Этому послѣднему обстоятельству въ особенности помогли строгія мѣры правительства. Первымъ, самымъ естественнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ, угнетеннаго положенія раскола было то, что раскольники тѣсно стали смыкаться между собою, начали группироваться въ кружки и общества, стали разсматривать себя, какъ «малое нѣкое стадо». Перевода это выраженіе на языкъ политики, раскольники образовали изъ себя «партію». Общее несчастіе всегда сближаетъ людей, заставляетъ ихъ забывать мелкія житейскія дразни и связываетъ ихъ общими думами и общими интересами; потому и раскольники, окруженные однѣми опасностями, связанные однѣми заботами, образовали изъ себя единое тѣло и единый

⁴⁹⁾ Стр. 498.

духъ. Легко понять, какое значеніе это обстоятельство имѣло для государства ⁶⁰⁾.

Такъ подготавливался этотъ «заколдованный кругъ», который впоследствии сталъ совмѣщать въ себѣ все, что не поладило съ государствомъ, все, что не уложилось въ рамки государственнаго строя! Смыкаясь въ кружки, чувствуя, слѣдовательно, себя въ «нѣкоторомъ родѣ силою», расколъ не могъ не придти къ мысли и объ упорномъ сопротивленіи правительству въ распоряженіяхъ, задѣвавшихъ его убѣжденія. Такъ называемый Соловецкій бунтъ былъ первою попыткою раскола въ этомъ родѣ. Въ соловецкомъ бунтѣ всѣ апостолы раскола закончили, болѣе или менѣе трагическимъ образомъ. Отъ этого въ глазахъ народа, они конечно стали еще выше. Явились ихъ хвастливыя, испещренныя младенческою фантазіею жизнеописанія. Развилась цѣлая историографія или, говоря вѣрнѣе—цѣлый «эпическій циклъ». Понятно, какіе идеалы чертила эта литература? Все, что было преслѣдуемо правительствомъ, возведено здѣсь до апогея. Правительство стало трактоваться, какъ орудіе демонской злобы ⁶¹⁾... Вотъ канва, на которой раскольническій эпосъ рисовалъ, да и доселѣ рисуетъ свои затѣйливыя картины! Всякій, имѣвшій терпѣніе прочесть эти картины въ раскольничьихъ кожаныхъ книгахъ, увидитъ, что въ этихъ рассказахъ слышатся такія ноты, которыя никакъ не гармонируютъ съ чувствами хорошаго гражданина... Не трудно сообразить, какую опасность готовило правительству развитіе этого духа? Извѣстно, какое могущественное вліяніе имѣетъ народная поэзія на нравственное развитіе народа. Она есть истинная воспитательница народа ⁶²⁾. Подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ складывается міросозерцаніе человѣка, образуется его чувство, получаетъ направленіе его вкусъ. Каково же стало быть было воспитаніе, которое получалъ расколъ, и насколько это воспитаніе соответствовало интересамъ правительства? Выстъ съ поэтически-сказочными сказаніями, народъ усваивалъ себѣ ихъ духъ, враждебный прави-

⁶⁰⁾ Стр. 499.

⁶¹⁾ См. Расколн. сказаніе объ Антихристѣ, еже есть Петръ I. — Также книгу профес. Н. Нильскаго Объ Антихристѣ, Спб. 1859.

⁶²⁾ См. Буслаева, О народной поэзіи.—О противогосуд. элементѣ въ расколѣ, «Отеч. Зап.» 1866 г. кн. 12.

тельству. Цѣлыя поколѣнія проникались этимъ духомъ. Но чѣмъ болѣе расколъ дѣлался враждебнымъ правительству, тѣмъ сильнѣе онъ начиналъ вѣрить въ себя, въ собственную силу. Расколъ видѣлъ, что онъ не падаетъ, но крѣпнеть, онъ видѣлъ, что онъ побѣждаетъ правительство своею фанатическою стойкостію. Легко понять, какъ это сознаніе возвышало и *надмывало* духъ раскола! Расколъ приобрѣталъ увѣренность въ томъ, что онъ непобѣдимъ; что его, какъ «стадо Христово», не одолѣютъ врата адавы... Сочувствіе народной массы еще болѣе поддерживало расколъ въ его самоувѣренности. Какой могъ быть выходъ изъ этой комбинаціи? Зарожденіе мысли, чтобы собственною силою приобрѣсть себѣ тѣ права, въ которыхъ отказывало ему правительство. Расколъ изъ положенія оборонительнаго перешелъ въ положеніе наступательное. Въ XVIII вѣкѣ вражда раскола къ государству изъ личной обратилась во вражду по принципу ⁵³⁾. Расколъ возненавидѣлъ новый правительственный духъ, обновлявшій Россію, возненавидѣлъ самое государство и сталъ враждовать не только противъ лицъ, но и противъ учреждений, хотя бы самыхъ благодѣтельныхъ, не только противъ извѣстныхъ постановленій, но и противъ всего государственнаго строя. Со времени Петра, расколъ становится, въ строгомъ смыслѣ слова, *противогосударственнымъ* ⁵⁴⁾. На дѣлѣ онъ заявляетъ себя противъ государства заговорами и бунтами политическаго характера; въ области теоріи противогосударственнымъ ученіемъ ⁵⁵⁾. Реформы Петра, коише рукоплескала Европа, и предъ которыми доселѣ благоговѣемъ мы, были встрѣчены полнымъ негодованіемъ раскольниками. Негодованіе народа было такъ сильно и такъ распространено, что жизнь самого Петра, этого творца новой Россіи, была въ постоянной опасности отъ раскольниковъ ⁵⁶⁾. Еще въ 1689 г. у раскольниковъ-стрѣльцовъ составленъ былъ заговоръ съ цѣлію убить «царя Петра ⁵⁷⁾», вводя-

⁵³⁾ Тамъ же, стр. 499. — Три Челобитныя, изд. Кожанчинова. — Расколъ дѣла XVIII в. Есипова Т. I, II.

⁵⁴⁾ А. Щапова, Русск. Раск. Старообрядч. Базань 1859.

⁵⁵⁾ О противогосуд. элементѣ въ расколѣ, «Отечест. Зап.» 1866 г. кн. 12, стр. 308.

⁵⁶⁾ Тамъ же, стр. 509.

⁵⁷⁾ Голицыновъ II, 193. — Раск. дѣла XVIII в. Т. I, стр. 103.

щаго новизны». Въ 1693 г. раскольникій монахъ проповѣдывалъ, что царю Петру не долго царствовать ⁵⁸). Въ томъ же году покушается на его жизнь другой раскольникій монахъ, по фамилиі Ампресъ ⁵⁹). Въ 1696 году, «за общимъ почти негодованіемъ, послѣдовалъ новый, страшный заговоръ на жизнь государя», заговоръ Циклера, Пушкина и Соковнина ⁶⁰). Можно представить, какъ былъ фанатизированъ народъ, какъ глубоко было его негодованіе противъ затѣвавшагося Петромъ дѣла? Въ раскольникахъ развилась политическая оппозиція!... Но на что народъ могъ опереться въ своемъ политическомъ отрицаніи? У него не было другой силы, кромѣ религіи; и вотъ онъ протестуетъ противъ благотворныхъ реформъ во имя религіи! Расколь— партія оппозиціи церковной—дѣлается центромъ, около котораго группируется оппозиція государственная. Расколь *силою обстоятельствъ* вовлеченъ въ положеніе представителя національныхъ интересовъ противъ правительства. Надежды народа, непонявшаго Петра, обратились къ расколу. Подъ знаменемъ раскола возникли народныя движенія, направленныя къ уничтоженію новыхъ государственныхъ порядковъ. Въ Астрахани, въ 1705 г., раскольники составили планъ ⁶¹) возмутить всѣ города, идти потомъ на Москву и перебить бояръ. Заговорщики начали тѣмъ, что убили Астраханскаго воеводу Ржевскаго со всѣмъ семействомъ, перебили другихъ знатныхъ людей до 300 человекъ ⁶²). Петръ отправилъ туда: фельдмаршала Шереметева. Послѣ переговоровъ, не имѣвшихъ никакого успѣха, фельдмаршалъ долженъ былъ обложить Астрахань ⁶³). Бунтовщики заперлись въ городѣ, отстрѣливались отъ царскихъ войскъ и поглялись между собою обороняться до смерти. Попытка взять Астрахань приступомъ не удалась, и Шереметевъ открылъ канонаду по городу. Сильное дѣйствіе бомбардировки заставило мятежниковъ покориться. 13 Марта Шереметевъ вступилъ въ Астрахань ⁶⁴). Все

⁵⁸) Голиковъ I, 210—211.

⁵⁹) Тамъ же, стр. 241.—«Отеч. Зап.» 1866 г. т. 12, стр. 508.

⁶⁰) Голиковъ I, стр. 552.

⁶¹) Тамъ же, II, стр. 188—193.

⁶²) См. Ист. С. Соловьева объ Астраханск. бунтѣ при Петрѣ I.

⁶³) Голиковъ II, 193.

⁶⁴) Тамъ же, стр. 189—190.

это было очень глупо со стороны горсти мятежниковъ, но все это было! Скоро раскольникъ Булавинъ произведетъ движеніе въ интересахъ той же старой вѣры, за которую бились его предшественники 1705 года. Движеніе Булавина ⁶⁵⁾ грозило чрезвычайно печальными послѣдствіями для государства. Въ короткое время онъ поднялъ весь раскольничій Донъ и послалъ пятитысячный отрядъ для взятія Азова. Все это происходило въ ту пору, когда къ предѣламъ Россіи приближался побѣдоносный Карлъ XII. Государь послалъ противъ бунтовщиковъ 20,000 войска, подъ начальствомъ князя Долгорукова, брата убитаго мятежниками ⁶⁶⁾. 11 Мая Долгоруковъ доносилъ государю, что онъ разбилъ товарища Булавина, хохла, съ 15,000 войска. Азовъ счастливо отдѣлался отъ раскольниковъ-казакъ ⁶⁷⁾! Мистико-апокалипсическія схемы, подъ которыми раскольники мыслили дѣло церковнаго преобразованія, цѣликомъ перенеслись на дѣло гражданскаго преобразованія. И Никонъ, и Петръ сдѣлались одинаково противонаціональны и, съ точки зрѣнія раскола, одинаково богоборны ⁶⁸⁾... Но Никона называли антихристомъ еще первые расколуучители, а затѣмъ расколъ послѣдовательно пришелъ къ той мысли, что и Петръ антихристъ ⁶⁹⁾. И такъ въ Россіи явилась наконецъ мысль о царѣ, какъ объ антихристѣ! И это въ такомъ государствѣ, гдѣ любовь къ царю составляла искони характеристичную черту народа. Народъ прославлялъ царей и князей въ пѣсняхъ и былинахъ. Въ православныхъ русскихъ государяхъ народъ видѣлъ живые свои идеалы ⁷⁰⁾. Нигдѣ государи не были такъ популярны, какъ у насъ, и однако ученіе о Петрѣ, какъ антихристѣ, по милости раскола, сдѣлалось отвѣтомъ народа на его благодѣтельныя ре-

⁶⁵⁾ О противогосуд. элементѣ въ расколѣ, «Отеч. Зап.» 1866 г. кн. 12, стр. 510.

⁶⁶⁾ Голиковъ, II, 436—437

⁶⁷⁾ Тамъ же, II, 450.

⁶⁸⁾ «Отеч. Зап.» 1866 г. кн. 12, стр. 511.

⁶⁹⁾ Раск. дѣла XVIII в. Есипова, I, II.—Разказы изъ Истор. Старообрядч. С. Максимова.—Челобитныя раскол. изд. Кожанчикова.—Объ Антихр. прот. Никонѣ, соч. И. Нильскаго, Спб. 1859.—А. Шапова, Русск. Раск. Старообр. Казань 1859.

⁷⁰⁾ О противогосуд. элементѣ въ расколѣ, «Отечест. Зап.» 1866 г. кн. 12, стр. 512.

формы. Эпоха Петра сдѣлалась временемъ полного и всесторонняго раскрытія противогосударственнаго элемента раскола. И такъ, исторія несомнѣнно показываетъ, что кромѣ религіозной корпораціи расколъ есть и *политическая сила, оппозиціонная государству!*

Но какъ партія, какъ выраженіе гражданской оппозиціи, расколъ удивляетъ скудностію своего содержанія. Онъ не имѣетъ никакихъ ясно очерченныхъ идеаловъ. Вся политическая агитація его ограничивается отрицаніемъ и отрицаніемъ. Но кто не знаетъ, что отрицаніе можетъ имѣть силу на столько, на сколько оно опирается на какихъ либо положительныхъ данныхъ? Расколъ между тѣмъ, отрицающая существующій порядокъ вещей, не даетъ себѣ труда выработать теорію новаго, желаемаго порядка. Расколъ и до сихъ поръ ограничивается одной отрицательной работой. Нигдѣ, никогда онъ не высказалъ чего онъ хочетъ, какъ, по его мнѣнію, должно устроиться государство, на какихъ началахъ должна развиваться государственная жизнь? Въ этомъ исключительно отрицательномъ характерѣ раскольничьей оппозиціи, въ этомъ, если такъ можно выразиться, политическомъ нигилизмѣ раскола—зародышъ его паденія, какъ политической партіи ⁷¹⁾). Извѣстна судьба всѣхъ нигилистическихъ ученій. Явившись въ благоприятное время, они пріобрѣтаютъ громадное число послѣдователей, по той простой причинѣ, что отрицаніе, не составляя тяжелой мозговой работы, все же даетъ нѣкоторое успокоеніе мысли. Но это ученіе—минутно; мысль начинаетъ искать точки опоры, положительнаго основанія своихъ воззрѣній, и съ этихъ поръ начинается паденіе нигилизма ⁷²⁾).

Несомнѣнно, что и расколъ, какъ политическое ученіе, не избѣгаетъ общей участи нигилистическихъ ученій. По той мѣрѣ, какъ начнутъ возвышаться сознаніе его послѣдователей, какъ будутъ пробуждаться въ нихъ разумныя потребности, расколъ, какъ политическая партія, будетъ чувствовать себя слабѣе и слабѣе... Чего въ самомъ дѣлѣ хочетъ расколъ? «Онъ хочетъ, по остроумному выраженію Шеддо-Ферротти ⁷³⁾, не свободы и равенства; онъ хочетъ бояръ

⁷¹⁾ Тамъ же, стр. 653—654.

⁷²⁾ Локкъ, Works. Vol II, p. 20—60.—Джонъ Стюартъ Милль въ книгѣ О свободѣ (von der Freiheit).—Бокль, Истор. Цивил. въ Англ. Т. I, гл. V.

⁷³⁾ Etudes sur l'avenir de la Russie par Chedo-Ferroti. VII, p. 169—170.

и князей, но непременно длиннородыхъ, въ особенности же царя, который умѣлъ бы распорядиться съ ними безъ всякой церемоніи. Если раскольники протестуютъ противъ существующихъ законовъ, то это не значитъ, что они требуютъ законовъ болѣе либеральныхъ. Они хотятъ возвратиться къ законамъ XVI вѣка, въ сто разъ болѣе суровымъ и варварскимъ, но которые имѣютъ за собою прелесть старины и изложены церковнымъ языкомъ. Что же касается до учреждений представительныхъ, то раскольники не только не желали бы ихъ, но безусловно осудили бы ихъ, потому что ни вселенскіе соборы, ни св. Кириллъ, ни пр. Ефремъ никогда не говорили о подобныхъ учрежденіяхъ. Необходимость царя, самодержца всея Россіи, для раскольниковъ такая же безусловная истина, какъ необходимость верховнаго главы церкви. То, чего они требовали бы отъ идеальнаго царя своего, заключается въ слѣдующемъ: чтобы онъ не удалялся отъ правовъ и обычаевъ народа, отъ котораго онъ долженъ отличаться только особенною роскошью платья. Царь ихъ долженъ носить длинную бороду, строго соблюдать посты и дни воздержанія, ходить каждую недѣлю въ баню, запрещать балы, спектакли, маскарады. Такого царя раскольники провозгласили бы истиннымъ на мѣстникомъ Христа, и охотно подчинились бы самымъ деспотическимъ его распоряженіямъ». Въ этомъ остроумномъ отзывѣ о нашемъ расколѣ иностраннаго ученаго большая доля правды! Доказательства на лицо. Вотъ какъ отзывался въ новѣйшее время расколъ ⁷⁴⁾ на мысль о конституціи и либерализмѣ нашихъ ученыхъ вообще: «хочу открыть вамъ, писалъ недавно раскольникамъ всей Россіи знаменитый ученый раскольничій ⁷⁵⁾, глава безпоповщинской сенты, ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что значитъ ножъ, медомъ помазанъ, и уготовляется, рано или поздно, на закланіе всего міра... Вамъ довольно въ предосторожность только слова того, если услышите «конституція» — *бойтесь, аки нѣкоего кровожаднаго губителя*, являющагося къ вамъ подъ видомъ благотворителя. «Къ поповцамъ всей Россіи, также было недавно соборное посланіе ⁷⁶⁾ та-

⁷⁴⁾ Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій, сочин. Субботина. М. 1867 г.

⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 5.—Письма инока Павла.

⁷⁶⁾ Архипастыр. посланіе къ русск. старообряд. изд. Кирилломъ 24 февр. 1863 г.

кого содержанія: «Къ симъ же завѣщаю вамъ, возлюбленніи, всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе; и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтесь и бѣгайте, яко же отъ мятежныхъ крамольниковъ поляковъ, тако наипаче отъ злокозненныхъ безбожниковъ, гнѣздящихся въ Лондонѣ (Искандеръ, Огаревъ, Бакунинъ и др.) и оттуда своими писаніями возмущающихъ европейскія державы... Бѣгайте убо оныхъ *треклятыхъ*, имъ же образомъ бѣжить человекъ отъ лица зѣрей страшныхъ и змievъ пресмыкающихся; то бо суть *предтечи антихристовы*, тщащія безначаліемъ приготовить путь сыну погибельному. Вы же не внимайте *лапнѣмъ силъ псовъ адскихъ*, представляющихся аки-бы сострадающими о человѣчествѣ, но вѣруйте, яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учиняетъ есть начальство во общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнуть сильнѣйшимъ, немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко бы безначаліе всюду зло есть и сліянію виновно»...

И такъ, изъ политическаго нигилизма раскольниковъ не выработалось ничего положительнаго! Да иначе и быть не могло, ибо политическій радикализмъ раскола составляетъ вопіющее противорѣчіе національному характеру раскола ⁷⁷⁾. Царелюбіе, довѣріе къ царскому правительству составляетъ искони характеристическую черту всего русскаго народа ⁷⁸⁾. Опозиціонное отношеніе къ верховной власти, какое выражаетъ расколъ, совершенно, не въ натурѣ русскаго человека, и есть истинное *насиліе* національнаго характера. И такъ какъ гражданская оппозиція раскола выродилась благодаря лишь *случайнымъ обстоятельствамъ*, а вѣра въ царя и правительство составляетъ исконное, необходимое свойство русскаго духа, то не трудно угадать, какому началу суждена побѣда въ этой борьбѣ національнаго характера съ самимъ собою? Случайныя причины, поддерживающія и развивающія гражданскій радикализмъ раскола какъ скоро исчезнутъ, тогда необходимое свойство русскаго національнаго характера отпразднуетъ торжественную побѣду... Такъ оно и

⁷⁷⁾ О противогосуд. элементѣ въ расколѣ, «Отечес. Зап.» 1866 г. кп. 12.—В. Фармаковскаго стр. 653.

⁷⁸⁾ Тамъ же, стр. 654.

случилось. На самомъ дѣлѣ! Исторія не умолима! Не исторія править народомъ, а народъ родить исторію.

IV.

Въ 1865—1866 г. совершились великія событія для Россіи. На царя русскаго сдѣлано было два покушенія убійць, одно въ Петербургѣ, другое въ Парижѣ. Всѣ 70 милліоновъ царства русскаго возстали какъ одинъ человекъ и, соединясь въ общемъ негодованіи на убійць, посылали безчисленное количество адресовъ къ нынѣ царствующему Императору Александру II, изъявляя непритворную вѣрнопоподаническую радость о его спасеніи. Могли ли оставаться равнодушными къ этому всероссійскому народному движенію раскольники? Конечно, нѣтъ? Они *тѣ же русскіе люди, съ тою же русскою кровію въ жилахъ*, лишь изъ-за недалекости религіозной и излишней *ревности не по разуму* къ обрядимъ вѣры... размолвившіеся съ нами и съ своимъ царемъ. И вотъ со всѣхъ концовъ Россіи, — изъ Сибири и Кавказа, съ Дона и Астрахани, изъ Архангельска и Западнаго края, забывъ случайную размоловку, шлютъ они вѣрнопоподаническіе адреса ⁷⁹⁾ царю своему, выражая искреннюю преданность и любовь къ нему, какъ значится и въ ихъ книгахъ, Богомъ вѣнчанному для русскої земли монарху, помазаннику Божію. Коноводы раскольничьи въ Москвѣ и по городамъ, что на счетъ темнаго раскола набиваютъ лишь золотомъ свои мѣшки... дрогнули и бѣсились ненашутку вмѣстѣ съ либералами лондонскими, при видѣ этихъ нежданнхъ событій въ расколѣ. Раскольники *однимъ почеркомъ пера зачеркнули всю прошлую исторію* вражды противъ царя и правительства и, стряхнувъ съ себя случайно надѣтыя путы, стали наравнѣ со всѣми прочими предъ престоломъ своего русскаго царя... Почтенные лондонскіе мудрецы (Искандеръ, Огаревъ, Бакунинъ) быть можетъ сказавшіе подчасъ не мало правды о Россіи по другимъ вопросамъ, въ вопросѣ раскольничьемъ сѣзались до осра-

⁷⁹⁾ См. «Сѣверную Почту» за эти года. Также книгу Вѣрнопоподаническихъ адресовъ, особо изданную.

мленія!.. Испугавшись раскольниковыхъ адресовъ, они на страницахъ «Колокола» и «Общаго Вѣща» восклицали: «чего это раскольники испугались? Чѣмъ ихъ всѣхъ такъ настраивали, что нельзя больше удержать вопль, крикъ, плачь, завыванье патріотизма, усердіе безъ границъ, преданность безъ смысла? Адресы, панихиды, молебны на чистомъ воздухѣ и въ воздухѣ, продымленномъ ладономъ, адреса отъ грамотныхъ и безграмотныхъ, отъ старообрядцевъ и новообрядцевъ» и пр. ⁸⁰⁾. Они глумились надъ тѣмъ, какъ составлялись старообрядческіе адреса, издѣвались надъ старообрядцами города Снаска, которые будто бы, по ихъ словамъ, «до того заврались и запутались въ вѣрноподданическихъ постромахъ, что въ адресъ Государю, начали хвастаться, что у нихъ есть собратья по вѣрѣ, М. Караушевъ, который ловилъ поляковъ въ Тамбовской губерніи, былъ по охотѣ, по влеченію, сыщикомомъ, донощикомомъ—и это ставится, прибавляя г-нъ Герценъ, въ заслугу и доказательство вѣрноподданичества». Только г-нъ Герценъ, ничего, смѣюмъ сказать, не понимающій въ расколѣ, съ своими адептами, могъ не видѣть дѣйствительно патріотическаго подвига въ томъ, чтобы ловить и предавать въ руки законной власти возмутителей внутренняго порядка, будутъ ли то поляки или агенты какого нибудь ненавидящаго Россію заграничнаго общества, съ прокламаціями и фальшивыми манифестами въ рукахъ, какихъ именно ловили старообрядцы въ Тамбовской губерніи. И какъ ясно, эти безсильной злобы ругательныя прозвища «сыщиками» и «донощиками» обличаютъ въ издатель «Колокола» внутреннюю досаду и раздраженіе противъ обманувшихъ его надежды русскихъ раскольниковъ! *Непрошенныя* заграничныя друзья раскола взываютъ къ раскольникамъ, стараясь, какъ и многіе наши русскіе литературные мудрецы, *навязаться* имъ въ друзья, а раскольники нишуть царю русскому въ адресахъ слѣдующее ⁸¹⁾: «Завистники рѣшились клеветать, будто бы они ииѣютъ между старообрядцевъ людей, готовыхъ раздѣлять съ ними преступные замыслы. Они совершенно оклеветали насъ! Возможно ли подумать, чтобы соблюдающіе священныя

⁸⁰⁾ Расколъ какъ орудіе враждебныхъ Россіи партій, Н. Субботина, М. 1867, стр. 137.

⁸¹⁾ Вѣрнопод. адресъ Клинцовскихъ раскольниковъ къ Государю Императору Александру II. См. книгу: Раск. какъ оруд. враждеб. Россіи партій Н. Субботина, стр. 137—140.

обряды праотцевъ, имѣли сочувствіе ко врагамъ и опустошителямъ древней святыни, не щадившимъ ни святительской, ни царской крови?

Старообрядцы обряды оказывать *должное почитаніе богоустроеннымъ властямъ*, и всегда возсылали къ Всевышнему теплыя молитвы, моленія же, прощенія и благодаренія за царей *и за вся, иже во власти суть*, по наставленію святыхъ апостоловъ и святыхъ отецъ.

Милосердаго тебе царя освободителя народовъ мы любимъ и почитаемъ сугубо, какъ богопоставленнаго Монарха и какъ щедрого отца, и непопускаемъ не только какого замысла противна, но даже и слова неподобна произносить кому либо изъ насъ. Великій Государь! Повѣрь словамъ нашимъ: мы святое писаніе приедемъ, какъ словеса Божія, и вѣруемъ, что безначаліе всюду зло есть и слянія виновно, что Богъ вообщую пользу начальство учинилъ есть и что безчисленная благая властью во градѣхъ бывають и безъ оныхъ вся погибнуть, ничего же постоять, но вся превратятся, сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ пожирающимъ. Къ сямъ же научаемся, что царей самъ Богъ поставляетъ, самъ рукополагаетъ и самъ помазуетъ ихъ на царство. Той даетъ имъ скипетръ и державу царствія, и той владѣетъ царствомъ человѣческимъ, и ему же восхоцетъ дать е. Яко же бо око всаждено есть тѣлу, тако царь мірови присоставится отъ Бога въ поспѣшество полезныхъ; и существомъ убо тѣлеси равенъ есть всякому человѣку царь, властію же достоинства подобенъ есть иже надо всѣмъ Богу! не и мать бо на земли себе высочайшаго. Царь есть законное настоятельство, общее благо всѣмъ послушливымъ. И яко устремленіе водное, тако и сердце цареве въ руцѣ Божіи; яко дана есть отъ Бога держава имъ и сила отъ вышняго».

«Такъ научаютъ насъ древнія книги наши о царскомъ достоинствѣ понимать! И мы въ сердцѣ нашемъ чувствуемъ совершенно то, что выражено здѣ на бумагѣ, а тѣмъ самымъ опровергается клевета, вводимая на насъ отъ мятежныхъ крамольниковъ.»

Въ другомъ адресѣ, составленномъ по случаю преступнаго покушенія на жизнь Государя Императора, написано: «Государь! всѣхъ враговъ Твоихъ, стремящихся къ уничтоженію богоустроенной власти, вѣнчаемъ врагами нашего любезнаго отечества, похитателями ученія св. церкви, разрушителями апостольскихъ преданій, противными Богу, устроившему начальства во общую пользу, и *предо-*

течами антихриста, тщащимися безначаліемъ уготовати путь сыну погибельному» ⁸²⁾. Чего же тутъ разсуждать еще? Не ясно ли, что всевозможнымъ непрощеннымъ литературнымъ друзьямъ раскола, особливо дешеваго либерализма, нечего дѣлать у раскольниковъ? И все-таки мы постоянно читаемъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ (!) статьи этихъ грошovýchъ непрощенныхъ друзей раскола, взывающихъ, какъ жрецы Ваала, къ раскольникамъ, навязывая имъ то, чего они *во вьки не примутъ*... Коноводы раскольниковъ, что не имѣютъ давно *никакой религіи*— а такіе есть въ Россіи и, въ частности, въ Москвѣ,— что опаняваютъ шампанскимъ малосмыслящихъ русскихъ писателей, боясь за свои золотые шьшки, что подкупаютъ сомнительной честности редакторовъ— эти коноводы пускаютъ, съ помощію купленныхъ друзей, прокламаціи къ расколу, чтобы онъ, противодѣйствуя царю и правительству въ его рѣшеніяхъ, крамольничалъ; а масса раскола читаетъ посланія о непрощенныхъ дешеваго качества либералахъ такого содержанія: «Въгайте убо оныхъ *треклятыхъ*, имъ же образомъ бѣжать челоувѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ и змиевъ пресмыкающихся, то бо суть *предотечи антихристовы*, тщащійся *безначаліемъ* предуготовати путь сыну погибельному. Вы же не внимайте *малкіямъ сивъ нсовъ* адскихъ, *представляющихся* аки бы *состраждующими о челоувчествъ*, но вѣруйте, яко Богъ есть творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть *начальство во общую пользу*, безъ него же вся превратятся и погибнуть сильнѣйшимъ, немощнѣйшихъ пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и слянію виновно» ⁸³⁾. Не правда ли, комично вѣдь положеніе литературныхъ друзей и совѣтниковъ раскола? И скажемъ прямо, что другаго исхода расколъ въ Россіи и имѣть не можетъ! Случайная размолвка *не въ силахъ пердѣлатъ національннго духа*; національная черта, о которой у насъ рѣчь, не могла быть изглажена въ два вѣка исторіи, самой неблагоприятной для ея поддержанія. Въ эти два вѣка весь ходъ событій направленъ былъ къ тому, чтобы раскольниковъ потерять всякое довѣріе къ верховной власти. И все-таки расколъ *не*

⁸²⁾ Тамъ же, стр. 137.

⁸³⁾ Тамъ же, стр. 5.

потеряла любви и довѣрія къ верховной власти, хотя верховная власть была постоянно противъ раскола! Царелюбіе и вѣра въ царское правительство до сихъ поръ глубоко коренятся въ расколѣ и время отъ времени заявляютъ себя знаменательными явленіями ⁸⁴). Едвали мы нынѣ найдемъ гдѣ нибудь раскольника, который бы питалъ ненависть къ царствующему дому. Всѣ раскольники, въ глубинѣ души, любятъ царя, увѣрены также, что и царь ихъ любитъ, и стоять Государю лично очутиться среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ и напомнить о своемъ единокровіи съ ними — и они какъ пласть падутъ предъ нимъ на землю съ чистосердечнымъ раскаяніемъ! Кто имѣлъ возможность прочесть *достоверныя описанія личныхъ соприкосновеній* нашихъ Государей съ раскольниками, тотъ, не будучи пророкомъ, можетъ всегда съ достовѣрностію сказать, что расколъ не можетъ имѣть иного исхода, кромѣ возвращенія снова къ своему царю. Расколъ скорѣе готовъ отказаться отъ вѣры въ осязательный и очевидный фактъ, нежели отъ вѣры въ Государя ⁸⁵). Не перечисляя множества достовѣрныхъ фактовъ о впечатлѣніи личного присутствія царей русскихъ на раскольниковъ, мы просимъ читателей обратить вниманіе на помѣщенные нами нарочито факты въ настоящей нашей книгѣ, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Императоры Павелъ Петровичъ и Николай Павловичъ у петербургскихъ и черниговскихъ раскольниковъ». — Что говорятъ эти факты? Что говоритъ и фактъ посѣщенія въ неочень давнее время «Рогожскаго кладбища» въ Москвѣ покойнымъ Наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ и братомъ его, Великимъ Княземъ Александромъ Александровичемъ, нынѣ Наслѣдникомъ Престола? Когда дѣти царскія явились, 9-го сентября въ 3 часа по полудни, на раскольникѣе Рогожское кладбище, то первымъ долгомъ посѣтили единовѣрческую церковь, устроенную знаменитымъ В. А. Сапѣлкинымъ. По выслушаніи ектеніи и многолѣтія въ означенномъ храмѣ, покойный Наслѣдникъ, принявъ поднесенную единовѣрцами икону Спасителя и поблагодаривъ ихъ, сказалъ всѣмъ собравшимся тутъ единовѣрцамъ: «Я радъ, что вы присоединились изъ раскола къ православной церкви и вмѣстѣ

⁸⁴) О противогосудар. элементѣ въ расколѣ, «Отеч. Зап.» 1866 г. кн. 12 стр. 654.

⁸⁵) Тамъ же, стр. 5.

съ нами молитесь Господу Богу о дарованіи намъ побѣды надъ общими намъ врагами!» Раскольники, сбѣжавшіеся изъ Москвы на кладбище свое, павши на колѣни передъ дѣтьми царскими, слезно молили ихъ — посѣтить ихъ раскольниковыи моленные, забывши все свои книги кожаныя, гдѣ писались злословія противъ русскихъ Царей. Покойный Наслѣдникъ отвѣчалъ имъ: «Я дотолѣ не войду въ вашу часовню, пока владыка митрополитъ не освятитъ ее.» Послѣ этого, направясь къ раскольниковой холодной часовнѣ и, взойдя лишь на паперть оной къ западнымъ дверямъ, остановился посмотрѣть изъ двери во внутренность часовни, не входя въ оную. Когда раскольники вновь стали умолять Цесаревича осчастливить ихъ часовню своимъ посѣщеніемъ, то покойный Наслѣдникъ повторялъ имъ снова тѣже самыя слова, но только гораздо громче, и при этомъ присовокупилъ: «Когда владыка митрополитъ будетъ освящать вашу часовню, то я самъ пріѣду къ вамъ на освященіе.»

— Ваше Высочество! говорили раскольники стоя на колѣняхъ. — Развѣ мы не такіе же вѣрныя дѣти помазанника божія, царя нашего, а Твоего родителя, какъ и всѣ? Удостой насъ... не оставь!

— Зачѣмъ же вы покидаете нашу общую церковь? возразилъ покойный Наслѣдникъ.

— Да такъ ужъ насъ научили наши отцы и дѣды!

Раскольники другаго отвѣта путіе этого и дать не могли...

Дѣти царскія раскольниковыхъ моленныхъ такъ и не посѣтили, но раскольники до самыхъ воротъ кладбища бѣжали за царскою коляскою и все съ тою же мольбою ⁸⁶⁾ на устахъ, увѣряя въ своей непоколебимой любви къ престолу царскому, забывши, что языкъ ихъ, въ разладѣ съ сердцемъ, незадолго предъ тѣмъ твердилъ слова, что царь и всѣ православные—слуги антихриста:.. Съ этого дня многіе, видѣвшіе въ первый разъ лицомъ къ лицу царскихъ дѣтей, обратились въ единовѣріе.

V.

И такъ, русскій расколъ старообрядчества не имѣетъ въ себѣ ни-

⁸⁶⁾ Донесеніе Министру Вн. Дѣлъ смотрителя Рогожскаго кладбища. Архивн. дѣло.

чего, что бы давало ему право на долговѣчность, что бы въ самомъ дѣлѣ заслуживало нашего легбѣнія. Это секты нецивилизующія! Только незнающіе раскола покороче могутъ воздѣвать къ нему руки и подобострастно видѣть въ немъ какую-то будущую силу... Въ какое же, страшивается, положеніе церковь и государство, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, должны стать къ расколу? Вотъ вопросъ! Последнее слово, какое сказали расколу церковь и государство — это Высочайше утвержденное постановленіе комитета министровъ «терпѣть расколъ, какъ грустную необходимость, какъ дань невѣжеству». На этомъ основаніи раскольникамъ предоставлена полная свобода богослуженія, безъ внѣшняго разуѣтса, къ соблазну православныхъ, оказательства. Ихъ бѣглыхъ и самозванныхъ архіереевъ не трогаютъ, ихъ бродягъ-поповъ не преслѣдуютъ, въ ихъ дурачества и безобразія не вмѣшиваются, лишь бы они не осмѣливались оказывать свое нецивилизующее вліяніе на православныхъ, которымъ, во всякомъ случаѣ, предстоитъ впереди дорога общаго прогресса, а не тьмы раскольничьей... Правительство и церковь рѣшились совершенно *инорировать* темный расколъ, какъ будто бы его нѣтъ въ государствѣ. Дальше этого ни церковь, ни государство въ вопросѣ собственно раскольничьемъ идти не могутъ. Это дѣло рѣшенное! Государственное узаконеніе бѣглой раскольничьей іерархіи невысказано; это значило бы разрубить главу церкви на двѣ части въ то время, когда на православную церковь, какъ чистый источникъ Вселенской церкви, устремлены взоры Англіи и Америки. И изъ-за чего же попушаться на цѣлостность церкви? Изъ-за горсти невѣжества и тьмы, которой неумолимая исторія подписала уже приговоръ!... Россія, слава Богу, твердо стала, наконецъ, на пути прогресса, просвѣтившаго мысленныя очи не одного темнаго государства, а потому ребячье иѣжничанье и уступки въ вопросѣ раскольничьемъ въ ущербъ лучшаго будущаго русскаго народа намъ нынѣ, болѣе чѣмъ когда либо, не къ лицу... Время, безъ нашего вмѣшательства, дѣлаетъ свое дѣло. Невѣжественные раскольничьи бѣглые архіереи, что не умѣютъ грамотно подписать даже имени своего ⁸⁷⁾,

⁸⁷⁾ Намъ доводилось видѣть подпись коломенскаго мужика, села Настасьина Андрея Ларіонова Шутова, мыши самозванно величающагося московскимъ архіереемъ Антоніемъ, на бумагахъ и онъ виѣсто «Антоній», подписывается каракулями *Антуній*.

давно передрались и перессорились, поумнѣе изъ нихъ перешли въ единовѣріе, поглупѣе путаются еще въ расколѣ, дерзостно благословляютъ фанатиковъ на пролітіе крови своихъ согражданъ, какъ въ Крымскую войну, и вытягиваютъ деньги изъ мѣшковъ коноводовъ раскольничьихъ на свое содержаніе. Но близко время, когда ихъ будутъ связывать сами же раскольники, какъ надобвшихъ крамольниковъ и выдавать первому становому приставу, чтобы только отъ нихъ отдѣлаться.... Недавно уже въ Москвѣ, на соборѣ раскольничьемъ, лучшие изъ раскольниковъ обозвали всю австрійскую іерархію «самозваннымъ бродячимъ стадомъ», которому прямое мѣсто въ арестантскихъ кутузкахъ... И это явленіе совершенно логичное! Вся эта купленная австрійская іерархія навязана расколу, ее народъ совсѣмъ не просилъ. Это была затѣя московскихъ коноводовъ для потѣхи своего самолюбія и для вѣрѣйшаго набиванія своихъ кармановъ чрезъ прикованіе массы народной къ своей особѣ. Но что навязано—то непрочно. Это аксіома. Вотъ почему мы со всею искренностію возстаемъ противъ этихъ коноводовъ раскола, желая одного: сторвать отъ нихъ народъ, привязанный къ нимъ искусственными путями... Страсти раскола нынѣ улеглись, элементовъ горючихъ, — помѣщичьяго рабства, правительственнаго гоненія, безпощаднаго взяточничества и общественной безурядицы, — на Руси не стало, и раскольники начинаютъ забывать все прошлое старое. Къ величайшему счастью, мы живемъ уже въ другое время. Характеръ нашей государственной жизни окончательно измѣнился. Основаніемъ русской государственной практики въ настоящую пору служатъ не какія нибудь отвлеченныя идеи, но потребности дѣйствительной жизни... Государственная дѣятельность наша приняла теперь *народное направленіе*. вмѣстѣ съ этимъ кредитъ государства поднялся и въ глазахъ раскола до такой степени, какъ никогда прежде. Ни одно правительство не получало отъ раскола столько выраженной довѣри, какъ правительство нынѣ царствующаго Государя. Къ нему обращается расколъ съ откровеннымъ заявленіемъ своихъ нуждъ. Въ тяжкую пору смутнаго времени, ему приносятъ расколъ свою сильную помощь; привѣтствуетъ онъ, по мѣрѣ возможности, и реформы, и незамѣтно втягивается понемногу въ общегосударственную жизнь. И самая догматика раскола доживаетъ свой вѣкъ ⁸⁸⁾. Ре-

⁸⁸⁾ О противогосуд. элем. въ расколѣ «Отеч. Зап.» 1866 г. кн. 12.

формированіе ея дѣлается необходимою. Ученіе объ антихристѣ, которое составляетъ центръ раскольничьей догматики, въ послѣднее время, съ измѣненіемъ внѣшнихъ отношеній раскола, потеряло все свое жизненное значеніе. вмѣстѣ съ этимъ вся догматика раскола потеряла точку опоры, и все зданіе раскольничьяго вѣроученія колеблется. Наступленіе кризиса чувствуется самими раскольниками. Лучшіе люди склоняются къ господствующей церкви и обращаются дружно въ единовѣрія, которое въ послѣдніе годы увеличилось на 107,670 человекъ⁸⁹⁾. Для раскола заданъ роковой вопросъ: быть или не быть? Въ обстоятельствахъ настоящаго времени мы видимъ, такимъ образомъ, ясныя предвѣстія наступающей побѣды государства надъ расколомъ. Мы живемъ на разсвѣтѣ того дня, въ который совершится сліяніе раскола съ государствомъ. Мы уже ощущаемъ наступленіе этой эпохи. Бросающіе расколъ, преспокойно смѣшиваются съ нами, учатъ дѣтей своихъ въ нашихъ заведеніяхъ, въ гимназіяхъ и университетахъ, отдають дочерей въ институты и консерваторіи, посѣщаютъ ученые общества, всѣ общественныя собранія и съ улыбкою, какъ намъ лично доводилось не разъ быть свидѣтелями, вспоминають то темное время, когда они имѣли несчастіе путаться среди бѣглыхъ, безграмотныхъ раскольничьихъ бучвождовъ, ненавистниковъ російскаго просвѣщенія..... Къ чему же литературѣ русской въ такое время раздувать улегшіяся страсти? Честно ли это? Не пора ли кончить тянуть старую пѣсню о расколѣ, не время ли перестать вѣшать на расколъ какъ на *впшалку* всевозможныя, кому какія въ голову придуть, утопіи и тенденціи, о коихъ расколъ и понятія не имѣетъ? Не пора ли, наконецъ, говорить о немъ языкомъ правды и трезваго взгляда? Вѣдь писалъ же Вас. Кельсіевъ съ легкой руки дешеваго либерализма самыя ребяческія предисловія къ своимъ «лондонскимъ правительственнымъ сборникамъ о расколѣ», а наши дешевые литераторы рукоплескали этой болтовнѣ, а нынѣ, наконецъ, устыдившись своего писанія, Кельсіевъ отрекся отъ него торжественно. Что же остается дѣлать рукоплескавшимъ ему? Да и кому мы будемъ служить, расхваливая безъ толку темный расколъ? Ко-

⁸⁹⁾ Историч. очеркъ единовѣрія, изд. Т. Верховскаго Спб. 1867 г. стр. 194—195.

новодажь раскола? Но нельзя же печатное слово обращать въ *возорное орудіе служенія золотымъ мышкамъ!*.. Да и какъ цѣнить эти коноводы продажныя литературныя услуги? *«Что литераторы русскіе! въ грубомъ самолюбіи выражаются они. Этимъ писакамъ стоитъ поставитъ ящикъ шампанскаго, ну они и заорутъ за насъ, да еще какъ заорутъ-то!»!*.. Подлинное выраженіе московскихъ тузовъ раскольничьихъ, за которое мы ручаемся. Въ этомъ выраженіи нельзя не видѣть, по крайней мѣрѣ, *откровенности...*

Вотъ все, что мы, въ краткомъ предисловіи ко второму изданію своей книги, чтобы не быть криво понятыми, нашли *вынужденными* сказать о русскомъ расколѣ старообрядства. Знаемъ, что сказанное нами пожалуй не понравится многимъ изъ писателей нашихъ; даже тѣхъ, съ которыми мы нѣсколько лѣтъ по литературнымъ трудамъ близки. Но что дѣлать? *Amicus mihi Plato, amicus Aristoteles, sed magis amicus veritas.* Другъ мнѣ Платонъ, другъ Аристотель, но болѣе всѣхъ другъ—истина...

Авторъ.

Москва
17 февраля 1869 г.

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

I

ПРОРОЧИЦА РАСКОЛЬНИЧЬЯ

УСТИНЬЯ НИКИФОРОВНА

Усадьба Антона Лаврентьяча Лупоярова, нѣвогда станового пристава, была не изъ красивыхъ въ С...ой губерніи. Это было неулыбчивое, просторное и безъ всякой архитектуры задуманное строеніе — какая-то масса темнаго тесу, съ тусклыми стеклами въ большихъ окнахъ. По бокамъ дома, обаячивавшагося неуклюжимъ мезонинемъ, стояли въ три ряда густыя, высокія березы; изъ-за крыши выдались бурныя вершины огромныхъ листвъ: весь домъ заросъ кругомъ, какъ заросъ небритою уже четыре года бородою и самъ хозяинъ дома... Вправо отъ усадьбы, по берегу заплѣвешаго пруда, торчали пять-шесть небольшихъ ветхихъ лачугъ, болѣе похожихъ на заброшенные шалаши пастуховъ, чѣмъ на жилища живыхъ людей. На соломенныхъ крышахъ этихъ лачугъ, кругомъ

пробуравленныхъ воробьиными и галчинными гнѣздами, ростъ зеленый мохъ; изъ сосновыхъ срубовъ, нѣкогда сплоченныхъ и прилаженныхъ, одинъ отшатнулся назадъ, другой повачнулся на бокъ, третій вросъ въ землю, четвертый расплзался во всѣ четыре стороны, готовый скоро изобразить собою нѣчто въ родѣ пирога. Тутъ жили крестьяне, нѣкогда называвшіеся крѣпостными помѣщика Пузанова, а нынѣ свободные собственники наисквернѣйшей земли, которою, съ помощью пріятеля-землѣбра, постарался надѣлить ихъ Пузановъ... Десять дворовъ изъ сихъ крестьянъ убрались уже на новыя, присланныя ими въ другихъ уѣздахъ, земли, а шесть дворовъ застряли по бѣдности своей и не знали, куда главу преклонить. Антонъ Лаврентьичъ пріобрѣлъ настоящую усадьбицу двадцатилѣтнею, безпорочною службою... на имя жены своей, немудращей дворянки — засидѣвшейся въ свое время въ дѣвкахъ до тридцатилѣтнаго возраста и на двадцать-восьмомъ году своей жизни игравшей еще съ азартомъ въ свои козыри съ сѣнными дѣвками — и поселился въ усадьбѣ при отставкѣ въ 1859 году, когда судебные слѣдователи отгѣснили станovýchъ съ просторной дороги, чтобы въ мирѣ, спокойствіи и довольствѣ доживать остатокъ дней своихъ. Неожиданное освобожденіе крестьянъ лишило, однако, скоро Лупоярова восьми человекъ крѣпостныхъ, даровыхъ слугъ, такъ что миръ и спокойствіе остались при немъ, но восемь дворовыхъ людей исчезли безвозвратно. Впрочемъ у Антона Лаврентьича, за надѣломъ крестьянъ, осталось еще 500 десятинъ земли и онъ могъ влачить остатокъ дней своихъ безъ нужды...

Лѣтомъ въ 1862 году мнѣ довелось проѣзжать мимо описанной усадьбы Антона Лаврентьича, и я рѣшился завернуть къ ветерану-служакѣ, чтобы послушать разсказовъ про былое время. Молва гласила о старомъ грѣшникѣ, что онъ большой краснобаи, любитъ поговорить о быломъ, и радъ бываетъ, когда кто къ нему завернетъ; но несчастье его состояло въ томъ, что къ нему мало кто завертывалъ. Въ С...ой губерніи наперечетъ знали его прежнюю службу, какъ становаго, и отзывались объ немъ съ полнымъ негодованіемъ... Господинъ Лупояровъ несъ, такимъ образомъ, на своихъ плечахъ кару общественнаго мнѣнія!... Что же? Не мѣшаетъ, думаю, зна-

копиться съ разнаго рода типами, населяющими русскую землю; авось извлечешь и какую-нибудь назидательную пользу!

И я рѣшился заѣхать къ Антону Лаврентьячу.

Въѣзжаю на пустой дворъ, заросшій лебедю: кругомъ пустынно и безлюдно. Вхожу въ домъ и осматриваю: внутренность дома тоже невесела. Все въ немъ мрачно и тускло, все казалось старѣе, чѣмъ оно было въ самомъ дѣлѣ. Босая баба провела меня въ гостиную, съ кожанымъ диваномъ и кожаными старомодными креслами. Хозяинъ не замедлил выйти изъ дѣтской въ гостиную и долгое время могъ привѣтствовать меня только знаками и тѣлодвиженіями, на которыя я, съ своей стороны, отвѣчалъ одними улыбками и поклонами, потому что двѣ лягавыя собаки и одна комнатная шапка, вбѣжавшія съ хозяиномъ, подняли такой ужасный лай, что Антонъ Лаврентьячъ, хлопаньемъ по воздуху пестрымъ носовымъ платкомъ и другими средствами, впродолженіи цѣлыхъ пяти минутъ, едва могъ успокоить разъярившуюся домовую стражу. Воспользовавшись возстановившеюся тишиною, я наконецъ назвалъ хозяину, который, въ одинъ со мною голосъ, объявилъ, что очень радъ новому знакомству. Сѣли. Антонъ Лаврентьячъ немного смущался и громко сморкался въ носовой платокъ. Онъ былъ подъ пятьдесятъ лѣтъ, довольно полный, осунувшійся уже мужчина и съ небритую, сѣдватою бородою. Лице его не выражало ничего особеннаго: черты тяжелыя, простыя, съ отпечаткомъ равнодушія, лѣни и отчасти плутовства... Жѣну, по его словамъ, онъ схоронилъ назадъ тому шесть лѣтъ, дѣти его все мерли, такъ что у него осталась одна только дочь, и то застарѣвшаяся дѣва, которая скоро и вышла къ намъ въ гостиную. Довольно высокая, худая, съ незатѣйливымъ лицомъ и накладкой красноватыхъ волосъ, дѣва эта завязала съ нами общій разговоръ, предлагая вопросы хотя незначительные, но способные поддержать бесѣду. Дѣло пошло на ладъ. Лупояровъ сталъ развязнѣе, безъ смущенія сморкался въ свой носовой платокъ, безпрестанно вынималъ берестовую табакерку и сталъ называть меня уже: милый человѣкъ, батенька. Это, какъ видно, были его всегдашнія поговорки. Скоро смерклось. Мы напились чаю, который подавала эконожка — толстая, краснощекая баба, при входѣ которой въ гостиную слышался дѣтскій пискъ въ спальнѣ, Эконожка заторопилась.

— У васъ еще и маленькіе есть? замѣтилъ я.

— Нѣтъ, это вотъ у экономки. Я тутъ... она знаетъ...

И Антонъ Лаврентьичъ замялся. Я сконфузился.

Послѣ чаю старая дѣва скрылась и выслала въ гостиную водочки съ закускою. Антонъ Лаврентьичъ выпилъ рюмочку и мнѣ предложилъ другую. Я отказался.

— Ужели не пьете совсѣмъ? спросилъ удивленно Лупояровъ.

— Не пью.

— Странно, какіе люди нынѣ стали водиться.

— Ничего нѣтъ страннаго.

— Я не объ васъ собственно говорю, подхватилъ Лупояровъ, а такъ вообще о новомъ времени. Чудно какъ это все идетъ нынѣ, куда ни посмотришь. Все какъ-то иначе. Прошло старое времячко совсѣмъ!

— Да, прошло.

Пауза.

— Вы бы рассказали мнѣ, говорю, Антонъ Лаврентьичъ, чтонибудь про старое ваше время... Я охотнѣе слушать про былое.

— Что же интереснаго вы найдете въ немъ? Люди только дурили тогда, доложу вамъ, а не жили. Вотъ нынче, говорятъ, совсѣмъ другое: всё поуменьли; даже и раскольники, на что ужъ дураки были...

— А вы много имѣли дѣлъ съ раскольниками?

Лупояровъ усмѣхнулся.

— Какъ же, батенька, не имѣть, когда я двадцать лѣтъ былъ становымъ среди самыхъ закоренѣлыхъ раскольниковъ въ Н...мъ уездѣ. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Кушайте, говорю; за меня: все равно — я приму это за угощеніе.

— Ну хорошо.

И Лупояровъ выпилъ двѣ рюмки: за себя и за меня.

Я прилѣтѣлъ, что Антона Лаврентьича начинало манить къ разсказамъ о быломъ, какъ военнаго служаку къ повѣствованіямъ о сраженіяхъ, въ которыхъ онъ участвовалъ. Его круглое лицо, съ большими карими глазами и засинѣвшими губами, покрывшееся

легкой улыбки, которая заигра и на ямочках щекъ. Вся фигура его заергала какъ-то въ креслѣ.

— И любопытный, спросилъ я, народъ эти раскольникки?

— Блажной, батенька, блажной, а не любопытный: дураки не новитые...

— Опять, небольшая пауза.

— У васъ я думаю много анекдотовъ хранится въ памяти объ ихъ, житье-бытье?

— Много, батенька, много. Да не хотите ли еще по рюмочкѣ?

— Сдѣлайте милость: и за себя и за меня, безъ церемоніи.

И Антонъ Даврентьевъ выпилъ еще двѣ рюмки и началъ свой рассказъ, который мы и записали для читателей, раздѣливъ его на главы.

I.

БЫЛЪ МОЛОДЦУ НЕ УКОРЬ.

Въ наше время, говорилъ Лупояровъ, становые имѣли совсѣмъ другой полетъ, чѣмъ нынѣ, а исправникъ былъ то же въ убавъ, что губернаторъ въ губерніи. Ну оно служить было и лѣтнію! Вдаль, бывало, по селу раскольникъему— всѣ мужички и бабы коклонъ до земли.

— Особъ живить, говорятъ, бояринъ,

— Вдаль думный—

Дайте дорогу!

Эту пѣсню они изъ книгъ какихъ-то взяли, и всегда повторяли ее, когда я, или исправникъ проѣзжали среди нихъ. Я доподлинно зналъ, что они меня и исправника ненавидятъ на чѣмъ свѣтъ стоитъ, но пѣсню эту расцѣваютъ однако, когда встрѣчаются съ начальствомъ, потому— боятся силы начальственной! Надо и то сказать, мы имъ шалить-то особенно и не дозволяли: вдаль въ нашихъ рукахъ живемъ быжи! Чуть, бывало, заврутся, мы ихъ и въ острогъ... Не забывайся, значить, — знай свое начальство! Они, разумѣется,

хорошо понимали нашу силу, потому что всё строгія высшія распоряженія, толковыя и нетолковыя, сыплются, бывало, прямо къ намъ въ руки и мы должны ихъ приводить въ исполненіе. Ну часто бывало дѣлаешь и такъ, жалѣючи дураковъ: возьмешь съ каждой сотни изъ новообращенныхъ въ расколъ по пятидесяти руб. сер., то-есть по полтиннику съ рыла, да и донесешь начальству, что всё мѣры строгости приняты были противъ размноженія раскола, и совратившихся вновь изъ православія не оказалось... А то согласитесь сами: вѣдь ихъ канальевъ затаскаютъ по острогамъ, а нашъ братъ изволь каждого дурака допрашивать — завяжется до тысячи новыхъ дѣлъ, неудобно ли ихъ производить?.. Слуга покорный! Вотъ бѣднымъ и вреднымъ людямъ я не потакалъ. Но изъ этихъ бѣдныхъ, скажу вамъ, есть совсѣмъ безвредные, которыхъ я, жалѣючи ихъ дурость, всегда миловалъ. У нихъ, видите, есть глупое такое ученіе, что надобно бѣжать въ лѣса отъ притѣвленія полиціи и правительства. И вотъ они открыли дороги изъ Москвы и Костромы во всё мѣста Россіи, и изъ этихъ двухъ городовъ, какъ изъ центровъ, по всему лицу русской земли до Чернигова, Кавказа и Иркутска, расходятся недовольные искать въ лѣсахъ спасенія... Само собою разумѣется, какое же присутственное мѣсто дастъ паспортъ мужику на жительство въ лѣсу—этакого и закона нѣтъ; вотъ они и придумали свои паспорта, съ которыми и гуляютъ изъ лѣса въ лѣсъ, изъ губерніи въ губернію, живутъ у своихъ странноприимцевъ и воображаютъ, что живутъ внѣ начальства. А какое внѣ начальства? что ни шагнетъ каждый — то въ рукахъ полиціи! У меня въ уѣздѣ каждый годъ такихъ недовольныхъ до 500 человекъ проходило, и ни одинъ не прокрадывался мимо моихъ рукъ. Спросишь, бывало, молодца:

— Паспортъ есть?

— Есть, говорить.

— Кажи.

Онъ вынимаетъ листъ бумаги и подаетъ. Читаешь.

— Что, братъ, это у тебя за галиматья? Откуда выданъ?

— Смотри, говорить, и разумѣй.

— Да разумѣть-то, молъ, нечего, ерунда какая-то! А настоящий паспортъ есть?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Не принимаю. Это печать правительства — знакъ Антихриста.

— А въ острогъ за это хочешь?

— Готовъ, говорить, все претерпѣть, на это обреченъ есмь... Не страшать меня муки лютыя, звѣри хищныя, не боюсь слугъ Антихриста! И пойдетъ и пойдетъ...

— Ну что, спрашиваю я васъ батенька, вы сдѣлали бы, на моемъ мѣстѣ, съ такиимъ дуракомъ? Вѣдь его въ какой угодно острогъ сажаютъ, въ какую угодно Сибирь сосылаютъ — Восточную или Западную—онъ все свое будетъ говорить, все будетъ переносить съ воловьимъ терпѣнiемъ, а главное—въ полной увѣренности получить за это вѣнецъ мученическій. А сообразите: чрезъ эти его глупыя страданiя за вѣру еще нѣсколько сель пойдетъ въ расколъ, синодальскъ объ немъ напишутъ, публичныя моленья начнутъ совершать и еще тѣснѣе соединятся между собою... Вотъ по этимъ-то причинамъ подумаешь-подумаешь бывало, да и скажешь: а ну-ка принеси мнѣ братъ отъ своихъ трудовъ праведныхъ пять руб. сер., да и убирайся къ чорту изъ моего уѣзда въ другой, куда тамъ путь лежитъ, а я тебѣ дѣлать зла не хочу! И такимъ-то образомъ, скажу вамъ, вошло у меня въ обычай, что всякій проходящiй по моему уѣзду „странникъ—бѣглый“ долженъ былъ являться ко мнѣ непременно, и заявлять добровольно свой паспортъ, при чемъ прилагать и пять руб. сер., чтобы знаете ужъ потому онъ никакой придирки не боялся, пока посѣщаетъ своихъ братiй... Вотъ тутъ-то я насмотрѣлся на всѣ ихъ паспорта, которые оказывались весьма разнаго калибра, но я, однако, наконецъ наострился въ этомъ дѣлѣ такъ, что по паспорту сталъ узнавать, что за птица предъ-звитель его. Странника бывало спросишь:

— Съ паспортомъ?

— Съ паспортомъ.

— Давай.

— Извольте.

— А отъ кого паспортъ выданъ?

— Отъ великаго Царя Спасителя, небу и земли Вседержителя...

— А ты у него былъ?

— Я? Нѣтъ...это значить... Ну и замнется бывало человекъ такъ, что совсѣмъ въ тушкѣ станеть.

— А гдѣ паспортъ прописанъ?

— Въ полиція, говоритъ, полной, еже имѣти разумъ духовный..

— А гдѣ же эта полиція?

— Она невидима.

— Что же, молъ, за разумъ у ней духовный? А развѣ въ нашей полиціи нѣтъ разума; развѣ она безголовая какая; развѣ я, напримѣръ, дуракъ что ли по твоему?

— Сіе, говоритъ, должно разумѣть иначе...

— А это вотъ что въ паспортѣ твоёмъ за слово: „кто вѣры ради тебя погонитъ, тотъ въ геенну себя готовить“?

— Сіе разумѣй о начальствѣ, которое вѣру нашу гонитъ...

— Такъ ты думаешь, что я въ геенну-то такъ вотъ за тебя дурака и пойду, и начну тебя преслѣдовать? Ошибса, другъ любезный, я умнѣе тебя: вотъ возьму, да отпущу тебя и геенны огненной избавлюсь. Понялъ?

— Сіе, говоритъ, отъ воли человека зависитъ. Пути въ царствіе божіе всемъ открыты...

— Ну такъ, молъ, давай-ка пять руб. сер., да и съ Богомъ поскорѣе убирайся изъ моего стана“. Разочтешься, знаете, такимъ образомъ съ работъ божіимъ, да и съ рукъ его долой, и дѣла лишняго себѣ на шею не вяжешь... Такъ вѣдь что вы думаете? Сердятся, бывало, кагалы: вѣра, говорятъ, наша не очищается въ горниль; Бога знать прогнѣвали... Извольте вы тутъ понимать ихъ! Подастъ, бывало, иной свой паспортъ, а самъ такъ и смотреть въ глаза: какое, дескать, нагнѣреніе имѣю я въ отношеніи къ нему? Возьмешь паспортъ его и читаешь. Въ паспортѣ по обыкновенію, написано:

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой.

Кого ся убою,

Господь защититель живота моего,

Кого ся утрашу.

Аще ополчится на мя полкъ, аще возбудятъ на мене войско,

Не убоятся сердце мое.

„По благоволенію великаго и пресильнаго всемірнаго дара, которыми сотворено небо и земли, по его владычному повелѣнію данъ сей указъ душѣ моей грѣшной на прокормленіе, а тѣлу на трудъ и озлобленіе. Отпустилъ мя раба своего, великій господинъ, Богъ града вышняго, а прописаны мнѣ лѣта — радость будущаго свѣта. А приложено множество св. отецъ ружь, еже боится страшныхъ и вѣчныхъ мукъ, а прописанъ въ полицію идной, еже имѣти разумъ духовный, а запомеренъ въ путь радости, чтобы не имѣть лѣности, идти правымъ путемъ о Христѣ, чтобы не держали бѣсы раба божія нигдѣ, а кто страннаго пріять будетъ бояться, тотъ не хочеть съ господиномъ моимъ знаться; а кто мя вѣры ради погонитъ, тотъ явѣ себя съ Антихристомъ въ геенну готовить. Упованіе намъ Богъ, и приближище наше Христосъ, и прокровитель нашъ Духъ Святой, а еже сего не буду наблюдать, то много буду плакать и рыдать. Все упованіе мое въ тебѣ возлагаю, Матерь Божія, сохрани мя въ своемъ покровѣ. Аминь!“

Паспорты эти отъ нихъ я не отбиралъ, потому что толку въ такой галиматѣй? Никому они вреда не причиняютъ, ничего въ нихъ кромѣ глупаго не содержится; но вотъ, когда понадались у нѣкоторыхъ изъ нихъ писанія разныя, которыя они разносятъ часто съ собою изъ губерніи въ губернію, то особенно занимательныя я оставлялъ у себя. Собирутся, бывало, когда засѣдатель, священникъ, ну — и посѣдемся вмѣстѣ... У одного, напримѣръ, я однажды отобралъ „газету Ада“. Занимательная штука! Если любопытствуете, я сейчасъ принесу ее вамъ.

И Антонъ Лаврентьичъ вышелъ изъ гостиной въ кабинетъ.

II.

ГАЗЕТА АДА.

По уходѣ Антона Лаврентьича, я остался одинъ. Старая дѣва,

дочь Лупоярова, сообразивъ, что гость оставленъ одинъ, вошла тотчасъ въ гостиную изъ дѣтской.

— Не скучно вамъ? отнеслась она ко мнѣ.

— Помилуйте, говорю, можно ли скучать, когда Антонъ Лаврентьичъ рассказываетъ такіе любопытные анекдоты? я готовъ слушать его цѣлую ночь.

— Ахъ одно и тоже! воскликнула дѣва.—Такъ ужъ надоѣло всѣмъ, что и слушать не хочется.

Дѣва замолчала. Пауза.

Наконецъ Лупояровъ возвратился изъ поисковъ.

— Все ли рѣдкости нашли? спросила его дочь.

— Мало что-то матушка; больше было.

— Да я на выкройки много изрѣзала...

— Вотъ извольте тутъ, батенька, любопытное собирать, отнесся ко мнѣ Лупояровъ. — Вѣдь для пріятелей было-берѣгъ, почитать иногда рюсю, а она вотъ на выкройки изрѣзала!

Дочь Лупоярова, обидѣвшись, вышла изъ гостиной. Антонъ Лаврентьичъ положилъ на столъ довольно толстую тетрадку засаженныхъ листовъ разнаго формата, и проговорилъ:

— Вотъ не хотите ли послушать?

— Съ большимъ, говорю, любопытствомъ.

И Лупояровъ сталъ читать: „Газета Ада“.

„Вышла газета изъ ада, какая будетъ грѣшнымъ отъ сатаны награда. И въ безконечные вѣки не будетъ душамъ ихъ отрады. Въ нынѣшній вѣкъ зри всякъ человекъ. Грѣхъ скончался, истина охранѣла, любовь простудю больна. Честность и вѣрность въ отставку вышла. Вѣра ушла въ пустыню. Совѣтъ поправа ногами, благодѣяніе таскается по міру. Терпѣніе скоро лопнетъ. Ложь нынѣ присутствуютъ, безчиніе въ монастыряхъ проживаетъ, гордость съ монахами познакомилась. Тщеславіе игуменствуетъ. Братоненавидѣніе инокомъ поставлено. Невѣжество старѣйшествуетъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, приказалъ бѣсамъ адъ наполнить разныхъ огней. Послалъ бѣсовъ разиѣрять адскую глубину, гдѣ бы можно грѣшныхъ посадить за вину. Потомъ сатана всѣдъ на сѣдало, закричалъ на бѣсей весьма яро: что это грѣшныхъ во адъ мало? Вѣсь подкочилъ и рекъ, что еще не скончился вѣкъ, а

когда придетъ міру копецъ, тогда ты будешь множимъ душамъ отецъ. Предстали предъ князя тьмы безпечительные чернцы; онъ свѣся сказалъ: „вы зачѣмъ святіи отцы сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли? Знать вы весь вѣкъ богатства ради, а не прокормленія мѣду собирали; того ради и путь въ царство небесное потеряли. Вы препровождали жизнь въ монастыряхъ, вамъ и должно быть въ райскихъ краяхъ. Но, видно, вы въ небреженіи жили, что въ моей области честь себѣ и жизнь заслужили. Бѣсъ подскочилъ безъ хвоста и сказалъ, что они не наблюдаютъ поста. Лѣнны были Богу молиться, надобно съ нами поскорѣ рѣшиться. А когда и помолятся, и то вѣкъ ума, того ради Богъ на нихъ вознегодова. Предаль ихъ твоему разсужденію, чтобы доставить ихъ разному мученію. Притащили бѣсы-оницу во адъ; сатана сказалъ: „эхъ ты до чего допилъ, что и душу свою погубилъ? Припасите про него адекую темницу, вверзайте его туда до страшнаго суда, а когда труба вострубитъ, тогда немоею его въ смолу горячую погрузить убѣдить. Явились на тотъ свѣтъ гордые господа. Бѣсъ кричитъ изъ ада: честнѣйшіе господа, пожалуйте сюда! Я васъ отиѣнно буду угощать, огонь горящій и жунель велю возгнѣщать. Я, милостивые государи, повелю чай грѣть не въ самоварѣ, но для роскошныхъ и жирныхъ здѣсь есть въ адѣ большой котель на взварѣ. Растоплю олово на мѣсто пуншу, чтобы вамъ промочить скаредную и жаждущую душу. Сатана сказалъ бѣсу: что стоя рычишь, долго лежишь, багромъ ихъ не тащишь? Косой давно уже тому радъ, облапа сихъ вельможъ потащилъ во адъ. Привели бѣсы ростовщика во адъ, который процентами богатство распространялъ, а излишнее немнущимъ не раздавалъ, наипаче къ себѣ присовокуплялъ; онъ горько возопилъ и сказалъ: я успѣлъ столько процентами денегъ накопить, что могъ бы весь адъ твой откупить. Сатана въ насмѣшку сказалъ: видно, ты здѣсь хочешь роскошно проживать, время тебѣ въ преисподнюю побывать. Тамо узнаешь, какъ обижать бѣдныхъ, понеже тамо и самъ будешь въ самыхъ послѣднихъ. А нищимъ сатана сказалъ: вы зачѣмъ сюда пришли, или въ царство небесное пути не нашли? вы о грѣхахъ день и ночь болѣли и тѣмъ во адѣ себѣ мѣсто заготовить повелѣли. Здѣсь мѣста всѣ заняли вельможи, ибо они и въ житіи своемъ были во всемъ мнѣ

уложи. Нищю то слышавши, ухватили мешки, въ царство небесное и побрели“.

— Какъ вамъ нравится? спросилъ Антонъ Лаврентьичъ. Въдъ галиматъя тоже, хоть и занимательная галиматъя?.. А вотъ я слышала отъ исправника, что у насъ ухъ! какое значеніе придаютъ этой газетѣ: при дѣлахъ слѣдственныхъ хранить, въ архивахъ разныхъ стерегутъ, какъ канцелярскую тайну, будто и Богъ знаетъ что такое, а въ самомъ-то дѣлѣ это пустой каламбуръ на богатыхъ и на монаховъ... и больше ничего!

— Я вполне согласился съ Лупоуровымъ.

— А то вотъ не хотите ли еще „рецептъ расвольничій“ прочесть, обратился ко мнѣ Лупоуровъ, который я отобралъ тоже ради любопытства у одного „божьего разнощика христовыхъ писаній“. У нихъ, знаете ли, литература и газеты разносятся „разнощниками“, какъ у насъ почтальонами...

— Съ большимъ удовольствіемъ.

И Антонъ Лаврентьичъ указалъ мнѣ въ тетради своей весьма потертій листъ синей бумаги, который я и сталъ читать, а Лупоуровъ слушать. На листѣ было написано слѣдующее:

„Рецептъ духовнаго отца дѣтямъ духовнымъ“. Тако да просвѣтитися свѣтъ вашъ предъ людьми, яко да видятъ добрыя дела дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ! Аще кто свидѣтъ въ нѣкое прегрѣшеніе, то есть на то разрѣшеніе: духовная аптека ищѣяеть грѣха всякаго человека: 1) возьми цѣлѣть чистоты, изотри въ горниѣ безмолвія, 2) просѣй ситомъ разсужденія, 3) всыпни въ котель отъ добрыхъ дѣлъ, 4) положи дровъ послушанія, 5) подлей воды отъ слезъ молитвенныхъ, 6) подожги огнемъ божественнаго любви, 7) перемѣшай весломъ братолюбія, 8) дай помянуть усердіемъ къ Богу, 9) разливай цѣломудріемъ, 10) простужай милостынею, 11) вжуй лжицею страха божія, 12) послужи вольнымъ всѣмъ усердіемъ и будеши одаренъ божіимъ милосердіемъ и тако ищѣяеши, ии аще кто станетъ на всякъ день принимать сего лекарства, недалеко будеть небеснаго царства, ии аще станетъ на молитву, разумѣете бѣсовскую ловитву: какъ онъ хитро подходитъ и изумьютъ молитвы отвѣдитъ и всѣхъ...“

чески дѣлаешь преграду многу, чтобы не шли молитвы къ Богу Аминь“!

— Ха-ха-ха! расхохотался Лупояровъ. Я вспомнилъ, какъ за сѣдателемъ и приходскіимъ нашъ священникъ спорилъ со мною однажды цѣлую ночь, что эта бумажонка есть такой документъ, который надобно сообщить вышему начальству для того, чтобы оно сдѣлало распоряженіе всѣхъ имѣющихъ такіе рецепты забирать въ остроги и ссылатъ въ Сибирь... Не чудаки ли, посудите сами?

Я опять согласился съ Антономъ Лаврентьевичемъ.

— Люди дурятъ, продолжалъ Лупояровъ: — потому что невольнымъ чѣмъ-то... и даже смѣшно дурятъ, а они хотятъ ихъ въ острогахъ морить и придавать значеніе всякой галиматіи, которую напишетъ какаянибудь баба!.. Естественно, всякій раскольникъ, когда увидитъ, что за такія бабы розсказали сажаютъ ихъ „божійхъ разнощиковъ“ въ остроги, да въ Сибирь; слышатъ, начнутъ съ азартомъ читать эту галиматію и приметь, пожалуй, по глупости своей, за что-то необыкновенное, съ неба свалившееся; разнощиковъ своихъ, страдающихъ за эту галиматію, начнутъ ублажать, поить, кормить, холить, и отъ начальства всячески ташть, и тогда что вы ни дадите дуракамъ прочесть лучше этой галиматіи, они читать не будутъ на томъ основаніи, что предложенное вами для чтенія не гонится правительствомъ и, сѣдовательно, дескать, не имѣетъ особеннаго значенія... У меня былъ однажды такой случай. Одна баба-странница притащила съ собою стихи въ мой уѣздъ, и я прослышалъ, что всѣ раскольники начали списывать эти стихи съ азартомъ, такъ что бабу затаскали по дворамъ... Я позвалъ, наконецъ, „разнощичу“ и потребовалъ у нея „писаніе божіе“.

Прочитавши стихи я расхохотался. Баба вытаращила на меня глаза отъ изумленія. Она, видите ли, думала, что я стихи эти Божь-знаетъ за что приму и ее сейчасъ же жарить на сковородѣ начну...

— Что сдѣлать съ тобою за эти стихи? спросилъ я ее.

— Рѣжь, говоритъ, тѣло мое на куски, я страдать готова!..

— Дура, говорю, ты баба и больше ничего! Ты думаешь, что если про аркьерсевъ говорится въ этихъ стихахъ, такъ это ужъ

и Богъ-знаеть какая невидаль? Мало ли что о комъ говорится. Хороши наши архіереи — такъ тебѣ никто ни въ чемъ не повѣритъ, и слушать тебя не стануть, нехороши — такъ и безъ тебя имъ цѣну дадутъ... Ты-то тутъ что такое?..

— Баба, скажу вамъ, совсѣмъ осовѣла...

— Такъ ты, говорить, батюшка, меня гвать не будешь?

— Съ дураками, молъ, я никогда не связываюсь.

И пошла отъ меня баба, понура голову...

— Что же вы думаете, батенька? Какъ услышали раскольники, какой я разговоръ имѣлъ съ бабой, такъ сейчасъ же и перестали списывать ея стихи... Ты, говорятъ, баба-дура значитъ пустяки намъ принесла; принеси намъ настоящихъ писаній, за которыя въ Сибирь ссылають...

— А то я расскажу вамъ дѣльце объ одной пророчицѣ Устинѣ Никифоровнѣ, которую вмѣстѣ и съ ея учениками мы отправили благополучно на поселеніе.

— Вы спать еще не хотите?

— Какой, говорю, сонъ при такихъ интересныхъ разсказахъ вашихъ?

— Ну если такъ, то извольте! И Антонъ Даврентьичъ, по нюхавъ табакъ и утеревшись пестрымъ фуляровымъ платкомъ, началъ свой разсказъ о пророчицѣ раскольничьей.

III.

ПРОРОЧИЦА.

— Въ 1854 году разнесся у меня по уѣзду слухъ, что ѣдетъ съ востока на западъ, отъ земли Иркутскія, нѣкая пророчица и наполняетъ землю чудесами всякаго рода... Я принялъ свои мѣры, и чрезъ недѣлю же мнѣ донесли, что явившаяся съ того свѣта нѣкая, Богомъ избранная, жена появилась уже въ селѣ „Каменкѣ“ и творить чудеса. Я сажусь на лошадей и ѣду въ „Каменку“. Приѣзжаю туда ночью, часу въ двѣнадцатомъ, и прямо въ молебъ-

ню, находящуюся на задахъ у мужика Елистрата Кожухова. Смутились раскольники при моемъ появленіи и хотѣли прятать пророчицу, но я ихъ успокоилъ, говоря, что пріѣхаль только послушать прорицаній вновь прибывшей пророчицы... Раскольники успокоились. Я осматриваюсь кругомъ, — вижу: молеелья освѣщена восковыми свѣчами, ладону накурено такъ много, что въ комнатахъ носились какія-то густыя облава; поперекъ молеельни сдѣлана ситцевая занавѣска на кольцахъ, а за занавѣскою устроена особая камнатья, въ родѣ чулана, гдѣ пророчица молилась и принимала своихъ учениковъ. Я попросилъ пророчицу, въ моемъ присутствіи, поговорить съ народомъ, увѣряя всѣхъ, что худаго ненамѣранъ никому дѣлать и что пріѣхаль собственно изъ любопытства только. Раскольники знали мой мирный характеръ въ отношеніи къ нимъ, переговорили тихонько съ пророчицей въ ея комнатѣ и доложили мнѣ, что пророчица согласилась исполнить мое желаніе. Садимся мы всѣ и ждемъ. Пророчица явилась къ намъ, одѣтая вся въ бѣломъ, подпоясанная лентою. Сѣла она на стулъ предъ столомъ съ ладонницею и такъ начала свое пророчество:

«Взрай съ прилежаніемъ, тѣнный человекъ,
Бакъ вѣкъ твой проходить и смерть недалече!
Текутъ время и лѣта во мгновение ока:
Солнце скоро шествуетъ къ западу съ востока.
Готовься на всякъ часъ, рыдай со слезами,
Да не похитить тя смерть съ твоими дѣлами.
Ангель же твой хранитель тебя извѣствуетъ,
Браткость жизни твоей перстомъ покажетъ. Аминь!

— Это, говорю я Кожухову, совсѣмъ не пророчество. Что же тутъ пророческаго? нельзя ли ей что-нибудь о будущемъ сказать?

— Кожуховъ подошелъ къ пророчицѣ и поговорилъ съ ней на ухо, потомъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: при начальствѣ она не можетъ говорить иначе...

— Напрасно, говорю, она боится меня! Ты скажи ей, чтобы она меня совсѣмъ не считала за начальство. Вѣдь ты знаешь чай меня: гоню ли я васъ?

Кожуховъ опять подошелъ къ пророчицѣ и снова поговорилъ

ей на ухо. Пророчица долго слушала его, потомъ потрнула головой и закрыла глаза. Кожуховъ сообщилъ мнѣ, что про царствіе божіе пророчица соглашается поговорить.

— Вотъ и прекрасно!

— И мы стали ждать другаго пророчества. Пророчица помедлила немного и потомъ заговорила:

— Приходить, люди, послѣднее время. Небо и земля потрясется. Частыя звѣзды на землю скатятся. Соидетъ Михаилъ Архангелъ и затрубитъ въ трубу живогласную: вставайте всѣ живые и мертвые на судъ къ Богу! По правой сторонѣ идутъ души праведныя, въ лицахъ всѣ свѣтлѣютъ; волосы яко ковыль-трава, ризы на нихъ шелкъ. Идутъ они на судъ къ Богу радуются. Стрѣляетъ ихъ Владычица Мать Божія пресвятая Богородица: „подите мои христоролюбивыя избранныя, да похажныя, пострашныя! Вотъ вамъ царство уготованное!“ Принимаетъ ихъ самъ Господь Царь небесный. По лѣвой сторонѣ идутъ души грѣшныя, въ лицахъ темнѣютъ, одѣяніе страшное. Идутъ онѣ на свою муку и слезно плачутъ: „Господи Царь небесный! Почто ты насъ въ царствіе непустишь? Мы всѣ люди христіане!“ Глаголетъ Господь Царь небесный: „подите вы грѣшныя, проклятыя, во три пропасти земли! Вы не въ мою вѣру вѣровали! Да провалятся всѣ грѣшныя въ преисподнюю! Составить Господь всѣ муки въ одну муку, не взвидятъ грѣшныя свѣту блага, не взвидятъ они солнца свѣтлаго, не вслышатъ они гласу ангельскаго! Во вѣки вѣковъ Аминь!

— А не можетъ ли она, спросилъ я Кожухова, отгадывать вопрошающимъ ее? Я слышалъ, что она все отгадываетъ и удивляетъ чудесами всѣхъ...

— Вся сокровенная человѣческая знаетъ, отвѣтилъ мнѣ таинственно Кожуховъ.

— Такъ нельзя ли кому нибудь вопрошать ее, а я послушаю?

Кожуховъ опять переговорилъ съ пророчицей на ухо. Та наклонила голову въ знакъ согласія. И стали къ ней подходить вопрошающіе. Подшла одна баба и спросила:

— Скажи мнѣ, боголюбивая жена, кто у меня украсть недавно холсты съ огорода?

— Люди злые, отвѣтила пророчица:— которые схоронили ихъ на рѣвѣ, у плотины, подъ хворостомъ. Сходи завтра туда, и обрѣщешь ихъ, ангель божій невидимо укажетъ тебѣ путь!

Баба заторопѣла отъ радости и начала, въ порывѣ благодарности, даже молиться на пророчицу... Потомъ подошелъ раскольникъ съ рыжей бородою и спросилъ пророчицу:

— Повѣдай мнѣ, избранная божія, кто увелъ у меня сивую кобылу и гнѣдаго мерина?

— Завистники злые, отвѣчала пророчица, которые привязали ихъ къ сухой березѣ въ Татьяниномъ бору, за три версты отъ здѣшняго села. Поди завтра туда, отвязи лошадей отъ березы и хвали Бога!

Мужикъ засіялъ отъ радости и, въ порывѣ благоговѣнія къ святости пророчицы, какъ пласть растянулся передъ нею на полу... Подошла потомъ дѣвушка и спросила пророчицу:

— Скали мнѣ, божинька, кто у меня укралъ изъ коробки, что стояла въ сѣняхъ, ситцевый сарафанъ и платокъ красный?

— Близкій твой, отвѣчала пророчица, который спряталъ все украденное въ огородѣ, подъ лебедою, въ канавѣ. Сходи завтра на зарѣ въ то мѣсто, окропись холодною водою, помолись на востокъ и получишь украденное!

Всѣ присутствующіе въ молеельнѣ переглянулись между собою и начали глубоко вздыхать, обращая лицо къ небу и закативъ бѣлки глазъ подъ лобъ... Меня все это заняло, и я рѣшился самъ спросить пророчицу:

— А скажи, говорю, мнѣ пророчица: не случится ли что на этихъ дняхъ со мною худаго?

— Съ тобою ужъ, говорить, случилось худое нынѣ.

Я, знаете, немного оробѣлъ и спрашиваю:

— А что же такое?

— Да у тебя, говорить, твою тройку лошадей увели враги твои.

— Вотъ тебѣ разъ! какъ же это такъ? А самъ сейчасъ же выбѣгаю изъ молеельни и на порогѣ сталкиваюсь съ своимъ кучеромъ, который, разиня ротъ слушалъ въ молеельнѣ пророчества...

— Гдѣ говорю, ты лошадей-то поставилъ?

— Да вотъ тутъ на задахъ, около гумна.

— Какъ же ты оставилъ ихъ непричемъ и самъ забрался сюда?

— Ко мнѣ, говоритъ подошелъ мужикъ и, назвавъ себя хозяиномъ моленной, выпросился покараулить лошадей, а мнѣ посоветоваль идти послушать немного пророчицу.

— Ну-ка пойдёмъ посмотримъ на лошадей.

Посмотрѣли, и что же вы думаете? Тройки-то какъ не бывало, и постромки всѣ обрѣзаны. Скверно! тройка была собственая. Я къ пророчицѣ съ вопросомъ:

— Отыщутся ли мои лошади?

— Нѣтъ, говоритъ, не отыщутся, потому что враги твои злы зѣло и гонятъ твоихъ лошадей въ другую губернію.

— И неужели нѣтъ никакихъ средствъ поправить дѣло? Если ты пророческимъ духомъ твоимъ знаешь, по какому направленію враги мои гонятъ лошадей, то я пошлю погоню за ними.

— Да, я, говоритъ, знаю дорогу, по которой они гонятъ лошадей твоихъ; вотъ и теперь я какъ будто гляжу на нихъ ясно— и пророчица при этомъ закрыла на минуту вѣки своихъ глазъ— но гдѣ ты найдешь такихъ курьеровъ, которые могли бы догнать воровъ, когда они уже теперь за тридцать верстъ, а пока ты соберешься послать за ними погоню, то они будутъ уже за 50 верстъ.

Я приунылъ. Пророчица замѣтила это и спросила меня:

— А тебѣ, человекъ мірской, жалко лошадей?

— Какъ же не жалко? Цо сту рублей каждая лошадь дана.

— Я, говоритъ, для тебя, зная твою доброту къ людямъ божіимъ — раскольникамъ, которыхъ ты не гонишь, яко сребролюбивые слуги антихриста чиновники, могу возратить твою пренажу и напушу на похитителей твоихъ велию скорбь душевную, а очи ихъ ослѣплю мракомъ, такъ что они пригоняютъ лошадей твоихъ назадъ въ „Каменку“, разумѣвая, что гонятъ ихъ въ другую губернію.

— Пожалуйста! Если это сбудется, то я самъ въ тебя увѣрюю и готовъ обратиться даже въ расколъ.

— Хорошо! Я нынѣшнюю же ночь сотворю молитву ко Христу и на зарѣ лошади твои будутъ возвращены тебѣ обратно.

И пророчица сейчасъ же встала со стула.

Народъ попадалъ на полъ и, въ умилениі, прославляялъ Бога, пославшаго ему великую пророчицу...

IV.

Ч У Д Е С А .

На другой день, когда десятскій подалъ мнѣ самоваръ, въ комнату вошло нѣсколько мужиковъ. Первымъ дѣломъ моимъ было спросить ихъ: исполнились ли предсказанія пророчицы мнѣ и прочимъ лицамъ, вопрошавшимъ ее?

— Какъ же, какъ же, ваше высокоблагородіе! Все угадала духомъ святымъ, какъ перомъ написала, заголосили мужики... Точно по книгѣ прочла, таково это все вѣрно сбылось! Маланья Барнаухова холсты свои нашла цѣлехонькими у пруда подъ хворостомъ, даже въ лубочки завернуты были; Кузьма Зевертяевъ какъ пришелъ въ Татьянинъ боръ, такъ и ахнулъ: глядитъ, а его лошадушки то стоятъ смирехонько привязанными къ березушкѣ и головами поматываютъ, точно дома въ конюшнѣ; а дѣвка Данькова свой сарафанъ и платокъ получила въ своемъ огородѣ невредимыми и завернутыми даже въ бумажку...

— Ну, а моя тройка?

— Цѣлехонька, ваше высокоблагородіе! отвѣчали съ самодовольствомъ мужики. Ъдутъ это нынѣ утромъ наши ребята мимо мельницы Васьки Овчинникова, глядь—а лошадки-то вашего высокоблагородія стоятъ привязанными къ мельницѣ и такъ внушительно ржатъ. Возвѣстите, дескать, если добрые, хозяевамъ нашимъ, что ослѣпленными врагами ихъ благополучно возвращены обратно! Тутъ же сказали ребята ващему кучеру объ этомъ: онъ пошелъ къ мельницѣ, отвязалъ лошадокъ вашихъ и привелъ ихъ съ миромъ сюда.

Я взглянулъ въ окно и вижу: мои лошади стоятъ уже впряжен-

ными въ тарантасъ и кучеръ ходитъ около нихъ съ шиломъ въ рукѣ, кое-гдѣ доканчивая поправку обрѣзанныхъ постромокъ.

— Ну что, нашлись лошади-то? вскричалъ я изъ окна кучеру.

— Готовы-съ! отвѣчалъ не безъ удовольствія кучеръ. Пожалуйте!

— Вотъ, ваше высокоблагородіе, съ отгѣнкомъ укориэны, заговорилъ Елистратъ Кожуховъ:—вы все говорите, что мы дуриимъ, что мы народъ глупый, слѣпой и нестоющій вниманія, а вотъ Богъ-то насъ лучше цѣнитъ... и святыхъ-то своихъ людей посылаетъ все къ намъ...

— Ваше счастье, что дѣлать!

Въ это время къ взвѣзшему дому пріѣхали, телѣгахъ на пяти, мужики и бабы и стали вылѣзать на крыльцо квартиры. Я велѣлъ Кожухову справиться, кто и зачѣмъ пріѣхалъ. Кожуховъ справился о пріѣзжихъ, переговорилъ съ ними и, вернувшись въ избу, заговорилъ:

— Это вотъ, ваше высокоблагородіе, изъ села „Краснаго-Яра,, пріѣхали выборные къ матушкѣ-пророчицѣ спросить ее о своихъ несчастныхъ дѣлахъ, объ истинной вѣрѣ и пути, которой имъ слѣдуетъ избрать въ жизни сей при ихъ несчастной долѣ...

Надобно вамъ сказать, батенька, понизивъ интонацію рассказчика, обратился ко мнѣ для разъясненія Луполаровъ;—что третьяго года въ помѣщичьемъ селѣ „Красномъ-Яру“, верстѣ сорокъ отсюда, крестьяне, выведенные изъ терпѣнія управителемъ Шарыгинимъ—который, между нами правду сказать, былъ такой тиранъ, что я рѣдко въ жизни такихъ видывалъ—столкнули этого управителя въ рѣку... Помѣщикъ того села, Хабаровъ, видите ли, таскался каждое лѣто со всѣмъ семействомъ за-границу и проживалъ тамъ въ нѣсколько недѣль цѣлыя десятки тысячъ; ну, извѣстно, что бы наверстывать такіе расходы, нужно было съ крестьянъ выбивать деньгу... и събили это они крестьянъ несчастныхъ въ двое рукъ: когда помѣщикъ уѣдетъ за границу играть въ карты на водахъ, управитель тутъ съѣчетъ ихъ и деретъ съ нихъ послѣднюю рубаху, чтобы сѣсть въ карманъ, знаете, заложить кое-что... а когда помѣщикъ пріѣдетъ да услышитъ жалобы крестьянъ то со своей стороны начнетъ драть ихъ не на животъ, а на смерть,

чтобъ не жаловались впредь на управителя. Колодокъ, бывало, на нихъ набьютъ, чтобъ не бѣгали въ лѣса, морятъ въ погребахъ, на цѣпь въ кутузкѣ приковываютъ, бабъ, раздѣтыхъ до нага, стегаютъ предъ крыльцомъ во время чая вечерняго для пушлага барскаго аппетита, и, кажется, чуть собаками не травили крестьянъ на охотѣ... Съ жалобами пытались обращаться эти несчастные то къ тому, то къ другому изъ самыхъ высшихъ властей въ губерніи, ну, разумѣется, кто же не знаетъ, что въ тѣ времена никогда не мѣняли помѣщиковъ на мужиковъ и, протуренные въ зашей, жалобщики возвращались ни съ чѣмъ... Терпѣли-терпѣли эти красноярскіе крестьяне, да и выкинули штуку. Дѣло вышло уголовное. Сейчасъ же временное отдѣленіе наше, по приказанію губернатора, — большаго пріятеля помѣщика Хабарова, — нагрнуло производить слѣдствіе, и я тутъ же былъ командированъ въ числѣ другихъ. Производили мы шесть мѣсяцевъ это слѣдствіе, перебирая всѣхъ, и оказалось шестьдесятъ-восемь человѣкъ виновныхъ въ этомъ дѣлѣ, потому что, видите ли, дѣло было такое общее, повальное случилось согласіе, и изъ виновныхъ кто оказался зачинщикомъ, кто пособникомъ, а кто подстрекателемъ, попустителемъ и укрывателемъ и т. п., такъ что по нашимъ законамъ меньше шестидесяти-восьми человѣкъ нельзя было и осудить!... Тутъ же при томъ каждую недѣлю сыпались предписанія за предписаніями изъ губернскаго города: поступить-де по всей строгости законовъ съ виновными. Мнѣ, признаюсь, жалконько даже было этихъ сердечныхъ крестьянъ, потому что, сами видите, люди были выведены изъ терпѣнія... и я, грѣшный человѣкъ, заикнулся-было объ этомъ исправнику, но тотъ такъ цыкнулъ не меня, что я не зналъ, гдѣ и мѣсто найти. „Развѣ, говорить, вы не знаете, чему вы служите, а еще становой!...?“ Впрочемъ, когда по окончаніи слѣдствія стали раздѣлять пять тысячъ руб., полученныя въ благодарность за труды отъ Хабарова, то исправникъ далъ и мнѣ 500 руб., хотя и прибавилъ при этомъ: „нѣ за что бы“!.. Наконецъ вышло этимъ шестидесяти-восьми крестьянамъ окончательно рѣшеніе и изъ нихъ восемнадцать человѣкъ наказаны на мѣстѣ преступленія, въ самомъ селѣ „Красномъ-Яру“, другихъ сослали въ каторжные работы, а послѣднихъ въ Сибирь на поселеніе. Въ Содомъ и Гоморъ обратилось

это село „Красный-Яръ“. Стоны и вопли были невыносимы... Я, не смотря на то, что становой, а не могъ, признаюсь, выдержать этихъ сценъ безъ содроганія. Черезъ это село у меня, скажу вамъ, недоставало духу проѣзжать потомъ!

— Такъ вотъ эти-то, батенька, красноярскіе крестьяне и прѣхали тогда къ пророчицѣ, возвысивъ интонацію голоса, заговорилъ опять тономъ рассказчика Лупояровъ. Ввелъ ихъ Кожуховъ во мнѣ въ комнату.

— Ну, что молъ вы, какъ и зачѣмъ пожаловали сюда?

— Да вотъ, говорить, такъ и такъ, наслышавшись, что явилась нѣкая святая женщина, насъ прислалъ миръ переговорить съ нею объ нашихъ дѣлахъ.

— О какихъ же это?

— Да объ нашихъ! Какъ это, значить, теперь жить на землѣ? что нужно сдѣлать, чтобы вольготнѣе было душенькѣ и все такое...

И выборные пошли отъ меня къ пророчицѣ.

Черезъ часъ я подошелъ задами къ молебнѣ. Пророчица говорила: „нѣтъ на землѣ никого, кто бы о рабахъ божіихъ крестьянахъ думалъ, всѣ-то противъ нихъ и нигдѣ имъ нѣтъ ни защиты, ни покровительства; туды пойдутъ — сѣкутъ и въ зашей толкаютъ, сюды пойдутъ — деньги оббираютъ... Какъ же тутъ жить рабамъ божіимъ? Не лучше ли, отложившись отъ міра такого нечестиваго, избрать себѣ особый путь и по немъ идти, по крайней мѣрѣ душу свою спасешь и не дашь ее загубить антихристу и слугамъ его...“

— Лучше, лучше! говорили депутаты.

„И растлѣна есть земля русская на семь локтей въ глубину отъ слугъ антихриста во здравіе ихъ, а намъ въ разореніе, яже и въ священномъ писаніи написано объ нихъ: разорю житницы моя и реку душѣ моей: яждь, пій и почивай на многи лѣта. Того ради и посла меня Богъ на землю, да укажу народу его новый путь и исхищу его изъ когтей антихриста и слугъ его... И о семь еще единожды вопрошаю вы: всѣ ли выборные и село ваше, которое васъ послало ко мнѣ, поступить готовы въ наше новое и избранное Богомъ стадо Христово, которое есть убѣжище отъ міра проклятаго?...“

— Всѣ, всѣ! отвѣчали депутаты.

„Помолимся же о сихъ новопоступающихъ братіяхъ нашихъ, заговорила пророчица: — да приобщатся они въ мирѣ и спокойствіи къ стаду избранниковъ Христовыхъ и да отречутся безбожно и благополучно отъ антихриста и слугъ его!...“

И пророчица встала.

— Что же это, спросилъ я стоявшаго рядомъ со мною мужика;— ужели все село „Красный-то-Яръ“ ухнуло въ расколъ?

— Ухнуло, ваше высокоблагородіе, ухнуло! отозвался раскольникъ и замолился на пророчицу...

V.

ПРОРОЧЕСКІЙ УЧЕНИКЪ БЕЗЪ ПАЛЬЦЕВЪ.

— Приѣзжаю я домой батенька, продолжалъ Лупояровъ, и сказываю обовсемъ покойной женѣ своей. Такъ и такъ, молъ, невидѣнная на землѣ пророчица явилась, чудеса творить, вся сокровенная человѣческая знаетъ. Самъ испыталъ ея предсказанія. И рассказалъ, знаете, при этомъ женѣ все по порядку объ этой пророчицѣ. Покойница, по женскому своему любопытству — не въ оскорбленіе ея памяти будь сказано—какъ только выслушала меня, такъ тотчасъ же на лошадей, да и къ этой пророчицѣ. Я сталь-было уговаривать ее, и урезонивать тѣмъ, что пророчица-то раскольничья, а не наша... Куда? Баба и слушать не хотѣла! къ попадѣ сбѣгала, ее подговорила съ собой ѣхать, за засѣдательшей въ городъ по пути велѣла кучеру заѣхать. Уѣхали, а я на другой же день отправился въ городъ — верстъ 12 всего отъ моего стана — и сказываю исправнику, судѣ, засѣдателю, стряпчему и секретарю уѣзднаго суда, что такъ и такъ молъ, пророчица явилась въ селѣ „Каменкѣ“, идетъ отъ страны Иркутскія изъ Сибири, и творить чудеса. Какія мѣры принять противъ этого? Случай небывалый! и рассказалъ имъ все по порядку.

— Мошеница какая нибудь, сказалъ исправникъ, когда вы-

слушалъ мой разсказъ. У этихъ раскольниковъ то пророки, то апостолы вѣчно бродятъ по землѣ русской.

— Позвольте, позвольте! заспорилъ судья, большой пріятель отца протопопа, и читавшій божественныя книжки. — Развѣ не было на землѣ пророковъ, развѣ это небывальщина какая? А что если, въ самомъ дѣлѣ, это какая нибудь святая женщина, а мы ее засадимъ въ острогъ?

Съ судьей согласился и засѣдатель, но противъ нихъ вооружились стряпчій и секретарь уѣзднаго суда, и пошли тутъ споры, да толки, такъ что до самаго вечера за этия дѣломъ провели...

— Такъ какъ же, спрашиваю я, арестовать пророчицу-то, или нѣтъ?

— Конечно арестовать! кричалъ стряпчій — и донести обо всемъ губернатору.

— За что же арестовать? сказалъ судья. — Вѣдь она никакого преступленія не сдѣлала, никому никакого вреда не причинила, и пророчествуетъ себѣ у раскольниковъ, а не у православныхъ?

— Вы вѣчно за раскольниковъ стоите, возразилъ стряпчій. — Хорошо вамъ заступаться-то за нихъ, когда по милости ихъ вы два каменныхъ дома имѣете, да 5000 тысячъ десятинъ земли съ лѣсомъ и рыбными ловлями...

— Вѣдь и вы, кажется, не безъ нихъ же купили себѣ хуторъ-то съ пятьюстами десятинами земли? укололъ стряпчяго судья.

— Но пятьсотъ десятинъ, однакоже, не пять тысячъ?

— Еще бы! отвернулъ судья. — По чину и мундиръ!... Надо же и честь знать. Я судья, а вы только стряпчій.

И вышла тутъ, знаете, у нихъ маленькая стычка...

— Не въ этомъ дѣло, господа, сказалъ засѣдатель: — кто больше отъ раскольниковъ нажилъ; всѣ мы ими дураками живемъ, и я отъ нихъ домъ и мельницу имѣю, и кто же вообще въ Россіи отъ самаго верха до самаго низу съ нихъ не беретъ?... Лѣнливый только развѣ! Но практично ли будетъ арестовывать пророчицу? Вѣдь временное-то отдѣленіе для производства слѣдствія изъ насъ же должно будетъ составиться, извольте-ка по деревнямъ и селамъ ѣздить съ полгода изъ-за какой нибудь дуры-пророчицы. Слуга покорный! Мнѣ эти слѣдствія-то и такъ ужъ вотъ гдѣ на шеѣ сидятъ.

Съ засѣдателемъ согласился и секретарь уѣзднаго суда, объяснивъ, что ему и такъ приходится до четырехъ тысячъ дѣлъ въ годъ разбирать по однимъ воровствамъ, да убійствамъ...

Съ мнѣніемъ секретаря стали наконецъ и всѣ соглашаться.

— Я бы этихъ собакъ раскольниковъ въ бараній рогъ согнуть, сказалъ исправникъ:— и пророчицѣ бы этой спуску не далъ, но съ вами соглашусь пожалуй потому, что съ нѣкотораго времени началъ получать такія предписанія на счетъ раскольниковъ, которыя совсѣмъ не одобряю... Дѣлаютъ исправниковъ, власть имъ ввѣряютъ, а потомъ предписываютъ, чтобы исправникъ сидѣлъ, да и не смѣлъ ничего дѣлать. Зачѣмъ же и исправниковъ тогда назначать?

Такимъ образомъ единогласно и порѣшили на томъ, чтобы не трогать пророчицу.

Только покончили мы эту бесѣду, какъ глядимъ: и наши жены вернулись отъ пророчицы. Засѣдательша пересказала все исправницѣ, попадѣя протопопицѣ, а моя жена ударила въ городѣ по чиновникамъ, и пошла кутерьма такая, что Боже ты мой! Всѣ бабы въ городѣ вдругъ засобирались къ пророчицѣ за прорицаніями... Засѣдательша вошла вдругъ въ зало съ исправницей и ну расписывать все по порядку про пророчицу. Исправница прерываетъ ее, и обращается къ мужу своему съ такими словами:

— Вообрази, говоритъ, душа моя, Марья Ивановна спрашиваетъ пророчицу, счастлива ли она замужемъ? А та вдругъ ей отвѣчаетъ: счастлива такъ, что нетолько мужемъ никогда не была биваема, но на масляницу и сама его прибила... Согласись, другъ мой, какъ же это она въ Иркутскѣ-то объ этомъ узнала?

— Зачѣмъ же вы объ этомъ передаете? зашѣтила засѣдательша:— я вамъ объ этомъ вѣдь по секрету сказала?

— Ну, какой же тутъ секретъ, объ этомъ и безъ того всѣ знаютъ! Мало ли что въ жизни бываетъ между женою и мужемъ?..

Засѣдатель сконфузился, потому что подобный пассажъ съ нимъ дѣйствительно случился въ этотъ годъ.

— Да еще какія вещи рассказывала, тараторила исправница. И подошедши къ мужу, зашептала ему на ухо... Исправникъ вспыхнулъ, какъ маковъ цвѣтъ...

— Вообрази, даже знаетъ и такія вещи!..

— Полноте, полноте. нельзя же всего сказывать мужчинамъ, стала унимать засѣдательша исправницу. — Вѣдь я вамъ по секрету все сообщила...

— Исправница не унималась и начала по секрету расписывать другія пророчества...

Среди такихъ удивленій пророчищъ вошелъ вдругъ къ намъ сотскій изъ села „Дубяновъ“, и принесъ завернутые въ тряпку четыре пальца, отрубленные отъ человѣческой руки. Всѣ присыпали къ сотскому, и начали разсматривать окровавленные пальцы. Подлетѣли было сюда и наши дамы, но исправница взглянувъ на мертвечину, вскрикнула: „ахъ“ и бацъ въ обморокъ... Ее увели въ другія комнаты.

— Что это такое? закричали всѣ въ одинъ голосъ на сотскаго.

— Да вотъ Ермолай Зайцевъ отрубилъ все это нынѣшнюю ночь у вора, что полѣзъ къ нему въ окно въ чуланъ.

Зайцевъ стоялъ тутъ же.

— Какъ же это ты ухитрился? стали всѣ спрашивать Зайцева.

— Таково вотъ, отвѣчалъ Зайцевъ. — Легъ я въ эту ночь въ кладовой, али чуланъ, что черезъ сѣни у меня сдѣлано, и не могъ долго уснуть; все блохи да тараканы кусали. Допржеде никто и не спалъ въ этомъ чуланѣ, а тутъ какъ-то пришло. Вдругъ кто-то подналъ окошко, да и полѣзъ въ него. У меня отъ брата, что на побывку приходилъ, осталась сабля и лежала за сундукомъ, такъ заржавленная ужъ—я схватилъ ее, да къ окну: воръ-то на задъ, и царапается-царапается по окну-то. Я саблей-то вишь какъ стукнулъ по рукѣ, оно пальцы-то и остались на подоконникѣ.

— Ну, а вора ты не прихватилъ и не знаешь, куда онъ скрылся? спрашивали Зайцева.

— Не могъ признать; видѣлъ только, что онъ убѣжалъ черезъ заборъ.

Исправникъ тотчасъ же мнѣ приказъ даетъ отрядить сыщиковъ и розыскать: у кого не достаетъ пальцевъ? Я беру съ собой пальцы эти, сажусь на лошадей и ѣду немедленно же домой. Собираю сыщиковъ своихъ и даю имъ строгій приказъ: немедленно отыскать человѣка безъ пальцевъ. Переходить, говорю, непремѣнно всѣ кабаки, знахарокъ, ворожеекъ и мелочныхъ торговекъ и вывѣдать

отъ нихъ, не приходилъ ли кто за лекарствами, или кровь заговаривать и т. п. Разсыпались мои молодцы по всѣмъ таковымъ мѣстамъ и на другой же день доносятъ, что въ селѣ „Каменкѣ“ у знахарки Авсиньи былъ человѣкъ и спрашивалъ присыпки отъ ранъ. Я на этотъ пунктъ сейчасъ же налегъ и знахарку за бока: кто, дескать, и это былъ? Та указала на того, кто приходилъ къ ней; кто приходилъ указалъ на того, кто его послалъ, кто послалъ указалъ на того, кто поручилъ, кто поручилъ указалъ на того, кто его просилъ и т. д., такъ что наконецъ добрались и до безпалаго и схватили его. Что же вы думаете? оказался безпальцымъ-то одинъ ученикъ пророчицы! Забираютъ его со всѣмъ его имуществомъ и представляютъ ко мнѣ въ станъ. Смотрю, это дѣйствительно былъ одинъ изъ тѣхъ мужиковъ, который стоялъ въ моемъ присутствіи рядомъ съ пророчицею, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ. Лице такое черное, борода широкая.

— Не твои ли, мошь, братъ это пальцы?

— Не знаю, говоритъ.

— А не знаешь, такъ мы приставимъ и посмотримъ.

Приставляемъ отрубки и они какъ разъ подошли къ его рукѣ.

— Какъ же ты ихъ потерялъ?

— Богу ужъ такъ, видно, угодно!

— А самъ, смотрю, на пальцы-то все дуешь. Вижу руку-то у него разнесло отъ снадобьевъ, такъ что оконечности оставшихся пальцевъ стали гноиться.

— А больченько, мошь, братъ видно рукѣ-то?

— Ничего: Богъ подтверпитъ...

— Теперь закупите-ка его, говорю своимъ архангеламъ, въ бандалы, да посадите въ арестантскую, потомъ заберите пророчицу, со всѣми ея учениками и въ станъ немедленно же представьте.

VI.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО АДУ И РАЮ.

Исправникъ прислалъ мнѣ предписаніе произвести строжайшее слѣдствіе, при депутатѣ съ духовной стороны надъ пророчицею и

ей учениками, которые, какъ онъ выразился, вѣроятно, тѣмъ только и занимаются, что воруютъ, да подкидываютъ, а пророчица отгадываетъ... А на особомъ лоскутѣ приписалъ карандашемъ свою рукою: „стыдно господину становому приставу рекомендовать за пророковъ — обманщиковъ; кажется, служить не первый годъ!“ Стыдненько мнѣ стало, дѣйствительно, когда я получилъ такую бумажку; но вѣдь, согласитесь, случай такой необыкновенный, трудно было сообразить!..

Допросы мы рѣшились дѣлать въ квартирѣ священника, потому что это съ одной стороны было приличнѣе для такой особы, какъ святая пророчица, а съ другой и самъ священникъ просилъ объ этомъ, чтобы доставить случай женѣ своей съ дьяконицею и прочимъ синклитомъ послушать показанія пророчицы. Я съ своей стороны не противорѣчилъ этому. Такимъ образомъ 6 июня 1854-го года назначили мы снять первый допросъ съ пророчицы. Засѣдатель и депутатъ съ духовной стороны, мѣстный священникъ, были на лицо. Любопытныхъ набралось полное зало. Я приказалъ ввести пророчицу въ допросу. Члены комиссіи усѣлись вокругъ стола, на которомъ положили Сводъ Законовъ, и объявили прежде всего пророчицѣ предписаніе земскаго суда и начальника губерніи; потомъ спросили:

— Ты грамотная?

— Хотя грамотная, но наукамъ не учена; когда я вернулась съ того свѣта и духъ божій накатылъ на меня, то незримо и чудесно познала я всякую премудрость, отвѣчала пророчица.

— Такъ ты была на томъ свѣтѣ? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Была.

— Давно?

— Прошлаго года.

— Какъ же это случилось?

— Вамъ, говорить, этого ненужно знать. Законъ этого не требуетъ.

— Нѣтъ, и законъ требуетъ, сказалъ засѣдатель.

Пророчица окинула взоромъ собраніе и заговорила:

— Когда я стала собираться идти въ какой нибудь свѣтъ, или вечеру, то Богу начала молиться день и ночь, — отъ суеты мірской

сторониться. Стали на меня люди дивоваться, что я такая молодая еще и къ Богу такъ сильно стремлюся, а на дѣла мірсвія незаряся. И приходили ко мнѣ люди наши съ плачемъ и слезами о дурномъ повсюду начальствѣ и жизнь свою проклинали... Мнѣ стало жалостно на все это глядѣть, и захотѣлось узнать, чья вѣра правѣе: раскольничья или православная? И стала я слезно молить Бога о томъ, нельзя ли рабѣ Божіей невиной дѣвицѣ узнать, чья вѣра на землѣ справедливѣе и кому на небѣ лучше бываетъ: раскольникамъ, или православнымъ? Молилась я съ годъ объ этомъ, только вдругъ осенью простудилась, когда мыла на рѣкѣ, и захворала, да такъ, что и память въ горячкѣ потеряла совсѣмъ... Слышу, что лежу на кровати, а сама все въ видѣніяхъ какихъ-то пребываю. Читала я передъ этою только болѣзнію житіе преподобной Θεодоры мученицы, и думала: вотъ какъ бы моль Богъ сподобилъ меня также увидѣть, что на небѣ дѣлается, да потомъ и спустилъ опять на землю, — хорошо бы было! я всю истину людямъ рассказала бы! Такъ я пролежала недѣли три и наконецъ въ одну ночь, какъ разъ подъ Покровъ, вижу, дверь въ нашу избу отворилась и вошла госпожа въ бѣломъ платьѣ, въ чепчикѣ съ цвѣтами и идетъ-идетъ прямо къ моей кровати. Я испугалась. Не бойся, говоритъ, раба божія, меня, я за тобой пришла! Я мученица божія Θεодора, пойдемъ со мною на небо, ты молила Бога объ этомъ! Тутъ вдругъ потолокъ нашей избы разверзся и мы полетѣли сквозь него на небо; большія бѣлыя крылья вдругъ замахали у насъ обѣихъ за плечами. Съ день этакъ времени, мы все летѣли; смотрю на землѣ ужъ люди маленькіе такіе стали, точно дѣти. Я спросила мученицу: много ли, верстъ мы пролетѣли? Верстъ, говоритъ, тысячу, раба божія. Чувствую я, однако, что мнѣ все жарче становится и солнышко дѣлается къ намъ все ближе и ближе. Скинь, сказала мнѣ мученица, твою земную одежду и облекись въ небесную! И снявши съ себя верхнее платье, она одѣла меня имъ, а сама осталась въ другомъ платьѣ, еще бѣлѣе этого. Брось, говоритъ, земную одежду свою на землю, да посмотри, нѣтъ ли въ карманѣ ключа, или еще чего тяжелого, чтобы не убить кого. Я осмотрѣла карманы своего сарафана, и когда не нашла въ нихъ ничего, то бросила его на землю. Смотрю онъ завружился, точно птица вотъ иногда падаетъ, когда

обожжетъ крылышки у солнца, залетѣвши высоко... Когда пролетѣли мы другой день, то я опять спросила мученицу: а теперь, молъ, много ли верстъ мы поднялись отъ земли? „Теперь ужъ, говорить, двѣ тысячи верстъ.“ Я посмотрѣла опять на землю, а тамъ ужъ одаѣ трубы на домахъ видѣются, а люди стали точно комары, тамъ этакъ ползають-ползають по землѣ то... На третій день мы подлетѣли ужъ совсѣмъ къ солнышку; смотрю я—а оно привѣшано какъ сито къ потолку и не шелохнетъ, такъ это утверждено вѣрно! Палить, вижу, это солнышко, какъ пламя въ печи, а мнѣ совсѣмъ не жарко и вѣтерокъ небесный такъ и порхаетъ кругъ меня, да продуваетъ... А много ли теперь верстъ мы отлетѣли отъ земли, спросила я въ третій разъ мученицу? „Теперь ужъ, говорить, мы поднялись на три тысячи верстъ и сейчасъ будемъ на небѣ.“ Я взглянула еще разъ на землю, анъ ужъ одинъ только крестикъ отъ колокольни видѣется и блеститъ на солнышкѣ, село же наше чуть-чуть только чернѣется. „Теперь, сказала мученица конецъ путешествію нашему, вотъ и небо!“ Пролетѣли мы тутъ вдругъ синюю стѣну въ сводѣ небесномъ и земля съ солнцемъ совсѣмъ пропала тогда у насъ изъ глазъ; мы очутились на небѣ. Смотрю я, небо раздѣлено пополамъ на двѣ половины, на правой сторонѣ стоитъ рай, а на лѣвой адъ. Мученица повела меня сначала въ адъ, гдѣ текла огненная большая рѣка, а черезъ рѣку была перекинута желѣзная цѣпь. „Пойдемъ по этой цѣпи, сказала мнѣ мученица:—я покажу тебѣ всѣ мытарства ада“. Да я упаду, отвѣчала я. „Не бойся, говорить, раба божія:—дай мнѣ руку и иди за мной!“ Тутъ она меня взяла за руку и повела черезъ цѣпь. Вижу я, адъ раздѣленъ поперегъ на перегородки каменными стѣнами, точно комнаты въ домахъ, или вотъ какъ плотинами перепружаютъ рѣчку. Идемъ мы по цѣпи, а она такъ и зыблется, а у меня-то сердце такъ и замираетъ-замираетъ! Вижу я грѣшныя души, голыя совсѣмъ, палятся въ огнѣ и карабкаются по стѣнѣ каменной, чтобы подняться изъ огня-то на стѣну. Вылѣзетъ это иная совсѣмъ изъ рѣки и сажня два-три пролѣзетъ по стѣнѣ, да потомъ вдругъ такъ и чебурахнется, вотъ точно какъ тараканъ ползетъ, напимѣръ, по стѣнѣ, да потомъ вдругъ бы его столкнуть на полъ.“

И пророчица подошедши къ стѣнѣ зала, начала на штукатуркѣ оной показывать пальцами, какъ это грѣшныя-то души ползають по стѣнѣ каменной, а потомъ вдругъ и обрываются. Всѣ присутствовавшіе при допросѣ обратили любопытные взоры свои на стѣну.

— А изъ какого камня стѣны-то сдѣланы? спросилъ пророчицу засѣдатель.

— Не знаю я въ камняхъ толку-то, отвѣчала пророчица, — а только видѣла, что онѣ изжелта такъ.

— Изъ гранита должно быть?

— Можетъ статья.

— А можетъ быть, и изъ мрамора?

— Можетъ быть и изъ него; доподлинно не могу сказать.

— А отроки тамъ лѣтъ въ пятнадцать, вотъ какъ мой покойный Васенька, мучатся тоже, или нѣтъ? закричала вдругъ попадья изъ передняго угла залы.

— Тс!... При формальномъ допросѣ, матушка, нельзя никому давать вопросовъ подсудимому, кромѣ лицъ начальственныхъ, обратился къ попадѣ предсѣдатель и сказалъ внушительно.

Та замолчала, а священникъ сконфузился такъ за нее...

— Ну, продолжай, лебедка, продолжай, сказали мы потомъ пророчицѣ. — Мы мѣшать тебѣ не будемъ.

— Вотъ я, продолжала пророчица, и спросила тутъ мученицу: что значать эти перегородки въ рѣбѣ? Это, говорить, мытарства. А сколько, моль, этихъ мытарствъ-то? Двадцать говорить, и вотъ это первое мытарство, въ которомъ истязуются грѣхи словъ праздныхъ, буйныхъ, скверныхъ, безчинныхъ, а наипаче срамословныхъ и смѣхотворныхъ, произносимыхъ въ пѣсняхъ и другихъ кощунствахъ. Потомъ мы перешли ко второй стѣнѣ и цѣпь желѣзная подъ нами зашаталась шибче... Тутъ сказала мученица, — второе мытарство, въ которомъ истязуется всякое слово ложное, а особенно клятвенное преступленія, призываніе имени Господа всуе, лжесвидѣтельства и исповѣданіе грѣховъ не по истинѣ бывающее. Смотрю я: души грѣшныя плачуть какъ дитя малое, и руки къ небу простирають. Приблизились мы потомъ къ третьему мытарству, гдѣ истязуются тѣ, кои осуждаютъ ближнихъ и смѣются грѣхамъ ихъ, клеветцуютъ, беславать и худять. Таковыхъ испытываютъ какъ антихристовъ, самъ

Христовъ предвосхитившихъ и сотворившихся судьями и губителями ближнимъ своимъ. Тутъ сказала мученица, огонь горитъ жарче, чѣмъ въ первыхъ мытарствахъ. Прошли мы и это мытарство и приблизились къ четвертому. Смотри, сказала мнѣ мученица, какъ тутъ черные духи встрѣчаютъ съ веселіемъ пьяницъ и износятъ на встрѣчу чашки, блюда съ пищею и посуду съ напитками и обличаютъ въ тайномъ, раннемъ, безъ крестнаго знаменія, прежде церковнаго правила, яденія, также въ пресыщеніи за обѣдомъ и ужинномъ пищею и питіемъ, а особенно виномъ.“ „А вотъ смотри, сказала мученица, какъ въ пятомъ мытарствѣ истязаются люди, дни и часы въ праздности проведеніе, и наказываются тунеядцы, чужіе труды снѣдающіе, сами же дѣлать нехотящіе и работники берущіе плату, но какъ должно неработающіе, также нерадящіе о хвалѣ божіей, лѣнящіеся въ праздничные и воскресные дни идти на утреню и божественную литургію и инья славословія божія и нерадящіе о душѣ своей.“ Вижу я, что тутъ чаще души грѣшныя възлѣзаютъ по стѣнѣ и остаются въ ней по-долгу. Я спросила мученицу: почему это тутъ больше на стѣнѣ укрываются отъ огня, чѣмъ въ другихъ мытарствахъ? „Это, говоритъ, значитъ, что когда за осужденныхъ-то въ церкви на землѣ бываетъ поминовеніе, то на это время и имъ тутъ дается отдохновеніе отъ мученій, а какъ поминовеніе оканчивается, такъ и души падаютъ опять въ огонь.“ Прошли мы далѣе шестое мытарство, гдѣ мучаются воры; потомъ седьмое, гдѣ мучаются сребролюбцы и скуные; потомъ осьмое, гдѣ истязуются отдающіе серебро свое въ лихву, и подошли къ девятому. „Здѣсь, сказала мнѣ мученица, истязуются всѣ судіи неправедные, на мздѣ судящіе и оправдывающіе виновныхъ, невинныхъ же осуждающіе, также всѣ за удержаніе мзды наемникамъ и неправедную мѣру и вѣсъ“. Смотрю я, а въ этомъ мытарствѣ все-то...

И пророчица замаялась...

— Говори, говори! сказали мы, — что все-то?

— Да вамъ, говорить, не понравится можетъ быть?

— Ты не предъ нами вѣдь говоришь, а предъ закономъ, сказалъ засѣдатель, — потому намъ за что же сердиться на показанія подсудимыхъ?

— Да все-таки.

— Ну, ну?

— Все-то губернаторы, исправники, засѣдатели, да становые мучаются, отвѣчала пророчица...

— Ну и пусть ихъ мучаются; вѣдь насъ ты тамъ не видала? сказали мы смѣшномъ знаете. А самимъ дѣйствительно было немного неловко...

— Нѣтъ, говорить, не видѣла еще...

— Ну а до другихъ, говоримъ, дѣла нѣтъ.

— Да все-то въ мундирахъ всѣ, въ звѣздахъ и крестахъ, сказала боязливо пророчица...

— Какъ же мундиры-то на нихъ не сторають развѣ?

— Не сторають вишь; стало быть для того, чтобы видѣли другія грѣшныя души, за что они мучаются...

— Ну дальше, дальше, что видѣла ты въ слѣдующемъ мытарствѣ? сказалъ засѣдатель, желая прекратить дальнѣйшее неловкое для насъ разъясненіе пророчицы по этому предмету...

— Вотъ, заговорила пророчица, прошли мы дальше десятое мытарство, гдѣ мучаются за зависть, нелюбовь, братоненавидѣніе, недруголюбіе и ненависть, и подошли къ одинадцатому. Вижу я, что огонь тутъ пылалъ шибче прежнихъ. „Тутъ, сказала мнѣ мученица, гордостно-надмѣннии души истязаются за тщеславіе, самолюбіе, презорство, величаніе, взыскуются, если кто невоздавалъ должныя чести отцу и матери и прочія гордостныя дѣла и слова тщеславныя“. Въ двѣнадцатомъ мытарствѣ я видѣла, какъ мучаются за гнѣвъ; въ тринадцатомъ истязуются держащіе въ сердцахъ своихъ злобу на ближняго и воздающіе зломъ за зло; въ четырнадцатомъ мучаются за разбойничество, за всякую рану и всякое удареніе чѣмъ-либо и гдѣ-либо по какой нибудь части тѣла; въ пятнадцатомъ нечистые духи, подобно скорпіонамъ и зміямъ, истязуютъ осужденныхъ за отравленіе и призываніе бѣсовъ. Пройли мы и это мытарство и подошли къ шестнадцатому. Мученица сказала мнѣ, „что въ немъ истязуется всякое любодѣяніе и грѣхи блуднаго мечтанія, скверныя осазанія и страстныя прикосновенія“. Вижу я, что князь этого мытарства сидитъ на престолѣ своемъ, облеченный въ одежду скверную, смрадную и окропленный

пѣною кровавою. Бѣсы, держа въ рукахъ написанныя блудныя дѣла, обличаютъ осужденныхъ, показываютъ лицъ, съ коими они грѣшили, дни, часы и мѣста, гдѣ это происходило... Пламя въ этомъ мытарствѣ было такъ сильно, что захватывало меня за ноги, однако я не чувствовала, чтобы оно меня жгло... Прошли мы потомъ семнадцатое мытарство, гдѣ мучаются за прелюбодѣяніе въ супружествѣ жившіе и нарушившіе супружескую вѣрность, а также чистоту свою обѣщавшіе соблюсти Христу, но обѣта несоблюдшіе; чрезъ восемнадцатое — гдѣ истязуются за содомскій грѣхъ; чрезъ девятнадцатое — гдѣ наказуются за ересь, и наконецъ двадцатое, гдѣ князья тьмы и духи яры истязуютъ души немилосердыхъ, и если кто совершилъ и многіе подвиги, посты и молитвы и чистоту соблюлъ нескверну и тѣло свое очистилъ воздержаніемъ, но былъ жестокосердъ и немилостивъ, то низвергается въ рѣку... „Теперь, сказала мнѣ мученица: — ты видѣла мытарства въ аду, пойдемъ же въ рай, и я покажу тебѣ блаженство праведныхъ“. Смотрю я: вдругъ предъ нами стоитъ стѣна изъ чернаго облака и ничего въ ней не видно. Мы прошли чрезъ эту стѣну и глазамъ моимъ открылся рай. Луга такіе зеленые вездѣ, рѣки молочныя и медовыя текутъ, а на бережку ихъ сидятъ праведные, да черпаютъ рукою сыту медовую и кушаютъ кашку молочную... Ангелы небесныя и херувимы летаютъ надъ ними по воздуху взадъ и впередъ, точно вотъ надъ землею голуби, и крыльями своими вѣтерокъ производятъ. На деревьяхъ растутъ яблоки золотыя, а души праведныя гуляютъ по садикамъ да срываютъ яблочки и въ карманъ кладутъ, а другіе кушаютъ. Прошли мы тутъ всѣ блаженства праведныхъ и подошли, наконецъ, къ престолу божьему, на которомъ сидѣлъ Христосъ и Божія Матерь. Я поклонилась имъ до земли и Христосъ сказалъ мнѣ: иди, душа, на землю, и повѣдай людямъ все видѣнное, дабы шли они по правому пути! Тутъ я вдругъ испугалась такъ, что вся задрожала, и когда пришла въ память, то очутилась ужъ на своей кровати и не видѣла и не помнила, какъ и кто меня съ неба спустилъ на землю, только почувствовала, что я все тайное стала знать и яснѣе все стало у меня въ головѣ... Вотъ и все судьи мои! Теперь судите меня какъ знаете!“

— И ты съ того времени стала пророчествовать? спросили мы пророчицу.

— Съ того самаго...

Письмовидитель прочиталъ вслухъ, по нашему приказанію, записанное имъ показаніе пророчицы, мы всѣ подписались къ этому протоколу и попросили пророчицу руку приложить. Ее повели обратно въ кутузку. Только видимъ мы, что народъ встрѣчалъ ее на дорогѣ съ почестями такими, что бросалъ ей одежду подъ ноги, деньги сыпалъ на блюдо для ея вырученія...

VII.

съ худой головой не суйся въ чадъ.

Исправникъ скоро пріѣхалъ лично на слѣдствіе и началъ допросъ съ перваго изъ учениковъ пророчицы, приказавъ прочихъ вывести на время.

— Что ты за человѣкъ и откуда родомъ? спросилъ онъ подсудимаго, крутя свои большіе усы. Исправникъ былъ армейскій майоръ.

Тотъ молчить.

— Что у тебя языкъ-то отсохъ что ли?

Молчить.

— Не хочешь говорить?

Опять молчаніе...

— Тьфу! плюнулъ исправникъ прямо въ лицо допрашиваемому. Это чертъ знаетъ что такое, хоть кого изъ терпѣнія выведетъ!.. Уведите его и давайте слѣдующаго.

Перваго ученика увели и привели другаго.

— Ты кто? спросилъ исправникъ новоприведеннаго.

Молчаніе... Исправникъ окончательно былъ, что называется, зарѣзанъ и вѣбсьидя такъ, что вскочилъ со стула, однако скоро переломилъ себя и притворно ласково заговорилъ со вторымъ ученикомъ пророчицы.

— Ты, другъ любезный, скажи намъ: кто ты и откуда?

— Оттуда!.. отвѣчалъ второй ученикъ и въ упоръ отвернулся къ стѣнѣ. Физиономія этого ученика была сонная такая, немудрающая, а злости, видимо, было много.

Исправникъ сжалъ кулаки, затрясся отъ злости и сквозь зубы, переломивъ себя, выговорилъ:

— Слѣдующаго давайте!

Ввели третьяго ученика пророчицы. Смотримъ, мужикъ здоровый такой, лице необыкновенно глупое, голова нечесаная, волосы рыжіе и глаза на выкатѣ.

— Ты кто, любезнѣйшій? спросилъ исправникъ.

Молчаніе.

— Отчего же ты не хочешь сказать намъ?

Опять молчаніе.

— Желдаешь отвѣчать что нибудь намъ на вопросы?

Молчаніе.

— Слѣдующаго! сказалъ исправникъ, засучивая рукава...

Ввели на мѣсто третьяго, четвертаго ученика. Смотримъ—лицо широкое такое, какъ лопата, борода помеломъ, глаза мутные такіе...

— Ну-съ, любезнѣйшій, кто ты, заговорилъ исправникъ, приступивъ къ ученику подъ носъ.

Тотъ молчитъ.

— Тоже не хочешь отвѣчать?

Молчаніе.

— И этотъ тоже! вскрикнулъ исправникъ, дѣйствительно потерявшій всякое терпѣніе,—Такъ вы дурачить, что ли, вздумали насъ?

А самъ баць ученика-го въ физиономію кулакомъ да и началъ тузить...

— Да я тебѣ всё челюсти раздроблю, раскаленнымъ желѣзомъ пытать буду, за суставы къ перекладу привѣшу и добьюсь того, что развяжу твой дурацкій языкъ, кричалъ исправникъ. Я васъ всёхъ въ бараній рогъ согну... Теперь слѣдующаго давайте!

Привели пятаго ученика пророчицы. Бородка у приведеннаго

была влиномъ, волосъ на головѣ мало, на лбу плѣшь. Этотъ тоже не отвѣтилъ ни слова.

— Шестаго ученика сюда введите!

— Пропалъ, ваше высокородіе! отвѣтилъ посланный.

— Какъ пропалъ?

— Не можемъ знать...

Исправникъ такъ и запылалъ, какъ зарево, отъ конфуза. Мы встали изъ-за стола и покончили засѣданіе. Исчезъ, думаемъ, подсудимый, кого же тутъ допрашивать? Седьмой, безпалый ученикъ у насъ уже былъ допрошенъ прежде. Значить и засѣдать не для чего! Видимъ, исправникъ горячится на чемъ свѣтъ стоитъ, точно на полѣ бородинскомъ, а раскольники эти стоятъ какъ статуи, да головами поматываютъ... Онъ, знаете, то къ тому, то къ другому изъ нихъ обратится съ вопросомъ: куда, дескать, дѣлся шестой ученикъ пророчицы? Не наше, говорятъ, дѣло!

— Не вверхъ же улетѣлъ?

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе! отозвался одинъ изъ солдатъ. — Я видѣлъ самъ, какъ что-то поднялось черное вверху, да и полетѣло таково высоко...

— Да это, скотъ, можетъ быть ворона?

— А можетъ и ворона, спорить не могу! Только что-то больно великое...

Мы всѣ захохотали, а исправника-то это бѣситъ пуще. Что же вы думаете батенька? Такъ вѣдь мы на томъ съѣхали. Шестой-то ученикъ какъ въ воду канулъ!

— Я, говорилъ исправникъ, завтра же обо всемъ этомъ донесу губернатору и напишу свое мнѣніе объ искорененіи... этого раскола съ лица земли.

И такъ, знаете, встревоженно онъ распрощался съ нами...

— А съ вами я найду средства справиться! сказалъ маіоръ раскольникамъ, садясь въ экипажъ.

Но тѣ стоятъ себѣ, да поматываютъ головами...

VIII.

ВОЛЬ ВРАЧА ИЩЕТЬ.

У насъ, однако, послѣ исправника слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Пишемъ это мы пишемъ, а толку никакого... Кто такая пророчица, что за люди ея ученики, гдѣ они прежде были и что дѣлали?—ничего этого мы узнать не могли. Жили, такитъ образомъ, жили члены нашей комиссіи въ селѣ попусту, изводили-изводили казенныя суточные деньги, инда одурь взяла. Ни позади, ни впереди никакихъ слѣдовъ! Только въ это время безпальный ученикъ пророчицы, видимъ мы, съ каждой недѣлей страдаетъ все болѣе и болѣе. Сначала безпалую руку его равнеско какъ гору отъ извести и всякихъ скверностей, которыми лечила его знахарка, потомъ въ другую руку его ударило, затѣмъ въ ноги вступило, и все хуже, да хуже. Наконецъ болѣзнь перешла въ антоновъ огонь. Встревожился больной не на шутку, дрожь пробѣжала по его тѣлу и глаза невольно обратились къ небу. Какъ смерть-то, подумаешь, батенька, страшна человѣку? Ночью, часу въ десятомъ, слышу: больной потребовалъ меня къ себѣ въ комнату. Я пришелъ и вижу, что онъ сидитъ на кровати, облокотившись руками на столъ.

— На что, молю, любезный я спонадобился тебѣ?

— Мнѣ, говоритъ, сказали, что я умру черезъ день, или два.

— Да, и намъ это сказано.

— Страшно умирать, ваше благородіе. Грѣхи мучать, тяжело на душѣ!

А самъ, вижу, сдвинулъ въ груди тяжелый духъ, какъ будто боченокъ пороху тамъ у него взрывало...

— Я радъ, говорю, любезный, что въ тебѣ пробудился голосъ совѣсти хоть при концѣ твоей жизни. Время еще есть: облегчи твою душу, какъ съумѣешь.

— Этого-то облегченія я и хочу! Выслушайте же, говоритъ,

меня и не позорьте безъ числа мою душу, а взгляните безпристрастно, кто тутъ былъ больше виноватъ: я или еще кто?

И ученикъ пророчицы началъ свою исповѣдь.

IX.

ИСПОВѢДЬ.

— Былъ я, ваше благородіе, московскій 2-й гильдіи купеческій сынъ Иванъ Радіоновъ .Б...овъ и жилъ при своемъ отцѣ до смерти его благополучно; грамотѣ былъ обученъ въ училищѣ, къ торговлѣ приноровленъ какъ слѣдуетъ, ѣздилъ съ отцомъ по дѣламъ въ Одессу, Петербургъ, Таганрогъ и Нижній-Новгородъ, людей много видалъ и смыслъ къ торговлѣ возымѣлъ хорошій. Старшій братъ мой, Титъ Радіоновъ, завѣдывалъ дѣлами въ Москвѣ, а мы съ отцомъ ѣздили по другимъ городамъ. Такъ это все шло у насъ хорошо, только вдругъ батюшка нашъ померъ черезъ три года послѣ матушки нашей, и я остался шестнадцатилѣтнимъ сиротой. Братъ мой въ то время былъ женатъ и имѣлъ троицхъ дѣтей, потому батюшка, видя мою малолѣтность, поручилъ меня ему до совершеннолѣтняго возраста. „Слушайся, говоритъ, Ванюшка, старшаго брата своего во всемъ какъ отца, пока самъ не придешь въ полный разумъ; веди жизнь приличную купеческому званію, не поселяй раздора въ семьѣ нашей, дойдешь до совершеннолѣтняго возраста, тогда получишь свою часть отъ брата; не соблюдешь этихъ моихъ приказовъ — не получишь, а такъ и сыну Титу занисалъ. Вижу я братъ мой пригласилъ изъ гражданской палаты рябаго приказнаго, подчивалъ его долго разными винами, и тотъ написалъ духовное завѣщаніе, которое съ братомъ они и подали батюшкѣ подписать за нѣсколько часовъ предъ смертію. Послѣ ужъ это завѣщаніе подписали священникъ и знакомые брата. Стали мы, схоронивши батюшку, жить да поживать; только замѣтилъ я, что этотъ рябой приказный безъ просыпу почти сталъ у насъ находиться, о какихъ-то дѣлахъ все по секрету говорить съ бра-

томъ, а на меня такъ косо все поглядывать. Вижу я братъ мой постоянно сталъ унижать меня къ случаю и безъ случая предъ посторонними, и смѣялся, когда я у прилавка, въ свободное время, сталъ читать книжки. „Умень, говорить, скоро хочеть быть, умень брата, знать, захотѣлъ сдѣлаться!“ Скоро я потомъ пристрастился къ театру и сталъ ходить туда съ такою охотою, что и сказать не могу, особливо когда игралось про несчастную эту жизнь купеческую. Какъ, бывало, соберутся къ брату приказные пьянствовать, такъ я сейчасъ же и въ театръ. Братъ, узнавъ объ этомъ, запретилъ мнѣ такія хожденія наотрѣвъ. Я сталъ съ нимъ спорить, онъ раскричался, я не послушался и сказалъ, что, кажется, молъ, братецъ, я воленъ коронее дѣлать самъ по себѣ, не ребенокъ уже? „Это, говорить, не прилично купеческому званію“... И пошло у насъ чѣмъ дальше, тѣмъ хуже да хуже, а приказный работой, замѣчаю я, все строчить что-то и въ полицію таскаетъ свидѣлствовать. Какъ у насъ съ братомъ выйдетъ исторія какая, онъ уже, смотрю, тутъ какъ тутъ, и все съ бумагой. Я ничего въ этомъ не понималъ и соображалъ, что видно что нибудь онъ по дѣламъ брата мараеть. На двадцать второмъ году я собрался жениться на красавицѣ и умницѣ Олюшкѣ, бѣдной сиротѣ. Братъ запретилъ мнѣ жениться на этой дѣвушкѣ: разъ потому, что она казалась ему образованнѣе его жены, чистой дурны, а другое, что радъ былъ придратъся къ обстоятельству, чтобы идти мнѣ наперекоръ и подставить мнѣ случай оказать ему непослушаніе. Такъ оно и вышло! Полгода послѣ этой свадьбы прожилъ я въ домѣ своего брата съ грѣхомъ пополамъ и, наконецъ, попросилъ его вдѣлать мнѣ мою половину.

— Поживи-ка съ красавицей да умницей женой своей на иглопочѣ, отвѣтили мнѣ вдругъ братъ на эту просьбу, а я такъ какъ неограниченно воленъ выдать и не выдать тебѣ твоей половины, то разсужденіемъ положилъ за лучшее: не дать тебѣ ничего и тѣмъ всѣ счеты съ тобой покончить!...

Началось у насъ бумажное дѣло! Изъ дома отцовскаго я долженъ былъ перебраться на квартиру. Братъ мой, вижу, приказнаго рябаго залучилъ къ себѣ на безвыходное пребываніе и начали они отписываться и доказывать, что я вель жизнь, по смерти

отца своего, неприличную купеческому званію: выходилъ изъ послушанія старшаго брата своего; пропадалъ по театрамъ, за что де онъ, какъ полноправный душеприкащикъ и распорядитель, и лишаетъ меня назначенной мнѣ половины. Что тутъ было дѣлать; куда безденежному человѣку кинуться и въ комъ исвать помощи? Прошло съ полгода мучительной моей жизни, какъ вдругъ однажды на улицѣ, противъ самыхъ присутственныхъ мѣстъ, взялъ меня за руку старинный пріятель моего отца изъ раскольниковъ Анфиногенъ Назаровъ Г...нъ и стиснувъ мою руку сказалъ:

— Здравствуй несчастный человѣкъ! Аль лобуешься на зданія-то, что по міру тебя пустили?...

— Любоваться-то, молю, не люблюсь, а частенько взглядываю...

— Зайдемъ-ка, говорить, лучше ко мнѣ, да потолкуемъ кое о чемъ, мнѣ давно хотѣлось съ тобой видѣться. Я вѣдь съ батюшкой-то твоимъ покойнымъ хлѣбъ-соль съ одной ложки ѣлъ, торговать съ одного рубля начали. Помнишь, чай, меня?

— Какъ, говорю, не помнить? Хотя я маленький тогда былъ, а помню.

Пришелъ я въ домъ Анфиногена Назарова; вижу живетъ справно, свой каменный домъ имѣеть, образцовъ въ серебряныхъ и золотыхъ ризахъ полны кіоты, семейные въ полномъ довольствѣ живутъ. Сѣли мы съ нимъ въ особой комнатѣ и онъ заговорилъ со мною:

— Вотъ, говорить, хороший человѣкъ, давно мы слѣдимъ за тобою и видимъ, что ты погибъ совсѣмъ. И я также погибъ-было назадъ тому тринадцать лѣтъ, но вотъ справился, не хочешь ли и ты справиться? Ты вотъ теперь ограбленъ и братомъ и приказными, и никому нѣтъ дѣла до тебя. плюнуть на тебя всякому лѣнь, но мы тебѣ дадимъ сейчасъ же безвозмездно двѣ тысячи рублей.

И рассказалъ онъ мнѣ тутъ всю подноготную раскольниковъ въ-рн и раскольниковъ житья и понялъ я, что дѣйствительно у нихъ жизнь-то масляница...

— Ну что же рѣшайся что ли? спросилъ меня потомъ Анфиногенъ Назаровъ. Будь нашимъ.

— Да вотъ, молю, мимо Бремя-то какъ придется идти, такъ

сердце-то какъ бы не перевернулось отъ стыда за извѣну вѣры?
— Да Бремль-то, говорить, какъ вашъ, такъ и нашъ!

Такъ-то вотъ я и сдѣлался раскольникомъ! Люди эти увидѣли, что я человекъ-то грамотный,мышленный, наторѣлый на всякія руки, и стали посылать меня по дѣламъ раскольникчьиъ, вмѣстѣ съ „ходаками“ ихъ, по разнымъ городамъ, чтобы пріучить меня на этой дорогѣ для иной пользы... Такимъ образомъ мнѣ довелось побывать въ Крыму, въ Тулѣ, въ Яссахъ, въ Саратовѣ, въ Черновицахъ, въ Черниговѣ и даже въ Ирбитѣ разъ прокатиться. Такъ прошло года три. Я въ это время ко всему присматривался, все изучалъ, перечиталъ множество всякихъ книгъ раскольникчьиъ, узналъ весь бытъ поповщинской и безпоповщинской секты и всякія прочія смѣшныя ужъ до-нельзя секты. Только, скажу, увидѣлъ я однако, что всё-то онѣ имѣютъ основаніе свое въ недовольствѣ жизнию... и всё-то явились законно, только смотря по разуму людей, то-есть чѣмъ глуше люди, темнѣе и непросвѣщеннѣе, тѣмъ смѣшнѣе явилась у нихъ и вѣра! На третій годъ я попался въ острогъ въ Н... губерніи и просидѣлъ съ полгода, но во время пересылки для допросовъ бѣжалъ. Себя я не защищаю и сотоварищей моихъ тоже, но подумайте и о томъ, что же дѣлать когда народу лучше жить на землѣ неприходится?.. Теперь я все сказалъ вамъ, чѣмъ хотѣлъ предъ смертію облегчить мою душу... Судите же меня какъ знаете!

Въ утру большой этотъ умеръ въ страшныхъ мученіяхъ антонова огня, разлившася черезъ ночь по всему его тѣлу.

Х.

ЗЕРКАЛО НЕВИНОВАТО, КОГДА ЛИЦО КРИВО.

О похоронахъ умершаго „безпалаго ученика пророчицы“ родилась у насъ споръ, какъ его хоронить: начальству ли слѣдуетъ предать его землѣ, какъ подсудимаго арестанта, или отдать тѣло его въ распоряженіе раскольниковъ, которые похорошили бы его, какъ

звуютъ. Собрались мы всё въ засѣданіе и стали разсуждать объ этомъ. Рѣшено было похоронить тѣло умершаго какъ арестанта. Раскольники тотчасъ же провѣдали объ этомъ и депутацію ко мнѣ съ деньгами отравили. Явилось человекъ 20, отраженныхъ ходатайствовать о выдачѣ имъ тѣла ученика пророчицы...

— Зачѣмъ, говорю, любезные пожаловали?

— Да вотъ пришли просить нетлѣнное тѣло ученика пророчицы. Наши прислали вамъ пятьсотъ рубликовъ...

А сами и деньги кладутъ на столъ.

Мнѣ хотѣлось взять больше и я имъ отказалъ въ похоронахъ по раскольничьему обряду.

Дня черезъ три послѣ похоронъ безпалаго ученика пророчицы, вдругъ въ полночь прибѣгаетъ въ мой домъ десятскій и проситъ разбудить меня сказывая, что самое эстренное дѣло случилось.

— Что такое: пожаръ что-ли?

— Нѣтъ, говоритъ, не пожаръ, а вотъ раскольники-то вырыли тѣло умершаго арестанта и хоронятъ его на своемъ кладбищѣ съ фонарями и пѣснями духовными...

Я одѣваюсь сейчасъ же и, впопыхахъ, бѣгу съ десятскими и сотскимъ на кладбище раскольниче, отстоявшее отъ села версты за двѣ. Вижу: велий плачь творится на этомъ кладбищѣ! Что за зрѣлище думаю? Бѣгаю въ середину толпы и вижу, что они улеъ и могилку засыпаютъ землицею, и все горстками, знаете ли, бьдаютъ на нее землю изъ благоговѣнія значить; лопатками-то, видите-ли, они сочли за неприличное зарывать святяя кости...

— Какъ, спрашиваю, осмѣлились вы это сдѣлать? Да знаете-ли, что васъ за это всѣхъ въ Сибирь унекутъ?

— Итѣмъ-съ, отвѣчаютъ, соизволеніе свыше...

— Отъ кого?

— Отъ самаго исправника!..

Я отвелъ ихъ поскорѣе въ сторону, чтобы не слышали ничего десятскіе, и говорю:

— Правда ли это? не вздоръ ли?

— Ужели же мы такъ съ дуру будемъ дѣлать такіа дѣла?

И стали они разсказывать мнѣ по порядку, что за тысячу руб.; исправникъ далъ имъ отвѣтъ, что хотя онъ не выдаетъ формаль-

наго позволенія на ихъ просьбу, но будетъ молчать объ этомъ, что засѣдатель взялъ съ нихъ четыре сотни руб. и обѣщалъ не тревожиться... и т. д.

Вотъ какъ дѣло-то сдѣлалось! соображалъ я. Значить всё довольно, только я въ дуракахъ...

И сталъ я придумывать, какъ тутъ выдти изъ воды сухимъ?..

— И я вѣдь, говорю, повидавшись съ исправникомъ и другими, изъявилъ свое согласіе на это дѣло, только вотъ вы ко мнѣ то не пожаловали?

— А когда изъявилъ согласіе, такъ мы въ обидѣ тебя противъ другихъ не оставимъ...

И вынувши пятьсотъ руб., завязанныхъ въ бумажкѣ, подали ихъ мнѣ.

XI.

УЧЕНИКИ ПРОРОЧИЦЫ.

Недѣль черезъ десять послѣ этихъ похоронъ, осенью, когда мы и утокъ всѣхъ перестрѣляли, и бекасовъ перемолотили, и озера всѣ перетоптали отъ нечего дѣлать, пришелъ отвѣтъ изъ сибирскихъ губерній съ описаніемъ лицъ, нами пойманныхъ. Читаемъ мы эти бумаги и находимъ слѣдующее:

Объ убѣжавшемъ Иванѣ Тимофеевѣ извѣщали, что онъ перебывалъ во всякихъ сѣткахъ, сидѣлъ въ 6-ти острогахъ, но что его не держали ни кандалы, ни запоры острожные. Климъ Лукьяновъ происходилъ изъ мужиковъ Тамбовской губерніи, убѣжалъ отъ рекрутчины, въ которую считалъ себя неправильно отданнымъ за другое семейство, о чемъ и подавалъ бесполезно жалобу по начальству; сосланъ въ Сибирь на поселеніе съ употребленіемъ на временныя работы, при статейномъ спискѣ за № 8369. Бродяга Сидоръ Кононовъ былъ одинъ изъ проклинающихъ все русское начальство за то, что въ 1851 году исправникъ вывѣлъ его чуть не досмерти за неплатежъ податей, отъ которыхъ онъ справедли-

во отговаривался голоднымъ годомъ, и продалъ съ торга весь его скотъ... Трифонъ Манухинъ былъ препровожденъ въ губернский городъ на увѣщаніе консисторіи, гдѣ прожилъ у протопопа на работахъ дворника и дровосѣва... впродолженіе года, убѣжалъ, наконецъ, совсѣмъ изъ губерніи, покинувъ жену и семь человѣкъ дѣтей.... Присланъ въ Сибирь при статейномъ спискѣ за № 4248. Иванъ Голузузовъ, уроженецъ С...ской губерніи, села Тенькова, присланъ въ Сибирь за расколъ при статейномъ спискѣ за № 5846. Былъ неграмотный, но въ острогахъ обучился чтенію и писью. Ома Радіоновъ убѣжалъ изъ-подъ плети барской конюшни и скитался въ лѣсахъ дотолъ, пока не попалъ въ раскольниковую секту. Что же касается до пророчицы, то о ней извѣщалось, что это казенная крестьянка Костромской губерніи, Устинья Нивяфорова—женщина грамотная и смышленная, убѣжавшая отъ кнута пьянаго свекра своего Тычина въ раскольниковій скитъ, бросивъ мужа своего и четырехъ малыхъ дѣтей... При закрытіи сего скита начальствомъ, какъ начотчица, упорная и опасная сектанта, она и выслана была на поселеніе, вмѣстѣ съ другими сектантами.

XII.

УМИРАЕТЪ ЩУКА—ЗУБЫ ОСТАЮТСЯ.

Открывши, такимъ образомъ, всю сущность дѣла о пророчицѣ, продолжалъ Лупояровъ, мы, батенька мой, покончили уже скоро съ нею и ея учениками. Судъ приговорилъ ихъ всѣхъ къ высылкѣ въ отдаленныя губерніи. Мѣсяца черезъ два послѣ этого, когда мнѣ довелось быть по дѣламъ въ домѣ исправника, гдѣ случились засѣдатель, судья и другіе, онъ потиралъ руки отъ удовольствія, что удалось-де такъ ловко разпутать дѣло о пророчицѣ...

— Вотъ я написалъ по этому случаю, говорилъ онъ, преектъ объ уничтоженіи раскола въ Россіи и посылаю его начальству: пусть-ка пораскусить! Только теперь это еще покуда секретъ.

— Поважите, поважите! стали мы приставать къ исправнику.

Исправникъ не соглашался, но мы его наконецъ уломили.

И сталъ онъ намъ читать, а мы слушать.

— Во время многолѣтней службы своей и неуспѣнныхъ трудовъ на пользу отечества, прослуживъ шесть лѣтъ во флотѣ, пять лѣтъ въ арміи и семь лѣтъ исправникомъ, я наконецъ убѣдился, что раскольниковъ непремѣнно слѣдуетъ уничтожить, для чего и имѣю честь представить на благоусмотрѣніе вышняго начальства слѣдующій мой проектъ, какъ результатъ равностнаго, неуспѣшнаго и добросовѣстнаго изученія мною раскола и вообще духа и характера народа русскаго... Я не напрашиваюсь этимъ на награду, на крестъ Анны, наприимѣръ (Станислава съ бантомъ уже имѣю), или еще какой орденъ—нѣтъ! а исполняю только свой долгъ по силѣ. Начальство мудрое само умѣетъ оцѣнивать труды служащихъ. И такъ, для уничтоженія раскола русскаго, по моему мнѣнію нужно...

— Позвольте, позвольте! прервалъ судья.—Вы пишете, что не награды вамъ нужно, а сами намекаете на бумагѣ своей на Анну. Это бросится, пожалуй, въ глаза начальству.

— Ну, ужъ не ваше дѣло учить меня, отвѣтилъ исправникъ.

— Конечно, но все же неловко; отчего же не предостеречь?

— Я васъ не предостерегаю, заговорилъ исправникъ: — страшная флотская горячка была — когда вы въ своихъ бумагахъ начальству настойчиво запрашиваетесь на представленіе васъ въ титулярному совѣтнику за отличіе... Всѣ бумаги ваши только этимъ всегда и наполнены вмѣсто дѣла...

— Когда же это было?

— Я знаю когда! отвѣтилъ исправникъ: — неуждно ли укажу?

И пошла у нихъ тутъ потѣха, такъ что исправникъ и проекта своего намъ не сталъ читать, а гостей своихъ разогналъ по случаю ссоры съ судьей...

Черезъ полгода этакъ однажды вдругъ сказываютъ мнѣ, что со мной жалеетъ видѣться одинъ раскольникъ изъ „ходаковъ“, Что, думаю, за надобность такая во мнѣ случилась? Иду. Что же вы думаете, батянька, кого я увидѣлъ? спросилъ меня Луцояровъ, смѣясь.

— Кого?

— Да Ивана Тимофеева, что невидимкою скрылся отъ насъ при

допросъ пророчицы....—Я сейчасъ же велѣлъ десятскому оставить васъ однихъ. А самъ думаю: должно быть большія новости какія сообщить мнѣ хочеть. И такъ смѣло пришель! А впрочемъ онъ конечно увѣренъ былъ, что я ловить его не стану.

— Ну что, молю, любезнѣйшій „пройди свѣтъ“, зачѣмъ пожаловалъ?

— Да вотъ, говорить, грамотку поручили мнѣ раскольники передать господину исправнику и вашему благородію. А прежде всего условимся съ вашимъ благородіемъ, что вы меня ловить не будете. Мы знаемъ тебя, какъ смирнаго человѣка, потому я и явился къ тебѣ смѣло.

— Помилуй, говорю, я всегда себя вѣренъ.

— Вотъ прочтите-ка проектъ господина исправника, посланный начальству. Наши написали на него отвѣтцы. Не за свое онъ дѣло взялся; надо ему мѣсто пережвѣнить...

Я взялъ изъ рукавъ посланнаго листъ бумаги, читаю его, и вижу, что отвѣты противъ каждаго пункта полуставомъ написаны, да такъ ловко, что я хохоталъ потомъ цѣлую ночь!..

— Да какъ же, молю, ваша братія ухитрилась достать-то этотъ проектъ? Исправникъ связывалъ намъ, что держать его въ секретѣ, даже намъ не показывалъ, когда мы просили его объ этомъ.

— Какъ же, говорить, въ секретѣ? только не на этомъ свѣтѣ...

— Однако же, говорю?

— Да Иванъ-то, Федоровъ на что же?

— Это писарь-то исправника:

— Да, онъ-то! Онъ другой домикъ ужъ недавно купилъ въ городѣ, а жалованья-то, какъ вашему благородію безсмызвѣстно, получаетъ всего сто-двадцать рублей ассигнаціями въ годъ. Такъ тутъ разсуждайте, значить, какъ знаете...

— Такъ вотъ, молю, кто вамъ угрожаетъ! Будемъ знать теперь...

— Напрасно, говорить, будете думать, что раскольники только чрезъ писарей стеновыхъ знаютъ всѣ дѣла высшаго начальства, касающіяся ихъ. У нихъ Иванъ Федоровъ-то есть и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ каждой канцеляріи палатской, губернаторской и министерской. Вездѣ гдѣ еще только на черно пишутъ

чтонибудь, раскольники ужъ на другой день все это читаютъ. Вѣдь голь перекатная вездѣ сидитъ, изъ-за рубля всякій продастъ отца роднаго, не только что бумажонку какую-нибудь...

— Ну а что о пророчицѣ то Устинѣ Никифоровѣ и твоихъ собратіяхъ, ученикахъ ея, ничего не слышалъ: какъ и гдѣ они теперь поживаютъ?

— Не знаю! говорить. Только вѣдь, ваше благородіе, этихъ пророчицъ и пророковъ вмѣсто Устиньи Никифоровны и ея учениковъ народилось новыхъ тьма-тьмушкая... Идутъ они всюду и ѣдутъ, и вездѣ-то чествуются и улажаются. Щука умираетъ, значить, а зубы остаются!

— Прощайте, сударь, ваше благородіе! Передайте же грамотку-то господину исправнику.

И Иванъ Тимофеевъ, вернувшись на коблучкахъ козловыхъ сапогъ своихъ, бойко вышелъ изъ моей комнаты.

XIII.

что посвѣшь, то и жнешь.

Дня черезъ два я отправился въ городъ къ исправнику и разсказалъ ему исторію моего разговора съ Иваномъ Тимофеевымъ, показавъ также и проектъ его, возвращенный съ надписью... По краснѣлу мой исправникъ, какъ на пожарѣ, прочитавъ отвѣты раскольничьи, а главное — былъ особенно пораженъ тѣми обстоятельствомъ, какъ, дескать, это онъ къ нимъ въ руки-то попалъ?

— Да ты, говорить, любезнѣйшій не самъ ли это написалъ?

— Помилуйте, моль, ваше высокобродіе! Вы можете знать лучше меня: ваше ли это сочиненіе, или мое?

— Гм!.. Такъ неужели эти скоты могутъ такъ дѣла свои обдѣлывать? Бумаги получаютъ у всѣхъ изъ подъ носа, оплетаютъ всякое начальство, — это чертъ-знаетъ что такое наконецъ!

— Ничего, моль, тутъ и удивительнаго-то нѣтъ! Въ тѣсныхъ обстоятельствахъ человекъ всегда ухитряется. Нужда остритъ ра-

зубъ... Сами знаете! А другая пословица говорить еще лучше: что сума, да тюрьма дадутъ ума... Нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенъки поетъ.

— Ладно, говорить. Я перейду на службу въ другую губернію и завтра же поѣду хлопотать объ этомъ въ губернской городъ. Только прошу васъ обо всемъ этомъ никому ни слова, какъ будто бы вы и проекта моего не видали, и отвѣтовъ этихъ не читали. Конечно бояться тутъ, собственно говоря, мнѣ нечего, дѣло мое правое, долгъ службы, но все-таки знаете лучше, когда люди меньше знаютъ о другомъ, чѣмъ слѣдовало бы! Не такъ ли?

— Всесовершеннѣйшая, моль, правда!

И, грозный иѣкогда, исправникъ нашъ пожалъ мнѣ крѣпко руку.

Недѣли чрезъ три онъ дѣйствительно переѣхалъ на службу въ другую губернію, въ которой не было уже ни одного раскольника...

Послѣ того собравшись какъ-то вмѣстѣ, мы долго хохотали надъ проектомъ исправника и всей этой исторіей. Вѣдь выдумалъ же моль, такую небылицу въ лицахъ, что курамъ на смѣхъ! Не выдавши ничего и не зная советѣмъ народа русскаго, а раскольниковъ и того меньше, сѣлъ майоръ армейскій за столъ въ кабинетъ своемъ, да и настроилъ проектъ; ну и вышла чепуха! Нѣтъ, онъ послужилъ бы прежде вотъ хоть становымъ на примѣръ годяковъ пятнадцать, да переглядѣлъ этого народу тысячь пять въ годъ, тогда другіе бы проекты-то сталъ писать...

Въ проектѣ своемъ господинъ исправникъ рекомендуетъ увеличить число исправниковъ! Ну, разумѣется, когда увеличивается число исправниковъ, такъ какъ же отставать этимъ раскольникамъ-то и не увеличивать, въ свою очередь, пророковъ и апостоловъ своихъ? Долгъ платежей вѣдь красенъ! Хохотали мы долго-таки на этотъ счетъ...

А раскольники эти дѣйствительно, скажу вамъ батенька, какъ на смѣхъ проекту исправника, съ каждымъ днемъ все прибываютъ и прибываютъ... Видишь этакъ, на примѣръ, село иное въ православіи будто находится, ну и сердце, знаете, радуется: наши моль, пока! Только чрезъ недѣлю вдругъ слышишь, что все это ухнуло въ расколъ... Вся эта слѣпая, голая, оборванная и по уши завязнувшая во тѣмъ масса ухаетъ и ухаетъ въ расколъ въ два-три дня

какихъ нибудь при появленіи Сидорки, или Карпушки съ возлиной бородой, назвавшагося христомъ и пришедшигъ-де изъ Иркутска спасти народъ отъ его севернаго житія и провести прямою дорогою въ золотыя ворота рая... Только и слышишь и видишь бывало, что они встрѣчаютъ и провожаютъ то христа, то пророка, то мученика съ мученицей, то учениковъ божіихъ, съ неба свалившихся... Наголо вѣдь невѣжество, куда не кинь глазомъ; на тысячу человѣкъ едва одинъ грамотный есть и то съ грѣхомъ пополамъ, а ужъ о вѣрѣ-то православной и помину нѣтъ!.. Вездѣ каковъ погъ, таковъ и приходъ!.. Да худо батенька съ такимъ народомъ—въ государствѣ,—пропащія люди совсѣмъ! Ну оно послѣдствія-то вотъ и высказываются, сами собою. Что, значить, посѣлѣ, то и жни, пословица-то недаромъ говорится!

XIV.

ЗА УЖИНОМЪ И ПОСЛѢ УЖИНА.

— Ужинать ужъ пора гостю! сказала вошедшая въ гостиную дочь хозяина. Двѣнадцать часовъ ночи. Столъ накрытъ въ залѣ.

— Да пора, пора батенька дѣйствительно, отвѣчалъ Лупояровъ.—Я заболтался такъ, что и забылъ, что соловья-то баснями не кормятъ...

— Я всталъ и послѣдовалъ за Лупояровымъ въ залу.

За ужиномъ сидѣла съ нами дочь Лупоярова и прерывала всякій начатый нами на старую тему разговоръ, такъ-что Лупояровъ наконецъ пересталъ говорить и погрузился въ самое аппетитное упитываніе поросенка, индюшки, супа съ жирной курицей, едобныхъ кудебьякъ и прочаго. Щебетала одна старая дѣва, которую никто не слушалъ.

„Да“ думалъ я, послѣдовавъ примѣру Лупоярова, и взявшись за ложку: „Лупояровъ“ этотъ человѣкъ положительный, практичeskій, административная голова, рационалистъ, хоть и большой вѣточникъ!.. Онъ понималъ и понимаетъ дѣйствительность, какъ она

есть, на дѣло смотреть прямо; вотъ выстроилъ себѣ домъ, купилъ земли вдоволь, накопилъ деньги, ладилъ съ начальствомъ всякимъ и народу былъ любезнѣе другихъ, хоть и обиралъ его кругомъ... Словомъ—онъ сталъ ближе другихъ къ народу и хоть вовсе никакихъ наукамъ не учился, однако былъ умнѣ исправника своего, писавшаго дурацкіе проекты и сдѣлавшаго народу болѣе зла, чѣмъ Лупояровъ. Лупояровъ хоть и обиралъ народъ—кто же его у насъ въ Россіи не обиралъ и не обираетъ — но за то дѣла не пакостили, не портили его, какъ говорится, а все потому, что здравый смыслъ чевовѣческой имѣлъ большой... Онъ возвышался даже до иронической точки зрѣнія на окружавшее его! Онъ много видалъ, много зналъ и отъ него многому можно было поучиться, особливо глупымъ чиновнымъ писателямъ проектовъ, въ родѣ вышпереченнаго исправническаго!.. Лупоярова, какъ видно изъ разсказа его, занимали вопросы административные и государственные, которые онъ рѣшалъ, съ помощію одного здраваго смысла, просто, ясно и практично. Его здравый смыслъ, какъ вѣроятно изъ разсказа его замѣтилъ и читатель, охотно подтрунивалъ надъ сухопарыми умами окружавшихъ его жалкихъ администраторовъ, особливо нѣмцевъ, и всѣми ихъ высшими распоряженіями, которыя ему, волей-неволей, приходилось исполнять по службѣ. Благодаря исключительности своего положенія среди народа, онъ узналъ скоро этотъ народъ, сразу понималъ и осмыслилъ свое положеніе—и охотно говорилъ о своемъ прошломъ, чего изъ другаго рычагомъ не выворотить, жорновомъ, какъ говорится, не вымелешь! „Да-съ, да нѣтъ-съ, да не знаю...“ обыкновенно только и говорить на распросы любознательнаго какойнибудь паршивый чиновничиска, взяточникъ, всю свою жизнь строчившій ябеды, и народъ обиравшій по призванію, соп амоге. Лупояровъ же обиралъ народъ потому только, что зналъ, что этимъ обраніемъ поправлялъ и упрощалъ дѣло...

Послѣ ужина Лупояровъ своею собственною рукою поправилъ огонь въ лампадѣхъ предъ большимъ кіотомъ со множествомъ образовъ въ серебряныхъ и золотыхъ окладахъ.

— Что это, спросилъ я, у васъ въ домѣ-то точно цѣбровный иконостасъ?

— Нельзя батенька! Старость труслива, сами знаете...

— Что же эти лампадки-то день и ночь горятъ у васъ передъ кіотомъ-то вашимъ?

— Неугасимыя, батенька, неугасимыя! отвѣтилъ Лупояровъ и перекрестился два раза передъ лампадкою.—Какъ вышелъ въ отставку, такъ и завелъ; нельзя: всё вѣдь мы въ грѣхахъ жили и живемъ...

— Конечно, особливо становые-то!

— Спокойной ночи милый человѣкъ! И Лупояровъ, указавъ мнѣ мягко приготовленную постель на диванѣ, вышелъ въ свою спальню, гдѣ пищали уже экономкины дѣти...

Ночью я долго не могъ уснуть: то корова подойдетъ къ окну и шумно задышетъ, то собаки дворныя примутся почему-то лаять на корову. Свиныя откуда-то вдругъ взялась и прошла разъ пять мимо оконъ, хрюкая съ достоинствомъ; лошадь гдѣ-то вблизи жевала сѣно и все фыркала. Главная же, впрочемъ, причина бессонницы моей было глубокое впечатлѣніе, произведенное на меня рассказомъ Лупоярова. „Эка какъ глупо жизнь-то русскаго мужика сложилась!“ думалъ я. И длинный рядъ историческихъ событій, и горькихъ хитросплетеній потянулся въ головѣ моей, воскресая въ памяти. И сталъ я думать, да додумываться... Да какое впрочемъ дѣло читателю, о чемъ я сталъ думать и продумалъ до утра?..

На другой день я покинулъ гостепріимный кровъ Антона Лаврентьевича Лупоярова.

Прошло три года послѣ свиданія моего съ Лупояровымъ, и одиннадцать лѣтъ послѣ явленія пророчицы въ С... губерніи въ 1854 г. Довольно перемѣнъ произошло на лицѣ русской земли въ эти одиннадцать лѣтъ. Случилось такъ, что въ началѣ іюня 1866 г. мнѣ лежалъ путь чрезъ село „Красный Яръ“, о которомъ наговорилъ мнѣ столько Лупояровъ и которое назадъ тому 15 лѣтъ, то есть во времена владычества Лупояровыхъ съ братіей, скованное по рукамъ и по ногамъ рабствомъ, полнымъ гражданскимъ безправіемъ и повальнымъ невѣжествомъ, представляло такую обильную почву для раскола... Подѣвжаю къ селу. Оно было раскинуто по обоимъ берегамъ большого проточнаго мруда. Длинная плотина, обсаженная старыми, въ громадныя размѣры разросши-

иися ветлами, замыкала этотъ прудъ. Почти въ уровень съ нею видѣлась крыша мельницы-крупчатка, съ большими галереями и новыми колесами. Крестьянскіе дома, построенные вдоль обоихъ береговъ пруда, казалось, переглядывались черезъ широкую водяную гладь новенькими стеклами своихъ небольшихъ оконъ. Надъ прудомъ тянулся старинный садъ, упиравшійся концомъ своимъ въ высокую гору, возвышающуюся надъ селеніемъ. Липы тянулись по немъ аллеями, группировались сплошными кучами; столѣтнія сосны, съ громадными иглами, темные дубы съ блѣдно-толстыми стволами и рослые ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки. Густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ большого деревяннаго барскаго дома, обращенаго въ сельское училище. Предъ самымъ домомъ, величавшимся всѣми затѣями прежняго барства: и террасами, и башнями, и подубашнями, плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда пестрые утки, бѣлые и сѣрые гуси. Въ полугорѣ видѣлась сельская деревянная церковь съ жестянными, почернѣвшими крестами, полинялою зеленою крышею и высокою, немного погнувшеюся, колокольнею. Въ срединѣ села, предъ прудомъ, строилась новая, большая, каменная церковь. Мѣстоположеніе села было хорошо! Мой ящикъ, шагомъ проѣхавъ по плотинѣ, остановился на берегу. Сельскій курчавый мальчикъ удилъ рыбу, стоя босикомъ на полусгнившей корягѣ.

Ящикъ окликнулъ его.

— Вамъ на взъѣзжій дворъ? возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ полавка.

— На взъѣзжій.

— А вотъ ступай прямо, на дворъ, въ училище.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ воды серебрястаго окуня.

Мы въѣхали. Вхожу въ комнату, назначенную для прѣзжающихъ. Чисто, просторно и приятно. Явился старшина съ бронзовою медалью на цѣпи черезъ шею. Лицо смышенное, открытое и безъ видимаго подобострастія. Я сказалъ о себѣ. Разговорились о томъ, о семъ и я узналъ, что на этотъ разъ былъ въ селѣ и мировой посредникъ. Пришелъ сельскій учитель, нѣкто Лемеховъ,

онъ же и волостной писарь, бывший студентъ с.-петербургскаго университета, неокончившій курса по случаю извѣстныхъ студенческихъ исторій... и въ деревнѣ готовившійся потомъ держать экзаменъ на степень кандидата. Подавъ руку старшинѣ и откомендовавшись мнѣ какъ гостю, онъ повелъ разговоръ о своей дѣятельности среди освобожденныхъ крестьянъ. Лицо его постоянно оживлялось, глаза блестяи видимыиъ довольствомъ. Время потекло необыкновенно оживленно. На часахъ пробило десять. Раздался звонокъ, и сторожъ училищный, старикъ лѣтъ 60, сталъ мѣрно отсчитывать удары въ колокольчикъ, висѣвшій на столбѣ близъ входа въ училище. Запестрѣли толпы мальчиковъ и дѣвочекъ сельскихъ, съ книжками въ рукахъ собиравшихся въ школу. День былъ ясный и солнце не огнистое и раскаленное, какъ во время знойной засухи, но свѣтлое и привѣтливо-лучезарное, мирно выплывало изъ-подъ узкой и длинной жиденькой тучки. Тучка загустѣла и верхній тонкій край растянутаго облака засверкалъ змѣйками. Но вотъ опять хлынули играющіе лучи и весело и величаво поднималось могучее свѣтило. Мальчики зажимали глаза книжками, сонливо шурясь и косясь на яркіе лучи солнца.

Въ пыли и дорожномъ, походномъ костюмѣ, скоро вошелъ къ намъ въ комнату и мировой посредникъ, пріѣхавшій изъ полей съ помощникомъ старшины. Разговоръ пошелъ о поляхъ, засѣвахъ и общественныхъ десятинахъ, посѣянныхъ дружными руками крестьянъ, на строящуюся въ селѣ, въ память освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, церковь, заложенную *руками свободныхъ крестьянъ* въ честь Богоматери „утѣшенія всѣхъ скорбящихъ“.

Мировой посредникъ, происходившій изъ бѣдныхъ людей, былъ, какъ потомъ я узналъ, любимъ крестьянами и получилъ отъ нихъ нѣсколько искреннихъ адресовъ въ 19-е февраля — день, столь знаменитый для крестьянъ. Лемеховъ же до того былъ вреданъ дѣлу обученія крестьянъ и устройству правильной новой сельской администрации, что вмѣсто двухъ лѣтъ, которые хотѣлъ провести въ своихъ • свободно-избранныхъ должностяхъ — сельскаго учителя и волостнаго писаря — жилъ въ селѣ „Красномъ-Яру“ уже четыре года. Село было его родиною. Онъ оказался, послѣ моихъ раз-

спросовъ, сыномъ мѣстнаго причетника, случайно попавшимъ въ мѣстную гимназію, а потомъ отправленнымъ добрыми людьми, за отличные успѣхи, въ университетъ на казенный счетъ.

Покончивши чай, мы отправились вмѣстѣ въ училище.

— Это бывший барскій домъ, говорилъ дорогою Лемеховъ: — логовище лѣни, тупости, деспотизма и разврата...

— Какъ же, говорю, преобразился онъ въ училище-то?

— При моемъ и посредника содѣйствіи, объяснилъ Лемеховъ: — общество купило его, вотъ уже четыре года назадъ тому, задаромъ почти, у вдовы мѣстнаго помѣщика Хабарова — сосланнаго въ Сибирь за засѣченіе до смерти одного крестьянина. Вдова постриглась теперь въ иверскомъ женскомъ монастырѣ.

Домъ былъ, какъ я увидѣлъ, нѣсколько передѣланъ и приспособленъ къ училищу. Его недавно выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтливо и стекла большихъ раскрытыхъ оконъ ярко блестя на солнцѣ. Изъ оконъ этихъ неслись на улицу легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ и дѣтскаго смѣха. Весь домъ кипѣлъ жизнью и переливался дѣтскимъ веселіемъ черезъ край. На встрѣчу намъ попадались крестьянки-матери, приведшія дѣтей своихъ въ школу и возвращавшіяся съ довольными лицами домой. Лемеховъ и посредникъ привѣтливо съ ними кланялись. Меня охватывало какое-то доселѣ еще неизвѣданное чувство удовольствія и сердце сильно забилося въ груди, при видѣ *новой жизни на мочилъ мертвецовъ*...

При входѣ нашемъ въ лаволано большое, оконъ въ 6 или 8 зало, мальчики, числомъ до 50, дружно запѣли входную для учителя молитву. Лемеховъ спросилъ урокъ перваго ученика, по фамиліи Колкова. Мальчикъ всталъ и зазвенѣлъ какъ колокольчикъ. Прочіе наострили уши и не мигали глазами.

Колковъ былъ стройный мальчуганъ, съ красивыми, немного крупными, чертами лица. Онъ принадлежалъ, по всѣмъ примѣтамъ, къ богатой семьѣ. На немъ была пестрая ситцевая рубаша; небольшою новою армячокъ, надѣтый въ накидку, чуть держался на его узенькихъ плечахъ. Мальчикъ прочиталъ урокъ не запнувшись и съ видными самодовольствомъ сѣлъ, не дождавшись похвалы учителя.

— Въ гимназію, а потомъ въ университетъ его готовлю! какъ-то торжественно проговорилъ Лемеховъ. Потомъ вполголоса прибавилъ:—это сынъ одного изъ бывшихъ начотчиковъ раскольничьихъ, теперь уже равнодушнаго расколу.

Мы осматрѣли зало, подпираемое 4-мя колонами и украшенное хорами, съ фигурными перилами, на которыхъ вѣроятно играла въ былыя времена, у хозяина, бешуптнаго расточителя крестьянскаго добра, во время обѣда музыка.

Здѣсь столъ былъ яствъ.....

проговорилъ мнѣ на ухо, и очень выразительно Лемеховъ.

Осматрѣвъ мужское отдѣленіе, гдѣ остался заниматься съ мальчиками помощникъ учителя изъ крестьянскихъ дѣтей, мы перешли въ женское. Оно занимало двѣ довольно большія комнаты, соединенныя въ одно зало по выломкѣ стѣнъ. Здѣсь уже шли занятія. Дѣвочки, числомъ до 30, встали и поклонились намъ. Изъ-за учительскаго стола приподнялась и учительница, лѣтъ 22, одѣтая вся въ черное. Оказалось, что это была дочь бывшаго помѣщика Хабарова, нечаянно искалѣченная пьянымъ отцомъ своимъ въ дѣтствѣ, и обрекшая нынѣ себя, за грѣхи отцовъ своихъ, на воспитаніе дѣтей бывшихъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ... Большой горбъ, некрасиво выставившійся на спинѣ, и ея нагнувшаяся въ правую сторону голова, возбуждали въ ней съ перваго раза состраданіе. Черты лица ея были довольно правильны, а лицо поразительно бѣло и нѣжно. Сначала она конфузилась, потомъ оправилась и спросила урокъ двухъ дѣвочекъ, которыя отвѣчали весело, бойко и довольно толково.

Здѣсь пиршествъ раздавались клики.....

шепнулъ опять Лемеховъ и какъ-то ѣдко улыбнулся. •

Осматрѣвъ училище, мы вышли въ садъ и прошлись по аллеямъ. Отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ и травою. Деревья блестѣли листьями на солнцѣ и всюду распространяли пріятный запахъ. Осматрѣвши затѣмъ волостное правленіе, сберегательную крестьянскую кассу, сельскія: аптеку; больницу и наконецъ бібліотеку, гдѣ насъ принялъ бібліотекарь, выучившійся уже царень, въ плисовой

крестьянской поддевки съ бронзовыми пуговицами и причесанной по-крестьянски въ скобку. Встряхивая волосами, онъ бойко рапортовалъ посреднику о числѣ книгъ, какъ находящихся въ библиотекѣ, такъ и розданныхъ для чтенія по селу.

— На какія же суммы, спросилъ я старшину, — вы содержите эту библиотеку?

— У насъ уже три года, отвѣтилъ старшина, по предложенію учителя нашего и посредника, общими дружными силами, съютъ по 10 десятинъ хлѣба на эти заведенія.

— Последнія двѣ десятины, замѣтилъ Лемеховъ, дѣти, подь моиъ надзоромъ, убираютъ даже собственными руками...

— Новость еще невиданная у насъ въ Россіи! отозвался я.

— Пора! не безъ ироніи проговорилъ Лемеховъ; 1000 лѣтъ ходили въ потемкахъ, спали и дурили...

Старшина глубоко вздохнулъ при этихъ словахъ.

— Въ этомъ флигелѣ жилъ 20 лѣтъ управляющій полякъ, добавилъ Лемеховъ, — который грабилъ и съѣлъ людей безпощадно... Въ контрастъ этому, тяжелому для крестьянъ по воспоминаніямъ логовищу, я нарочито обратилъ его въ библиотеку.

— Гдѣ же, говорю, этотъ полякъ теперь?

— На награбленные въ Россіи съ крестьянъ деньги, отвѣтилъ Лемеховъ, — онъ содержалъ въ своей ойчизнѣ полгода банды и былъ наконецъ повѣшенъ; жена же его, за пособничество и участіе въ заговорѣ, сослана въ Сибирь.

По другую сторону дома, близъ сада, въ лѣсу, уединенно и почти забыто, стоялъ фамильный склепъ древняго рода Кабаровыхъ, гдѣ покоились дѣды и прадѣды многихъ поколѣній, бесполезно проживавшихъ на землѣ... Чугунные памятники безмолвно и угрожо покоились на осунувшихся и мѣстами провалившихся могилахъ отжившихъ поколѣній. На многія тяжелыя и грустныя думы наводили эти памятники.

договорилъ державинскій стихъ Лемеховъ.

Надгробные здѣсь воютъ лики
И блѣдна смерть на всѣхъ глядеть....

Въ 2 часа раздался звонокъ, возвѣщавшій окончаніе занятій. Все засуетилось. Дѣти съ шумомъ разсыпались по улицѣ и саду. Съ громкимъ смѣхомъ и крикомъ запрыгала и заиграла вся эта молодая стая людей, надъ головою которой пронеслась послѣдняя тяжелая и удушливая буря рабства, изумительнаго повальнаго невѣжества и безпримѣрной религіозной слѣпоты, но никого изъ нея не задѣла... Дружный хохотъ раздавался въ саду, нѣкогда назначенномъ только для ассамблей сошедшаго съ лица земли безтолково прожившаго рода...

— Вотъ среди этихъ ужъ людей, подумалъ я, пророчицы Устиньи Никифоровны жить не должны!

Вдали въ склепѣ боярскомъ, на могилѣ отца своего, сидѣла *послѣдняя въ родѣ* и задумчиво глядѣла на всю эту картину и свой нѣкогда садъ и дождь. Около нея одиноко закуковала кукушка...

— А что, много еще осталось раскольниковъ въ этомъ селѣ спросилъ я Лемехова въ разговорѣ за вечернимъ чаемъ.

— Третъ еще села, но и тѣ, какъ случайно попавшіе по ожесточенію въ расколъ, теперь уже близки ко многимъ перемѣнамъ. Пршедшій годъ они послали адресъ къ Государю съ благодарностію за освобожденіе ихъ отъ рабства и съ выраженіемъ готовности стать въ полки его добровольно на защиту русской земли отъ поляковъ, а прежде, какъ вамъ я думаю извѣстно, они не признавали по вѣрѣ своей вѣдь ни царя, ни рекрутчины?

— Ну, всѣ остальные то въ селѣ какъ себя чувствуютъ?

— Чувствуютъ себя хорошо. Вотъ посылаютъ дѣтей своихъ въ школу, выпросили себѣ, на мѣсто, никуда негодившагося, новаго попа у нашего архіерея, любятъ посредника и меня, только становыхъ и исправниковъ, по старой памяти, все еще и доселѣ не жадуиотъ. Впрочемъ мы ихъ уже оберегаемъ отъ этихъ лицъ всѣми силами и шалить никому не даемъ...

Къ вечеру въ сумерки, покончивъ дѣла свои, я собрался изъ Краснаго-Яра, простившись съ Лемеховымъ, старшиною и крестьянами.

Лящикъ мой тронулся изъ воротъ взвѣзжаго дома и мы поѣхали вдоль улицъ. Въ селѣ слышались вечернія пѣсни сельскихъ молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, игравшихъ во многихъ мѣстахъ

на улицѣ. Эхо пѣсень, раздававшихся тамъ и сямъ по улицамъ, звонко переливалось въ вечернемъ рѣдкомъ воздухѣ. На площади, близъ широкаго пруда, предъ самымъ училищемъ, нѣкогда грознымъ барскимъ домою, мимо коего съ содраганіемъ и трепетомъ проходили и старецъ и дитя, развелся большой хороводъ, среди котораго, лихо подбоченясь, гулялъ

Суженый ряженый...

Добрый молодецъ дѣтинушка—

и дѣлалъ подъ козырекъ

Красной дѣвицѣ

Разлюбуйкѣ душѣ...

Хоръ дружно заливался пѣсней:

Вдоль-да по рѣчкѣ,

Вдоль по широкой

Сизый селезень плыветь.

Вдоль-да по улицѣ,

Вдоль по Красноярской

Добрый молодецъ идетъ!...

Группы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, небрежно раскидавшись по травѣ вокругъ хоровода, окаймляли площадь и прудъ. Вдоль заборовъ и у варотъ сидѣли и стояли отцы—нѣкогда, въ самыя тяжкія для нихъ времена, считавшіе за грѣхъ не только пѣть мірскія пѣсни, но и появляться на улицѣ, гдѣ по ихъ мнѣнію, царилъ антихристъ и слуги его—и смотрѣли на дѣтей...

Вечернее чистое небо, торжественно и необъятно, высоко стояло надъ селомъ со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Сладко стѣснялась грудь, вдыхая тотъ особенный, томительный и свѣжій запахъ—запахъ русской лѣтней ночи. Въ воздухѣ не шелохнетъ. Лишь изрѣда въ пруду, съ внезапной звучностію, всплеснетъ большая рыба и прибрежный тростникъ слабо зашумитъ, едва поколебленный набѣжавшей волной вѣтра. Въ поляхъ, вдали за прудомъ, у отдыхавшихъ пахарей, заблестѣли огоньки.

Ямщикъ тронулъ лошадей и мы выѣхали изъ села.

— Эхъ вы соколики! вскрикнулъ на козлахъ молодой парень, въ красной рубахѣ и шляпѣ, украшенной лентами. — Шевелись молодцы! Говори!

Какъ серебро зазвенѣлъ колокольчикъ и тройка гнѣдыхъ взвилась и вытянулась въ струнку. Одинъ пологій холмъ смѣнялся другимъ, поля вытянулись за полями, кусты одинъ за другимъ словно изъ земли выростали и исчезали. Широкой сельскій прудъ быстро убѣгалъ отъ насъ. Стальные отблески воды, изрѣдка и смутно мерцающая при потухавшей зарѣ, слабо обозначали зеркальную поверхность пруда. Гора съ садомъ и училищемъ, на которой я такъ недавно находился, чернѣя вдаль, отдѣлялась отъ синеватой, воздушной пустоты и будто тонувъ въ темно-серебристомъ пруду. Легкая пыль узкимъ желобомъ поднималась и неслась по дорогѣ и далеко разносился дружный топотъ лошадей, изрѣдка встрахивавшихъ своими косматыми головами.

Я еще разъ оглянулся на село. Глазамъ не хотѣлось оторваться отъ видѣннаго. Жалко было расстаться съ отрадными, въ первый разъ еще въ жизни моей видѣнными на Руси картинами родной земли, и въ то же время такъ пріятно было на душѣ при мысли, что минуетъ понемногу наконецъ и для этого села былое недавнее, тяжелое и, сравнительно, мрачное для Руси время!..

Авось, подумалъ, я, при помощи гражданской свободы, лучшихъ гражданскихъ формъ, народнаго просвѣщенія и новыхъ лучшихъ дѣятелей, русскій народъ, рано или поздно, сольется наконецъ въ одну „русскую семью“, не будетъ называть Антихристомъ и слугами его совершенно враждебный ему элементъ... съ которымъ онъ дѣйствительно ничего не имѣлъ общаго... и, кто знаетъ, быть можетъ рано или поздно и самое слово „русскій расколъ“, который случайно явился въ народѣ русскомъ, сдѣлается достояніемъ только исторіи?! Какъ близко это время—сказать опредѣлительно конечно трудно, но желать и способствовать скорѣйшему приближенію онаго заставляетъ насъ заслуженная любовь къ народу, пострадавшему цѣлыми вѣками право на это наше чувство, и наконецъ даже самая честь Россіи...

Свѣту, свѣту скорѣе больше намъ, гражданскихъ правъ и лучшихъ правительственныхъ и общественныхъ дѣятелей, — вотъ въ чемъ наше спасеніе!..

II

ХЛЫСТЫ

МИХАЙЛОВСКАГО ЗАМКА.

Въ михайловскомъ замкѣ въ Петербургѣ, въ томъ самомъ замкѣ, противъ лѣтнаго сада, въ которомъ нынѣ помѣщается инженерная академія, въ 1817 году открыта была хлыстовская секта; члены которой собирались въ квартирѣ подполковницы Татариновой. Объ этой таинственной сектѣ, члены которой были люди болѣе или менѣе образованные, ходитъ у насъ множество самыхъ сбивчивыхъ рассказовъ, болшею частію неподверждаемыхъ правдивыми фактами. Мы ниѣмъ случай рассказать здѣсь, по достовернымъ источникамъ, подлинную исторію этой секты и, снявъ таинственность съ событія 1817 года, представить истину въ историческомъ ея свѣтѣ. Если ужъ подверглась полному разоблаченію секта нашихъ масоновъ, то почему же не возстановить въ исторической правдѣ и секту г-жъ Татариновой и Буксгевденъ? Мы интересуемся сектами и расколами народными: могутъ ли быть любопытны для насъ и секты другихъ классовъ, выше простонародныхъ? Намъ кажется, что секты всѣхъ классовъ и сословій — неотъемлемое достояніе исторіи, и чѣмъ болѣе разоблачаются эти секты въ подробностяхъ своихъ, тѣмъ полнѣе мы будемъ имѣть исторію. А это въ наукѣ очень важно!..

Что же была за секта г-жъ Татариновой и Буксгевденъ въ Петербургѣ? Посмотримъ на источники, какъ они представляютъ намъ эту секту.

Въ 1817 году тайная полиція получила въ свои руки копію съ письма, писаннаго подполковницею Татариновою къ женѣ маіора польской (?) службы А. Фрицъ, жившей Литейной части въ д. Латкина. Въ письмѣ этомъ г-жа Татарина, называя А. Фрицъ дражайшею въ Христѣ сестрицею, просить ее не открывать никому ихъ тайны, потому что Господь запрещаетъ бросать перлы предъ свиньями, и тутъ же изъясняетъ, что вся тайна ихъ заключается въ XIV главѣ 1 посланія къ коринтянамъ стих. 1, 2, 3, 4 и 5, гдѣ пишется: „Держитесь любви, ревнуйте же духовнымъ: паче же да пророчествуйте. Глаголяй бо языки не чловѣкомъ глаголетъ, но Богу: никто бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны. Пророчествуй же чловѣкомъ глаголетъ созданіе и утѣшеніе и утвержденіе. Глаголяй бо языки себѣ зиждеть; а пророчествуй церковь зиждеть. Хошу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете: болій бо пророчествуй, нежели глаголяй языки, развѣ аще (кто) сказуетъ да церковь созиданіе приѣмлетъ“. Такое толкованіе словъ апостола, по которому *православные называются свиньями*, обратило на себя вниманіе покойнаго императора Александра I-го; онъ приказалъ по этому письму добратся до составительницы письма и всего ея общества братьевъ и сестрицъ... По разслѣдованію открыто общество хлыстовъ, простиравшееся до 40 чловѣкъ и собиравшееся каждое воскресенье въ 6-ть часовъ въ михайловскомъ замкѣ въ квартирѣ подполковницы Татариновой. Одна солдатская жена В. Осипова, бывшая въ услуженіи у Татариновой, рассказала при слѣдствіи, что Татарина уговаривала и ее поступить въ свою секту, и она при приѣмѣ была положена въ постель и скоро пришла въ совершенное безпамятство, сама не знаетъ отчего; когда же очутилась, то явился къ ней пророкъ и началъ пророчествовать, что придетъ къ ней В. Осиповой скоро корабль съ деньгами въ такомъ количествѣ, что она сама будетъ раздавать бѣднымъ деньги. Г-жа А. Фрицъ открыла также, что когда она приведена была въ безчувственное состояніе, то явившійся ей пророкъ сказалъ, что вскорѣ явятся ангелы и возмутъ ее отъ сей жизни, а потому совѣтовалъ ей, для приобрѣтенія спасенія, быть благотворительною... Комната, въ которой собирались хлысты, была, какъ оказалось,

украшена образомъ Тайной вечери и составляла казенную квартиру Татариновой, въ которой прѣѣзжала часто и мать ея изъ Остзейскаго края новковница Буксгевденъ, заправлявшая сектою... Во время собраній хлысты садились вокругъ комнаты, потомъ вставали, читали молитву Господню и что либо изъ евангелія Іоанна, затѣмъ по прочтеніи становились на колѣни и пѣли:

Дай намъ Господи,
Бъ намъ Іисуса Христа.
Дай намъ сына твоего.
Господи помилуй насъ грѣшныхъ!
Изъ твоя полноты
Дай Создатель теплоты;
Наряди изъ насъ пророка.
Чтобы силы подкрѣпить;
Засуди судомъ небеснымъ
И не дай врагу мѣшать;
Ниспосли живое слово
Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцамъ.
Ты Христось, ты нашъ Спаситель;
Инаго Бога нѣтъ у насъ.
Твоей силой укрѣпимся,
За тобою во слѣдъ идемъ;
Прими слезы твоей твари
И поставь всѣхъ на пути...

Члены этого общества принадлежали къ различнымъ слоямъ общества: тутъ были и титулованные, и простые дворяне, и не дворяне, гвардейскіе офицеры, отставные музыканты, солдаты и т. п. Во время моленій приходящіе, послѣ взаимныхъ привѣтствій земнымъ поклономъ, усаживались по чину, мужчины по правой, женщины по лѣвой сторонѣ отъ передняго угла, и всѣ составляли едино братство на томъ основаніи, что, по изрѣченію апостола: „нѣтъ мужской полъ, ни женскій, вся бо едино о Христѣ Іисусѣ“ (Галат. III гл. 28 ст.). Всѣ члены общества были увѣрены, что вышеприведенный наборъ словъ, распѣваемый ими, имѣлъ высокотаннственную силу, низводившую на нихъ непосредственное наитіе святаго духа... По ихъ убѣжденію это была та самая „новая пѣснь“, которая, по апокалипсису, поется предъ

престоломъ божимъ избранныками, искупленными агнецемъ и вслѣдствіе пѣнія которой нисходитъ, будто, на кого нибудь изъ членовъ собранія духъ святой и приводитъ его въ особенное состояніе, въ которомъ онъ вскакиваетъ съ своего мѣста, становится по срединѣ комнаты и начинаетъ вертѣться кругомъ на востокъ до тѣхъ поръ, пока не почувствуетъ въ себѣ дара пророчества....

Послѣ этой одурающей операціи, потерявшій смыслъ, вслѣдствіе непомерно-длиннаго и непрерывавшагося верченія, и приведенный въ нѣкоторый родъ опьяненія, подходитъ къ каждому изъ сидящихъ въ собраніи и предсказываетъ большею частію хорошее будущее....

Пророчествовали въ собраніи у г-жи Татариновой, какъ открылось по правительственному дознанію, болѣе женщины, чѣмъ мужчины и пророчества свои произносили на распѣвъ, скороговоркою, безъ всякаго порядка въ рѣчахъ, такъ что едва было возможно что нибудь уразумѣть. Чтобъ сдѣлаться пророкомъ, или пророчицею, не признавалось нужнымъ имѣть ни особаго приготовленія, ни какихъ-либо особыхъ знаній; всѣ члены общества, безъ различія пола, считали доступнымъ для себя это дарованіе и женщины едва ли не болѣе, чѣмъ мужчины. На это энтузіасты уполномочивали себя превратно понимаемымъ примѣромъ первенствующихъ христіанъ время апостольскихъ, и относившимися исключительно къ той невозвратно протекшей эпохѣ словами апостола: „Хощу всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете“ (1 Кор. XIV ст. 5). Пророки и пророчицы общества г-жи Татариновой увѣряли, что когда они бывали въ пророчественномъ положеніи, то не помнили себя и говорили не собою, а обитавшимъ въ нихъ духомъ святымъ, отчего будто бы и сами не знали, что кому предсказывали....

Изъ этого общества чаще другихъ вертѣлись и обращались въ пророковъ три лица, изъ которыхъ первые двое болѣе всѣхъ говорили и проповѣди послѣ чтенія евангелія, по смыслу чтенія. Всѣ же трое преимущественно предъ всѣми имѣли вѣру въ верченіе и вертѣлись въ собраніи съ необыкновенною быстротою на пяткѣ до изнеможенія, какъ вертятся на мусульманскомъ востокѣ

дервиши, какъ вертится сибирскій шаманъ, какъ обьснутятся наконецъ сѣвероамериканскіе шекеры...

Достовѣрно неизвѣстно, были ли въ обществѣ г-жъ Татариневой и Буксегвденъ верченія общія, такъ называемыя „корабельныя“, которыя у хлыстовъ обыкновенно совершаются слѣдующимъ образомъ: сначала запѣвается собраніемъ церковный стихъ изъ канона пасхи: „Богоотець убо Давидъ, предъ сѣнными ковчегомъ; скакаше играя, людѣ же божіи святѣи образомъ событіе зряще, веселишея божественно, яко воскресе Христось, яко всеилень“. Потомъ главный учитель произноситъ изъ дѣяній апостольскихъ слова апостола Петра: „Сіе есть реченное пророкомъ Іоилемъ: и будетъ въ послѣднія дни, глаголетъ Господь, излію отъ духа моего на всяку плоть и прорекутъ сынове ваши и дщери ваши и юноши ваши видѣнія узрѣтъ, и старцы ваши сонія увидятъ; яко на рабы мои и на рабыни моя во дни оны излію отъ духа моего; и прорекутъ“ (Дѣян. 11. 16—18. Іоил. 11. 28—29). Послѣ этого и начинается верченіе. Все уносится вихремъ; все приходитъ въ буйный неистовый восторгъ; все ломается, корчится, обьснутается, сколько хватаетъ силъ, до совершеннаго изнеможенія, до безпамятства и упаду въ баквальномъ смыслѣ... Верченіе „ирестообразное“ есть родъ передышки въ этомъ безумномъ угарѣ. Тѣ, которые сохраняютъ еще нѣкоторыя силы, усаживаются по своимъ мѣстамъ, собираются съ духомъ, и потомъ, задрожавъ, затряснись, вскакиваютъ и пускаются снова въ работу перекрестными кадрилями, пока не истощатся совершенно. Общій законъ, необходимо наблюдаемый во всякомъ видѣ верченія, состоитъ въ томъ, чтобъ вертѣться и вообще двигаться непремѣнно „по-солонь“, т. е. слѣва направо. Хлысты во время этого обьснованія представляютъ зрѣлище поразительное, сильно дѣйствующее на воображеніе, даже нѣкоторымъ образомъ страшное... Есть между ними такіе мастера, что могутъ вертѣться „какъ жорновъ“ такъ что: глаза теряютъ изъ вида человѣка, — мелькаетъ только какой-то фантастическій призракъ; отъ быстроты волосы у кружанихся поднимаются дыбомъ; на мужчинахъ и женщинахъ одежда раздувается „какъ трубы“, наконецъ все сливается въ одну неопредѣленную массу, которой замѣтно только мельканіе, сопро-

воздаемое глухим топотомъ босыхъ ногъ и движеніемъ воздуха „въ родѣ вихря“. Сцена становится еще дичѣе, когда въ разгарѣ изступленія кругъ разрывается, и каждый начинаетъ работать самъ по себѣ. Тутъ происходятъ всякаго рода неистовства. Одинъ судорожно трясется, другой толчетъ и топаетъ ногами, этотъ прыгаетъ вверхъ, тотъ скачетъ въ дѣисадеу. Изъ устъ бѣснующихся вырывается родъ дикаго „взвизгиванья“. Потъ съ всѣхъ льетъ рѣкою, такъ что если вертящихся много, то подъ надо бываетъ подтирать нослѣ ветшками; сами же работающіе взмокаютъ, точно выкупанные, или вышедшіе изъ бани... Подъ конецъ, когда силы истощаются, они дѣлаются блѣдны и ослабѣваютъ какъ муха, такъ что болышатся словно тѣни, пока рѣшительно не свалится съ ногъ. Отстарной маіоръ, подпоручикъ и отставной музыкантъ болѣе всѣхъ изъ общества Татариновой были увѣрены въ томъ, что въ ихъ верченіи присутствовалъ самъ Богъ, вся святая троица, и то изнеможеніе, въ которое они приходили, тотъ потъ, которымъ они обливались, сравнивали они съ послѣднимъ моленіемъ Іисуса Христа въ саду геесеманскомъ, когда, по выраженію евангелія, „бысть потъ его, яко капли крове, капающія на землю“ (Лук. XXII гл. 44 ст.); маханіе же простертыми, при верченіи, руками сравнивали съ мановеніемъ крыльцъ ангельскихъ... Вообще всѣ хлысты въ немстевомъ верченіи полагаютъ высшую степенъ богоугоднаго подвижничества и съ тѣмъ вмѣстѣ находятъ верховное богоподобное наслажденіе. Все это объясняется весьма просто, физиологически. Напряженныя, насильственные тѣлодвиженія, преимущественно быстрое круговращеніе, приводятъ организмъ въ особенное раздраженіе, которое на нервы и мозгъ дѣйствуетъ еще сильнѣе, чѣмъ упоеніе крѣпкими напитками, или употребленіе другихъ наркотическихъ средствъ. Въ этомъ заключается тайна удовольствія, происходящаго вообще отъ танцевъ. Раздраженіе легкое сообщаетъ и душѣ веселость легкую; но если тѣлесное напряженіе усиливается, то усиливается и напряженіе души, такъ что она приходитъ въ состояніе восторженности подобное тому, какое производитъ опіумъ... Хлысты сами понимаютъ это очень хорошо; доказательствомъ тому служить то, что верченіе называется у нихъ „духовнымъ пивомъ“; но они также

хорошо понимают и то, чего стоить имъ это духовное упоеніе, почему, съ тѣмъ вмѣстѣ, свои неистовства называютъ они работою „израильскою“...

Любопытно, конечно, знать при этомъ, откуда ведетъ начало свое въ Россіи секта хлыстовъ, отраженіемъ которой служило и общество г-жъ Татариневой и Буксгевденъ. Наши неопубликованные въ Россіи источники относятъ начало ея къ царствованію Алексѣя Михайловича, когда во Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, стародубской волости, егорьевскаго прихода, на гору Городину „спустился будто Богъ-отецъ съ неба въ превеликой славъ, съ силами небесными, на огненныхъ облакахъ, въ огненной колесницѣ. Силы небесныя вознеслись, а верховный гость, превышній Богъ, сталъ видѣтъ на горѣ въ образѣ человека „Данилы Филиповича“. Это сошествіе Бога-отца считается у хлыстовъ вторымъ. Содержаніе ученія этого слѣдующее: „Господь-Богъ просвѣтилъ божественнымъ ученіемъ Іерусалимъ, а Данило Филиповичъ, имѣя съ нимъ одинаковыя свойства, просвѣтилъ Россію, начавши это образованіе съ Костромы, которую и называютъ верховною страню. На этихъ началахъ создана длинная повѣсть, передаваемая въ видѣ страдъ, на память, „ибо Данило Филиповичъ, не имѣя земнаго начала, имѣетъ непосредственное сношеніе съ св. духомъ, отъ котораго получаетъ всѣ наставленія по которымъ и творить чудеса. Посему явившись на землю онъ всѣ книги свои кинулъ въ Волгу, какъ ненужныя, и установилъ не имѣть книжнаго наученія, а руководствоваться преданіями егò и вдохновеніями пророковъ ихъ вѣры. За 15 лѣтъ до сошествія родился у него, по предсказанію пророковъ, сынъ Іисусъ Христосъ, по имени Иванъ Тимофеевичъ, отъ столѣтней бабы (крѣпостной помѣщика Нарышкина), въ сорока верстахъ отъ города Муромъ, въ селеніи Максаковѣ“. Объ этомъ новорожденномъ говорится много вздора. Наприѣръ: когда ему исполнилось 33 года, его позвалъ верховный богатый гость Данило Филиповичъ, живой богъ, Костромской губерніи, въ деревню Старую, гдѣ и далъ ему божество въ своемъ домѣ. Послѣ того оба они три дня сряду возносились на небо при свидѣтеляхъ. Іисусъ Христосъ, а въ мѣрѣ названный Иванъ Тимофеевичъ, возвратился въ свое жилище, гдѣ

и началъ проповѣдывать ученіе Бога-отца Даниила Филиповича, по 12 заповѣдямъ. Съ нимъ жила дѣвица, названная дочерью Бога. Когда эта „истинная“ вѣра начала распространяться, то, по повелѣнію царскому, Ивана Тимоѣевича схватили и пытали съ 40 учениками; ему дали столько плетей, сколько въ сложности дали имъ всѣмъ вмѣстѣ, но не узнали, въ чемъ именно заключается вѣра. Тогда царь велѣлъ привезти ихъ въ Москву; сперва допрашивалъ патриархъ Никонъ, но не усѣвъ ни въ чемъ, передалъ къ боярину Морозову, который, понявъ (будто бы) святость Ивана Тимоѣевича, отъ допросовъ по болѣзни отказался; тогда передали его князю Одоевскому, который и пыталъ его на Житномъ дворѣ, жегъ его малымъ огнемъ, повѣся на желѣзный пруть, потомъ жегъ въ большихъ кострахъ; пытали его также на Лобномъ мѣстѣ и наконецъ распяли на стѣнѣ у Спасенихъ воротъ, и иди въ Кремль, на лѣвой сторонѣ, гдѣ нынѣ часовня... Когда Иванъ Тимоѣевичъ испустилъ духъ, стража сняла его со креста, а въ пятницу его похоронили на Лобномъ мѣстѣ, въ могилѣ со сводами, а съ суботы на воскресенье онъ при свидѣтеляхъ востановилъ крестъ и явился къ ученикамъ своимъ въ Похрѣ. Тутъ снова онъ былъ взятъ, преданъ жестокимъ пыткамъ и вновь распятъ на томъ же мѣстѣ. Съ него была снята кожа; но одна изъ его ученицъ покрыла его простынею, которая образовала ему новую кожу и проч... Онъ снова воскресъ и еще болѣе началъ приобрѣтать послѣдователей, называя себя богочеловѣкомъ; его же называли стародубскимъ Христомъ Спасителемъ. Наконецъ былъ онъ взятъ въ третій разъ и обреченъ на жестокия мученія; но въ этотъ разъ избѣгъ таковыхъ по случаю рожденія у цари Алексѣя Михайловича сына Петра Алексѣевича и это потому, что будто царичѣ было пророчествовано, что она тогда только разрѣшится благополучно, когда освободятъ Ивана Тимоѣевича.

Съ этого времени Иванъ Тимоѣевичъ сталъ будто явно жить въ Москвѣ, спокойно проповѣдуя вѣру свою впродолженіе 30 лѣтъ. Домъ, въ которомъ онъ жилъ, и доселѣ называется у хлыстовъ Новымъ Іерусалимомъ. „Когда же превышій Богъ, гость богатій Давидъ Филиповичъ изъ деревни Старой, на сотомъ году, прибылъ въ Москву, въ домъ возлюбленнаго сына своего Ивана Тимоѣевича

Тимофеевича и вознесся на небо, при свидѣтеляхъ, въ день св. Василия; то начали считать и новый годъ уже съ этого времени. Послѣ того Иванъ Тимофеевичъ былъ высланъ изъ Москвы и скиталея 15 лѣтъ, а когда гоненіе утихло, онъ возвратился и построилъ маленькій домикъ противъ прежняго. Оба дома эти въ большомъ уваженіи у хлыстовъ. Въ 1838 году въ нихъ взято сборище хлыстовъ до 100 человекъ. Дома поступили подъ богоугодныя заведенія. Оставался третій домъ, съ священнымъ внутри колодеземъ, который послѣ долгихъ усилій, въ 1845 году былъ открытъ и тамъ взяты: столъ, который уважался хлыстами на томъ основаніи, что за нимъ саживалъ Богъ-отецъ Данило Филиповичъ и сынъ его богочеловѣкъ Иванъ Тимофеевичъ; на одной доскѣ портреты обоихъ въ видѣ образовъ, найдены тоже веревки и нѣкоторые другіе предметы, чтимые хлыстами и тщательно скрываемыя; все это отправлено было въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ хранится въ кабинетѣ раскольничьихъ вещей и донинѣ. Мнѣ доводилось лично осматривать эти вещи. Иванъ Тимофеевичъ умеръ въ день св. Тихона, „показавъ прижѣръ своего терпѣнія и благочестія на землѣ; онъ хотя и былъ воплощенный сынъ божій, но тѣло его похоронено у церкви св. Николы-въ-Грачахъ, откуда онъ вознесся въ славу своей при свидѣтеляхъ для соединенія съ отцомъ своимъ и проч.“

Не смотря на все сумасбродство такого дикаго ученія, оно нашло много послѣдователей. Изъ указа императрицы Анны Иоанновны, отъ 7 іюня 1734 года, послѣдовавшаго изъ святѣйшаго синода для всенароднаго извѣстія, видно, что хлыстовская ересь была уже и тогда чрезвычайно распространена, что въ числѣ послѣдователей ея „собирались въ праздники, по ночамъ, разныхъ чиновъ люди, старцы и старицы“, что и прежде этого были уже извѣстны въ этой ереси „разнаго званія духовныхъ и свѣтскихъ чиновъ люди обоюго пола“ и проч. Сверхъ того, какъ нынѣ открыто изъ подлинныхъ современныхъ дѣлъ, въ сектѣ этой находились многіе князья и княгини, бояры и боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщики и помѣщицы; изъ духовныхъ лицъ архимандриты и настоятели монастырей, также цѣлыя монастыри обоюго пола — всѣ безъ изъятія; напримѣръ, въ Москвѣ въ одномъ монасты-

рѣ, при соборной церквѣ, были торжественно похоронены подъ особо сооруженными памятниками, въ видѣ часовень, тѣла главныхъ основателей секты, которая въ послѣдствіи именнымъ высочайшимъ указомъ императрицы Анны Іоанновны повелѣно было вырыть и предать публично сожженію на мѣстѣ казни рукою палача...

Всему этому начинаешь менѣе удивляться, когда видишь, что спустя болѣе ста лѣтъ послѣ этого указа, та же самая дикая ересь, развиваясь въ огромныхъ размѣрахъ въ народѣ, могла своею сумасбродностію покорить и присоединить къ себѣ лица, которыхъ образованіе и положеніе въ обществѣ должны были ограждать отъ того... Правительство императора Александра I выказало большое снисхожденіе въ отношеніи открытаго въ михайловскомъ замкѣ общества г-жъ Татариновой и Буксгевденъ. Собранія были прекращены, члены хлыстовскаго братства разъѣхались, и сама подполковница Татаринова, оказавшаяся дочерью лютеранина изъ Остзейскаго Края, уѣхала къ матери своей г-жѣ Буксгевденъ, въ Дерптъ. Но мѣры кротости относительно хлыстовъ, открытыхъ въ михайловскомъ замкѣ, не могли обратить ихъ къ благоумію. Въ 1838 году въ Петербургѣ, у московской заставы, та же г-жа Татаринова съ г. Поповымъ была опять схвачена со сборищемъ, въ которомъ, кромѣ новыхъ лицъ, находились нѣкоторые и изъ бывшихъ въ 1817 году въ михайловскомъ замкѣ. Въ томъ же 1838 году въ Москвѣ захвачено собраніе хлыстовъ въ большомъ размѣрѣ; въ числѣ ихъ были купцы 2-й и 1-й гильдіи. Отставной подполковникъ Дубровскій, богатый помѣщикъ въ разныхъ губерніяхъ, былъ ревностнѣйшимъ проповѣдникомъ этой ереси, успѣвъ вовлечь въ нее не однихъ русскихъ: у него были ученики и ученицы даже изъ нѣмцевъ... Въ 1843 году, въ Петербургѣ схвачено было у государственнаго крестьянина сборище хлыстовъ, состоявшее исключительно изъ гвардейскихъ нижнихъ чиновъ. Въ 1849 году опять открыты слѣды общества хлыстовъ, которымъ давали названіе адамистовъ, причемъ опять указывалось на лица, бывшія въ сборищахъ у г-жи Татариновой въ 1817 и въ 1838 годахъ. По ближайшему наблюденію за этимъ обществомъ открылось, что участвовали въ немъ лица значительныя, и конечно еслибъ не особенныя обстоятельства, прекратившія наблюденія полиціи, то

общество это было бы взято во время исполненія своихъ обрядовъ...

Нельзя положительнo доказать, что общества 1817, 1838 и 1849 годовъ произошли прямо и непосредственно отъ сумасбродныхъ преданій о Данилѣ Филиповичѣ и Иванѣ Тимофеевичѣ, но несомнѣнно, что они совершали обряды хлыстовщины; разница состояла только въ принятіи новыми сектаторами идей и понятій неваго европейскаго происхожденія, заимствованныхъ у разныхъ западныхъ алхимиковъ. Общество Татариновой было извѣстно подъ именемъ „Братства во Христѣ“, потомъ въ 1838 году подъ именемъ „Сюза-братства“, что значають тоже, что союзъ братьевъ и сестеръ, какъ называютъ себя хлысты... Въ 1849 г. общество г-жи Татариновой называли въ народѣ „адамистами“. Старинные хлысты складывали и пѣвали свои гимны на манеръ простонародныхъ русскихъ пѣсень, а у новѣйшихъ сектаторовъ пѣнопѣніе ихъ сложено уже по версификаціи Ломоносова и Державина, книжныиъ литературнымъ языкомъ, иногда же состоитъ изъ переводовъ со псалмъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Позднѣйшими хлыстами вода изъ колодца деревни Старой развозится зимою въ кускахъ замороженною; изъ нея печется хлѣбъ, служащій хлыстамъ причащеніемъ. Въ деревнѣ Старой (въ 30 верстахъ отъ Кострома) до 1847 г. жила крестьянская дѣвка Ульяна Васильева, боротворимая хлыстами потому, что была послѣднею изъ рода Данила Филиповича; они почитаютъ и нынѣ ее праведницею, и называютъ даже „богиней“. Пока она жила подѣ Костромю, къ ней стекались отсюду на поклоненіе и приносили подарки; выѣзды ея на собраніе въ Москву и другія мѣста считались особеннымъ счащеніемъ. Она имѣла въ Костромѣ и другихъ мѣстахъ знакомство и связи съ значительными лицами изъ дворянъ и купцовъ, которыхъ посѣщала, а потому долго боролась съ правосудіемъ; но, наконецъ, въ 1847 году, когда все дѣйствія ея обнаружили, когда влияние ея сдѣлалось извѣстнымъ на основаніи непреложныхъ фактовъ, она была заключена въ монастырь. Но эта мѣра не остановила прилива послѣдователей хлыстовской ереси.

Въ Москвѣ около 1780 года шла рѣчь между скопцами и хлыстами, чтобъ соединиться. Но это не состоялось и немогло состоятъ-

са, потому что начала обѣихъ ересей, на которыхъ онѣ основаны, совершенно различны. По преданіямъ извѣстно, что во время прерій объ этомъ учителяхъ обѣихъ сектъ между собою, произошла бѣса и наконецъ драка, и что одинъ скепецъ вышибъ глаза противнику, отчего (будто бы) и ересь эта, именованная до того „христовщиною“, получила названіе „хлыстовщины“.

Хлысты чрезвычайно упорно отказываются отъ раскрытія своего ученія и отъ всякихъ объясненій; да и величкихъ уликъ въ разъясненію ихъ вѣрованія трудно найти, потому что имъ воспрещено ихъ заповѣдами имѣть что либо писанное относительно ихъ вѣрованія. Новобранецъ, послѣ долгихъ испытаній и совершенія предварительныхъ обрядовъ, произносятъ присягу въ слѣдующихъ словахъ: „влянусь—соблюдать тайну о томъ, что увижу и услышу въ собраніяхъ, не жалѣя себя, не страшась ни каюта, ни огня, ни меча, ни всякаго насильства!..“

Многочисленность хлыстовъ и непрерывное ихъ размноженіе, братство и единомысліе большой массы народа, ожидающей пророка и торжества своихъ заблужденій, не могутъ не обращать на себя вниманія, особенно когда находятся ихъ послѣдователи въ средѣ богатаго купечества и въ кругу людей образованныхъ. Самообольщеніе въ родѣ того, какъ у нашихъ хлыстовъ, составляетъ дикаческую болѣзнь, въ сожалѣнію, весьма свѣдѣственную природѣ человеческой. Оно встрѣчается, во все время, у всѣхъ народовъ, на всѣхъ степеняхъ народнаго образованія, при всѣхъ формахъ исповѣданій; ему одолжены своимъ происхожденіемъ шаманы, жрецы своими кривляньями грубыхъ, дикихъ сибиряковъ и образованная Анна Лисъ (Lees), основательница секты „трясучекъ“ (Shakers), которая не дальше, какъ въ концѣ прошлаго столѣтія († 1784), между соотечественниками Франклина, выдавала себя за избранную, боговдохновенную, апокалиптическую жену, а также и отецъ Афанасьевъ, на нашихъ глазахъ посреди Парижа, величаемый отъ сексимонистовъ „верховнымъ отцемъ“ (père suprême). Слѣдствіями такого помѣшательства, когда оно организуется въ секту, всегда и вездѣ бывають: во первыхъ стремленіе къ управленію и смѣщенію всѣхъ различій между людьми, а потому и половъ; во вторыхъ, отрѣшеніе отъ всѣхъ обыкновенныхъ правилъ и приличій обще-

ственнаго и гражданскаго, а тѣмъ болѣе церковнаго порядка, и, вслѣдствіе того, съ одной стороны необыкновенная строгость и воздержность въ наружномъ поведеніи, съ другой — совершенная нравственная анархія; въ третьихъ, наконецъ, высочайшая духовная гордость, и отсюда, смотря по образованности фанатиковъ, болѣе или менѣе грубое самобоготвореніе, въ буквальному, матеріальному смыслѣ...

Примѣры подобныхъ сектъ, сущность которыхъ состоитъ въ „восторженномъ изступленіи“, стали являться въ христіанствѣ съ самыхъ первыхъ временъ его. Сюда относились въ древности многія отрасли гностицизма, особенно монтанизмъ и манихейзмъ, которыхъ позднѣйшимъ продолженіемъ была знаменитая въ среднихъ вѣкахъ ересь павликіанъ, принявшихъ между южными славянами имя „богомилловъ“. Отъ такихъ богомилловъ, прямо или косвенно, производятся всѣ новыя западноевропейскіе расколы и ереси, наклонныя къ изступленности (exstase, enthousiasme, illumination). Мы знаемъ, что и у насъ первые еретики были изъ богомилловъ. Можетъ быть тайная, неприглядная до сихъ поръ, связь соединяетъ съ ними и нашихъ „хлыстовъ“ „братьевъ христовыхъ“, „духовныхъ христіанъ“ и другихъ подобныхъ сектаторовъ!..

Ш

БЪГУНЪ

I.

ДЕРЕВНЯ И ГОРОДЪ.

Въ одной деревнѣ, одной губерніи, еще доселѣ помянутъ мальчишка бойкаго, веселаго и смышленнаго, жившаго тамъ когда-то вмѣстѣ съ матерью. — Звали его Путиловымъ. Сильность и любознательность мальчика были извѣстны не только крестьянамъ, но даже помѣщикамъ того околodka. Не было крестьянскаго мастерства, котораго бы онъ не перенялъ, не было дѣла, передъ которымъ бы онъ когда нибудь въ тупицѣ сталъ. Росъ онъ въ бѣдности страшной, но грамотѣ выучился скоро и даромъ. Воспитывался въ средѣ раскольничей, онъ скоро опередилъ своихъ товарищей въ ученіи. Крестьяне стали носить ему читать присылаемыя имъ отъ солдатиковъ писма, и мальчикъ, не затрудняясь, разбиралъ все. Всѣ въ деревнѣ его любили, такъ какъ онъ былъ самый расторопный и услужливый малый.

— Большимъ бы ты человѣкомъ былъ, говорилъ ему дьячекъ православный, если бы родился бариномъ, или попovichемъ и учился въ университетѣ, али Академіи. Я такого понятнаго и въ нашемъ духовномъ училищѣ не видалъ, когда учился!

И дьячекъ начиналъ съ досады бить своего сына, довольно тупаго и крайне вялаго малаго.

— Мнѣ, дяденька, и ночи не спятся, говорилъ откровенно бойкій мальчишъ. Все мнѣ видится или большое море... и я будто плыву на кораблѣ съ большими парусами, или тамне большіе леса... и я сражаюсь съ разбойниками— и побиваю ихъ однимъ ударомъ; или большіе города съ золотыми церквами и золотыми крышами на домахъ, и я тамъ живу, и маменьку съ собой взять. Все-то мнѣ хочется скорѣе узнать, все видѣть на свѣтѣ, вездѣ перебивать... Вотъ такъ бы и полетѣлъ сейчасъ, еслибъ крылья!

— Можеть быть и вездѣ будешь, замѣчалъ глубокомысленно дьячокъ, — наука всему свѣтѣ.

И маленькій Путиловъ торопясь хватался за раскольничью псалтырь и жадно читалъ грамоту...

Проехавши скоро всю мудрость, преподаваемую раскольничьями грамотами, Путиловъ поступилъ въ разсылные подписаря въ сельскую расправу, гдѣ, за неизвѣніемъ серьезныхъ занятій по должности, устроилъ изъ своей особы нѣчто въ родѣ живой почты: часто носилъ письма изъ села въ село, изъ сельской расправы въ волостное правленіе. Бѣгалъ онъ верѣдко и въ уѣздный городъ, гдѣ выкупалъ письма, прислаемыя на имя крестьянъ своего села и приносилъ ихъ для раздачи по принадлежности.

Скажутъ ему бывало: Степанъ почта пришла! И Степанъ, какъ стрѣла, летѣлъ за 15 верстъ въ городъ, возвращаясь черезъ три, много четыре часа. Собственно говоря городъ являлся Путилову не столько какъ предметъ путешествія за письмами, сколько тѣмъ, что онъ былъ больше села, въ немъ было больше домовъ, церквей, улицъ и людей; тамъ текла большая рѣка, съ высокими, обросшими дремучимъ лѣсомъ, берегами, а по ней, съ раснущенными парусами, неслись большія суда куда-то вдаль... и пропадали...

Когда черезъ годъ привилегированный подписарь сельской расправы за пьянство былъ выгнанъ, то Путиловъ, какъ зарекомендованный человекъ, безъ труда уже занялъ его мѣсто, не смотря на свои 11 лѣтъ. Тутъ открылось ему довольно широкое поле для занятій и кипучей дѣятельности... Онъ получалъ въ полное распоряженіе шкафъ сельской канцеляріи, въ которомъ съ жадностію перечиталъ все, начиная отъ печатныхъ книгъ: „Наказы сельскимъ расправамъ“ и „Уставы сельскаго благоустройства“ и всякая раз-

личными сельскими распоряженіями и судебными дѣлами... Кругозоръ его мгновенно расширился. Онъ пересталъ уже справлять почту, но письма читалъ всѣмъ охотно, хотя денегъ за чтеніе ужь не бралъ. Скоро новый писарь сельскій такъ хорошо изучилъ свою грамоту, что въ 12 лѣтъ заправлялъ вполне неграмотныя сѣдобородныя старшиною... Между тѣмъ мать Путилова, какъ беззащитная женщина въ числѣ 30 человекъ, сослана была, изъ-за плутовъ раскольничьихъ коневодовъ, на поселеніе въ Сибирь... Тринадцатилѣтній сынъ убѣждалъ възъ села своего за матерью. Изъ любви къ матери, онъ не въ силахъ былъ расстаться съ нею... Недолго до Сибири мать Путилова отъ арестантской гонки умерла. Путиловъ бѣжалъ съ дороги обратно въ свою деревню.

II.

ПЕРВЫЕ УРОКИ.

Явившись бѣглецомъ въ деревню Путиловъ скрывался въ сѣднемъ лѣсу, отсюда по ночамъ приходилъ къ бывшему дому матери и ночевалъ около него. Вѣсть объ этихъ ночныхъ прогулкахъ разнеслась однако по околудку и бѣглецъ долженъ былъ прекратить ихъ. Тогда лѣсной жилище вырылъ себѣ яму, прикрылъ ее въ родѣ шалаша хворостомъ и соломой и сталъ дѣлать оттуда вылазки за пиццою въ сѣдніе села и деревни. У одного стянеть хлѣбъ печеный изъ сѣней, у другого муки и масла, у третьяго горшокъ молока. Пропажамъ дивились, но вора не находили. Скоро на лѣснаго жителя набрелъ „Бѣгунъ“, послѣдователь страннической секты и всучилъ ему цѣтникъ Евфимія, или изложеніе вѣры секты Бѣгунъ. Путиловъ спросилъ странника:

— Какая же ваша вѣра?

Странникъ отвѣчалъ:

— Мы царя и власти считаемъ нужными, но пышнѣйшаго царя и власти не почитаемъ благочестивыми, ибо слуги его антихристы... Духовная разжиравшая власть — ложные пророки и еретики; потому

что они, св. отецъ, правила и законы истребили, о дѣлѣ своемъ не брегутъ... Подъ сводъ законовъ не подходимъ, ибо онъ писанъ не для народа...

Ученіе это понравилось оскорбленному и раздраженному юношѣ и какъ нельзя болѣе соответствовало его настроенію, и онъ сдѣлался адептомъ странника. Приобрѣтши новаго ученика странникъ зашагалъ по Россіи далѣе...

Путиловъ жилъ съ полгода въ лѣсу и сталъ собирать у себя въ свою очередь учениковъ. Вѣсть объ этомъ дошла до начальства и Путилова рѣшили поймать. Становой прошель съ мужиками лѣсъ, безъ труда отыскалъ Бѣгуна и связавъ отправилъ въ острогъ. Начались судъ да дѣло, и потянулась исторія на 3 года, что и дало возможность Путилову взять первые уроки у острожныхъ по части самыхъ разнообразныхъ преступленій...

Собразивъ все какъ слѣдуетъ, Путиловъ скоро убѣдился, что не пропадетъ въ тюрьмахъ, если придется ему тамъ побывать. Между тѣмъ въ острогѣ случались безпорядки. Путиловъ оказался однимъ изъ главныхъ героевъ бунта и лицомъ въ грязь не ударилъ себя: перады учителями...

— Да, братецъ, ты будешь молодець, одобрительно говорили ему искушенные въ бѣжкахъ арестанты послѣ того, какъ ихъ усмирили и выпороли. Въ тебѣ будетъ прокъ!

У Путилова кровь стучала въ вискахъ отъ удовольствія при похваляхъ, и онъ нетерпѣливо ждалъ случая отличиться еще болѣе...

Случай скоро представился. Послѣ возмущенія арестантовъ въ уѣздномъ острогѣ началось новое дѣло. Возмутившихся считавъ опасными преступниками и, за неважность уѣздной тюрьмы, перевели въ губернской острогъ. Дѣло потянулось еще на 5 лѣтъ и прилежный ученикъ здѣсь довершилъ свое образованіе въ наукѣ преступленій. Онъ приобрѣлъ тутъ сноровку и изворотливость, необходимые для проноса; изучилъ основательно всѣ искусства, начиная отъ стнычки замковъ, поддѣлки паспортовъ, вырѣзыванія фальшивыхъ печатей..... и кончая чеканкою монеты и печатаніемъ фальшивыхъ ассигнацій... Это не мѣшало ему читать арестантамъ цѣлныи Евфимія, догматическую книгу Вѣгуновъ!

Съ дороги въ Сибирь, куда Путиловъ былъ отправленъ по приговору суда, онъ легко бѣжалъ, и два года потомъ гулялъ на свободѣ, переходя отъ преступленія къ преступленію. На третій годъ Путиловъ очутился снова въ острогѣ, но не какъ уже ученикъ, а какъ мастеръ своего дѣла...

III.

ТОРНЫЯ ДОРОГИ.

Два часа по полуночи. Сильный осенній дождь льетъ, какъ изъ ведра, и однообразно стучать въ желѣзную крышу острога. Вѣтеръ со свистомъ врывается въ лѣжки острожного дома и, своимъ назойливымъ шумомъ, будитъ безпокойную мысль 23-лѣтняго Путилова. Всюду темнота необъятная, такъ что часовой, стоявшій у острога на караулѣ, не могъ разсмотрѣть человека даже на вышней аршина. Облака, низко спустившись надъ землею и ибѣжаясь съ городскимъ тяжелымъ воздухомъ, неслись стѣною надъ кровлею острога. Острожные спятъ; стража острожная тоже дремлетъ, убаюканная ибѣрнымъ стучомъ дождя въ окна и крышу. Ночники тускло горятъ кое-гдѣ по угламъ, и слабое мерцаніе огонька едва борется съ мракомъ осенней ночи. Не спитъ одинъ Путиловъ и теропливо допиливаетъ желѣзный пруть у своей двери. Изрѣдка взвизгиваетъ его пила, но свистъ ея, заглушаемый шумомъ вѣтра, не слышенъ постороннему. Наконецъ толстый желѣзный пруть перенесенъ, и Путиловъ, свободно прелѣвши сквозь дверь, гуляетъ не стѣсняясь по корридору острожному. Нисколько незатрудняясь, сбѣло и равнодушно подошелъ онъ къ церковной двери и, искусно выдвинувъ окно надъ нею, чрезъ пять минутъ очутился уже въ церкви острожной. Кругомъ молчаніе. Зажегши восковую свѣчку отъ неураганной церковной лампады, Путиловъ отворилъ двери алтаря и вошелъ въ нихъ не дрогнувъ. За тѣмъ снялъ поленни съ престоловъ и жертвенника, взялъ серебряную чашу съ дароносицею и положилъ за пазуху... Два конья, служанца при священнодѣйствіи

для выниманія частиць изъ просфоръ, пособили ему разломать церковную денежную кружку. Отвергаюся всѣхъ нечестій Великороссійскія Церкви твердилъ Путиловъ, и съ пророкомъ вопію: возненавидѣлъ церковь лукавствующихъ: Горе вамъ ложные учителя, яко затворяете царствіе Божіе предъ чедовѣки: Сами не входите, и другимъ возбраняете!.. Здѣсь ни приношеніе, ниже служба совершается богоугодная. Чистое тѣло и кровь Христова во днѣхъ оныхъ не имать вѣстися...

При туесломъ свѣчномъ огарѣ Путиловъ пересчиталъ спокойно деньги на коврѣ, отобралъ серебро въ одну кучу, мѣдь въ другую, бумажки въ третью и нѣсколько золота въ четвертую. Изъ всей этой добычи, золото, бумажки и серебро поступили въ его распоряженіе, а мѣдь благополучно возвратилась въ кружку, какъ металлъ, слишкомъ ничтожный для вознагражденія за опасности...

Вдругъ въ острогъ поднялась тревога. Ближній къ церкви часовая замѣтила въ ней, передвигавшійся съ мѣста на мѣсто, огонь и далъ знакъ къ тревогѣ. Казалось бы гибель смѣльчакъ была неизбежна. Но Путиловъ давно уже оградилъ свою безопасность, и съ перваго же шага своего въ церковь, сообразивъ обстоятельства дѣла, поторопился приставить къ паникадилу найденную въ церкви лѣстницу, употреблявшуюся обыкновенно для зажиганія сего паникадила въ большіе праздники. При первомъ же шумѣ слышанной имъ тревоги, онъ притеръ поврѣтче дверь церкви изнутри, потушилъ свой огарокъ, и мигомъ, вскочивъ по лѣстницѣ на паникадило, оттолкнулъ лѣстницу на полъ и за тѣмъ по цѣпи, на которой висѣло паникадило, бойко взобрался въ куполъ церковный. Пока съ трудомъ отворили двери церковныя, и пока, отыскивая съ фонарями и факелами вора въ церкви, лазили подъ престолъ, жертвенникъ и даже трубы печныя, Путиловъ вылѣзъ черезъ люкъ купола на крышу и по водосточной трубѣ благополучно и невредимо спустился на землю, а черезъ полчаса былъ уже далеко отъ острога.

IV.

С И Б И Р Ъ.

Широки и глубоки рѣки Сибири, тѣнисты могучіе лѣса ея! Много чудеснаго слышался Путиловъ о ея диковинкахъ: о горахъ, упирающихся въ облака, о множествѣ птицъ, которая такъ жирна, что ее ловятъ рукавицами, о золотой и серебряной рудѣ, которую черпаютъ черпаками изъ земли... и т. п. Заманивов повязалась эта даль Путилову, и онъ рѣшился побывать въ отдаленныхъ сибирскихъ губерніяхъ. Одѣвшись зажиточнымъ человѣкомъ, повѣреннымъ по дѣламъ богатаго купца, онъ съ однимъ плотникомъ, сплавлявшимъ плоты свои до Саратова, въ качествѣ компаніона дорожнаго — на половинныхъ расходахъ, лихо отправился на почтовыхъ въ Сибирь. Въ подорожной купца значилось: „съ будущимъ“, и вотъ подъ именемъ этого-то „будущаго“ Путиловъ преспокойно, безъ всякаго предъявленія письменныхъ видовъ, дѣхалъ до обѣтованной земли. Дорогою своими небывалыми рассказами объ успѣшности торговыхъ операцій онъ поселилъ въ купца большое уваженіе въ своей особѣ, такъ что тотъ, развѣся уши, удивлялся только его уму.

— Я въ Сибирь, говоритъ Путиловъ, ѣду по нѣкоторымъ важнымъ оборотамъ одного богатаго саратовскаго купца, и со временемъ мы обдѣлаемъ съ нимъ милліонное дѣльце.

— Въ чемъ же это дѣльце-то? Нельзя ли сказать? приставалъ купецъ, разглаживая свою большую, чуть не до пояса, бороду.

— Это держится пока въ большомъ секретѣ. Потому дѣло торговое, ты самъ смякай. Могутъ отбить, предупредить, подставить какъ нибудь ногу!

— Понимаемъ. Это истинная рѣчь. Дѣло знакомое!

— Да, а дѣльце должно удасться.

Дорогою Путиловъ въ подробности спросилъ купца о Сибири,

о людях тамъ живущихъ, т. е. какой тамъ больше народъ: простой, или плутоватый, какъ подмосковный?

— Очень простой, отвѣчалъ купецъ. Люди дѣла на слово дѣлаютъ. У насъ съ бумагами и слышать не хотятъ возиться. Такъ ужъ значить заведено искони.

— Да эдакихъ я больше люблю, говорилъ Путиловъ. Душа, значить, какъ есть видна, на распахну.

— Именно.

Стало быть жить будетъ можно, соображалъ Путиловъ и наматывалъ все рассказы простодушнаго сибиряка на усъ.

И дѣйствительно, прибывши въ Сибирь, онъ долго и свободно гулялъ по этой землѣ, перебивалъ во многихъ городахъ, пересматрѣлъ много людей и наконецъ на Ирбитской ярмаркѣ, распахнувшись чисто по-сибирски, спустилъ все деньги, которыя добывалъ разными путями... Туда, сюда: пытался перехватить, — не дадутъ, надуть не поддаются. Народъ все процаланга: изъ Москвы, Петербурга, Нижняго-Новгорода. Сами смотрять въ карманъ другому!

Дрянъ народишко на этой ярмаркѣ! думалъ Путиловъ, Это дѣло хоть совсѣмъ наплевать выходить. Надобно подумать.

И вотъ одинъ вечеръ онъ подкараулил мѣнялу, возвращавшагося въ сумерки съ мѣшкомъ денегъ домой.

— Эка подумаешь своя-то ноша какъ не тяжела! заговорилъ онъ съ купцомъ. Много добра, значить, не надобеть?

— Чаво ты любезнѣйшій примазываешься ко мнѣ? заговорилъ мѣняла.

— Да я такъ, значить, самъ съ собой разсуждаю. На языкъ вѣдь пошлѣны вѣтъ.

— Не о чемъ разсуждать-то.

— Какъ не о чемъ? человекъ разумомъ одаренъ, на что же онъ ему и данъ, какъ не разсуждать?

Купецъ поворотилъ въ переулокъ, Путиловъ за нимъ.

— Вздорные люди, которымъ нечего дѣлать, тѣ разсуждаютъ только, нехотя процѣдилъ мѣняла и отвернулся. Отъ того они ничего и не имѣютъ!

— Не богатъ да славенъ, тотъ же баринъ.

— Чаво?

— Отъ совы не родятся соколы.

— Ну такъ что-жь?

— Да ничего; а кто не разсуждаетъ, такъ тотъ развѣ богаче бываетъ?

— Вещь понятная! дѣломъ занять, благосостояніе свое создавать.

— Ну братъ, стоячая вода и пѣсѣветъ. А вотъ у кольца, такъ нѣтъ конца. Бругло, поищешь не доберешься ничего!

— Ну что жъ?

И мѣняла взглянуть на Путилова во всю ширину своихъ глазъ.

Путилову того только и хотѣлось. Онъ мгновенно всадилъ въ нихъ цѣлую горсть принесеннаго табаку. Бупчина уватилась за глаза и разинулъ было ротъ кричать, но Путиловъ всадилъ ему новую горсть табаку въ ротъ, и тотъ только заблѣялъ, какъ овца.

— Что братъ? познай, что счастье и несчастье на одномъ конѣ лежатъ! проговорилъ Путиловъ и былъ таковъ съ мѣшкомъ денегъ, брошенныхъ мѣнялою на-земь.

Скоро однако ему не посчастливилось, и онъ попался въ острогъ.

V.

КОШЕКЪ ИГРУШКИ, А МЫШЕКЪ СЛЕЗКИ.

Путиловъ порядочно таки соскучился бродяжничать и, прибывъ на новое мѣсто жительства, рѣшился отдохнуть немного. И вотъ онъ въ острогѣ спитъ по цѣлымъ суткамъ и никто его не тревожить.

Прошелъ мѣсяць, прошелъ другой, и Путиловъ отдохнулъ; пора было собираться въ путь. Передъ глазами его постоянно шагала вооруженный часовой. Въ дверяхъ камеры арестантской было небольшое отверстіе съ маленькой рѣшеткой, черезъ которое часовые обыкновенно наблюдаютъ за арестантами. Путиловъ распѣвалъ раскольничьи каноны, изображая изъ себя святаго человека—

Прекрасная темница,
 Любезная моя дружица!
 Пришелъ я тебя соглядати
 Потщися мя воспріяти
 И буди ми яко мати,
 Со усердіемъ тебя желаю,
 Прелестнаго міра отбѣгаю!

Затѣмъ не разъ мучилъ часоваго, совершая въ виду его разныя чудеса. То, напримѣръ, закурить папиросу, Богъ знаетъ откуда доставши для этого табаку; то будто зарѣжется ножемъ, неизвѣстно откуда взятымъ, и упадетъ на полъ за жертво, и потомъ, снова воскреснетъ... и т. п. Часовой то и дѣло безуспѣшно докладывалъ объ этомъ по начальству и наконецъ усталъ отъ безсилныхъ попытокъ. Да и немудрено! Система прятанія вещей преступниками въ камерахъ острожныхъ до того утончена, что, ради того, чтобы противодѣйствовать ей вполне, нужно посидѣть для этого нарочито гдѣ пять въ острогѣ и изучить эту грамоту такъ, какъ изучилъ ее Путиловъ... Наконецъ часовой, смѣнившійся съ караула, рассказалъ исторію дѣяній Путилова товарищамъ своимъ въ такомъ дикомъ видѣ, что тѣ только рты разинули; разужвется не забьтъ напуганный и преувеличатъ все въ пятеро, такъ какъ у стража глаза велики. Ботати же часовой былъ и новичокъ.

Путиловъ этого и добивался. Расчетъ его былъ очевиденъ. На новой смѣнѣ явился новый часовой, котораго нужно было такъ же проучить, чтобы и онъ не помѣшалъ дѣлать проломъ. На этотъ разъ часовой былъ не изъ молодыхъ, и когда Путиловъ сталъ рѣзаться ножемъ въ виду его, то онъ и не шелохнулся съ мѣста.

— Вотъ что! подумалъ Путиловъ. Да ты братъ изъ травленныхъ. Погоди же!

Вынувъ изъ-за ремней кандаловъ пороховницу, онъ насыпалъ вучку пороху на полъ и зажегъ. Трескъ, мгновенное сильное пламя и густой, наполнившій камеру дымъ, заставили дрогнуть часоваго.

— Горимъ, горимъ! вскричалъ Путиловъ, испуганный часовой бросился докладывать дежурному офицеру.

Пришли, обыскали, въ острогѣ не было и признаковъ пожара.

Путиловъ, сложивъ на грудь крестообразно руки, умиленно, и со смиреніемъ, распѣвалъ:

Ты тюрьма моя родная,
Помилѣй отца и матери!
Вы дозорцы люди добрые
Помилѣй мнѣ красна золота
Подороже крупна жемчуга!
Вы залетныя мелки пташечки
Погребите мои косточки
На чужой дальней сторонущкѣ...

Обыскивавшіе пожали плечами и удалились, учинивъ выговоръ ка-
раульному... Дозорець, слышавшійся о святой силѣ арестанта, по-
ложилъ наконецъ, что онъ можетъ творить всякія чудеса... По-
тому порѣшилъ онъ, что бы ни дѣлалъ святой арестантъ, лучше
не обращать ни на что вниманія. Вслѣдствіе этого стражъ началъ
солидно расхаживать взадъ и впередъ предъ камерою Путилова и,
съ чувствомъ разгадавшаго тайну, равнодушно поглядывалъ на его
работу, приближавшуюся къ концу съ помощію ножа. Путилову
того только и хотѣлось! Кончивъ въ полночь работу свою и изрѣ-
завъ въ ленту матрацъ, онъ спустилъ изъ пролома сдѣланную изъ
матраца веревку, конецъ которой перебрѣшилъ къ ножкѣ кровати.

— Прощай братъ, обратился тогда святой человѣкъ къ часовому.

— Прощай, проговорилъ часовой, смѣкая про себя: чудеса тво-
рить для близиру...

— Не помниная меня лихою, если тебѣ немного поколотятъ
за меня спину.

— Ладно! отвѣтилъ часовой.

— Когда я уйду отсюда, такъ ты братъ не сказывай скоро
начальству объ этомъ, а то я не успѣю убѣжать подальше отъ
острога.

— Ладно! говорилъ часовой. За чѣмъ сказывать?

— Не хотѣлось бы тебя вводить въ непріятность, да что дѣ-
лать? Такъ пришлось.

— Какая непріятность! ничего.

— Ну все-таки неловко, когда эдакъ достанется на вашу.

— Пустяки. Не стоитъ и вниманія!

— А воль пустяки, такъ и калыкать нечего.

И Путиловъ сталъ собираться въ дорогу. Часовой равнодушно смотрѣлъ на сборы.

— Ты не слышалъ: какой билъ часъ?

— Недавно било двѣнадцать.

— Ну, пора значить,—самое время. Какъ ты думаешь?

— Да, время—улыбнувшись отвѣтилъ часовой.

— На память я дарю тебѣ мое черное бѣлье. Съ собой не стоять брать; и тяжело, и не затѣмъ. Добуду другое.

— Спасибо.

— Я вотъ кладу его подъ кровать.

— Много благодаренъ за расплаженіе.

— Больше бы рабъ Божій подарилъ за твою судьбу, да кѣтъ теперь ничего. Когда будетъ случай, можетъ быть и отпущу.

— Ладно! сдѣлаешь.

— Ну, я лѣзу, говорилъ Путиловъ, спустилъ уже ноги чрезъ проломъ наружу.

— Лѣзь!

— Ты стрѣлять въ меня не будешь?

— Затѣмъ стрѣлять!

— Ну спасибо, братецъ.

— Не на чѣмъ!

— Такъ до свиданья?

— Съ Богомъ!

Путиловъ благополучно, въ виду часоваго, спустился чрезъ проломъ на землю, а проводившій его глазами опытный стражъ продолжалъ мѣрно рассказывать предъ пустой камерой...

VI.

ТУРКИ.

Въ одномъ большомъ уѣздномъ городѣ живутъ по преимуществу раскольники-вущы. Странники, проживалки, бродяги—богомольцы,

странствующіе раскольничьи монахи постоянно проживаютъ въ этомъ городѣ, и всегда на счетъ простоты купечества... Случилось сюда завернуть и Путилову. Онъ давно, по рассказамъ, слышался объ этой чертѣ жителей мирнаго, глухаго города — и приготовился воспользоваться ею.

— Тутъ я думать нечего! говорилъ онъ. Самъ заѣвъ на лошаца бѣжить.

И онъ изловчился.

Вечернее солнце собиралось спрятаться за горы. На золотыхъ крестахъ церквей догорали красные лучи заходящаго солнца. Купеческое семейство въ саду, подъ тѣнію ливъ, пило чай и закусывало печеными кулебяками домашняго приготовления. Раскольничья-странствующій рассказывалъ о патриархѣ Никонѣ, объ Алексѣѣ Михайловичѣ и встали о нападении на Іерусалимскіе монастыри турокъ. То былъ Путиловъ. Онъ уже три дня живетъ въ этомъ городѣ, ѣсть, пьетъ даромъ въ волѣ, и кромѣ того по цѣлымъ днямъ бродилъ по городу, собирая съ кружкой рубли на раскольничьи часовни въ предѣлахъ Турціи... Собственно говоря эти мелкіе сборы для него вздоръ, но ему хотѣлось видѣть людей, посмотреть хорошенько городъ, побывать въ семействахъ, присмотрѣться поближе къ нравамъ и обычаямъ, попробовать людей и послушать ихъ рѣчь велемудрую...

— Такъ ты говоришь, честной отецъ, спрашиваетъ кунецъ-хозяинъ, что нехристи турки курятъ трубки въ Іерусалимскомъ храмѣ Господнемъ?

— Курятъ.

— И ходятъ въ шапкахъ?

— И въ шапкахъ ходятъ! Но это бы еще ничего, а то и на лошадяхъ ѣздятъ въ храмахъ.

— Ужели на лошадяхъ? И испугъ, смѣшанный съ удивленіемъ, изобразился на лицахъ слушающихъ.

— На лошадяхъ!.. Лошади у нихъ эдакія маленькія, арабскія. Въѣдитъ турокъ на ней верхомъ въ цереву, во время богослуженія и собираетъ съ каждаго молящагося по рублю сер., а съ монашествующихъ по два.

— Скажите!

— А то, говоритъ, сейчасъ богослуженіе прекращу и церковь запру.

— Экое удивленіе!

— Вотъ монахи ужъ и расплачиваются за молящихся, потому что гдѣ же взять иному бѣдному богомольцу, или христіанскому крестьянину рубль сер.?

— Вотъ нехристи! И отчего это ихъ не побѣдятъ?

— Богу такъ угодно. Имъ бы тогда нечѣмъ было жить и они бы съ голоду померли, какъ мухи. Страна ихъ одинъ камень, ни сѣять, ни жать; а во-вторыхъ для добрыхъ людей въ Россіи не было бы мѣста благочестію, не на что бы было жертвовать, и душу свою спасать...

— Точно, — и то правда!

— Не было бы и монашествующимъ дороги по Россіи собирать, выеушь отъ турокъ.

— Точно и это!

Въ полночь того же дня Путиловъ, давно ознакомившійся уже съ расположеніемъ дома, приперъ комнаты, гдѣ спали семейные, внутренними замками и забрался въ кабинетъ купца. Божанный сундучекъ, въ которомъ заключалась вся казна хозяина, стоялъ у изголовья его кровати. Приготовленнымъ напередъ топоромъ Путиловъ, взломавъ сундучекъ, выбиралъ деньги.

— Что ты, что ты дѣлаешь честной отецъ, вскричалъ купецъ поднимаясь съ постели?

— Это на турокъ! отозвался Путиловъ.

— Всѣ деньги-то?

— Да вѣдь и ихъ много, — не одинъ!.. Съ этими словами онъ засунулъ въ ротъ купцу большой платокъ, завязалъ руки назадъ приготовленною веревкою и привязалъ его къ кровати ногами. Затѣмъ въ виду его переодѣлся въ купеческое платье, а свое повѣсилъ на гвоздь, на которомъ висѣлъ хозяйскій нарядъ, и благополучно выбѣлъ изъ дома, самъ себѣ отворивъ всѣ внутренніе выходы.

До утра прележалъ купецъ на полу, и когда наконецъ все открылось, Путиловъ далеко ужъ былъ въ дремучемъ лѣсу, окружавшемъ городъ, а скоро на деньги купеческія безбѣдно ѣхалъ по доро-

дѣ въ Бостромскую губернію къ „бѣгунамъ“, откуда намѣревался быть и въ Нижегородской губерніи, — колыбели раскольничьей...

VII.

Ч У Д О .

На этотъ разъ Путилову однако недолго пришлось быть на свободѣ. Обобравъ смиренно въ лѣсу ѣхавшаго на ярмарку кушца, онъ попался въ плѣнъ крестьянамъ, успѣвшимъ обружить лѣсъ, и тѣ представили его въ мѣстный уѣздный острогъ. Отсюда, по ветхости острога, назначено было отправить Путилова, какъ извѣстнаго уже въ этой мѣстности преступника, въ губернской острогъ подъ строжайшимъ карауломъ. Наряжены офицеръ и два солдата для его проводовъ. Путиловъ не дремалъ. Занявъ у товарищей острожныхъ пять руб. сер., онъ начертилъ, давно извѣстный ему, ходячій въ острогахъ рецептъ въ аптеку объ отпускѣ мышьяку, и подписаль его подъ руку мѣстнаго доктора. Почеркъ руки этого доктора онъ снялъ съ аптекарскихъ сигнатурокъ, уносимыхъ обыкновенно арестантами изъ острожныхъ лазаретовъ, въ которыхъ они лечатся. Жидъ-факторъ, исправлявшій за сильную плату всякія комиссіи острожныхъ, досталъ ему изъ аптеки по этому рецепту мышьяку, и получилъ за это въ награду четыре рубля.

На дворѣ июльскіе жары. Этапная подвода медленно тащится по столбовой дорогѣ. Въ воздухѣ не шлохнетъ. Раскаленная солнцемъ дорожная пыль стоитъ столбомъ надъ дорогою и докучливо дѣзетъ въ ротъ и носъ путникамъ. Конвойные, шедшіе съ Путиловымъ позади офицерской подводы, то и дѣло останавливались черпать въ солдатскую жестяную фляжку воду, чтобы утолить жажду. Приближались къ извѣстному холодному роднику, о которомъ конвойные еще за пять верстъ заговорили съ нетерпѣніемъ. Путиловъ хвалилъ родникъ и говорилъ, что знаетъ его хорошо, такъ какъ въ немъ была икона, причемъ совѣтовалъ конвойнымъ

не пить дрянной теплой воды, встрѣчаемой по дорогамъ, и дожидаться родниковой.

Жажда конвойныхъ растеть. Офицеръ тоже попросилъ пить, кучеръ давно уже томился жаждою. Конвойные, со словъ Путилова, рекомендовали подождать родника. Офицеръ и кучеръ согласились.

— И чудная только вода въ этомъ родникѣ, говорилъ Путиловъ конвойнымъ; чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше хочется — и здравъ бываешь.

— Будто?

— Ей Богу! Я слыхаль, что трижды въ годъ приходитъ къ нему, изъ цркви икона и плаваетъ долго, долго...

Господи помилуй,

Господи помилуй!

— Ужели?

— Право. Но вотъ что чудно? После каждаго ея плаванія въ родникѣ, вода дѣлается соленою.

— Что?

— Да. И что еще чуднѣе: почерпнутая въ чашку вода растеть.

— Ужели растеть?

— Такъ-таки и растеть. А все Богъ, все Богъ! Вотъ, пригубно, дай я покажу тебѣ на фляжкѣ, какъ она растеть.

Конвойный подаль Путилову фляжку, прикрѣпляемую обыкновенно къ ремню.

— Вотъ ты, напримѣръ, зачерпнешь въ нее воды на два пальца не до краевъ. Посмотришь, черезъ пять минутъ вода вырастетъ до верху.

— Неужто?

— А вотъ самъ увидишь.

При этихъ словахъ Путиловъ всыпаль ловко мышьякъ въ фляжку и, заупоривъ крышкою, возвратилъ ее по принадлежности.

Наконецъ путники у родника, гдѣ рѣшились сдѣлать небольшой отдыхъ. Конвойный зачерпнулъ въ фляжку воды на два пальца не до краевъ. Путиловъ совѣтоваль подождать минутъ пять, чтобы

видеть, какъ будетъ расти вода. Жаждуніе ждали, вода не поднималась, но мышьякъ растворялся. Путиловъ говорилъ, что вѣрно конвойный позабылъ перекреститься, когда черпалъ воду.

— Не перекрестился вѣдь?

— Нѣтъ.

— Ну отъ того и не растетъ. Господи помилуй! Господи помилуй!

Рѣшились однако выпить фляжку и потомъ произвести новый опытъ надъ водою.

— Дрянъ какая-то! говорилъ кучеръ, вытягивая жадно третью крышку отъ фляжки, которою разливалась вода. Конвойные повторили слышанное отъ Путилова о плаваніи иконы въ родникѣ, и рѣшили, что вѣрно недавно она плавала въ немъ.

— Вѣрно недавно! отозвался Путиловъ.

Офицеръ вытянувъ залпомъ четыре крышки, сквозь зубы процѣдилъ: что за жервостъ такая! Путиловъ не пилъ, скромно отзываясь, что подождетъ и напьется послѣ ихъ. Господи помилуй! Господи помилуй!

Мышьякъ подѣйствовалъ скоро, и чрезъ полчаса четыре жертвы безъ чувствъ лежали у ногъ Путилова.

Спровадивъ обезпамятѣвшихъ въ оврагъ и одѣвшихъ въ офицерское платье, Путиловъ распрягъ лошадь, сѣлъ на нее верхомъ и большимъ баринномъ поѣхалъ по дорогѣ, только не стамбовой...

VIII.

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Всаднику безъ денегъ продолжать путь было нельзя, и вотъ онъ въ тотъ же вечеръ, пока не огласился его побѣгъ въ этой мѣстности, явился къ жиду Ицкѣ занять золота, написавъ предварительно въ дорожной корчмѣ въ родѣ довѣренности отъ эконома графа В... къ ростовщнику.

Дорожная лошадь, вся въ мылѣ, припорошенная всадникомъ, бойко подкатила въ жилищу еврея. Жидъ напередъ потиралъ отъ удовольствія руки, завидѣвъ гостя-просителя.

— Здравствуй честной господинъ! проговорилъ Путиловъ, крѣпко пожимая руки еврея.

Жидъ ослабился.

— Много милости, пане высокоименитый!

— Ты меня, можетъ быть, не знаешь любезнѣйшій? проговорилъ Путиловъ.

— Не жибеть високаго счастья! отвѣчалъ жидъ, изгибаясь въ дугу.

— Я новый управитель имѣнія графа Б... Вчера только приѣхалъ изъ Петербурга. Намъ съ тобою придется жить въ ладахъ. Иногда случится перехватить деньжонковъ. Ты, вѣдь, чай былъ пріятелемъ съ прежнимъ-то управителемъ?

— Оценно хорошій былъ целовѣкъ.

— Мнѣ на первыхъ порахъ встрѣтилась необходимость въ деньгахъ. Нужно переслать графу въ Петербургъ 800 руб. сер. Надеюсь ты, достопопеченнѣйшій, не откажешься ссудить на недѣлю, или на двѣ этой суммой? Вотъ довѣренность отъ эконома, а въ деньгахъ и уплатѣ 20 процентовъ съ рубля въ мѣсяцъ я напишу сейчасъ росписку.

Жидъ сialъ отъ 20 процентовъ и, пробѣжавъ бѣгло довѣренность, дрожащею рукою отсчиталъ 640 руб. сер., вычтя впередъ и проценты. Путиловъ написалъ росписку въ полученіи 800 руб. сер. для эконома и просилъ жидъ явиться за полученіемъ долга чрезъ мѣсяцъ въ экономическую контору.

— Сибю узнать вашъ чинъ высокогородный пане? спросилъ жидъ?

— Штабсъ-капитанъ.

— Высокій чинъ, говорилъ жидъ, изгибаясь зибей.

— Да, — ничего.

— А фамилія, сибю спросить? Не разберу что-то на бумагѣ. Глаза плохи. И жидъ сталъ протирать свои мѣдныя очки.

— Обдуваловъ.

— А! хорошая фамилія, льстилъ жидъ.

— Ничего себѣ!

— У меня былъ знакомый одинъ Обдубаловъ, когда я торговалъ въ полку въ турецкую войну, — высококаго чина: майоръ, но тотъ былъ совсѣмъ дурной человѣкъ.

— Почему же?

— Не отдавалъ деньги.

— Ну, это не хорошо!.. Хотя онъ и майоръ, а не хорошо.

— Оценно не хорошо! говорилъ жидъ, видя въ новомъ управляющемъ человѣка строгой нравственности въ отношеніи уплаты...

— Долги надобно непремѣнно уплачивать, особливо честнымъ евреямъ! Русскому можно иногда и не заплатить, потому что тотъ легко ихъ наживаетъ, ну а еврей всегда потому и трудомъ наживаетъ копѣйку.

— Большимъ, — оценно большимъ трудомъ! говорилъ жидъ ослабѣвъ, и въ умилени склонивъ черную и шершавую свою голову на бокъ.

— Я знаю это.

— Нельзя ли, пане именитый, кланялся жидъ, прибавить еще 5% на мои денежки. Трудомъ большимъ достались онѣ. Вы такой человѣкъ хорошій...

— Можно, изволь! отвѣчалъ Путиловъ. Въ этомъ я не постою. Какъ прѣдешь за расчетомъ, я распоряжусь по конторѣ...

— Какой вы хорошій человѣкъ, высоковельможный пане, говорилъ чуть не ползая у ногъ Путилова жидъ, въ полной увѣренности обирать подобнымъ образомъ почаще новаго управляющаго, такого хорошаго человѣка...

— Ну, почтенивѣйшій, прощай! какъ тебя.

— Иццо Абрамовичъ.

— Местнѣйшій Иццо Абрамовичъ! Надѣсь, будемъ друзьями.

— Много милости вельможный пане!

И жидъ подъ руки вывелъ Путилова изъ своего жилища и посадилъ на лошадей, подставивъ свою спину вмѣсто стремянъ.

— До свиданья на томъ свѣтѣ! крикнулъ Путиловъ и, давъ шпоры коню, мигомъ исчезъ изъ глазъ кланявшагося въ догонку жида.

Жидъ не понялъ послѣдней фразы Путилова и возвратившись

въ свою хату, на листѣхъ бумажки сталъ высчитывать карандашомъ будущій капиталъ, какой онъ изъ 25% съ рубля составитъ въ годъ отъ займовъ новаго управителя, оценно хорошаго целовѣка.

— Кладъ Богъ пошлетъ, кладъ! мысленно твердилъ жидъ, обращая глаза къ небу и, отъ избытка чувствъ, потирая руки чуть не до красноты и опухли..

Въ ту же ночь Путиловъ, на первой же станціи, взялъ лошадей и направился по тракту на Москву, сказываясь, что онъ провожалъ арестанта въ Кіевъ и теперь возвращается въ Москву. Прѣхавъ одну губернію, онъ измѣнилъ трактъ, загладилъ совершенно свой слѣдъ, и купивъ на одной ярмаркѣ тройку воронихъ, съ письменнымъ видомъ офицера и подъ тѣмъ же предлогомъ продолжалъ путь въ Москву, сказывая, что возвращаться послѣ проводовъ арестантской партіи на своихъ лошадяхъ онъ находитъ выгоднѣе и спокойнѣе, чѣмъ на перевадныхъ.

IX.

ВЪ ГЛУШИ.

Въ одной изъ внутреннихъ губерній, на песчаной и глинистой почвѣ, стояло небольшое село. Новыя затѣи новаго вѣка въ него не проникали. Люди жили больше по старинѣ: собирали лѣтомъ рябину и грибы, а зимою мирно лежали на печи и сосали лапу. Варскій домъ съ старою полинялою крышею и покосившимися заборами смотрѣлъ на свѣтъ Божій какинъ-то инвалидомъ и заре-сталъ мхомъ. Владѣтельница его, вдова Перепетуя Ивановна, очень любила рябиновку и хорошо содила грибы. Румяная и дородная дочка ея Полина съ каждымъ годомъ перешивала платья и ползла, что называется, врозь. Съ каждымъ волокольчикомъ прѣзжаго она ожидала себѣ жениха, но жениховъ не находилось. Станные и сладкіе сны ей снились постоянно: будто она ужъ замужь вышла, будто не одна ужъ спитъ.... будто... но проснувшись она встрѣчалась съ дѣйствительностію, — одиночествомъ и

сильно томилась тоскою... Когда Путилову случилось проѣзжать через это село, то Полина горничную послала узнать, кто дескать проѣзжаетъ. Путиловъ смѣкнулъ дѣло и, пока отдыхали лошади, отправился познакомиться съ интересной дочкой, посылающей справляться о проѣзжающихъ офицерахъ... Его приняли, закормили, оставили почевать, уговорили погостить, и чрезъ недѣлю онъ уже собиралъ рябину въ лѣсу съ Полиною въ качествѣ жениха. Люди показались ему черезъ-чуръ просты, и онъ рѣшился воспользо-ваться ихъ простотою, тѣмъ болѣе, что и деньжонки у него уже повывелись.

— И какъ это вамъ вдругъ приглянулась моя Полина? говорила Перепетуга Ивановна, сѣдя съ Путиловымъ за круглымъ столикомъ въ полинялой гостиной и потягивая съ нимъ рябиновку.

— Былъ бы хлѣбъ, отвѣчалъ съ ловкостію военнаго рубаки Путиловъ, — а зубы сыщутся; были бы зерна, а мыши набѣгутъ! Ваша дочка — королева писаная.

— И! что вы!

— А къ милому и семь верстъ не околица.

— Ужь подлинно странно. Вдругъ вѣхали мимо и влюбились...

— Любовь не пожаръ, загорится не потушишь. Да и то сказать: глупый ищетъ мѣста, а разумнаго и въ углу видно.

— Правда, правда, батюшка! Полина у меня умница, толькo вотъ не очень богата.

— Что богатство! Богатство безъ ума, что скорлупа безъ ядра. У меня свой домъ въ Москвѣ есть. А мнѣ человѣка нужно. Съ немилымъ сважешься бѣда, — вѣкъ не развяжешься. А по моему лучше воду пить въ радости, чѣмъ медъ въ кручинѣ.

— Совершенная правда! Какъ это ты, батюшка мой, все словицами такъ и сыплешь? Любо дорого слушать.

— Людей видалъ. Много въ жизни испытать. Служилъ.

— Видно, видно!

А время шло. Поговаривали ужъ о свадьбѣ. Сельскій священникъ не рѣшался однако вѣнчать безъ разрѣшенія начальства и требовалъ бумаги на бракъ. Тутъ же подвернулся и исправникъ, прѣвѣхавшій поздравить обрученныхъ, — и, поддакнувъ поцу.

— Вѣдь приносить же чортъ такихъ гостей, подумалъ Путиловъ и запечатавъ пустой листъ бумаги въ пакетъ, подписалъ: „Въ Москву, генераль-лейтенанту Остолопову“. Кучеръ сvezъ пакетъ на почту. Недѣлю или двѣ ждали разрѣшенія, и, между тѣмъ, готовились къ свадьбѣ. Въ домѣ мыли, стирали, пекли и варили, Путиловъ гулялъ каждый вечеръ вдвоимъ съ невѣстою въ ближайшемъ лѣсу, собирая съ нею грибки и рябинку.

— Ты не сорвешь вотъ эту кисть рябины, говорила Полина, — и не подашь мнѣ?

— Анъ сорву и подамъ.

И Путиловъ срываетъ кисть рябины и подавалъ Полину.

— А поцѣловать за это можно? обращался онъ съ ласкостію военнаго ловеласа къ невѣстѣ.

— Можно.

И женихъ цѣловалъ невѣсту долго, долго... и прижималъ къ сердцу крѣпко, крѣпко... Прогулки съ каждымъ днемъ учащались и съ каждымъ вечеромъ удлинялись. Перепетуня Ивановна сначала поговаривала было, что долгонько гуляютъ молодые, но потомъ, махнувъ рукой, подумала про себя: вѣдь скоро будутъ мужъ и жена; все равно, чтобы ни случилось!..

А это — „чтобы ни случилось“ — выкъ разъ и случилось. Въ одинъ вечеръ гуляющіе возвратились слишкомъ ужъ поздно, и невѣста цѣлый день потомъ не встала съ постели, отсыпаясь головною болью... Маманья, новавѣдавшая у дочки, хотѣла было поворчать, но подумала: вѣдь свои ночи!.. Рано ли, поздно ли, все равно вѣдь нужно!..

Путиловъ наматалъ на усъ эти обстоятельства дѣла.

Ночь въ началѣ августа 1848 года. Въ деревнѣ тихо, въ домѣ барскомъ еще тише. Перепетуня Ивановна спитъ въ своей свадебнѣ мирнымъ и крѣпкимъ сномъ послѣ рябиновки, которую Путиловъ урочалъ ее вечеромъ съ особеннымъ стараніемъ. Когда, послѣ сильныхъ волненій и долгаго раздумья о предстоящей свадьбѣ, заснула наконецъ и Полина крѣпкимъ сномъ, Путиловъ поднялся, ушелъ изъ спальни и забравшись въ кабинетъ (родъ кладовой), гдѣ, какъ по предварительнымъ распросамъ онъ узналъ, хранились деньги и вещи, выбравъ все, что счелъ нужнымъ: и небольшіе

бриллианты невесты, изъ рода въ родъ переходившіе по наслѣдству, и деньги до 2,000 руб. сер. Затѣмъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ на лучшую изъ вороныхъ лошадей и выѣхалъ благополучно изъ села. Къ утру онъ былъ далеко отъ рябиновки и грибовъ, а черезъ нѣсколько времени, подъ именемъ купца, на прогонной тройкѣ, ѣхалъ уже на армарку въ Нижній. Въ домъ Перепетуи Ивановны, по отъѣздѣ Путилова, утромъ горничныя долго шушукались, завидѣвъ въ полурастворенную дверь спальни офицерское платье, сложенное на стулѣ передъ кроватью барышни... Далеко за полдень, а барышня все еще не вставала. Перепетуя Ивановна, услышавъ отъ кучера, оставленнаго Путиловымъ, что одной лошади нѣтъ въ конюшнѣ, рѣшила, что женихъ вѣроятно уѣхалъ кататься. Стали накрывать на столъ къ обѣду.

— Воры! воры! Батюшки мои, разбойники были! кричала Перепетуя Ивановна, увидѣвъ наконецъ разбитыя сундуки и ящики. Домъ барскій мгновенно встревожился. Обернулась дворня. Разбудили барышню, страшно перепуганную отъ офицерской одежды, лежавшей въ ея спальнѣ и сощупываемой любопытными. На платьѣ нашли записку слѣдующаго содержанія: "былъ Антихристъ, число звѣрино 666".

— Батюшки наши! Антихристъ былъ женихомъ, завопили въ домѣ. У трусливыхъ волосы стали дыбомъ. Дочка хлопнулась въ обморокъ, а матушка упрашивала дворню не сказывать никому ни о покражѣ, ни объ Антихристѣ, а говорить всѣмъ, что свадьба разстроилась сама собою, и жениху отказали потому, что онъ получилъ отказъ отъ своего начальства на женитьбу...

... Два года Путиловъ былъ послѣ этого на свободѣ, посѣтилъ въ разныхъ мѣстахъ раскольниковъ, завертывалъ изъ любопытства въ Рогожцамъ и Преображенцамъ, надѣлалъ порядочно преступлений и, выданный однимъ товарищемъ, былъ взятъ и засажень подъ крѣпкій караулъ въ башню острожную.

Х.

ДОСУГЪ.

Путилову не понравилась двухъ-этажная башня острога. Поль прорывать было бесполезно, потому что подъ нимъ былъ еще этажъ, гдѣ тоже содержались арестанты. Стѣны проломать не было никакой физической возможности, такъ какъ онѣ сложены были изъ огромныхъ толстыхъ глыбъ дикаго камня и туземнаго гранита. Единственное небольшое окно башни, съ толстѣйшею рѣшеткою, зорко стереглось двумя караульными, стоявшими снаружи башни и всегда, въ добавокъ, съ заряженными ружьями. Дѣло подошло очень крутое; но не затруднило оно Путилова. Не долго думая наскоблилъ онъ ногтями пальцевъ известки со стѣны и растеръ ею ноги до легкихъ ранъ. Известка, посыпаемая потомъ въ эти раны, произвела немедленное гноеніе ногъ. Путиловъ потребовалъ доктора, который, осмотрѣвъ больного, донесъ о необходимости лечить арестанта и, обреченный было судьбою на безвыходное положеніе, Путиловъ скоро очутился въ острожномъ госпиталѣ въ особой секретной комнатѣ, предназначаемой обыкновенно для важныхъ преступниковъ. Осмотрѣвши новое помѣщеніе, Путиловъ не замедлилъ сблизиться съ бывшими въ госпитальной камерѣ двумя преступниками, Шестовымъ и Шульгинымъ, и скоро подговорилъ ихъ сдѣлать подкопъ.

— За все ужъ я берусь, говорилъ онъ, и дѣло будетъ сдѣлано, какъ нельзя лучше!

— Чѣмъ же будемъ рыть-то, возразили новички въ этомъ дѣлѣ?

— Головой, отвѣчалъ Путиловъ.

— Какъ же это головой?

— Да, головой.

— Что ты?

Путиловъ раскохотался.

Затѣмъ, вынувъ гвоздь изъ кандаловъ, онъ поднялъ имъ плиту изъ пола и началъ преисправно рыть.

— Поняли?

— Поняли.

— Ну, такъ за дѣло!

И вотъ заработалъ гвоздь подъ поломъ секретной госпитальной камеры. Плита, поднимавшаяся для работъ, находилась подъ кроватью и, ловко, на случай осмотра, вставленная въ свое мѣсто, замазывалась известкою, соскабливаемой со стѣнъ и разводимою на слюну.

На дворѣ июль 1850 года. Жаркіе лѣтніе дни зномятъ и духотой разслабляли члены людей самыхъ ретивыхъ и дѣлали ихъ лѣнивыми.

Въ острогѣ большая часть преступниковъ, растаявшая отъ жары, спитъ и днемъ и ночью. Часовые острожные жарятся на солнцѣ въ продолженіе цѣлыхъ 18 часовъ въ сутки и вяло дѣлаютъ на караулъ проходящему начальству. Но не дѣйствуетъ природа физическая на трехъ преступниковъ, неутомимо работающих надъ подкопомъ. Путиловъ распоряжался работами съ умѣньемъ большого знатока дѣла. Сильно рылась земля, выбирался исподъ стѣнъ и разбирался быть острожный. Камни, земля и кирпичи растаскивались и утищались аккуратно и съ большою экономіею подъ поломъ въ разныхъ мѣстахъ. Трудъ не прерывался почти ни на минуту и распределялся по часамъ на каждого. Черезъ пять недѣль досужная работа была окончена. Все готово было къ побѣгу. Наступила послѣдняя ночь на 26 июля, въ которую трое важныхъ преступниковъ острога должны были сказать „последнее прости“ своему мѣсту заключенія. — Ровно часъ ночи. Небо заволокло. Въ воздухѣ тихо и вѣтеръ не шелометь. Часовые на караулахъ дремлютъ, заключенные спятъ, только въ городѣ слышны, по временамъ, перекликанія уличныхъ караульныхъ, звонкое эхо которыхъ далеко переливается въ воздухѣ и тихо замираетъ близъ острога.

— Кому же первому выйдти чрезъ подкопъ? Вѣтъ, вмѣстѣ нельзя, говорилъ Путиловъ, имѣвшій при этомъ въпросѣ свои соображенія и планы...

Шестовъ и Шульгинъ, нетерпѣливо предавшавшіе свободу, въ одинъ голосъ пожелаали выйти первыми. Путиловъ этого и добивался. Онъ очень хорошо зналъ, что при неудачѣ пуля часоваго попадетъ въ лобъ первому, и потому великодушничалъ предъ ними и согласился охотно на ихъ желаніе...

— Ну, а если вы успѣете уйти, а меня задержать и я долженъ буду остаться опять здѣсь. Что тогда?

Шестовъ и Шульгинъ мялись, не зная, что отвѣчать.

— Вѣдь трудъ-то былъ раздѣленъ по-ровну на васъ и на меня?

Молчаніе.

— Что сробѣли?

Опять молчаніе.

— Но я не изъ трусовъ, продолжалъ Путиловъ. Останусь здѣсь, такъ съумѣю уйти.

Шестовъ и Шульгинъ просіяли. Поднялась плита пола, и Шестовъ съ Шульгинымъ отправился черезъ подкопъ. Путиловъ наблюдалъ въ окно. Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ часоваго, и пуля положила Шестова на мѣстѣ.

— Аминь! проговорилъ Путиловъ. Шульгину приходилось понасть на штыкъ, и у него съ часовымъ завязалась драка. Для Путилова настало ожидаемое, такъ вѣрно рассчитанное время. Въ одно мгновеніе, спустившись въ подкопъ, онъ воспользовался борьбою часоваго съ Шульгинымъ и, съ необыкновенною ловкостію и быстротою, прескользнулъ мимо борющейся группы.

Шульгинъ, въ результатъ борьбы, попалъ наконецъ на штыкъ часоваго, а Путиловъ по трупамъ ихъ благополучно выбрался изъ тюрьмы и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже далеко отъ острога, расцѣвая раскольничьи стихи

Вы лѣса, вы кудрявые
Помилѣй мнѣ роду племени,
Вы луга, вы зеленые
Помилѣй мнѣ арка золота,
Вы раздольица, вы широкія
Помилѣй мнѣ чиста серебра, и проч.

Судьба однако почему-то сдѣлалась немилостива къ Путилову, и чрезъ полгода онъ былъ застигнутъ въ одномъ раскольниковѣмъ купеческомъ домѣ, гдѣ былъ принятъ и ублажаемъ подъ видомъ странника, собирающаго съ книгою и кружкою на тайные раскольниковыя монастыри... Въ пойманномъ узнали прежняго знакомаго и заключили его въ самое крѣпкое мѣсто, какое только сыскалось въ острогѣ, — въ секретную.

XI.

А З В У К А.

Секретная камера въ острогѣ, куда засадили Путилова, находилась въ самомъ углу криваго коридора, въ совершенно глухомъ и уединенномъ мѣстѣ. Днемъ темно, ночью безлюдно и скучно. Путилову не понравился этотъ hotel и онъ рѣшилъ проститься съ нимъ, и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше.

— Отвели бы хоть попросторнѣе и освѣтлѣе даровую квартиру-то, думалъ новый гость; по крайней мѣрѣ мѣсяць-другой поспалъ бы съ удовольствіемъ на свободѣ, а то чертъ знаетъ что такое, какой-то погребъ.

И такъ, рѣшено было перемѣнить мѣсто жительства и приступлено къ дѣйствию. Планъ мгновенно созрѣлъ въ головѣ, а исполненіе его зависѣло отъ смѣлости и обстоятельствъ. Начато было съ двери. Отломавъ въ камерѣ плинтусъ отъ пола, Путиловъ вставилъ его между дверью и косякомъ такъ, что успѣлъ оттянуть отъ косяка пробой, въ который былъ вдѣтъ замокъ. Оставивъ этотъ пробой въ косякѣ до удобнаго случая, онъ въ слѣдующій вечеръ вынулъ масло изъ горѣвшаго у него въ камерѣ ночника и вымазалъ имъ петли желѣзной двери на тотъ случай, чтобъ она не вздумала скрипнуть, когда нужно будетъ отворить ее. За тѣмъ онъ вынулъ изъ подъ окна кирпичъ и привязалъ его къ концу полотенца: тѣмъ приготовленія пока и кончились! Настала ночь на 6 января 1861 года. Въ острогѣ все спало крѣпкимъ сномъ.

На дворѣ вьюга и морозъ! Вѣтеръ дико завывалъ на просторѣ и лѣпилъ снѣгомъ глаза караульнымъ, стоявшимъ внѣ острога. Занесенные снѣгомъ съ ногъ до головы, часовые стояли, какъ одѣтые въ саванъ мертвецы, укутавшись въ свои бараньи тулупы и закрывши лицо воротниками. Въ полночь Путиловъ всталъ съ постели и началъ собираться. Ярко горѣлъ ночникъ въ его простѣвкѣ и будто силился ему услужить. Путиловъ потушилъ ночникъ и, обратившись къ часовому, просилъ его спуститься внизъ и принесть масла. Начало было удачно. Часовой послушался и спустился внизъ, а Путиловъ между тѣмъ приготовилъ дверь свою и вынулъ изъ нея скобку. Масло подлито, камера заперта и часовой снова на часахъ.

— А что, любезный братъ, обратился къ нему Путиловъ, теба чай сонъ клонить; поболтаемъ немного? Мнѣ что-то не хочется спать.

— Можно! говоритъ часовой, и обратился къ Путилову лицомъ.

— Ты грамотный? продолжалъ Путиловъ.

— Нѣтъ.

— Жаль.

— Что дѣлать? Не учили.

— А ты бы хотѣлъ учиться?

— Какъ не хотѣть! Да ужъ поздно, притомъ служба.

— Пустяки. Хочешь, я выучу тебя писать?

— Какъ не хотѣть, да мудрено, — не поймешь.

— Вздоръ сущій. Я выучу тебя въ одинъ вечеръ.

— Много благодаренъ буду.

— Бери въ руки уголь и черти на стѣнѣ буквы, а я тебѣ буду подсказывать.

Путиловъ высунулъ въ отверстіе двери уголь, напередъ приготовленный.

— Да какъ же это углешь-то?

— Самое лучшее и испытанное средство. Уголь очень помогаетъ.

Часовой взялъ уголь и обратился лицомъ къ противоположной стѣнѣ узкаго острожнаго корридора.

— Ну вотъ пиши колесо, диктовалъ Путиловъ.

— Какъ же это колесо?

— Очень просто. Дѣлай кругъ или ободъ колесный, только безъ втулокъ и спиць.

— Вотъ что! Ладно.

И часовой вывелъ на стѣнѣ кругъ.

— Теперь приставь къ колесу шесть.

— Какъ же это? Такъ-таки шесть?

— Такъ и пиши шесть.

— Ладно.

И шесть къ колесу приставленъ.

— Это вышло теперь буква азъ. Понялъ?

— Какъ не понять! Что-то больно просто.

— Ну вотъ. Я говорилъ, что не мудрено! Теперь пиши корыто.

— Какъ же это корыто? Ужель и вправду корыто?

— Да. Такъ-таки и пиши корыто, а потомъ въ него сядешь да и поѣдешь...

— Что ты?

— Да. Такъ-таки сядешь да и поѣдешь...

И съ этимъ словами Путиловъ, растворивъ желѣзную дверь своей камеры, смазанную масломъ, со всего размаху завязаннымъ въ край полотенца кирпичемъ ударилъ въ затылокъ своего ученика, и ударъ прилаженъ былъ такъ ловко, что тотъ же вскрикнувъ, какъ снопъ повалился на землю...

— Аминь! сказалъ Путиловъ.

Эхъ Антихристовы дѣти
Всюду простирають на насъ сѣти!
Хотятъ насъ уловити
Антихристу покорити
Вѣру Христову преиѣнитъ...

Нѣ-скоро схвативъ часоваго съ полу, Путиловъ тотчасъ же перенесъ его въ свою камеру и, ослабивъ свѣтъ въ ночникѣ корридорномъ, уложивъ покойнаго, переодѣтаго въ свое платье, на кровать, на ноги надѣвъ свои кандалы, которые резломалъ пробоемъ двернымъ, самъ же, нарядившись въ его шинель, сапоги и каску, сталъ съ ружьемъ на караулъ близъ своей камеры, которую плотно затворилъ и заперъ задвижкой.

Пробило 3 часа по полуночи. Глухо раздался звонок на гауптвахтѣ острожной, возбѣщавшій смѣну часовыхъ. Вторѣ по прежнему стучаль въ переплетенныя рѣшетками окна острога. Путиловъ, ослабивъ свѣтъ ночника въ корридорѣ и надвинувъ маску пониже на глаза, ходилъ на часахъ, сновайно ожидая смѣны. Явился дежурный по карауламъ офицеръ съ партией солдатъ, разставляемыхъ по постаемъ. Путиловъ сдѣлалъ на караулъ.

— Все ли обстоитъ благополучно? окликнулъ офицеръ.

— Въ наилучшемъ видѣ, ваше высокоблагородіе!

— На караулъ! скомандовалъ офицеръ.

Солдаты сдѣлали на караулъ и одинъ изъ нихъ отбѣлился для занятія поста Путилова.

— Честь и мѣсто, сдача старая! проговорилъ Путиловъ, и сдѣлавъ полуоборотъ, присоединился къ смѣненнымъ съ караула.

— На лѣво кругомъ — марш! скомандовалъ офицеръ, и солдаты отправились за нимъ на гауптвахту, а съ ними въ строй пошелъ и Путиловъ.

Вышедши на дворъ, офицеръ скомандовалъ: „по мѣстамъ!“

И солдаты, смѣненные съ карауловъ, отправились въ караулку спать, а Путиловъ, подъ предлогомъ естественной надобности, отправился во всемъ нарядѣ въ отхожія мѣста, изъ коихъ чрезъ яму и выбылъ благополучно изъ острога.

Часовые долго еще потомъ караулили въ секретной камерѣ мертвое тѣло собрата...

По осмотрѣ камеры, въ которой сидѣлъ Путиловъ, нашли на стѣнѣ слѣдующую надпись, сдѣланную гвоздемъ: „выбылъ 1852 года. Генераль-лейтенантъ Путиловъ и кавалеръ, по раскольническому же имени Вѣгунъ“.

XII.

СТАРОСТЬ — НЕ МЛАДОСТЬ.

Черезъ 14 лѣтъ послѣ этого, въ одной тюрьмѣ сидѣлъ въ цѣпяхъ преждевременно посѣдѣвшій человекъ и ждалъ приговора въ

каторжныя работы безъ срока. Въ лицѣ его всякій могъ прочесть усталость, утомленіе жизнью и явную физическую надорванность... Только глаза по временамъ блестяи неестественнымъ свѣтомъ и загорались на минуту, какъ раскаленные уголья. Тѣло иногда судорожно оживлялось и готовилось какъ бы въ бой на страшную битву... Но все это тотчасъ же снѣнялось безсиліемъ и затѣмъ покорностію. Часовому не нужно было зорко сторожить свою жертву, желѣзные кандалы не рисковали больше быть разбитыми или разорванными, какъ пеньковая веревка. Силы его оставили, энергія потухла, тѣло расслабло, и преступникъ, зная объ уничтоженіи кнута и плетей, за невозможностію получить свободу, покорно приготовился послѣдніе дни своей жизни провести въ каторгѣ... Спокойно выслушавъ свой приговоръ, онъ запагалъ по владимірскѣ, звуча однообразно тяжелыми кандалами на ногахъ и рукахъ. То былъ Путиловъ! Преждевременно посѣдѣвшая голова его, опущенная постоянно внизъ, дряблѣе тѣло и сторбленный видъ показывали, что въ немъ нѣтъ уже прежней силы, что подвиги его кончились. Покорно взглядывалъ онъ на часовыхъ конвойныхъ, своихъ всегдашнихъ враговъ, и порой взглядъ его блестялъ какимъ-то неестественнымъ блескомъ... Но силы измѣняли Путилову, тѣло не повиновалось ему болѣе.

— Эхъ кабы молодость! думалъ онъ. А впрочемъ на что она, когда такъ грѣшно предъ Богомъ проведена?...

Этапъ снѣнялся этапомъ, верста верстой, и партія близилась къ Сибири...

IV

СКАКУНЫ

Говорятъ, что городъ С.-Петербургъ, какъ окно, прорубленное Петромъ I изъ темнаго государства Россійскаго въ просвѣщенную Европу, не долженъ заключать въ себѣ тѣхъ сектъ, какими изобилуетъ первопрестольная, напр. темная Москва и другіе города пространной земли русской: что въ немъ если какія могутъ родиться и жить секты, такъ это секты раціоналистическія, цивилизующія, свойственныя вообще людямъ, вышедшимъ изъ невѣжественнаго состоянія и стоящимъ на извѣстной ступени цивилизаціи... По идеѣ такъ это и должно быть, но на самомъ дѣлѣ оказывается противное. Петербургъ, по исторіи, оказывается разсадникомъ, правда, не чисто русскихъ сектъ, въ родѣ, напримѣръ, Аввакумовщины, Ѳедосѣевщины, Діаконовщины и т. под., а сектъ иностранныхъ (какъ оно и подобаетъ быть, ибо и самое названіе города „Санктъ-Петербургъ“ есть иностранное названіе) — до того велемудрыхъ, что русскому мужику, при его незатѣйливой, морозами сжатой фантазіи, и не выдумать никогда такихъ сектъ... Для образчика мы можемъ указать на „секту скакуновъ“, вошедшую свободно, чрезъ прорубленное въ Европу окно, въ Петербургъ и, наконецъ, отправившюся благополучно разгуливать по Россіи по мужичьимъ курнымъ избамъ, наполненнымъ лѣстовками и ладоницами (у раскольниковъ), а у нѣкоторыхъ (чувашъ, мордвы и т. н.) и деревянными истуканами въ переднемъ углу...

Секта „скакуновъ“ дѣйствительно, какъ иностранная гостья,

штука презабѣливая, перешедшая же въ русскую избу мужака, вещь отвратительная. Какъ секта эта явилась въ Петербургѣ и въ какой формѣ очутилась потомъ въ избѣ мужака русскаго, мы имѣемъ случай сказать здѣсь объ этомъ нѣсколько словъ по достовернымъ источникамъ.

Извѣстно, что въ Михайловскомъ замкѣ въ С.-Петербургѣ, въ томъ самомъ замкѣ противъ Лѣтняго сада, въ которомъ нынѣ помѣщается Инженерная Академія, въ 1817 г. „общество братьевъ и сестрицъ“, собиравшееся въ квартирѣ уроженки Остзейскаго края полковницы Буксгевденъ, играло *во взаимныя лобызанія*, что для полковниковъ и офицеровъ гвардіи, бывшихъ членами этого забѣливаго общества, не могло не составлять своего рода утонченнаго удовольствія... Года черезъ четыре послѣ этого въ Петербургѣ же, въ Коломенской части, гдѣ нынѣ выстроена финская церковь, въ одномъ изъ отдаленныхъ домовъ, — какъ отраженіе общества полковницы Буксгевденъ, — явилось подобное же общество въ низменныхъ слояхъ петербургскаго народонаселенія, принадлежавшаго къ финскому приходу, гдѣ, вмѣсто верченія на одной ногѣ, члены общества прямо уже скакали (отъ чего и называются скакунами) по комнатамъ и при наитіи (будто) св. Духа, во время скаканія обнимали всякій кому кто нравился, — парни дѣвокъ, дѣвки парней; потомъ въ полночь, покончивши обниманія и братскія, во Христѣ, цѣлованія, гасили свѣчи и падали на полъ попарно, каждый съ избранною; въ каковомъ положеніи и спали до утра... Вотъ какія свѣдѣнія сообщилъ правительству въ 1823 году петербургскій лютеранскій епископъ Сигнеусъ о коломенской с.-петербургской сектѣ „скакуновъ“. Я посѣтилъ, говорить Сигнеусъ, тайно собраніе скакуновъ въ одной глухой улицѣ, въ надворномъ домѣ, и засталъ значительное число людей изъ черни, кои избѣгали дать подробное объясненіе своего ученія и, вѣроятно, не имѣли еще строго-образованной системы. Они объяснялись въ общихъ выраженіяхъ, принимали катихизисъ, признавали Библію основаніемъ вѣры и утверждали, будто бы не употребляли иныхъ назидательныхъ книгъ, кромѣ одобренныхъ мадежашкою цензурою. Они ссылались, однако же, на внушенія, чувствованія и откровенія свыше, которыя они не хотѣли, да и не

въ состояніи были объяснить. Невнятные слова, произносимыя нѣкоторыми изъ нихъ безъ значенія и смысла, называли — внушеніемъ новыхъ языковъ и тѣмъ старались дѣйствовать на легкомысленныхъ и невѣдущихъ. Шумныя восклицанія, судорожныя потрясенія, скачки, безстыдныя обниманія и поцѣлуи, съ дикими прыганьемъ и пляскою, отличали ихъ собранія... Въ нихъ принимали участіе мастеровые лютеранскаго исповѣданія. Собраніе продолжалось съ 8 часовъ вечера до полуночи; тогда присутствовавшіе ложились спать попарно, каждый со своею избранною... Кромѣ немногихъ исключеній, мужчины были между ними молодые холостые люди, а женщины во большей части замужнія, которыя, подъ конецъ, совсѣмъ отбились отъ своихъ мужей... Говорили скерва, что между скакунами не происходило плотскаго сближенія, хотя они предавались вольностямъ, которыя называли слѣдствіями (изъявленіями) христіанской любви; но, по формальному дознанію, плотское сближеніе не подлежало никакому сомнѣнію... Безстыдство доходило до того, что при окончаніи общественаго богослуженія, въ воскресные и праздничные дни, они позволяли себѣ позади фипской церкви непристойныя обниманія и изъявленія любви ко всеобщему соблазну. И такъ, къ чему „братцы и сестрицы“ въ Михайловскомъ замкѣ были близки, но до чего не дошли по порядочности тона (членами были гвардейскіе полковники, тайные совѣтники и пр.), къ тому, чрезъ три-четыре года, приблизились братцы и сестрицы изъ мастеровыхъ Коломенской части города С.-Петербурга. Въ этомъ низменномъ словѣ общества вмѣсто стиховъ, распѣвавшихся аристократіей въ Михайловскомъ замкѣ:

Дай намъ Господи
 Бъ намъ Іисуса Христа,
 Дай намъ сына твоего, и пр.,—

пѣлись подъ дикую пляску и скачку другіе уже стихи, плебейскаго сложенія, какъ на примѣръ:

Скокъ, скокъ.
 Мой миленькій дружокъ,
 Ляжемъ бокъ о бокъ
 Въ темный уголокъ!..

Собранія „скакуновъ“ были запрещены полиціею по требованію лютеранскаго духовенства. Тогда они принесли жалобу министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, въ которой объясняли, что „богослужебныя упражненія ихъ состояли въ миролюбивыхъ братскихъ во Христѣ сходбищахъ послѣдователей Аугсбургскаго исповѣданія, въ пристойныхъ взаимныхъ привѣтствіяхъ христіанскихъ, кои сопровождались, между прочимъ, такъ называемымъ цѣлованіемъ любви, въ совокупномъ пѣніи и моленіи по обыкновеннымъ церковнымъ книгамъ евангелическаго исповѣданія, въ продолжительныхъ рѣчахъ и проповѣдяхъ библейско-назидательнаго содержанія, произносимыхъ разными проповѣдниками, которые, по внутреннему вдохновенію, вставали изъ среды собранія, приготовленные къ тому общимъ пѣніемъ и молитвою, — въ сильныхъ тѣлесныхъ потрясеніяхъ, судорожныхъ колѣнопреклоненіяхъ и паденіяхъ на землю съ плачемъ, воздыханіями и сѣтованіями, смотря потому, какъ то или другое вызывалось у слушателей поразительными проповѣдями, — въ воспріяданіи или пляскѣ нѣкоторыхъ слушателей, смотря по внутреннему потрясенію, или восторгу, произведенному въ нихъ проповѣданными истинами“. И внушенія духовенства и запрещенія полиціи были безуспѣшны; „упражненія превратной набожности, завлекавшей въ чувственность, имѣли для „скакуновъ“ неотразимую прелесть“... Не довольствуясь своими собраніями, они заботились о распространеніи секты. Вскорѣ въ окрестностяхъ С.-Петербурга въ Ропшѣ и сосѣднихъ финскихъ деревняхъ, появились подобныя сборища; но самыя ревностныя послѣдователи находились въ С.-Петербургѣ; далѣе сборища открылись въ Царскосельскомъ уѣздѣ. Секта пророчествующихъ и вдохновенныхъ пошла, такимъ образомъ, по народу, сопровождаемая на пути своемъ успѣхомъ. Идея секты, такъ ярко обрисовавшаяся въ стихѣ:

Мой миленькій дружокъ,
Ляжемъ бокъ о бокъ
Въ темный уголокъ...

была заманчива для черни....

Пасторъ Грунстремъ рассказываетъ въ донесеніи своемъ правительству, что онъ, по порученію начальства, собиралъ свѣдѣнія объ

этой сектѣ близъ Ропши, откуда она перешла въ Петербургскій, изъ него въ Ямбургскій и Царскосельскій уѣзды и появилась въ Гдовскомъ, и дознавъ, что „скакуны“, по предварительному тайному извѣщенію, собирались для молитвы всегда ночью: зимою въ какой нибудь удаленной отъ жилья ригѣ или избѣ, лѣтомъ же въ глухомъ лѣсу. Къ собраніямъ допускались посторонніе, но въ присутствіи ихъ обряда скачки не бываетъ. По надлежащемъ приготовленіи къ молитвѣ главный наставникъ, стоя въ срединѣ, въ бѣлой одеждѣ, читаетъ молитвы на чухонскомъ языкѣ обыкновеннымъ голосомъ, переходящимъ постепенно въ веселый напѣвъ. Когда онъ замѣтитъ, что торжественность напѣва достаточно подѣйствовала на слушателей, то начинаетъ привскакивать... Слушатели, тоже поющіе, подражаютъ ему; восторгъ, увеличиваясь постепенно, выражается возможно—высокими прыжками. Иные доходятъ до изступленія, скачутъ на четверенькахъ и кричатъ почти дикимъ голосомъ; причѣмъ скачутъ всегда попарно, мужчина съ женщиной,— взявшись за руки большею частію по предварительному согласію,— и когда уже сильно устанутъ и наставникъ объявитъ, что онъ слышитъ въ небѣ пѣніе Ангеловъ, то на томъ же мѣстѣ ложатся спать попарно, причѣмъ совокупленіе между ближайшими родственниками не считается грѣхомъ на томъ основаніи, что, по словамъ евангелія, всѣ люди братья по духу... Спать они послѣ скачки довольно долго и крѣпко...

Изъ тайнствъ: а) бракъ совершенно отвергается ими. Опираясь на нѣкоторыя событія священнаго писанія (совокупленіе Лота съ дочерьми, 300 женъ и столько же наложницъ царя Соломона), они не признаютъ брака, и хотя для отклоненія отъ себя подозрѣній вступаютъ въ бракъ, но семейной жизни вслѣдствіе избѣгаютъ. б) Крещеніе между ними неизвѣстно. Увѣряютъ, что ревностные изъ скакуновъ оскопляютъ себя. Замѣчено, что въ деревняхъ, гдѣ была развита эта секта, народонаселеніе уменьшается. в) Причащеніе существуетъ только по идеѣ и выражается въ формѣ совершенно искаженной; ревностнѣйшіе *сосутъ языкъ учителя*, другіе пѣлуютъ только съ нимъ, а менѣе достойные пѣлуютъ его руку, или ногу повинне колѣнъ... „Скакуны“ ходятъ въ церковь только для того, чтобъ отклонить подозрѣніе.

Доказательствомъ того, продолжаетъ Грунстремъ, что ученіе этой секты не имѣетъ никакого твердаго основанія, служитъ и то, что „скакуны“, не признавая основныхъ началъ православной и лютеранской церкви, признають всё праздники, наканунѣ которыхъ у нихъ бывають собранія, достигающія иногда до 500 человекъ. Обыкновенныя сборища бывають въ избахъ, наканунѣ каждой среды и пятницы.

Сектаторы носятъ одноцвѣтную, иногда съ кожаными полосомъ, синюю, но больше черную одежду и избѣгаютъ цвѣтной; православные не имѣють на шеѣ крестовъ; дѣвки подстригаютъ волосы и не носятъ серегъ и бусъ, а замужнія и головныхъ повязокъ. Подобно сконцамъ, „скакуны“ не пьютъ горячихъ напитковъ, не ѣдятъ мяса и вообще очень воздержны въ пищѣ. Лица у нихъ блѣдныя и осунувшіяся, такъ что ревностнаго скакуна или скакунью можно узнать съ перваго взгляда.

Главный жеучитель скакуновъ, по словамъ Грунстрема, былъ, въ 1820—1830 годахъ, крестьянинъ Петерго夫скаго уѣзда Іоаннъ Миккелевъ, признававшійся святымъ и преемникомъ Іисуса Христа; онъ исполнялъ таинство причащенія, давая для этого ревностнымъ сектаторамъ сосать языкъ свой... Онъ постоянно находился въ отлучкѣ, укрывался отъ преслѣдованій правительства. Секта скакуновъ распространена была въ 1820—1830 годахъ особенно въ Петерго夫скомъ уѣздѣ. Замѣчательна деревня Губинцы. Здѣсь оказалась принадлежащею къ сектѣ племянница пастора Аврора, жившая прежде въ Петербургѣ. Она извѣстна была за ревностную скакунью; даже самого пастора подovarъвали въ принадлежности къ скакунамъ. Въ одномъ сборищѣ, на Вербное Воскресенье, Аврора представляла ослицу: на нее надѣли узду, за которую вели ее два человека, а верхомъ на ней сидѣлъ главный наставникъ; сошедши съ нея онъ три раза ударилъ ее ладонью по грѣшнымъ частямъ тѣла, произнося слова: „возстани осла и жребя подъяремника“!..

Близъ селенія Волосова бывали ночью въ лѣсу собранія человекъ до 500 и близъ этого лѣса видѣли богатые экипажи, приѣзжавшіе изъ Петербурга...

Тутъ въ столицѣ дѣйствовалъ на этой дорожкѣ нѣкто тайный совѣтникъ Поповъ и др. Въ 1825 году „скакуны“ Петербург-

ской губерні подали всеподданнѣйшее прошеніе о дозволеніи имъ заниматься упражненіями въ библейскомъ благочестіи. Для разсмотрѣнія этого дѣла составленъ былъ комитетъ изъ С. Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій, статсъ-секретаря финляндскихъ дѣлъ и лютеранскаго епископа Сигнеуса. Комитетъ вывелъ такіа заключенія: 1) сектанты эти изъ словъ св. писанія „повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человекамъ“ заключаютъ, что они не обязаны повиноваться повелѣніямъ начальства, когда оно запрещаетъ имъ распространять ложныя ихъ понятія о религіи, которыя воображеніе ихъ представляетъ вдохновенными свыше; 2) по мнѣнію ихъ всякій, кто бы ни былъ, можетъ проповѣдывать безъ позволенія, не бывъ поставленъ въ духовный санъ и не имѣя никакого надъ собою надзора; 3) по правиламъ ихъ величайшее благочестіе состоитъ въ громкихъ воздыханіяхъ и сѣтованіяхъ, въ сильныхъ тѣлесныхъ потрясеніяхъ, скачкахъ, паденіяхъ на землю, вспрыгиваніяхъ, пляскѣ и распутномъ обращеніи лицъ обоюго пола между собою, 4) бракъ почитаютъ они противнымъ религіи, которая, по ихъ мнѣнію, не препятствуетъ находящемуся въ супружествѣ лицу питать пламенную любовь къ другому, имѣющему съ нимъ одинаковыя чувствованія; это согласованіе чувствъ приписываютъ не физическимъ, не нравственнымъ причинамъ, а сверхъ-естественному дѣйствію..... Одинъ изъ лицъ находился въ плотскомъ смѣшеніи съ двумя женщинами—матерью и дочерью, а другой, отдѣливъ отъ общей связи слова св. писанія— „яко нѣсть наша брань въ крови и плоти, но къ началамъ и властямъ и къ міродержателямъ тмы вѣка сего“,—находилъ въ этомъ изрѣченіи оправданіе противозаконнымъ поступкамъ своего общества и побужденіе къ противоборству свѣтской власти и всякому вообще начальству. Изъ нихъ мужчины были сосланы въ крѣпости, а женщины въ рабочіе дома. Но посѣянное однажды на рыхлую почву семя всегда даетъ свои отпрыски. Тутъ мѣры правительства безуспѣшны относительно того, чтобы сразу вырвать все семя изъ земли и не дать ему роста... Секта „скакуновъ“ бродила по Россіи сначала какъ путникъ съ посохомъ въ рукѣ, а потомъ какъ бодрый царенъ въ поддевкѣ, въ объятія ко-

того бросались молодыя молодилы и красныя русскія дѣвцы....
принѣвая голосомъ хороводнаго напѣва:

Мой миленькій дружокъ,
Ляжемъ бокъ о бокъ
Въ темный уголокъ!..

Въ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда; въ 1820—1830 г. прыгали уже „скауны“ чисто русскаго происхожденія. Они ходили въ церковь и причащались св. тайнъ, но имѣли ночныя собранія, подъ воскресные дни и большіе праздники, въ особой избѣ, гдѣ одинъ садился на возвышенномъ мѣстѣ, а возлѣ него, по правую и по лѣвую руку, разиѣщались 6 мужчинъ въ длинныхъ рубахахъ безъ штановъ; женщины и дѣвцы, числомъ около 40, въ однихъ исподнихъ, безъ сарафановъ, былыхъ рубахахъ, схватясь за руки, топтали ногами по полу, дико скакали, прыгали на четверенькахъ и пѣли пѣсни:

Погодушка подувала
Сине море всколыхала,
Всѣ мосточки разорвала;
Всѣ святые испугались...
Одинъ духъ Святой остался
И въ гусельки заигралъ;
Всѣхъ онъ вѣрныхъ созывалъ
И въ келейну собиралъ...
Ужъ вы вѣрны, ужъ вы вѣрны,
Прійдите всѣ въ моленну;
Всѣ попарно и сходились...
Ужъ вы знайте, ужъ вы знайте,
Одѣвайте всякъ свово!..
— Ужъ мы знаемъ, ужъ мы знаемъ,
Одѣваемъ всякъ свово!

И дѣйствительно, длиннорубашные скауны одѣвали въ полночь, когда тушили свѣчи, всякъ свово... парень дѣвку, баба парня приговаривая ложась попарно:

Ужъ мы знаемъ,
Ужъ мы знаемъ,
Одѣваемъ всякъ свово!..

Въ собраніяхъ своихъ зарайскіе скакуны избирали изъ среды своей 4 мужчинъ и 5 женщинъ, которыя особенно прыгали „безобразно“ и били себя въ грудь; послѣ чего наступало молчаніе, и изъ другой комнаты выходила дѣвица, называла себя Богородицею, а хозяина дома Христомъ и пѣла разныя „богохульныя пѣсни“, въ родѣ слѣдующихъ:

Грядите невѣсты
Въ чертоги небесны,
Женихъ вѣсь встрѣчаетъ,
Любезно принимаетъ...
Онъ вѣсьхъ насъ урядитъ,
Близъ себя, прикрывши, посадитъ...

(Христа изображаетъ мужикъ, который потомъ и ложится съ невѣстами спать)

Лицомъ къ лицу....
И вѣсьхъ къ Творцу.
Ужъ вы, дѣвы, не спите
Всѣ вы темны ночи,
Не смыкая очи...

(На самомъ дѣлѣ невѣсты въ полночь, или къ утру, засыпали крѣпко съ женихами своими)

Свѣтильники вжигайте
И ихъ украшайте,
Жениха къ себѣ ожидайте;
Грядетъ онъ въ полунощи...

(Въ полночь у скакуновъ и начинается свалка попарно)

Ахъ! какъ на свѣтѣ жите,
Съ тѣломъ не грѣшити...
Лѣнныя дѣвы
За дверьми остались,
Стали вдругъ проситься:
Гдѣ-бъ намъ помѣститься?
Женихъ имъ отвѣчаетъ,
На бракъ къ себѣ не принимаетъ:
Азъ не знаю васъ.
Вы подите прочь:
Вашъ окончилась ночь!..

(Запоздавшія скакуны не принимаются на свалку)

Печальны дѣвы стали,
Что долго ночи спали...

Во время распѣванія такихъ пѣсень, присутствующіе крестились и кланялись дѣвѣ, называя ее Богородицею; затѣмъ она раздавала присутствующимъ даръ свято духа произнося, что царь на землѣ великъ, но и тотъ подъ ея властію... Поутру, проспавши ночь попарно, скакуны говорили:

Ахти! добрый молодець загулялся
На утренней зоренькѣ спать ложился.
На восходѣ солнца пробуждался;
Съ травоньки росой умывался,
Бѣлою рубашечкою (женскою) утирался,
На всѣ на четыре сторонушки поклонялся.
Вы здоровы ли, братцы, спали-почивали? и проч.

Въ городѣ Юхновѣ, Смоленской губерніи, въ домѣ рядоваго инвалидной команды, „скакуны“, скакали въ разное время днемъ и ночью и начальниками секты были двѣ женщины, изъ которыхъ одна считалась имѣвшею даръ пророчества. Одинъ изъ послушниковъ монастырскихъ, узнавъ объ ихъ собраніяхъ, пожелалъ къ нимъ присоединиться и принять былъ въ ихъ общество такимъ образомъ: сперва онъ далъ присягу, состоявшую въ томъ, что онъ соблюдетъ въ тайнѣ „все, бываемое въ ихъ собраніяхъ, и обязавъ представить поручителя не изъ частныхъ людей, а или Христа Спасителя, или Матерь Божию, или кого либо изъ угодниковъ“; онъ избралъ поручительство Матери Божіей; по произнесеніи клятвы, его приняли въ общество при пѣніи тропаря „во Иорданѣ вращающагося“; тропарь этотъ пѣтъ былъ всѣми присутствовавшими, изъ которыхъ каждый, взявъ образъ, онымъ клялся при вступленіи въ секту, и обходилъ его вокругъ три раза. Въ собраніяхъ происходило сперва пѣніе псалмовъ, потомъ дикая скачка, часто на четверенькахъ, при возвышенномъ пѣніи и крестообразно; скачка назначалась для утомленія плоти, подъ звуки пѣсень въ родѣ слѣдующихъ:

Скачу скачу.
Христа ищу... и проч.

Затѣмъ кто чувствовалъ въ себѣ даръ пророчества, тотъ становился въ кругу, молился и, испрося отъ всѣхъ прощеніе, пророчествовалъ о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ каждому, и не только о дѣлахъ, но и о намѣреніяхъ и будущихъ случайностяхъ; послѣ чего прорицатель опять просилъ прощенія. Въ то время прорицателями были завязкіе мужчины, которые предсказали послушнику, что онъ будетъ настоятелемъ въ Юхновскомъ Казанскомъ монастырѣ, а потомъ его вызовутъ въ Смоленскъ...

Въ этихъ прорицаніяхъ „скакуновъ“, послѣ скаканія и прыгающаго на четверенькахъ по полу, играла большое значеніе рима, вызывающая созвучія, и стихотворный складъ, который дѣйствительно, при навдѣ, льется самъ собою... Впрочемъ, нельзя отрицать тутъ и участія особыхъ природныхъ способностей; почему, между пророками у скакуновъ, какъ у свопцевъ и у хлыстовъ, полагается различіе и о нѣкоторыхъ, напримѣръ объ упоминаемомъ въ „Страдахъ“ пророкѣ Филиповѣ, говорится что онъ „ходилъ въ словѣ бойко“. Во время этой болтовни немудрено, что иногда случайно удается сказать что нибудь такое, что въ послѣдствіи исполнѣ, или отчасти, оправдается событіями; если же пророкъ или пророчица смѣтливы и знаютъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, то это можетъ случаться еще чаще: такими безъ сомнѣнія достоинствами владела знаменитая Анна Романовна, про которую въ „Страдахъ“ говорится, что она „прославилась и по явности“, то есть считалась великою пророчицею не у однихъ своихъ... Во всякомъ случаѣ для скакуновъ это способствуетъ твердому и непреложному убѣжденію въ святости и боговдохновенности ихъ пророковъ... Когда пророчествуется „общая судьба“, то все собраніе внимаетъ въ благоговѣйномъ безмолвіи, стоя на четверинкахъ, а иные и совершенно распростертыя пляшутъ на полу...

По разслѣдованіи юхновской секты виновные были преданы уголовному суду. Но въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, русскій человѣкъ принялъ заграничный иллюминатизмъ еще оригинальнѣе. Тамъ „скакуны во время своихъ скаканій ночныхъ являлись совсѣмъ нагѣ... и производили скачку боевъ о боевъ мужики и бабы, парни и дѣвки,—отъ чего и назывались въ простонародьи „кушидонами“. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ „скакуны“ обратились въ

ползуновъ, которые раскинувши куски холста и легши на оныя, ползуть припѣвая:

Ползу, ползу
По новому холсту,
Бъ истинному Христу,
Бто первый приползеть
Того и холста!..

Въ Самарской губерніи „скакуны“ упростили дѣло хожденія въ Духъ, послѣ нантія онаго на скачущаго, или на скакуню, тѣмъ, что скачущая, прервавъ пѣніе пѣснь, говорить любому мужчине: братъ! пойдѣмъ на дворъ посоветуемся!.. И тутъ же пара выходитъ на дворъ и, сотворивши что желала возвращается какъ ничего не бывало.

Вотъ до какихъ формъ развился на Руси духъ западнаго иллюминатизма „вдохновенныхъ, или пророчествующихъ“, обитавшій между прочимъ въ братьяхъ и сестрицахъ Митайловскаго замка, подъ покровительствомъ пелковницы Буксгевденъ, загрызавшихъ только во взаимныя братскія лобзанія во Христв!.. Религія вѣшавшися у насъ въ Россіи въ отношенія половъ, и не могла не придти къ двумъ крайностямъ. Она вызвала съ одной стороны поддержаніе, скопчество, съ другой — половую свалку, скакуновство и проч. во имя той же Христовой любви, которая породила и коммунизмъ и мормонизмъ, и которая (пѣтъ ничего новаго подъ луною!) была очень распространена еще въ древнемъ мірѣ, особливо въ Сиріи и Финикіи при поклоненіи Ваху, Адонисъ и Астартѣ. Россія въ этомъ случаѣ повторила то, что было вездѣ и во всѣ времена, хотя повторила — надобно отдать справедливость — чисто своеобразно — *по-русски*...

ДУХОБОРЦЫ И СЕНАТОРЪ ЛОПУХИНЪ

Въ 186... году при поѣздахъ по Россіи для знакомства съ сектантами, мнѣ довелось посѣтить Духоборческое селеніе „Терпѣніе“, на Молочныхъ водахъ. Мѣстоположеніе села довольно красивое, хотя и степное. По долини течеть рѣчка, окаймленная кустарникомъ и деревьями. Село это, нѣкогда цвѣтущее богатствомъ и представлявшее обращеніе трудолюбія и великолѣпнаго хозяйства, нынѣ представляетъ собою мѣсто запустѣнія... Почти все дома кинуты и образцовые на Руси хозяева выселены на Кавказъ въ 1840 годахъ съ большимъ раззореніемъ...

Вспоминая исторію цвѣтущаго состоянія Духоборцевъ на „Молочныхъ водахъ“, которому завидовали путешествовавшіе по Россіи многіе иностранцы, мы спросили сопровождавшаго насъ Духоборца почтеннаго старика, убѣленнаго сѣдинами: помнитъ ли онъ погромъ, разразившійся въ 40 годахъ надъ 9-ю образцовыми цвѣтущими поселеніями „Молочныхъ водъ“?

— Какъ не помнитъ! отвѣчалъ старикъ. Плачь былъ вавилонскій...

Мы подошли къ володею, отъ котораго нужно было подниматься около 100 шаговъ на гору и сѣли отдохнуть. Вдали предъ нами возвышался дворъ знаменитаго Капустина...

— Скажи дѣдушка, спросилъ я, какъ вы смотрите на нынѣ царствующаго Государя Александра II?

Старикъ поднялъ брови и съ усиленіемъ открылъ глаза. Онъ кажется не понялъ меня съ перваго раза.

Послѣ нѣсколькихъ затѣмъ вопросовъ, старецъ сталъ разговорчивѣе и выразался, что нынѣ царствующій государь, племянникъ великаго Государя Александра I, не даромъ носятъ имя своего дяди Александра и что Ему суждено Богомъ быть ангеломъ-хранителемъ своего народа, который выведетъ ихъ изъ остроговъ и казематовъ, подобно ангелу, выведшему нѣкогда св. апостола Петра изъ темницы... Почему же имя всѣхъ царей русскихъ имя Александра I для нихъ священо и во всѣхъ книгахъ и сочиненіяхъ ихъ оно встрѣчается не иначе, какъ обставленное всевозможными благоговѣйными эпитетами? Отвѣтъ на этотъ вопросъ коротокъ. Сектанты до Александра I были бичуемы немилосердно болѣе полутора ста лѣтъ...

Понятно, что послѣ кровавой исторіи своихъ дней сектанты приняли Александра Благословеннаго за посланника небесъ, когда прочитали въ собственноручномъ его рескриптѣ слѣдующія, *достойныя великаго государя, истиннаго христіанина и чело-вѣка*, слова: „Просвѣщенному ли правительству христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра Церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю изыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствіемъ и казнями, не можетъ служить къ гибели спасаемаго, коего ищутъ обратитъ на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею, чрезъ убѣжденіе поученіемъ, вротостію, и болѣе всего добрыми примѣрами... Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ! Всѣ мѣры строгости, истощенныя надъ разномыслящими, только умножали ихъ... Всѣ сіи обстоятельства показываютъ довольно ясно, что не о ссылкахъ и поселеніяхъ сихъ людей, помышлять теперь надлежитъ, но объ огражденіи скорѣе ихъ самихъ отъ всѣхъ излишнихъ притязаній за разномысліе ихъ въ дѣлѣ спасенія и совѣсти, по коему ни принужденіе, ни стѣсненіе никогда участія имѣть не могутъ. Благоустроенное правительство ни въ какомъ случаѣ и ни съ кѣмъ такъ не поступаетъ, а церковь православная, сколь ни желала бы обратитъ сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ

къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ своимъ сіе достопамятное изрѣченіе: „аще ли бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, ни воли же убо бысте осуждали неповинныхъ.“ Руководствуясь духомъ симъ, духомъ истиннаго христіанина, можно всего лучше успѣть въ достиженіи желаемой цѣли по сему предмету. Надобно, чтобы они почувствовали, что они стоятъ подъ охраненіемъ и покровительствомъ законовъ и тогда только можно надежныѣе ожидать отъ нихъ любви и привязанности къ правительству...“ (Высоч. рескриптъ).

Такой образъ возрѣній Александра I на дѣло совѣсти религіозной естественно долженъ былъ отразиться и на его соправителяхъ, которые начали дѣйствовать въ отношеніи сектантовъ въ духѣ, достойномъ сподвижниковъ своего монарха... Вотъ что напри мѣръ ему о Духоборцахъ писали знаменитые сенаторы И. В. Лопухинъ и Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, отъ 12 ноября 1801 года посланные для обревизованія Новороссійскаго края. “Высочайшее вашего императорскаго величества имѣя повелѣніе обратить здѣсь вниманіе на всѣ предметы, заслуживающіе уваженія, особливимъ долгомъ поставили мы обратить оное на произшедшее по Изюмскому уѣзду относительно такъ называемыхъ Духоборцевъ. — Прежде нашего сюда пріѣзда, начальство здѣшнее, отъ избытка конечно усердія, но не проникнувъ въ прямое существо Высочайшаго о Духоборцахъ оныхъ указа Вашего, государь, предпріяло ихъ увѣщавать и обращать, едва только освободившихся отъ тяжелыхъ узъ разрѣшенныхъ милосердіемъ и мудрою терпимостію, воцарившимися въ священной особѣ вашего императорскаго величества.

„При ономъ нарядномъ увѣщаніи, вопросы, неискусно, конечно, сдѣланные, исторгли изъ увѣщаемыхъ отзывы, противные вѣрно-подданническимъ обязанностямъ, Но весьма вѣроятно, что вновь раздраженный фанатизмъ отвѣтствовавшихъ, прежними ихъ бѣдствіями угнетенныхъ и раззоренныхъ, облекъ слова ихъ жестокостію, въ сердцахъ не существующею, или недостаточное просвѣщеніе увѣщателей превратно ихъ поняло, а предразсудокъ уже противъ го-

ворившихъ представилъ имъ оныя въ краскахъ гораздо больше черныхъ, нежели они въ самомъ дѣлѣ суть.

„Такое заключеніе подкрѣпляемъ мы тѣмъ, что въ прилежныхъ, съ ласковостію разговорахъ нашихъ съ нѣкоторыми изъ такихъ же Духоборцевъ въ Харьковскомъ уѣздѣ несомнѣнно открыли мы, при чувствахъ особенной благодарности къ Вашему Императорскому Величеству, готовность повиноваться монаршей власти и всѣ земскія обязанности исполнять.

„Изыумскій нижній земскій судъ, движимый необдуманною ревностію и неопытностію конечно въ подобныхъ дѣлахъ, послѣшилъ отправиться на мѣсто въ то селеніе, гдѣ происходило оное увѣщаніе, для изысканія и производства изъ того криминальнаго дѣла и о такомъ опредѣленіи своемъ донесъ губернатору съ нарочнымъ. Но когда губернаторъ насъ о томъ увѣдомилъ, то мы, за долгъ сочтя весьма обратить на случай сей вниманіе, сообразно думаемъ августѣйшей благотворной волѣ Вашего Императорскаго Величества и дѣйствительнымъ средствамъ сохраненія общаго спокойствія, толико драгоцѣннаго отеческому сердцу Вашему, настаивали, чтобъ все оное приписано было недоумѣнію и неискуству увѣщателей; всякое тамъ слѣдствіе и розыскъ были бы тотчасъ пресѣчены, чтобъ никакого никому стѣсненія по сему дѣлу чинено не было, и если кто взять подъ стражу, то, ни мало не мѣшкая, былъ бы освобожденъ.

„Настояніе о такомъ поступкѣ въ случаѣ сѣмъ отъ главнаго здѣсь начальства сочли мы за нужное, дабы не воспалить фанатизмъ, котораго лучшая пища есть бросаться въ огонь и оковы, всего болѣе его усиливающіе и распространяющіе, и дабы отвратить непремѣнное принесеніе жертвъ невинности или невѣжества крайней строгости правосудія, не могущей тутъ дѣйствовать съ пользою и успѣхомъ...

„Долгомъ также почитаемъ мы, касательно увѣщанія и вообще обхожденія съ оными духоборцами (коихъ всѣхъ здѣсь небольшое число), изъяснить здѣшнему начальству августѣйшую волю Вашу, Государь, изображенную въ доставленныхъ намъ о томъ документахъ, предоставлять духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, безъ всякаго съ ихъ стороны принужденія,

не имѣть порядныхъ въ видѣ суда, и устрашать могущихъ увѣщаній, но дѣлать то кротати, наблюдая расположеніе, стараясь въ самыхъ мѣстахъ ихъ жилищъ имѣть при церквахъ священникѣвъ не столько отличающихся блескомъ школьнаго ученія и искусствомъ въ словопреніи, какъ истиннымъ благочестіемъ и усердною любовью къ закону Божію и евангельскому ученію, жизнію своею свидѣтельствующихъ чувствованія свои и правила... Таковыя пастыри, естественно вкореняя о себѣ доброе мнѣніе, привлекутъ къ себѣ довѣренность, найдутъ время, случай и мѣсто въ бесѣдахъ своимъ и самыми простыми способами откроютъ пути къ подѣйствованію на сердца ихъ и умы, желающіе просвѣщенія и къ закону Божію внутренно ревностныя, но заблуждающіе лишь въ образахъ и средствахъ.“

Такия замѣчательныя слова умныхъ администраторовъ И. В. Лопухина и Ю. А. Нелединскаго-Мелецаго обязываютъ насъ удивляться свѣтлomu уму и истинному христіанскому ихъ сердцу и положительно утверждать, что если бы система Александра I въ дѣлѣ борьбы съ религіознымъ разномысліемъ въ Россіи продолжалась, въ счастію, непрерывно до настоящаго времени, то мы никогда не имѣли бы десяти милліоновъ раскола, раздутаго гоненіемъ въ страшный пожаръ... и дошедшаго наконецъ во многомъ до такого тупоумія, что часто въ пяти дворахъ является по пяти богородицъ. Акулинь и Матрени?!... Настоящее наше положеніе самое печальное. Можно ожидать прогрессивнаго возрастанія десяти милліоннаго количества диссидентовъ... Странно подумать! А система Александра I въ вопросѣ о дѣлѣ совѣсти спасительна. Покажемъ для образца, какъ она спасаетъ и государя, и церковь, и народъ русскій. И. В. Лопухинъ рассказываетъ въ своихъ запискахъ одинъ случай, который мы можемъ взять за образецъ истиннаго дѣла администратора въ столкновеніи съ разномыслящими въ дѣлахъ вѣры... Проѣзжая, говоритъ онъ, вмѣстѣ съ Ю. А. Нелединскимъ-Мелецкимъ въ Харьковъ, остановились мы на сутки въ Бѣлѣгородѣ. Обѣдали у архіерея. Вспомня, что при покойной императрицѣ Екаторинѣ поручено ему было увѣщаніе находившихся въ тамошнихъ окрестностяхъ Духоборцевъ,

любопытствовалъ я обстоятельно о нихъ узнать отъ него. Нашедъ въ семь пастырѣ только судью имъ самаго строгаго, — юного и горячность излишняя въ разговорѣ о нихъ мѣшала ему довольствоваться моею любознательностью, — прервалъ я разговоръ. Тутъ же обѣдалъ одинъ чиновникъ, бывшій земскимъ исправникомъ во времена розысковъ надъ Духоборцами, которой помогать хозяину бранить ихъ.

День былъ зимній, самый ясный. Послѣ обѣда пошелъ я по городу прогуливаться съ однимъ чиновникомъ и спрашивалъ его наединѣ о Духоборцахъ. Повѣсть его состояла только въ брани же... Да изволите ли вы ихъ знать? спросилъ онъ меня, — „Нѣтъ.“ И подлинно мнѣ тогда еще не случилось ни одного изъ нихъ видѣть. „Извольте-жъ ихъ посмотрѣть“, продолжалъ онъ; „похожи ли хоть мало на христіанъ; кровинки въ лицѣ нѣтъ. Они злодѣи, и въ церквахъ хаживали; да полно что въ церквахъ стоитъ, а не это думаютъ. Только бывало и отрада душѣ, что оттуда ихъ вытащить, да въ однихъ рубашкахъ на лочьемъ дуть.“

— „Почему-жъ“, спрашивалъ я его, „знать было вамъ, что они думаютъ?“ — „Какъ же-съ, это видно“, отвѣчалъ онъ мнѣ.

„Я видѣлъ, что говорить съ нимъ больше нечего, и уже довольно узналъ, какъ поступали съ этими людьми. Скоро имѣлъ я случай и съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривать.“

Пріѣхавши въ Харьковъ, между прочими вѣдомостями потребовалъ я особливую вѣдомость о томъ, что происходило и происходило съ Духоборцами, живущими въ тамошней губерніи.

„Губернаторъ подалъ мнѣ вѣдомость. При немъ же читая ее нашелъ я, что въ царство покойной императрицы нѣкоторые изъ нихъ заключены были въ тѣсныя заточенія и не возвратились... А при государѣ покойномъ (Павлѣ Петровичѣ) генераль-прокуроръ, вслѣдствіе губернаторскихъ представленій, объявилъ именной указъ осылкѣ ихъ цѣлыми семействами въ разныя мѣста на поселеніе и на каторгу, и сослано ихъ такимъ образомъ не одно сто...“

Всегда сопровождаемая мудрою терпимостью благость, воцарившаяся въ Государѣ императорѣ Александрѣ I, отверзла всѣ тем-

ницы въ Россіи и страдалцы оныя освободились... Вѣрно было ихъ водворить въ прежнія жилища и оставить въ покоѣ, предоставляя духовнымъ особамъ ихъ вразумлять и наставлять на путь истины, но безъ всякаго принужденія...

Въ августѣ возвратились они въ свои дома, или лучше связать на мѣста опустошенныхъ домовъ ихъ, а въ октябрѣ, по отзывамъ нѣкоторыхъ поповъ и чиновниковъ земской полиціи, начали ихъ уже опять увѣщевать. И для того отражены были епархіальнымъ архіереємъ два ученѣйшіе, какъ въ вѣдомости сказано было, священника и земскаго суда засѣдатель съ командою...

— „Вы сдѣлаете бунтъ“, говорилъ я губернатору. „Люди не успѣли вздохнуть покойно, а ихъ опять тревожатъ.“ Губернаторъ извинился тѣмъ, что распоряженіе о увѣщаніи ихъ сдѣлано въ его отсутствіе, но что, конечно, никакихъ безповойныхъ слѣдствій имѣть оно не будетъ.

„За послѣдствія вы будете отвѣчать“, сказалъ я ему, „и прикажите командѣ возвратиться; а чтобъ священники теперь погодили трудиться, о томъ переговорите съ преосвященнымъ.“

„Это происходило у меня съ губернаторомъ ввечеру поздно.“

„На другой день, который былъ почтовый, по утру только что я сѣлъ писать на почту, воѣхалъ ко мнѣ губернаторъ блѣдный, съ бумагою въ рукахъ и говоритъ мнѣ: „Ваше превосходительство отгадали. Въ Изюмскомъ уѣздѣ, гдѣ происходило увѣщаніе, бунтъ, и я пропалъ; Духоборцы не слушаются; говорятъ, что они государя помазанникомъ Божиимъ не признаютъ; Распятому Господу Иисусу Христу не поклоняются и никакихъ податей платить и государственныхъ повинностей исполнять не хотятъ. Вотъ о семъ и секретный рапортъ ко мнѣ отъ засѣдателя съ нарочнымъ (при которомъ приложенъ и напѣвъ ихъ пѣсень и псалмовъ, дурными стихами сочиненныхъ) доназывающій ихъ безбожіе. Нѣкоторые изъ нихъ взяты подъ стражу, и земскій судъ отправился на мѣсто для слѣдствія.“

Успокаивалъ я губернатора надеждою, что мы этотъ бунтъ не только увротимъ, да и предупредимъ; совѣтовалъ ему больше остерегаться и меньше робѣть.

— „Чтожь прикажете дѣлать?“ спрашивалъ онъ меня.

„А вотъ что“! сказалъ я ему. „Повѣрьте, что все это произошло отъ того, что стали увѣщевать этихъ людей не во время, безъ нужды, неискренно, ожесточили ихъ и не такъ поняли... Доказательство тому—самый присланный къ вамъ напѣвъ ихъ; читайте его. Онъ присланъ въ обличеніе ихъ невѣрія къ Спасителю, а преклопенъ благоговѣнія къ Нему. Въ напѣвъ семь написано было: „Поклоняемся Христу, не мѣдному, не серебрянному, не золотому, не кованному и не литому, и не писанному, а Христу, Сыну Божию, Спасу міра и проч. и проч.“ Вѣрно ихъ спрашивали, что думаютъ они о коронаціи, которая недавно была? Извѣстно, что обрядовъ никакихъ они не уважаютъ, потому конечно и о семь надлежащаго понятія не имѣютъ. Да какая же нужда всякаго теперь мужика, который встрѣтится, спрашивать, что онъ думаетъ о коронаціи? Вѣрно ихъ заставляли кланяться образу, и они по своимъ понятіямъ не послушались. Вѣрно ихъ спрашивали, будутъ ли платить подати? Они будучи теперь раззоренные, нищія, которые сами требуютъ помощи, ожесточились такимъ вопросомъ,“ и проч.

„И такъ, вотъ что сдѣлайте. Попшите тотчасъ туда нарочнаго. Прикажите всѣхъ, взятыхъ подъ стражу, освободить. Донесеніе объ увѣщаніи привишите тому, что не такъ ихъ поняли,— что и подлинно,—земскому суду сдѣлайте самый строгій выговоръ за то, что онъ въ такомъ дѣлѣ, не списавшись съ вами и безъ вашего наставленія осмѣлился отправляться для слѣдствія на мѣсто; прикажите ему съ командою тотчасъ выѣхать назадъ въ городъ, а засѣдателю явиться сюда къ отвѣту. О возвращеніи же увѣщателей—священниковъ извольте отнестись официально къ преосвященному, а мы, на нынѣшней же почтѣ, донесемъ о всемъ томъ государю.“

Возвратившіеся увѣщатели подтвердили мою догадку.

Въ отчетѣ своемъ сказали они, что подлинно первый отъ нихъ вопросъ Духоборцамъ былъ о коронаціи. Духоборцы, не имѣющіе къ обрядамъ уваженія, не могли сдѣлать имъ отвѣта удовлетворительнаго и сказали, что они всякаго царя почитаютъ отъ Бога поставленнымъ, добраго—даромъ Божиимъ, а злаго—бичемъ за грѣхи. Поставили передъ нихъ образъ Спасителявъ и спрашивали

ихъ, вѣруютъ ли они въ предстоящаго предъ ними Спасителя? Духоборцы отвѣчали: „это не Спаситель, а доска расписанная!“ Наконецъ ихъ спрашивали: „Будутъ ли платить они подати и рекрутъ сгавить?“ Они съ досадою говорили: мы нищіе, чѣмъ намъ подати платить! Какіе отъ насъ рекруты? Остался старый да малый, да изувѣченный. Мы прежде служили Государю, какъ и другіе, а теперь, власть его не можемъ!“

Скоро собралось у насъ много Духоборцевъ. Нѣсколько ихъ пришло и изъ Екатеринославской губерніи. Хотя для порядка сохранялъ я въ дѣлѣ ихъ форму секретнаго производства, однако, чтобъ не подавать видовъ, смущающихъ и привлекающихъ изъвне отъ народа любопытство, говаривалъ я часто съ ними и при всѣхъ, и обыкновенно ходили они ко мнѣ всякій день по утру. Они очень полюбили меня и говорили со мною откровенно. Кромѣ безжѣрныхъ фанатическихъ, можно сказать, предрасудковъ противъ всякой наужности и скептическаго особничества и предпочтенія себя, нашель я въ нихъ понятія о христіанствѣ самыя коренныя и правильныя. Сила духа вѣры въ нихъ весьма замѣчательная и общая. Никто почти изъ нихъ грамотѣ не знаетъ хорошенько; писать изъ многихъ, бывшихъ тогда у насъ, худо умѣлъ только одинъ, а всякій о законѣ говорить, какъ книга..

Соглашаясь съ ними, и по справедливости, въ томъ, что все существенное заключается во внутреннемъ, убѣждалъ я ихъ въ надобности и пользѣ ходить въ храмы, исполнять всѣ внѣшнія обязанности, повиноваться всѣмъ уставамъ церковнымъ. „Дѣлайте это“, говорилъ я имъ, „хотя изъ любви къ ближнему, безъ которой не можно быть христіаниномъ; дѣлайте это, по крайней мѣрѣ, для того, чтобъ ближнихъ нашихъ не вводить въ грѣхъ отвращенія отъ васъ и вражды! Для чего жъ“, спрашивалъ я ихъ, „перестали вы ходить въ церковь? Вѣдь вы прежде ходили и все исполняли какъ и прочіе?“

— Признаемся, отвѣчали они мнѣ, въ грѣхѣ своемъ, что перестали ходить отъ досады и теперь не можемъ переломить себя.

— Отъ какой же досады?

— Какъ насъ начали изъ церквей таскать, да въ однихъ

рубашкахъ бить палочьемъ, приговаривать: въ церкви стоишь, а не то думаешь!

Что они не лгали, въ томъ я очень увѣренъ былъ отъ самого бывшаго господина исправника, который мнѣ хвалился такою палочною, противъ нихъ, войною и который былъ изъ числа считающихся христіанами только тѣхъ, у кого въ щекахъ румянецъ играетъ...

Наконецъ, духоворцы подали намъ прошеніе, въ коемъ, изъявляя свою вѣрность и усердіе къ государю, просили исходатайствовать имъ позволеніе отдѣлиться въ особое поселеніе“.

Допухинъ, тронутый столкновеніемъ своимъ съ диссидентами, писалъ отъ 3 декабря 1801 года обо всемъ своему великокодушному монарху; и вотъ что государь Александръ I въ особомъ Высочайшемъ рескриптѣ отвѣтилъ своимъ достойнымъ сподвижникамъ на ихъ умныя рѣчи.

„Господа тайные совѣтники и сенаторы Допухинъ и Нелединскій-Мелецкій! Примите истинную мою благодарность за поступокъ вашъ въ дѣлѣ Духоборцевъ. Я нахожу его столь же *сообразнымъ просвѣщенію и благороднымъ вашимъ правиламъ*, сколько и основаннымъ на справедливости и настоящемъ положеніи сихъ людей, и вслѣдствіе того поручаю вамъ, въ продолженіе пребыванія вашего въ Слободско-Украинской губерніи, наблюдать, дабы распоряженія, вами сдѣланныя, воспріяли точное ихъ дѣйствіе и послужили мѣстному начальству и на будущее время образцомъ поведенія его съ симъ родомъ людей... Вмѣстѣ съ симъ вразумляю я губернатора, какимъ образомъ должно распорядитъ ему назначенное при возвращеніи сихъ духоворцевъ увѣщаніе и, находя между тѣмъ, что прежде предпринятаго тамошнимъ правительствомъ церковнаго просвѣщенія ихъ умовъ, пристойнѣе и нужнѣе было бы помыслить о ихъ пропитаніи и водвореніи, и что прежде настоятельныхъ вопросовъ о ихъ обязанностяхъ къ правительству должно бы было дать имъ почувствовать, что правительство сіе въ разоренномъ ихъ положеніи готово простереть имъ руку помощи и покровительства... Я предписываю ему войти въ ихъ состояніе и, описавъ ихъ нужды, представить мнѣ имѣютъ ли они дома, и если не имѣютъ, то сколько потребно будетъ на ихъ

построеніе, дабы можно было дать имъ немедленно нужное пособіе.“ (Высоч. рескриптъ).

Да не подумаетъ, впрочемъ, благосклонный читатель, что и въ царствованіе Александра I всѣ смотрѣли одинаково по-христіански на дѣло релігіознаго разномыслія. Невѣжество и узкое пониманіе христіанства несли и тогда преграду великому дѣлу Александра I и его достойныхъ дѣятелей, въ родѣ Лопухина. Объ этихъ послѣднихъ людяхъ записаль для насъ въ своихъ запискахъ самъ же достоуважаемый умный Лопухинъ. „Поступокъ нашъ, говоритъ онъ, въ дѣлѣ съ диссидентами поставленъ былъ *за образецъ начальствамъ всѣхъ губерній...* Высочайшимъ именнымъ указомъ, который чрезъ генераль-прокурора объявленъ всѣмъ губернаторамъ въ томъ же декабрѣ 1801 г.

„Въ публикѣ иные хвалили это дѣло, а большая часть осуждали, и всѣ критики и порицанія устремлялись на меня.

„Бранили меня нѣсколько ученыхъ монаховъ, которые думаютъ, что все, касающееся до релігіи, есть ихъ монополія, и что безъ расы и влобука не можно имѣть истиннаго просвѣщенія въ сей релігіи, коея начало и канецъ есть сый, вездѣ и вся исполнай...

„Бранили меня благочестивыми слывшіе старцы, кои не пропускаютъ обѣдней и прилежно разбираютъ, рыба ли вязига и можно ли въ постные дни чай пить съ сахаромъ? въ него-де владется кровь. Люди эти готовы въ то же время безъ разбора подписывать ссылку и всякую неправду для пріятеля, особливо для вельможи придворнаго...

„Бранили меня охотники вмѣшиваться въ политику, которые, какъ бы заботясь о благосостояніи и твердости государства, кричатъ, что секты не должны быть терпимы, хотя также не знаютъ, не вѣдаютъ, что такое секта, и въ чемъ состоитъ благосостояніе государства, и хотя они сами изъ ленточки, изъ титла какого-нибудь превосходительства, и особливо изъ знатной суммы ходячихъ достоинствъ, готовы на все пуститься... Но я убѣжденъ, что *источникъ всѣхъ почти расколовъ есть усердіе непросвѣщенное*, исканіе лучшаго образа богослуженія, которое, конечно, рождается отъ усердія къ Богу; но безъ просвѣщенія, на самомъ подвигѣ усердія сего, въ заблужденіе войти можно... Для

того же, кто, называясь христіаниномъ, во Христа не вѣруетъ, о Богѣ не помышляетъ, конечно все равно, тотъ или другой образъ поклоненія, или совсѣмъ никакого. Таковой, конечно, не уклонится ни въ какую секту, и уклоняться-то ему не отъ чего!..

„И такъ, самая ревность къ закону Божию, но свѣтомъ истиннаго разума не управляемая, заводитъ въ разнообразныя заблужденія и производитъ различные расколы и раздѣленія!

„Не постигающей силы духа и внутренняго качества христіанскаго и заключающей все въ одной вѣншности, боготворить ее и ею соблазняется. Разница въ литерахъ, въ какомъ нибудь обрядѣ соблазняетъ и совращаетъ его. Онъ лучше согласится не величать Христа, нежели говорить тѣми, а не другими словами; — лучше совсѣмъ не будетъ молиться, нежели не тѣ употреблять вѣншніе знаки поклоненія, какіе употребляли его предки.

„На сѣмъ совратившихся самое большое число! Въ подвигѣ усердія непросвѣщеннаго, при суевѣрномъ обожаніи вѣншности гораздо удобнѣе слабостямъ человѣческимъ удовлетвориться ея исполненіями, нежели сражаться со страстями и отрицаться самолюбія.

„Другіе впадаютъ въ противное, но также въ заблужденіе; и столько же удаляются отъ пути истиннаго. Понимая, что не во вѣншности заключается существенное, но не понимая пользу вѣншности и необходимость ея, какъ средства къ внутреннему, отвергаютъ вѣншнее, презираютъ образное, но не постигаютъ истиннаго, не вѣдаютъ существенной внутренней духовности.

„Разными образами истязывали разномыслящихъ цѣлыми семействами, ссылали въ тяжкія работы, заключали въ самыя жестокія темницы. Нѣкоторые изъ нихъ сидѣли въ такихъ, гдѣ ни стоять во весь ростъ, ни лежать протянувшись нельзя было. Это мнѣ сказывалъ, хвалясь своимъ распоряженіемъ, одинъ изъ начальниковъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ они содержались. *Слѣпоту разума должно исцѣлять просвѣщеніемъ разума. Заблужденія духовныя исправлять надобно убѣжденіемъ духа, силою истины.* Я думаю, что одна проповѣдь евангельскаго ученія словами и книгами, при добродѣтельныхъ примѣрахъ, можетъ выводить изъ заблужденія совращающихся съ прамаго пути религіи. Исполненныхъ предразсудками противъ всякой вѣншности;

или безрасудно прилѣпленныхъ въ какиѣ-либо особенныя обряды, никогда не убѣдишь въ пользу тѣхъ, а не другихъ. Опытъ многая вѣковъ сіе доказываютъ! Но когда заблуждающіе въ ономъ будутъ просвѣщены и сердечно убѣждены въ существѣ животворнаго внутренняго христіанства, тогда всякая для нихъ преграда на правильный путь сама собою разрушится, и они, при истинномъ на него вступленіи, узнаютъ и необходимую при томъ пользу вѣнности и обрядовъ для людей, изъ души и тѣла составленныхъ.

На вопросъ: многіе ли понимали дѣло религіознаго разномыслія такъ, какъ понималъ его Александръ и И. В. Лопухинъ—мы конечно можемъ сказать утвердительно, что немногіе. Имѣя возможность ознакомиться съ донесеніями многихъ ревностныхъ, но крайне недальнихъ общественныхъ дѣателей Александра I, мы видѣли, что имъ было приказано такъ или иначе дѣйствовать и они дѣйствовали видимо противъ воли своей и убѣжденія, потому что при каждомъ удобномъ случаѣ ввертывали свое невоспитанное, грубое слово противъ системы Александра I,—въ видѣ мнѣнія, заключенія, соображенія и т. п.,—которое доказывало явнѣе для, что они пришиблены, и воли имъ нѣтъ, но что они все-таки остаются при своемъ мнѣніи. Такъ могуче великое слово одного лица среди 60 миллионовъ—слово государя! Конечно послѣ цѣлыхъ столѣтій гоненія съвѣтъ Александръ I не могъ создать вдругъ всѣхъ губернаторовъ, направилиъ, ставилиъ и диктовали истинными христіанскими дѣателями въ дѣлѣ сектъ, но онъ уже увѣковѣчилъ свое незабвенное царствованіе тѣмъ, что связалъ всякому недорослю-администратору руки... Какъ образецъ среди безчисленно многихъ, мы приведемъ здѣсь одинъ случай съ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ Пашкеровымъ. Сей восторанный великожа не отличался любовью къ русскому человѣку (онъ занятъ былъ, какъ извѣстно, особенно ревностно однимъ переселеніемъ французскихъ колонистовъ въ Россію на лучшія мѣста родной нашей почвы), и когда узналъ, что любвеобильному монарху угодно было переселить Духоборцевъ на лучшія мѣста въ Таврическую губернію и оградить ихъ здѣсь всякою заботою правительства и силою законовъ; завелъ съ Духоборцами Таврическими личности, которыя они и описали своему не-

завѣяному государю со всею простотою вѣрноподданническаго сердца: „Воззри, писали они, милосердѣйшій императоръ, на всеподданнѣйшее, — Таврической губ., Мелитопольскаго уѣзда, духоборческихъ слободъ, отъ повѣренныхъ, — прошеніе правосудныиъ окомъ! Богъ Спаситель міра, Царь Небесный, милосердую о всѣхъ обитающихъ на земномъ шарѣ чловѣкахъ, милуетъ и спасаетъ. Ваше Императорское величество, образу на землѣ бытіе его въ Россіи, милосердую во всѣхъ вѣрноподданныиъ всякихъ религій и закона, высочайше изданныиъ 1801 года ноября 27 указомъ защитилъ и насъ. 1816 года февраля 11 дня, пріѣхавъ въ „слободу Терпѣніе“, мелитопольскаго нижняго земскаго суда дворянскій заседатель приказалъ словесно старостѣ, чтобъ слѣдующему за нимъ больше-токумацкому священнику дать подводу, которому, по требованію его, во время уже вечера, отведена была въ домѣ жителя Николая Захарова квартира, гдѣ онъ былъ въ пьяномъ видѣ, требовалъ у хозяина сего дома себѣ ужинъ, что и было въ извѣстѣ исполнено; потомъ выпрося онъ большой стаканъ и выпивъ привезенный имъ съ собою водки два оныхъ, окончивъ свой ужинъ, повалился на лавку; а когда подошла Захарова мать для собранія со стола посуды, то онъ, вскочивъ и ничего не говоря, ударилъ ее наотмашъ въ лавомъ въ черепъ, отъ чего она упала и лежала на полу лишённая памяти, что хозяинъ Захаровъ пріѣзжалъ по извѣщенію съ вѣтренной мельницы и, видя то, началъ у того священника спрашивать: за что же онъ такъ родительницу его убилъ? но онъ на сіе не отвѣтствуя ни слова, а бросившись на его, Захарова схвати за волосы началъ бить нещадно, а Захаровъ, вырвавшись у него изъ рукъ, приказалъ своему работнику сбѣгать за старосту, который пришедъ увидѣлъ, что священникъ безчувственное пьянъ. Сбросивъ съ себя одѣяніе, снявъ рубашку, которую кинулъ на землю, и одѣвшись въ тулупъ, онъ началъ ругать и старосту неблагопристойныиъ севернословіемъ, а потомъ, схвати съ передняго угла свою сумку, вынулъ изъ оной деревянный крестъ и ударилъ объ полъ, перешибъ оный на двое съ произношеніемъ похвальныхъ словъ, что за это мы всё будемъ отвѣтствовать. Когда же они, просители, вздумали по сему и по другому еще дѣлу прибѣгнуть къ военному губернатору Ланжерону, надѣясь отъ него получить защити

ту и покровительство, то онъ не допустилъ ихъ до себя сажень за 20 и кричалъ на встрѣчу: „знаю, знаю по какому вы дѣлу; не надобно, не надобно!“ и ушелъ отъ нихъ въ свои нѣмецкія помѣщенія; потомъ, возвратясь спустя немного, началъ кричать: «вы не знаете Бога и императора, и если бы я былъ императоромъ, то побилъ бы васъ всѣхъ изъ пушекъ и ружей.» (Всенод. прошеніе). Ланжеронъ, когда государь истребовалъ отъ него объясненіе по сему прошенію диссидентовъ, писалъ: „секту духоборческую (донесеніе Ланжерона чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ) я почитаю опасною для христіанской религіи и вообще для нравовъ, и остаюсь при такомъ мнѣніи“. Затѣмъ признаваясь въ томъ, что онъ кричалъ на нихъ: „не надо, не надо! вы не знаете Бога и императора!“ въ остальномъ, прописанномъ въ всеподданѣйшей жалобѣ диссидентовъ, не признавался и просилъ взыскать съ челобитчиковъ за безчестіе его, Ланжерона. Государь Александръ I приказалъ отвѣтить Ланжерону, что „такъ какъ въ ссорѣ Ланжерона съ Духоборцами дѣйствія его клонились въ защиту христіанской религіи, то по правиламъ сей же религіи надлежитъ прощать всякую обиду.“

Не среди Ланжероновъ и т. под. Александръ I имѣлъ у себя В. П. Кочубея и М. М. Сперанскаго, которые понимали вполне своего великаго государя и *были лучшимъ украшеніемъ его царствованія*. Сперанскій, какъ извѣстно, въ 1816 году былъ, какъ оклеветанный, удаленъ въ Пензу съ назначеніемъ пензенскимъ губернаторомъ, куда и прибылъ 20 октября. Какъ личность съ просвѣщеннымъ умомъ и чистымъ сердцемъ, онъ скоро сдѣлался любимцемъ народа и всѣхъ притѣсняемыхъ и оскорбляемыхъ... Не смотря на всеобщій говоръ, что Сперанскій измѣнникъ, крестьяне тотчасъ же стали за него, отправляли за него задравные мѣлобны и ставили свѣчи. „Ставь умомъ выше всѣхъ между совѣтниками царскими, говорилъ народъ, онъ подалъ государю проектъ объ освобожденіи крестьянъ и тѣмъ возмутилъ противъ себя всѣхъ господъ, которые за это собственно и рѣшились его погубить.“ Какъ часто дѣйствовалъ за народъ Сперанскій, какъ губернаторъ пензенскій, мы видимъ, между прочимъ, изъ двухъ фактовъ, указанныхъ барономъ Бюрфомъ. Одинъ изъ пензенскихъ по-

мѣщиковъ съ большими связями былъ безпощадно подвергнутъ Сперанскимъ суду за застѣненіе до смерти своего крестьянина и сосланъ въ ссылку въ Сибирь. Тотчасъ же по пріѣздѣ своемъ въ Пензу, Сперанскій, съ быстротою и безпощадною строгостію, окончилъ дѣло, тянувшееся 10 лѣтъ, объ одной помѣщицѣ, истыкавшей несовершеннолѣтняго своего двороваго перочиннымъ ножомъ за то, что онъ недосмотрѣлъ за ея кроликомъ... Духоборцы Пензенской губерніи нашли въ Сперанскомъ умнаго и человѣколюбиваго вадитника, лучшаго и достойнаго истолкователя воли и гуманнхъ нахѣреній императора Александра I. Какъ на образчикъ, среди многихъ примѣровъ, мы укажемъ здѣсь на слѣдующее обстоятельство. Пензенскій епископъ Аванасій, по донесенію священника Наровчатскаго уѣзда, удѣльнаго села Покровскаго, требовалъ съ Духоборцами того села поступить по всей строгости законовъ и выпроводить ихъ въ Таврическую губернію (т. е. раззорить переселеніемъ). Сперанскій дносилъ министру удѣловъ, Д. А. Гурьеву, что онъ не признаетъ того, чтобы такіа мѣры производили какое-либо дѣйствіе, и онъ знаетъ одно только средство въ уничтоженію сектъ, — средство это состоитъ въ томъ, чтобы въ приходы, ими зараженные, опредѣлять *священниковъ умныхъ, примѣрной жизни, кроткихъ, поучительныхъ и непритязательныхъ*... Лично же во всемъ этомъ дѣлѣ онъ поступилъ, какъ второй Лопухинъ. Министертвомъ внутреннихъ дѣлъ уже предписано было выслать означенныхъ диссидентовъ въ Таврическую губернію, но Сперанскій донесъ министру внутреннихъ дѣлъ Козодавлеву, что въ томъ разумѣ кротости и снисхожденія, въ какомъ должно быть сіе устроено, затрудняясь выборомъ способнаго человѣка и считая неудобнымъ предавать дѣло сіе обыкновенному дѣйствію земской полиціи, — онъ проситъ отложить это дѣло на два мѣсяца, когда лично на мѣстѣ онъ въ состояніи будетъ заняться этимъ дѣломъ и войти во все его обстоятельства. Получивъ на сіе разрѣшеніе, Сперанскій дѣйствительно явился лично въ село Троицкое и умомъ, ласками и человѣколюбивыми мѣрами до того растрогалъ диссидентовъ, что они *плакали съ нимъ вмѣстѣ*, такъ что Сперанскій донесъ уже министру внутреннихъ дѣлъ, что диссиденты села Троицкаго объявили ему рѣшеніе свое остаться на мѣстѣ и съ благодарностію

приняли всё мѣры его, предпринятые имъ къ огражденію ихъ отъ всякаго стѣсненія, почему ненужно будетъ никакого дальнѣйшаго распоряженія относительно ихъ, и дѣло сіе можно считать совершенно конченнымъ.

Въ настоящее время мы дожили тоже до просвѣщеннаго взгляда на свободу совѣсти, и наши послѣднія узаконенія о сектахъ показываютъ, что мы близки къ терпимости ихъ, разумѣется безъ предоставленія кому бы то ни было права злой пропаганды, спекулятивнаго злоупотребленія простотою народа... Съ этой точки зрѣнія мы должны желать одного: передать дѣло о сектантахъ русскихъ лишь духовенству православному, помимо неумѣлой полиціи и взяточничающихъ чиновниковъ, и если духовенство не займется съ любовью и умѣньемъ этимъ дѣломъ, тѣмъ хуже для него. Пусть оно *что поспѣетъ то и пожнетъ!*..

— Дѣдушка, а дѣдушка? спросилъ я спутника своего послѣ длинныхъ моихъ размышленій съ самимъ собою...

— Что добрый человекъ? отвѣчала старикъ, поднявъ на меня свои сѣдыя брови.

— Такъ ты говоришь, что нынѣшній нашъ Царь хорошій Царь?

— Христіанскій Царь! отвѣтилъ старикъ и поднялъ невольно глаза въ небо.

— Ну и слава Богу! пойдемъ же теперь на гору, кажется отдохнули.

VI

СКОПИТЕЛЬ

I.

ЗАПАДНЯ.

Въ одно изъ первыхъ чиселъ августа 186* года солнце палило, какъ въ началъ лѣта. Въ поляхъ у крестьянъ дѣло валилось изъ рукъ. Въ Сермячскомъ лѣсу Петергофскаго уѣзда, вроясь отъ удлиннаго зноя, спустился съ кручи 20-лѣтній крестьянинъ, и легъ подъ ракикою у холоднаго ключа на желтомъ и сыромъ пескѣ. Дубовые кусты лѣпились по скатамъ оврага и отгѣняли влажный ключъ, тихо струившійся изъ разсѣлинъ горъ. Глубокой оврагъ, вѣками просѣченный ключемъ, зеленѣлъ бархатной пушистой травой. Солнечные лучи почти никогда не касались его холоднаго, серебристаго дня. Работковъ, такъ звали молодаго парня, напился берестой холодною водою, оглядѣлся кругомъ, и, вынувъ изъ кармана книгу „Указаніе пути въ царство Небесное“, сталъ внимательно ее читать. Повременамъ тяжелый вздохъ вырывался изъ груди его, руки складывали крестное знаменіе, глаза нерѣдко поднимались къ небу и по-долгу останавливались на синемъ небосклонѣ. Книга видимо трогала 20-лѣтняго юношу и вызывала невольню вѣтшіе знаки умиленія... Наконецъ Работковъ дочитался до словъ „Есть въ человѣкѣ такая боль грѣха, которую нельзя вылечить

ничья, кровь вырвѣнія, или выжитія...“ и сильно задумался... Книга у него была скопческая, всіми жѣрами втираемая насильно въ руки слѣпому народу... Роботковъ нашель ее подкинутою къ себѣ въ годовы въ полѣ на жнитвѣ не далѣе, какъ наканунѣ того дня. Смысль словъ вызываль чтеца на размышленіе о лучшей загробной жизни, въ которую ведетъ скопчество самымъ вѣрнымъ путемъ, и о царскихъ чертогахъ, которые уготованы дѣтункамъ царемъ будто-бы Петромъ III, который, какъ поютъ скопцы:

Оставилъ столичныя грады,
Оставилъ Питерь, Москву —
Оставилъ гранитовыя палаты
И всѣ мраморныя дворцы
И высокій тронъ свой,
Пересталъ гостить на немъ
И Святымъ Духомъ заблажилъ...

ж уготовилъ царскіе чертоги у Отца Небеснаго для всѣхъ обеспѣженныхъ.

Бѣдность мужицкая, скудная доля, тяжелый трудъ усилили въ Роботковѣ чувство недовольства жизнью, и распаляли страсть жать въ будущей жизни получить себѣ мѣстечко лучше...

Роботковъ читаетъ слова, будто-бы, Петра III къ скопцамъ:

Что вы вѣрные, избранные!
Я дождусь той поры времечка:
Перебирать буду всяко сѣмячко...
Я отъ чистыхъ не укроюся,
Надъ царями царь откроюся.
Завладѣю всіми престолами
И короною съ державою...
Всѣ цари, власти мнѣ поклонятся,
И вы рядомъ со мною сядете...

Для простаго человѣка нельзя говорить проетѣе, обаятельныѣе: Этотъ языкъ, эти обѣщанія, эти угождения, эти лестныя ожиданія скопца... прямо льнуть въ простую душу, и неволью вѣдряются въ ней.

И запала въ годову молодаго парня крѣпкая дума о сидѣніи рядомъ съ царемъ Петромъ III, расширилась его умиленная душа,

и, глядя на синеву небесъ, онъ уносится уже мыслию въ царство лучшее, въ царство небесное, гдѣ онъ будетъ ликовать со ангелами, и духи небесныя будутъ служить ему. Чѣмъ дальше онъ читалъ книгу, тѣмъ выше парилъ мыслию и настоятельнѣе размышлялъ о пути въ царство небесное...

Солнце, между тѣмъ, начинало склоняться къ вечеру и стало заходить за тучки.

II.

ЦАРСКАЯ ПЕЧАТЬ.

Съ тѣнистыхъ горъ, изъ лѣса, вдоль извилистаго оврага, съ высокими посохомъ въ рукѣ, спускался тѣмъ временемъ въ долину старикъ. Сѣдые волосы его ярко бѣлѣли среди темной зелени лѣса, а бѣлый, суконный, длинный кафтанъ придавалъ его фигурѣ видъ неземнаго жителя. Фуражка съ большими прямыми козырькомъ, низко надвинутая на глаза, увеличивала страшность одѣянія таинственнаго путника. Осторожно раздвигались кусты геръ, широко поступью скользилъ незнакомецъ по зеленой травѣ и жадно вливался стеклянными глазами въ молодое тѣло умиленнаго Работова. То былъ извѣстный въ Петербургѣ фанатикъ-скопеецъ, преданный дѣлу пропаганды до изступленія... Его желтое, безбородое лицо, осунувшіяся щеки, мутные глаза извѣстны были всѣмъ мѣнялачь Петербурга. Съ устъ пропагандиста исходять слова писанія: „Дамъ имъ (будто бы скопцамъ) въ дому моемъ и въ оградѣ моей мѣсто именито, лучшее отъ сыновъ и дочерей, имя вѣчно дамъ имъ и не оскудѣеть. (Ис. I. VI. 5,) Сіи суть, иже съ женами не осквернишася, зане дѣвственницы суть: сіи послѣдуютъ Агницу, аможе аще пойдетъ: сіи суть куплены отъ людей, первенцы Богу и Агницу (Апок. XIV. 4). Изможденный давниимъ оскотленіемъ, фанатикъ искалъ себѣ жертвъ и внѣ Петербурга, въ одеждѣ скопца-паллигрима странствуя по селамъ и деревнямъ. Его острый ножъ, съ лезвіемъ бритвы, не лежалъ въ ножнахъ спокойно безъ работы.

Самое людское счастье, какъ злой старой дѣвѣ, было неизвестно давнишнему налѣвѣ, и онъ съ наслажденіемъ рѣзалъ и рѣзалъ обманутыя жертвы...

Работковъ, лежа у ключа, читалъ въ книгѣ слова:

Ты свѣти, свѣти. свѣтъ свѣтелъ мѣсяцъ,
Обогрѣй ты насъ красно солнышко.
Прикатися къ намъ государь батюшка
Съ восточной, государь, со сторонѣшки,
Изъ своей, государь, изъ неволѣшки...
Покажи жъ ты намъ свой пречистый ликъ.

Фанатикъ съ быстротою кошки прильнулъ къ своей жертвѣ и изсохшими устами прошипѣлъ:

Ну, Богъ помочь тебѣ братъ!
Вѣра, Богъ тебѣ радъ,
Подастъ душѣ твоей много награды,
Ты будешь имѣть много отрады,—
Пошлетъ въ нутро твое благодать.
Не изволь братъ унывать!

Работковъ ошмѣль. Онъ пораженъ необычайнымъ явленіемъ. Онъ слушаетъ льстивыя рѣчи фанатика про батюшку исповителя Петра III, про матушку Акулину Ивановну, про кораблики скопческіе, на которые стоятъ только съѣсть, и пойдешь прямо въ царство небесное... и въ благоговѣнномъ умилении изъявляетъ желаніе поскорѣ поѣхать на скопческомъ кораблѣ въ это царство небесное...

„И дамъ ти ключи въ царствіе Божіе, сказала фанатикъ, положивъ предъ Работковымъ мѣшокъ съ серебряными деньгами: и утѣшатъ тя въ день печали“...

Работковъ, не имѣвшій отъ роду въ рукахъ такой кучи серебряныхъ денегъ, вѣнъ себя отъ радости. Онъ начинаетъ пересчитывать серебряныя старинныя талера и позволяетъ себѣ, по предложенію странника, осмотрѣть: годенъ ли онъ будетъ въ царство небесное?

Черезъ три минуты острая, какъ булавъ, бритва фанатика внезапно скользнула по грѣшнымъ членамъ здороваго тѣла обманутаго

Работовъ... Совершивъ свопческую операцію, фанатикъ поднялъ упавшія на землю грѣшныя части, и показывая ихъ вназвѣхъ въ обморокъ жертвъ, въ фанатическомъ торжествѣ, воскликнулъ:

Вотъ, смотри
На сокрушеннаго змія!

Улыбка изступленной радости искривила его сухія уста, глаза сверкнули мутнымъ блескомъ и фанатикъ, обливъ рану ѣдко-лекарственной водою, прошипѣлъ:

Водою
и духомъ!—

и быстро исчезъ между деревъ, скрываясь отъ лежавшей въ безпамятствѣ жертвы. То была царская печать, прикладываемая скопцами къ тѣлу новой жертвы! На стемнѣвшемъ небосклонѣ, подернутомъ синей тучей, сверкнула молнія, освѣтивъ лѣсъ, долину и ручей съ повинутою жертвою фанатическаго наступленія, и какъ бережно несомая свѣчка, тихо мигая, выбивалась изъ подъ тучки вечерняя зарница.

Къ утру только, приходя въ себя, Работовъ вспомнилъ, что у него есть въ деревнѣ молодая жена.... и запоздалыя слезы градомъ потекли изъ его глазъ.

III.

сонъ богородицы.

Въ семействѣ крестьянина Левлева, дер. Малыхъ Изгоръ Петергофскаго уѣзда, за неизвѣстномъ полезнымъ народнымъ книгъ, издавна пристально читалась свопческая книжка „Сонъ Богородицы“, принесенная извѣстнымъ уже намъ фанатикомъ-мѣнялою, крестившимъ Петербургскую губернію во всѣхъ направленіяхъ и вторгавшимся въ мирныя семейства слѣпотствующихъ крестьянъ... Серебряные, Павловскіе рубли, расточаемые безъ скупости среди народа

бѣднаго, имѣли свое дѣйствіе. Брались деньги, брались и свѣтскія книжки въ родѣ „Сна Богородицы“. Книжка эта въ семействѣ Іевлева, какъ и вездѣ, гдѣ появлялась, произвела желанніе результаты. Глава семейства, 50-лѣтній крестьянинъ Кирилъ Іевлевъ еще въ 1858 году едѣлся жертвою петербургскаго фанатика-иѣнялы, заплатившаго за это Іевлеву 40 серебряныхъ талеровъ. Изувѣрство, ворвавшись въ семейство, неудержимнѣе потокомъ разлилось на всѣхъ членовъ его, не пощадивъ даже и 11-лѣтнихъ дѣтей!.. Сонъ Богородицы читался и читался, а члены семейства Кирилы Іевлева рѣзались и рѣзались. Старшій сынъ его, оскопленный уже отцомъ своимъ, Никита Кириловъ 26 марта 1859 года бѣжалъ изъ кронштадтскаго № 2 баталіона, и соединившись съ оскопленною своею теткою, сестрою отца, вдовою Степанидою, подъ звуки „Сна Богородицы“ оскопиль и малолѣтнихъ въ семействѣ своемъ. Правосудіе въ 1860 году нашло уже все семейство Кирилы Іевлева повально оскопленнымъ. Жены сыновей Кирилы найдены съ вырѣзанными грудями, такъ что на мѣстѣ сосковъ были только поперечныя синіе рубцы, прижженные раскаленнымъ желѣзомъ...

Сѣдой фанатикъ оставивъ Работкова, посѣтилъ домъ Кирилы Іевлева, сотворилъ у него радѣніе и оставилъ нѣсколько серебряныхъ рублей, для передачи новымъ жертвамъ, уловленнымъ Іевлевымъ—Никитѣ Яковлеву и Ефиму Иванову, крестьянамъ деревни Малой же Ижоры, назначивъ имъ свиданіе въ слѣдующую ночь въ прибрежномъ лѣсу.

IV.

НА БЕРЕГУ МОРЯ.

Синее чистое небо торжественно и необъятно стояло надъ моремъ 4 августа 186* года со всѣмъ своимъ таинственнымъ великолѣпіемъ. Мѣсяцъ высоко стоялъ на синемъ небосклонѣ и серебрянымъ потокомъ разливался въ тихихъ водахъ Финскаго залива.

Прибрежный тростникъ, безжолвно рисуясь на стеклянной поверхности воды, изрѣдка шумѣлъ, колеблемый набѣжавшей волной. Свѣжій запахъ скошенной травы, насыщающій воздухъ, густымъ тяжелымъ слоемъ висѣлъ надъ самой землей. Заря давно уже погасла и едва бѣлѣлъ на небосклонѣ ея послѣдній слѣдъ. Сквозь тонкія зеленія вѣтви деревь слабо мигали блѣдныя звѣздочки. Такая ночь, такая природа способны смягчить душу закаленного разбойника, который отлагая въ сторону преступные замыслы, сладкимъ сномъ засыпаетъ убаюканный природою. Но краса природы, созданной Богомъ для наслажденія человека, не трогаютъ фанатической души ожесточеннаго злодѣя... Съдой фанатикъ, съ длиннымъ козыремъ на лбу, сидѣлъ невозмутимо на мѣсто свиданія съ новыми жертвами. Два мѣшка мѣдныхъ денегъ лежатъ уже на зеленой травѣ, хитро прикрытые верхнимъ слоемъ серебряныхъ рублей... Глаза бѣдныхъ, оборванныхъ крестьянъ Никиты Яковлева и Ефрема Иванова разбѣгаются при взглядѣ на такія сокровища. Съ обнаженной грудью сидѣлъ одинъ изъ нихъ близъ мѣшка съ деньгами и лѣниво пиная траву въ то время, когда фанатикъ читалъ надъ ними скопческія клятвы, заклиная нерушимо, до конца жизни „во-первыхъ удалиться отъ обращенія съ женщинами и кинуть женъ своихъ, какъ змій ядовитыхъ, какъ самую гнусную скверну; во-вторыхъ, проклясть дѣтей своихъ, которыя не позволяютъ приложить себѣ царскія печати“... При этихъ словахъ Яковлевъ, сидѣвшій полуобнаженный на сѣромъ армякѣ своемъ, зашаркалъ дрожавшими ногами (у него было семеро малолѣтнихъ дѣтей) и безмысленно улыбаясь сквозъ взъерошенную бороду, махнулъ одной рукой, какъ бы желая сказать: „куда ни шло! быть тому“!

— „Съ миромъ дружбы не водить, въ пріязнь не входитъ“, говорилъ фанатикъ своимъ жертвамъ, и поднесъ имъ въ это время причастіе изъ пузырька, оказавшееся сильными сонными каплями...

— „Не ходитъ къ мірянамъ ни на свадьбы, ни на крестины, ни въ праздники, ни въ будни мяснago не ѣсть, а питаться только растеніями, молочнымъ и рыбнымъ“...

Слушавшіе покатались на траву въ забытѣ; бритва фанатика мгновенно скользнула по тѣламъ ихъ. Сверхъидея новосъло-

дѣйство и двѣ новыя жертвы слѣпоты и невѣжества народнаго лежали безъ памяти на свѣжей травѣ, облитыя матовымъ свѣтомъ привѣтливой луны. Обратившись къ искалѣченнымъ, окопитель произнесъ:

Оставайтесь вы, сироты
Вы, сиротушки, останьтесь
Живому Богу достаньтесъ,
А мнѣ дайте вѣ помогу
Катиться въ путь дорогу! —

и покатыль дальше въ путь-дорогу. Путникъ этотъ испортилъ свою жизнь, ему хочется жортыть ее и у другихъ... Его ножъ не лежитъ спокойно въ ножнахъ, его черствая душа, потерявъ давно пониманіе прекраснаго Божьяго міра, въ слѣпомъ изувѣрствѣ можетъ наслаждаться только пролитіемъ человѣческой крови... Съ высоты горы, обернувшись лицомъ къ жертвамъ, онъ пробормоталъ протягивая руки

Милость, милость,
Покровъ, покровъ! —

и исчезъ въ чащѣ густаго лѣса.

И остались его сироты на окровавленной травѣ, оторванные навсегда отъ міра семейнаго и общества людскаго... Къ нимъ приложились „царскія печати“ самого батюшки-искупителя, которыя сдѣлали ихъ навсегда отверженниками неба и земли!..

Свершивъ преступленіе, фанатикъ зашагалъ далѣе по „царскому пути“ для спасенія душъ царскихъ сиротушекъ... Слабый вѣтеръ чуть-чуть потянулъ по верхушкамъ деревъ, листья тихо зашумѣли надъ головою безчувственныхъ труповъ. Съ сего часа природа и для нихъ потеряла навсегда свое обаяніе! Съ потухшимъ взоромъ, съ злобою въ душѣ, лишившись способности наслаждаться семейными радостями и спокойствіемъ общественнымъ, они скоро пойдутъ по стопамъ ихъ окопителя по „царскому пути“ ихъ батюшки-искупителя, и съ необузданнымъ изувѣрствомъ будутъ рвать другихъ...

Скоро совсѣмъ замолкло въ лѣсу; море не шелокнетъ; деревья почти замерли на мѣстѣ, какъ бы внимая совершенному злодѣйству, а фанатикъ, какъ „вѣчный жидъ“, шелъ все дальше и даль-

ше. Онъ близился по „царскому пути“ къ Петербургу, къ своимъ дѣтушкамъ, петербургскимъ мѣняламъ... Тамъ у осклопленныхъ дѣтушекъ

За страданія, дарованія
Злата, серебра, крупна жестуга,
И съ пресвѣтлыми брилліантами —

было много ему работушки...

V.

ВЪЛЫЯ МОНАХИНИ.

Въ одной изъ отдаленныхъ улицъ на Охтѣ стоятъ угрюмый большой домъ. Высокій заборъ, старый садъ, огромныя ворота, глухая калитка, день и ночь запертая на цѣпь, придавали этому дому видъ монастыря. То былъ дѣйствительно монастырь скопческій! На иждивеніе знакомаго намъ мѣнялы-фанатика здѣсь содержалось тайно до 40 осклопленныхъ дѣвицъ, жертвъ простоты и невѣденія... Ихъ покупалъ фанатикъ-скопонецъ у отцевъ и матерей за серебряные талера Павловскаго чекана, и затѣмъ, освоивъ, прирѣзвалъ въ своей богадѣльнѣ. Отцы разживались на серебряные рубли, а дочери жили за готовымъ кормомъ, чего же больше русскому мужику, не понимающему ни себя, ни окружающаго?.. Скопцы твердятъ слова Апокалипсиса: И видѣхъ, и се Агнецъ стояше на горѣ Сіонстѣй, и съ нимъ сто и четыре десать и четыре тысящи, имуще имя Отца его написана на челѣхъ своихъ... искуплена отъ земли: сіи суть искуплены отъ людей, первенцы Богу и Агнцу (Апокал. XIV. 1, 3, 4.) и принимая число 144,000 въ буквальный смыслъ убѣждены, что когда секта ихъ будетъ простираться до этого числа, т. е. когда осклопленныхъ наберется до 144,000 человѣкъ, тогда явится во славу своей Агнецъ Божій, и тогда наступитъ окончательное ихъ торжество и вѣчное блаженство. Это заставляетъ своицевъ употреблять всѣ усилія, чтобы таинственная цифра 144,000 какъ можно скорѣе осуществилась, и тѣмъ ускорить возжеланное время ожидаемаго переворота... Отсюда явленіе подеушовъ для поступления въ скопчество, отсюда

ведутъ начало и монастыри скопческіе... Не весела жизнь въ охтенско-скомъ домѣ, богадѣльнѣ богатаго мѣнялы, и красотою не отличаются женщины, помѣщенныя въ немъ. Изуродованнымъ, съ вырѣзанными грудями, съ выжженными сосцами, лишеннымъ возможности быть когда-либо матерью, имъ остается одно, — распѣвать скопческую пѣснь:

Я спать лягу, мнѣ не хочется;
Животъ скорбью осыпается,
Уста кровью запекаются...
Мнѣ къ батюшкѣ въ гости хочется,
У родимаго небывать, побесѣдовать....

Скопцы называютъ такихъ жертвъ „бѣлыми монахинями“. Въ число сихъ несчастныхъ поступила недавно и дочь знакомаго намъ крестьянина Іовлева. Самъ съдой мѣняла привезъ ее въ свой монастырь, и ввелъ въ соборъ скопчихъ босыми ногами. Сестры приняли ее съ зажженными восковыми свѣчами, поклонились старцу фанатику до земли и пропѣли пѣснь: елицы во Христа крестис-теса...

Своими руками заперевъ тяжелую калитку богадѣльни, фанатикъ съ дикою радостію на желтомъ своемъ лицѣ выцѣль за стѣны монастыря. Новая жертва увеличивала собою желанное число 144,000. Чего же ему болѣе?

Такъ для изувѣра, положившаго на себя печать физическаго уродства, нѣтъ уже болѣе возврата, нѣтъ раскаянія и примиренія съ человѣчествомъ, котораго онъ отвергся и которое его отвергаетъ! Ему ничего не остается, кромѣ заблужденія; въ немъ заключаются для него весь міръ, сосредоточивается все его бытіе. Въ такомъ состояніи единственное наслажденіе, какое доступно человѣку, есть сообщеніе другимъ собственнаго отверженія, приумноженіе подобныхъ себѣ несчастливцевъ... Это тотъ же печальный законъ, свойственный отчаянію, по которому обреченные на смерть преступники тащатъ за собою на эшафотъ невинныхъ, чтобы страдать и умереть не однимъ... Въ нечеловѣческомъ поправленіи ближайшихъ, узъ природы, естественно мѣсто злорадному чувству эгоизма, которое выражается поговоркою всѣхъ, окончательно сбившихся съ пути, всѣхъ погубившихъ себя безвозвратно: „нѣтъ мнѣ, не буди и тебѣ!..“

VII

ДВУСТОУПСТВО

Б Е З П О П О В Ц Е В Ъ .

Въ политикѣ сдѣлалась уже почти общимъ мѣстомъ истина, что партія неподвижности и партія прогреса — обѣ составляютъ необходимые полюсы политической жизни, пока одна изъ нихъ до того не расширитъ своей силы, что станетъ въ одно и тоже время, и тою и другою партією, зная и различая то, что можно сохранить, отъ того, что должно уничтожить. Каждая изъ этихъ партій полезна именно недостатками другой, но особенно оппозиція противной стороны заставляетъ каждую изъ нихъ держаться близко предѣловъ благоразумія и пользы. Пока мнѣнія, защищающія демократію или аристократію, ассоціацію или соперничество, роскошь или умѣренность, свободу или дисциплину и всякія другія противорѣчащія идеи, не будутъ высказываться одинаково свободно, пока не будутъ нападать на нихъ, или защищать ихъ съ одинаковымъ талантомъ и энергією, до тѣхъ поръ ни для одного изъ мнѣній нѣтъ шансовъ занять прочное мѣсто. Истина, по этому, въ важныхъ жизненныхъ вопросахъ столько зависитъ отъ соглашения и соединенія противорѣчій, что очень немногіе имѣютъ умъ, достаточно способный и безпристрастный, чтобъ исполнить все это хоть приблизительно точно, и это можетъ быть достигнуто только труднымъ путемъ борьбы между двумя бойцами, стоящими подъ враждебными знаменами; только съ помощью разнообразія мнѣній есть надежда на полное признаніе обѣихъ сторонъ истины. Если есть люди ко-

торые нарушают кажущееся согласіе всѣхъ по поводу какого нибудь вопроса, то, предположивъ даже, что весь міръ думаетъ вѣрно, все-таки можно полагать, что несоглагошающіеся имѣютъ сказать въ свою пользу: что нибудь, заслуживающее быть услышаннымъ, и что истина хоть сколько нибудь потеряетъ отъ ихъ молчанія.

На этомъ основаніи мы всегда стояли за представленіе права нашимъ, на примѣръ, раскольникамъ высказывать свои возраженія и раскрывать свои догмы передъ обществомъ, церковью и литературою въ предѣлахъ, конечно, сдержаннаго и благоразумнаго спора. Таковую же свободу преній считаетъ полезною, въ видахъ разъясненія истины, и само правительство, позволившее издавна и нынѣ не прекращающее публичныхъ религіозныхъ споровъ раскольниковъ съ православными на Бремлевской площади въ Москвѣ. Нѣкоторые печатные органы стали давать мѣсто возраженіямъ раскольниковъ и едосѣвцы напр. выступили на арену печатную...

Къ несчастію печатный литературный дебютъ едосѣвцевъ слишкомъ неудаченъ, и нѣкоторые органы печати, пріютивъ ихъ на своихъ столбахъ, доказали тѣмъ, что они согласны давать мѣсто голосу раскола безъ разбора, хотя бы тутъ не было ничего неизвѣстнаго доселѣ и дѣйствительнымъ образомъ помогающаго дѣлу разъясненія истины, даже, еслибъ заключалась прямая, можетъ быть, намѣренная ложь. Исторія едосѣвцевъ давно извѣстна, и цѣлыми сотнями официальныхъ дѣлъ засвидѣтельствованы факты изъ жизни этой мрачной секты — факты повального разврата, вслѣдствіе основной догмы; „не женатый не женись, женатый разженись“ и дѣтоубійства, какъ слѣдствія разврата. Одно неопровержимаго факта, — что при обследованіи Преображенскаго кладбища лицами правительственными въ Хапиловскомъ пруду неводами выловлено было огрдное число утопленныхъ едосѣвцами дѣтей, — достаточно, чтобъ сказать публицистамъ едосѣвцамъ, что они морочатъ публику, утверждая, будто дѣтоубійства не было въ едосѣвской сектѣ. Дикая и противуестественная догма едосѣвцевъ, что бракъ есть несчастіе и всѣ люди должны быть дѣвственниками, запечатлѣна, наконецъ, въ книгахъ, писанныхъ рукою самихъ же раскольниковъ, и хранящихся, въ уликъ ихъ, въ императорской с. п. публичной библіотекѣ; а что написано верою, того не вырубишь

топоромъ! Самъ Ковылинъ во главу еедосѣвевой секты положилъ слѣдующія слова: „Бракъ предъ Богомъ—блудъ, который будетъ наказанъ вѣчнымъ огнемъ.... и потому если люди вступать въ браки, то погибли: одно расторженіе браковъ и посвященіе себя Богу можетъ спасти васъ!..“ Въ рукописяхъ, хранящихся въ императорской публичной библиотекѣ (№ 30-й по отд. бранбор.), читаемъ слѣдующее ученіе еедосѣвцевъ:

Дѣвство каждый сохраняй,
Тайну брака не осзнай:
Холостой не женися,
Староженный воздержися,
Дѣвка замушь не ходи,
Староженка не роди.
Тайна брака истребися,
Дѣтородство запретися...
Что къ зачатыю челоуѣка
Нынѣ въ жизни душу вѣка
Богъ Творецъ не посылаетъ
Самъ діаволъ помѣщаетъ:
Сатана зиждетъ людей
Множествомъ числомъ семей;
Въ томъ невѣрны помогаютъ (т. е. брачащися)
И враги тожь пособляютъ.
Сына, дочь не сочетать
Мать, отца за бракъ изгнать.
Чистоту мы умножаемъ,
Вѣру дѣвства защищаемъ.
Повивалками не быть (повелѣваемъ),
Повиваньемъ не служить.
Вѣру твердо сохраняйте,
И въ родахъ не помогайте...
.....
Тверды въ вѣрѣ пребывайте
Жизни брачной не примайте.
.....
Страсть любовну поправляти,
Покаянемъ очищати.
Насъ отцы (ихъ духовники) за грѣхъ прощать,
Въ райско мѣсто помѣщать.

Богъе благоразумные изъ еедосѣвцевъ, въослѣдствіи, видя всю

противоестественность этой догмы, не рѣшались предаваться аскетизму и, сходясь на любовное сожитіе съ женщинами, удерживали при себѣ дѣтей, т. е. не топили ихъ въ прудахъ и не отправляли въ скиты замаливать грѣхи отцовъ. У еедосѣвцевъ такіе люди сдѣлались извѣстны подѣ именемъ „новоженковъ“, и къ нимъ упорные сектанты стали относиться слѣдующимъ образомъ:

Новоженка сохрани (правило)
Изъ горшка (дѣтей) млекою корми.
А не грудію своею
И не мерзостью твоею,
Но коровьимъ молокомъ
Для спокойствія о томъ.
Мать отца ихъ (дѣтей) разлучати,
Купно жить не позволять,
По деревнямъ разгонять.
Вмѣстѣ будутъ проживати—
Ихъ дѣтей не отпѣвати
Ни крестить всегда нигдѣ...

Вѣра наша (еедосѣвская) лучше всѣхъ
Въ чистотѣ, что въ насъ успѣхъ.
Федосѣвы научили,
Вѣру дѣвства учредили,
Въ вѣрѣ нашей брака нѣтъ—
Будеть знать хоть цѣлый свѣтъ...

Никому такъ коротко неизвѣстны, конечно, еедосѣвцы, какъ раскольникамъ же другихъ толковъ; между тѣмъ нѣкто Андреянъ Сергѣевъ такъ отозвался о современныхъ ему еедосѣвцахъ (рук. публ. библ. л. 30:)

Фараонъ дѣтоубійца,
Иродъ злобный, кровопійца.
Грѣхъ тогда легче былъ:
Мужескъ полъ одинъ убилъ;
Бракоборъ же (еедосѣвецъ) взаконяетъ
Оба пола умерщвляетъ...

Еслибъ скопецъ принесъ заявленіе, что правительство и литература должно взводить на скопцовъ обвиненіе въ скопчество, бѣ-

гунъ — что члены секты бѣгуновъ самые осѣдлые и домосѣдные люди, и редакція напечатала бы эти заявленія, то насмѣшка этихъ людей надъ публицистикою была бы очевидная. Слова нѣтъ, запрещать высказывать свои мысли кому бы то ни было, по меньшей мѣрѣ — значить останавливать раскрытіе истины: этимъ, если можно такъ выразиться, обкрадывается родъ человѣческой, будущія поколѣнія и настоящія, потому что если запрещаемое мнѣніе справедливо, люди лишаются возможности замѣнить ложь истиною, а если оно несправедливо, они утрачиваютъ возможность яснѣе понять и живѣе почувствовать истину, которая укрѣпляется отъ столкновенія ея съ ложью. Но иное дѣло веденіе спора, иное мороченье!..

Правительству и публикѣ не со вчерашняго дня извѣстенъ чинъ оглашенія едосѣвцевъ, написанный во времена Ковылина, а въ этомъ чинѣ говорится напримѣръ: ежели кто желаетъ единолично въ цѣломудріи безженно жизнь проводить, таковъ пріятъ будетъ (въ секту), а инако да отвержется...“ (§ 9 чин. оглаш.) „Аще бы дѣтемъ своимъ (родители) по крещеніи снискали какимъ либо образомъ бракъ, тогда они, яко нагубу дѣтемъ снискашіе, отъ церкви божіей отвергнутся и не примутся въ сообщеніе во вся дни живота, дондеже не расторгнутъ беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ. И даже ни при кончинѣ жизни, и по смерти такожде, никакой помощи не получаютъ, ни погребенія, ни поминавенія...“ (§ 8 чин. оглаш.). Не отражается ли въ этихъ доктринахъ, во всей своей полнотѣ, духъ едосѣвскаго ученія и завѣтныя цѣли отшельниковъ преображенскаго кладбища, вопреки увѣреніямъ едосѣвцевъ, что правительство и публика доселѣ не знаютъ, въ чемъ состоитъ духъ едосѣвской секты? Доктрины едосѣвской секты — поголовное дѣвственничество (состояніе немислимое, необходимо порождающее развратъ, слѣдствіе же разврата — сокрытіе дѣтей въ прудахъ и т. п.) до того противоестественны, до того противорѣчатъ и физической природѣ и правиламъ духовной, гражданской и общественной жизни, до того нелѣпы въ своихъ выводахъ и аргументахъ, что нельзя не подивиться, какъ могли укорениться и держаться среди нашего общества заблужденія, столь дикія и столь несообразныя съ простымъ здравымъ смысломъ? Только безучастнымъ равнодушіемъ нашей печати и правительства еъ дѣламъ

раскола можно объяснить это грустное явление, которому краугольнымъ камнемъ послужила одна изъ извѣстныхъ дилемъ ученія Брани: „тѣтъ мудръ, кто не имѣеть ни жены, ни дѣтей!..“ Еслибъ раскольникамъ издавна позволенъ былъ церковный споръ, свобода высказывать свои аргументы, какъ при Петрѣ I, послывшемъ на погорье Неофита, а въ Стародубѣ Юсифа Рѣшилова съ предписаніемъ имѣть имъ публичныя пренія съ раскольниками, давать письменные вопросы и отвѣчать на нихъ, то, мы полагаемъ, расколь этимъ путемъ свободнаго пренія домыслился бы до лучшихъ основъ въ своихъ узкихъ догмахъ, и дѣвственнической догмы давно бы и въ поминѣ не было на русской землѣ... Но, опять-таки, повторяемъ, мы желаемъ раскольникамъ свободы откровенно защищать свои положенія, свои догмы, а не отпираться отъ того, что засвидѣтельствовано исторією, и тѣмъ морочить и печатъ, и публику.

Если едосѣвцы скажутъ, что дикое и противоестественное ученіе Ковылина о томъ, что мѣръ долженъ быть повально дѣвственнымъ и что бракъ есть дѣвольское дѣло, не долго жило и въ послѣднее время имъ они не руководствовались, то въ обличеніе и этой отговорки служить списокъ „Отеческихъ завѣщаній“, найденный около 50-хъ уже годовъ на преображенскомъ кладбищѣ (заправлявшемъ, какъ извѣстно, едосѣвцами, по всей Россіи разселенными) и подписанный старшимъ попечителемъ кладбища. Содержаніе завѣщаній состояло въ томъ, чтобъ браковъ никакихъ не признавать и раскольниковъ, находящихся въ брачномъ союзѣ, разлучать съ женами, чтобъ въ бракахъ христіанскихъ родства тѣлеснаго не признавать (вслѣдствіе чего, при свойственной чловѣку слабости, у едосѣвцевъ существовало и существуетъ кровосмѣшеніе), что христіане брачащіяся — суть „змѣино гвѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище“ и что, наконецъ, объ умноженіи рода чловѣческаго промышляетъ сатана, къ зачатію младенца душа дается отъ діавола... Мы можемъ привести здѣсь подлинный текстъ этой рукописи, которая доведена была до свѣдѣнія покойнаго государя императора Николая Павловича и по поводу которой послѣдовало высочайшее, 18-го апрѣля 1847 года, повелѣніе о подчиненіи преображенскаго кладбища вѣдѣнію попе-

чительскаго совѣта заведеній общественнаго призрѣнія, съ назначеніемъ графа Строганова попечителемъ преображенскаго богаделеннаго дома на мѣсто попечителей еедосѣвцевъ, проповѣдовавшихъ и распространявшихъ дикое и противоестественное ученіе. Вотъ подлинный текстъ этой рукописи:

„Отеческія завѣщанія изъ книги Пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича.

- 1) Отъ лѣта по Рождествѣ Христовѣ 1667 (въ подлинникѣ славянскія цифры) уставленная Богомъ царская власть и начальствующая, за искаженіемъ образа Божія богомерзкимъ брадобритіемъ, упразднися и наступило царствованіе Антихриста.
- 2) Статью апостола Павла о бракѣ въ свидѣтельство не приводить.
- 3) Бракъ отъяся и запретися.
- 4) Староженныхъ бѣгати.
- 5) Половиннокъ разлучить.
- 6) Христіанъ врачующихъ изъ церкви извергать.
- 7) Покаявшихся разводить.
- 8) Младенцевъ отъ христіанъ брачащихся не крестить.
- 9) Къ зачатію младенца душа отъ дьявола.
- 10) Христіане брачащіяся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворнище.
- 11) Въ бракахъ христіанскихъ родства тѣлеснаго не признавать.
- 12) О умноженіи рода человѣческаго промышляеть сатана.

Надѣмся, что всякій еедосѣвецъ узнаеть это знаменитое писаніе, положенное во главу ученія еедосѣвской секты. Въ расколѣ релігіозныя вѣрованія идутъ объ руку съ политическими убѣжденіями, и нерѣдко политическое направленіе какой либо партіи было поводомъ къ ея отпаденію отъ согласія, къ которому она, по исповѣданію и правиламъ обрядности, принадлежала. Такъ случилось, наприимѣръ, съ еедосѣвцами (преображенскаго владѣнща) отдѣлившимися, правда, еще прежде отъ поморцевъ, но расторгшими съ ними всѣ сношенія, вслѣдствіе возникшихъ послѣ самаринской комиссіи (1739 г.) споровъ о томъ, слѣдуетъ ли молиться о здравіи и долготлѣтїи Государя Императора, какъ главы правительства, тогда какъ

безпоповцы признають установленныя гражданскія власти слугами антихриста. Поморцы, предводительствуемые братомъ знаменитаго Андрея Денисова, Симеономъ Мышецкимъ, постановили, что за особу Государя Императора слѣдуетъ молиться, потому что мы-де живемъ на его землѣ, онъ охраняетъ насъ отъ врага, печется о внутреннемъ порядкѣ, ограждаетъ наше имущество и самую личность отъ чужаго произвола. Преображенцы же, или еедосѣвцы не приняли этого и даже сочли поморцевъ за отступниковъ отъ православія, именую ихъ уже не поморянами, но самарянами, т. е. именемъ того, кому поручена была комиссія, и въ тропарѣ: „спаси, Господи, люди твоя“ замѣнили слова: „побѣды благовѣрному Императору нашему на сопротивныя даруа“ словами: „побѣды благовѣрнымъ работъ своимъ на сопротивныя даруа“ и проч., а также на Богоявленіе Господне въ ирмосѣ 3-мъ: „крѣпость дай Царю нашему Господи“ словами: „работъ своимъ“. Въ самомъ адресѣ, поднесенномъ Государю Императору въ 1863 году, еедосѣвцы (преображенцы) не упомянули о молитвѣ за Царя по примѣру рогожцевъ и другихъ согласій раскольничихъ. Исчисляя гражданскія доблести старовѣровъ раскольники говорятъ, между прочимъ, что если старовѣры не вполне достигли своихъ цѣлей и на свободу совѣсти не приобрѣли еще права, то могутъ надѣяться, что все это имъ будетъ со временемъ. Чтобъ эта надежда исполнилась, они должны доказать, что они и кто они на самомъ дѣлѣ?.. Способные на движеніе впередъ, или окаменѣлые исповѣдыватели догмъ, въ родѣ еедосѣвскихъ?..

VIII

НАЧАЛО И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

МОЛОКАНЪ И ДУХОБОРЦЕВЪ

ВЪ РОССИИ.

I.

Наши предки и ихъ церковно-обрядовая жизнь. — Первое появленіе релігіознаго свободомыслія въ Россіи. — Релігіозные рационалисты Адрианъ и Дмитръ. — Богомилы. — Пункты догматическаго ученія Богомиловъ, сходныя съ ученіемъ нашихъ Молоканъ и Духоборцевъ.

Предки наши искони любили богослуженіе и внѣшнюю обрядность, такъ что и самая жизнь ихъ получила частью характеръ церковно-обрядный. Недаромъ и послы Владиміра прежде всего плѣнились внѣшнимъ благолѣпіемъ греческаго богослуженія; построеніе и украшеніе церквей занимали всю жизнь многихъ. Получивъ отъ грековъ иконы, кресты, священные сосуды, книги и другія церковныя украшенія ¹⁾, предки наши не задавались тонкими, учено-созерцательными изслѣдованіями принятыхъ ими догматовъ и вѣру свою питали большею чистію посредствомъ богослуженія и богослужебныхъ книгъ ²⁾. Благочестивые князья и княгини, бояре, духовные и ми-

¹⁾ См. Акты Собр. Археол. Экспед. Спб. 1836. См. Церк. Граматы патриарховъ къ намъ.

²⁾ См. Обзоръніе Рус. Словесн. Шевырева въ извѣст. II Отд. Импер. Акад. Наукъ Т. III. стр. 67—105.

ряне дорогою цѣною покупали церковныя книги, или сами проводили жизнь въ списываніи ихъ ³⁾. Въ храмахъ Вожіихъ учились всё отъ князя и боярина до послѣдняго мрянина, а къ духовенству прибѣгали даже съ вопросомъ: что ѣсть и пить ⁴⁾, и жизнь ихъ протекала, такимъ образомъ, въ чтеніи и пѣніи псалмовъ въ честь и во славу Отцу, Сыну и Святому Духу, себѣ на здравіе, а поющимъ на спасеніе ⁵⁾...

При такомъ направленіи христіанскаго благочестія въ древнемъ русскомъ народѣ, кажется, было бы страннымъ ожидать явленія какаго нибудь религіознаго своемыслія; скорѣе можно было ожидать ревнителей, нежели враговъ церковной обрядности. Но извѣстно, на землѣ искони ведется такой порядокъ, что гдѣ люди сами не домыслятся до чего нибудь, тамъ помогутъ имъ другіе, даже инородцы, даже чужеземцы... Такъ случилось и съ нашими предками! Едва прошло 15 лѣтъ со времени введенія христіанства въ Россіи (988 г.), какъ въ 1004 году явился нѣкто Адріанъ монахъ ⁶⁾, отвергавшій церковь и обрядность вообще. Такимъ образомъ русская земля еще за 750 лѣтъ до появленія нашихъ Духоборцевъ и Молоканъ огласилась догмою, которая потомъ въ XVIII столѣтіи легла въ основу ученія Духоборцевъ и Молоканъ... Адріанъ былъ первое лице съ характеромъ религіознаго *раціоналиста* въ исторіи русской церкви ⁷⁾. Тогдашній кievскій митрополитъ Леонтій возсталъ противъ *вольнодумца* и Адріанъ былъ имъ обличенъ и потомъ заключенъ въ темницу ⁸⁾. Жаль очень, что первая

³⁾ См. Опис. рукоп. Рум. муз. л. 408, 715, 721. Опис. рукоп. Синод. Библ. л. 298, 324, 299. Вкладн. подписи къ опис. рук. Рум. муз. стр. 175 397; 408, 409, 468. Опис. рук. моск. Синод. Библ. стр. 229, 230, 279, 296.

⁴⁾ См. Слово о постѣ Правосл. Собес. 1858 кн. 1.

⁵⁾ См. Опис. рук. Синод. Библ. л. 284, 335.

⁶⁾ См. Никон. лѣтоп. ч. стр. 112.

⁷⁾ Ист. о раскол. въ церк. рос. Игнатія архіеп. воронез. и задонск. часть 1 Изд. 2 Спб. 1862 стр. 22. См. рукоп. отвѣты пустынножителей іеромонаху Неофиту, отвѣтъ 3.

⁸⁾ См. Разсужд. о ерес. и раскол. Руднева. Москва 1838 г. стр. 29.

борьба русской церкви съ религиознымъ диссидентомъ не обошлась безъ темничныя... Лѣтописи впрочемъ свидѣтельствуютъ, что Адрианъ послѣ темничнаго заключенія пришелъ въ раскаяніе ⁹⁾).

Спустя 121 годъ послѣ явленія Адриана, именно въ 1125 г., является на югѣ же Россіи другой *религиозный рационалистъ*, нѣкто Дмитръ ¹⁰⁾, отвергавшій, по замѣчанію Татищева, первоначальные уставы ¹¹⁾; но кievскій митрополитъ Никита послалъ Дмитра въ заточеніе въ гор. Синелецъ ¹²⁾.

Адрианъ и Дмитръ держались, очевидно, нѣкоторыхъ общихъ мнѣній. Изъ какого же начала они брали и какой системы вѣрованія держались, отвергая внѣшнюю обрядность? Соглашаясь съ авторомъ Истории ересей и расколовъ Рудневымъ, мы думаемъ, что система эта сначала принадлежала собственно не членамъ русской церкви ¹³⁾. Слишкомъ еще мало прошло времени для того, чтобы на почвѣ, просвѣщенной христіанствомъ, могли явиться рациональные религиозные мыслители! Правда, гдѣ есть убѣжденіе, тамъ бываютъ и сомнѣнія, недоразумѣнія и заблужденія, гдѣ законъ, тамъ и преступленіе закона, и это одинаково относится ко всѣмъ явленіямъ жизни; тѣмъ не менѣе для этого нужно было время и значительная доля свободной сознательной работы. Нужно было, чтобы разумъ выработалъ идеи, предшествующія обыкловенно фактамъ. И миръ, какъ извѣстно, не видѣлъ даже и малѣйшей переменны въ своемъ порядкѣ, которой бы не предшествовала, болѣе или менѣе разумная теорія, считающаяся по справедливости тѣмъ приближающихся событій. Посему справедливо полагаютъ, что рационалистическая догма Адриана и Дмитра, огласившая дважды древнюю Русь, была ничто иное, какъ ученіе богомиловъ болгарскихъ. Богомилы же эти, какъ извѣстно, произошли отъ павликианъ, называвшихся въ южной Франціи, Пиемонтѣ, Ломбардіи и Богеміи вальденцами, а въ Провансѣ и Лангедокѣ альбигенцами (Valden-

⁹⁾ Степ. кн. часть 1 стр. 166.

¹⁰⁾ Истор. Рос. Татищ., кн. II, стр. 228.

¹¹⁾ Никон. Лѣт. ч. II, стр. 56.

¹²⁾ Тамъ же.

¹³⁾ Разсуж. о ерес. и раскол. Руднева, стр. 30—31.

ses, Albigenses). Люди эти отвергали всю внѣшность церковную со всю іерархію, думая этимъ служить Богу духомъ и истиной ¹⁴⁾— любимое изреченіе также и нашихъ Духоборцевъ и Молоканъ! Богъ есть духъ, твердятъ послѣдніе безпрестанно, и поклоняющіеся ему должны поклоняться въ духъ и истинѣ (Іоан. IV. 24).

Къ сожалѣнію ересь Богомиловъ, давшая начало екетемъ гностицизма, у насъ не разслѣдована, между тѣмъ какъ вліяніе ея на сѣднія южныя области Россіи разъяснило бы много загадочнаго въ нашей исторіи ¹⁵⁾. „Двоевѣрныя книги“ и „болгарскія басни“ должны заключать въ себѣ много гностическаго и, быть можетъ, объяснятъ намъ то замѣчательное явленіе, что вслѣдъ за введеніемъ христіанства у насъ стали строиться храмы въ честь Софіи, премудрости Божіей, перваго отвлеченнаго понятія, возникшаго у гностиковъ ¹⁶⁾. Мнѣніе, что каждый человѣкъ есть „живая книга“, склонность къ умерщвленію плоти, отвращеніе отъ письменнаго ученія, потому что буква мертвитъ, презрѣніе ко всякой внѣшности, — все это встрѣчается какъ у Богомиловъ, такъ и у Молоканъ ¹⁷⁾. Дошедшая до чувственности любовь Христова, породившая божество Радаева Щеглова и др., присвоившихъ себѣ права на всѣхъ дѣвушекъ, тоже сильно напоминаетъ мистическое ученіе о сліянніи падшаго духа съ Испушителемъ. Нѣчто подобное до сихъ поръ водится у буддистовъ Ламайскаго толка, а также у нашихъ калмыковъ, бурятъ и монголовъ и едва-ли нѣтъ того же самаго у сибирскихъ шамановъ. Даже въ древнемъ мірѣ духоборческая, дошедшая до безобразія „Христова любовь“ была очень распространена, особенно въ Сирии и въ Финікіи при поклоненіи Ваху, Адонису и Астартѣ ¹⁸⁾, откуда впоследствии она могла, чрезъ рядъ другихъ сектъ, попасть и къ гностикамъ.

Церковь болгарская находилась издавна въ тѣсной связи съ на-

¹⁴⁾ Истор. о раскол. въ Церк. Росс. Игнатія, стр. 23.

¹⁵⁾ Лѣтоп. Рус. литер. и древ. 1859 г., т. III.

¹⁶⁾ См. Сборн. Правит. свѣд. о раскол. Том. III. Лондонъ, 1862 г., стр. XX.

¹⁷⁾ Тамъ же.

¹⁸⁾ Тамъ же, стр. XXII.

шею древнею православною. Памятниками этого союза, между прочимъ, служатъ: общій той и другой церкви переводъ книгъ Священнаго Писанія, а также и прославленія у насъ памяти многихъ святыхъ мужей болгарской церкви... Болгарскій напѣвъ сохранился въ нашемъ богослужебномъ пѣвнѣ. Поэтому естественно, что современныя движенія, происходившія въ греческой и болгарской церквахъ, отражались и повторялись и въ русской. Между тѣмъ въ Болгаріи суждено было явиться Богомиламъ, выродившимся, какъ мы свазали, изъ павликіанъ, которые были извѣстны въ греческой церкви. Павликіане возставали, между прочимъ, противъ обрядности священноначалія, богослуженія и отвергали таинства. Императоры константинопольскіе вооружались неоднократно противъ этихъ *вольнодумцевъ* и, по повелѣнію одной императрицы Феодоры, ихъ было повѣшено, изрублено и потоплено около 100,000 чловѣкъ¹⁹⁾. Императоръ Цимиксій рѣшилсѣ наконецъ переселить значительную часть ихъ съ востока во Фракію на границы Болгаріи. Церковь болгарская была, такимъ образомъ, поставлена въ очевидную опасность. И вотъ въ то самое время, когда у насъ судили религіознаго вольнодумца Дмитра, въ болгарскомъ городѣ Менгелинѣ едва не всѣ жители сдѣлались жертвами павликіанскихъ заблужденій и самъ князь чуть было не отступилъ отъ православія...

Богомилы между прочимъ отвергали: 1, личное событіе Сына Божія и Св. Духа; 2, необходимость таинства и обрядовъ; 3, чудеса Спасителя понимали духовно; 4, всѣ дѣйствія Иисуса Христа представляли духовными 5, церковь видимую почитали чѣмъ-то среднимъ между древнимъ іудействомъ и внутреннею жизнію, къ которой считали себя принадлежавшими, называясь истинными духовными христіанами 6, крещеніе Христово, говорили, есть крещеніе духовное и состоитъ въ воздержаніи, молитвахъ, чтеніяхъ и пѣнопѣвнѣ. И такихъ пунктовъ было до 13-ти; всѣ они почти буквально вошли въ ученіе нашихъ Духоборцевъ и Молоканъ! Въ одной коричей, писанной въ XV, XVI вѣкѣ, изображены наконецъ всѣ пункты ученія Богомила.²⁰⁾ довольно опредѣленно. присоеди-

¹⁹⁾ Constant. Porphyg. Const. IV, C. 16.

²⁰⁾ Корн. рук. Моск. Дух. Акад. въ листъ на хлопч. бумагѣ.

ня къ этимъ обстоятельствамъ кочующую жизнь пропагандистовъ Богомилства и тѣсную связь церкви русской съ болгарскою и греческою, мы получаемъ, такимъ образомъ, положительное основаніе видѣть въ Адрианѣ и Дмитрѣ Богомиловъ²¹⁾, а слѣдовательно и въ нашихъ Духоборцахъ и Молоканахъ законныхъ дѣтей Богомилства...

II.

Явленіе религіознаго свободомыслія на Сѣверѣ Россіи.—Причины, подготовлявшіе его.—Сейтъ и Стригольники.—Пункты сопрякосновенія ученія Стригольниковъ съ ученіемъ нашихъ Молоканъ и Духоборцевъ.—Религіозныя движенія на Западѣ Россіи.—Неудачныя мѣры протівъ онаго.—Событія, способствовавшія дальнѣйшему существованію и развитію русскаго религіознаго рационализма.

И такъ: религіозное своемысліе въ первыя времена появленія христіанства на Руси было заносное, и лица, дѣйствовавшія среди тогдашняго юнаго христіанскаго общества, были не русскіе, а пришельцы. Тѣмъ не менѣе сѣмена религіознаго рационализма были посеяны на русской почвѣ, и если исторія представляетъ намъ послѣ этого нѣкоторое затишье въ русской церкви до XVI столѣтія, то это случилось потому, что сѣмена не успѣли еще возрасти и принести плодъ. Къ этому еще слѣдуетъ припомнить тогдашнія историческія обстоятельства. Тяжкія бѣдствія междоусобій князей русскихъ смѣнились еще тягчайшимъ бѣдствіемъ—итомъ монгольскимъ. Слѣды дальнѣйшаго религіознаго своемыслія мы видимъ уже не на Югѣ Россіи, а на Сѣверѣ, и неудивительно;—опустошеніе монгольское сосредоточило Русь на Сѣверѣ; туда перешла митрополія русская, туда перетянуло и всю жизнь народную. Новгородъ, не испытавъ разоренія отъ монголовъ, вель обширную торговлю и на ряду съ церквами православными въ немъ стояли и церкви гостей

²¹⁾ Ист. ерес. и раск. Руднева, стр. 37.

иноземных²²⁾. Карамзинъ говоритъ даже объ особенной дани, собиравшейся въ Новгородѣ съ церковей нѣмецкихъ и называемой — „забожничье“²³⁾.

Въ этомъ пунктѣ Россіи идеи, посвященныя религіозными раціоналистами, могли легче чѣмъ гдѣ возродиться и придтись по вкусу. А пища къ тому же нашлась! Въ церкви явились безпорядки. Независимо отъ волненій ея ученіемъ Мартина-армянина²⁴⁾ и спорами о постѣ въ среду и пятокъ²⁵⁾, христіане волновались и отъ другихъ неурядицъ церкви и духовенства. Кіевскій митрополитъ Бпріиль при обзорѣнн всероссійской паствы на соборѣ архіереевъ россійскихъ, бывшемъ во Владимірѣ на Клязьмѣ въ концѣ XIII столѣтія, говоритъ между прочимъ много о разныхъ неурядицахъ и безпорядкахъ церковныхъ. Послѣднія еще тѣмъ болѣе поддерживались, что при раззореніи монголами селеній, церковей, монастырей и городовъ отправление обрядовъ вѣры становилось затруднительнымъ и могло быть самопроизвольнымъ. При наводненіи татарами южныхъ предѣловъ Россіи, престоль всероссійской митрополии перенесенъ былъ изъ Кіева къ сѣверу, сперва во Владиміръ, потомъ вскорѣ въ Москву, такъ что церковное общеніе съ греческою церковью слабѣло. Представителями русекой церкви начали быть уже не греки и въ самой русской іерархіи явилось раздвоеніе. Кромѣ митрополитовъ московскихъ явились еще митрополиты и въ Кіевѣ (1414 года). Иногда бывало ихъ даже въ томъ и другомъ мѣстѣ не по одному вдругъ²⁶⁾. Словомъ іерархія церковная, начиная съ высшей и кончая самою низшею, потряслась... А такія явленія, очевидно, уже могли прокладывать путь и къ выработыванію среди общества иныхъ религіозныхъ воззрѣній. Идеи, распространенныя на югѣ Россіи и сохранившіяся какъ историческое сказаніе въ книгахъ, тетрадахъ и т. п., имѣли теперь готовую почву и могли, въ извѣстной степени, приближаться къ другимъ

²²⁾ Ист. Гос. Рос. Карамзина, т. III, прим. 153, 244.

²³⁾ Тамъ же прим. 324.

²⁴⁾ Ист. о раск. въ церк. рус. Игнатія, стр. 23—28.

²⁵⁾ Тамъ же стр. 29.

²⁶⁾ Истор. о раскол. Игнатія, стр. 32.

церковно-религіознымъ идеаламъ. Таково уже свойство идей и въ частности религіозныхъ! Въ распространеніи своемъ онѣ совершенно сходятся съ распространеніемъ знаній вообще. На такой-то почвѣ церковнаго состоянія Россіи и не замедлило явитъ ся уже *чисто-русское своемысліе* въ лицѣ протопопа новгородскаго Сента и Стригольничковъ.

Сентъ, новгородскій протопопъ, дѣйствовавшій за-одно съ тверскимъ епископомъ Осодоромъ, напалъ на монашество, вольдствію чего въ Новгородѣ многіе оставили это званіе, а діаконъ Карпъ Стригольничъ²⁷⁾ съ діакономъ же Никитою (1371 г.), основываеъ на безпорядкахъ духовенства, отвергъ всю іерархію²⁸⁾.

Стригольнички между прочимъ учили: 1) что апостолъ Павелъ заповѣдалъ и простымъ людямъ учить, почему и выбраны были ими вмѣсто духовенства учителя изъ своей среды. 2) Силу рукоположенія замѣнили приговоромъ своего общества. 3) Вмѣсто церковнаго богослуженія устроили собранія въ избахъ для чтенія и пѣнія. 4) Проповѣдывали²⁹⁾ духовное достоинство всякаго мірянина и 5) супружество объявили свободнымъ желаніемъ лицъ, расположенныхъ другъ въ другу, безъ таинственнаго благословенія священника³⁰⁾. Всѣ эти пункты цѣликомъ почти находятся и въ ученіи Духоборцевъ и Молоканъ! Ученіе Стригольничковъ является, такимъ образомъ, первымъ туземнымъ, уже чисто-русскимъ своемысліемъ.

Достойно замѣчанія, что за 20 только лѣтъ до явленія стригольничковъ, т. е. въ 1350 г., въ Англіи грешѣлъ Виклефъ, богословъ окефордскаго университета, противъ духовенства въ томъ же смыслѣ, какъ наши стригольнички... Виклефъ основалъ даже особое

²⁷⁾ Нѣкоторые называютъ Карпа Стригольничкомъ по ремеслу (дирюльничкомъ), другіе потому, что онъ былъ разстриженъ за вольномысліе. Вопросъ этотъ положительно и ясно не разрѣшенъ и доселѣ. См. Истор. о раскол. Игнатія, стр. 34. См. Истор. ересей и раскол. Руднева прим. стр. 24—25.

²⁸⁾ Акты Ист. Арх. Эксп. Спб. 1841 г. Т. I, стр. 63. Акт. Ист. Спб. 1841, стр. 10.

²⁹⁾ Истор. о раск. Игнатія, стр. 36.

³⁰⁾ Тамъ же, стр. 40.

общество подъ именемъ Виллефидовъ, которое по смерти его перенесено было въ Германію и въ особенности въ Богемію, гдѣ по смежности съ Моравіею уже давно были извѣстны упомянутые нами выше валденцы и Богомилы, остатокъ маркіонитовъ и манихеевъ. Ученіе Виллефа нашло здѣсь многихъ горячихъ послѣдователей, въ особенности же извѣстнаго Іоанна Гусса, предтечу германскихъ реформаторовъ. Его мнѣнія о духовенствѣ и бесполезности молитвъ за усопшихъ, поминковъ и т. п. почти слово въ слово схожи съ мнѣніями нашихъ Стригольниковъ; наши простолудины только выражались грубо, а гусситы ученымъ образомъ. Все это не могло не быть извѣстнымъ въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ у насъ были прямыя сношенія съ иностранцами. Особенно еще тогда и жизнь-то общественная была исключительно построена на церковности. Псковское наше духовенство сближалось съ иноземными смежными духовными лицами болѣе, нежели сколько нынѣ представить себѣ можно ³¹⁾.

Предвозвѣстники новыхъ началъ въ вѣрѣ: діаконъ Никита былъ лишенъ сына, Карпъ Стригольникъ брошенъ съ моста въ Волховъ ³²⁾, всѣ ихъ послѣдователи объявлены отлученными отъ церкви ³³⁾, вслѣдствіе чего они разбѣжались по разнымъ мѣстамъ Россіи и, конечно, разнесли еще болѣе свое ученіе... Вольнодумцевъ предавали смертнымъ казнямъ и даже положено было, по сношенію съ митрополитомъ Фотіемъ, схватить всѣхъ Стригольниковъ и заключить въ темницы ³⁴⁾, что разумѣется сдѣлать было ввозможно, особенно когда еще разбѣжавшіеся по Россіи стали распространять свое ученіе по городамъ и селамъ и эта ошибка произвела, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствія, совершенно противныя цѣли... Прозелиты новаго ученія стали провозглашать утопленныхъ, казненныхъ и умершихъ въ темницахъ страдальцами за вѣру, которая по сему самому представлялась уже вѣрою гонимомъ! И просвященный Игнатій выразился по этому случаю справедливо: что въ бѣдствіяхъ человѣческихъ обыкновенно наиболѣе пристають

³¹⁾ Акты Ист. Спб. 1841. Т. I, стр. 67.

³²⁾ Софійск. врем. Ч. 1, стр. 351. Никон. лѣтоп. Ч. IV, стр. 46.

³³⁾ Посл. Патр. и Фотія. См. Ист. ересей и раск. Руднева, стр. 76.

³⁴⁾ Ист. о раск. Игнатія, стр. 51;

сердечнымъ участіемъ жалости къ сторонѣ терпящихъ бѣдствія и тѣ даже, до того самое дѣло совсѣмъ не касалось бы.

Но ученію Стригольниковъ суждено было не уничтожиться и по другимъ причинамъ. Извѣстно, что духовенство русское издревле жило пошлинами съ народа: епархіальные архіереи брали ихъ съ духовныхъ и мірянъ своей епархіи, всероссійскіе митрополиты съ епархіальныхъ начальствъ, а съ митрополитовъ бралъ царьградскій патріархъ. Во времена явленія Стригольниковъ были особыя усилія со стороны властей духовныхъ къ полученію этихъ пошлинъ, такъ что москвичи и новгородцы отказали въ 1392 г. митрополиту Кипріану въ поборахъ ³⁵). Митрополитъ пожаловался великому князю. Великій князь, требовавшій себѣ отъ новгородцевъ дани, принялъ въ расчетъ и жалобу митрополита, а въ Новгородѣ сдѣлался мятежь, даже кровопролитіе. Случай этотъ дальнѣйшу новгородцамъ къ новому негодованію на іерархію ³⁶). Въ псковской области стали принимать священниковъ изъ Литвы безъ всякихъ ставленныхъ грамотъ ³⁷), русское духовенство было погружено въ невыносимое невѣжество, а богослуженіе отправляли даже люди, непосвященные и двоебрачные ³⁸). Новгородскій архіепископъ Геннадій просилъ митрополита Симона завести училища, гдѣ бы учились дѣти по крайней мѣрѣ порядочному чтенію церковному и уставу ³⁹); монахи и монахини жили въ монастыряхъ вмѣстѣ ⁴⁰) и къ довершенію всего, духовенство поставлялось въ священный санъ за дѣньги, что сильно возмущало Стригольниковъ ⁴¹)... Собоображая все это, мы приходимъ къ заключенію, что ученіе Стригольниковъ, выразившихъ собою все прежнее раціоналистическое отношеніе къ религіи, должно было, получивъ наконецъ види-

³⁵) Никон. Лѣт. Ч. IV, стр. 195.

³⁶) Ист. о раск. и ерес. Игнатія, стр. 43.

³⁷) Акты Ист. Спб. 1841 г. Т. I, стр. 67.

³⁸) Ист. о раск. Игнатія, стр. 53. Древ. Вивліое. Т. XIV, стр. 244.

³⁹) Тамъ же, стр. 52. Сл. Руди. Разсудд. о ерес. и раск., стр. 89.

⁴⁰) Руднева, стр. 89.

⁴¹) Акты Археол. Экспед. Т. I, стр. 484—488. Истор. Бняж. Псков. Ч. III, стр. 38—39.

ную форму, жить и оно жило до второй половины XV столѣтія, когда и выразилось въ новомъ, еще сильнѣйшемъ и полнѣйшемъ ученіи, съ которымъ мы сейчасъ и постараемся познакомиться.

III.

Ученіе жидовствующихъ, какъ продолженіе ученія Стригольниковъ. — Явленіе религіознаго рационалиста Схарія въ Новгородѣ. — Происхожденіе и образованіе Схарія. — Новые его прозелиты. — Почва, на которой возростало ученіе Схарія. — Пункты ученія послѣдователей Схарія, сходные съ ученіемъ нашихъ Молоканъ и Духоборцевъ. — Неудачныя мѣры Церкви противъ новаго ученія.

Вроженіе, выразившееся въ сектѣ Стригольниковъ разнообразными рационалистическими толками и сформировавшееся чрезъ столѣтіе въ новой вольной общинѣ, называемой „ересь жидовствующихъ“, открылось въ томъ же Новгородѣ, который недаромъ назывался въ исторіи „вольнымъ Новгородомъ.“ Въ этой новой рационалистической общинѣ ученіе Стригольниковъ объ обрядахъ, іерархіи, таинствахъ, иночествѣ, будущей жизни и проч. повторилось со всею точностію, различіе только въ томъ, что новая община „жидовствующихъ“, какъ поздняя, приняла въ себя элементы, порожденные новыми религіозными движеніями на западѣ, съ которыми Новгородъ, по прежнему, былъ въ непрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ.

Главную роль въ ереси жидовствующихъ играетъ литовскій жидъ Схарія, жившій въ Кіевѣ около 1470 г. Въ 1471 году, когда Великій Новгородъ, отстаивая отъ Москвы свою вольную жизнь, ради угрозы выпросилъ у короля Казимира въ намістники брата кіевскаго князя Михаила Олельковича, или Александровича, вмѣстѣ съ Михаиломъ пріѣхалъ въ Новгородъ и Схарія. Схарія еще и въ Кіевѣ былъ хорошо знакомъ съ княземъ, такъ что объ этомъ знакомствѣ считалъ недлишнимъ замѣтить и преподобный Іосифъ Волоколамскій ⁴²⁾. При такихъ обстоятельствахъ Схарія

⁴²⁾ Провсв. стр. 43. Прев. Соб. 55 гл. кн. III.

нетрудно было поставить себя въ хорошія отношенія къ высшему кругу Новгородѣ и духовенству...

Схарія былъ человѣкъ образованный, хорошо владѣлъ діалектикой, зналъ Св. Писаніе и творенія св. отцовъ, астрологію ⁴³⁾ и всякія науки и былъ человѣкъ самаго свободнаго направленія въ вѣрѣ и жизни ⁴⁴⁾. Онъ былъ знакомъ наконецъ и съ естественными науками, почему и прослылъ „чернокнижникомъ“ ⁴⁵⁾. Вслѣдствіе этого Іосифъ Волоколамскій, изображая Схарію, выразился: „сей быше изученъ всякому изобрѣтенію, чародѣйству же и чернокнижію, звѣдозакопію и со астрологи живый въ градѣ, нарицаемомъ Кіевѣ“ ⁴⁶⁾. Къ какому жидовскому толку принадлежалъ Схарія, опредѣлительно рѣшить трудно. Сомнительно однако, чтобы онъ былъ талмудистъ, потому что въ ученіи Схаріи нигдѣ не видно слѣдовъ талмуда. Обращаясь къ исторіи мы находимъ, что въ концѣ XIV вѣка караимы, отрасль іудейства, всегда противодѣйствовавшая талмуду, переселились изъ Крыма въ Литву и Польшу ⁴⁷⁾ и имъ князь Витолдъ далъ особыя привиллегіи ⁴⁸⁾. Поэтому вѣроятно, что Схарія, какъ выходецъ изъ Литвы, принадлежалъ къ толку караимовъ, отъ котораго ему было легче и естественнѣе, чѣмъ отъ талмудизма, перейти къ своему новому ученію ⁴⁹⁾. Нѣтъ основанія отвергать, что Схарія посвященъ былъ также и въ таинства кабалистики и что кабала для народа простаго, естественно склоннаго къ чудесному, была однимъ изъ тѣхъ орудій, посредствомъ которыхъ Схарія давалъ силу своимъ дѣйствіямъ ⁵⁰⁾. По всей вѣроятности, онъ былъ членомъ какого нибудь религіознаго общества въ Литвѣ ⁵¹⁾, что подтверждается и

⁴³⁾ Просв. стр. 43—44. Прав. Соб. XV гл. кн. III.

⁴⁴⁾ Прав. Обоз. 1862 г. Т. VIII, стр. 184.

⁴⁵⁾ Разсуж. о ерес. и раск. Руднева, стр. 92.

⁴⁶⁾ Просв. кн. III, глава XV.

⁴⁷⁾ Запис. Одесс. Общ. Истор. и Древн. Т. I, стр. 644.

⁴⁸⁾ См. Луцнь и его Древн. Периштейна.

⁴⁹⁾ Прав. Обозр. 1862 Т. VIII, стр. 183.

⁵⁰⁾ Истор. Гос. Рос. Т. VI, стр. 196.

⁵¹⁾ Разсуж. о ерес. и раск. Руднева, стр. 93.

тѣмъ, что Схарія выписалъ скоро къ себѣ на помощь изъ Литвы нѣсколько жидовъ ⁵²⁾.

Схарія повелъ себя впрочемъ иначе, чѣмъ Стригольники. Тѣ прямо громили духовенство, этотъ началъ самъ сближаться съ духовенствомъ и нашелъ первыхъ прозелитовъ своего вольномыслія въ лицѣ новгородскихъ священниковъ Діонисія и Алексѣя, а затѣмъ и самого софійскаго протопопа Гавріила ⁵³⁾. “Многіе изъ поповъ и діаконовъ, живущіе „свинскимъ житіемъ“, сблизившись съ новымъ пропагандистомъ, начали развивать вольномысліе, оставшееся еще въ народѣ отъ Стригольниковъ, и вотъ совокупными силами образовали новое ученіе, во главѣ котораго съ одной стороны стоялъ Схарія, а съ другой — попы Діонисій, Алексѣй и самъ протопопъ Гавріиль ⁵⁴⁾ съ сонмомъ многихъ священниковъ и діаконовъ, знаменитыхъ гражданъ, причетниковъ, чиновниковъ города и народа ⁵⁵⁾. Все это ученіе не составляло чего нибудь новаго, однороднаго, цѣлаго, привезеннаго къ намъ откуда нибудь, а было *объединеніемъ* многоразличныхъ, сходныхъ и противоположныхъ мнѣній и толковъ ⁵⁶⁾, выросшихъ со времени Богомиловъ, Стригольниковъ на русской почвѣ... Считать эти движенія спавшими какъ бы съ облаковъ вдругъ и нечаянно, значитъ отрицать историческую жизнь всякой націи, во имя которой совершаются всѣ умственные, нравственные и религіозныя перемѣны...

И такъ мы видимъ, что новое ученіе, извѣстное подъ именемъ „ереси жидовствующихъ“, быстро обхватило тогдашнее русское общество и нашло себѣ прозелитовъ преимущественно въ людяхъ книжныхъ ⁵⁷⁾, такъ что въ числѣ своихъ исповѣдниковъ оно уже скоро считали Григорія Михайлова Пучина, сына знатнаго боярина, имѣвшаго великую власть въ Новгородѣ ⁵⁸⁾, — въ Москвѣ Симио-

⁵²⁾ Тамъ же стр. 93. Прав. Обозр. 1862 Т. VIII, стр. 185.

⁵³⁾ Ист. о раск. въ Церкви Росс. Игнатія. стр. 55. Руднева, стр. 93.

⁵⁴⁾ Прав. Обозр. 1862 Т. VIII, стр. 185.

⁵⁵⁾ Истор. о раск. Игнатія, стр. 55.

⁵⁶⁾ Прав. Обозр. 1862 г. Т. VIII, стр. 185.

⁵⁷⁾ Тамъ же, стр. 186.

⁵⁸⁾ Просвѣт. стр. 44—45.

новскаго архимандрита, а потомъ митрополита Зосиму, извѣстнаго своею ученостію и дарованіями, придворнаго и близкаго къ царю дьяка Федора Курицына. Ересь проникла даже въ великокняжескій дворъ, гдѣ ее приняла невѣстка великаго князя Елена и едва не плѣнила даже самого великаго князя ⁵⁹⁾. Понятно послѣ того, что новое ученіе разлилось неудержимымъ потокомъ и въ массахъ и породило, по словамъ Геннадія, „ереси, ереси разныя и ереси многи.“ Иосифъ Волоколамскій говоритъ, что только простѣйшіе учили на жидовство, а многіе и не вступали въ него и научались только отъ него легко смотрѣть на божественное писаніе и спорить на торжищахъ и въ домахъ о вѣрѣ ⁶⁰⁾. Что такое царство небесное, говоритъ Зосима, что такое второе пришествіе, что значитъ воскресеніе мертвыхъ? Ничего этого нѣтъ; умеръ такъ умеръ, по та мѣста и былъ ⁶¹⁾? Иосифъ и Геннадій неоднократно упоминаютъ, что еретики „простѣйшихъ на жидовство учиху“, предъ другими же они явно, по своему, толковали священное писаніе, порицали христіанство и ни откуда не видно, чтобы пропагандисты эти дѣлали своихъ прозелитовъ жидовствующими, а скорѣе раціоналистами, или даже пожалуй, матеріалистами ⁶²⁾. Недаромъ же у провозвѣстниковъ новаго ученія, при обыскахъ ихъ, находили сочиненіе Козьмы, пресвитера болгарскаго и разбиравшаго ересь Богомиловъ, Менаандра, Иисуса Сираха, логику и другія философскія книги, вывезенныя вѣроятно изъ Литвы ⁶³⁾.

Принявшіе ученіе Схаріи между прочимъ говорили: 1) что у Бога Вседержителя нѣтъ Сына Богочеловѣка и Духа Святаго, какъ лицъ единосущныхъ и сопредельныхъ ему. 2) Иисусъ Христосъ есть Иисусъ Христосъ и Сынъ Божій, но не по существу, а по благодати, такъ же какъ пророки и вѣрующіе. 3) Если правда, что

⁵⁹⁾ Чтен. Общ. Истор. и Древ. 1847 г. № 1 Отд. IV. Ист. Гос. Росс. Т. VI прим. 320.

⁶⁰⁾ Просвѣт. стр. 60.

⁶¹⁾ Тамъ же.

⁶²⁾ Прав. Обзор. 1862 Т. XIII стр. 194 прим.

⁶³⁾ Посл. Иосифа къ Архiep. Иосифу. Посл. къ Прохору Еписк. Сирскому въ Сборн. Библ. Толстаго отд. II № 68.

въ пророческомъ писаніи говорится о послѣднемъ судѣ, воскресеніи мертвыхъ и пр.; то судить будетъ не Иисусъ Христосъ, но Богъ Вседержитель ⁶⁴). 4) Тѣло Христово и кровь Его въ таинствѣ Евхаристіи не почитали настоящимъ тѣломъ и кровію, а простымъ хлѣбомъ и виномъ ⁶⁵). 5) Иконамъ Спасителя, Богоматери, святыхъ людей и кресту не молились, а называли это идолопоклонствомъ. То суть дѣла рукъ человѣческихъ, говорили они, уста имуть и не глаголютъ! Богъ сказалъ: не сотвори себѣ кумира, ни всякаго подобія. Господу Богу твоему поклонишия и тому единому послужиши. Не сотворите себѣ Богъ серебрянъ и Богъ златъ, и не поклонитесь имъ ⁶⁶). 6) Храмы и другія священныя вещи рукотворенныя считали ненужными. 7) Отвергали постъ ⁶⁷), по средамъ и пятнамъ ѣли мясо и молоко. 8) Не поклонялись святымъ и не почитали мощей. Образы ихъ, говорили еретики, напишете и мертвыя кости любите ⁶⁸). 9) Отвергали монашество. Иноки, говорили они, сами избрѣли себѣ житье, но ни пророки, ни апостолы не заповѣдали житія сего ⁶⁹). Писанія святыхъ мужей и преданія отвергали ⁷⁰). Все это цѣликомъ почти вошло въ ученіе нашихъ Духоборцевъ и Молоканъ!

На этотъ разъ, какъ и со Стригольниками, церковные наши пастыри поступили съ „жидовствующими“ также несообразно духу Христову... Геннадій самъ началъ дѣлать обыски у послѣдователей новаго ученія, преобразившись изъ служителя алтаря *въ полицейскую власть* ⁷¹). Многіе священники преданы были имъ торговой казни ⁷²), и Геннадій просилъ митрополита предать всѣхъ

⁶⁴) Просвѣт. Іосиф. Волок. Слово 1, 2, 3, 4, 5.

⁶⁵) Соф. Врем. 2, 351 и 352. Новгор. 4 лѣтоп. стр. 158 Т. IV.

⁶⁶) Просвѣт. Іосиф. Волок. Слово 3—5.

⁶⁷) Истор. о раск. Игнатія стр. 57. О храмахъ см. Просвѣт. слово 6 и 7.

⁶⁸) Просвѣт. Слово 3 и 7. Руднева разсуж. о ерес. и раск. стр. 161.

⁶⁹) Просвѣт. Слов. 1—6. Руднева стр. 165.

⁷⁰) Игнатія Истор. раск. стр. 57. Просвѣт. Слово. 8, 9, 10.

⁷¹) Древ. Вивл. XIV, стр. 278.

⁷²) Ист. Гос. Рос. Т, VI прим. 324.

вольномыслящихъ на соборѣ проклятію ⁷³⁾; Іосифъ Волоколамскій уговаривалъ неотступно великаго князя истребить всѣхъ послѣдователей ученія Схаріи ⁷⁴⁾. Геннадій приводилъ даже великому князю примѣръ короля испанскаго, при которомъ, по требованію папы Інокентія, инквизиція дѣйствовала со всѣмъ ужасомъ крестовъ и вазней ⁷⁵⁾. „Грѣшника или еретика, говорилъ онъ князю, руками убить, или молитвою едино есть“!.. ⁷⁶⁾. Геннадій достигъ наконецъ того, что множество изъ принявшихъ новое ученіе были всенародно сожжены въ вѣткѣ, другимъ рѣзали языки, иныхъ навѣчно заключили въ темницы ⁷⁷⁾. На соборѣ новые вольнодумцы были прокляты ⁷⁸⁾, но въ Новгородѣ Геннадій велѣлъ посадить ихъ на коней лицомъ къ хвосту, выворотить на нихъ одежду, нарядить въ шлепы берестовые, остроконечныя, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, съ вѣнцами изъ сѣна и соломы съ надписью: „Се есть сатанино воинство!“ и въ такомъ положеніи ввести ихъ въ городъ, провожать изъ улицы въ улицу. Попадавшіеся на дорогѣ плевали имъ въ глаза и воскипали: враги Божіи, хульники Христа! въ заключеніе на нихъ были зажжены шлепы ⁷⁹⁾.

Прозелиты новаго ученія, при такихъ иѣрахъ, побѣждаемые силою и мученіями, *но не убѣжденные*, разбѣжались по Россіи и со злобою въ душѣ и удесятеренною ревностію стали разносить свое ученіе, распространяя даже особыя граматы, въ которыхъ поносили Геннадія. Между тѣмъ мученичество ихъ собратій *освящало* въ глазахъ слушателей это новое ученіе, и дѣло церкви было такимъ образомъ проиграно ⁸⁰⁾!..

Разсмотрѣвъ, такимъ образомъ, исторію „ереси жидовствующей“

⁷³⁾ Руднева разсуж. о ерес. и раск. стр. 100.

⁷⁴⁾ Тамъ же, стр. 98, 99.

⁷⁵⁾ Тамъ же, стр. 101.

⁷⁶⁾ Древ. Вивл. Т. XVI, стр. 423—424.

⁷⁷⁾ Руднева разсуж. о ерес. и раск., стр. 108.

⁷⁸⁾ Тамъ же, стр. 102.

⁷⁹⁾ Тамъ же.

⁸⁰⁾ Тамъ же, стр. 96, 97, 109.

щих“, мы позволяем себѣ заключить собраніе нами факты слѣдующимъ выводомъ: 1) ересь, названная неправильно у насъ „жидовствующею“, не была жидовство, 2) она не была что нибудь единое, цѣлое и опредѣленное, а смѣсь многихъ толковъ, объединенныхъ совершенно случайно подъ именемъ жидовства ⁸¹⁾, она сама по себѣ не есть начало, а есть взрывъ таинвагося со времени Богомиловъ и потомъ Стригольниковъ критцизма вѣры, взрывъ, послѣдовавшій въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка ⁸²⁾.

IV.

Новый религіозный рационализмъ Матвея Семенова Башкина. — Мѣры противъ онаго правительства и церкви. — Θεодосій Косой—преемникъ Башкина.—Ученіе Косаго. — Вліяніе Запада на ученіе Башкина и Косаго. — Начало Субботниковъ, существующихъ въ Россіи и до сего времени.

Названный „ересью жидовствующихъ“ религіозный индиферентизмъ, подъ покровительствомъ котораго начала рационализма жили и раскрывались, сильно распространившись по городамъ и селамъ, тлѣлъ тихо, какъ искра изрѣдка вспыхивая, но никогда не угасая... Только чрезъ подтолбтія вспышки эти опять выразились въ новомъ религіозномъ движеніи ⁸³⁾, называемомъ въ исторіи ересью Башкина и Косаго. Матвѣй Семеновъ Башкинъ явился сначала въ предѣлахъ новгородскихъ, а ученіе его сформировалось въ заволжскихъ странахъ ⁸⁴⁾. Сторонниками ученія Башкина оказались на первыхъ порахъ Кассіанъ, епископъ казанскій ⁸⁵⁾, игуменъ Троиц-

⁸¹⁾ Схарія былъ казненъ въ Новгородѣ Іоанномъ III.

⁸²⁾ Прав. Обозр. 1862 Т VIII, стр. 304—303.

⁸³⁾ Прав. Обозр. 1861 г. Кн. VIII, стр. 323 и 431.

⁸⁴⁾ Сказан. Курбск., Ч. I, стр. 177.

⁸⁵⁾ Истор. государства Россійскаго. Т. VIII, прил. 394, Руднева, Ист. ересей стр. 126. Чт. общ. ист. 1847 г. № 3.

наго монастыря Артемій, монахъ Порфирій, дьякъ Иванъ Висковатый и др.⁸⁶). Очевидно, что религиозное своемысліе, выражавшееся въ лицѣ Башкина, было уже окончательно русское, и мы видимъ таклихъ образомъ, что кромѣ Москвы, Новгорода, Пскова и заводскія страны съ заводскими монастырями заражены были тѣмъ же духомъ... Башкинъ, пришедши разъ на исповѣдь, выразилъ желаніе разумнаго знанія вѣры, чтобы святая вѣра въ лицѣ избранныхъ служителей ея дѣйствовала плодотворнѣе на народъ⁸⁷); въ вѣрѣ, говорилъ онъ, мало однихъ словъ, нужно дѣло; весь законъ въ словеса оканчивается *возлюбими ближняго своего, яко самъ себя*; Христосъ всѣхъ братьею называетъ, а у насъ—де кабалы и проч.⁸⁸). Отецъ Семень, въ которому обратился Башкинъ, не могъ никакъ справиться съ любопытнымъ духовнымъ сыномъ и донесъ о немъ извѣстному Сильвестру, какъ о человѣкѣ необычномъ, простирающимъ многіе вопросы недоузнѣнно. Въ томъ же духѣ разсуждали и послѣдователи Башкина.

Митрополитъ Макарій обстоятельно донесъ о новомъ еретикѣ (1552 года) царю Іоанну Васильевичу по возвращеніи его изъ казанскаго похода, а царь въ грамотѣ къ Максиму Греку прописалъ о назначеніи собора въ Москвѣ. Башкинъ взятъ былъ на допросъ и открылъ свое ученіе инокамъ Іосифовскаго (Волоколамскаго) монастыря Герасиму и Филофею и описалъ даже ересь, наименовавъ своихъ единомышленниковъ. Еретиковъ спрашивали открыто, то самъ государь, то митрополитъ, требовали свидѣтелей и ставили ихъ съ обвиненными „съ очей на очи“. Башкинъ съ нѣкоторыми единомышленниками былъ наконецъ по суду заключенъ. Но едва произнесено было осужденіе этой ереси, какъ уже стала возникать, въ 1555 году, новая ересь того же направленія. Это было исполнено Феодосіемъ Косижемъ, начавшимъ проповѣдывать въ Бѣлоруссіи и Витебскѣ до осужденія Башкина⁸⁹).

⁸⁶ Истор. о раск. Игнатія, стр. 114.

⁸⁷ Никон. Лѣтоп. 171. 203—205. Прав. Обзор. 1862 г. книга VIII. стр. 431.

⁸⁸ Тамъ же.

⁸⁹ Тамъ же, стр. 127. Словарь о писателяхъ духовнаго чина русск. церкви. Т. I, стр. 191.

Ееодосій Косой, родомъ москвитянинъ, былъ слугою одного изъ придворныхъ бояръ. Вѣжавши отъ господина своего на Вѣлоозеро, онъ постригся въ монашество и тамъ заразился ученіемъ Башкина. Зиновій, монахъ новгородскаго Отенскаго монастыря, рассказываетъ въ своей книгѣ, написанной противъ ученія Косаго, что однажды пришли къ нему въ монастырь два монаха-клирошани изъ Спаскаго новгородскаго монастыря Герасимъ и Афанасій и третій, иконописецъ, мірянинъ Еедоръ, прося его научить ихъ — какъ спастись? Явилось, говорили они, новое ученіе и многіе хвалятъ его почему-то. Отъ Бога ли оно и слѣдовать ли ему?—Новое ученіе было ученіе самаго Косаго ⁹⁰⁾, который и былъ въ полномъ смыслѣ продолжателемъ ученія Башкина. И тотъ и другой одинаково думали о лицѣ Иисуса Христа, объ иконахъ, о преданіяхъ и правилахъ церковныхъ ⁹¹⁾. Но въ исторіи явленія Косаго замѣчательно еще то, что онъ происходилъ изъ заволжскихъ старцевъ, о которыхъ и Башкинъ поминалъ, что его исхулили, утвердили въ мнѣніяхъ заволжскіе старцы ⁹²⁾. Что это за заволжскіе страны и старцы? Современникъ князь Курбскій вмѣсто заволжскихъ старцевъ говоритъ просто о странахъ волжскихъ. Карамзинъ, а за нимъ и другіе, пишутъ вмѣсто слова „Заволскій“ „Заволжскій“. Но едва ли не правильнѣе всѣхъ говорить Игнатій въ своей Исторіи о расколахъ ⁹³⁾, полагая, что писать правильнѣе нужно „Заволоцскій, или „Заволоцкій“. Слово это весьма извѣстно въ нашей древней топографіи. Мѣстомъ Заволоцкой Чуди назывались сѣверные наши предѣлы, составляющіе нынѣ Архангельскую губернію, часть Вологодской со включеніемъ изъ Новгородской Вѣлоозера, составлявшаго прежде отдѣльное княжество. При этомъ соображеніи только и понятно, почему къ допросамъ по дѣлу Башкина требованы были между прочимъ и старцы соловецкіе: Вѣлобаевъ, Еедодоритъ, Савва, Исаакъ и др. ⁹⁴⁾. Старцы эти были, вѣроятно, изъ московскихъ

⁹⁰⁾ Руднева, стр. 126, рукопис. московск. духов. акад.

⁹¹⁾ Руднева, стр. 132.

⁹²⁾ Никон. Лѣтоп. Ч. VII, стр. 204.

⁹³⁾ Ист. о раск. Игнат., стр. 118—119.

⁹⁴⁾ Акты, собр. Арх. Эксп. Спб. 1836 г. Т. I, стр. 238.

жителей; въ тѣ времена очень многіе знатные люди уходили изъ столицы въ Соловки по обѣщанію. Они могли, конечно, унести съ собою и ученіе Башкина и Косаго. Для насъ въ настоящемъ случаѣ особенно важно указаніе огромныхъ мѣстностей, въ которыхъ разлилось ученіе Башкина и Косаго.

Ученіе Башкина было слѣдующее:

1) Иисуса Христа онъ не признавалъ Богомъ, равнымъ Богу Отцу. 2) Въ Евхаристіи хлѣбъ и вино не считалъ за дѣйствительное тѣло и кровь Христову. 3) Церковь видимую, выстроенную, ни во что не вмѣнялъ, а подъ церковью разумѣлъ собраніе вѣрующіхъ. 4) Иконы Богоматери и святыхъ называлъ идолами. 5) Покаяніе предъ священникомъ считалъ за ничто, выражаясь, что если человѣкъ перестанетъ грѣшить, то не будетъ имѣть и грѣха, хотя бы и предъ священникомъ не каялся. 6) Отческія преданія не считалъ для себя обязательными. 7) Житіе святыхъ считалъ баснословіемъ. 8) Власти вселенскихъ соборовъ не признавалъ. 9) Священное писаніе толковалъ по своему, выражаясь, что чего въ Евангеліи и Апостолѣ не написано, того онъ не принимаетъ. 10) Молитву за усопшихъ считалъ бесполезною. 11) Акафисты безъ соотвѣтственнаго молитвамъ поведенія почиталъ напрасными. 12) Въ крестномъ знаменіи не признавалъ никакой силы ⁹⁵⁾.

Оеодосій же Косой училъ: 1) Тайнство Св. Троицы не признавать на томъ основаніи, что законъ признаетъ одного Бога ⁹⁶⁾. 2) Не вѣрилъ, что Иисусъ Христосъ есть едиnorodный Сынъ Божій, воплотившійся для спасенія людей, но утверждалъ, что онъ простой человѣкъ; ибо, говорилъ Косой, Сыну Божию не было нужды воплощаться для возстановленія Адама и Богъ можетъ непосредственно своею рукою обновить помраченный образъ Божій въ человѣкѣ. По сему, 3) не признавалъ обновленія въ человѣкѣ образа Божія чрезъ искупленіе и говорилъ, что человѣкъ точно также

⁹⁵⁾ Акты историч. Спб. 1841 г. Т. I, стр. 296. Акты собран. Археолог. Экспед. Спб. 1836 г. стр. 138.

⁹⁶⁾ См. Словарь о пис. духов. чина Рос. церкви подъ словомъ Зинувій.

животъ и пребываетъ теперь, какъ жилъ и пребывалъ до прише- ствія Христова ⁹⁷⁾. 4) Всѣ писанія отеческія отвергалъ какъ че- ловѣческое преданіе ⁹⁸⁾, смѣшанное съ ложью. 5) Почитаніе иконъ отвергалъ на томъ основаніи, что въ писаніи нигдѣ нѣтъ заповѣди о почитаніи иконъ. 6) Отвергая иконы, Θεодосій отвергалъ и чудеса, бывающія отъ иконъ ⁹⁹⁾. 7) Училъ, что не должно поклоняться кресту, потому что крестъ былъ орудіемъ враговъ Христовыхъ ¹⁰⁰⁾. 8) Го- ворилъ, что не должно молиться усопшимъ святымъ. Вслѣдствіе этого и раки святыхъ Косой считалъ неприличнымъ имѣть въ церкви, но совѣтовалъ власть ихъ въ землю ¹⁰¹⁾. 9) Уставы и правила церковныя, тропари, посты, поклоны, церковныя молитвы, по сло- вамъ Косаго, преданіе человѣческое. 10) Монашество отвергалъ, какъ установленіе человѣческое, изъясняя, что и монашескія пра- вила, Василя Велик. не принадлежать Василию ¹⁰²⁾. 11) Церковь обвинялъ въ недостатокъ единодушія, отъ чего, говорилъ, и члены ея не могутъ называться членами Христовыми ¹⁰³⁾. 12) Говорилъ, что епископы, отвергая еретиковъ и не пріемля ихъ покаянія, пре- ступаютъ заповѣдь Господню, повелѣвающую прощать всякому со- грѣшенія, хотя бы онъ и вторично согрѣшилъ ¹⁰⁴⁾.

Изъ обзорѣнія ученій Башкина и Косаго открывается, что уче- ніе Косаго сходно съ ученіемъ Башкина и служитъ какъ бы про- долженіемъ ученія послѣдняго, но Косой пошелъ дальше Башкина. И замѣчательно, что Косой въ своемъ своемыслии остается болѣе на почвѣ христіанской и старается или самимъ христіанскимъ уче- ніемъ разрушить христіанство, или сопоставляетъ идею его съ жиз- нью *in statu quo* и такимъ образомъ нападаетъ на него, какъ на-

⁹⁷⁾ Тамъ же, стр. 194—226.

⁹⁸⁾ Тамъ же, стр. 13, 14, 163.

⁹⁹⁾ Тамъ же, стр. 382.

¹⁰⁰⁾ Тамъ же, стр. 388, 391.

¹⁰¹⁾ Тамъ же; стр. 333, 334, 342, 343, 366, 367, 375.

¹⁰²⁾ Тамъ же; стр. 715, 717.

¹⁰³⁾ Тамъ же, стр. 730.

¹⁰⁴⁾ Тамъ же, стр. 734, 735.

падаютъ вообще рационалисты ¹⁰⁵). Ученіе Балшипина и Косого ничъ не менѣе очевидно есть видоизмѣненіе одного и того же начала. Какое же это начало? Это отчасти протестантское, отчасти кальвинское, отчасти соцініанское. Когда Лютеръ объявилъ въ церкви западной реформу, тогда духъ реформаціи наводилъ не только большую часть запада, но распространился и въ Польшѣ, и въ Литвѣ ¹⁰⁶) и дальше къ востоку. Реформація открылась въ 1517 году, но соцініанство было еще прежде. Ученіе это состояло главнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы не принимать ничего за истину, чего нельзя знать по разуму. Соцініанство началось въ сѣвѣрной съ Россіею Польшѣ и, по свидѣтельству князя Курбскаго, распространилось потомъ на Волыни. Въ 1523 году Лютерова реформа уже принята была въ Ригѣ. Около 1550 года реформатскія церкви завелись даже въ Бѣлоруссіи ¹⁰⁷) и сюда пришли изъ Россіи три грекороссійскіе монаха: Феодосій, Артемій и Тома, изъ которыхъ Тома сдѣланъ послѣ реформатскимъ пасторомъ и былъ проповѣдникомъ въ Полоцкѣ. Наконецъ реформаты имѣли своихъ пасторовъ и церкви не только въ Бѣлоруссіи, но и въ Подольскомъ, Кіевскомъ, Бѣлорусскомъ уѣздахъ. На Вихавскомъ реформатскомъ соборѣ опредѣлено было: послать въ Россію двухъ реформатскихъ проповѣдниковъ, пасторовъ. При посольствѣ отъ польскаго короля Сигизмунда II реформаты присылали къ самому царю русскому Іоанну Васильевичу пастора для переговоровъ о вѣрѣ и распространеніи ея ¹⁰⁸). Между тѣмъ сношенія Литвы съ Новгородомъ и Псковомъ были по прежнему непрерывны ¹⁰⁹). Новгородскій епископъ Евфимій посылалъ даже грамоты псковскому духовенству о томъ, чтобы тамъ игумены, священники дьяконы, приходящіе изъ Руси (Бѣлоруссіи) и Литовской земли, были принимаемы со стро-

¹⁰⁵) Прав. Обзор. 1862 г. Кн. VIII, стр. 434.

¹⁰⁶) Beiträge zu der Reformationgeschichte in Polen und Lithauen Zweiter Th. I B. p. 70 Klein. Hist. Eccles. Christ. T. II, p. 267, 268.

¹⁰⁷) Анд. Венгер. Книга Slavonia Reformata.

¹⁰⁸) Слов. о писат. Духовн. чина подъ словомъ: Зиновій.

¹⁰⁹) Игнатія Истор. о раск., стр. 112, 113.

гнѣ удостовереніемъ въ ихъ званіи, чтобы и міраже обращались въ такимъ пришельцамъ въ своихъ духовныхъ требахъ съ крайнею осторожностію. Прежде ѣздили отъ васъ, говорилъ Евфимій псковичамъ, ставиться въ священныя чины и на Русь, или въ Литовскую землю ¹¹⁰). Самъ всероссійскій митрополитъ Фотій грамотою напоминалъ псковичамъ, чтобы они строго держались благочинія православной церкви ¹¹¹).

На соборѣ Иванъ Висковатый въ отвѣтахъ своихъ показалъ, что латыне говорятъ, такъ какъ онъ училъ, а Башкинъ показалъ прямо, что его учителями были римскіе католики (безъ сомнѣнія уже реформаты)—аптекарь Матвѣй Литвинъ и Андрей Хотѣвъ ¹¹²). Отсюда понятно, почему ученіе русскихъ рационалистовъ Башкина и Косаго однородно съ ученіями, сильно распространившимися на западѣ Россіи... Но эти обстоятельства не измѣняютъ сущности дѣла. Тѣ религіозныя своемыслія, съ которыми однородно ученіе Башкина и Косаго, на западѣ Россіи распространились въ половинѣ XVI вѣка. Ученіе же Башкина и Косаго въ полномъ развитіи является также около половины XVI вѣка и осуждается на соборѣ 1553 г. И это, повторимъ, былъ уже *чисто-русскій рационализмъ* на русской почвѣ, который будучи продолженіемъ ученія жидовствующихъ, принялъ въ себя еще элементы западные...

Такимъ образомъ ученіе „жидовствующихъ“ разложилось съ теченіемъ временъ—на двѣ половины: рационализмъ, сохранившій элементъ іудейскій, отсюда секта Субботниковъ, которая у насъ существуетъ и до сего времени и ждетъ своего историка ¹¹³), и рационализмъ, исключившій изъ себя въ лицѣ Башкина и Косаго все іудейское, отсюда начало молоканъ. Въ лицѣ Башкина и Косаго

¹¹⁰) Акты Ист. Арх. Эксп. Спб. 1836 г. Т. I. стр. 238.

¹¹¹) Тамъ же, стр. 68, 69.

¹¹²) Игнатія Ист. о раск. стр. 115.

¹¹³) Въ архивахъ нашихъ находится не одна тысяча дѣлъ объ этихъ Субботникахъ, называющихся то «Субботниками», то «іудействующими» и прямо при допросахъ официальныхъ признающихъ родоначальниками своими Схарію и его послѣдователей. Матеріалы эти требуютъ разработки и разумѣется чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

ны, такимъ образомъ, можно сказать какъ бы имѣемъ первыхъ родоначальниковъ молоканства на Руси!..

Въ этой мысли мы еще болѣе убѣждаемся полнымъ сходствомъ всѣхъ 12 пунктовъ ученія Башкина и Косаго съ ученіемъ нашихъ Молоканъ, которые впоследствии времени, разумѣется, добавили его нѣкоторыми другими пунктами. На это время своего происхожденія указываютъ и сами Молокане въ своемъ вѣроисповѣданіи, напечатанномъ въ Женевѣ. Во времена царствованія въ Россіи Іоанна Васильевича Грознаго, говорятъ они, вызванъ былъ ко двору въ Москву изъ Англіи какой-то лекарь, на котораго, по духу тогдашняго времени и дикости народа, смотрѣли въ столицѣ, какъ на антихриста, называя его проклятымъ и запирая отъ него ворота и дома. Фамилія этого лекаря утратилась. Онъ по какому-то случаю познакомился съ бывшимъ тогда при дворѣ знатнымъ тамбовскимъ ¹¹⁴⁾ помѣщикомъ, бывавъ у него и много толковалъ о Библии, имѣть которую въ то время въ Россіи никому не позволялось. У помѣщика этого былъ любимую прислугою смысленный и ученый человекъ, нѣкто Матвѣй Семеновъ, который понялъ библейскую истину скорѣе, чѣмъ помѣщикъ, и скорѣе потомъ пренебрегъ обрядами греко-россійской церкви и поклоненіемъ иконамъ; досталъ славянскую Библию и началъ внушать своимъ близкимъ чистѣйшую истину о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ. Но въ тѣ времена было очень опасно и даже почти совсѣмъ невозможно говорить что либо противное обрядамъ. Поэтому, какъ только было узнано отступленіе Матвѣя отъ обрядовъ, то тотчасъ же доведено было до свѣденія верховной власти, и несчастный, по приговору уголовного суда, принялъ мученическую кончину чрезъ колесованіе ¹¹⁵⁾. Нѣкоторые

¹¹⁴⁾ Тамбовская губер., какъ губернія тогда еще не существовала. Впрочемъ въ это время были давно христіанскіе храмы въ этой мѣстности и духовенство православное подвизалось на пути обращенія въ христіанство мордвовъ. См. Истор. Статист. опис. Тамб. Епархіи Хитрова, стр. 20.

¹¹⁵⁾ Не сказано въ какомъ городѣ было это колесованіе, въ Москвѣ или еще гдѣ?

изъ учениковъ его, крестьяне ¹¹⁶⁾ моментально поспѣшны, по прибытіи въ Тамбовскую губернію на родину ¹¹⁷⁾ тоже начали съ помощію привезенной ими Библии тихонько проповѣдывать истинное *поклоненіе Боту въ духъ и истинъ*... Ученію ихъ послѣдовало порядочное число въ разныхъ вѣлахъ, самые же учителя по тогдашней строгости и необузданной власти духовенства скоро были открыты, преданы суду и жестоко наказаны вѣнцомъ чрезъ палачей, съ ссылкою вѣчно въ каторжныя работы ¹¹⁸⁾. Послѣдователи сего ученія однако не переставали втайнѣ распространять оное. На сколько достовѣрно такое сказаніе молоканъ, мы не беремся здѣсь рѣшить, но склоняемся въ пользу его на томъ основаніи, что изъ Москвы, зараженной тогда ученіемъ Башкина и Косаго, могло выдти дѣйствительно какое нибудь лице изъ крестьянъ Тамбовской области и разнести съ Библіею въ рукахъ новое ученіе по народу... Мы даже идемъ далѣе этого сказанія. Имѣя выше случай видѣть, какъ религіозный рационализмъ этого времени охватилъ Москву, Новгородскія и Заволжскія и другія области, мы полагаемъ, что съ этого времени ученіе Башкина и Косаго разнеслось и по прочимъ областямъ Россіи разными лицами, хотя это ученіе и не называлось еще тогда „молоканствомъ“. Позднѣе, даже въ XVIII вѣкѣ, мы видимъ, что въ Москвѣ и другихъ городахъ уже неизвѣстно гдѣ ученіе Башкина и Косаго, поддерживаясь и развиваясь все болѣе и болѣе чрезъ вліяніе западнаго протестантизма, доколѣ не столкнулось оно съ ученіемъ квакеровъ и не произвело тотчасъ же за этимъ нашихъ Хлыстовъ и Духоборцевъ. Но объ этомъ будетъ еще рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

¹¹⁶⁾ Не сказано, кто именно.

¹¹⁷⁾ Не сказано также, почему эти крестьяне проживали въ Москвѣ въ качествѣ прислуги вельможи, или еще по какому случаю?

¹¹⁸⁾ Это сказаніе, конечно, можетъ быть повѣрено только черезъ архивныя дѣла того времени, если только они уцѣляли.

V.

Продолженіе русскаго религіознаго рационализма въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ. — Наплывъ лютеранъ и протестантовъ въ Россію. — Строеніе ими своихъ церквей и свобода богослуженія. — Религіозная распущенность временъ Петра I. — Свобода рационалистической пропаганды. — Твертиновъ.

Въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ рационалистическое ученіе Башкина и Косаго не только не ослабѣло, но, при вліяніи на Россію лютеранства и протестантства, упрочило за собою навсегда успѣхъ... Въ эти столѣтія Россія открыла уже дверь торговлѣ, наукамъ, искусствамъ и проч., а слѣдовательно и притоку западнаго религіознаго критицизма. Почва же на Руси была уже готова, такъ что русскимъ рационалистамъ оставалось только протянуть руку западному критицизму. Такъ оно и случилось! Каждое побольнѣе въ исторіи человѣчества смотритъ на мировую жизнь при свѣтѣ какой нибудь своей идеи и только тѣ явленія въ области мысли признаетъ разумными и законными, которыя объясняются вполне изъ этой идеи; все прочее, не подходящее подъ нее, или противорѣчащее ей представляется ему неразумнымъ, незаконнымъ. Идеи эти пользуются иногда значеніемъ обширнѣйшимъ, нежели какое можетъ принадлежать имъ по ихъ собственному внутреннему достоинству. Для тѣхъ же, кто проникнуть такими идеями, онѣ кажутся выше критики, на что, какъ извѣстно, никакая идея человѣческая не имѣетъ права. Повинуясь этому требованію, ничѣмъ неустрашимому (ни тюрьмами, ни кострами, ни инквизиціей), люди этой новой господствующей идеи и рѣшаютъ всѣ вопросы жизни. Идея эта въ глазахъ ихъ становится закономъ, мѣрою жизни, получаетъ рѣшительное достоинство и значеніе, такъ что дальше ея они ничего не хотятъ и видѣть. Исповѣдники ея отъ наблюдаемыхъ явленій по аналогіи восходятъ къ отрицанію всего, что не объясняется этою идеей. Энтузіазмъ, возбужденный ею, отсутствіе пош-

тогъ въ ослабленію противною стороною придавали русской идеѣ критицизма видъ новой религіи; обстоятельства же XVI, XVII и XVIII вѣковъ способствовали къ оправданію этой идеи въ глазахъ ея послѣдователей ¹¹⁹). Взглянемъ же хоть мимоходомъ на эти обстоятельства.

Со времени явленія Башкина и Косаго Москва начала заселяться исповѣдниками ученія Лютера, разными ремесленниками, художниками и врачами, вызванными великимъ княземъ Василиемъ III и сыномъ его, Иоанномъ IV. Имъ назначено было за городомъ мѣсто для поселенія, гдѣ они и завели молитвенный домъ и школу ¹²⁰). Между 1560 и 1565 годами красовалась уже въ Москвѣ церковь лютеранская; почти въ одно и тоже время заведена была въ Москвѣ и типографія, которую датскій король Христіанъ III покупался даже обратить въ орудіе проповѣди Лютерова ученія ¹²¹). Въмѣстѣ съ прибытіемъ Голштинскаго герцога Магнуса (брата датскаго короля Фридриха II), нареченнаго жениха царской племянницы Маріи Владиміровны, число лютеранъ въ Москвѣ еще болѣе умножилось ¹²²). Въ домѣ герцога начало отправляться богослуженіе, а пастору Бокгорну пожалована была царемъ золотая цѣпь и богатая одежда. Въ 1573 Магнусъ исходатайствовалъ наконецъ у Иоанна Васильевича дозволеніе построить церковь своего вѣроисповѣданія и торжественно совершать въ ней богослуженіе. Мѣсто для нея отведено было въ Земляномъ Городѣ, что нынѣ Чистый прудъ ¹²³).

Всѣ эти явленія порождали своего рода слѣдствія!.. Отечественные лѣтописцы указываютъ напр. на нѣкоего Бежелія, лютеранина, который чуть было и царя не отвелъ отъ правой вѣры ¹²⁴), а ре-

¹¹⁹) Прав. Обзор. 1863. Кн. X, стр. 305.

¹²⁰) Тамъ же, стр. 29.

¹²¹) См. въ Чтен. Общест. Истор. и Древн. Росс., Т. IV. Кн. 1. 1840 г. стат. Снегирева.

¹²²) Карамз. Ист. Гос. Рос. Т. IX, стр. 177, 284.

¹²³) Bemerkungen über die Religionsfreiheit der Ausländer im Russischen Reiche von. S. B. Evot. 1. Th. Petersb. 1798 in 8.

¹²⁴) Карамз. Истор. Гос. Рос. Т. IX, стр. 138, 318; 266 прим.

форматоръ Соборавъ добился даже того, что Іоаннъ Васильевичъ выразился, что лютеранство будѣ бы гораздо ближе въ истинѣ ¹²⁵⁾. Начальнѣ Банкина и Косаго суждено было, такимъ образомъ, оградить всененный образъ и царскія палаты и нѣйти въ нихъ далеко не враждебное противодѣйствіе... Любопытнѣйшій Іоаннъ при дворѣ своемъ имѣлъ нѣмецкихъ толмачей: Треффера, Шредера и Браккеля, бібліотечара Виттермана, типографшица Ганса и самъ торжественно состязался съ пасторомъ Моравскихъ братьевъ Рокитю о Лютеровомъ ученіи ¹²⁶⁾, которое занимало умы русскихъ людей даже до царя и которое по сходству своему съ началами религіознаго критицизма Банкина и Косаго такъ или иначе оправдывало, усиливало права послѣдняго на вниманіе въ себѣ...

При Боризѣ Годуновѣ сынъ шведскаго короля Эриха XIV, Густавъ, испросилъ у московскаго царя позволеніе воздвигнуть новую обширную кирку на Бѣломъ городѣ, у Покровскихъ воротъ, недалеко отъ церкви Св. Николая на Столпахъ. Мартинъ Беръ, пріѣхавшій въ Россію въ 1600 году, избранъ былъ пасторомъ въ лютеранскую общину, построенную за Яузю ¹²⁷⁾. При самозванцѣ бывшіе въ Москвѣ лютеране, фальвины и евангелики ходили въ Успенскій соборъ, гдѣ иные сѣдѣлись, иные сидѣли во время обѣды, а иные даже спали, облокотясь на образа ¹²⁸⁾. Понятно, какъ все это усиливало волненіе тѣхъ, которые сочувствовали такъ или иначе ученію Банкина и Косаго. При Отрепьевѣ въ 1606 году пасторъ Мартинъ Беръ говорилъ во дворцѣ проповѣди для ванитановъ, докторовъ и другихъ лицъ, которымъ далеко было ходить въ нѣмецкую слободу ¹²⁹⁾. Царь Михаилъ Федоровичъ въ 1629 году пожаловалъ землю за Землянымъ городомъ для построения

¹²⁵⁾ Abh. von der Russischen oder Moscovitischen Religion. Leipzig 1698 in 12.

¹²⁶⁾ Карамз. Истор. Гос. Рос. Т. IX, стр. 442, прим. 770.

¹²⁷⁾ Сказан. Современ. о Дмитр. Самозв. Ч. 1. Слб. 1834 въ 8.

¹²⁸⁾ Собр. Госуд. Граматъ и Договор. Ч. II № 140.

¹²⁹⁾ Снегирева Ист. Лют. Церквей въ Москвѣ. стр. 34 въ Прав. Обзор. 1862. Кн. IX.

тамъ церкви реформатавъ, которые были по большей части голландцы. Въ 1635 году лютеранамъ отведена была за Землянымъ городомъ слобода, впоследствии названная новою иноземною, потому что въ Москвѣ находились еще двѣ иноземныя слободы, одна за Яузскими воротами, близъ Болвановки, а другая за Москворѣчьемъ у Крымскаго двора, между Вабынъ городкомъ и Наплевками ¹³⁰). Легко угадать какою находкою были эти слободы для русскихъ рационалистовъ; они, конечно, сдѣлались лучшими друзьями и собесѣдниками новопривывшихъ нѣкоторымъ образомъ братьевъ по религіи!.. Въ 1643 г. отъ царя Михаила Федоровича лютеранская община получила еще мѣсто между нынѣшними Красными и Покровскими воротами для построения кирки и соборанія въ ней иностранцевъ всѣхъ сословій. Въ 1652 г. въ новой иноземской сторонѣ открыта была пасторомъ Глюкомъ лютеранская гимназія ¹³¹), а число лютеранскихъ и протестантскихъ семействъ въ Москвѣ дошло до тысячи ¹³²). Если сообразить служебныя и коммерческія столкновенія тогдашнихъ русскихъ людей съ этою тысячею семействъ, столкновенія, иногда переходящія въ дружбу, а слѣдовательно и интимныя бесѣды о живыхъ вопросахъ, то не трудно угадать, что такія бесѣды оканчивались далеко не въ пользу православія... Въ 1647 г. прибывшій въ Москву со многими нѣмецкими офицерами генераль Николай Бауманъ основалъ опять новую общину и новую лютеранскую церковь, построенную имъ близъ своего дворца на Яузѣ, у нынѣшняго госпитальнаго моста и проч.

Съ воцареніемъ Петра I началось эпоха, наиблагопріятнѣйшая для лютеранской и реформатской пропаганды въ Россіи. Ее тайно отстаивалъ уже Теофанъ Прокоповичъ. Рационализмъ Башкина и Косаго имѣлъ такимъ образомъ прозелита на высокой ступени іерархіи, и противъ него тщетно вооружался Стефанъ Яворскій съ книгою своею: „Камень Вѣры“. Самъ государь въ дни богослужебныя ходилъ

¹³⁰) Книги приход. Патр. Приказа 1854 г.

¹³¹) Указат. Росс. Зак. II, 7 и 38.

¹³²) Oleari Corrigite und vielvermehrte Reisebeschreibungen. Hamburg 1698.

по киркамъ и распѣвалъ тамъ даже духовныя пѣсни ¹³³⁾. При немъ явилось на русскомъ языкѣ изложеніе Аугсбургскаго исповѣданія ¹³⁴⁾ и приказаніе перевести на русскій языкъ и напечатать катехизисъ римскій, лютеранскій и кальвинскій ¹³⁵⁾. Въ 1711 г. выходецъ изъ Гамбурга Бартольдъ Вагецій щеголялъ уже въ Москвѣ титуломъ супер-интендента всѣхъ лютеранскихъ церквей въ Россіи. Петръ, который позволилъ нѣмцамъ близъ Лефортовскаго дворца соорудить еще новую каменную кирку во имя св. Апостоловъ Петра и Павла съ колокольнею и колоколами, самъ при закладѣ ея положилъ первый камень ¹³⁶⁾. Понятно, что при описанномъ нами состояніи дѣлъ нашъ туземный религіозный рационализмъ, прошедшій чрезъ сѣтны „Стригольниковъ“ и „жидовствующихъ“ и сказавшій свое послѣднее слово въ лицѣ Башкина и Косаго, прибавилъ неминуюемо къ своимъ противъ церковнымъ стремленіямъ еще новыя и болѣе сильныя основанія, заимствованныя легко и безпрепятственно у протестантства. Какъ обращеніе того, какъ легко и свободно ходила тогда по Москвѣ пропаганда рационализма и какъ велика была распушенность религіозная, мы представимъ здѣсь нѣсколько характеристическихъ чертъ изъ жизни Тверитинова, извѣстнаго въ нашихъ церковныхъ исторіяхъ подъ именемъ еретика времени Петра I.

¹³³⁾ *Universa religio Ruthenica sive Moscovitica in Freystadt. 1698* р. 117.

¹³⁴⁾ Патр. Библ. № 352. Полагаемъ, какою находкою оно было для русскихъ рационалистовъ, вѣрныхъ учениковъ Башкина и Косаго.

¹³⁵⁾ Полн. Собр. Зак. Рос. Импер. Т. VII № 4143.

¹³⁶⁾ *Universa religio Ruthenica Freyst. 1698.*

VI.

Московский представитель религіознаго рационализма Дмитрій Тверитиновъ.—Его религіозныя воззрѣнія.—Тождество его ученія съ ученіемъ Башкина и Косаго.—Сходство ученія нашихъ Молоканъ съ ученіемъ Тверитинова.—Причины, способствовавшія явленію Молоканъ, какъ формиравшихся обществъ въ XVIII столѣтіи.

Тверитиновъ былъ лекарь, а такъ какъ *религіозный умъ народа* въ Москвѣ тогда совсѣмъ *расшатался*, то онъ, не стѣсняясь, смѣялся надъ православіемъ, какъ и гдѣ могъ... Просилъ ли больной у медика рецепта отъ глазной или зубной боли, Тверитиновъ иронически и со смѣхомъ совѣтовалъ ему сдѣлать серебрянный глазокъ или зубокъ и приложить къ образу св. Инатія, или Антонія чудотворца... Заставалъ ли онъ пациента своего за чтеніемъ церковной книги, то спрашивалъ: есть-ли у тебя Библія? Если есть, то не зачѣмъ и тратить время на чтеніе иныхъ книгъ: въ Библии найдешь все нужное для спасенія! Случалось ли ему обѣдать въ постный день съ людьми, строго соблюдавшими посты, онъ тотчасъ же начиналъ говорить, что посты соблюдать незначѣмъ, ибо они суть преданіе человѣческое ¹³⁷⁾. Приходилъ ли въ квартиру Тверитинова какой нибудь посѣтитель, то вмѣсто иконы видѣлъ на стѣнѣ раскрашенный листъ, на которомъ было написано; Авъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ Бозіи иніи, развѣ Мене. Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія... и проч. На другомъ листѣ было написано множество текстовъ, приводимыхъ протестантами противъ православныхъ догматовъ ¹³⁸⁾. Удобныхъ же случаевъ для сближенія съ русскими людьми у Тверитинова было множество, потому что званіе врача и обширная практика давали ему возмож-

¹³⁷⁾ Слѣдственное дѣло о Тверитиновѣ. См. статью: Моск. ерет. при Петрѣ I въ Прав. Обзор. 1863 г. Кн. X., стр. 307.

¹³⁸⁾ Тамъ же, стр. 309.

ность сближаться со всеми классами общества, съ аристократами и духовными, съ торговыми людьми и крестьянами. И мы видимъ изъ дѣла объ немъ, что у него въ числѣ ревностныхъ поклонниковъ и учениковъ были, между прочимъ, фискаль Михаилъ Андреевъ Косой, школьникъ Заиконоспаскій Иванъ Максимовъ, овощнаго ряда торговый человекъ Никита Мартыновъ и просто торговецъ Михайло Мининъ и, наконецъ, даже цирюльники Оама Ивановъ и проч. ¹³⁹⁾. У него были разныя свободныя собранія, въ которыхъ рационалисты, не стѣсняясь, раскрывали свои отрицательныя воззрѣнія, а нѣкоторые даже считали его достойнымъ занять мѣсто тогдашняго патріарха. И кто знаетъ, можетъ быть сотня учениковъ Тверитинова изъ купцовъ и овощнаго ряда торговцевъ разнесли тогда же ученіе его по селамъ и городамъ Россіи и поддержали тѣмъ ученіе? Никитъ у насъ въ Москвѣ, говорилъ Тверитиновъ, повольно всякому: кто какую вѣру избересть, такую и вѣруеть ¹⁴⁰⁾, почему онъ и раздавалъ преспокойно народу тетрадки, исполненныя текстами св. Писанія съ изложеніемъ вѣры по духу Библии; такія тетрадки, нѣтъ сомнѣнія, и послужили потомъ обрядниками нашимъ деревенскимъ мужичкамъ — рационалистамъ, получившимъ впоследствии названіе молоканъ. Ученіе Тверитинова осмѣлился даже называть иконы болванами, свѣчи отъ нихъ отнималъ и курилъ табакъ, а къ иконамъ говорилъ: стойте, такъ лучше!..

Тверитиновъ, какъ и Башкинъ съ Косымъ: 1) отрицалъ поклоненіе иконамъ. Поклоняться иконамъ не подобаетъ, говорилъ онъ, ибо нигдѣ того въ Библии ни въ ветхомъ, ни въ новомъ завѣтѣ не написано. Свое ученіе о непочитаніи иконъ Тверитиновъ поддерживалъ св. Писаніемъ и соображеніями разума. Изъ св. Писанія Тверитиновъ привелъ всѣ мѣста, которыми запрещалось многобожіе и идолопоклонничество, въ особенности часто ссылался на 1 и 2 заповѣди Десятословія ¹⁴¹⁾; точь въ точь какъ у нашихъ молоканъ объ иконопочитаніи, сведены были у Тверитинова такіе же мѣста

¹³⁹⁾ Тамъ же, стр. 310.

¹⁴⁰⁾ Тамъ же, стр. 312.

¹⁴¹⁾ Тамъ же, Листъ 165.

св. Писанія въ одно цѣлое, и также главная ссылка на 2 заповѣди Десятословія. Не первый ли Тверитиновъ написалъ въ своихъ тетрадкахъ, раздаваемыхъ народу, и тотъ сводъ текстовъ, который благополучно и списывается доселѣ нашими молоканами? Соображенія отъ разума противъ поклоненія иконамъ Тверитиновъ и его послѣдователи приводили слѣдующія: что Богу подобаетъ кланяться духомъ, что икона только доска, и что если икону бросить въ огонь, то она сгоритъ ¹⁴²). Тѣже фразы точь во точь повторяются нашими молоканами при формальныхъ допросахъ и изложеніи ихъ ученія! И это естественно, ибо тетрадки, раздаваемыя Тверитиновыми, были снабжены текстами и замѣчаніями, *которыя сохранились у молоканъ и доселѣ* ¹⁴³). 2) Тверитиновъ и его послѣдователи отрицали догматъ о почитаніи креста Господня. Кресту кланяться не подобаетъ, говорилъ Тверитиновъ, понеже древо бездушное не имѣетъ никакой силы. Егда кто убьетъ у кого сына ножомъ, или палкой и тую палку, или ножъ како можетъ любить отецъ убитаго, понеже онымъ убить его сынъ? Тако и Богъ: какъ то древо можетъ любить, понеже на немъ распять сынъ Его ¹⁴⁴)? Эту же фразу повторяютъ и молокане наши точь въ точь, какъ мы постоянно видимъ изъ ихъ показаній. 3) Тверитиновъ съ своими послѣдователями наконецъ отрицалъ догматъ о почитаніи св. мощей. 4) Тверитиновъ и его ученики отвергали догматъ о предложеніи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову въ таинствѣ евхаристіи. 5) Тверитиновъ отрицалъ догматъ о молитвенномъ призваніи св. угодниковъ Божіихъ. Прежде всего онъ и его единомышленники подвергали сомнѣнію святость многихъ отшедшихъ святыхъ, признаваемыхъ православною церковью. Въ особенности рационалисты эти вооружались противъ св. Николая чудотворца, быть можетъ потому, что народъ особенно его почиталъ. Они рѣшались называть его мужикомъ деревенскимъ, самымъ простымъ, и говорили, что, оставя-де Бога, люди его по-

¹⁴²) Слѣд. дѣло, стр. 172, 213, 15.

¹⁴³) Тамъ же на листѣ 165 въ тетрадкахъ, взятыхъ у Тверитинова, сдѣланы надписи 1, 7, 10.

¹⁴⁴) Слѣд. дѣло, стр. 178, тамъ же въ тетрадкѣ надпись 30.

читаютъ ¹⁴⁵⁾). Отрицавъ вообще законность и правильность канонизаціи святыхъ на томъ основаніи, что съ Богомъ никто въ бесѣдѣ не былъ и что святымъ и грѣшнымъ указу еще нѣтъ до страшнаго суда ¹⁴⁶⁾, московскіе рационалисты отрицали нужду и пользу молитвеннаго призванія Богоматери и святыхъ и изъ другихъ основаній. Богъ и Сынъ всѣхъ святыхъ милостивѣе и заступниковъ себѣ никакихъ не требуетъ ¹⁴⁷⁾, и всевидѣць-де Богъ всему Самъ, говорилъ Тверитиновъ; кромѣ единаго Бога нѣтъ инаго помощника намъ. Единъ нашъ ходатай Христосъ и того ради не подобаетъ намъ призывать и имѣти иныхъ ходатаевъ и просити ихъ во всякомъ дѣлѣ о помощи ¹⁴⁸⁾. 6) Тверитиновъ, со своими учениками, отрицалъ догматъ о частномъ блаженствѣ душъ святыхъ до всеобщаго суда Христова и утверждалъ, что святые не могутъ знать молитвъ нашихъ, потому что до дня всеобщаго воскресенія пребываютъ нечувственны, въ состояніи подобномъ сну. Въ примѣръ такого состоянія Тверитиновъ приводилъ 7 ефесскихъ отроковъ ¹⁴⁹⁾. Въ тетрадкахъ его надписаніе 19-ое гласитъ: „яко праведніи отшедшіи отсюда, еще не пріяша обѣщанная благая“. Въ связи съ ученіемъ о нечувствіи душъ святыхъ до всеобщаго воскресенія Тверитиновъ: „древле святымъ душамъ даже до Христа во адѣ быти и Самого Христа во адѣ сошествіе отрицалъ“. 7) Тверитиновъ и его послѣдователи отрицали догматъ о благодѣяніи преставившимся, т. е. о поминовеніи и молитвѣ за усопшихъ. Поминовеніе по умершимъ не пользуется, говоритъ Тверитиновъ; кто что сотворилъ въ жизни, то ему и будетъ и приводилъ слова Апостола: „вѣждо пріиметь мзду по своему труду“. То выдумали попы своего ради прибытку, утверждалъ онъ, а инаго свидѣтельства нигдѣ нѣтъ, чтобы польза была отъ поминовенія, что творится послѣ смерти ¹⁵⁰⁾. Эту же фразу, что „поминки выдумали священники для своей

¹⁴⁵⁾ Тамъ же, л. 205, 206, л. 13 на об. и л. 198.

¹⁴⁶⁾ Слѣд. дѣло, л. 3 на об. и л. 207.

¹⁴⁷⁾ Тамъ же, л. 207.

¹⁴⁸⁾ Тамъ же л. 213 об.

¹⁴⁹⁾ Тамъ же, л. 213, 230. об.

¹⁵⁰⁾ Слѣд. дѣло, л. 169.

пользы“, цѣлкомъ повторяютъ и наши молокане, что видно изъ показаній ихъ при слѣдствіяхъ! 8) Тверитиновъ и его ученики отрицали догматъ о важности священнаго и церковнаго преданія, какъ одного изъ источниковъ христіанскаго вѣроученія. Тверитиновъ говорилъ, что только тому, что написано въ Библии, должно вѣрить, а иному и вѣрить нечего ¹⁵¹). Наша вѣра православная, говорилъ Тверитинову сербскій монахъ Петръ Семляничъ, лучше всѣхъ и утверждена на твердомъ фундаментѣ самими соборами вселенскими. Тверитиновъ отвѣчалъ: Вы твердость свою полагаете на вселенскіе соборы, а есть люди, которые свою рѣру и заповѣди содержатъ отъ самаго Христа Спасителя изъ Евангелія и Апостола, и вамъ съ своими соборами нечего будетъ говорить противъ ихъ правды ¹⁵²). Всѣ ваши соборы, говорилъ онъ златоустинскому архимандриту Антонію, между собою несогласны, одинъ другаго порицали, глаголюще: „не дорбѣ разумѣша того собора отцы“, а на сипцевыхъ несогласіяхъ кто можетъ утвердиться? Ученикъ Тверитинова Михаилъ Босой книгу св. Ефрема Сирина и другія свят. Отецъ книги называлъ старческими бреднями ¹⁵³). 9) Отвергая праздники церковные, Тверитиновъ говорилъ непристойно о праздникѣ Божіей Матери. 10) Тверитиновъ и его послѣдователи отрицали догматъ о значеніи Божественной евхаристіи, какъ умилостивительной жертвы за грѣхи людей. Это ученіе московскихъ рационалистовъ отчасти вытекало уже изъ ученія ихъ о бесполезности всякаго рода приношеній и службъ за умершихъ. Въ евхаристіи только тайна, а не божество, говорилъ Тверитиновъ. 11) Тверитиновъ и его ученики отрицали догматъ о святыхъ постахъ. Переяславскаго монастыря монахъ Макарій доносилъ, что ему, равно и его игумену, пришлось однажды во время великаго поста обѣдать вмѣстѣ съ Тверитиновымъ. Монашествующіе по уставу ѣли постное, Тверитиновъ ѣлъ рыбу и укорялъ своихъ собесѣдниковъ въ неѣденіи рыбы и съ поношеніемъ отрицалъ въ постѣ различіе брашенъ. Ученикъ

¹⁵¹) Тамъ же, л. 160.

¹⁵²) Л. 206. Смotr. также въ Тетр. Твер.

¹⁵³) Надписаніе 11—14.

Тверитинова, никодникъ Ивашъ Максимовъ говорилъ: все предлагаемое вамъ всегда адите, ничто же сумнящся ¹⁵⁴). 12) Тверитиновъ устно говорилъ и въ своихъ тетрадахъ писалъ противъ церковнаго суда и наказанія еретиковъ и о томъ, что клясти не подобаеъ никого же ¹⁵⁵), и отрицалъ даже значеніе церковнаго авторитета во имя личнаго непосредственнаго отношенія каждаго христіанина ко Христу. Я и самъ церковь! говорилъ онъ ¹⁵⁶). Эту послѣднюю фразу цѣдикомъ повторяютъ и наши Молокане. 13) Отвергая таинство священства, Тверитиновъ выражался о немъ, что оно сдѣлано, а не отъ повелѣній Божіихъ. 14) О монашествѣ Тверитиновъ выражался, что оно сдѣлано отъ умышленія старческаго.

Такимъ образомъ русскій рационализмъ XVIII вѣка, съ которымъ мы знакомимся въ лицѣ Тверитинова и его послѣдователей, въ основахъ своихъ совершенно тождествененъ съ рационализмомъ Башкина и Косаго, только онъ пошелъ еще далѣе религіознаго свободомыслія послѣднихъ, точно также какъ и свободомысліе Косаго шло дальше ученій Башкина, свободомысліе Башкина шло дальше вольномыслія жидовствующихъ и т. д. Что Тверитиновъ отразилъ на себѣ вліяніе протестантизма, это несомнѣнно и подтверждается частью тѣмъ, что въ его ученіи догмы чистаго протестантизма легли рядомъ съ извѣстнымъ уже въ Россіи ученіемъ Башкина и Косаго. Вотъ что, напримѣръ, показалъ о немъ при слѣдствіи 1714 г. 31 августа церкви Пимена Великаго въ Воротникахъ іерей Іоаннъ Іоанновъ:

Въ 1708 г. былъ я на Святой Пасхѣ съ честнымъ крестомъ и иконами у матери Тверитинова Евдокіи Ивановой и сынъ ея не подошелъ къ кресту, говоря мнѣ: „Богъ сказалъ: вы есте церкви Бога жива, вселюся въ нихъ и похожу и буду имъ Богъ, а они мнѣ людіе“; а на вопросъ мой: исповѣдуешь ли ты церковь соборную и апостольскую? отвѣчалъ: я-де самъ церковь. Я у матери его спросилъ: сколь давно сталъ онъ отвратенъ быти отъ святой

¹⁵⁴) Тамъ же, л. 15 об.

¹⁵⁵) Л. 166 об.

¹⁵⁶) Тверит. надпис. 21, 22, 23, 238, Л. 171 об.

церкви и отъ св. иконъ? Какъ-де отъ меня отошелъ прочь, отвѣчала она, и стала искать науки у докторовъ и у лекарей въ нѣмецкой слободѣ. Симоновскій архимандритъ Петръ Смилянничъ доносилъ, что вся вечера приходятъ къ Тверитинову нѣкакіе люди молодые, а сказываются нѣмецкой школы ученики, которыхъ онъ, лекарь, въ своей ереси вельми поучаетъ и наговариваетъ... Но за всѣмъ тѣмъ мы ошиблись бы, еслибы сказали, что Тверитиновъ былъ пропагандистъ собственно лютеранства. Доводительствомъ этого служить между прочимъ то, что нѣкоторые догматы протестантства, даже существенные, какъ напримѣръ *объ оправданіи одною вѣрою во Христа, независимо отъ добрыхъ дѣлъ*, не былъ имъ и его послѣдователями проповѣдуемъ, а своемысліе его опиралось болѣе на основы, извѣстныя еще изъ ученій предшествовавшихъ ему русскихъ рационалистовъ, такъ что религиозный критицизмъ Тверитинова имѣлъ болѣе своеобразный характеръ, обусловливаемый особенностями русской церковной жизни. Лютера Тверитиновъ признавалъ человекомъ, который возобновилъ церковь, держалъ у себя лютеранскій катихизисъ и говорилъ— что въ ономъ написано, то-де правда, и надобно-де содержать сіе всякому человеку и будетъ-де оправданъ Богомъ, и вообще многое мудрствовалъ по лютеранскому и кальвинскому разуму, ведя знакомство съ обитателями Нѣмецкой слободы и совѣтуясь въ затруднительныхъ случаяхъ съ учителями нѣмецкой школы; но нѣтъ сомнѣнія, что конечною дѣятельностію Тверитинова было не обращеніе русскихъ въ протестантовъ, но завлеченіе ихъ посредствомъ развитія духа критицизма въ свое ученіе.

Ученіе Тверитинова и его послѣдователей окончательно почти во всемъ сходно съ ученіемъ нашихъ молоканъ, въ чемъ легко убѣдиться при сличеніи того и другаго. ¹⁵⁷⁾ А такъ какъ ересь

¹⁵⁷⁾ Показаніе іерея Іоаннова 1714 г. 31 авг. въ слѣдств. дѣлѣ о Тверитиновѣ. См. Прав. Обзор. 1863. Кн. X. 1.—Вотъ эти, буквально почти сходныя съ обрядниками Молоканъ, Тетрадки Тверитинова, заимствованныя нами изъ формальнаго слѣдственного дѣла о немъ и извѣстныя у него подъ именемъ Надписаній. Надписаніе 1 (противъ иконъ): Исх. 20, 3. Пс. 80, 9, 10, 11. Ис. 43, 10, 11, 12. Ис. 44, 6, 8.

Тверитинова считается по нашимъ церковнымъ исторіямъ последнею крупною и открытою *раціоналистическою ересью*, воздвигшею противъ себя соборнаго преслѣдованія, и послѣ нея мы видимъ раціонализмъ плодотворно переселившимся уже въ степи,

Осія 13, 4. Ис. 43, 25. Надписаніе 2 (противъ призванія святыхъ въ молитвѣ): Пс. 24, 11, 15. Пс. 120, 1. Пс. 122, 1. Пс. 140, 8. Пс. 141, 6. Варух. 2, 14. Лук. 15, 18, 19. Лук. 18, 13. Надписаніе 3 (противъ заступленія святыхъ): Пс. 39, 5. Пс. 83, 6. Пс. 145, 5. Пс. 90, 1, 2, 10, 13, 14, 15. Ис. 30, 15. Ис. 43, 26. Лук. 15, 20. Надписаніе 4 (противъ помощи святыхъ): Ис. 49, 15. Мате. 18, 12, 13. Лук. 15, 7. Лук. 11, 13. Апок. 3, 20. Пѣс. Пѣсн. 5, 2. Мате. 12. 49. Надписаніе 5 (доказательство, что и древніе святыя никакой вѣры къ святымъ не имѣли): Сир. 46, 1, 6, 7. (Ис. Нав. 10) Сир. 46, 19, 20, 21. (1 Цар. 7). Сир. 47, 5, 6, 1 (Цар. 17.) Сир. 43, 22, 23, (4 Цар. 12). Есф. 4, 17. Дан. 13, 42, 43, 44. Дак. 5, 17, 18. Надписаніе 6 (противъ святыхъ): Ис. 64, 9. 1 Иоан. 2, 1. 1 Тим. 2, 5. Дѣян. 4, 12. Пс. 117. 8. Іер. 17, 5. Іезек. 14, 13, 14, 16. 1 Кор. 3, 3—7. Надписаніе 7 (призваніе святыхъ есть многобожіе): Суд. 10, 16. Іер. 11. 12, 13. Суд. 10, 13, 14. 2 Паралип. 7, 21, 22. Дѣян. 14, 14, 15. Надписаніе 8 (противъ призванія святыхъ): Пс. 93, 11. 2 Паралип. 6, 30, 31. Пс. 138, 1—3. 15, 16. Сир. 42, 18. Іерем. 17, 9, 10. Надписаніе 9 (противъ мощей): 3 Езд. 8, 23, 24. Пс. 87, 11. Пс. 102, 16. Пс. 113, 26. Сир. 17, 25. Ис. 38, 18, 19. Пс. 145. 4 Еклез. 9, 5. Ис. 63, 16. Мате. 25, 6. Надписаніе 10 (противъ иконъ): Исх. 20, 4, 5. Лев. 26, 1. Второз. 4, 12, 15, 16, 26. Второз. 5. 8. 2 Парал. 33, 3—5. Ис. 40, 18 — 20, 25, 26. Ис. 46, 5 — 9. Іер. 10, 6, 7, 14, 15. Ис. 45, 20. Премудр. 15, 5, 6. Исх. 2, 8. Ис. 17, 7, 8. Мих. 5, 13. Іерем. 1, 5, 16. Іер. 2, 10, 12, 26, 27. Іер. 44, 15 — 18, 20—23. Іер. 48, 31. Вар. 6 (т. е. посл. Іереміино) 4, 5, 8, 11, 14, 16—19, 23—25, 48—50, 54. Іезек. 16, 16—18. Дан. 14, 4, 5. Ос. 2, 14. Авваи. 2, 18, 19. Дѣян. 7, 43, 47, 48. Дѣян. 17, 24, 25, 28, 29. Рим. 1, 22, 23. Прем. Сол. 13, 11—19. Прем. Сол. 14, 7 — 17. Надписаніе 11 (противъ преданія): Иоан. 10, 9, 27, 5. Иоан. 5, 24. Иоан. 8, 12, 51, 47. Иоан. 14, 6, 23. Надписаніе 12 (противъ отеческихъ писаній): Лук. 16, 29—31. 1 Кор. 3, 11. Ефес. 2, 20—22. 2 Петр. 1, 19. Рим. 14, 24, 25. Дѣян. 26, 22. Надписаніе 13 (противъ преданія): Пс. 11, 7. Пс. 118, 105, 92. Ис. 26, 9. Иоан. 8, 12. Надписаніе 14 (противъ преданій): Второз. 4, 2.

села и деревни обширной Россіи, гдѣ онъ началъ жить и развиваться тайно среди простыхъ крестьянъ, то мы съ этого времени и позволяемъ себѣ производить *фактическое явленіе молока въ Россіи, какъ религиозныхъ обществъ, которыя*

Второз. 12, 32. Притч. 30, 6. Апок. 22, 18, 19. Галат. 3, 15. Гал. 1, 8. Надписаніе 15 (противъ чудесъ): Второз. 13, 1—3. Іер. 23, 24, 25, 32. Премудр. 17, 4, 13, 15. Сир. 36. Плач. Іер. 2, 14. Іезек. 13, 9. Іер. 14, 14. Іезек. 22, 28. Мих. 3, 6, 7. Зах. 10, 2. Іер. 23, 16. Зах. 13, 2, 4. Мате. 24, 24. Іуд. 8. 2 Кор. 14, 14, 15. 2 Сол. 11, 12. 2 Тим. 4, 3, 4. Тит. 1, 14. Апок. 13, 13. Ис. 65, 3, 4. Ос. 4, 11, 12. Надписаніе 16 (противъ чудесъ): Мате. 5, 16. Мате. 7, 15, 16, Лук. 16, 27, 31. Іоан. 7, 38. Іоан. 13, 35. 1 Тим. 4, 12. 14. Мате. 7, 22, 23, 24. Надписаніе 17 (противъ мощей): Второз. 18, 11, 12. Іер. 16, 18. Премудр. 13, 10. Мате. 23, 29, 32. Лук. 11, 47, 48. Надписаніе 18 (противъ мощей): Пс. 102, 14. Пс. 103, 28. Сир. 10, 13. Сир. 11, 18, 19. Сир. 17, 31. Дѣян. 13, 37. 1 Кор. 15, 42, 43, 36. Евр. 1, 11, 12. Надписаніе 19 (противъ призыванія святыхъ въ молитвахъ): 3 Езд. 4, 35. Премудр. 5, 15, 16. Премудр. 3, 5—7. Мате. 20, 8. 1 Кор. 4, 5. 2 Тим. 4, 7, 8. Евр. 11, 13, 16, 39. 40. Апок. 6, 11. Апок. 11, 18. Мате. 13, 43. Тим. 2, 11, 12. 1 Петр. 4, 12, 19. Надписаніе 20 (противъ призыванія святыхъ): Второз. 3, 23, 26. 1 Цар. 16, 1. Іер. 7, 16, 17. Марк. 10, 35, 38. Рим. 8, 26. 2 Кор. 12, 7, 9. Надписаніе 21 (противъ клятвы): Зах. 8, 17. Іоан. 7, 47, 49. Іак. 3, 9, 12. Рим. 3, 14, 16. Лук. 6, 27, 28. Рим. 12, 14. 2 Тим. 2, 24, 25. Іуд. 9, 10. Надписаніе 22 (противъ проклинанія ересей): Пс. 61, 4. Премудр. 16, 14. Ис. 42, 3. Мате. 13, 28, 30. Лук. 6, 23, 27. Мате. 5, 44. Лук. 9, 53, 53. Іоан. 8, 39. Іоан. 16, 2. Рим. 12, 19. 1 Кор. 6, 7, 8. Гал. 6, 1. Мате. 18, 3. Евр. 10, 28, 30. Надписаніе 23 (противъ наказанія еретиковъ смертію): 3 Езд. 1, 26, 32. Притч. 1, 16. Прем. 2, 18, 19, 21, 22. Ис. 1, 15. Ис. 59, 6, 7. Іер. 2, 30. Іер. 26, 7, 8. Псал. 4, 13. Іезек. 22, 3, 6. Іез. 33, 25, 26. Мих. 3, 9, 10. Мате. 23, 32, 35. Іоан. 9, 34. Надписаніе 24 (противъ іерархіи церковной): Ис. 3, 12. Іер. 2, 8, 13. Іер. 5, 26, 28, 30, 31. Іер. 6, 13, 14. Іер. 12, 10, 11. Іер. 22, 22. Іер. 23, 1, 2. Іер. 50, 6. Езек. 34, 3, 18, 19. Мих. 3, 5, 11. Соф. 3, 4. Зах. 11, 4, 5, 17. Мал. 2, 1, 2, 8. Рим. 16, 18. Мате. 23, 13, 23, 28. 2 Петр. 2, 1, 17, 19. Дѣян. 20, 29, 30.

начали группироваться по разнымъ губерніямъ и соединяться въ разные толки. Нѣтъ сомнѣнія, что изложеніе всего ученія Твѣритинова въ тетрадеяхъ и было причиною того, что оно не пропало безслѣдно и удобнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ученій разнеслось по народу во всѣ концы Россіи, неукорачиваемое и неискажаемое, какъ это бываетъ при всякой устной пропагандѣ... Вы видите нынѣ, что многіе тексты обрядниковъ молоканъ взяты прямо изъ тетрадокъ Твѣритинова, въ чемъ легко удостовѣриться изъ сличенія тѣхъ и другихъ. Отсюда сами собою являюся для насъ данныя къ окончательному рѣшенію вопроса о происхожденіи нашихъ молоканъ, какъ формировавшихся уже въ XVIII вѣкѣ релігіозныхъ обществъ.

Луд. 18, 19. 2 Кор. 11, 13, 15, 19, 20. Фил. 3, 18, 19, 2, 3. 2 Тим. 4, 3, 4. Надписаніе 25 (противъ іерархіи церковной): Мате. 7, 15, 16. Мате. 16, 5, 12. Марк. 7, 6, 7. 2 Петр. 13, 14. Рим. 16, 18. 2 Кор. 11, 3. 2 Тит. 3, 5, 7. Тим. 1, 13, 14. Іоан. 10, 1, 2. Гал. 1, 8. Мате. 18, 79. 1 Тим. 6, 3, 4. Апок. 2, 2, 24. Апок. 3, 9. Надписаніе 26 (противъ іерархіи): Іер. 3, 14, 15. Дѣян. 17, 18. Дѣян. 20, 24. Дѣян. 27, 22, 27. 1 Петр. 5, 2, 4. Рим. 15, 20, 16. 2 Кор. 3, 5, 6. Филип. 2, 15, 16. Ефес. 4, 1, 3. 1 Сол. 2, 7, 8. 1 Тим. 4, 12, 13. 1 Кор. 4, 12, 14. Надписаніе 27 (противъ іерархіи церковной) Мате. 20, 27, 28. Марк. 10, 44, 45. Мате. 23, 11, 12. Марк. 9, 35. Лук. 22, 25, 27. Іоан. 6, 44. Іоан. 12, 42, 43. Надписаніе 28 (противъ гоненій): Мате. 5, 10, 12. Мате. 10, 17, 18. 23, 25. Лук. 6, 22, 23. Іоан. 15, 17, 20. Іоан. 16, 2. 1 Іоан. 4, 5, 6. 1 Сол. 2, 14, 15. 1 Сол. 3, 3, 4. 1 Тим. 2, 9. 1 Тим. 3, 12. Евр. 10, 34, 35. Евр. 12, 2. Надписаніе 29 (противъ поборовъ духовенства): Дѣян. 20, 33, 35. 1 Кор. 4, 12. 1 Сол. 4, 11. 2 Сол. 3, 7, 13. 1 Кор. 9, 12, 14, 15. Филип. 4, 18. Пс. 18, 5. Апок. V, 8. Надписаніе 30 (противъ креста и крестнаго знаменія): Мате. X, 32. Лук. XIV, 27. Рим. V, 3. 1 Кор. 1, 18. 2 Кор. IV, 10, 11. 2 Кор. XI, 23, 30. 2 Кор. XII, 10. Гал. VI, 14, 17.

VII.

Молокане, какъ формировавшіяся религіозныя общества. — Родоначальники Молоканъ. — Былъ ли Уклеинъ первымъ основателемъ секты Молоканъ въ Россіи?—«Камень Вѣры» Стефана Яворскаго, направленный противъ лютеранъ и, въ частности, противъ Молоканъ. — Книга «Молоть», разбившій книгу «Камень Вѣры». — Политическое покровительство русскому религіозному рационализму. — Официальная вѣртерпимость, утвердившая политическое существованіе Молоканъ. — Духоборцы.

Вопросъ этотъ послѣ всего сказаннаго нами о началѣ и продолженіи въ Россіи религіознаго критицизма представляется намъ, такимъ образомъ, разрѣшающимся въ слѣдующемъ видѣ. Мы видѣли уже, что склонность къ критикѣ церковныхъ писаній и обрядовъ, попытки найти своимъ умомъ другія точки воззрѣнія, отличныя отъ тѣхъ, какія приняты церковью, сопоставленіе противоположностей, стремленіе къ одухотворенію церкви и пр. составляли сущность религіознаго броженія въ Россіи еще со времени ученія Богомиловъ; видѣли какъ этотъ духъ критицизма, проходя чрезъ ученіе стригольниковъ, жидовствующихъ, Башкина и Косаго и наконецъ Тверитинова, произвелъ рядъ явленій, болѣе или менѣе сродныхъ между собою въ сущности, отличныхъ въ подробностяхъ и нерѣдко противорѣчивыхъ по приложенію къ дѣлу; видѣли наконецъ и то, какъ самобытное реформаціонное движеніе русское, столкнувшись съ реформаціонными началами, развившимися на западѣ *совпало* съ этими послѣдними. До XVIII столѣтія въ лицѣ „стригольниковъ“, „жидовствующихъ“, „Башкина-Косаго“ и Тверитинова умственное броженіе это, разумѣется, не называлось еще молоканствомъ и только послѣ явленія Тверитинова, когда оно сформировалось въ отдѣльныя религіозныя общины, оно получило названіе „молоканъ“. Такимъ образомъ утверждать, что молокане произошли напр. отъ Уклеина, тамбовскаго швеца, какъ это дѣлаетъ нашъ церковный историкъ Филаретъ Черниговскій и редак-

ція „Православнаго Соборьдника“ ¹⁵⁸), также странно, какъ сказать наприимѣръ, что лютеранство произошло отъ какаго нибудь лица, которое первое въ отдѣльномъ городѣ германскомъ стало проповѣдывать начало его. Лютеранство жило еще прежде Лютера, какъ религиозный критицизмъ въ умахъ пытливыхъ, какъ протестъ противъ церковной неурядицы и несоотвѣтствующихъ духу христіанства явленій въ мірѣ церковномъ, и если назвалось „лютеранствомъ“, то совершенно случайно, по имени лица, коему суждено было дать церковную и гражданскую форму рационалистическимъ началамъ. У насъ въ Россіи не было такого лица, которое бы приняло на себя смѣлость объединить рационалистическія движенія умовъ въ формѣ всеобщаго политическаго отпаденія отъ православной церкви, и эта роль осталась по этому за мелкими учителями по разнымъ губерніямъ и мѣстамъ Россіи, называемыми обыкновенно „ересовачальниками“. Въ числѣ такихъ частныхъ проповѣдниковъ давно жившаго въ Россіи рационализма и былъ Уклеинъ въ Тамбовской губерніи.

Едновременно и даже прежде Уклеина молоканство было уже и въ другихъ губерніяхъ Россіи, хотя исповѣдники его и не назывались Молоканами, а „духовными христіанами“. За тамбовскимъ обществомъ рационалистовъ, сформированнымъ Уклеинимъ, можно оставить развѣ только первое принятіе на себя названія „Молоканъ“, сдѣлавшагося потомъ классическимъ названіемъ, но отнюдь не право родоначальничества молоканства.

А почему именно въ XVIII вѣкѣ суждено было явиться русскому рационализму уже въ видѣ сформированныхъ по разнымъ губерніямъ религиозныхъ общинъ, а не въ формѣ малораспространенныхъ идей, какъ было до XVIII вѣка, то причинъ на это было много и, между прочимъ, слѣдующія:

Мы видѣли выше, какъ Петръ I смотрѣлъ на лютеранство и, окруженный друзьями-нѣмцами, ставилъ православную церковь въ неловкое положеніе предъ напоромъ религиозныхъ идей Запада на

¹⁵⁸) Филарета Черниговскаго Исторія Русской церкви. Періодъ V. Стр. 66, 67. Прав. Соборьд. 1858 г. кн. III. стр. 44, 45, 46, 47—49.

Россію... Этими и началось XVIII столѣтіе для церкви православной! Лефортъ, другъ императора, выносивъ на своихъ плечахъ всѣхъ вѣщцевъ, бывшихъ тогда въ Россіи, и ихъ пропаганду. Въ царствованіе Анны Ивановны Виронъ, Минихъ и Остерманъ до того равностно содѣйствовали распространенію въ Россіи протестантизма, что не позволяли даже возвышать противъ него голосъ пастырямъ церкви русской... На это горько жаловались православные проповѣдники: Амвросій Юшкевичъ, Дмитрій Сѣченовъ и Кирилль Флоринскій¹⁵⁹); но жаловались не прежде, какъ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, ибо тайная канцелярія до того времени налагала на ихъ уста печать молчанія. Тогда, по свидѣтельству Сѣченова, великое гоненіе было на защитителей православія, на священныхъ тайныхъ служителей и чинъ духовный! Архіереевъ, священниковъ, монаховъ мучили, мазнили и разстрѣгали; непрестанныя почты развозили и водою, и сухимъ путемъ монаховъ, священниковъ и людей благочестивыхъ въ дальніе сибирскіе города: въ Охотскъ, Камчатку, Оренбургъ. Пастыри не смѣли и устъ отверзти. Приливъ ученія лютеранскаго въ Россію съ XVIII столѣтія такъ былъ великъ, что, соединясь съ бывшими доселѣ въ Россіи религиознымъ своемысліемъ, оно распространилось по всѣмъ слоямъ общества. Стефанъ Яворскій написалъ цѣлыхъ три тома противъ этого рационализма, значить, въ частности, и противъ Молоканъ и назвалъ его „Камень Вѣры“. Изданіе его раскупилось въ одинъ годъ и въ 1729 году оно начато было во второй разъ, а чрезъ годъ и въ третій. Книга „Камень Вѣры“ впервые систематически ознакомила русскихъ съ систематическимъ рационализмомъ Запада. Интересъ къ ней увеличился еще въдесятеро, когда въ Россіи появилось отъ имени Буддея посланіе къ другу въ Москву противъ автора ея, Стефана Яворскаго, а еще болѣе, когда явилась книга „Молоть“ на Камень Вѣры, отъ которой окончательно многіе умы въ противную сторону... Время было такое, что Теофану Прокоповичу, стоявшему болѣе или менѣе во главѣ тогдашняго духовенства, не нравились уже „Камень Вѣры“ и апо-

¹⁵⁹) См. И. Сянгирова Истор. Лютер. въ Москвѣ.

людія его, писанная Теофилактомъ Лопатинскимъ ¹⁶⁰⁾, такъ что Теофилактъ тогда же (1730 г.) исключень былъ изъ числа членовъ синода и отосланъ въ Тверь ¹⁶¹⁾. По настоянію Бирона, распространенный уже въ трехъ изданіяхъ „Камень Вѣры“ былъ наконецъ запрещень, что окончательно привело въ смущеніе тогдашнее общество, тѣмъ болѣе, что запрещеніе его состоялось не безъ вѣдома высшей власти, слѣдовательно тайное покровительство религиозныхъ идей, опровергаемыхъ въ Камнѣ, нисходило свыше ¹⁶²⁾. Исповѣдниковъ религіознаго раціонализма уже не смѣли называть „еретиками“, какъ до этого времени, а еще менѣе судить на соборахъ. Нетрудно понять, что въ это благоприятное время сотни пропагандистовъ разнесли новое ученіе по всѣмъ губерніямъ Россіи и дали прочное основаніе молоканству. Мѣстнымъ епископамъ было уже не до борьбы противъ развивавшагося раціонализма, когда напр. самаго кievскаго митрополита Варлаама Вонатовича, за одно изданіе „Камя Вѣры“ безъ позволенія, призвали въ тайную канцелярію и отравили въ Бѣлозерскій монастырь лишеннымъ сана, а Теофилакта ни за что, ни про что строго допрашивали въ той же канцеляріи по первымъ тремъ пунктамъ государственнымъ, три мѣсяца тайно держали со служителями подъ стражею ¹⁶³⁾, подымали три раза на вышку и столько же наказывали батогами безъ рубахи ¹⁶⁴⁾ и наконецъ, объявивъ лишеннымъ сана и монашества, заперли въ Петропавловскую крѣпость. Въ Петербургѣ, Москвѣ и по губерніямъ на видныхъ мѣстахъ были протестанты, изъ-за которыхъ какъ высшее, такъ и низшее духовенство не смѣло высказать голоса противъ развивавшагося все болѣе и болѣе религіознаго раціонализма. И не одинъ Теофилактъ Лопатинскій умеръ

¹⁶⁰⁾ Записки учителя Евдокимова о преосвященномъ Теофилактѣ.

¹⁶¹⁾ Показаніе Маевского въ авг. 1730 г. См. Ист. Церкви Филар. Чернигов. Цер. V. стр. 57.

¹⁶²⁾ Штраленбергъ говоритъ, что запрещеніе состоялось по приказанію герцога Бирона, лютеранина. См. Description de la Russie Amsterdam. 1757 T. II. p. 58.

¹⁶³⁾ Записки Евдокимова.

¹⁶⁴⁾ Ваятышъ-Каменскаго Словарь достоп. людей T. III. стр. 624.

страдальцемъ за противодѣйствіе лютеранству и ревность о православіи!.. Сильвестръ Казанскій, ревнитель православія, былъ отрѣшенъ 3 декабря 1731 г. Левъ, епископъ воронежскій, лишенъ сана въ 1730 г. Георгій Дашковъ, архіепископъ ростовскій, и Игнатій Смола, епископъ коломенскій, въ 1730 г. лишены сана, Иларіонъ Черниговскій отставленъ въ 1738 г., а Варлаамъ Псковскій въ 1739 г. Досифей Курскій отрѣшенъ былъ въ 1736 г. Мельхиседекъ, архимандритъ Воскресенскій, лишенъ священства въ 1736 г. и пр.

Чтобы унижить духовенство, противодѣйствовавшее введенію лютеранства въ Россіи, и лишить его довѣрія и почета въ глазахъ народа, Биронъ въ 1736 году истребовалъ повелѣніе отдать въ военную службу всѣхъ дѣтей духовнаго званія, за исключеніемъ малолѣтнихъ и учащихся, отдать туда же причетниковъ и служителей церковныхъ, вслѣдствіе чего до сент. 1737 г. отдано было въ солдаты духовныхъ лицъ 6557—¹⁶⁵) въ 1737 г. сдѣланъ былъ другой наборъ въ томъ же видѣ, съ назначеніемъ всѣхъ отъ 15 до 40 лѣтъ ¹⁶⁶).

И въ 1739 г. только въ однѣхъ четырехъ епархіяхъ оказалось недостающихъ духовныхъ лицъ до 1300 чезовѣвъ! Во многихъ церквахъ не было ни священниковъ, ни діаконъ и выборы дѣлать было не изъ кого; храмы стояли запертыми ¹⁶⁷). Петръ III въ свое царствованіе обнаруживалъ тоже особенное пристрастіе къ нѣвцамъ и лютеранству ¹⁶⁸), такъ что православная церковь наша объявлена Екатериною II въ манифестѣ своемъ ¹⁶⁹) крайне уже подверженною опасности перемѣною древняго въ Россіи православія и принятіемъ иновѣрнаго (т. е. лютеранскаго) закона. Но Екатерина II при всемъ своемъ покровительствѣ православію не могла уже уничтожить посѣяннаго въ пытливыхъ умахъ, потому что хо-

¹⁶⁵) Собр. Зак. Ук. 28 сент. 1736 (№ 7070) 13 янв. и 5 марта 1737 г.

¹⁶⁶) Собр. Зак. Ук. 7 сент. 1737 (№ 7364).

¹⁶⁷) Истор. Русс. Церк. Филарет. Чернигов. Періодъ V, стр. 120.

¹⁶⁸) См. Исторію Лютер. Церкв. въ Москвѣ И. Снегирева.

¹⁶⁹) Маниф. Екат. 1762 іюля 2.

тѣла царствовать по-европейски. Инквизиціи императрица не признала приличною для Россіи и объявила свободу вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ весь XVIII вѣкъ, сначала покровительствовавшій рационализму русскому, а потомъ освященный официальною вѣротерпимостію, давалъ политическую возможность явиться молоканству нашему въ формѣ отдѣльныхъ и сформированныхъ религіозныхъ обществъ!..

Вотъ въ какомъ видѣ представляется намъ вопросъ о происхожденіи Молоканъ въ Россіи! Теперь перейдемъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи Духоборцевъ.

VIII.

Время образованія въ Россіи Духоборцевъ. — Существованіе духоборчества до XVIII вѣка въ формѣ религіознаго рационализма вообще. — Мистицизмъ смесца Квирина Бульмана въ Москвѣ. — Мистики Данилъ Филиповъ, Иванъ Тимофеевъ Сусловъ. — Лже-Христось Прокопій Лукинъ съ 20 Апостолами. — Отношеніе Духоборцевъ къ Хлыстамъ, Людямъ Божиимъ и проч. — Отличительные пункты ученія Духоборцевъ. — Отношеніе Духоборцевъ къ квакерамъ. — Условія, при которыхъ квакерство могло породить Духоборцевъ. — Квакерство не единственный источникъ происхожденія Духоборцевъ.

До XVIII вѣка въ Россіи не было ересей кромѣ рационалистическихъ, черезъ рядъ коихъ *религіозный критицизмъ* прошелъ какъ чрезъ разныя ступени и послѣ Тверитинава разлился окончательно въ формѣ молоканства по Россіи... Идеи духоборчества, не называвшагося еще тогда этимъ именемъ, выражались въ томъ же самомъ рационализмѣ и, говоря вообще, молоканство и духоборчество, какъ ученія сходныя въ принципахъ, жили сначала нераздѣльно и только въ XVIII вѣкѣ развѣтвились на два древа, изъ которыхъ первое возростило Молоканъ, а другое Духоборцевъ и другія наши мистическія севты. Въ молоканствѣ религіозный рационализмъ, зрѣвшій въ продолженіе вѣселекихъ вѣковъ въ Россіи, остался въ чистомъ видѣ, и они

покончили тѣмъ, что библію и разумъ положили въ основу религіи; у Духоборцевъ же русскій религіозный раціонализмъ смѣшался съ мистицизмомъ Запада и образовалъ какую-то смѣсь раціонализма съ мистикой квакеровъ, анабаптистовъ, меннонитовъ и т. п. сектъ.

Намъ, такимъ образомъ, предстоитъ теперь указать то время, когда произошло смѣшеніе русскаго религіознаго раціонализма съ западною мистикой, или, иначе сказать, назвать время образованія у насъ въ Россіи Духоборцевъ.

Отличительнымъ характеромъ ученія духоборческаго является особое откровеніе отъ св. Духа; мысль о внутреннемъ совершенствѣ духа есть главная основа догматическаго и нравственнаго ихъ ученія. Понятно, что мистицизмъ, слившись съ раціонализмомъ, долженъ былъ произвести своего рода смѣсь, къ которой всё бывшія доселѣ въ Россіи ереси не имѣютъ прямого отношенія. Кто же занесъ къ намъ въ Россію элементъ мистицизма? Наши памятники какъ церковные, такъ и гражданскіе, указываютъ какъ на первое ученіе съ характеромъ мистическимъ на силезца Бвиртна Кульмана, сожженнаго въ концѣ XVII стол. въ Москвѣ ¹⁷⁰⁾. Тогда же установлены были и предосторожности при пропускѣ иноземцевъ въ Россію. Кульманъ, какъ послѣдователь ученія Бема ¹⁷¹⁾, училъ, между прочимъ, что Иисусу Христу должно еще однажды придти въ міръ въ видѣ пророка, съ великими знаменіями и чудесами, обратитъ всѣхъ людей на путь истинный и ввести съ собою въ свое царство: Духоборцы тоже проповѣдуютъ не видѣнное и видимое пришествіе Иисуса Христа въ міръ, а внутреннее и современное снисхожденіе его въ душу каждаго человѣка ¹⁷²⁾.

¹⁷⁰⁾ Сожженіе учинено 1689 г. См. Первое Пол. Собр. Законовъ Томъ III № 1358.

¹⁷¹⁾ Бемъ (Яковъ. Böhm), бывшій пастухъ въ Лузаціи, начитавшись Библіи и сочиненій Парацельса, считалъ себя за вдохновеннаго, рассказывалъ о нѣсколькихъ своихъ восхищеніяхъ Божествомъ и написалъ множество сочиненій, будто бы по побужденію внутренняго свѣта...

¹⁷²⁾ О духоборцахъ соч. Новицкаго. Опыт. упражненій воспит. Кіев: Дух. Акад. стр. 11. въ Сиб. Муз. Библіотекѣ.

Булманъ, какъ мистикъ, былъ, конечно, прямымъ родоначальникомъ и сектантовъ, извѣстныхъ у насъ подъ именемъ „Людей Божьихъ“.

Булманъ породилъ между прочимъ Божьяго человѣка Данила Филиповича (бѣглый солдатъ), именовавшаго себя открытымъ Богомъ и обвинявшаго Ивана Тимоѣевича Сулова Сыннемъ Христомъ. Суловъ жилъ въ дѣввою, которую называлъ „Богородицѣю“ и дочерью Бога, избралъ себѣ изъ слушателей своихъ 12 апостоловъ и ходилъ съ ними по берегамъ Оки и Волги для распространенія ученія своего. Въ селѣ „Работкахъ“, ниже по Волгѣ, въ ветхой и пустой церкви собиралъ онъ своихъ слушателей на моленія и принималъ отъ нихъ поклоненія. Прибывши въ Москву, онъ умеръ въ 1716 г. передавъ званіе Христа Прокопію Лубкину. Спустя немого времени нѣкто Карауловъ донесъ, что въ Москвѣ имѣются четыре дома, гдѣ чинятся непотребства и куда собираются въ правдники по ночамъ разныхъ чиновъ люди, старцы, и проч., изъ которыхъ некоторые избираются начальниками и садятся въ переднихъ мѣстахъ, а другіе по лавкамъ и, приходя къ нимъ, кланяются въ землю, пѣлуютъ у нихъ руки, собираютъ для нихъ деньги, а иные пророчествуютъ. По этому доносу открыто 78 человекъ и одна начальница изъ московскаго дѣвичьяго монастыря, старца Настасья, еще двѣ старицы и старикъ, которые предъ-щали людей пророчествами, а вмѣсто причастія св. Тайнъ подавали раздробанный кусками хлѣбъ, изъ стакана же давали пить квасъ и воду.

Лубкинъ (стрѣлецъ), признавъ жену свою за Богородицу и собравъ 20 апостоловъ изъ среды своихъ учениковъ, распространялъ мистическое ученіе свое по губерніямъ: Нижегородской, Владимирской, и Ярославской и въ іюль 1716 г. былъ пойманъ съ апосталами въ Угличѣ, но какъ-то освобожденъ отъ суда и жить потомъ въ Москвѣ до 1732 г. Вдохновенная ученица его Агафія Карповна основала общество въ Веневѣ въ 1713 г., захваченное въ 1724 г. и отпущенное потомъ за деньги изъ Коломенской консисторіи секретаремъ ея...

Мистики-сектаторы обязывались клятвою не выдавать другъ друга и своихъ тайнъ и, стараясь получить божественное вдохновеніе, вертѣлись, прыгали, махали руками, въ томъ образѣ, яко

ангелы крылами, били себя во время иласски палками, отчего нѣкоторые дѣйствительно приходили въ иступленіе. По ученію ихъ человѣкъ можетъ дойти до состоянія таинственнаго воскресенія разными способами богоугожденія и таинственной смерти, и тогда самъ Богъ вселяется въ него и дѣйствуетъ въ немъ по своему обѣтованію: вселяюся въ нихъ и похожду (II Корин. VI гл. 16 ст.).

Такое духовное похождение Божіе мистики-сектаторы и снискивали себѣ радѣніемъ, и вотъ сложилось такимъ образомъ ученіе о личномъ самобоготвореніи, отчасти сходное съ пантеистической системой обоготворенія человѣка... Они не старались, согласно съ ученіемъ Христовымъ, вообразить въ себѣ духъ Христовъ, но отлесаить въ себѣ личность Христа; иступленіе называли вторымъ крещеніемъ, а первое крещеніе считали ненужнымъ: они отвергали тайну брака и евхаристіи и вмѣсто причастія раздавали свой хлѣбъ ¹⁷³). Своимъ мистическимъ ученіемъ они многихъ увлекли, и между прочимъ ростовскаго епископа Досифея, который, по снѣтѣи съ него архіерейскаго сана, названъ Демидомъ ¹⁷⁴), и въ присутствіи самого Петра I, на Красной площади въ Москвѣ, преданъ мучительной казни: у него былъ кнѣзями палачей разорванъ животъ на части ¹⁷⁵). По рѣшенію верховнаго совѣта, 116 сектаторовъ, въ томъ числѣ одинъ шведъ, наказанные кнутами, посланы были въ разные мѣста Сибири, а распространители вдохновеннаго мистицизма, пророчица и богородица Агаѣя Карповна, пророки: Ѳеодоръ Муратовъ и Тимофей Струковъ казнены смертью ¹⁷⁶). Сусловъ былъ судимъ потомъ, какъ увѣряли его послѣдователи, и даже распятъ у Спасскихъ воротъ; но будто воскресъ и вознесся во славу въ отцу своему Даниилу Филипповичу ¹⁷⁷). Между тѣмъ извѣстно, что Дубкинь погребенъ былъ въ мо-

¹⁷³) Ист. русс. церк. Филар. Чернигов. Періодъ V. стр. 61.

¹⁷⁴) Истор. росс. іерарх. 1. стр. 122 — 123. Стат. И. Смигирева стр. 325 въ Прав. Обзор. 1862 г. кн. VIII.

¹⁷⁵) Тамъ же.

¹⁷⁶) Истор. русс. церк. Филар. Чернигов. пер. 8, стр. 61.

¹⁷⁷) См. стат. И. Смигирева стр. 325 о Сусловѣ и Дубкинь.

сковскомъ Ивановскомъ монастырѣ около Сулова, а когда могили ихъ стали привлекать поклонниковъ, то въ 1739 г. октяб. 15 указомъ государыни повелѣно было палачамъ выкопать ихъ кости и выбросить за городъ на поле, а можетъ статься и совершить надъ ними такую же посмертную позорную казнь, какую совершилъ Василій Шуйскій надъ трупомъ Лже-Дмитрія, Петръ I надъ прахомъ Милославскаго, т. е. смѣчь ихъ трупы и пещель развѣять по вѣтру ¹⁷⁸). Спустя 7 лѣтъ послѣ Дубкина явился въ Москвѣ новый Лже-Христосъ, Андрей Петровъ, казавшійся чудивнымъ ¹⁷⁹).

Но отъ всѣхъ этихъ вдохновенно-скачущихъ мистическихъ брожений Духоборцы едва ли могли родиться непосредственно, какъ потому, что въ нихъ сектѣ господствуетъ рационализмъ, сходный съ рационализмомъ молоканскимъ, такъ и потому, что Духоборцы къ скачущимъ и бичующимся мистикамъ, явившимся въ это время подъ именемъ „Людей Божіихъ“, Хлыстовъ, Скопцовъ и проч., относятся съ презрѣніемъ...

Вѣрнѣе всего допустить, что духоборческая секта хоть и образовалась изъ одного источника съ „Хлыстами“, „Людьми Божіими“ и т. под., но образовалась самобытно, своею особою дорогою, въ болѣе строгой, послѣдовательной, рациональной формѣ ¹⁸⁰). Что квакеры были тогда въ Россіи со своею пронагандою, это мы видимъ изъ памятниковъ того времени. Такъ въ 1743 г. предписано было строго наблюдать, чтобы православные не были вовлекаемы въ квакерскую ересь, а коммисія 1745 года открыла во внутреннихъ губерніяхъ до 600 послѣдователей квакерства. Но духоборчество на-

¹⁷⁸) Тамъ же, Русс. старина А. Мартынова, годъ 2. 1857 г. стр. 12.

¹⁷⁹) Румор. о Хлыстахъ въ Истор. русс. церк. Филар. Чернигов. Цер. 8. стр. 62. Примѣч.

¹⁸⁰) Считаю нужнымъ оговориться здѣсь, что сужденія наши о всѣхъ сектахъ относятся только къ XVIII вѣку, когда онѣ еще сохраняли свою послѣдовательность. Впослѣдствіи и духоборчество, и молоканство при разныхъ обстоятельствахъ уклонялись со своихъ прямыхъ дорогъ при помощи разныхъ вожаковъ своихъ и потому догматика и нравственное ученіе ихъ получали иногда другой характеръ.

не отнеслось къ квакерству критически и, сохранивъ разцѣпленность, возросшій до XVIII столѣтія на русской почвѣ, заимствовалося отъ квакерства только мыслью о внутреннемъ совершенствѣ Духа и вѣрою во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога-Слова, обитающаго въ душѣ каждаго человѣка; все различіе дукоборчества отъ молоканства заключалось въ XVIII вѣкѣ, въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) По ученію Духоборцевъ Богъ единъ въ Троицѣ: Отецъ—намятъ, Сынъ—умъ, Духъ Святый—воля; 2) Иисусъ Христосъ, если смотрѣть на него въ ветхомъ завѣтѣ, былъ по своему божеству ничто иное, какъ премудрость, одѣвшаяся въ натуру, а въ новомъ завѣтѣ онъ—духъ боголюбія и цѣломудрія во плоти. Какъ историческое лице Христосъ лучший человѣкъ, которому иные могутъ и равняться. Искушеніе его, какъ историческаго лица, немислимо, и страданіе его только примѣръ страданія левиаго. Онъ и понынѣ рождается, проповѣдуетъ, страдаетъ, умираетъ и воскресаетъ духовно въ сердцѣ каждаго вѣрующаго; 3) для спасенія нашего необходимо имѣть внѣшнее познаніе объ Иисусѣ Христѣ, ибо есть внутреннее слово, научающее объ немъ человѣка во глубинѣ души его, и священное писаніе, какъ внѣшнее слово, обращаетъ умъ нашъ къ внутреннему учителю Христу; 4) душа человѣческая существовала и пала до сотверенія видимаго міра на высотѣ, а грѣхъ Адамовъ есть грѣхъ личный; 5) всѣ люди равны по Христу, клевета и война—преступленіе. Царь и архіерей такіе же люди, какъ и всѣ; 6) іудеи, магометане и язычники могутъ спастись тѣмъ же внутреннимъ словомъ, живущимъ въ нихъ, какъ и христіане. Затѣмъ во всемъ остальномъ, какъ напримѣръ въ ученіи о поклоненіи Богу въ духѣ и истинѣ, о церкви, объ обрядахъ ея, о таинствахъ, объ іерархіи церковной, о преданіи и соборахъ, объ иконахъ, о почитаніи святыхъ и мощей, о цѣстахъ и проч., Духоборцы положительно сходятъ съ Молоканами. Различіе въ послѣднемъ случаѣ состоитъ развѣ только въ томъ, что Молокане свои отрицанія основываютъ на самомъ священномъ писаніи, а духоборческія отрицанія выводятся изъ принциповъ... Впрочемъ Молокане и Духоборцы при всемъ видимомъ небольшомъ отличіи другъ отъ друга имѣютъ между собою вражду. Когда Молокане Тамбовской губерніи должны были поселиться (въ 1803—1805 г.) въ Мо-

личной рѣвѣ“, то Духоборцы и руками и ногами начали обороняться противъ того, чтобы эти *духовные полубратья* ихъ не приходили въ близость съ ними...

Что духоборческая секта могла выродиться изъ столкновения русскаго рационализма съ мистицизмомъ квакеровъ, въ этомъ мы въ некоторомъ образѣ убѣждаемся при сличеніи ученія квакеровъ съ заимствованнымъ ученіемъ Духоборцевъ. Въ своихъ сужденіяхъ объ Иисусѣ Христѣ, объ оправданіи вѣрою, о внутреннемъ словѣ, о будущемъ воскресеніи и въ правилахъ нравственности Духоборцы положительно повторяютъ квакеровъ. Основы ученія квакеровъ заключаются какъ извѣстно въ слѣдующемъ: а) единственнымъ источникомъ познанія христіанской вѣры служить, по ихъ убѣжденію, непосредственное внутреннее откровеніе въ каждомъ человѣкѣ: Св. Духа, внутреннее слово, и въ душѣ каждого человѣка, по мнѣнію ихъ, есть нѣкоторая частица того ума и пренудрости, которую самъ Богъ имѣетъ и которая и называется внутреннимъ словомъ, внутреннимъ Христомъ, дѣйствіемъ Св. Духа и проч.; б) религія, по ученію квакеровъ, заключается въ томъ, чтобы внимать поставленіемъ сего внутренняго слова. Она должна требовать отъ человѣка только того, чтобы онъ отвлекалъ мысль свою отъ всего внѣшняго, ослаблялъ силу чувствъ и съ крайнимъ вниманіемъ вглядывалъ самъ въ себя, чтобы такимъ образомъ услышать, что говоритъ ему внутреннее слово, Христесъ, или Св. Духъ; в) священное писаніе есть слово внѣшнее и не можетъ освѣтить человѣка, потому что оно есть не болѣе какъ мертвая буква, но полезно потому, что изводитъ духъ къ внутреннему слову въ училище Христа, сокровениаго въ сердцѣ. Оно не указываетъ намъ истиннаго пути къ спасенію, но обращаетъ умъ къ внутреннему слову; г) не имѣющіе внѣшняго слова магометане, іудеи и язычники не имѣютъ только пособія, а не самаго пути къ спасенію и для достиженія спасенія нѣтъ нужды быть христіаниномъ во внѣшности. Посему весь родъ человѣческій, по ученію квакеровъ, есть общество (сiuitas) Христова и іудеи, магометане и язычники могутъ спасаться внутреннимъ словомъ, живущимъ въ нихъ; а чтобы получить это озареніе, необходимо строжайшее внутреннее самоуглубленіе и внутренняя борьба духа съ силами тьмы; д) внѣшній дѣла, заслу-

ги Иисуса Христа и всю евангельскую исторію скорѣе можно принимать духовно, какъ понятіе о внутреннемъ Христѣ, его таинственномъ духовномъ рожденіи, страданіи въ смерти и воскресеніи въ человѣческомъ сердцѣ; е) вслѣдствіе, даже и женщина, какъ скоро чувствуетъ озареніе внутренняго слова, можетъ учить другихъ; посему въ церкви можно не имѣть клира и іерархіи и поклоненіе духовному Христу и Богу, какъ духу, должно быть скорѣе духовное; ж) нельзя думать, учать квакеры, чтобы по извѣщеніи душъ нашихъ изъ темницы нашего тѣла воскресли когда нибудь сіи тѣла, и сіе воскресеніе надобно понимать скорѣе духовно; з) всѣ люди равны, а потому квакеры не даютъ присяги властямъ и отказываются отъ военной службы, потому въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ ихъ живетъ нынѣ болѣе 300,000 человѣкъ, вмѣсто присяги довольствуются ихъ словомъ, а вмѣсто рекрутства они платятъ особня повинности; и) въ жизни квакеры воздержны до строгости и, чтобы ослабить власть тѣла надъ душою, отказываютъ себѣ во всемъ, что льститъ человѣческимъ чувствамъ, и умѣряютъ вкусъ ко всѣмъ удовольствіямъ. Отсюда произошли суровость ихъ въ образѣ жизни, простота въ одеждѣ, умѣренность въ пищѣ, отсутствіе привѣтствій во множественномъ числѣ на *вы* и неснижаніе шляпы предъ кѣмъ бы то ни было и т. п. ¹⁸¹⁾.

Въ послѣднемъ случаѣ наши Духоборцы повторяютъ квакеровъ, ибо наши слѣдствія и дѣла официальные о Духоборцахъ исполнены фактами неснижанія шляпки ими ни предъ исправникомъ, ни предъ становымъ, ни предъ губернаторомъ. Замѣчательно, что какъ квакеры, такъ и наши Духоборцы по трудолюбію и нравственности лучшіе подданные въ государствахъ; какъ тѣ, такъ и другіе извѣстны своимъ практическимъ умомъ, направленнымъ къ ремесламъ и торговлѣ, оттого тѣ и другіе вездѣ богаты.

Но квакерство, повторимъ мы, не могло привиться къ русскому человѣку само собою вдругъ, еслибы не нашло себѣ готовой подготовки къ рационализму, разлившимся до XVIII вѣка широкими потоками по Россіи... Квакерство естественно только удачно со-

¹⁸¹⁾ См. Энциклопед. Словарь Брайля. Кн. VI. стр. 629.

знало съ жившими уже давно во многихъ умахъ русскихъ вольнодумствомъ и потому скоро нашло слушателей себѣ въ нихъ и русскіе презелиты квакерства были всѣ исключительно рационалисты, послѣдніе преемники послѣдняго слова Тверитинова, иначе презелиты эти не имѣли бы внутренней силы отнестись критически къ квакерству, а прямо приняли бы его за чистую монету и при той несообразности и невѣжествѣ, которыя господствовали въ массахъ нашего народа въ началѣ XVIII столѣтія, образовали бы не духоборческую рационалистически-мистическую секту, а прямо мистическую; что и случилось на примѣръ, съ Хлыстами, Скопцами, Людми Божими и т. п., которые, по всей вѣроятности, суть непосредственное порожденіе проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой рационализмомъ... Законъ общій, что новое ученіе религіозное тогда только принимается во всякомъ обществѣ, когда приходится по вкусу многихъ; безъ этого условія оно обыкновенно пропадаетъ навсегда, а если и рождается что нибудь, то нѣчто въ родѣ недоноска, урода и пр. ¹⁸²⁾). Идеи Лютера, на примѣръ, потому и восторжествовали, преобразовали европейскую жизнь, что пали на готовую почву...

IX.

Мѣсто происхожденія Духоборцевъ. — Москва и Украйна, какъ пункты первоначальнаго явленія Духоборцевъ. — Первые проповѣдники духоборчества. — Духоборцы, допрошенные въ С.-Петербургѣ въ Александроневской лаврѣ. — Темныя понятія Духоборцевъ о своемъ происхожденіи. — Мнѣніе Гакстгаузена о происхожденіи Духоборцевъ. — Время образованія Духоборцевъ въ Россіи по свидѣтельству нѣмецкаго историка Фатера. — Посѣщеніе квакерами Мелитопольскихъ Духоборцевъ.

О мѣстѣ, гдѣ первоначально произошло соединеніе религіознаго рационализма русскаго съ мистицизмомъ квакеровъ, сказать опредѣ-

¹⁸²⁾ От. Записки 1862 года. Томъ 145. Ст. Альбертина.

лительно трудно, за недостаткомъ историческихъ памятниковъ, хотя и можно полагать, что этимъ мѣстомъ была Москва, а потомъ одновременно, или вскорѣ за симъ, Украина. Въ Москвѣ съ самаго начала XVIII столѣтія (1709 г.) появились впервые мнѣнія соцініанъ, анабаптистовъ, кальвинистовъ и проч.; въ Москвѣ наконецъ сказано было послѣднее слово рационализма русскаго въ лицѣ Тверитинова, ученики котораго здѣсь находились въ самомъ большомъ количествѣ. Въ Москвѣ жили и стрѣльцы, искони извѣстные гражданскимъ и религіознымъ вольномыслиемъ. Стрѣлецъ Лупкинъ явился напр. однимъ изъ первыхъ представителей усвоеннаго *на русскій ладъ* мистицизма... Въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны 1733 г., время, на которое указываетъ и нѣмецкій историкъ Штраль, какъ на начало явленія Духоборцевъ въ Москвѣ, существовало духоборческое ученіе въ Москвѣ уже не какъ что-либо новое, а какъ выраженіе того, что уже было... Изъ Москвы стрѣльцами, торговыми людьми и просто ревностными пропагандистами, духоборчество конечно перенесено пражде всего въ Украину, гдѣ оно возрасло свободнѣе, укрываясь отъ своихъ гонѣній. Изъ Украины естественно разливалось оно и въ другія мѣста Россіи. Нѣтъ до крайней мѣрѣ памятниковъ, которые указывали бы на появленіе Духоборцевъ въ другомъ мѣстѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ и въ Украинѣ. Въ Украинѣ, и именно въ Харьковской губерніи, еще до 1740 г. въ селѣ Охочемъ жило одно лице, называвшее себя унтеръ-офицеромъ, которое снискало себѣ общее довѣріе проповѣдью. Это былъ проповѣдникъ вновь образовавшагося духоборчества. Въ сходахъ крестьянъ онъ рѣшалъ ихъ недоумѣнія и подавалъ имъ совѣты; въ частныхъ неудовольствіяхъ примирялъ. Опітнѣйшій другъ, безпристрастный судья, человекъ этотъ до конца своей жизни перемѣнялъ свое мѣстопробываніе по разнымъ домамъ, помогая всякому то дѣломъ, то словомъ; образъ жизни этого страннаго лица былъ согласенъ съ духомъ ученія квакерскаго. Было мнѣніе, что секта духоборческая первоначально образовалась въ Тамбовской губерніи подъ именемъ „Молюкавъ“, и отсюда уже распространилась въ другія мѣста Россіи, посылая въ Малороссію своихъ проповѣдниковъ. Но несостоятельность этого мнѣнія доказывается уже тѣмъ, что Духоборцы въ 1802 году, привезенные въ Петербургъ

и допрошенные въ Александро-Невской Даврѣ о первоначальномъ происхожденіи своей секты, указали прямо на Малороссію, откуда, говорили они, пріѣзжали въ намѣ въ Тамбовскую губернію разными лицами и приносили намѣ это ученіе. Остается послѣ этого справедливымъ, что Духоборцы тамбовскіе выраждались между прочимъ и изъ Молоканъ. Духоборчество всюду по Россіи выраждалось изъ Молоканъ и переходы отъ духоборчества къ молоканству и изъ молоканства въ духоборчество совершалось часто. Сами Духоборцы впрочемъ положительнаго ничего не знаютъ о мѣстѣ своего происхожденія. Разсѣянные по всей Россіи и незнакомые съ исторіей, они не сохранили вѣрнаго извѣстія о началѣ своей секты и нѣкоторые изъ нихъ производятъ начало своей секты даже отъ трагъ отроковъ въ огненной печи, упоминаемыхъ у пророка Давидъ: Аванія, Азарія и Мисаила (Дан. Гл. III), которые незахотѣли поклониться образу Навуходоносорову...

По самой сущности и происхожденію своему, Духоборцы явились у себя въ разныхъ губерніяхъ главъ или родоначальниковъ и предводителей духоборчества, коихъ мы можемъ разсматривать не болѣе, какъ мѣстныхъ пропагандистовъ, каковыми являлись и были между екатеринославскими Духоборцами нѣкто Сидуанъ Колесниковъ, между харьковскими тайнственный утеръ-офицеръ, между тамбовскими однодверецъ Иларіонъ Побирохинъ и т. д.

При тогдашнихъ же гоненіяхъ ученіе духоборческое и не могло имѣть ни одной главы, ни даже большихъ сформированныхъ обществъ. Даже Петръ I, смотрѣвшій сквозь пальцы на приливъ лютеранства, никогда не терпѣлъ квакеровъ и прочихъ мистиковъ, и поэтому духоборчество распространялось болѣе тайно по городамъ и селамъ; коммерческія же и другія житейскія сношенія представляли къ тому самыя частыя случаи. Вотъ почему мы и встрѣчаемъ на примѣръ свѣдѣнія въ родѣ слѣдующихъ: что живущимъ близъ Азовскаго моря духоборчество было проповѣдано какимъ то господскимъ человекомъ, пришедшимъ изъ Россіи и достигнувшимъ тамъ глубокой старости. Духоборчество почти одновременно распространилось въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ и въ Землѣ Донскихъ Казаковъ, въ губерніяхъ Тамбовской, Саратовской, Воронежской, Курской, Калужской и Астраханской, въ Финляндіи и

на островъ Эзелѣ; явилось наконецъ въ Иркутскѣ и даже въ Камчаткѣ ¹⁸³). Духоборцы XVIII вѣка увѣрили, что многіе изъ ихъ братьевъ находятся въ Германіи и Турціи, но что въ Германіи она больше гонимы, чѣмъ между магометанами. Ясно, что общество Духоборцевъ до половины XVIII столѣтія было общество разсѣянное по всей Россіи и едва ли гдѣ составляло изъ себя цѣлыя селенія. Ученый германскій путешественникъ, Гаксттаузонъ полагаетъ, что секта духоборческая явилась *послѣ молочанства самостоятельно* въ разныхъ мѣстахъ Россіи и съ равными отѣнками ученія. Далѣе нѣмецкій историкъ Фатеръ относитъ время образованія Духоборцевъ въ Россіи, какъ общество религиозныхъ, къ началу второй половины XVIII вѣка ¹⁸⁴). Разрозненность Духоборцевъ была причиною того, что секта разбилась потомъ на разные толки и при необразованности русскаго народа удалялась впослѣдствіи отъ первоначальнаго своего источника все болѣе и болѣе, такъ что напр. когда въ 1816 и 1817 годахъ прибывшіе въ Россію къ своимъ близкимъ братьямъ по вѣрѣ квакеры Лиманъ изъ Англіи и Драйтъ изъ Пенсильваніи посѣтили, съ дозволенія императора Александра I-го, колоніальскихъ Духоборцевъ, то не узнали ихъ... Когда былъ устроенъ начальникомъ меновійскихъ поселеній религиозный диспутъ, то на рѣшительный вопросъ квакеровъ:—вѣруете-ли вы въ Бога и Сына Божія? Духоборцы отвѣчали: мы вѣруемъ, что Христосъ былъ добрый человекъ, и ничему больше ¹⁸⁵! Квакеры, закрывши глаза рукою, воскликнулъ: тьма!... И вскорѣ потомъ квакеры уѣхали.

¹⁸³) Новичкаго о Духоборцахъ. стр. 16 Haxthausen Studien ueber Russland. Band, 1.

¹⁸⁴) Allgemeine Geschichte der Christlichen Kirche von Vater. Гл. VII стр. 340.

¹⁸⁵) Haxthausen Studien ueber Russland, Band. 1.

Х.

Происхождение названія Духоборцевъ.— Объясненіе этого названія.— Амвросій и Гакстгаузенъ.— Наименованіе Духоборцевъ и Молоканъ щельниками, Франкъ-Массонами и Иконоборцами, — Происхождение названія «Молоканъ».

Теперь, покончивъ съ общимъ вопросомъ о происхожденіи Молоканъ и Духоборцевъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о происхожденіи названія этихъ сектъ. Наименованіе нашихъ русскихъ сектантовъ мистико-раціоналистовъ „Духоборцами“ дано имъ было, какъ догадываются, въ Малороссіи, екатеринославскимъ епископомъ Амвросіемъ, и дано будто для того, чтобы выразить отличительное свойство ихъ ученія, и хотя названіе это означало собственно людей, отвергающихъ идеи духа, или вступающихъ въ борьбу противъ всего духовнаго, но въ настоящемъ случаѣ оно прилагалось къ этимъ сектантамъ въ томъ смыслѣ, что они признавали, напротивъ, особенное дѣйствіе св. Духа въ себѣ и не признаютъ его благодатнаго присутствія въ другихъ. Баронъ Гукстгаузенъ слово „Духоборцы“ толкуетъ такъ: названіе Духоборцевъ состоитъ изъ словъ „духъ“ и „бороться“, поборать, что можно принять въ двоякомъ смыслѣ, въ смыслѣ поборателей, или поборниковъ духа, и въ смыслѣ борющихся (съ православными) духомъ христіанства, признающихъ одну духовную сторону въ христіанствѣ. Въ первомъ смыслѣ, говоритъ Гакстгаузенъ, принявъ, быть можетъ, это названіе и архіепископъ Амвросій, въ послѣднемъ же они принимаютъ его сами.

Писатель XVIII вѣка (1787—1794) о расколѣ, Андрей Іоанновъ Журавлевъ, называетъ Духоборцевъ и Молоканъ „щельниками“ по той причинѣ, что они иконъ у себя никакихъ не имѣютъ, затвердивши 2-ю заповѣдь—не сотвори себѣ кумира и пр.; на этомъ же основаніи они молятся вмѣсто храмовъ въ пустой избѣ, оборотятся къ стѣнѣ и смотря будто въ щель. Извѣстія Андрея Іоаннова

о сектантахъ и раскольникахъ ему современныхъ, считаются у насъ точными и справедливыми, потому нѣтъ сомнѣнія, что слово „щельники“ было употребительное въ XVIII вѣкѣ у православныхъ, въ приложеніи къ Духоборцамъ и Молоканамъ. Православный народъ самыхъ низменныхъ словъ называлъ Духоборцевъ и Молоканъ „фармазонами“, словомъ очень браннымъ въ то время въ устахъ народа, который имѣлъ дикое понятіе о заведшихся въ XVIII столѣтіи въ Россіи знаменитыхъ обществахъ русскихъ франкъ-масоновъ. Правительство сначала долгое время Духоборцевъ и Молоканъ называло „Иконоборцами“ на томъ основаніи, что они не признавали почитанія иконъ и не держали ихъ въ домахъ своихъ. Что касается до Духоборцевъ, то они всегда называли и называютъ себя просто „христіанами“, а прочихъ, мірскими людьми. Названіе же „молоканъ“ дано сектантамъ народомъ потому, что они не соблюдаютъ установленныхъ церковно постовъ, ѣдятъ въ постные дни скоромное и преимущественно молоко, какъ болѣе употребительное въ хозяйственномъ быту крестьянъ, а потому тамбовская консисторія, еще въ 1765 г., въ своемъ донесеніи св. синоду, секту эту назвала „Молоканіемъ“ за отверженіе постовъ и употребленіе молока въ среду и пятокъ.

Извѣстно, что всѣ главнѣйшія ступени, по которымъ проходятъ послѣдовательно родъ человѣческій по пути цивилизаціи, отличались своими особенностями ума, или убѣжденіями, оставлявшими свой отпечатокъ на религіи, философіи и нравственности вѣка. Каждое изъ этихъ убѣжденій было для одного періода предметомъ вѣрованія, для другаго предметомъ отверженія и посмѣянія. Одинъ народъ считалъ необходимымъ для своего круга мышленія то, что другому никогда не приходило на мысль, или даже казалось вреднымъ; каждое вѣрованіе находилось въ свое время въ такой же связи съ духомъ людей и составляло въ такой же мѣрѣ часть ихъ самосознанія, какъ и то убѣжденіе, которое нынѣ, наприимѣръ, въ XIX столѣтіи высказывается человѣчествомъ о свободѣ мысли. Та-

бить образцы, вѣка также мало непогрѣшительны, какъ и индивидумы, и если одинъ вѣкъ провозглашалъ истины, которыя слѣдующимъ были объявлены ложными, то нѣтъ основанія отрицать того, что истины, напротивъ, и XIX столѣтія могутъ быть отвергнуты послѣдующими вѣками! Если же, поэтому, нѣтъ для различныхъ вѣковъ различныхъ мѣрилъ истины, то ясно, что свидѣтельство самосознанія человѣка въ данный моментъ не есть доказательство справедливости какого нибудь вѣрованія, и истина, значить, всегда будетъ отыскиваться впереди; и когда мы будемъ запрещать, подъ страхомъ наказанія, отыскивать эту истину, то будемъ останавливать движеніе человѣчества впередъ. При этомъ только условіи борьбы мыслей и возможенъ прогрессъ человѣчества!.. Если бы все человѣчество, какъ справедливо выражается одинъ изъ великихъ современныхъ мыслителей, Джонъ Стюартъ Милль, за исключеніемъ одного человѣка было извѣстнаго мнѣнія, а этотъ одинъ былъ противнаго мнѣнія, то и тогда оно имѣетъ столько же правъ заставить, не выслушавши, замолчать этого человѣка, сколько этотъ человѣкъ заставить замолчать остальныхъ людей. И это справедливо; въ противномъ случаѣ теряеть родъ человѣческой, будущія поколѣнія, также какъ и текуція — и болѣе тѣ, которыя несогласны съ новыми, хотя и единичнымъ мнѣніемъ, чѣмъ тотъ, кто высказываетъ его, потому что если единичное мнѣніе справедливо, то люди лишились возможности замѣнить ложь истиной, если оно не справедливо, они утратили возможность яснѣе понять и живѣе почувствовать истину, которую породило бы ея столкновеніе съ ложью. Тѣ, которые хотятъ уничтожить мнѣнія меньшинства обыкновенно отрицаютъ ихъ истинность, но имъ не дана власть рѣшать вопротивъ за все человѣчество. — Отказывать выслушать что нибудь въ пользу извѣстнаго мнѣнія потому только, что мы увѣрены въ ложности его, значить выдать нашу вѣрность за абсолютную несомнѣнность. Вотъ отчего нельзя не пожалѣть, что государства съ сотворенія міра непомерно много потратили безполезныхъ усилій на попытку принудить каждаго безусловно согласоваться съ ихъ понятіями въ области истинъ практическихъ, умозрительныхъ, нравственныхъ и религиозныхъ. Древніе народы и древнія республики считали себя въ правѣ, и ихъ зре

цы и философы утвердили за ними это право; регулировать каждый шаг частнаго человѣка государственною властію на томъ основаніи, что для государства будто бы очень важна физическая, умственная, нравственная и религіозная выправка каждаго изъ его гражданъ. Средніе вѣка тоже запечатлѣли память о себѣ знафотами и костюмами въ припадкѣ умственной и религіозной нетерпимости... Нынѣ, въ счастливѣйшее для человѣчества изъ всѣхъ предшествовавшихъ время, когда признана наконецъ свобода изслѣдованій и отысканія истинъ въ области ума и религіи, когда человѣчество, похоронивъ не одинъ миліонъ труповъ за разногласіе въ нравственныхъ и религіозныхъ вопросахъ, пришло къ сожалѣнію о такой потерѣ людей, мы поняли, что инерція и тождественность мысли губятъ прогрессъ человѣчества и слѣдовательно останавливаютъ развитіе государства (примѣромъ этому служить Китай), а нетерпимость въ дѣлахъ вѣры развиваетъ только фанатизмъ, подготавливаетъ ненужныя жертвы и препятствуетъ очищаться, какъ золоту въ горнилѣ, божественной истинѣ. Человѣчество поняло наконецъ и великую истину Апостоловъ: *подобаетъ и ересемъ быти, да явятся между людьми искусныя въ вѣрѣ* (коринт. 11, 19). Только предоставивъ свободу опровергать и возражать, мы станемъ въ единственныя условія, которыя могутъ оправдать увѣренность въ справедливости нашихъ мнѣній и поступковъ относительно разномыслящихъ и породить утѣшительные результаты; ни при какихъ другихъ условіяхъ существо, одаренное способностями человѣческими, не можетъ быть увѣжденнымъ въ своей несправедливости. И это не мочта и не разрушительное начало въ государствѣ, потому что опытъ увѣряетъ насъ въ противномъ. Мы видимъ, что въ концѣ концовъ, все-таки въ человѣчествѣ одерживаютъ верхъ общественный смыслъ, раціональное поведеніе. Если же это такъ, а это должно быть такъ, иначе человѣческія дѣла были бы въ настоящее время, да и всегда, въ самомъ отчаянномъ положеніи, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣмъ этимъ мы обязаны одному качеству человѣческаго ума, источнику всего достойнаго въ человѣкѣ, какъ нравственномъ и разумномъ существѣ, именно тому качеству, что его заблужденія могутъ быть исправлены... Но человѣкъ способенъ исправлять свои ошибки опытомъ и *свободными преніями*, кото-

рля бы показали, какъ должно понимать опытъ, и тогда должны мнѣнія, ложные поступки мало по малу уступать мѣсто факту и доказательству. Это само собою указываетъ на необходимость изученія всего прошедшаго человечества, изученія ошибокъ ума и религіозныхъ вѣрованій, чтобы осязательно дойти до сознанія необходимости не повторять пройденнаго ложнаго пути. Въ дѣлѣ религіи играетъ, такимъ образомъ, большую роль изученіе религіозныхъ разномыслій—ересей и расколовъ церкви, — чѣмъ богаты другія европейскія государства и чѣмъ, къ несчастію, бѣдны мы Русскіе — и самая печальная особенность исторіи нашего религіознаго разномыслія — ересей и расколовъ — заключается въ томъ, что мы не имѣемъ этой исторіи. Кое-что изъ области этого рода разномыслія разсмотрѣно нами, кое о чемъ написано нѣсколько опытовъ изслѣдованія, отдѣльныхъ монографій и т. п., но все это можетъ похвастаться матеріаломъ, котораго еслибы намъ удалось составить побольше, то пришлось бы изобразить совсѣмъ другую картину и, главное, измѣнить законодательство по этому предмету. Мы еще не пытались, да и не могли, за недостаткомъ матеріаловъ и критической разработки ихъ, слить матеріалы и факты изъ области русскаго религіознаго разномыслія въ одно цѣлое, привести въ извѣстность существующую между ними связь и свести всему итоги, подобные итогамъ, сведеннымъ другими государствами, давно опередившими насъ въ этомъ дѣлѣ. Мы видимъ, что во всѣхъ отрасляхъ изслѣдованія необходимость обобщенія признана всеми и дѣлаются благородныя усилія восвыситься надъ частными фактами, съ цѣлію открыть законы, которыми эти факты управляются. Но наши знанія русскаго религіознаго разномыслія такъ еще слабы и скудны, наши писатели о религіозныхъ сектахъ такъ еще далеки отъ усвоенія себѣ этого взгляда, что въ ихъ трудахъ мы видимъ только изложеніе сырыхъ матеріаловъ, связанныхъ между собою узко-церковными разсужденіями, какія имъ представляются болѣе полезными и пригодными... Изъ всѣхъ, однако, изслѣдованій русскаго религіознаго разномыслія самыя меньшія были о Духоборцахъ и Молоканахъ, о которыхъ доселѣ существуютъ у насъ самыя ложныя и сбивчивыя свѣдѣнія. Въ настоящее время, благодаря просвѣщенной заботливости нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ, мы имѣли случай взглянуть по

документамъ на историческое и религіозное состояніе этихъ двухъ саятъ въ Россіи, называемыхъ у насъ общинно *сектскими рационалистическими* и, поведявъ хоть немного вробѣль вашихъ знаній, доставить будущимъ историкамъ русскаго религіознаго разномыслія хоть нѣкоторый полезный матеріалъ. На этотъ корецъ свои изслѣдованія о Духоборцахъ и Молоканахъ мы можемъ назвать лишь „опытами изслѣдованія“, вполне сознавая, что исторію о Духоборцахъ и Молоканахъ писать еще рано, и что эта честь будетъ принадлежать перу историковъ слѣдующихъ поколѣній, когда, съ одной стороны, печать будетъ обладать по этому предмету не однимъ десяткомъ монографій, въ родѣ составленныхъ нами (у насъ еще не разработаны по этому предмету московскіе архивы, архивы синодалныхъ консисторій, архіерейскихъ канцелярій, уголовныхъ палатъ, уѣздныхъ судовъ, духовныхъ правленій, секретныхъ совѣщательныхъ губернскихъ комитетовъ и т. п.), а съ другой, когда Россія будетъ имѣть иное законодательство о диссидентахъ религіозныхъ и иные условія для независимаго, ярнаго и болѣе свободнаго образа выраженія писателями своихъ мыслей.

IX

БОГАТЫЕ СКОПЦЫ

СОКОДОВНИКОВЫ.

I.

СТАРЕЦЪ ИСКУПИТЕЛЬ.

Въ апрѣлѣ 1819 года, какъ значится въ запискѣ Н. Надеждина, началась, подъ покровомъ глубокой тайны, дѣятельная переписка между важнѣйшими, въ то время, государственными самовластями: министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, княземъ А. Н. Голицынымъ и с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, графомъ М. А. Милорадовичемъ. Въ этой перепискѣ переходилъ изъ рукъ въ руки, съ разными пометками и дополненіями, списокъ „главныхъ лицъ, окружающихъ старца, котораго общество священъвъ въ Петербургѣ называло испуителемъ. То были: придворный лакей Семенъ Кобелевъ и мѣщанинъ Кирила Григорьевъ и Исая Ильинъ. По собраннымъ о нихъ свѣдѣніямъ обнаружилось, что послѣдній, т. е. Ильинъ, отправлялъ въ столицѣ должность скопцела, находясь подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Кирилы Григорьева. Григорьевъ обозначаетъ былъ какъ главный распорядитель освобожденія, заманивавшій къ тому людей увѣреніями, что „оный старецъ есть истинный испуитель“, при чемъ притовоуплялось еще замѣчаніе, что „сей Кирила имѣетъ

столь обширныя связи по скопческой сектѣ, что нерѣдко посылаетъ повелѣнія свои въ отдаленнѣйшіе края Россіи и что онъ „вообще отъ всѣхъ скопцевъ, и въ особенности отъ Солодовникова, получаетъ богатые дары“. Чтожъ касается до придворнаго лакея Кобелева, то объ немъ значилось, что онъ „увѣряетъ цѣлое общество скопцевъ, будто сей старецъ есть Петръ III; приносить ему ложно поклоны отъ лица Государя Императора и тѣмъ приводитъ всѣхъ въ страхъ и ложную довѣренность, отъ которой умножается скопчество“. Графъ Милорадовичъ, какъ видно, горячо взялся за это дѣло: его особенно встревожило обстоятельство, въ самомъ дѣлѣ заслуживавшее особливаго вниманія и усугубленія дѣятельности, а именно: что лакей Кобелевъ „простеръ уже такъ далеко свою дерзость“, что „осмѣлился приглашать, къ такъ-называемому скопцами искупителю, одного изъ молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ“, который самъ лично о томъ „открылся графу, знавшему этого молодого человѣка“ съ лучшей стороны. Бяязь А. Н. Голицынъ отвѣтствовалъ, что онъ „вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ графа о необходимости принять дѣятельнѣйшія мѣры къ укрощенію сей вредной секты“, при чемъ присовокупилъ, что еще въ бытность графа П. А. Толстаго с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, оба они „посѣщали, по повелѣнію Государя Императора, моленную скопцевъ у Солодовникова и объявили имъ Высочайшую волю, дабы они прекратили скопленіе другъ надъ другомъ, а съ старика, называемаго искупителемъ, взяли тогда обѣщаніе отнюдь не позволять и самому не дѣлать ни надъ кѣмъ своей операціи, подъ опасеніемъ ссылки въ Сибирь“; а какъ нынѣ видно, что это обѣщаніе не сдержано, то онъ вполнѣ считаетъ „благоразумною, мѣру“, предлагаемую графомъ, „т. е. удаленіе въ уединенныя монастыри распространителей скопчества“, только при томъ, съ своей стороны, полагаетъ, что „такъ какъ старикъ по дряхлости своей и слабости здоровья не можетъ, какъ кажется, самъ собою оказывать никакой дѣятельности въ распространеніи вреднаго сего заблужденія, а служить орудіемъ только другихъ, дѣйствующихъ подъ его именемъ, то и довольно удалить только сихъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, а именно: лакея Кобелева и мѣщанъ Ильина и Григорьева“; потомъ, собравъ общество скопцевъ, чрезъ кого слѣ-

дуть, объявить оному, въ присутствіи старика, что сіи три чело-
вѣка удалены единственно за распространѣніе скопчества; за снѣгъ
же „старика оставить въ покоѣ: пускай онъ молится, и пусть со-
бираются у него для молитвы; но искутителемъ бы только его не
называли и отнюдь не принимали бы солдатъ въ свое общество“!
Такъ точно и было поступлено. Всѣ предположенія князя, пред-
ставленныя графомъ Милорадовичемъ въ подлинникѣ на Высочай-
шее усмотрѣніе, Государь Императоръ почтилъ своимъ одобреніемъ;
въ слѣдствіе чего, Кобелевъ, Ильинъ и Григорьевъ, 13 іюня въ
4 часа пополуночи, съ соблюденіемъ особенныхъ предосторожностей,
взяты и отосланы всѣ трое въ Соловецкій монастырь, съ предпи-
саніемъ „содержать ихъ подъ тѣмъ присмотромъ, какой учрежденъ
тамъ“; собранію же секты, немедленно за тѣмъ, по распоряженію
графа Милорадовича, объявлено, что эти люди „удалены един-
ственно за распространеніе скопчества“.

II.

СКОПЧЕСКІЙ ДОМЪ СОЛОДОВНИКОВЫХЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Много мыслей возбуждаетъ рассказанное нами происшествіе, со-
хранившееся въ документахъ. Мы выскажемъ здѣсь только то, что
эти документы говорятъ ясно. Изъ нихъ очевидно, что еще въ
бытность с.-петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графа П. А.
Толстата, слѣдовательно между 1802 и 1805 годами, въ Петер-
бургѣ сдѣлался извѣстнымъ Государю Императору наставникъ скоп-
чества, называвшій себя „искупителемъ“, что объ немъ тогда же
поручено было отъ Государя дознать лицамъ важнымъ и довѣрен-
нымъ, именно самому графу Толстому и князю А. Н. Голицыну,
бывшему въ то время оберъ-прокуроромъ св. синода, что заблуж-
деніе, имъ проповѣдуемое, казалось и тогда уже столь значитель-
нымъ, что ему воспрещено было умножать своихъ послѣдователей
„подъ опасеніемъ ссылки въ Сибирь“. Знало ли въ то время пра-
вительство, что этотъ искунитель называетъ себя еще Петромъ III,

изъ документовъ Надеждина не видно. Но изъ производившагося около того же времени, именно въ 1805 г., дѣла о скопцахъ, открытыхъ въ Херсонской губерніи, оказывается, что такъ между скопцами была распространена увѣренность, будто „Государь Пётръ Осодеревичъ“, про котораго „говорить, что онъ померъ“, находится „теперь въ Петербургѣ, при такомъ же дѣлѣ“, т. е. такъ какъ же скопцы, какъ и они. Въ кому могла относиться такая нелѣпая увѣренность, какъ не къ тому же лицу, о которомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, тоже самое чудовищное убѣжденіе является проповѣдуемымъ, съ невообразимою безболзвенностью, въ кругу гвардейскихъ офицеровъ подъ священною сѣнью самыхъ чертоговъ царскихъ?.. Принимая во вниманіе одновременность дѣла херсонскаго и обращеніе въ Петербургѣ вниманія на скопческаго искупителя, нельзя не предположить, съ удовлетворительною достоверностью, что между слухами, пришедшими изъ Херсона, и событіями, таившимися въ Петербургѣ, усмотрѣна была связь, возбудившая справедливыя опасенія правительства. И вотъ, безъ сомнѣнія, причина, почему вротвій Монархъ, дотолѣ столь снисходительный къ заблужденію изувѣрнаго самоизуродованія, именно по дѣлу о херсонскихъ скопцахъ, далъ Высочайшій указъ, коимъ повелѣвалъ признавать всѣхъ вообще скопцевъ „врагами челоувчества, развратителями нравственности, нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ!“ Какимъ образомъ случилось, что самъ тотъ, къ кому именно отнеслось это двойное самозванство, это преступное похищеніе божественнаго имени Искупителя и священнаго имени царя, отдѣлался только обѣщаніемъ не распространять болѣе оскотленія? — Это объясняется послѣдующими у Надеждина документами, изъ которыхъ видно, что лица, посѣщавшія самозванца, были обмануты его собственнымъ и послѣдователей его заирательствомъ, которое уличить вѣрно было невозможно. Этотъ таинственный старецъ умѣлъ такъ поставить себя въ глазахъ правительства, что и при обращенномъ на него вновь въ 1819 году вниманіи, когда имена Искупителя и Петра III опять явились на сцену, его сочли только „орудіемъ другихъ, дѣйствующихъ подъ его именемъ“. Весьма замѣчательно, что въ документѣ, представленномъ на Высочайшее усмотрѣніе, имени Петра III не было вовсе

упомянуто, хотя въ официальныхъ приложеніяхъ въ дѣлу оно повторяется неоднократно, какъ приписываемое Кобелевымъ лже-искупителю. Впрочемъ иначе и не могло быть при томъ спокойствіи, съ какимъ въ этомъ документѣ говорится вообще о сектѣ скопцевъ, имѣющей свои собранія, своихъ старшинъ, свою общественную казну, — однимъ словомъ, всѣ качества тайнаго союза, распространяющаго влияние свое изъ столицы въ отдаленнѣйшіе края имперіи. Такое спокойствіе было бы непостижимо, еслибъ тутъ было признано замѣшаннымъ имя, столь важное политически. Очевидно, этому послѣднему не вѣрили, а всю сущность секты полагали только въ излишествѣ релігіозной мечтательности, по духу тогдашняго времени извинительной... Высшихъ сановниковъ не слѣдуетъ строго осуждать, что они при этомъ замѣчательномъ дѣлѣ ограничились поверхностію, не проникая во всю его глубину. Гораздо удивительнѣе совершенное въ этомъ случаѣ бездѣйствіе со стороны полицейскихъ властей, обязанныхъ дознавать факты, и тщательнымъ, неслабымъ наблюденіемъ извлекать ихъ изъ мрака безсовѣстности, въ особенности такъ глубоко скрытой, какъ у скопцевъ!.. Вообще, трудно даже постигнуть легкость надзора, какой до тѣхъ поръ нигдѣ надъ столичными скопцами мѣстная полиція. Люди эти, Высочайше признанные „нарушителями законовъ Божіихъ и гражданскихъ“, о которыхъ 1806 года неоднократно повторялись указы, что заблужденіе ихъ есть преступленіе, ни подъ какимъ видомъ не прощаемое — эти люди безпрепятственно плодились въ столицѣ, распространяя заразу своего ученія и словомъ, и дѣломъ: никто какъ будто не зналъ о томъ, или лучше не хотѣлъ знать!.. Въ скопческомъ домѣ Салодовниковыхъ рѣзали людей безъ пощады и въ этотъ же домъ, какъ мирные гости, постоянно обращались представители полиціи!...

III.

СООБЩНИКИ СОЛОДОВНИКОВА.

Недалеко какъ за годъ предъ разсказаннымъ нами обращеніемъ Высочайшаго вниманія на скопчество, въ Петербургѣ, въ апрѣлѣ 1818 года, одинъ кварталный поручикъ, по фамиліи Барадулинъ, случайно произведя изслѣдованіе о фальшивыхъ ассигнаціяхъ, открылъ въ домѣ купца Васильева, въ потаенной каморкѣ, оскопленнаго, не больше какъ за два передъ тѣмъ дня, человека, и, вслѣдствіе того, осмотрѣвъ немедленно всѣхъ находившихся тутъ мужчинъ, нашелъ между ними еще трехъ оскопленныхъ, въ томъ числѣ отставнаго солдата, въ квартирѣ котораго оказались разныя снадобья, очевидно служація къ заживленію ранъ. Арестовавъ всѣхъ изобличившихся оскопленными, Барадулинъ отрапортовалъ о томъ оберъ-полицеймейстеру; отъ котораго получилъ изустную благодарность и приказаніе развѣдать подробнѣе „о семъ важномъ дѣлѣ“; но чрезъ нѣсколько дней, когда усердный чиновникъ, „исполнивъ весьма удачно порученіе, явился съ удовлетворительнѣйшимъ донесеніемъ“, оберъ-полицеймейстеръ объявилъ, что „дѣло сіе уже оставлено и ему по оному ничего болѣе предпринимать не должно“! Въ то же время и находившіеся подъ арестомъ скопцы были освобождены на поруки. Чрезъ годъ, при началѣ одного дѣла, обратившаго на скопцевъ Высочайшее вниманіе, графъ Милорадовичъ далъ движеніе этому открытію, приказавъ собственному своему чиновнику, вмѣстѣ съ Барадулиннымъ, снятъ снова допросъ съ главнаго изъ обличившихся въ то время скопцевъ, отставнаго солдата Петрова, и тогда Барадулинъ, въ особой запискѣ изъяснивъ разныя подробности вообще о скопцахъ, существующихъ въ столицѣ, указавъ, что ими наполнены здѣсь многіе дома, въ особенности купцевъ Солодовниковыхъ и Васильева, смежныхъ между собою, изъ которыхъ въ послѣднемъ, по собраннымъ имъ извѣстіямъ, имѣетъ скрытное жительство наставница оскопленницъ женскаго пола „дѣвица рѣд-

кой красоты“, наивысшая „богородица“, которой скопцы „воздадутъ Божескія почести“, а въ первомъ бываютъ еженедѣльные скопческія сборища и какъ впоследствии оказалось, жилъ обоготворяемый ими искупитель. Впрочемъ и это осталось только при дѣлѣ. Все кончилось удаленіемъ изъ столицы трехъ ничтожныхъ человѣкъ, у которыхъ, посылкѣ въ Соловки, всего имущества оказалось только на сто рублей ассигнаціями; а Солодовниковъ и Васильевъ, какъ люди богатые и сильные, остались неприкосновенными въ своихъ домахъ, служившихъ притонами лже-искупителю и лже-богородицѣ! Солодовниковъ принималъ вельможъ, подчивалъ ихъ на убой, сыпалъ деньгами, а подручные его скопили и скопили (правильнѣе рѣзали) подданныхъ русскаго царства... Изувѣрство скопцовъ не встрѣчало себѣ преградъ!..

IV.

дѣвица рѣдкой красоты.

Кто же была эта „дѣвица рѣдкой красоты“, найденная въ домѣ Солодовниковыхъ? Эта дѣвица называлась у скопцевъ „богородицею“, которой скопцы воздавали Божескія почести, и которая пріѣхала въ Петербургъ изъ Москвы. Впоследствии оказалось, что эта московская лже-богородица имѣла искусство распутить и поддерживать о себѣ молву, будто она не иная кто, какъ великая княгиня Анна Федоровна, супруга блаженной памяти цесаревича Константина Павловича. Явленіе столь высокой особы въ кругу скопцевъ привело ихъ въ чрезвычайный восторгъ и покорило ей безусловно... Въ Петербургъ, какъ рассказываетъ Надеждинъ, пригласилъ ее самъ Селивановъ, пожелавшій лично съ ней увидѣться; впрочемъ, долженъ былъ въ томъ раскаяться, ибо лже-княгиня и лже-богородица, своей красотой и ловкостью, совершенно было отвлекла отъ него всѣхъ его „любезныхъ дѣтушекъ“. Воротясь изъ Петербурга въ Москву, она начала дѣйствовать еще отважнѣе и самовластнѣе: разѣзжала открыто по городу, вертѣла всѣми дѣ-

лами, распоряжалась общественною казною секты; наконецъ, върастю соснучившись своей ролью, печально скрылась, захвативъ со собою значительную часть сокровищъ, которыя были ей ввѣрены глупою довѣрчивостію изувѣровъ. Эта же самая бѣглица явилась потомъ въ 1829 году въ объясненіяхъ дезертира скопца Будылина, со-держимую уже въ острогѣ, въ Раненбургѣ, уѣздномъ городѣ Рязанской губерніи, при чемъ Будылинъ показывалъ, что арестантка эта, которую онъ и другіе скопцы собирались выручить изъ острога, состояла фальшиво приписанною къ московскому мѣщанскому обществу подъ именемъ мѣщанской дочери Елены Павловой, а въ са-момъ же дѣлѣ была Тамбовской губерніи г. Лебедяни мѣщанская жена, разведенная по суду съ мужемъ за распутное поведеніе и потомъ въ двойномъ самозванствѣ, Божіей Матери и великой княгини Анны Ѳеодоровны, разъѣзжавшая по разнымъ мѣстамъ для соблазна и привлеченія жертвъ въ скопческую секту. Такихъ бого-родицъ, какъ великая княгиня мѣщанка Елена Павлова, у скоп-цевъ много, по крайней мѣрѣ не меньше христовъ и предтечей. Изъ всѣхъ ихъ, преимущественно, выдаются въ исторіи скопческой секты слѣдующія богородицы. Во-первыхъ, богородица Акулина Ивановна. Эта Акулина Ивановна, какъ несомнительно увѣряютъ Страды, гдѣ она представляется дѣятельно работающею при самомъ началѣ ересеначальническаго поприща Селиванова, выдавала себя за императрицу Елизавету, и говорила, что она, оставивъ престолъ, жила въ Орловской губерніи, въ саду крестьянина-скопца, у ко-торого имѣла пріютъ. По появленіи Селиванова, Акулина Ивановна имѣла подъ своимъ начальствомъ общество „Божіихъ людей“, за-ключавшее въ себѣ до тысячи человѣкъ. Впрочемъ Селивановъ, введенный къ ней, былъ открытъ и признанъ въ Божественномъ достоинствѣ не ею, начальницею общества, а находившеюся при ней главною пророчицею Анною Романовною, которая, какъ видно, вѣкъ у ней заправляла. Сама Акулина Ивановна хотя и тогда уже на-зывалась „владычицей и царицей небесной“, является вообще не въ весьма выгодномъ свѣтѣ относительно своего ума и ловкости. Когда привели къ ней Шилова въ первый разъ, глупая баба тот-часъ разболталась передъ нимъ, что ей самой дивно, какъ „про-роки поютъ, будто отъ нея сынъ Божій родился“. Это было такъ

не въ попадь, что Селивановъ съ удивленіемъ сказалъ послѣ Пил-
лову: „Ну, любезный сыночекъ, какъ она съ тобой разговорилась и про
какой секретъ разговаривала, даромъ что въ первый разъ!“ При
всемъ томъ, вѣрно вліяніе ея было весьма сильно и услуги, оказанныя
скопчеству, очень велики. Селивановъ сохранилъ объ ней постоянно
самое уважительное воспоминаніе, неразлучно отъ возлюбленнаго
своего Александра Ивановича. Такъ разсказываетъ онъ, что въ
Иркутскѣ, когда не было ему о своихъ никакого слуха, привидѣлся
ему пророчески-утѣшительный сонъ, будто „нечистый хочетъ ко-
рабль его опрокинуть“; а онъ „сталъ вокругъ его ходить и столбы
становить съ матушкой своей Акулиной Ивановной и съ сыночкомъ
своимъ Александромъ Ивановичемъ!“ Впрочемъ дальнѣйшая судьба
праматери скопчества, послѣ участія въ первыхъ начаткахъ ереси,
скрывается во мракѣ неизвѣстности. Вѣроятно, бывъ уже въ го-
дахъ, она успѣла умереть въ продолженіе темнаго періода двадцати-
лѣтней ссылки сына, которому не была матерью. Богородица Анна
Романовна не избѣгла общей участи многочиселаго „превращенія“
всѣхъ участвовавшихъ въ первоначальномъ распространеніи скоп-
чества. Изувѣры донинѣ считаютъ ее знатною придворною дамою,
раздѣлявшею „инкогнито“ Акулины Ивановны и именно родною
сестрою извѣстной княгини Екатерины Романовны Дашковой, кото-
рая будто бы публично гордилась, что имѣетъ такую богоугодную
и боговдохновенную сестру! За богородицею Анною Романовною вы-
дается у скопцевъ личность и нѣкоей Анны Сафоновны, дочери
основанаго первооскопленнаго Сафона Попова, жившей въ 1847 г.
въ званіи моршанской мѣщанки, въ городѣ Моршанскѣ, почти сто-
лѣтнею, обезпамятѣлою старухою, въ домѣ моршанскаго мѣщанина
Артемія Евсѣева Познякова. На дѣланные ей лично вопросы, она
отвѣчала одно, что „ничего не помнитъ“, приговаривая притомъ:
„простите меня грѣшницу!“ Мѣстный врачъ, свидѣтельствовавшій ей,
далъ отъ себя отзвѣвъ, что дѣйствительно отъ старости лѣтъ, ко-
торыхъ ей было около 90, память у ней ослабѣла, что она на
вопросы не можетъ дать удовлетворительныхъ отвѣтовъ“. Между
тѣмъ, при повальномъ обыскѣ въ Сосновеѣ, ея родинѣ, многие
свидѣтели, въ томъ числѣ заштатный дьяконъ, показали, что во
время проживанія ея тамъ, въ домѣ брата ея скопца Ульяна Са-

фонова, она считалась у скопцевъ богородицею и притомъ въ православную церковь никогда не ходила, даже бѣгала всегда изъ дома, когда приходили съ церковными требами православные священники. Сверхъ того дознано, будто у ней не было на лѣвой рукѣ двухъ пальцевъ, средняго и безымяннаго, отнятыхъ по второй суставъ, и какъ видно въ давнее уже время, что по показанію свидѣтелей она вѣдчески отъ другихъ людей скрывала при Селивановѣ. Она была нерѣдко въ Петербургѣ, гости у сестры своей Евфросиньи и пользовалась особеннымъ отъ всѣхъ уваженіемъ. Въ солодовниковомъ домѣ всѣ скопческія „богородицы“ чествовались скопцами при богослуженіяхъ... Какъ могло родиться, развиться и укорениться это превосходяще всѣ границы возможности и вѣроятности сумасбродство, это дикое помѣшательство на самозванствѣ, которое, какъ ясно видимъ, вошло въ основную стихію, составляетъ душу и жизнь скопческой ереси? Вопросъ этотъ, даже изъ одного состраданія къ человѣческому достоинству, заслуживаетъ внимательнаго изслѣдованія.

V.

КАКЪ НАКАЗЫВАЛИСЯ БОГАТЫЕ СКОПЦЫ СОЛОДОВНИКОВЫ?

Когда домъ Солодовниковыхъ сдѣлался всероссійскимъ торговымъ домъ скопчества, у коего капитала простиралось, по свѣденіямъ Коммерческой газеты за 1843 годъ, на сумму 700,000 рублей, и когда жертвы скопленія покрыли все лицо земли русской, начиная отъ Иркутска, Кавказа и кончая Саратовскими степями и Финляндіею, тогда наконецъ о миссіонерской дѣятельности Солодовниковыхъ доведено было до свѣденія покойнаго Императора Николая Павловича, но такъ, что Высочайшее повелѣніе о нихъ вышло въ слѣдующемъ видѣ: „Его Величество, принимая во вниманіе пользу, принесенную Солодовниковымъ обширными коммерческими дѣлами, въ особенности по заграничной торговлѣ, каковыя дѣла, въ случаѣ предавія Солодовникова суду, могутъ придти въ разстройство, съ

нѣкоторымъ даже вредомъ въ торговыхъ видахъ государетва, въ 27 день марта 1843 г. Высочайше повелѣтъ соизволилъ: не дѣлая формальнаго о немъ изслѣдованія, ограничиться порученіемъ С. Петербургскому военному генераль-губернатору учинить распоряженіе, какъ объ учрежденіи за Солодовниковымъ въ отношеніи скопчества строжайшаго надзора, такъ и объ увольненіи его отъ должности засѣдателя въ управѣ благочинія. Съ тѣмъ вмѣстѣ сообщить генераль-адъютанту графу Бенкендорфу и статсъ-секретарю Лонгинову, что Солодовниковъ, какъ скопецъ, не можетъ состоять въ почетныхъ званіяхъ старшины Демидовскаго дома призрѣнія трудящихся и члена женскаго Патріотическаго общества“. Замѣчательно однако, какъ правительство мало вникало въ работушку скопцовъ!... Однажды Государь пожелалъ знать, какъ оскотляются женщины? Министерство не могло даже положительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Управлявшій министерствомъ далъ отзывъ, что „сколько изъ имѣющихся въ министерствѣ свѣдѣній почерпнуть можно о средствахъ, употребляемыхъ къ оскотленію женскаго пола, онѣ состоятъ въ томъ, что нѣкоторые скопцы отрѣзываютъ у женщинъ груди до самыхъ костей; по другимъ свѣдѣніямъ, менѣе положительнымъ, вырѣзываютъ будто бы у женщинъ находящіяся подъ грудями млекопитательныя железы. Прочія женщины обыкновенно, при вступленіи въ секту, не подвергаютъ себя никакому поврежденію членовъ, но исполняютъ одни лишь обряды, введенныя сектою. Первыхъ двухъ родовъ женщины скопческой ереси, какъ то оказывается изъ представленныхъ извѣстій, не лишены способности раждать дѣтей, но не имѣютъ уже средствъ воскармливать ихъ. Впрочемъ все онѣ, строго слѣдуя правиламъ секты, стараются умеривлять плотскія похотѣнія, не употребляя въ пищу ни мясныхъ яствъ, ни горячихъ и другихъ возбуждательныхъ напитковъ, и изнуряютъ себя постами, а на молитвѣ круженіемъ и бѣганьемъ.“ Оказалось дѣло, однако, иначе! Признаки оскотленности встрѣчаются у женщинъ, правда на грудяхъ, которыя иногда отрѣзываются начисто, иногда вырѣзываются, выжигаются, или вытравляются на нихъ только сосцы, а иногда ограничиваются вырѣзкою подгрудныхъ железокъ, въ особенности изъ подъ лѣвой груди. Но донести Императору, что тѣмъ оканчивается оскотленіе женщинъ, по меньшей мѣрѣ неполно!.. Опытные и свѣдующіе врачи признали, что

если у женщины вырваны объ груди, то это дѣйствіе должно считать лишь близкимъ къ дѣйствительному оскотленію. Это отчасти подтверждается и тѣмъ, что искаженные, такимъ образомъ, женщины обыкновенно даже въ цвѣтѣ лѣтъ отличаются по наружности той же безцвѣтностью, властью и безжизненностью, какъ и оскотленные мужчины. Но эти изуродованія, находимыя у скопчихъ, должно почитать только мнимыми оскотленіями, физически нисколько не способствующими предполагаемой цѣли. Они оставляютъ имъ возможность беременности, слѣдовательно не уничтожаютъ ни наслажденія, ни вождельнія... Дѣйствіе оскотленія женщинъ, т. е. работуха въ Россіи Солодовниковыхъ и tutti quanti заключается въ томъ, что отрѣзываютъ *clitoris*, *labia minora*, а иногда и часть *labiorum majorum*. Но подобныя изуродованія въ сущности не могутъ имѣть того же значенія, какъ у мужчинъ отнятіе, или поврежденіе *testiculorum*. Дѣйствительное оскотленіе женщинъ производится вырѣзкою *ovariorum*, и операція эта, какъ положительно удостовѣряетъ медицина всѣхъ странъ, трудна чрезвычайно въ исполненіи, ибо подвергаетъ оперируемую опасности истечь кровью; если же будетъ удачно совершена, то человекъ живетъ. Какое изувѣрство! — Деньги скопцовъ были, однако, сильны. Недалеко, какъ чрезъ три года вдругъ послѣдовало новое Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „Государь Императоръ, по всеподданнѣшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 8 день апрѣля 1847 года Высочайше повелѣть соизвоилъ: Выборгскаго 1 гильдіи купца Николая Назарова Солодовникова, оскотленнаго въ малолѣтствѣ противъ собственной воли, но вовсе не принадлежащаго къ скопческой сектѣ, освободя отъ полицейскаго надзора, не подвергать дѣйствію существующихъ, относительно скопцовъ, узаконеній.“ Солодовниковъ по представленію властей оказался вдругъ: во первыхъ, оскотленнымъ въ малолѣтствѣ, во вторыхъ — противъ собственной воли, и въ третьихъ вовсе и не принадлежащимъ къ скопческой сектѣ!..

VI.

МОСКОВСКІЕ СКОПЦЫ СОЛОДОВНИКОВЪ.

И въ Москвѣ заиграли въ скопческую игру Михаилъ и Алексѣй Солодовниковы. Московскій домъ скопцовъ Солодовниковыхъ сдѣлался извѣстенъ Россіи... По изслѣдованіямъ правительства о московскихъ скопцахъ осконленіе дѣлалось ими чрезъ отнятіе такъ называемыхъ скопцами „удесныхъ близнятъ“. — Это дѣлалось посредствомъ отжиганія раскаленнымъ желѣзомъ, — что буквально соответствуетъ даваемому операціи мистическому имени „огненного крещенія“... Впрочемъ, довольствовались и просто бритвою, ножомъ или другимъ острымъ орудіемъ послѣ предварительной, крѣпкой перевязки ниткой, или тоненькой веревочкой: прижиганіе стало употребляться потомъ иногда какъ средство къ оставленію кровотеченія. — По сознанію самихъ скопцовъ, простое осконленіе не уничтожаетъ вовсе плотскаго вожделѣнія... По сему, для достиженія совершеннаго безстрастія и полной чистоты, фанатики рѣшались подвергать себя отъятію еамого membrum, называемаго у нихъ „ключемъ бездны“. Эту операцію, которая большею частію производится иногда спустя много лѣтъ послѣ первой, надъ иными же совершается и вдругъ, за одинъ разъ, скопцы именуютъ „полнымъ крещеніемъ“, или „наложеніемъ на себя царской печати“. Орудіемъ для совершенія ея употребляется топоръ, а иногда простое долото. Последняя операція уже чисто московскаго происхожденія... Москва и тутъ не ударила себя въ грязь лицомъ!.. Петербургскіе скопцы называли послѣднихъ „псами“, не постигающими истиннаго разума св. писанія, повелѣвающаго скопчество якобы въ первоначальномъ только видѣ. Если вѣрить скопцамъ, то лже-искупитель Селивановъ нисколько не одобрялъ такого неистовства. Это однако сомнительно: Селивановъ едва-ли самъ не былъ полный скопецъ; иначе, какъ объяснить его приточное сказаніе о себѣ въ „Страдахъ“, что „когда онъ пошелъ въ Иркутскъ, то у него было товару только за од-

ной печатью, а какъ пришелъ изъ Иркутска въ Россію, тогда вынесъ товару за тремя печатами“. Впрочемъ, какъ бы то ни было, расколь этотъ ни при Селивановѣ, ни въ настоящее время, нисколько не нарушаетъ единомыслія скопцовъ и совершеннаго согласія во всёхъ прочихъ заблужденіяхъ ереси. Солодовниковы въ Москвѣ, когда здѣсь дѣятельность скопчества разыгралась до большихъ размѣровъ, отжѣтились высшимъ правительствомъ какъ скопцы, и преданы полицейскому надзору съ воспрещеніемъ отлучекъ изъ Москвы... Но вотъ въ 1857 году, 23 апрѣля, явилось новое Высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: „По всеподданнѣйшему докладу Государю императору статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, всеподданнѣйшихъ прошеній московскихъ купцовъ-скопцовъ Михаила и Алексѣя Солодовниковыхъ, о выдачѣ имъ паспортовъ на отлучки изъ Москвы, Его императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивѣйше разрѣшить сіи отлучки, съ тѣмъ, чтобы просители, согласно съ мнѣніемъ московскаго военнаго генералъ-губернатора, ѣздили не иначе, какъ поочередно, испрашивая на то каждый разъ особое дозволеніе, дабы мѣстное начальство губерніи, куда они отправляются, благовременно учреждало за ними надзоръ....

VII.

ФАБРИКИ СОЛОДОВНИКОВЫХЪ.

У калужской заставы въ Москвѣ стоятъ и донныя огромныя бумажно-травціа фабрики скопцовъ Солодовниковыхъ. Не одна тысяча, а можетъ быть и десятки тысячъ, слѣпаго русскаго народа, заброшеннаго въ дикомъ невѣжествѣ, не умытаго, не просвѣщеннаго ни въ школѣ государствомъ, ни въ церкви православнымъ духовенствомъ, работали и работаютъ на этихъ фабрикахъ доселѣ. Что дѣлалъ и дѣлаетъ на этихъ фабрикахъ русскій ѳдичалый народъ нашъ, неизвѣстно, но то изъ дѣлъ архивныхъ несомнѣнно, что въ числѣ дѣтушекъ Селиванова съ царскими печатами попадались и

попадаютъ правительству работники, изъ показаній коихъ, какъ и многихъ другихъ лицъ, имѣются слѣдующія изслѣдованія о Селивановѣ, коему поклоняются и фабричныя и хозяева сихъ фабрикъ... Сей сумасбродъ, житель села Сосновки, Тульской губерніи, за скопчество въ Тулѣ содержался въ острогѣ подъ крѣпкимъ карауломъ и, по суду, очевидно на основаніи Высочайшаго указа, даннаго не за долго предъ тѣмъ по поводу орловскихъ скопцовъ, приговоренъ былъ къ наказанію кнутомъ въ Сосновкѣ, на мѣстѣ произведенныхъ имъ оскосленій; вслѣдствіе чего перевезенъ былъ въ Тамбовъ и содержался въ тюрьмѣ два мѣсяца, ожидая утвержденія приговора высшимъ правительствомъ. Наконецъ, экзекуція произведена была въ Сосновкѣ, на сельской площади, гдѣ впоследствии поставлена была деревянная церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, сгорѣвшая въ 1816 году; нынѣ же находится каменная часовня. Когда преступника везли въ Тамбовъ изъ Тулы, то народъ „всячески надъ нимъ надругался“: кто бранилъ, кто плевалъ на него. Но когда повезли его изъ Тамбова въ Сосновку, то „сосновскіе дѣтушки“, т. е. принадлежащіе къ ереси, встрѣтили его съ плачемъ и рыданіями говоря: „везутъ нашего родимаго батюшку!“ Затѣмъ, послѣ экзекуціи „дѣтушки“, т. е. скопцы Іонушка и Ульянушка выпросили себѣ его окровавленную рубашку, въ которой онъ былъ наказанъ, и надѣли на него свою бѣлую, потомъ дали ему парнаго молока, котораго захотѣлось ему послѣ наказанія, и въ награду получили ото него слова утѣшенія и подкрѣпленія въ ереси. Эти Іонушка и Ульянушка были Іонъ Владиміровъ Холинъ и Ульянъ Сафоновъ Поповъ, забранные, въ числѣ первооткрытыхъ въ Сосновкѣ скопцовъ къ суду, въ Тамбовъ, но возвращенные потомъ на мѣсто прежняго жительства.

Высѣченный преступникъ шелъ изъ Сосновки до Иркутска полтора года съ прочими ессыдными, „на канатѣ“, и дорогую подвергъ себя вторичному „полному оскосленію“, которому ересеначальникъ до тѣхъ поръ могъ не быть еще подвергнутымъ. Какъ объяснить, что преступникъ, судимый и осужденный на основаніи указа 2 іюля 1772 года, вмѣсто того, чтобъ быть отправленнымъ, какъ изображено въ указѣ, „въ Нерчинскъ“ (подразумѣвается „въ каторжную работу“), остался, напротивъ, въ Иркутскѣ и тамъ жилъ на

свободѣ, „ходя по городу съ блюдомъ собирать на церковное строеніе“? Этотъ Селивановъ явился потомъ подъ именемъ Кондратя, въ петербургскую гражданскую больницу, отъ оберъ-полицеймейстера Чулкова, въ январѣ 1797 года. Но откуда, какъ и когда онъ попалъ въ Петербургъ? Скопцы увѣрены и увѣряютъ, что привезенъ онъ сюда прямо изъ Иркутска по Высочайшему повелѣнію Государя Императора Павла I, нарочно посланнымъ туда курьеромъ, вслѣдствіе указанія скопца Θεодора Евсеѣва Колесникова, иначе Масона, или Масонова. Находившійся, въ 1847 году, въ живыхъ с.-петербургскій мѣщанинъ скопецъ Савельевъ, который въ декабрѣ 1796 года, взятъ былъ подъ стражу въ Петербургѣ вмѣстѣ съ другими тремя скопцами, утвердительно говоритъ, будто видѣлъ собственными глазами, какъ Масонъ, съ коимъ состоялъ онъ въ весьма тѣсныхъ связяхъ, вскорѣ по восшествіи на престолъ Государя Павла I, прискакалъ въ Петербургъ изъ дальняго путешествія, и въ дорожномъ сибирскомъ платкѣ, съ какими то таинственными пакетами, обернутыми въ красное сукно, прямо отправился во дворецъ, гдѣ будто бы и представился Императору немедленно; въ слѣдъ за тѣмъ онъ самъ былъ задержанъ; Савельевъ и три другіе скопца, находившіеся съ нимъ въ особыхъ связяхъ, также взяты подъ арестъ, а въ Иркутскѣ отправленъ нарочный курьеръ за Селивановымъ. Что тутъ есть истина, доказывается тѣмъ, что въ то же самое время, именно 2 декабря 1796 года, вытребованъ былъ изъ Динаминда, по Высочайшему же повелѣнію, Александръ Ивановъ, „другъ и наперсникъ“ Селиванова, для принятія котораго, по официальному извѣстію, присланъ былъ туда нарочно какой-то крестьянинъ Иванъ Фроловъ. — Какъ бы то ни было, оба они, Селивановъ и Александръ Ивановъ, опять въ одно же время, въ январѣ 1797 года, получили въ Петербургѣ рѣшеніе своей судьбы и отправлены: первый въ больницу, или точнѣе въ домъ сумасшедшихъ, а послѣдній въ Шлиссельбургскую крѣпость, куда съ нимъ поѣхалъ и Масонъ, и остальные четверо скопцовъ, въ томъ числѣ Савельевъ, взятые одновременно подъ стражу въ Петербургѣ. Скопцы это послѣднее объясняютъ тѣмъ, что Государь огорчился настояніемъ Селиванова, дабы онъ принялъ оскотленіе, а на Масона прогнѣвался за то, что онъ осмѣлился явиться къ нему въ

дорожномъ платьѣ. Но ходъ дѣлъ, разсматриваемый безпристрастно, ясно показываетъ, что Государь точно былъ смущенъ извѣстіемъ о Селивановѣ, который въ то время, безъ сомнѣнія, уже принялъ на себя свое двойное самозванство, что между Селивановымъ и Александромъ Ивановымъ существовала относящаяся къ тому же предмету связь, къ коей соприкосновенны были и четверо скопцовъ, арестованныхъ современно въ Петербургѣ, что Масонъ лицо весьма подозрительное, но къ сожалѣнію до сихъ поръ ускользающее отъ точнаго и подробнаго проясненія ходящихъ объ немъ преданій, нашелъ средства усилить смущеніе Государя, и тѣмъ возбудить въ немъ желаніе лично увидѣть иркутскаго самозванца и его динаминдскаго наперсника, что видъ ихъ показалъ тотчасъ, что это за птицы, и Масонъ, виновникъ тревоги, получилъ достойное наказаніе за свой обманъ, а предметъ этой тревоги, Селивановъ, можетъ быть и дѣйствительно, въ пылу фанатизма и самонадѣянности, весьма естественно усиленной внезапнымъ возвращеніемъ изъ ссылки и допущеніемъ предъ очи Монарха, имѣлъ безуміе произнести приписываемыя ему дикія слова на счетъ „принятія оскотленія“, за которыми ничего не могло послѣдовать, какъ немедленное отправленіе его прямо въ дошъ сумасшедшихъ. — Вотъ самая естественная разгадка этого, изукрашеннаго фантазією скопцовъ происшествія, которое вдругъ, изъ глубины Сибири, перенесло въ столицу высѣченнаго кнутомъ каторжника, не прекратившаго, но усугубившаго въ ссылкѣ свое преступное самозванство!..

VIII.

МОСКОВСКІЕ СКОПЦЫ-МѢНЯЛЫ.

Въ узкихъ и кривыхъ улицахъ Москвы засѣли издавна мѣнялы-скопцы. Размѣнные столы и палатки, разсѣянные по Москвѣ, обставлены желтыми фигурами изувѣровъ, со сморщенными и безбородыми лицами и тусклыми глазами. Жадно считаютъ серебро и золото эти физическіе и нравственные калѣки, а еще жаднѣе ста-

раются приобрести его, чтобы покупать новых жертвы для умножения желаемого по апокалипсису числа 144,000. Люди эти, благодаря взаимной поддержке друг друга, большею частью живут в довольстве и зажиточности и разживаются до огромных богатств, до миллионерства, имеют в руках своих самый могущественный талисманъ къ завлеченію въ свои сѣти бѣдныхъ, безпомощныхъ, стѣсненныхъ неотвратимыми лишеніями и нуждами.... Что можетъ быть соблазнительнѣе для простолюдина, какъ напр., обѣщаніе избавить его отъ рекрутства, выкупить, во время оно, на волю отъ помѣщика, оказывать всегда помощь и покровительство, взять къ себѣ въ прикащики, въ наслѣдники и т. п.? Богачи скопцы, большею частью выходцы изъ простаго сельскаго или мѣщанскаго быта, убѣждаютъ родственниковъ своихъ, остающихся въ бѣдности, завидующихъ ихъ богатству, прислать къ нимъ одного изъ нѣсколькихъ племянниковъ, или внучатныхъ братьевъ, обѣщая усыновить ихъ, передать имъ все свое состояніе. Не рѣдко и у стороннихъ бѣдныхъ родителей, задаривая ихъ, они, такъ сказать, покупаютъ дѣтей на наличныя деньги; также охотно берутъ себѣ на воспитаніе круглыхъ сиротъ и подкидышей... Такіе мальчики, воспитанные въ сознаніи, что у нихъ на одной сторонѣ вѣсовъ все, на другой — рѣшительно ничего, суть жертвы, раньше или позже обреченныя неминуемому закланію! Что сказать о томъ соблазнѣ, который представляютъ имъ многочисленныя, почти повсюдныя примѣры, что отъявленные скопцы, извѣстные правительству, не взирая на угрозы законовъ, живутъ спокойно въ столицахъ, имѣютъ великолѣпныя палаты, фабрики, вращаютъ миллионами, даже, какъ было до сихъ поръ, занимаютъ разныя почетныя должности, украшаются различными знаками отличія, не только медалями, но и орденами? Послѣ этого не должно слишкомъ дивиться легковѣрію, съ какимъ обольщаемые принимаютъ нелѣпыя слухи, распускаемые соблазнителями, будто „въ сектѣ скопцевъ и нынѣ состоятъ многіе вельможи“, при чемъ вѣрованіе въ лже-искупителя, лже-царя — вѣнецъ обольщенія — получаетъ новое для невѣжественной толпы подтвержденіе.

Эгоизмъ этихъ изувѣровъ, надобно замѣтить, изобличаетъ себя злобой, которую питаютъ они ко всемъ прочимъ людямъ вельдѣствіе

оскопления, полагающего между ними и остальнымъ міромъ вѣчную, непреодолимую преграду. При отсутствіи внутренняго начала любви, это чувство соединяетъ ихъ въ то тѣсное братство, которое они составляютъ своею совокупностью, и которое собственно есть ни что иное, какъ заговоръ противъ всего остальнаго человѣчества... Типъ скопца есть воплощенная ненависть ко всему, что живетъ и наслаждается удовольствіями жизни, которыя для него недоступны! Корыстолюбіе, вслѣдствіе неспособности скопцевъ ко всѣмъ прочимъ наслажденіямъ, превращается въ главную, единственную стихію ихъ жизни. Драгоценный металлъ имѣетъ для нихъ потому особенную, волшебную прелесть... Вотъ почему и въ пѣсняхъ ихъ безпрестанно твердится о „серебрѣ и золотѣ“, какъ о символахъ верховнаго блаженства, ожидаемаго ими отъ же-искупителя:

«За страданія— дарованія
Злата, серебра; крупна жемчугу,
И съ пресвѣтлыми брилліантами»...

Вотъ почему и самое же-ученіе и вѣрованія свои они любятъ называть „товаромъ“, которому цѣны нѣтъ, и вообще все свое заблужденіе представляютъ въ образѣ торговли, которая должна сдѣлать изъ нихъ „милліонеровъ“. Въ то время, когда женщины Москвы, особливо красивыя, проходятъ мимо желтыхъ мѣнялъ, или заходятъ къ нимъ размѣнивать деньги, эти уроды изъ желтыхъ превращаются въ багровыхъ... Страсти человѣческія, при видѣ женской красоты, особливо истовой красавицы, начинаютъ подниматься со дна зачерствѣлой души; но желтый калѣва твердо помнитъ „Страды“, въ коихъ подѣ клятвою запрещено, чтобы братья, т. е. скопцы, не имѣли съ женщинами „праздныхъ разговоровъ“, отъ чего происходитъ уже лѣпость, т. е. вожделѣніе, которое, какъ магнитъ-камень, имѣющій свойство привлекать къ себѣ близъ находящееся желѣзо, по врожденному свойству каждаго близго обращающагося брата съ-сестрою привлекаетъ къ себѣ, и яко моль точитъ и поѣдаетъ всю добродѣтель, и изгоняетъ благодать Божію“. Желтый мѣняла, въ такихъ случаяхъ, кусаетъ себѣ губы, багровѣетъ отъ соблазнительнаго впечатлѣнія. Ясно, что тутъ надѣ калѣвами беретъ силу развратъ воображенія. Жалкіе люди!..

IX.

ЧЕРТОВА СВАДЬБА.

Въ одинъ воскресный день, когда вся Москва оглашалась гуломъ обѣденныхъ колоколовъ, намъ пришлось ѣхать по одному мосту. Вдругъ насъ обогнало нѣсколько извозничьихъ пролетокъ, въ коихъ сидѣли съ желтыми лицами скопцы, имѣя на колѣняхъ новыя тюфяки. То были изувѣры, ѣхавшіе съ новою постелью вѣроятно для уловленной жертвы. Въ 12 часу дня воскреснаго, по обычаю скопческому, можетъ быть должна была совершиться въ условномъ домѣ гнуснѣйшая изъ гнусныхъ операций надъ живымъ человѣкомъ...

Да, подумали мы, наши законы воспрепятствуютъ всякое соединеніе людей безъ вѣдома правительства, въ видѣ постоянныхъ „обществъ, ученыхъ товариществъ и братствъ“, хотя бы въ родѣ „комитета грамотности“ и т. п. собранія; но за то скопцы составляютъ у насъ въ полномъ смыслѣ „братство“ или „общество“, которое имѣетъ свои начала, цѣли и правила, не только не дозволяемыя, но строго воспрепятствуемыя законами, потому что умѣютъ остановить бдительность правительства.

— Вѣдь это ѣдутъ, пожалуй, на оскотленіе? спросили мы проходящихъ лицъ, смотрящихъ равнодушно на палачей человѣчества. — Что же вы не остановите быть можетъ преступленія, когда есть возможность, пожалуй, спасти человѣка?

— А какъ бы это сдѣлать? отвѣтили намъ изумленные такимъ вопросомъ граждане Москвы.

— Дать знать поскорѣ комунибудь.

— Что? Ты видно баринъ пріѣзжій, а мы здѣшніе обыватели, и знаемъ короче утиного носа, какъ достаются эти разныя заявленія. И пословица говоритъ: „съ сильными не борись, а съ богатыми не тягайся!“..

Чтожь тутъ было возражать на такія рѣчи, основанныя, конечно, на практикѣ?..

X

МОЛОКАНСКІЙ ПОПЪ

I.

БОГДАНЪ ИВАНОВЪ.

Солнце стояло еще высоко на горизонтѣ, когда я, путешествуя для знакомства съ русскими сектантами, выбрался въ іюнь 186* года изъ безконечныхъ степей и увидѣлъ предъ собою большое молоканское село О. Г., Астраханской губерніи. Ямщикъ поѣхалъ по селу шагомъ. На улицѣ попадались мужики богато по-сельски одѣтые. Село видимо казалось полною чашею изобилія. На гумнахъ стояло по 30 копенъ хлѣба; скота глазъ не окинешь, дома дорогой цѣны и все тесовые; предъ домами прекрасныя колодны съ водовачальнями; кабака ни одного, церкви тоже.

Черезъ полчаса послѣ приѣзда въ эту богатую русскую степную колонію, я сидѣлъ уже въ просторной избѣ молоканскаго попа Богдана Иванова. Лавки высокой, съ чистыми стѣнными избы, устланы бѣлыми кошмами, столъ накрылся бѣлою, какъ снѣгъ, скатертью и украсился огромною параллельною библіею времени русскаго библейскаго общества, особливо цѣнимою Молоканами... Такая обстановка всегда употребляется Молоканами, когда они ведутъ бесѣду о предметахъ вѣры; для меня исключенія сдѣлано не было. Сѣдые какъ лунъ старики усѣлись по лавкамъ на бѣлыхъ кошмахъ вокругъ стола и внимательно слѣдили за нашимъ разговоромъ.

— Такъ ты, Богданъ Ивановичъ, говоришь, сказалъ я, — что вы молоканы понимаете Бога лучше насъ?

— Я не сказалъ, отвѣтилъ Молоканскій богословъ, — что мы его лучше васъ понимаемъ, но подтверждаю, что понимаемъ его хорошо.

— Богъ открывается намъ во всемъ, внѣ насъ и внутри насъ сущемъ, какъ причина и цѣль всего; горе невидящимъ свѣта! Мы во всемъ видимъ присутствіе Его и вся красота, лѣпота и сіяніе міра есть только отблескъ Его, единого, красиваго, лѣпотнаго и сіяющаго во славу Своей.

— Но во всей полнотѣ истины своей Богъ открывается намъ въ нашемъ духѣ, ибо мы созданы по образу и по подобію Божию, который, по словамъ апостола, состоитъ въ „правдѣ и святости истины“, и въ духѣ нашемъ Богъ открывается намъ, какъ наша сущность, начало, причина, свобода, истина и цѣль; Онъ всецѣло въ насъ пребываетъ и присущъ намъ, ибо мы „храмъ Бога живаго“, и Богъ въ насъ обитаетъ, и мы въ Немъ

— Кромѣ этихъ двухъ откровеній, изъ которыхъ всякій, разумомъ обладающій, можетъ познать Бога, мы познаемъ его еще изъ книги называемой Библіей, ибо въ ней видимъ всю глубину божественной премудрости, и принимаемъ ее какъ непреложное руководство къ богопознанію. Библия рассказываетъ намъ судьбы народа еврейскаго, но мы кромѣ того видимъ въ ней боговдохновенный рассказъ о постепенномъ возрастаніи человѣческаго духа въ богопознаніи, и потому, хотя эта книга и давно написана, мы считаемъ ее вѣчно юною и неисчерпаемою. Последнею же священною книгою считаемъ Апокалипсисъ, или откровеніе святаго Іоанна Богослова.

— Вотъ наши единственные источники въ богопознаніи; въ нихъ Самъ Богъ открылъ себя намъ, они Его истинное откровеніе!

— Кромѣ поименованныхъ источниковъ для богопознанія, никакихъ другихъ не принимаемъ. Апостолъ Павелъ говоритъ: „хотя бы мы, или ангель съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы вамъ благовѣствовали, да будетъ анафема“, потому и мы не придаемъ божественнаго значенія преданіямъ и твореніямъ отцовъ греко-россійской церкви и не почитаемъ истиннымъ ученіемъ ихъ, „запрещающаго вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что

Богъ сотворилъ, дабы вѣрные и познавше истину вкушали съ благодареніемъ.“

Вогданъ Ивановичъ былъ ученый наставникъ воложанскій, и видимо и обладалъ теологіей... Огромная библія въ его рукахъ перелистывалась какъ азбука; такъ знакомъ былъ ему каждый листъ священной книги!

II.

Б Р А Т С Т В О .

— Вы вотъ свое общество называете „братствомъ“, возразилъ я Вогдану Иванову, — скажите на милость: какъ же велика у васъ братская любовь къ ближнимъ, и какъ вы понимаете христіанскія обязанности

— Извольте! Охотно! отвѣтилъ воложанскій теологъ. Чтобы сдѣлаться хорошими людьми, а не пьяницами, безпутниками и свотоподобными существами, мы должны быть „совершенны, какъ и отецъ нашъ небесный.“ Божественный учитель показалъ намъ свою жизнь, какъ намъ достигнуть этого совершенства; и вся жизнь Его есть только раскрытіе Его божественнаго духа, и была одною любовію къ Богу и къ ближнему. Онъ сказалъ намъ, въ чемъ состоитъ весь истинный законъ божескій и человѣческій! На вопросъ, какаѣ есть большія заповѣди, Онъ отвѣчалъ: возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всѣмъ разуміемъ твоимъ, и всею крѣпостію твоею, — вотъ первая заповѣдь; вторая подобная ей заповѣдь есть сіѣ: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя, въ этомъ весь законъ и пророки; и заповѣди эти не тяжки: Богъ самъ первый полюбилъ насъ и вселелся въ насъ. Онъ есть наша сущность, Онъ то, что въ насъ самаго истиннаго и разумаго. И потому намъ легко и естественно любить его, потому что только въ любви къ Нему познаемъ себя, и дѣлаемся тѣмъ, чѣмъ мы по природѣ своей должны быть, т. е. образомъ и подобіемъ Божиимъ: Любовь отъ Бога, и всякій кто любитъ рожденъ

отъ Бога, потому что Богъ есть любовь „и пребывающій въ любви пребываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ“.

— Но съ заповѣдью о любви къ Богу, связана заповѣдь о любви къ ближнему, ибо „что мы любимъ дѣтей Божіихъ, сіе узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога“. Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавижу, тотъ лжець: ибо нелюбящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? И заповѣдь мы имѣемъ отъ Него (Христа) такую, чтобы всякій, любящій Бога, любилъ и брата своего“; кто не любитъ ближняго своего, тотъ есть врагъ Божій, понеже Богъ есть человеколюбець; „всякій ненавидящій брата своего, есть человеко-убійца, а никакой человеко-убійца не имѣетъ жизни вѣчной, въ немъ пребывающей!“

— И любить мы должны не только дѣлающихъ намъ добро, но всякаго человѣка; и любить мы его должны не за какую либо пріязнь его къ намъ, но безъ разбора, какъ брата о Христѣ, какъ образъ и подобіе Божіе, и не ради собственной пользы; или наслажденія, но единственно ради любви Божіей, ибо Богъ возлюбилъ насъ за ничто и безъ всякой корысти, и потому кто любитъ ближняго своего для своей корысти, тотъ не имѣетъ любви чистой, любви божественной. Самъ Христосъ Спаситель нашъ научилъ насъ: „любите враговъ вашихъ, благословляйте влчующихъ васъ; благотворите ненавидящихъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ: да будете сынами Отца вашего небеснаго; потому что Онъ ведетъ восходить солнцу своему надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. И если любите любящихъ васъ, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники любящихъ ихъ любятъ. И если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ добро дѣлаютъ — какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники тоже дѣлаютъ. И если взаимы даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники дадутъ взаимы грѣшникамъ, чтобы получить обратно столькоже. Но вы любите враговъ вашихъ, и благотворите и взаимы давайте, ничего не ожидая; и будетъ вамъ награда великая, и вы будете сынами Всевышняго; ибо Онъ благу къ неблагодарнымъ и злымъ...“

— Но любовь наша къ ближнему должна выразиться въ дѣлахъ; „любовь познали мы въ томъ, что Онъ (Христосъ) душу Свою по-

ложилъ за насъ: посему и мы должны полагать души за братьевъ. А кто имѣетъ богатство міра сего, но видя брата своего имѣющаго нужду, затворяетъ отъ него сердце свое, въ томъ гдѣ любовь Божія? Ибо чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцомъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастія“. „Не словомъ или языкомъ должны мы любить ближняго, но дѣломъ и истиною“; ибо если напримѣръ братъ и сестра наги и не имѣютъ дневнаго пропитанія, а кто нибудь скажетъ имъ: подите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла, что пользы?

— Что же вы сдѣлали и дѣлаете для ближнихъ? Спросилъ я.

— У насъ нѣтъ нищихъ, отвѣтили сидѣвшіе вокругъ стола, — нѣтъ сиротъ, презренныхъ обществомъ. Мы съедемъ особая десятины для ближнихъ и немощныхъ и убираемъ ихъ общими трудами...

— Кто слушаетъ слово Божіе, заключилъ бесѣду о братствѣ Богданъ Ивановъ, — и не исполняетъ его, тотъ подобенъ человѣку выдающему собственное лице свое въ зеркалѣ, который посмотрѣлъ себя, отошелъ, и тотчасъ забылъ, каковъ онъ!.. Но кто вникаетъ въ законъ совершенный и пребудетъ въ немъ, тотъ, будучи не слушателемъ забывчивымъ, а исполнителемъ дѣла, блаженъ будетъ въ своемъ дѣйствованіи!...

III.

ЗА ЧАЕМЪ.

У колоколовъ нѣтъ другаго угощенія, кромѣ чая и меду. Вина же они не знаютъ; не знаютъ даже и названій винъ. Понятно, что десять или пятнадцать тысячъ, которыя пропиваетъ въ одинъ годъ каждое православное село, оствался у нихъ въ карманѣ, возвышаютъ неизмѣрно ихъ общественное благосостояніе. Но 10 тысячъ въ годъ сохранить въ селѣ не пропитыми, значить въ 10 лѣтъ

оставить въ варманѣ 100 тысячъ рублей. А это сумма, на которую высоко можно поднять благосостояніе народное!

Смеркалось. Намъ молобанки подали чаю. Всѣ принялись за чайныя чашки и въ разговорѣ о томъ о семъ зашла рѣчь о монашествѣ, котораго молобане не имѣютъ.

— Когда заговорилъ на эту тему Богданъ Ивановъ, — Иисусъ Христосъ говорилъ фарисеямъ о святости и ненарушимости брака, ученики Его сказали Ему: „Если такова обязанность мужа къ женѣ, то лучше и не жениться“. Онъ же сказалъ имъ: „Не всѣ могутъ снести сіе, но тѣ, коимъ дано. Ибо есть скопцы, которые изъ чрева матерняго родились такъ, и есть скопцы, которые сдѣлались скопцами отъ челоуѣковъ, и есть скопцы, которые сами себя сдѣлали скопцами, ради царствія небеснаго. Кто можетъ снести тотъ неси.“

— Спаситель говоритъ тутъ о трехъ различныхъ родахъ скопцовъ, во первыхъ о тѣхъ, которые родились скопцами: это уроды, обиженыя природою, которые отъ рожденія имѣютъ половые уды поврежденными и негодными къ брачному сожителству; во вторыхъ о тѣхъ, которые оскотлены людьми: ибо въ древности, и въ особенності во времена земной жизни Спасителя, между богатыми язычниками былъ обычай имѣть у себя въ услуженіи оскотенныхъ рабовъ. Такимъ людямъ давали большія деньги, и потому находилось много охотниковъ подвергать себя оскотенію. Оба эти разряда скопцовъ не преступаютъ седьмой заповѣди; но можетъ ли имъ это быть поставлено въ заслугу? Разумѣется нѣтъ, ибо что за добродѣтель не грѣшить, когда нѣтъ и возможности грѣшить? Само же добровольное членовредительство — есть грѣхъ, ибо въ священномъ писаніи сказано: „Не войдетъ въ общество Господа Бога имѣющій выдавленные ядра, или отрѣзанный стволъ...“ И есть скопцы, говоритъ Христосъ, — которые сами сдѣлались скопцами ради царствія небеснаго. О какомъ оскотеніи говоритъ тутъ Спаситель? Мы разумѣемъ, что о духовномъ, ибо ежели бы Онъ хвалилъ тѣлесное скопчество, членовредительство, то Самъ бы первый показалъ на себя примѣръ, ибо Божественный нашъ учитель училъ не только словомъ, но и дѣломъ. Ежели бы Спаситель хвалилъ членовредительство, то неужели не началъ бы послѣдователей этому ученію между своими Апостолами и учениками? Между тѣмъ изъ священ-

наго писанія не видно, чтобы Христосъ, или кто либо изъ святыхъ Апостоловъ Его, былъ тѣлеснымъ образомъ оскoплeнъ. Изъ святыхъ Апостоловъ нѣкоторые были даже женаты, напримѣръ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Христовыхъ святой Апостоль Петръ. Къ тому же Христосъ прибавляетъ: „Кто можетъ снести, тотъ неси“. Слѣдовательно, Онъ считалъ, что не легко нести это; а какая же трудность, скажемъ для примѣра, не ходить, когда ногъ нѣту; гораздо труднѣе было бы ходить! Примѣръ того, до чего можетъ довести неразумное — плотское пониманіе словъ Спасителя, представляетъ секта нашихъ безумныхъ скопцевъ. Эти люди считаютъ, что для достиженія блаженства необходимо умерщвленіе половыхъ удъ, которые они называютъ грѣхомъ. Они не хотятъ понять, что наши половые члены созданы Господомъ Богомъ точно также, какъ и всѣ прочіе члены тѣла, и что безумно называть грѣхомъ то, что создано Самимъ Богомъ... Скопческая секта есть извращеніе человѣческой природы, униженіе образа и подобія Божіаго, и потому она грѣхъ противъ Господа Бога, сотворившаго все во всѣхъ.

— Явное дѣло, что Христосъ вездѣ говоритъ о духовномъ скопчествѣ, о воздержаніи не только отъ прелюбодѣянія, но и отъ брачнаго сожительства, Онъ хвалитъ такое воздержаніе, но не говоритъ о необходимости его для всѣхъ. Онъ даже говоритъ о немъ какъ бы въ опроверженіе словъ учениковъ: „лучше не жениться“. Самъ Онъ пребывалъ безбраченъ, но врядъ ли считалъ Онъ многихъ способными къ этому подвигу, — а потому даже и не советуетъ своимъ ученикамъ безбрачія. Онъ сказалъ только: „Кто можетъ снести, тотъ неси“, и слѣдовательно, кто не можетъ, тотъ и не берись, и не общайся.

— Согласно этому учить и Апостоль Павелъ: „хорошо человѣку не касаться женщины, но во избѣжаніе блудодѣянія каждый пусть имѣетъ свою жену, и каждая жена пусть имѣетъ своего мужа!“

IV.

ЧЕСТНОЕ СЛОВО.

Зная, что молокане не принимаютъ присяги и само правительство наше, даже въ самыхъ важныхъ дѣлахъ уголовныхъ, довольствуется тѣмъ, что беретъ отъ нихъ „честное слово“, я послѣ этого завелъ рѣчь съ молоканами объ этомъ „честномъ словѣ“. Богданъ Ивановъ, перелистывая библію, заговорилъ на эту тему такъ:

— Въ Откровеніи говорится: „Напиши всѣмъ лжецамъ часть въ озерѣ, горящемъ огнемъ и сѣрою“.

— Говорящей неправду лжець позоритъ святое имя Божіе и попрачааетъ въ себѣ Его образъ и подобіе, ибо этотъ образъ и подобіе состоитъ „въ правдѣ и святости истины“; а кто измѣняетъ правдѣ, кто не имѣетъ въ себѣ истины, въ томъ гдѣ образъ Божій? И пребывающій во лжи—недостойный поклонникъ Бога. „Богу должно покланяться въ истинѣ, ибо такихъ Отець ищетъ себѣ поклонниковъ“, а посему, говоритъ святой апостоль, отвергнувъ ложь, не идите другъ на друга, но всѣ говорите истину предъ ближнимъ своимъ“.

— Языкѣ, говорящій неправду—„неукротимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда“.

— „Проклятъ наушникъ и двуязычный, ибо онъ растроилъ многихъ жившихъ въ мірѣ. Трехъязычныя уста многихъ потрясли и изгнали отъ народа въ народъ, разрушали тверды грады и ниспровергали дома князей. Трехъязычныя уста изгнали мужественныхъ женъ, и лишили ихъ своихъ стяжаній. Кто преклоняетъ къ нимъ слухъ, тотъ не найдетъ покоя, и не будетъ жить въ мірѣ. Ударъ бича дѣлаетъ рубцы; но ударъ языка сокрушаетъ кости. Многіе пали отъ острія меча; но еще болѣе пало отъ языка. Блаженъ, кто сохраняется отъ него, кто не подвергается ярости его, кто не носить ярма его и не скованъ узами его! Ибо ярмо его — ярмо желѣзное, узы его — узы мѣдныя. Ужасна смерть — смерть его, и сноснѣе адъ, нежели языкъ. Надъ благочестивыми онъ не господ-

стуеть и они не горятъ въ его пламени. Оставляющіе Господа впадаютъ въ его власть; въ нихъ горитъ онъ и не погасаетъ. Онъ нападаетъ на нихъ, какъ левъ, и какъ барсъ терзаетъ ихъ. Смотри ограды свое владѣніе шиновникомъ, серебро свое и золото завязки вмѣстѣ; но и для словъ своихъ едѣлай дверь и запоръ“.

— „Сказываю вамъ“, говоритъ Спаситель, что за всякое праздное слово, какое скажутъ человѣки, отдадутъ отвѣтъ въ день судный. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься“. Хуже же всего, когда мы говоримъ ложь для того, чтобы погубить человѣка. „Люби ближняго, какъ самого себя“, заповѣдалъ намъ Христосъ; и самъ Богъ чрезъ Моисея: „любовь же не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ“, а потому лгушій, или свидѣтельствующій ложно на человѣка, не имѣетъ въ сердцѣ любви къ ближнему и не есть исполнитель заповѣди Божіей, а напротивъ того—нарушитель ея, ибо радуется неправдѣ, а не истинѣ!

— Точно также грѣхъ противъ Бога „неправедный судъ“. Вотъ какъ повелѣваетъ Господь чрезъ Моисея: „Не будете вы дѣлать неправды въ судѣ и не будете пристрастны къ особѣ убогаго, и не будете почитать великаго: справедливо ты долженъ судить товарищей твоихъ.“ Не совратишь ты суда, не обратишь ты вниманія на важность подсудимыхъ лицъ и не возьмешь взятки, ибо взятка ослѣпляетъ глаза мудрыхъ и извращаетъ слова справедливыхъ.

— Неправедный судья долженъ помнить, что „какимъ судомъ судить, такимъ судимъ будетъ“, и что „тѣмъ, которые упорствуютъ и не покоряются истинѣ, но предаются неправдѣ, Богъ воздастъ ярость и гнѣвъ.“

— Не лгать и клеветать должны мы на ближняго, и притѣснять его неправосудіемъ, а напротивъ, стараться о томъ, чтобы честь его была чиста отъ всякихъ нарѣканій и всякой клеветы, „ибо доброе имя лучше, нежели большое богатство!“ Посему мы считаемъ обязанностію каждаго не жалѣть трудовъ и времени, чтобы свидѣтельствовать правду о ближнемъ, когда, напримѣръ, ближній находится подъ судомъ. Въ особенности же это относится къ тому случаю, когда ближній напъ, почему либо, не въ состояніи самъ заступиться за честь своего добраго имени. „Отверзи уста свои для нѣмаго и немощнаго“, повелѣваетъ священное писаніе!

*

— „Послушаніемъ истинѣ“, говоритъ святой апостоль, чрезъ духа, очистивъ души ваша къ величїю братолюбію, усердно любите другъ друга отъ чистаго сердца, какъ возрожденные... отъ слова Божїа живаго и пребывающаго въ вѣкъ. Помня все это, мы съ разборомъ призывали имя Божіе во свидѣтели. Не прїучай усть, говорить священное писаніе, къ клятвѣ, и не слишкомъ привыкай произносить имя Всевышняго: ибо какъ рабъ, котораго часто наказываютъ, не освободится отъ рубцовъ, такъ и тотъ, кто клянется именемъ Господнимъ, не будетъ чистъ отъ грѣха. Человѣкъ, клянущійся часто, умножаетъ беззаконія, и бичъ не отступитъ отъ его дома. Если онъ дѣлаетъ это по невѣденію, то навлекаетъ на себя грѣхъ; если же по неуваженію, то—грѣшникъ сугубо. Если онъ клянется напрасно, то не будетъ оправданъ, и дожь его мнѣняетъ посѣщеніе Божіе. Божественный Спаситель нашъ научилъ насъ вовсе не клясться. Вы слышали, сказалъ Онъ,—что сказано древнимъ: Не нарушай клятвы, но исполняй въ чемъ клядся предъ Господомъ“. А я говорю вамъ: „Вовсе не клянись ни небомъ, потому что оно престоль Божїй, ни землею, потому что она подножіе ногъ его, ни Іерусалимомъ, потому что онъ градъ великаго царя, ни головою своею не клянись, потому что не можемъ ни одного волоса сдѣлать бѣлымъ, или чернымъ. Но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ! а что сверхъ сего, то отъ лукаваго.“

— На основаніи этого, заключилъ Богданъ Ивановъ, мы считаемъ себя обязанными вовсе не клясться, оставаясь и безъ клятвы вѣрны данному слову, нарушить которое почли бы за грѣхъ.

V.

В О Р Ы.

Молокане, какъ и финляндцы, не имѣютъ понятія о запорахъ и замкахъ, и въ селяхъ своихъ живутъ не зная воровства. По этому поводу я завелъ рѣчь съ собесѣдниками своими о воровствѣ.

— Ни воры, отвѣчалъ Богданъ Ивановъ, раскрывая библію, — ни хищники, царствія Божія не наслѣдуютъ.

— Вотъ что мы читаемъ въ священномъ писаніи о воровствѣ: „Господь сказалъ Іисусу (Навину): встань; для чего ты палъ на лице твое? Израиль согрѣшилъ, и преступили они Завѣтъ мой, который я завѣщалъ имъ; и взяли изъ заклятаго, и украли, и утаили, и положили между своими вещами. Зато сыны Израилевы не могли устоять предъ врагами своими и обратили тылъ врагамъ своимъ, ибо они подпали заклятію; не буду болѣе съ вами, если не удалите отъ себя заклятаго. Встань, освяти народъ, и скажи: освятитесь къ утру; ибо такъ говоритъ Іегова, Богъ Израилевъ: заклѣтое среди тебя Израиль: по сему ты не можешь устоять предъ врагами своими, пока не отдалишь отъ себя заклятаго. Завтра подходите всѣ по колѣнамъ вашимъ; колѣно же, которое укажетъ Господь пусть подходитъ по семействамъ; семейство, которое укажетъ Господь, пусть подходитъ по одному чловѣку. И обличеннаго въ похищеніи заклятаго пусть сожгутъ огнемъ, его и все что у него, за то, что онъ преступилъ Завѣтъ Господень, и сдѣлалъ беззаконіе среди Израиля. Іисусъ рано, вставъ по утру, велѣлъ подходить Израилю по колѣнамъ его; и указано колѣно Іудино. Потомъ велѣлъ подходить колѣну Іудину, и указано племя Зары; велѣлъ подходить племени Зарину по одному чловѣку, и указано семейство Завдіево. Велѣлъ подходить семейству его по одному чловѣку, и указанъ Аханъ, сынъ Хартія, сынъ Завдія, сынъ Зары изъ колѣна Іудина. Тогда Іисусъ сказалъ Ахану: снѣжь мой, воздай славу Іеговѣ, Богу Израилеву и сдѣлай предъ нимъ исповѣданіе, и объяви мнѣ, что сдѣлалъ; не скрой отъ меня! Въ отвѣтъ Іисусу Аханъ сказалъ: точно, я согрѣшилъ предъ Іеговою, Богомъ Израилевымъ, и сдѣлалъ то и то. Между добычей увидѣлъ я одну прекрасную Сенаарскую одежду, и двѣсти сиклей серебра, и кусокъ золота, вѣсомъ въ пятьдесятъ сиклей; это мнѣ полюбилось, и я взялъ это; и вотъ оно спрятано въ землѣ среди шатра моего, и серебро подъ нимъ спрятано. Іисусъ послалъ людей, и они побѣжали въ шатеръ, въ станъ; и вотъ все это спрятано было въ шатрѣ его, и серебро подъ нимъ. Они взяли это изъ шатра, и принесли къ Іисусу и ко всѣмъ сынамъ Израилевымъ и положили

сіе предъ Господомъ. Иисусъ и всѣ Израильтяне съ нимъ взяли Ахана, сына Зарина, и серебро и одежду и кусокъ золота, и вывели его на долину Ахоръ, и сыновей его и дочерей его, и воловъ его и ословъ его, и всѣхъ овецъ его, и шатерь его, и все, что у него было, и вывели ихъ со всѣмъ на долину Ахоръ. И сказалъ Иисусъ: за то, что ты навелъ на насъ бѣду, Господь на тебя наводитъ бѣду въ день сей. И побили его всѣ израильтяне камнями, и сожгли ихъ огнемъ, и наметали на нихъ камни. И набросали на него большую грудку камней, которая уцѣлѣла и до сего дня. Послѣ сего утихла ярость гнѣва Господня. По сему то мѣсто называется долиною Ахоръ даже до сего дня“.

— Не будете вы воровать, повелѣваетъ Господь Богъ, и не будете вы обманывать. Не будешь ты притѣснять ближняго своего и не будешь грабительствовать: не долженъ ты оставлять у себя на ночь до утра жалованья наемника твоего“.

— „Не станешь ты притѣснять наемника, бѣднаго и убогаго, изъ братьевъ ли онъ твоихъ, или изъ гостей, которые живутъ въ землѣ твоей, въ твоихъ воротахъ. Въ самый день заработной платы, и не закатится на ней солнце; ибо онъ бѣденъ и къ ней онъ стремится—чтобы не возопилъ онъ о тебѣ къ Господу, не было бы тебѣ грѣха“. „Не будетъ у тебя въ сумгѣ различныхъ гиръ (для взвѣшиванія большой) и малой. Не будетъ у тебя въ домѣ различныхъ мѣръ,— большой и малой. Гири правильныя и вѣрныя должны быть у тебя... ибо мерзость для Господа Бога твоего всѣ поступающіе такъ, всѣ поступающіе несправедливо“. „Проклятъ передвигающій межевые знаки своего ближняго!

— Не воровствомъ, обманомъ и мошенничествомъ должно кормиться и питаться, а работой и трудомъ. „Въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ“, повелѣваетъ Господь, и потому всякій нетрудащійся, всякій лѣнивый, есть нарушитель заповѣди Божіей“. „Умоляемъ же васъ братія, говоритъ Апостолъ Павелъ... дѣлать свое дѣло, и трудиться собственными руками, какъ мы вамъ заповѣдали“. Нетрудащійся непременно кого-нибудь обкрадываетъ, ибо питается, а пища „въ потѣ лица“ должна быть заработана: нетрудащійся чужимъ потомъ кормится!

— Трудащійся же будетъ доволенъ тѣмъ, что добылъ трудомъ

своими. „Будьте правомъ не сребролюбивы, говоритъ Святой Апостолъ, довольствуясь тѣмъ, что есть“, а тѣ, которые хотятъ обогатиться, впадаютъ въ искушеніе и сѣть, и во многія безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и погибель. Ибо корень всѣхъ золъ есть сребролюбіе.

„Послушайте вы богатые, плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ предстоящихъ вамъ. Богатство ваше сгнило и одежды ваши моль поѣла. Золото и серебро ваше поржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣлемъ противъ васъ и съѣсть плоть вашу, какъ огонь; вы собрали себѣ сокровища на послѣдніе дни. Вотъ плата, удержанная вами у работниковъ, пожавшихъ поля ваши, вопіеть, и вопли жнецовъ дошли до ушей Господа. Вы роскошествовали на землѣ и наслаждались: откормили сердца ваши, какъ бы въ день закланія“..... „Очистите руки, грѣшники! Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте; смѣхъ вашъ да обратится въ плачь, и радость въ печаль“.

Закрывая біблію Богданъ Ивановъ заключилъ свою рѣчь такъ:

— Мы знаемъ законъ Божій, а что знаемъ, тому вѣруемъ и то соблюдаемъ!

VI.

СТАРЦЫ И СТАРИЦЫ.

Ученые иностранные путешественники по Россіи, особливо Гакстгуазенъ, много дивились тому, что у Молоканъ нашихъ старость находится въ такомъ почтеніи, какъ нигдѣ въ Россіи. Семейный бытъ ихъ въ этомъ случаѣ чисто біблейскій. Заговоривъ объ этомъ обстоятельствѣ, я просилъ Богдана Иванова сказать мнѣ, чѣмъ Молокане въ этомъ случаѣ руководствуются!

Богданъ Ивановъ охотно отвѣтилъ:

— Священное писаніе, сказалъ онъ, говоритъ: „Кто бьетъ отца своего, или мать свою, смертію пусть умреть, и кто злословитъ отца своего, или мать свою, смертію пусть умреть“. „Слушайте дѣти отца вашего и слѣдуйте ему, чтобы быть счастливыми: ибо

Господь поставилъ отца надъ дѣтymi и далъ матери судъ надъ сыновьями. Кто почитаетъ отца, тотъ умилостивляетъ Бога за свои грѣхи; и кто почитаетъ свою мать, тотъ подобенъ челоуѣку, собирающему сокровища. Кто уважаетъ своего отца, тотъ будетъ имѣть радость въ своихъ дѣтяхъ, и въ день молитвы своей будетъ услышанъ. Кто почитаетъ своего отца, тотъ будетъ долголѣтенъ, и кто послушенъ Господу, тотъ успокоитъ свою мать. Кто боится Бога, тотъ станетъ почитать своего отца и будетъ служить своимъ родителямъ, какъ рабъ своему господину. Почитай своего отца словомъ и дѣломъ, чтобъ низошло на тебя его благословеніе: ибо благословеніе отца утверждаетъ дома дѣтей и проклятiе матери разрушаетъ ихъ до основанiя. Не ищи славы въ безчестiи своего отца: ибо безчестiе отца не есть слава твоя. Честь отца приноситъ тебѣ славу, и обезславленная мать — позоръ дѣтямъ. Сынъ мой! прими своего отца въ его старости и не огорчай его, доколѣ онъ живъ. Если онъ становится слабъ умомъ, то имѣй снисхожденіе и не презирай его въ полнотѣ твоей силы. Милость, оказанная отцу, не будетъ забыта и пойдетъ въ плату за твои грѣхи. Въ день скорби твоей ты будешь помянутъ; какъ ледъ въ ясную погоду растаютъ грѣхи твои. Богохульникъ тотъ, кто оставляетъ своего отца, и проклятъ Господомъ, кто оскорбляетъ свою мать“.

„Не презирай матери твоей: чтѣ ея во всѣ дни жизни ея, и дѣлай какъ угодно ей, чтобы не опечалить ея. Вспомни, сынъ мой, что когда ты былъ у ней во чревѣ, она много изъ-за тебя страдала“!

— „Не должно стыдиться своихъ родителей. Помни отца своего и мать свою, когда сидишь среди вельможъ. Не забывайся предъ ними и не безумствуй въ своемъ обращенiи, чтобы желать совсѣмъ не родиться и проклинать день своего рожденiя“.

— Эту же заповѣдь и родителямъ налагаются обязанности относительно дѣтей; ибо если дѣтямъ повелѣно повиноваться своимъ родителямъ и уважать ихъ, то и родители должны заботиться о томъ, чтобы имъ быть достойнымъ сего уваженiя, чтобы дѣтямъ было легко, и естественно уважать ихъ и повиноваться имъ: родители должны любить и воспитывать своихъ дѣтей. „Дѣти, говорите св. Апостолъ, повинуйтесь своимъ родителямъ для Госпо-

да; ибо этого требуетъ справедливость. Почитай отца твоего и мать; и вы отцы „не оскверняйте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ“. „Кто любитъ своего сына, тотъ держитъ его подъ лозою, чтобъ впоследствии радоваться о немъ. Кто строго воспитываетъ своего сына, тотъ получаетъ отъ него похвалу, и среди знакомыхъ станетъ хвалиться имъ. Кто учитъ своего сына, тотъ возбуждаетъ зависть во врагѣ, и радуется о немъ предъ своими друзьями. Умеръ отецъ его: но это тоже, какъ будто онъ не умеръ; ибо онъ оставилъ подобнаго себѣ! Въ жизни своей онъ смотрѣлъ на него съ радостью и при кончинѣ не печалится. Не давай сыну власти въ юности и не прощай его гордынь. Учи своего сына и трудись надъ нимъ, чтобъ не получить огорченія отъ его безчестія“.

— „Передъ сѣдими долженъ ты встать и почтить лицо старина“, повелѣваетъ Господь Богъ. „Не презирай челоуѣка въ старости его, потому что и для насъ настанетъ старость“, не удаляйся отъ бесѣды старцевъ, потому что и они учились у своихъ отцовъ“. „Люби быть въ ихъ обществѣ“. „Отъ нихъ приобретешь ты благоразуміе и научишься давать отвѣтъ въ случаѣ нужды“.

Что Бодданъ Ивановъ говорилъ правду, и что слово у Молоканъ не расходится съ дѣломъ, въ томъ я увѣрился на другой день, вида своими глазами, какъ предъ старикомъ, шедшимъ по улицѣ, всѣ встрѣчавшіеся скидали шапки и почтительно владались. Въ томъ; что отецъ и мать у Молоканъ лица также священные, я имѣлъ случай вполне убѣдиться и прежде разговора съ Бодданомъ Ивановымъ.

VII.

МОЛОКАНСКАЯ ІЕРАРХІЯ.

Самый щекотливый вопросъ върованія молоканъ — это іерархія церковная. Какъ ни хотѣлось мнѣ обойти этотъ вопросъ, но мож

собесѣдники сами навели разговоръ на эту тему. Ну, думаю себѣ, поговоримъ и объ этомъ предметѣ. Богданъ Ивановъ снова развертываетъ библію и начинаетъ такую рѣчь.

Глава церкви есть Божественный учитель нашъ Іисусъ Христосъ, котораго Богъ, „воскресивъ изъ мертвыхъ“, посадилъ одесную Себя на небесахъ, превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имени, какимъ именуется не только въ семь свѣтѣхъ, но и въ будущемъ, и все покорилъ подъ ноги Его, и Его поставилъ превыше всего главою церкви, которая есть Его тѣло, полнота Того, который наполняетъ все вѣмь“.

— Никакого другаго начальника вѣры и главы у истинной церкви Христовой нѣтъ и быть не можетъ, ибо если имѣемъ другую главу, то она не Христова, а ежели не Христова, то и не истинная; потому всякій, именующій себя главою церкви, тѣмъ самымъ какъ-бы хочетъ вступать въ соперничество съ единой истинной главою церкви, со Христомъ и дѣлается противникомъ Христовымъ.

— Архіерей и первосвященникъ истинной церкви есть единственно Іисусъ Христосъ. „Мы имѣемъ не такого первосвященника, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но который подобно намъ испыталъ все кромѣ грѣха“, и „который возсѣлъ одесную престола величія на небесахъ“. Во время Ветхаго заветъа были священники изъ смертныхъ людей, и „изъ нихъ многіе были священниками, потому что смерть не допускала ихъ оставаться таковыми. А Сей, поелику пребываетъ вѣчно, и священство имѣетъ непреходящее. Посему онъ и можетъ всегда спасать приходящихъ чрезъ Него къ Богу, будучи всегда живъ, дабы ходатайствовать за нихъ. Таковъ и долженъ быть у насъ первосвященникъ: святой, непричастный злу, непорочный, отдѣленный отъ грѣшниковъ и превознесенный выше небесъ, который не имѣетъ нужды ежедневно, какъ тѣ первосвященники, приносить жертвы за свои грѣхи, потомъ за грѣхи народа. Ибо Онъ совершилъ сіе однажды, принеши въ жертву Себя Самого.“

— И не по собственному или чьему либо произволу сталъ Іисусъ Христосъ первосвященникомъ церкви истинной, ибо «никто самъ собою не пріемлетъ сей части, а только призываемые Богомъ, какъ и Ааронъ. Равнымъ образомъ и Христосъ не Самъ Себѣ присво-

илъ славу быть первосвященникомъ, но Тотъ, Кто сказалъ Ему: „Ты сынъ мой, нынѣ Я родилъ Тебя;“ также и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „Ты священникъ во вѣкъ по чину Мельхиседекову, т. е. по избранію Божію.

— Кромѣ Іисуса Христа никакихъ архіереевъ, первосвященниковъ и священниковъ въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ.

— По примѣру церкви времени апостольскихъ мы собираемся для общественнаго богослуженія и поклоненія Богу. Для наблюденія принятаго порядка при богослуженіи, для чтенія Священнаго Писанія, а также и для принесенія молитвъ, каждая изъ нашихъ мѣстныхъ церквей выбираетъ себѣ пресвитера, или епископа (надсмотрщика) и къ нему двухъ помощниковъ, которые, въ случаѣ болѣзни, или отсутствія по другой какой причинѣ, могли бы заступитъ его мѣсто. Дьяконовъ, бывшихъ въ апостольскихъ церквахъ для наблюденія за соблюденіемъ внѣшняго порядка и благочинія при богослуженіи, мы не имѣемъ. Собранія наши и безъ нихъ не нарушаются никакимъ безчинствомъ, и все собраніи строго соблюдаютъ святость Божественнаго присутствія въ собраніи. Ежели же при увеличеніи церкви нашей встрѣтится надобность въ діаконѣ, то мы изберемъ себѣ такового. При избраніи епископа или пресвитера наблюдаемъ наставленіе апостола Павла: „Епископъ долженъ быть непороченъ, одной жены мужъ, трезвъ, цѣломудренъ, благочиненъ, страннолюбивъ, назидателенъ, не пьяница, не убійца, не сварливъ, не корыстолюбивъ, но тихъ, миролюбивъ, безкорыстенъ, человекъ хорошо управляющій домою своимъ, дѣтей содержащій въ послушаніи со всякою честностію: ибо кто не умѣетъ управлять собственнымъ домою, тому какъ пецись о церкви Божіей?..

— Пресвитеръ и епископъ имѣетъ обязанности и кромѣ собственно богослужебныхъ; онъ долженъ слѣдить за нравственностію церкви и заботиться объ ея духовныхъ нуждахъ. „Старцевъ (пресвитеровъ) вашихъ увѣщаваю я, говорятъ святой Апостоль, также старецъ и свидѣтель Христовыхъ страданій и соучастникъ въ славѣ, которая должна открыться, — пасите Божіе стадо, каково у васъ есть, надзирая за онымъ непринуждено, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но изъ усердія, и не господствуйте надъ настѣдѣемъ Божиимъ (надъ церковью), но будьте примѣромъ

стада"! На основаніи этого пресвитеры у насъ не берутъ отъ церкви никакого вознагражденія, и какъ бы взяли они мзду? Богъ ничего не беретъ съ насъ за ниспосылаемыя намъ милости и щедроты, и Христосъ безвозмездно пострадалъ и пролилъ кровь свою за церковь; такъ и пресвитеры наши считаютъ священною обязанностію безвозмездно служить Богу и церкви. Они почли бы за величайшій грѣхъ и безчестіе брать плату за каждую сказанную молитву...

— Мы также не считаемъ пресвитера лицомъ начальствующимъ надъ мѣстною церковью, или учителемъ церкви. „Не называйтесь учителями“, говоритъ Христосъ, — „ибо у насъ одинъ учитель — Христосъ; а вы всѣ — братія; и не называйтесь наставниками, ибо у васъ одинъ наставникъ — Христосъ“. Потому въ нашей церкви нѣтъ ни большихъ, ни малыхъ, а всѣ мы равны, какъ братья, ибо собраны предъ Богомъ. Наша церковь — есть братская церковь, въ которой одинъ старшій — Исусъ Христосъ; потому мы ее считаемъ истинною церковью.

— Для богослуженія мы не имѣемъ особыхъ помѣщеній, но собираемся въ обыкновенныхъ жилищахъ нашихъ.

— Также не употребляются при нашемъ богослуженіи пресвитерами различныя облаченія на подобіе того, какъ это дѣлается въ Греко-Россійской церкви. Наши пресвитеры присутствуютъ при богослуженіи въ обыкновенныхъ своихъ одеждахъ.

VIII.

медъ сотовый.

Было около 12 часовъ ночи, когда намъ подали замусить сотоваго меда съ бѣлымъ хлѣбомъ. Жена и двѣ дочери Богдана Иванова прислуживали намъ всѣмъ, сидящимъ за столомъ. По поводу сотоваго меда зашла у меня рѣчь о мстахъ. Богданъ Ивановъ заговорилъ.

— Въ дни страданій Исуса Христа мы соблюдаемъ постъ въ

память плотскихъ мученій, которыя добровольно принялъ и претерпѣлъ нашъ Божественный учитель. Въ эти дни мы ничего не ѣдимъ и не пьемъ, и проводимъ ихъ въ молитвѣ.

— Всѣхъ же прочихъ постовъ, установленныхъ Греко-Россійскою церковью, какъ-то: постъ по средамъ и пятницамъ, и прочіе, — не принимаемъ. Кромѣ страстныхъ дней Спасителя, каждый изъ принадлежащихъ къ нашей церкви налагаетъ на себя постъ добровольно, когда почувствуетъ въ томъ надобность для обузданія своей плоти и грѣховныхъ помысловъ; такой постъ длится столько, сколько постящійся полагаетъ для себя нужнымъ; правилъ, связывающихъ свободу и совѣсть — у насъ нѣтъ.

— Также не принимаемъ раздѣленія пищи на скоромную и постную; всякая пища создана Богомъ и одинаково хороша; постной же пищи быть не можетъ, ибо постъ есть воздержаніе отъ всякой пищи, а не наполненіе желудка рыбой и грибами. Поэтому мы, когда постимся, вовсе не принимаемъ ни пищи, ни питія.

— Въ самомъ плотскомъ постѣ еще никакой добродѣтели не видимъ: воздержаніе отъ пищи можетъ освободить духъ отъ плотскихъ помысловъ, сдѣлать его болѣе способнымъ къ добру: но онъ еще не есть самое добро, и за постъ мы еще никакой не ждемъ награды отъ Отца нашего Небеснаго.

— Вотъ что читаемъ мы о постѣ въ священномъ писаніи у Исаіи пророка: „Взывай всюю гортанью, не умолгай; какъ трубою греми гласомъ твоимъ и возвѣсти народу Моему невѣрность его, и дому Іаковлѣву грѣхи ихъ. А они изо дня въ день ищутъ Меня, и хотятъ знать пути Мои, какъ-бы народъ, который поступалъ праведно, и не оставлялъ законовъ Бога своего; требуютъ отъ Меня судовъ правды; желаютъ близости Божіей“. „Почему мы постимся, а Ты не видишь? Томимъ душу свою, а Ты не знаешь!“ „Се! въ день поста вашего вы угрождаете своей прихоти и мстите за всякія досады свои“. „Се! вы поститесь для ссоръ и распрей и для того, чтобы кулакомъ беззаконнымъ бить; не для того поститесь теперь, чтобы гласъ вашъ былъ услышанъ на высотѣ. Таковъ ли долженъ быть постъ, который Я люблю, день, въ который томитъ человѣкъ душу свою, когда гнететъ голову свою, какъ тростникъ,

и подстилаешь себѣ власяницу и пепель? Это ли назовемъ постомъ и днемъ, благоуднымъ господу? А вотъ постъ, который Я люблю; развязывай всякій узелъ неправды, облегчи отягощенныхъ, отпусти притѣсненныхъ на волю, и всякое обязательство неправедное разорви. Раздѣли голоднымъ хлѣбъ твой, нищихъ, немѣющихъ пристанища, введи въ домъ твой; если видишь нагаго, одѣнь его; и отъ родственниковъ твоихъ не отворачивайся. Тогда взойдетъ свѣтъ твой, какъ утренняя заря, и пойдетъ передъ тобой правда твоя, и слава Божія обниметъ тебя. Тогда воззовешь — и Богъ услышитъ тебя!“

— Вотъ въ чемъ состоитъ, заключилъ Богданъ Ивановъ, постъ истинный, постъ приятный Богу, а не въ воздержаніи отъ такъ-называемой скоромной пищи!.. „Чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ, говорить Св. Апостолъ, то есть, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ несчастіи и хранить себя неоскверненнымъ отъ міра!“

IX.

НА ПРОЩАНЬѢ.

На прощаньѣ съ своими собесѣдниками я завелъ рѣчь объ иконахъ, таинствахъ и будущей жизни.

— Второю заповѣдью, данною Моисею, отвѣтилъ Богданъ Ивановъ, запрещается дѣлать какія-либо изображенія и изваянія чего бы то ни было, и какого бы рода ни было, для того, чтобы поклоняться этимъ изображеніямъ. Поэтому мы не имѣемъ никакихъ изображеній и образовъ, ни Господа Бога, ибо, „Его никто никогда не видалъ“, ни кого другаго.

— Таинствъ мы вообще никакихъ не признаемъ, ибо всякая тайна открыта съ пришествіемъ Іисуса Христа его послѣдователямъ: „Вамъ дано знать тайны царствія небснаго“, сказалъ онъ; также точно учить и св. апостолъ Павелъ: „Вы можете, говорить

онъ, читая, усмотрѣть мое разумѣніе тайны Христовой, которая въ другія времена не была показана сынамъ человѣческимъ, а нынѣ открыта святымъ Его апостоламъ и пророкамъ Духомъ Святымъ“. Слѣдовательно, Христосъ открылъ своимъ ученикамъ и апостоламъ тайну, и открылъ. Онъ ее для того, чтобы они благовѣствовали ее всѣмъ и каждому. „Мнѣ, говоритъ апостолъ Павелъ, наименьшему изъ всѣхъ святыхъ, дана благодать сія, благовѣствовать язычникамъ неизслѣдимое богатство Христово и открыть всѣмъ, въ чемъ состоитъ домостроительство тайны, сокрывавшейся отъ вѣчности въ Богѣ... дабы нынѣ чрезъ церковь сдѣлалась известною“.

— При богослуженіи нашемъ мы не совершаемъ и обрядовъ; у насъ нѣтъ ни кажденія, ни еропленія водой, ни зажиганія свѣчей. Правда, ежели мы собираемся вечеромъ, то зажигаемъ свѣчи для освѣщенія горницы; но священнаго въ этихъ свѣчахъ ничего не видимъ!

— Мы вѣруемъ, какъ и всѣ христіане, въ жизнь за гробомъ и въ воскресеніе мертвыхъ, и потому при исходѣ души отъ тѣла молимся и поемъ псалмы, также и при погребеніи. Дѣлаемъ это по примѣру церкви временъ апостольскихъ: „Стефана же нѣкоторые благоговѣйные мужи погребли и сдѣлали по немъ великій плачь“. „Сынъ Мой! повелѣваетъ Священное Писаніе, пролей слезы надъ мертвымъ и какъ тяжело страдающій полными плачь. Восплачь горько, возрыдай искренно и сѣтуй по его достоинству. Вспомни о своей участи, поелику и твоя такова же; вчера мнѣ, а нынѣ тебѣ“. Еслибы мы не вѣрили, что мертвые воскреснутъ, то напрасно было бы о нихъ молиться, но такъ какъ мы знаемъ, что умершіе въ истинной вѣрѣ могутъ надѣяться на радость и блаженство, то и молимся за мертвыхъ, чтобы имъ были отпущены грѣхи ихъ.

Бесѣда наша кончилась слѣдующими словами Богдана Иванова:

— Вотъ добрый человѣкъ наша вѣра! Хороша ли она, худа ли, — судить не намъ, но пока въ томъ, чему мы вѣруемъ, насъ еще не разубѣдили!..

— Можно записать все это для памяти? спросилъ я своихъ собесѣдниковъ.

— Мы того только и желаемъ, отвѣтили мнѣ всѣ въ одинъ голосъ — чтобы вѣру нашу описывали не одни становые и исправники...

На другой день къ вечеру, посмотрѣвши на бытъ молоканъ села О. Г., и записавъ ихъ ученіе, обычаи и правила жизни, я выѣхалъ въ молоканскія поселенія Саратовской губерніи.

XI

РАСКОЛЬНИЧЬИ ХОДАКИ.

I.

ВЪ МОСКВѢ ГУВАТЬ, ПО СЕЛАМЪ ЦѢПКИ ЛЕТАТЬ.

Утреннее солнце стояло выше дерева, когда я ѣхалъ изъ Москвы по одному изъ свѣрхѣйшихъ трактовъ весною 186... Лошади у ямщика были исправныя, и самъ онъ сидѣлъ на козлахъ молодцомъ. Вдали, въ огромной ложбинѣ, показалось, наконецъ, село „Замараево“, по свѣдѣнiямъ моимъ состоявшее въ расколѣ.

— Много раскольниковъ въ этомъ селѣ? спросилъ я ямщика.

— А что? отвѣчалъ возница и обернулъ ко мнѣ свое довольно смышленное лицо, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, сѣрыми глазами и широкими насмѣшливыми губами.

— Да такъ, говорю, любопытствую знать много ли?

— Почитай что все сею! отозвался ямщикъ и поглядывалъ на меня съ-боку, наблюдая, какой эффектъ произвелъ на меня его отвѣтъ.

— И ты знакомъ съ еѣмъ нибудь изъ нихъ въ селѣ?

— Какъ не знакомъ — самъ изъ этого села былъ? вотъ теперь только въ Смышляевѣ сталъ жить, на станціи значить.

— Такъ и ты вѣрно раскольникъ?

— Я-то? — нѣтъ. Былъ да сплылъ! Нынѣ въ міру обрѣтаюсь, отвѣчалъ полусмѣшкомъ возница: — строгостей ужъ больно много.

Картофелю закусишь — эпитемію носи въ полторы тысячи поклоновъ въ день, за чай — по три тысячи поклоновъ на день клади, за трубку, аль папиросу — по тысячѣ поклоновъ въ день... Ну ихъ?

— Какъ же это такъ, спрашиваю, случилось, — давно ли?

— Да какъ родителей на тотъ свѣтъ препроводилъ, съ того времени и лѣстовки сожегъ. Да и ремесло наше ямщицкое такое, что бываешь вездѣ; все, значитъ, мірекое видишь; съ ямщиками медъ, вино пьешь. Ну и разумѣй: какой же тутъ расколъ?

Возница мой оказался, очевидно, изъ продравшихъ, наконецъ, свои мысленныя очи.

— Не знаешь ли, говорю, кто здѣсь въ селѣ боноводомъ-то у раскольниковъ?

— Да навъзжаютъ изъ Мосевы рыболовы.

— Какъ рыболовы?

— Знаю, рыболовы... А то какъ же ихъ? Удять да удять!.. Вотъ и вчера вечеромъ въѣхалъ въ Замараево какой-то монахъ оттуда. Нынче, небось, учить будетъ тамъ. Я же и везъ вчера. Двугривенный на водку дадъ.

— А я дамъ больше, если ты, по пріѣздѣ нашемъ въ Замараево, справишься, гдѣ онъ проповѣдуетъ и уважешь мнѣ тотъ домъ.

— Можно, отчего жъ? съ большимъ услуженіемъ сдѣлаемъ. Дразнятся еще дурачье, какъ пріѣзжаешь къ нимъ: обмірщился, говорятъ, антихристовъ сынъ сталъ, ворчалъ про себя кучерь. — А я тфу на это — вотъ что!..

Черезъ полчаса мы въѣзжали уже въ Замараево. Село это оказалось совсѣмъ плохимъ селомъ. По улицамъ виднѣлось много полустгнившихъ и подонрѣлыхъ срубовъ, то погнувшихся на бокъ, то вросшихъ въ землю. Окна въ домахъ были большею частію волковыя съ оторванными ставнями, а многія съ волчьими, затѣнутыми охлонками. Предъ дворами торчали кое-гдѣ колодцы съ развалившимися срубами, остаткомъ столба и колеса, и съ грязными, истоптанными скотиной лужами. Въ селѣ виднѣлась церковь деревянная, ветхая, несоразмѣрно маленькая сравнительно съ величиною села. Ребятишки раскольничьи постоянно прятались во дворъ при проѣздѣ нашемъ по селу и изъ-подворотни выставляли потомъ

свои шаршавныя головы. Предъ навѣсами дворовъ торчали телѣги безъ колесъ, прѣлыя колоды, а самыя навѣсы были во многихъ мѣстахъ раскрыты.

Съ въѣзгаго двора ямщикъ мой скоро отпавился на поиски монаха московскаго и черезъ полчаса отпрапортоваль, что онъ проповѣдуетъ въ домѣ мѣстнаго уставщика Козлова. Переодѣвшись, я подъ видомъ проѣзжаго вошелъ съ ямщикомъ моимъ въ избу Козлова. Никто не обратилъ вниманія на нашъ приходъ, тѣмъ болѣе, что ямщикъ часто къ нимъ завертываль то поругаться, то подразнить... Только одна беззубая старушонка встрѣтила моего ямщика бранью:—что скадиль-то зубы дѣзешь?

— Не съѣдать чай! отвѣтилъ мой вожакъ; — вотъ проѣзжему взглянуть хочется...

Изва Козлова была большая и на этотъ разъ заключала въ себѣ человѣкъ до 40 народа. Кто стояль, кто сидѣль, кто тѣснился на полатяхъ и на печи. Ладону накурено было столько, что дыханіе захватывало...

Впереди, въ раскольнической монашеской хламидѣ, съ четками въ рукахъ, кто-то ораторствовалъ и возилъ съ книгами.

Смотрю пристальнѣе: Васька Досужевъ, что юлилъ въ Митюговомъ трактирѣ предъ раскольниками-коноводами... Любопытство мое съ этого момента еще болѣе увеличилось, и я рѣшился переслушать всѣ ораторствованія Васьки. Прислушиваюсь.

— Аще кто дерзнетъ пити чай, ораторствовалъ Васька, — тотъ отчаеся Господа Бога; аще кто дерзнетъ пити кофѣ (кофе), въ душѣ того будеть ковъ и лукавство...

— Ого! вотъ ты какія рацеи, другъ любезный, тутъ разводишь, думаль я. — Хорошь!

— Отвращаетесь ли отъ картофеля? взываетъ Васька и опускаетъ очи свои долу, а персты правой руки простираетъ къ небу.

— Отвращаемся, отвращаемся! загудѣла слѣпая толпа....

— Помните, что Бароней въ главѣ 263 говорить: придетъ антихристъ-противникъ, приемятъ сласти похотныя, по ихъ пойдутъ, того мѣръ возлюбить и вельми послушаетъ. Въ то время будеть трава, есть отъ него зовома картофъ, антихристова похоть, нарицають то овощемъ, и распространится по лицу всея земли, и

всякъ возрастъ возлюбитъ сласть великую, помраченіе чловѣци умоу, яко пьяніи; глаголетъ бо о немъ св. Симеонъ Богословъ, яко скверно, яко отъ Рима начало имать, расплодѣнася повсюду и въ томъ брагнѣ чловѣци осквернятся, яко древній Израиль. Масса умильно вздыхаетъ...

— Не варить ли кто браги? взываетъ снова Васька— Не соблазнился ли кто смѣхъ отъ никоніанъ?

— Не варимъ, не варимъ! отвѣчали слушатели Васьки.

Старушенка при этомъ отвѣтѣ заходила съ ладоницею по избѣ и замахала ею въ обѣ стороны. Дымъ ладонный просто захватывалъ дыханіе...

— Разумѣйте, что сіе питіе отъ бѣса сотворено на нагубу душамъ православныхъ христіанъ и на вѣчную муку. По воснесеніи Господа нашего Іисуса Христа ходяще ученицы Господни по земли и учаще люди заповѣдемъ Христовымъ, истиннѣй вѣрѣ христіанстѣй и закону Божію; сатана же завистию своею распалемъ позавидѣ доброму дѣлу Божію, и нача съ бѣсы бесѣдовати, како бы уловити спогубити родъ чловѣческой пьяжствомъ, наипаче же вѣрныхъ христіанъ. И выступи у нихъ одинъ изъ собору піанный бѣсъ, и глагола сатанѣ: азъ вѣдаю, господине, отъ чего сотворити житіе. Сатана же даде ему власть ныннюю, нача съ нимъ бесѣдовати, и глагола ему бѣсъ: аще азъ вѣдаю, господине, яко осталось тоужъ травы, что прельстилъ я Ноеву жену до потома на аравитскихъ горахъ, и азъ пойду по тое траву, и прельщу чловѣка нѣкоего, его же обрящу. И воставъ сатана съ престола съ бѣсемъ и поклонися ему и съ честію великою, и посадивъ его на престолѣ своемъ и положивъ на главѣ его вѣнецъ, и облече его въ порфиру и даде ему скипетръ царскій и нарече ему имя піанный бѣсъ.... и научи чловѣка, како ростити солодъ, и брагу дѣлать, дондеже воскиснетъ, и уготовиша горнъ и горшки, и поставиша кубы и налиаша браги, и накрывше и накинуса горшки и тѣстомъ замазавше струбами, и сквозъ кади пропустиша, и налиша кади воды и положиша подъ кубы огня, и начаша варити, и поиде сквозѣ кади трубами, яко нѣкая хитрая вещь, и на умъ чловѣку не взиде. И тако умудри бѣсъ на погибель чловѣкомъ. А наипаче еже православнымъ христіаномъ... и проч.

Масса вздыхаетъ, нѣкоторые сморкаются.

— Новомодную одежду не соблазнилъ ли бѣсъ кого носить? спрашиваетъ Васька и указательнымъ пальцемъ обводитъ собраніе.

— Нѣтъ! нѣтъ! слышались голоса;—какъ можно?..

— Женщины не носятъ ли платковъ на шеѣ, яко никоніане? звываетъ Васька.

Бабы и дѣвки начали переглядываться между собою.

— Зрите, что о семъ писано въ книгахъ. Въ лѣто 1423 бысть во французской землѣ король, именемъ Евспасіанъ, нумеріаномъ зѣло славный во многихъ королевствахъ западныхъ, вельми же бысть гордъ и упоичивъ, зѣло немилосердъ ко всѣмъ подданнымъ своимъ; и въ нѣкое время ближніи его сенатори пришедше ноцію въ ложницу его и вервію спяща его удавиша. По немъ же остася на престолѣ сынъ его юнъ зѣло, именемъ Карлусъ. И едва возмужавъ и приде въ разумъ и многими нѣмецкими одолѣ королевствы во одержаніе взя и воспомяну отца своего, яко не лѣпою смертію отъ сенаторовъ удавленъ бысть. Созва всю свою область и повелѣ всѣмъ, въ воспоминаніе смерти отца своего, на шеяхъ очевидно петли со удавою носить. Того ради вси подданныи его носила 12 лѣтъ. По семъ собрашася вкупѣ сенатори, и биша челомъ о своемъ безчестіи, еже бы повелѣлъ сняти удавы и петли, еже отъ многихъ странъ понось и униженіе быша; король же едва умоленъ бысть, на милость приклонися. И повелѣ вмѣсто петель платы на шеяхъ носить, дабы поминали смертное убійство отца его, и впредь того не чинити. И тако разыдеся и по инымъ ордамъ, еже на шеяхъ платы носить. Слышала? прерываетъ Васька свое чтеніе.

Всѣ молчать...

— Никто же вводитъ новыхъ изобрѣтеній въ одѣваніяхъ, глаголетъ Офонія; зри Зерцало Мірозрительное, 19 главу на 25-листвѣ: посѣщу на вся языки и на вся сыны Израилевы и на вся одѣваніи ризою странною, и отлученъ бываетъ закону гражданскому и обычаемъ еллинскимъ придержиайся... и проч.

• Бабы и дѣвки покорно опускали очи свои долу и послушно внимали.

— А не сквернитесь ли кто табакомъ, снѣмъ зеліемъ адскимъ?

вопрошаетъ Васька и дѣлаетъ самую ужасную рожу изъ своего лица, причеъ обѣ руки подымаетъ къ небу.

Ужась и смятеніе овладѣвають мгновенно всѣми при этомъ вопросѣ. Слушатели какъ-будто даже удивились этому вопросу, который и давать, повидимому, не слѣдовало, какъ священнику на исповѣди неумѣстно предложить дѣвушкѣ вопросъ, который приличенъ только замужнимъ... Васька замѣтилъ впечатлѣніе своего вопроса и еще громогласнѣе заговорилъ:

— Помните, что пишутъ о немъ! Когда Господь совершилъ дѣло искупленія и извелъ изъ ада съ вѣрою ожидавшихъ Господня пришествія: возсталъ адъ, лихась своихъ плѣнниковъ. Не стони, брате аде, сказалъ аду сатана, азъ вниду во адъ и возму злая семена и посею на землю, отъ того возрастетъ трава табунъ, еже есть табакъ, и ту траву табакъ будутъ многіе люди ясти и пити и тѣ будутъ отъ Господа Бога прокляти, и тѣми проклятыми полна адская утроба наполнена будетъ, и царствовать ими начнеши... Табакъ есть тотъ корень горести выспрь прозябай, о которомъ говорить и св. Ап. Павелъ въ посланіи къ Евреямъ гл. 12, ст. 15,—скверный корень, проклятый на семи соборахъ.... Да! Слушайте. И въ книгѣ Григорія Синаида, въ главѣ 89 листѣ 403, сказано: Аще который человекъ начнетъ держати сію бѣсовскую, и Богомъ ненавидимую, и св. отцы отреченную смердящую траву табакъ, и употреблять каковыми-либо дѣйствіями, то у того человека мозгъ во главѣ его укрупитъ и вмѣсто мозга увидетъ во главу его та смердящая воня, изгубитъ въ немъ мозгъ его и начнетъ тако пребывать не точію во единой главѣ, но во всѣхъ костѣхъ его, и вмѣсто мозга во главѣ его будетъ зола. Аще ли который человекъ нѣкоимъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское—табакъ класти и нюхати въ носъ, или за щеву класти, или курити пипкою, — то таковому бо человекъку не подобаетъ бо въ церковь Божию входить, ни креста, ни Евангелія цѣловати, и причастія ему отнюдь не давати, ни свѣщи, ни просфоры, ни еиміаму, ни всякаго приношенія въ церковь Божию отнюдь не принимати и съ людьми ему не молитися и не ясти, и не пити, дондеже престанетъ отъ таковья мерзости; и Ангелу Божию хранителю души его преставлену по св. крещеніи не прикасающемуся къ нему

и далече отъ него отступившу и плачущуся всегда за сирадную его воню, за губленіе души его, что предался въ руцѣ бѣсовъ ирачныхъ и огню негасимому, и червямъ ядовитымъ, и зміямъ лютымъ, и зубомъ скрежетанія и плачь неугасимый, и сирадъ золь, и нѣсть имъ тама радости и покоя: аще и умереть, то гроба ему не давати и не власти, но бросить въ яму или оврагъ на съѣденіе звѣрямъ, а въ землю его не власти, дабы земля отъ него не осквернилася. Аще который человекъ престанеть отъ такого бѣсовскаго срама и приидеть во истинное покаяніе, со слезами сокрушеннымъ сердцемъ подасть милостыню и смирить себя постомъ и молитвою: — тогда Господь проститъ душу его отъ грѣха того...

— Ну не лицемеръ ли ты Досуевъ, мѣщанинъ города Москвы, Лефортовской части? неволью заговорилъ я наконецъ, вышедши изъ всякаго терпѣнія. — Не ты ли курилъ папиросы и сигары въ Митюговомъ трактирѣ назадъ тому три дня? не ты ли объѣдался тамъ разными жаркими съ картофелемъ съ твоими отцами-коноводами, а теперь крѣпчалъ сюда такіа рацеи разводить передъ слѣпымъ народомъ?..

Васька вдругъ смѣшался, но не растерялся на столько, чтобы бѣжать, какъ дѣлаетъ обыкновенно ихъ братія при такихъ случаяхъ... Слушатели его были болѣе удивлены, чѣмъ испуганы. Глаза всѣхъ обратились на моего проводника, какъ бы съ вопросомъ: кого-де ты привелъ съ собой?

— Ну что ты шутомъ-то, говорю, гороховымъ нарядился? Что это на тебѣ за одѣяніе вмѣсто твоего щеголеватого московскаго сюртука, въ которомъ ты разгуливаешь въ бѣлокаменной-то?

Васька выдерживаетъ себя и не теряетя. — На главѣ, говоритъ, имѣю клобукъ, иже именуется херувимы и серафимы, инде ношу и камилавку, иже именуется четыре евангелиста: Лука, Марка, Матвѣй и Іоаннъ Богословъ; одѣянъ есмь въ мантию, иже именуется покровъ церковный, и ряску, иже именуется риза Господня. Аще кто пострижется сиче и сохранитъ свое черничество, ангель у Христа будетъ въ Царствіи Небесномъ.

— А кто, говорю, *наряжается* ангеломъ-то Христовымъ, да ѣздитъ по селамъ *отправлять жизнь* и безъ того забытаго народа, получая за таковое милое ремесло денежки отъ пославшихъ

тотъ именуется мошенникъ, и наречется ссыльнымъ арестантомъ въ странахъ Сибирскихъ, во области Тобольской и Явутской.... Васька ожится и начинаетъ подозрѣвать меня. Слушатели тоже трусятъ и переглядываются между собою.

— Азъ посланъ Богомъ съ небеси спасти народъ отъ развращенія, отъ власти антихриста, бормочетъ Васька.

— Ай, ай! изъ какого далева!— Не поближе ли откуда? не изъ Москвы ли отъ коноводовъ?

— Имѣемъ архіерея законнаго; почто же смущаеши нашу совѣсть? несмыло возражаетъ Васька.

— Какого? это дворника-то? Знаю, говорю, знаю.

— У насъ въ Москвѣ есть богобоязливая вдова, алмаментъ дребляго благочестія, бормочитъ Васька.

— Какъ же—очень богобоязливая вдова! только слишкомъ близко отъ бѣглыхъ архіереевъ живетъ, всего чрезъ лѣстницу и на чай черезчуръ часто къ нимъ жалуетъ рано по утру, и поздно вечеромъ...

Васька совсѣмъ сталъ теряться.

— Не благоугодно ли, говорю, будетъ ангельскому-то чину ко мнѣ пожаловать на взѣзжій дворъ и поговорить наединѣ обо всемъ этомъ. А то тутъ неловко, народу много!

И, взявъ любезно подъ руку ангела въ иноческомъ образѣ, я вышелъ съ нимъ, дружелюбно разговаривая, изъ избы Боздова. Народъ не шелохнулся.

II.

ПРОПАГАНДИСТЫ.

Когда мы очутились въ комнатѣ взѣзжаго дома, я попросилъ Ваську снять съ себя хламиду и быть тѣмъ, что онъ есть. Васька не прекословилъ и, оставшись въ поддевки, заговорилъ со мною осторожно.

— Ваше высокоблагородіе видно отъ начальства; за раскольниками смотрите?

— Да, говорю, отъ него, только не за раскольниками смотрю, а всматриваюсь лишь въ ихъ житье-бытье...

Васька заюлилъ на каблучкахъ своихъ московскихъ сапогъ. Росту онъ былъ немного выше средняго; черты его загорѣлаго (вѣроятно отъ частыхъ путешествій по селамъ) продолговатаго лица, окруженнаго темнорусой бородой и такими же густыми волосами, были выразительны. Сѣрые, полузакрытые глаза, глядѣли умно и лукаво. Небольшой правильной ротъ, рѣзко обозначившійся изъ подъ русыхъ усовъ, когда онъ улыбался, выражалъ увѣренность въ себѣ и нѣсколько насмѣшливое равнодушіе ко всему окружающему. По рѣзко обозначеннымъ жиламъ на шеѣ, лицѣ и рукахъ, видно было, что Васька человекъ съ энергіей.

— Что же судить меня отправить изволите? вопрошаетъ смиренно Васька. — Я готовъ за вѣру страдать...

— Послушай, говорю, Васька! Судить я тебя не отправлю, это не мое дѣло, а поговорить съ тобою посерьозѣе намѣренъ. Ну понимаешь ли ты, что дѣлаешь? Обсуждалъ ли ты когда-нибудь серьезно послѣдствія, какія терпитъ народъ отъ твоей постыдной профессіи?..

— Какъ же съ!..

— То-то и есть что нѣтъ! Что ты за ерунду безграмотнымъ, несчастнымъ слѣпцамъ плелъ о чаѣ, кофе и картофелѣ? Ужели ты не знаешь, сколько наказаній народъ перенесъ за несѣяніе картофеля, сколько за это сослано на поселеніе; и изъ за кого же? — изъ-за вашего брата коноводовъ! Ты вотъ здѣсь дамолоть чепуху, да и въ Москву уѣдешь кушать благополучно картофель въ трактирахъ, а народъ-то остается голодать, когда онъ могъ бы быть сытымъ не хуже тебя. Какъ же тебѣ не стыдно такія вещи дѣлать? А прійдетъ начальство, начнется принужденіе сѣять картофель, — кто будетъ страдать за ослушаніе? Народъ же опять, а ты вѣдь будешь въ сторонѣ?

— Оно конечно, бормочетъ Васька, — конечно...

— То-то конечно! Ну что ты еще, напряміръ, плелъ за чепуху объ одеждахъ новомодныхъ и о брэгѣ? Что же ты и твои

братія, пославшая тебя, желаетъ, чтобы народъ-то ходилъ въ зипунахъ, да въ полушубкахъ однихъ, когда могъ бы ходить и почище въ чемъ? А ты-то самъ зачѣмъ ходишь въ Москвѣ не въ зипунѣ, а въ скюртукѣ, а богачи-то ваши въ Москвѣ почему разгуливаютъ въ щегольской одеждѣ и ѣздятъ въ каретахъ по бѣлокаменной? Не говорю уже о ихъ женахъ и дочкахъ, выѣзжающихъ въ собраніе и пользующихся всякими удовольствіями столичными...

— Оно конечно... повторяетъ машинально Васька.

— Да что ты задолбилъ одно конечно-то? Ты отвѣчай мнѣ толкомъ на мои вопросы.

— Однако же, заговорилъ наконецъ Васька, — Государь нашъ не велѣлъ тро: чѣзрасколъ-то, свобода тамъ и все такое есть... Во дворецъ ѣздятъ депутаты-то наши, съ адресомъ значить, такъ что же бы какое кому дѣло до насъ?.. Архіереевъ своихъ имѣемъ, не ловятъ вотъ ихъ у насъ, стало быть...

— Стало-быть, говорю, вы можете таскаться по Россіи и сбивать съ толку слѣпой народъ, всѣхъ крестьянъ подданныхъ Государя очумлять всякою ерундою и бреднями для того, чтобы они въ слѣпетѣ своей молились на васъ Богу и взирали съ умиленіемъ на ваши безстыдныя очи?... Хороша плата великодушному Государю-то за то, что онъ принимаетъ вашихъ богачей во дворецъ съ адресами. Нечего сказать!

— Опять и расколъ не приказано трогать...

— Такъ что же? Ты думаешь, что великодушному Государю нашему не угодно преслѣдовать раскола потому, что расколъ такъ хорошъ и привлекателенъ, что ему слѣдуетъ покровительствовать? Ошибаешься, другъ мой, и всѣ тѣ, которые виѣстѣ съ тобою такъ думаютъ. Государю угодно, какъ и всѣмъ благомыслящимъ виѣстѣ съ нимъ, чтобы русскій народъ учился грамотѣ въ школахъ, отрезвлялся отъ своей слѣпоты, суевѣрія, невѣжества и предрасудковъ, чтобы онъ богатѣлъ, а не нищенствовалъ, чтобы изучалъ ремесла и земледѣіе, а не читалъ бессмысленныя каноны ересіархамъ, не спорилъ о ладонѣ, да о цѣпочкахъ на кадилѣ, чтобы жилъ въ хорошихъ и чистыхъ хоромахъ, а не въ грязи и курныхъ избахъ, чтобы шелъ стройно впередъ по пути развитія и просвѣщенія, а

не таскался по лѣсамъ въ иноческихъ вашихъ хламидахъ и не зарывался въ пещеры долбить кожаняя цвѣтники и всякую ерунду писанную, которою вы наводнили Россію въ такомъ количествѣ, что ею хотъ рѣки пруди... Если же Государь и правительство снисходятъ нынѣ расколу, то потому только, что не видятъ пользы въ гоненіяхъ, и правительство наше *лишь невольжества ради терпимъ расколъ, а не покровительствуетъ ему*; ты это твердо помни—и не будетъ никогда времени, чтобы правительство, или Царь рѣшились покровительствовать тунеумію, невольжеству и слѣпотѣ, а тѣмъ болѣе такимъ хватамъ, какъ ты... Всегда было и будетъ желательно, чтобы всякое государство развивалось и процвѣтало, а некисло въ скитахъ, не долбило бабыныхъ сказокъ и не ржавѣло въ пещерахъ, какъ проповѣдуетъ ваша братія, пугая воображеніе простыхъ людей какими-то антихристомъ и прочими пугалами...

— Опять вотъ и Антоній нашъ въ Москвѣ.... бормочетъ Васька...

— Что же вашъ бѣглый архіерей Антоній? Придетъ время, когда поумнѣвшіе изъ раскольниковъ свяжутъ его сами и попросятъ правительственно отправить его, соблазна ради, въ Соловецкій... И ужъ во всякомъ случаѣ никогда не придетъ то время, когда архіерей-дворникъ вашъ будетъ признанъ дѣйствительно архіереемъ, и когда всѣ ваши лопмана, дворники и извозчики въ образѣ архіереевъ будутъ признаны епископами въ Россіи и составятъ іерархію въ іерархіи... Это ты выкинь изъ головы своей однажды навсегда и забудь всѣхъ тѣхъ слабоумныхъ, которые виѣстъ съ тобою также жалко заблуждаются!... Лучшее, что всѣ ваши коноводы изберутъ, это принять единовѣріе, которое и спасетъ ихъ отъ нареканія и позора жалкой пропаганды... Благо московскій купецъ Н. М. Аласинъ устроилъ великолѣпную церковь единовѣрческую на Рогожскомъ кладбищѣ и монастырь на Преображенскомъ. Чего же лучше?

— Вотъ и литература тоже за насъ, возражаетъ Васька.

— Съ чего ты взялъ? Какая это найдется литература въ свѣтѣ, которая защищала бы глупость, бредни, буквализмъ, безжизненную схизму, и вообще ту корпорацію въ государствѣ, которая въ 200

дѣтъ ничего не выработала жизненнаго, а остановила лишь развитіе государства, которая и нынѣ твердить, что отъ чая человѣкъ отчаеся, что кофе есть ковь, брага сатанино питіе, бражъ есть грѣхъ, а безбрачіе—спасеніе, наука и образованіе въ школахъ суть козни антихриста и прочі?... Литература дѣйствительно сочувствовала расколу, но за его гоненія, которыя раздували его, и за жертвы, которыя пали отъ излишней строгости закона, не принося никому пользы; но чтобы видѣть въ расколѣ привлекательность какую и защищать его несостоятельную, тупую и узкую догму—этого никогда не было и не будетъ. Заруби ты это себѣ на носъ однажды навсегда! — Сколько ты получаешь отъ коноводовъ-то своихъ жалованья въ годъ за то, что наряжаешься шутомъ гороховымъ, да читаешь народу чепуху-то всякую?

— Пять-сотъ рублей! отвѣчалъ Васька.

— И за такую цѣну ты берешь себѣ такую обузу преступлений на душу?...! А если въ острогъ еще въ добавокъ попадешь—что тогда?

— Семейство мое обезпечено, по условію, въ этомъ случаѣ...

— Не лучше ли было бы заняться тебѣ торговлею и быть честнымъ гражданиномъ! Тогда ты могъ бы не пятьсотъ имѣть въ годъ. Вѣдь живутъ же люди и богатѣютъ не отъ одной пропаганды!..

— Это конечно, отвѣчаетъ Васька, — отчегоже-съ?..

— Такъ дай мнѣ, говорю, слово, что ты нынѣ же возвратишься въ Москву, бросишь свое постыдное ремесло, расскажешь о чемъ я съ тобою говорилъ своимъ наибольшимъ ходакамъ и заживешь честнымъ гражданиномъ. Ну готовъ что ли это сдѣлать?

— Можно! отвѣчалъ Васька.

— Честное слово?

— Честное слово-съ! Раскаиваюсь.

И Васька сдѣлалъ плаксивую мину, но въ тоже время на лицѣ его мелькнуло какое-то насмѣшливое выраженіе...

Я вѣрилъ и не вѣрилъ Васькѣ.

— Такъ, значитъ, судить меня не изволите теперь выше высокоблагородіе? повторяетъ Васька.

— Ты самъ себя осудилъ когда раскался....

— Такъ прощенья-съ просимъ.

— До свиданія! Да помни, что я говорилъ тебѣ.

И Васька, связавъ въ узелокъ хламиду свою, вышелъ изъ комнаты, озираясь кругомъ, какъ бы не вѣря тому, что такъ дешево раздѣлался за свои продѣлки...

При переодѣваньи у Васьки оказалась тетрадка, мелкимъ полууставомъ написанная, за которую онъ, при радостяхъ, и не постоялъ, и содержаніе которой мы представляемъ здѣсь въ подлинникѣ. Это раскольничья сатирическая поэма о табакѣ, довольно любопытная въ литературномъ отношеніи и замѣчательная еще тѣмъ, что ее развозятъ начетчики раскольничьи по селамъ, какъ идеаль высшей мудрости раскольничей и краснорѣчія... Мы печатаемъ это стихотвореніе вполнѣ, ибо это прекрасный случай убѣдиться, въ какой тѣмѣ кромѣшной бродитъ нашъ народъ, какою жалкою умственной пищей питается... Съ первыхъ строкъ читатель найдетъ, что это ерунда, но это не только ерунда, но и умственная народная пища...

Вотъ какъ читается это знаменитое сочиненіе раскольническое, не бывшее еще у насъ никогда въ печати.

Вельзевулъ, бѣсовскій князь съ рогами,
Съ хвостомъ и опаленными крылами,
Презлой враждебникъ душъ и жестоецъ,
Предвидя міру нашему конецъ
И убоясь горѣть одинъ въ гееннѣ вѣчной,
Умыслилъ грѣхъ ввести безчеловѣчный.
Онъ думалъ въ адѣ тысячу годовъ:
Какой бы ископать глубокой ровъ,
И кони бы грѣхомъ могъ міръ весь погубить,
Душами грѣшными полиѣе адъ набить?...
И въ тартарѣ зубами скрежеталъ,
Какъ левъ, рѣзверзши челюсти рыкалъ,
Ревылъ; всѣ адскія заданія трещали,
Отъ страха легіоны тренетали.
Съ лютейшею досадою онъ рекъ:
«По что крушусь, страдаю цѣлый вѣкъ?
«Ахъ! горестно душѣ моей томиться,
«Что оміамъ Мессіи лишь курится.
«По что распятый Онъ Маріинъ сынъ

«Пріемлетъ днѣсь почтеніе одинъ?
«Я зрю: хотя уже развратенъ свѣтъ,
«Но мнѣ благоуханной жертвы нѣтъ.
«Уже я скверны моды издавалъ,
«Училъ пѣнству, драки воздвигалъ;
«Но все душа моя не насытилась,
«И новое желаніе явилось.
«Сердце какъ огонь горитъ,
«И тѣми жертвами я все еще не сытъ.
«Пушай издамъ на свѣтъ отличну моду,
«Дай огнѣ молитвенну свободу,
«Отмстить Мессіи выдумкой хошу,
«Чѣмъ рану нестерпиму излечу.

.....
.....
Изрекъ сіе и безъ вѣсти пропалъ,
Какъ-будто въ адѣ у себя онъ вѣчно не бывалъ, —
Въ бездонный тартаръ шумно опустился
И въ размышленіе презлое погрузился.
И долго думалъ тамъ: какой бы грѣхъ
Противить Бога могъ послѣднѣйшій всѣхъ?
Оттуда долго бѣсы его ждали,
И скрылся онъ зачѣмъ, того не знали.
Ну, и выдумалъ же тамъ сей адскій асшодей
Пренагубнѣйшій грѣхъ для всѣхъ людей.
Что жъ выдумалъ? — премерзко утѣшенье
И нераскаинно всѣмъ людемъ прегрѣшенье....
И вдругъ изъ тартара какъ огонь явился
И съ радостью въ челѣ на тронѣ очутился.
Немедленно начальство тмы собралъ
И планъ обдуманнѣйшій имъ скоро разсказалъ,
Увы! кричали всѣ, чѣмъ честь явили,
И всѣ полки знамена преклонили.
Тутъ Вельзевулъ далъ князю тмы такое при-
казанье:

Достать травы, чтобъ приложить старанье,
Послать за табакомъ, гдѣ бралъ Веспуций.
Сейчасъ и полетѣлъ бѣсъ кудцый;
Слуга на зло послушный и ретавый
И хватъ къ дѣламъ, непромахъ, торопливый,
Какъ молнія въ Америку слеталъ.

Еще принесъ визвину онъ кореньевъ
Для смрадныхъ, мерзкихъ трубочныхъ куреньевъ.
Все это Вельзевулъ велѣлъ смолоть, подправить,
И когда бѣсъ молотъ, то въ тотъ горшокъ,
Подсыпалъ дьяволъ адскій порошокъ,
Чтобъ всѣхъ всегда манилъ и привлекалъ.
И въ вѣкъ бы адской сиды не терялъ...
Размолотый табакъ, приманчивый, куражный,
Навѣкъ волшебной силою преважный
Князь тьмы сперва отдробовать изволилъ самъ,
Потомъ велѣлъ подать его и всѣмъ бѣсамъ.
И вотъ съ него тогда развеселились,
Играли, прыгали, какъ-будто всѣ взбѣемлись;
Безъ рома, безъ шампанскаго вина,
Толпа бѣсовъ куражна и пьяна.
Пошли веселья пляски, лигованье,
Такъ точно, какъ у пьяницевъ въ собраньяхъ;
Какъ въ роцѣ Марьиной, или въ маскарадѣ,
Куражились такъ бѣсы всѣ во адѣ.
Табакъ всѣ нюхали и поздравлялись,
Другъ съ другомъ всѣ по-братски обнимались—
И громко всѣ вивать! ура! кричали,
За выдумку почтенье отдавали.
Но сильно новостью тутъ Вельзевулъ ваялся
И всюю силою зло вымыслить старался.
Желаемый предметъ чтобъ получить,
Бѣсовской прихоти людей чтобъ научить,
Послалъ бѣсовъ къ развратному народу,
Чтобъ научить и выпустить всѣмъ моду:
Какъ нюхать въ носъ табакъ и въ чемъ его
хранить,
Какъ трубки работать и какъ табакъ курить:
.
И чтобъ скорѣй табакъ всѣ полюбили,
Отвергли Божій страхъ и Бога позабыли,
Важнѣй всего къ концу привести успѣхъ,
Порожнимъ носъ не былъ бы чтобъ у всѣхъ,
И чтобъ нельзя было молитвы сотворить,—
Всѣхъ научили бы ртомъ трубки закурить.
Но для такой бѣсовской моды новой.

Во адѣ трубки не было готовой.
Тогда дьяволъ на вѣчную насмѣшку,
Изъ ада вытащилъ горячую головешку,
Сперва чубукъ съ аршинъ къ ней прикрѣпилъ,
Потомъ и табакомъ всю крѣпко начинилъ;
Послѣ того придумалъ бѣсъ коварный
У чбука конецъ для рта янтарный;
Потомъ придумалъ въ хитрости единой
У чбука извить конецъ, какъ хвостъ змѣиный;
Затѣмъ велѣлъ, чтобъ бѣсъ большимъ тутъ при-
творился
И хитрымъ бы обманщикомъ явился:
Чтобъ взявши въ ротъ чубукъ, по улицамъ
ходилъ,
Держа висеть въ рукахъ, табакъ вездѣ курить,
Его ни спросить бы: что ты дѣлаешь такое?
«Лечусь, чтобъ отвѣчалъ, — се есть лекарство
дорогое».
— Но гдѣ ты, скажешь, взялъ толь странное
лекарство? —
Скажи: «Ходилъ за море въ дальне царство —
«Божуся княземъ, что адомъ управляетъ,
«И коего могущество весь миръ пугаетъ. —
«Клянусь! берусь я крѣпко за него,
«Кури! ты здоровый будешь отъ него;
«Табакъ курить и нюхать въ носъ способно,
«Всегда оно для всякаго пригодно,
«Табакъ тебѣ неложный есть цѣлитель,
«А я наставникъ твой и вѣчный покровитель;
«Кто нюхаетъ хоть юнъ, хоть во сто лѣтъ,
«Бываетъ здравъ, уменъ и скуки нѣтъ;
«И въ горѣ кто, онъ тѣхъ увеселяетъ,
«И всякую болѣзнь онъ скорѣ исцѣляетъ».
Вотъ какъ князь тьмы, правитель всей геенны,
Пустилъ куренье въ ходъ по всей вселенной.
Коль злой обманъ придумалъ сатана!
Всѣ мнать: утѣха въ боли намъ дана.
Опомнись ты, табачникъ-грѣховодникъ...
Уже ль нашъ Богъ грѣху виновникъ?
Въ дни мірозданія Творецъ, Богъ всѣхъ,
Ничто не сотворилъ для злыхъ потѣхъ,

Хотя жъ и произвелъ сіе творенье,
Уже ль на грѣхъ и скверно утѣшенье?
Увы! вездѣ умножился табакъ,
И безъ него немогутъ жить никакъ...
Друзья! взгляните въ путь протекшихъ лѣтъ:
Стоялъ и безъ забавъ бѣсовскихъ свѣтъ.
Бывали встарь военны полководцы,
Судьи, князья и мудры мореходцы;
Бывали князи сильны, патріоты,
Любили пить, имѣли къ роскошамъ охоты:
Немало бывало эллинскихъ софистовъ,
Зло ученѣйшихъ академистовъ: —
Изъ нихъ хотя и грѣшенъ кто бывалъ,
Но табака сего никто не зналъ!...
Днѣсь онъ вездѣ, и паче же всего
Ето до свѣта хоть всталъ, то тотчасъ за него.
Боль злы вошли премерзкія забавы:
Игрушка сатаны, душамъ отравы!
Вездѣ въ чести пресмрадный сей табакъ,
Губитель душъ есть адскій сей мышьякъ.
Американская сія чума
Лишила міръ духовнаго ума...
Въ немъ кроется магическая сила,
Боторая, какъ бездною морской, людей всѣхъ
поглотила.
Какъ злой халдейскій чародѣй,
Привлекъ табакъ навѣкъ къ себѣ людей:
Волшебно дѣйствіе въ себѣ являетъ, —
Кто нюхаетъ его, по смерти не покидаетъ.
И что приманчивѣй на свѣтѣ такъ,
Какъ мерзкій сей пресмраднѣйшій табакъ?
Кой грѣхъ душѣ вредительнѣй въ природѣ,
Лютѣй чумы свирѣпствуетъ табакъ въ народѣ.
Болико протекло ужъ тысячъ лѣтъ,
И наконецъ бѣсъ издалъ прихоть въ свѣтъ,
Боль зло пристрастіе, и зрѣтъ то слезно —
Любитель табака кричитъ свое: полезно!
Хотя на пользу намъ онъ сотворенъ,
Но въ незаконіе употребленъ.
Ничто иное есть трава сія табакъ,
Какъ американскихъ странъ природный злакъ.

Отъ жалости къ грѣху сему, державо —
На сцену васъ ученыхъ вызываю:
Скажите мнѣ вы только мудрецы,
Иль вы вожди, священные отцы:
Вамъ мудрости ключи поручены,
Вы должному людей учить посвящены, —
Бто исцѣдился табакомъ въ припадкѣ
Иль выздоровѣть уснѣлъ отъ лихорадки?
Бто отъ чахотки исцѣдился
И вождественной жизнью обновился?
Когда табакъ въ Россіи не бывалъ,
Уже ль народъ безъ время умиралъ?
По простотѣ своей какъ табакъ не знали,
Уже ль больны въ постелѣ всѣ лежали?
И если правда, что вышній Творецъ
Произростилъ его на тотъ конецъ,
Дабы болѣзни всяки изцѣлялъ,
Веселья бѣ даровалъ, мокроты изсушалъ,
Чтобъ табакомъ болѣзни всѣ цѣлились,
То какъ Юпитеру бѣ тогда всѣ поклонились?
Коль вѣрно бы цѣлбу имъ получали,
То вѣрно лекарямъ во всемъ недокучали!...
Напрасно собрана тогда лекарствъ аптека,
Когда и табакъ отъ болѣи лечить человекѣа.
Ахъ! ахъ! но что вѣдь я болтаю
И изъ границъ ума ужъ выступаю!
Нѣтъ! мы должны благодарить природу,
Что дала цѣлительный табакъ народу,
Который всѣхъ въ болѣзняхъ здравіемъ дарить,
И въ горѣ другъ, и въ скукѣ веселить.
Не такъ лишь скоро имъ исцѣлѣвають
И скоро отъ него весь духъ свой испускаютъ.
Но всѣ твердя напрасно ахъ! табакъ бранятъ:
Онъ любъ, хорошъ, молодецкиъ виновать.
Полезенъ злакъ, да мелеть кто? уродъ!
И какъ онъ можетъ пользоваться народъ?
Вотъ мельникъ кто: или солдатъ старикъ —
Что взять на нихъ?—иль сущій цень мужикъ.
.
Пойми, чудакъ, не отъ того онъ плохъ,

Но искони его лишил даровъ всемудрый Богъ.
Блянусь, въ немъ пользы нѣтъ вѣдь никакой
Кромѣ потѣхи лишь бѣсовской злой.
Воззри жь, мудрецъ въ протекшія гѣта:
И явится о табакѣ вся правда безъ отвѣта:
Во время злобной язвы моровой
Больнымъ не дѣлалъ пользы онъ собой;
Когда жь холерой Богъ свой гнѣвъ являлъ,
Тогда табакъ ничуть не помогалъ:
Хотя кто нюхалъ въ носъ, а кто курилъ,
Но помощи никто не получалъ.
Вотъ нынѣ всѣ курятъ и носъ душатъ,
Болѣзней же нимаго не тушатъ.
Боль въ мирѣ пользой онъ явился,
То отъ подагры, напримѣръ, хоть кто имъ
исцѣлялся?

Кто трудится, кричитъ, всю ночь не засыпаетъ,
Тотъ нюханьемъ лишь сонъ свой прогоняетъ,
И въ семь не вижу пользы превеликой —
Весь сонъ легко прогнать и чемерикой.
Отъ ней и прочмхаешься и протрезвишься
Сейчасъ, какъ будто вновь переродишься.
Я вѣрю: табакъ есть Божіе творенье,
Тогда кроши въ уху или щи и листья и коренья,
Имъ посыпай похлебку вмѣсто перца
Для очищенія отъ капля, болей сердца.
Боль будешь ѣсть его во щахъ или сухой,
То нѣтъ грѣха, проклятія долой —
И не поступитъ онъ въ такое званье,
А нюхать въ носъ — бѣсовъ очарованье.
Боль онъ не ядъ, то пей его замѣсто чая —
Пусть рвота хоть приметъ тебя тогда лихая.
Дерзнетъ ли кто сказать хулу на пицу,
Боль данъ табакъ богатому и нищю?

Проникни, виждь, о терпѣливый Боже!
Всѣ беззаконія сіи на что похожи?
Носъ даровалъ ты запахъ обонять,
На табакомъ же тертымъ набивать,
А люди неестественно всѣ поступаютъ.
И поминутно табакомъ носы ихъ наполняютъ.
Да! выкинулъ бѣсъ новую фигуру.

Хоть вонкій знакъ на службу Богъ создалъ,
А въ носъ всыпать табакъ не приказалъ.

Услышь, вздрогни, табачникъ, и внемли:
Творишь небывшій грѣхъ на сей земли;
Прошли исторію всѣхъ странъ, вѣковъ,
Прочти всю мифологію боговъ, —
Увидишь, что табакъ у нихъ не прославлялся,
Имъ изъ боговъ никто не забавлялся!
Дай, осѣдлаю быстрого Пегаса
И съѣзжу до высокаго Парнаса
Тамъ не найду ли трубки съ чубукомъ.
Иль табакерочки забытой съ табакомъ.
Недавно можетъ боги въ ссорѣ были
И трубку и кisetъ сронили.
Оттуда яду, мнѣ встрѣтился поэтъ:
Видалъ, сказалъ, чудесъ тамъ тьмы, а трубокъ
нѣтъ.

И правда: Хотя на Парнасъ боги были,
Но табаку не нюхали и не курили.
Искусный врачества богъ Аполлонъ
Не изобрѣлъ ли бы куренье онъ?
Коль пользу къ здоровію въ немъ увидалъ,
Въ край свѣта бѣ кунидона спосылалъ.
Древнѣйшій медикъ, славный Иннократъ
Искуснѣйшій, но чаче всѣхъ стократъ
Онъ тонко свойство травъ всѣхъ изучалъ,
Изъ нихъ аптеку дивную собралъ,
Въ наукѣ весь свой вѣкъ препроводилъ,
Но въ табакъ и онъ добра не находилъ:
И не обрѣвши въ немъ ни пользы, ни веселья,
Почелъ его за сущее бездѣлье...

Египетской земли вседревніе народы —
У нихъ боговъ имѣлись огороды
Насажены, и въ весну выростали,
А табаку они не засѣвали.
Когда бѣ табакъ явился тамъ какъ нова тварь,
Сейчасъ ему воздвигли бы алтарь,
И благовоніе когда бѣ въ немъ находили,
Съ рогами Апису тогда бы имъ кадили:
По горькости и злomu смраду,

Считали бѣ дымъ сей злой подобнымъ аду.
Когда же пирамиды создавали,
Сей злакъ бы зодчимъ въ пищу раздавали.
Египтяне оѣочи были для приправъ,
Они приготовляли все изъ травъ
По уложенію той земли законѣвъ,
Тамъ травъ имѣлося до триста миліоновъ,
Родились тамъ: чеснокъ, морковь, салатъ,
Петрушка, лукъ, капуста, и шпинатъ,
Все можество всѣхъ травъ и пустарнавъ,
Но слуху нѣтъ: родился ль тамъ табакъ!
Какъ беззаконенъ ни былъ Вавилонъ,
А нюхать и курить не выдумалъ и онъ.
Въ немъ роскошь всяка находилась,
Сія же мерзость и въ ономъ не открывалась.
Царь Александръ, сей обладатель свѣтомъ,
И онъ не занимался трубкой и кисетомъ.
Сей гусударь все воинство свое любилъ,
Тѣхъ жаловалъ, тѣхъ золотомъ дарилъ...
Квинтъ Курцій же сего не написалъ,
Что воиннамъ табакъ онъ выдавалъ.
Есть люди съ локоть именемъ пигмеи,
Ихъ обижаютъ журавли и змѣи;
Коль змѣи гдѣ всѣ въ клубъ совьются,
Тогда пигмеи всѣ полкомъ сберутся,
Вкругъ змѣи табакъ сей раскладутъ,
Зажгутъ его и змѣевъ тѣмъ пожгутъ...
Возри съ высотъ и виждь, Царю Небесный,
Вотъ что творить поклонникъ твой глѣсный!
Ты на хвалу его себѣ создалъ и славу,
А бѣсъ вручилъ ему табачную забаву...
Его Ты малымъ чѣмъ отъ ангеловъ умагилъ,
А бѣсъ и нюхать и курить его заставлялъ!
Когда творилъ его, то та ли воля у Тебя была,
И поздри твари сей на то ль она дала?
Не енимамъ ли въ церкви обонять?
А онъ вотъ табакомъ привыкъ ихъ набивать.
Когда діаконъ церковь всю кадитъ,
И у него носъ полонъ табакомъ набитъ,
То какъ же не понять,
Что ениміама онъ не можетъ обонять?

Иной пожалуй и лжецомъ меня сочтеть
И съ горькою досадою мнѣ речеть;
Почто жъ благій Творецъ небесный Царь
Произрастилъ сію прелестну тварь?
Опомнись ты, табачникъ! и внемли;
Дли блага все создалъ Богъ на земли.
Древа и злакъ на пользу созданы,
Людьми же во зло употреблены.
На то ль пенька росла и лѣсъ родился,
Чтобы Іуда въ петлѣ удавился?
На то ль росли и дубъ и кинарисъ,
Чтобъ кудрями Авессаломъ повисъ?
Свои ихъ воля въ смерти той была
И до конца презлаго довела...
Содѣланъ мечъ враговъ ихъ убивать,
Разбойникъ же воленъ имъ правыхъ погублять.
Каменья, злато и сребро
Владыкой созданы намъ на добро,
Но золото вѣдь какъ цѣнится:
Кто купитъ онымъ рай, другой и въ адъ все-
лится.

.....
Уже ль на то древа призрастали,
Дабы жида на нихъ Христа распяли?
О всякой вещи такъ должно судить,
Какъ снасти она, такъ можетъ и губить.
Коль тяжекъ грѣхъ! ахъ, ужасъ обнимаетъ,
Трясются члены, сердце обмираетъ!
Страшусь писать, не знаю, что начать,
Продолжить ли, или бросить и молчать?
Нѣтъ! бросить жаль; трудился очень много,
Дай, помощи въ томъ попрошу у Бога,
Стихъ буду за стихомъ чуть-чуть тянуть,
Пускай меня за то табачники клануть...
Я правильно табакъ сей оуждаю,
Въ немъ двѣ причины явныхъ обрѣтаю;
Во-первыхъ онъ соблазнъ для всѣхъ,
А во-вторыхъ, противу естества есть грѣхъ.
Прильпни языкъ къ гортани людямъ тѣмъ,
Толкуеть кто, что нѣту грѣха въ немъ.
Коль благовѣстіе прочтемъ Христово,

Найдемъ мы тамъ разительное слово,
Которое усты святыми рекъ,
Когда былъ въ мѣрѣ Богъ, какъ человѣкъ;
Кто соблазнить единого, сказалъ, то горе,
И лучше съ жерновомъ погрязнуть въ морь.
Великъ вредъ бѣсъ всей церкви учинилъ,
А все табакъ причиной послужилъ.
И коль велика пагуба случилась —
Несмѣтно душъ отъ церкви отлучилось,
Онъ тысячи смѣхъ ядомъ соблазнилъ
И въ тартаръ огненный навѣкъ ихъ погрузилъ.
Смѣхъ лакомъ въ мѣрѣ смѣхъ всегда и всюду,
Какъ червякомъ рыбакъ, онъ ловить всѣхъ на
УЛУ.

Адъ, видя, что Христось уже воплотился,
Зачумилъ сатану, чтобъ вооружился
И икушать Спасителя бѣ маналъ;
Христось же побѣдилъ его и узами связалъ.
И тысяча лѣтъ ужъ протекло,
Когда огнемъ его и жупеломъ пекло,
И лишь отъ узъ свободу получилъ,
Онъ табакуренію людей научилъ.
Людей волмечъ во адъ геенски смѣхъ
Бромъ сихъ средствъ ничто не находилъ.
И вотъ теперь табакъ всѣ Ноевы потомки
И нюхать и курить начали въ перегонки.
И изъ Италіи и изъ земли нѣмецкой
По всей землѣ разнесъ его изъ аду бѣсъ дворецкій.
Боль много церковь вся о смѣхъ скорбѣла,
Учила всѣхъ, кляла, — не одолѣла!
Россійскій государь царь, Алексѣй
Издавъ указъ по всей землѣ своей:
Табачную торговлю воспретилъ,
Ослушниковъ кнутомъ нещадно билъ;
Тогда кто нюхалъ, ноздри рвали,
На каторгу въ работу ихъ сослали.
Такъ вздумали высокіе умы
Пресѣчь въ корню заразу сей чумы!
Такой совѣтъ изшелъ отъ устъ священныхъ,
Изъ ада чтобъ извлечь людей своихъ крещенныхъ.
О Божіе словесное творенье:

Оставь табакъ, бѣсовъ злыхъ унищенье!

Покинь привычку злую люту,

Брось трубку изо рта хоть на минуту:

И вычистить изъ носа табакъ, утрись,

Молитву сотвори, перекрестись.

Хочу вѣщать я слово Божіе,

Какъ нюхать есть зачатіе негодное.

Не сказку вамъ, а диво разскажу

Не вѣрить кто, тѣмъ въ книгѣ укажу.

Что видѣлъ древле явно мужъ святой?

Какъ жила во тѣмъ сей праведникъ честной?

Онъ зрѣлъ: какия прелести въ сей мѣръ несутся.

Какъ царства всѣ отъ злобы возмнутся.

И зрѣлъ онъ: вотъ вавилонская блудница

Сидитъ одѣта, какъ царица.

Сколь ни былъ святъ: зрѣлъ въ ужасѣ сію,

Сидящую на сѣдлѣ-главномъ змию.

Зрѣлъ онъ: какъ убрана она въ одежду дорогую,

Въ рукѣ держала чашу золотую,

Одѣяна въ порфиру и виссонъ,

Чѣмъ изобилень былъ тотъ Вавилонъ.

Зрѣлъ: какъ гордо ѣкали верхомъ,

Весь свѣтъ объѣхавши кругомъ,

Потомки Ноевы. Вотъ толпа верхомъ летитъ,

А слѣдъ за ней, ахъ! табакомъ смердитъ.

Хотя ужъ въ чашѣ той и были лишь подонки,

Но и съ нихъ пьянѣли Ноевы потомки.

Вотъ отколь табакерки круглы ваши

И вотъ почему подобны онѣ чашѣ!

Теперь съ сей притчи скинемъ темну маску,

Симъ видимъ притчи сей развязку:

Что скотъ не ѣлъ, топталъ въ ногахъ,

Вотъ нынѣ то чернѣется въ носахъ.

Пчела и медъ съ цвѣтовъ сихъ не беретъ,

А скотъ отъ горькости листовъ не жретъ;

Израиль же возлюбленный Христовъ

Табакъ не выпускаетъ изъ перстовъ.

Хоть въ праздникъ, хоть и въ постъ грѣха не знаетъ

И день и ночь курить и въ носъ табакъ пихаетъ

О! времена златія бывшихъ лѣтъ!

Когда не зналъ сей страсти цѣлый свѣтъ,

Какія добродѣтели тогда сіяли,

Какъ свято праздники, посты всѣ соблюдали!

О, лютый бѣсъ! что ввелъ ты въ сихъ земляхъ?

Всѣ націи, во всѣхъ странахъ,

Будь то міряне или езуиты,

Табаконъ носы у всѣхъ теперь набиты.

Какъ чинъ пынеть смотря на все сіе стоитъ

И какъ земля отъ скверны сихъ не дрожитъ?

Во всѣхъ націяхъ молится ль кто идеть,

Всякъ табакъ за пазухой несетъ.

Священные чины, пасторъ нѣ пономаръ —

Всѣ съ табаконъ идутъ въ алтарь.

Когда все это я съ вредами соображаю,

Не безъ вины отъ горести страдаю.

И вправду: днѣсь желѣзный вѣкъ насталь,

То дѣлаетъ, что свѣтъ семь тысячъ лѣтъ не зналъ.

О! адскій сирадь табакъ! грѣховъ всѣхъ злѣе,

Табакъ пьянства тысячу разъ грѣшнѣе.

Пьяница, когда онъ трезвъ бываетъ,

Прель Богомъ самъ себя въ томъ осуждаетъ,

Табачникъ же не сознается, что согрѣшилъ,

Хоть до обѣдни носъ сто разъ набилъ.

Табачники вѣвѣкъ не вразумятся.

Не нюхаетъ кто, то на того всѣ злятся.

Во-истину, онъ самый корень злобы,

Влекущій всѣхъ во адскія утробы!

Предвѣстникъ яко бы о немъ писалъ,

Когда таинственно все предсказалъ:

«Сей горестью, скавалъ, велику пакость со-
творить,

«Людей тѣмъ многихъ осквернить;

«Онъ злобой въ міръ прозябаетъ

«И жаломъ всѣхъ грѣхоннымъ уязвляетъ;

«Какъ въ бурно время огнь въ дровахъ родится,

«Табакъ въ народѣ такъ прихотью плодится».

Не нюхаетъ кто смраднѣй сей табакъ.
Всѣ говорятъ: раскольникъ тотъ или дуракъ.
Блудникъ, цѣлища и самый татъ
Грѣшать они и могутъ перестать,
Табакъ же сей по смерти не оставляютъ
И въ самомъ гробѣ страстью истлѣваютъ.
Вотъ какъ о табакѣ умою я разсуждаю.
Чѣмъ не понравюсь никому, о томъ заранѣ знаю.
Теперь клянутъ меня ученые академики,
И разругали въ прахъ увы! натуралисты;
Ругаютъ и пошлы, кушцы, дворяне,
Клянутъ французы, шведы и армяне;
Клянетъ премерзкій турокъ и испанецъ,
Ругаетъ, осердася, и пьяный итальянецъ.
И сей табачныхъ націй смраднѣй сбродъ,
Отъ трубка провонявшій сей народъ,
Боюсь, соборъ вселенскій соберутъ,
Моя знаменъ нежагуя предадутъ...
Въ библейскія бычяихъ нашли они и чтутъ,
Кричать отъ радости и громко вопиютъ:
< И виде Богъ, что въ мѣрѣ все добро
Блестало какъ въ горниахъ серебро>.
Послушай же ученый кабинетъ,
Крестьянскій мой смиреннѣй сей отвѣтъ:
Змій былъ мудрѣйшій изъ всѣхъ звѣрей —
За что же проклялъ его всѣхъ Царь царей?
За что проклялъ бессмысленно творенье?
Его невинно было преступленье,
Лишь сатанѣ орудіемъ служилъ, —
За то проклятье получилъ.
Табакъ змиину должность исполняетъ
И за табачниковъ проклятье получаетъ.
Онъ какъ змій орудіе бѣсовъ.
Погибель есть людей изъ прихоти носовъ.
Изрину изъ головы пустое мѣшье,
Боторо всѣяло бѣсовское умѣнье;
Что будто малъ табачный грѣхъ,
Нѣтъ! сведеть во адъ онъ непрѣнно всѣхъ!
Адамъ и Ева прародители
Всякихъ грѣховъ въ рай были творители,
Однако жъ за единъ плодъ пострадали,

И изъ-за яблока ихъ вонь изгнали.
И твари всей каковъ ударъ случился!
Весь міръ тогда пролягатиюмъ покрылся.
Табакъ такое жь преступленье,
Какъ яблока адамова вкушенье,
Вѣрь! за сей-то грѣхъ земля теперь страдаетъ,
Народъ отъ голода за-часто помираеть.
Табакъ въ странахъ нашихъ явился—
Отъ вои воздуха засмрадился.
Но Богъ грѣха сего не потерпѣлъ
И казни ангеламъ послать велѣлъ;
Немедленно державы возмутились,
Кровопротія и войны явились,
Послалъ холеру, гладъ и людямъ морь,
Скоту падежь, въ реяніяхъ раздоръ,
И еслибъ Богъ завѣта радугой не положилъ,
То бь міръ за то вторично потопилъ
Теперь народъ въ табакъ совѣшмъ влюбился.
Бурить и нюхать сталъ, и ахъ! совѣшмъ ведурился.
Зри всякъ, какъ послѣ тысячи осьми сеть гвѣтъ,
Когда Евангельскій просіялъ свѣтъ,
Создатель намъ въ сороковой недавней годъ
Изволилъ искусить народъ.
Велѣлъ вездѣ смертвльну гладу бытъ,
Узнать: не могутъ ли лишь съ табакомъ пробуть?
И ветъ хотя тогда табакъ вездѣ рѣдился,
Но съ нимъ однако же народъ бездушень палъ
и сокрушился.
Хотъ нюхать стади въ носъ и начали курить:
Но не могли отъ табаку спасенья получитьъ.
Какъ зла приманка въ юдоли сей земной!
Для всѣхъ прелестень сталъ сирадь травяной.
Отъ табака народъ ничѣмъ не отучимъ:
Огнемъ и тартаромъ не устранимъ:
Изъ безднъ глубокихъ океана
Удобнѣй вытацитъ левіаѳана.
Какъ въ сей потѣхъ страстной
Табачникъ гибнетъ изъ прихоти опасной;
И вѣдь такую жадность всѣ къ табаку имѣють,
Что, какъ рыба безъ воды, умрутъ и околѣють;
Коль день одинъ травы той не случится,

Тоскуеть человекъ по ней, крушится.
Свинья не столь зимой погреть мяжиши,
Сколь въ носъ попкають сей свернины.
Вонни! умомъ и словомъ одаренный,
Ты волей передъ животными почтенный,
Убойя табакъ и вразумись,
Престань курить, жить трезво научись.
Бакъ ты живешь неосторожно,
О томъ и вдумать невозможно.
Взгляни; берутъ табакъ сложениемъ трехъ персты.
Чѣмъ на себѣ изображаютъ кресты:
Ужели Троицѣ досаду не творять,
Когда за каждый часъ персты свои сверяютъ?
Не любить бѣсь молитвы и поста,
Вотъ нюхаютъ табакъ безъ знаменья креста;
Смрадъ входить въ мозгъ, душа гдѣ обитаетъ,
Темнить весь умъ и душу омрачаетъ,
И начали усы всѣ подрывать,
Когда нельзя носъ заземь набивать,
И кто усы своихъ не подрываетъ.
У тѣхъ отъ табаку носъ подпрѣваетъ.
Теперь вообрази благоразумный всякъ,
Ужели не бѣсовской выдумки табакъ?
Кто трубку въ ротъ возьметъ курить,
Ужели можетъ оцъ молитву сотворить?
Взгляни: табачники сойдутся гдѣ въ кружокъ,
Сейчасъ возьмутъ изъ пазухи рожокъ,
И буде съ собою ихъ оберутся,
До табака того не додерутся.
Войди въ огромные чертоги,
Гдѣ царствуютъ земные полу-боги,
Иль въ пышно убранные кабинеты,
Гдѣ въ златотканье всѣ одѣты;
Не обрѣтешь ты въ залахъ ладоца, кадила—
Табачныя одни блестятъ курила.
Лишь трубокъ множество съ оправой золотой
Стоитъ на мѣстѣ крюты Божіей святой.
И въ залахъ всѣхъ лишь трубки да висеть,
Кадила же и ладоца нигдѣ тамъ нѣтъ.
Слова Апокалипсиса свершились:
Отъ табаку кушцы обогатились,

И для такой зловонной смрадной моды
Построили обильные заводы,—
А изъ купцовъ кто ладономъ торгуетъ,
Тотъ раззорился нынѣ и горюетъ...
Безспорно днѣсь настала прекрасная вѣкъ,
Какъ чисто и модно одѣтъ всякъ человекъ.
Всѣ о политикѣ читаютъ,
За модой моду измѣняютъ,
Отъ вѣка не было подобной красоты,—
Лишь подъ носомъ у всѣхъ нѣтъ чистоты!
Взгляни: какъ отъ табачной вони тѣло
Отъ мозга и до пятъ ужъ просмердѣло.
Наполнится весь шаръ земной
Сей мерзостью зловонной и дрянной;
Понюхай ихъ, какъ вонь отъ нихъ есть зла:
Воняетъ табакомъ, какъ въ осень отъ кома.
О! Божіе всевидищее око,
Сколь надъ бѣсами ты высоко!
Табачный злакъ Богъ на краю свѣта сотворилъ,
Пространствомъ странъ и моремъ отдѣлялъ,
А когда бы въ немъ нужда была,
Вездѣ бъ природа намъ ее произвела.
Я вѣрю, и табачный злакъ добро,
И пользуется, какъ въ черный день серебро,
И свойство разное ему Богъ даровалъ,
Чтобъ лютыя болѣзни испѣлялъ;
Но выслушай мой другъ любовный,
Кому табакъ въ нуждахъ полезный?
Боль у богатаго поселянина
Разболится лѣтомъ вся скотина,
Или сказать вамъ толкомъ съ-проста—
Падетъ на скотъ вошь или короста,—
Тогда дѣйствительно варить онъ злы мопуни
И моетъ спину, шею всю и уши.
Еще посредствомъ сего табака
Бываетъ въ мѣрѣ польза велика:
Когда течетъ отъ поворотовъ Рака
И вступитъ Фебъ въ путь линій зодіака,
Тогда отъ ярости лучей
Въ скотѣ бываетъ множество червей,
Тогда табакъ тотъ труть и засыпаютъ.

И всѣхъ червей тѣмъ въ ранахъ заморилъ.
Какой же бѣсъ содѣлалъ всѣмъ обманъ,
Безхвостый адскій черный сей цыганъ,
Что стыдно мудрымъ людямъ и сказать,
Увѣривъ, будто въ нюханьѣ здоровье слѣдуетъ
искать.

Ахъ! какія новости въ сей вѣкъ настали,
Какую пронасть деньгамъ изыскали!
Что воспрещали нюхать всѣмъ законы —
Теперь на то теряють миллионы.
Въ какую роскошь народъ весь впалъ,
Что дѣдъ и пращуръ нанъ во вѣкъ не зналъ.
Въ Россіи табаку до-прежде фунта не бывало,
Нынѣ же придетъ корабль его — и тутъ все мало.
Экъ! ажно нюхать стали какъ носами,
Не наготовятся имъ кораблями!
И неточно что въ большой, но въ нашъ носъ
Потребно стало нудъ или чѣлый возъ.
Вондъ злой бѣсовъ тѣмъ недоволенъ былъ,
Что трубку съ табакеркой всѣмъ вручилъ,
И издакъ вотъ еще куреніе сигарокъ,
Этотъ проклятый содемакскій недогарокъ.
Дрянъ эта черна не долге перста,
И носить подобіе зминова хвоста.
Но люди за честь курить сигарку поставляютъ,
И зелье то дымцѣ во грѣхъ не полагають,
Не думая, что угрожаютъ бѣсовонимъ тѣмъ
потѣламъ,
Во вредъ душѣ, къ спасенію неуспѣхамъ.

Вотъ какъ сатана всѣхъ нюхать обучилъ
И послѣ этого ко аду возопилъ:
«Вудъ веселья ады! я совершилъ всю злобу,
Всѣхъ мучить будъ готовъ, раздвинъ утробу,
Табачниковъ намъ принимать пора,
Къ намъ тучей полетать табачныя тѣла!...»
Да, люди! сомнительно, чтобъ рай тѣ получили,
Бои табакъ не воздержась шурили.
И кто всю жизнь свою лишь носъ свой набивалъ —
Не можетъ быть, чтобъ Царство увидалъ.
Такъ грѣхъ сей мерзостью обилень,

Безвѣрно Духу Божию противенъ;
И еслибъ кто вселенскій былъ учитель,
Столпъ церкви, мудрый міру просвѣтитель,
И Духа Божія сподобленъ онъ,—
Табакъ весь Божій Духъ изгонитъ вонъ.
Въ табачный кто кружокъ лишь бы попалъ,
Ужъ у того умъ здравый весь пропалъ.
Вотъ мудрый приточникъ царь Соломонъ—
О женскихъ прихотяхъ писалъ такъ складно онъ,
Огонь и адъ и похоти жены
И люта смерть имъ вѣрно сравнены:
Но еслибъ былъ тогда и сей табакъ,
Навѣрно бы объ немъ прибавилъ бы онъ такъ:
«Жена, огонь и адъ все цокоряютъ,
И лопухи табачные всѣмъ міромъ управляютъ.»
И правда! до той поры несмытно всякъ куритъ,
Пока всю голову ему вскружить.
И чудо! есть такой еще народъ,
Что владеть табакъ за губу и жуетъ какъ скотъ,
Человѣкъ! измѣрь, сколь бездна ада глубока,
Грѣха сего столь пропасть велика!
Когда бъ чернилами содѣлалась морей всѣхъ влага,
Пространство неба было бы бумага.
И въ перья звѣзды обратились,
Въ писцовъ всѣ ангелы переродились,
И всѣ писали бъ книги къ поученью,—
То табачниковъ не научили бъ отвращенью,
Отъ табака не возмогли бы отучить
И не сумѣли бъ ихъ къ спасенью обратить,
Хотя бъ огненный исподній океанъ
Грозилъ пожрать народъ табачныхъ странъ,
И адскій зѣвъ страшилъ всѣхъ поглотить,—
То и тѣмъ табачниковъ не можемъ устранить.
Тогда сей грѣхъ лишь сгибнетъ-пропадетъ,
Когда се время на косу падетъ!
И что жъ послѣдуетъ за грѣхъ потомъ
Знакомъ кто съ трубкой, съ мерзкимъ табакомъ?
За добродѣтель будетъ воздаянье,
А за табакъ жди адско наказанье.
Удобнѣй міру нашему въ хаосъ переродиться,
Чѣмъ слову Божию не совершиться.

А Богъ усты своими рекъ:
Когда былъ въ мирѣ ты, мой человѣкъ,
За всяко слово праздное ты дашь отвѣтъ,
Грѣха же табачнаго тягчаѣ въ свѣтѣ нѣтъ.
Вонми! что видно изъ сего Христова слова?
А то, что за табакъ кромѣшная готова!

Вотъ каково это велемудрое стихотвореніе, замѣчательное, съ одной стороны, нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ сочинителя, вѣроятно грамотѣя-самоучки, а съ другой тѣмъ безнадежно-узкимъ кругомъ понятій, изъ котораго умъ, омраченный раскольничьими мудрованіями, не можетъ выступить при всѣхъ своихъ усиліяхъ, тѣмъ безжизненнымъ отношеніемъ къ данному явленію жизни, отъ котораго бѣдный сочинитель не можетъ отрѣшиться при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ. И такую-то прелестью услаждаютъ бѣдное крестьянство раскольничьи наставники въ родѣ Досуева!

III.

ХУДАЯ ТРАВА ИЗЪ ПОЛЯ ВОНЪ.

Дня черезъ три, продолжая свой путь, я вѣзжалъ въ новое село по большому тракту. День былъ теплый, совершенно весенній день, что въ суровомъ апрѣлѣ было большимъ исключеніемъ. Солнечные лучи ярко падали съ синяго неба и бѣлили тесовыя крыши крестьянскихъ домовъ. Огромная стая галокъ вилась надъ садомъ обширнаго господскаго дома, окруженнаго пристройками, службами, конюшнями, каретными сараями, банями, кухнями, флигелями для гостей и управляющихъ, оранжереями и тому подобными прихотями прежняго барства, обратившимися нынѣ въ темную массу зданій съ забитыми лубкомъ окнами, почернѣвшими крышами и размытыми дождемъ, нѣкогда крашенными стѣнами. По всѣмъ видностямъ, здѣсь жили богатые помѣщики, отправившіеся нынѣ вѣроятно въ Москву или Петербургъ, пристроиться на службу или доживать свой вѣкъ поскромнѣе въ третьемъ этажѣ какого нибудь столичнаго дома... На улицахъ тѣсился народъ и черезъ площадь

направлялся къ сборной избѣ сельскаго управленія. Два десятника, съ мѣдными бляхами на груди, вели кого-то связаннѣмъ въ сборную избу. Ямщикъ подвезъ меня на вѣзжую квартиру, помѣщавшуюся въ сборной избѣ, прежде чѣмъ процессія, сопровождаемая мальчишками и дворовыми собаками, приблизилась къ этому мѣсту. Остановившись на крыльцѣ, я дождался приближенія процессіи и, къ крайнему своему удивленію, въ связанномъ субъектѣ уарилъ Ваську Досуева, не въ иноческой хламидѣ, а въ какомъ-то кафтанѣ со сборами назадъ...

— Ты ли это, говорю, другъ любезный Васька Досуевъ? Какъ это тебя угораздило въ веревки-то связаться?

Васька остолбенѣлъ отъ нечаянной встрѣчи и покривилъ какъ-то свое лице.

— Не по закону взять, отвѣчалъ онъ. — Судь разсудить.

— Да вѣдь ты обѣщался возвратится въ Москву, а самъ вид-но опять за старое ремесло принялся? Какъ же тебѣ не стыдно.

— Я и хотѣлъ ѣхать туда...

— Да не поторопился и напередъ втискался. Ну теперь пеняй на себя... Въ это время вышли на крыльцо членъ уѣздной земской управы съ мировымъ посредникомъ и поздоровались со мною. Всѣ трое вошли мы, наконецъ, въ комнаты вѣзжаго дома. Познакомились и разговорились. Членъ управы разсказалъ мнѣ, какъ онъ пріѣхалъ открыть школу въ селѣ — и другой день никакъ этого не можетъ сдѣлать. Васька, значить, сбилъ съ толку весь народъ и настроилъ его противъ ученія въ школѣ...

— Послалъ я мнѣ непримѣтно, разсказывалъ членъ управы, въ толпу народа, собравшуюся на одномъ крестьянскомъ дворѣ, послушать что говорить народъ между собою противъ школы. Смотрять — а этотъ каналья разводилъ такіа реценіи предъ толпою: „Государь, говорить, нашъ просилъ однажды миру съ Наполеономъ и писалъ: долго ли намъ воевать, долго ли силу терять; время намъ съ тобой помириться. А онъ ему пишетъ, помирюсъ: ты могущество держишь по вселенной, и я по тебѣ могущество держу; положимъ съ тобой заповѣдь: что вамъ вознамѣрится содѣлать, мы вамъ не будимъ воспрепятствовать, а что намъ вознамѣрится учинить, вы намъ не возбраняйте. Государь нашъ необижелися сего, что наиболѣе докъ

будетъ, и подписался своеручно. Наполеонъ выслалъ двѣ формы: звѣриный образъ и карту землякъ, желая, да во всякомъ мѣстѣ присутствуетъ сей образъ и карта. И что учинилось у насъ?—въ судахъ и у никоніанъ висятъ звѣринные образы ⁽¹⁾ и карты земныя. Видимайте, говорить, православныя! Откуда жандо корень сей? Вамъ въ николахъ карты повѣсать, а если карту принять, то и звѣриный образъ принять все равно. А по писанію карты земніи увязаніе разума, а звѣриный образъ—чанъ ярости и гнѣва Божія. А на картахъ сихъ доказываютъ, что есть число звѣрино 666“.

Посредникъ расхохотался.

— Нѣтъ, какова шельма-то! Замѣйте. Тутъ только я догадался, говорилъ членъ управы, что значило упорство народа и откуда оно взялось! Прислушиваются, однако, что будетъ дальше. Молодецъ ораторствуетъ: „Не внимайте, говорить, никакому никоніанскому ученію, котораго вамъ хотятъ ослѣпить очи: ни о Богѣ, ни о землѣ, ни о солнцѣ, ни о лунѣ. Все у нихъ ложь и прельщеніе антихриста. А вотъ, говорить, какое обо всемъ этомъ истинное ученіе. Панагностъ философъ глаголетъ: солнце сотворено Божиимъ повелѣніемъ, а величествомъ болѣе всея земли, а одежда на немъ вѣнецъ царскій, а Ангель Божіихъ 15 тысячъ по всея дни исходятъ съ солнцемъ, и едва зайдетъ солнце на западъ, и тогда Ангели Господніи совлекутъ съ него одежду святую и вѣнецъ и на престолъ Господній полагаютъ, а у солнца остаются по три Ангела и снабдѣваютъ солнце. И даль Богъ 100 Ангель обложить солнце въ царскую одежду и вѣнецъ, и егда пойдетъ солнце отъ востока и абіе огненныя птицы небесныя, нарицаемыя Финитии и Халебры, летаютъ предъ солнцемъ и омажутъ крыліе свои 90 крать въ водѣ океанстей и кропятъ крылома и погашаютъ солнечный свѣтъ, дабы не опалилъ лучами своими всю землю и живущихъ на ней человекъ, и обгораютъ отъ огня солнечнаго тѣмъ птицамъ періе и бывають голи, яко оскoblени, и наки егда зайдетъ солнце на западъ, и тогда купаются птенцы во океанѣ морѣ величѣмъ и обновляются паки и опернають крыліе ихъ; того ради и гдѣтель пророкъ именуется и имѣетъ подъ крылами своими перо

(1) То сехъ зеркала.

оныхъ птицъ небесныхъ, и егда зайдетъ солнце отъ запада въ востоку, и тогда посвербуетъ у пѣтеля перо то, и егда же двинуть Ангели одежду и вѣнецъ царскій отъ престола Господни, и тогда чешеть пѣтель и отерываеъ главу свою и пробудится и находитъ же оныхъ птицъ крѣпкое сраженіе вострепещеть крилома, проновѣдуетъ мірови воскресеніе трижды, поиди свѣтодавецъ и глаголи свѣтъ всему міру. Христосъ живъ есть и вся совершатъ, а творца своего величаетъ. “

— И вы, сказали я члену управы, — приказали, наконецъ, этого проповѣдника взять и связать?

— Еще бы! И вотъ взяли отъ него эти листки. Это наконецъ ни на что не похоже! Мы разсуждаемъ на земскихъ собраніяхъ о всевозможно скорѣйшемъ открытіи школы, а тутъ чуть не бунты противъ школы затѣваютъ, и чрезъ кого же? — чрезъ какихъ-то проходимцевъ. Я не знаю еще, что это наконецъ и за человѣкъ.

— Ну такъ я, говорю, — разскажу вамъ объ этой птицѣ: это она такая и откуда сюда залетѣла.

И я подробно разсказалъ своимъ собесѣдникамъ всю исторію Васьки Досуева, начиная съ первой встрѣчи съ нимъ въ Москвѣ въ Митоговомъ трактирѣ, и оканчивая третьею встрѣчею въ селѣ Благовѣщенскомъ. Собесѣдники мои развели руками отъ изумленія.

— Что же съ нимъ дѣлать теперь? спросилъ посредникъ. Какъ поступить?

— Очень просто, говорю. Опишите все сдѣланное Ваською подробно и препроводите его подъ арестомъ къ становому, для передачи куда слѣдуетъ. Злые пропагандисты, за доказанныя и злослѣденныя значительныя совращенія народа, по закону другаго мѣста не должны наслѣдовать. Тутъ нѣтъ и мѣста сожалѣнью. Потому что здѣсь не убѣжденіе, а ремесло, и ремесло позорнѣйшее; но прежде прикажите обыскать его.

Ваську дѣйствительно обыскали, и между всевозможными рукописями найдена была интересная въ научномъ отношеніи и непохожая на глупыя до-нельзя рацеи и прокламаціи рукопись, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, которую мы и прочли всѣ вмѣстѣ. Рукопись эта переполнена хулами на православную церковь.

Часа черезъ четыре, наговорившись до усталости между собою, мы

распростились. Я собирался проѣхать на Тверь, гдѣ долженъ былъ сѣсть на желѣзную дорогу въ Петербургъ. Но прежде чѣмъ сѣсть въ свою повозку, я имѣлъ честь видѣть, какъ Ваську, скрученнаго по рукамъ и ногамъ, провезли мимо оконъ сборной избы въ станъ.

IV.

БЕЗЪ ПАСТУХА ОВЦЫ НЕ СТАДО.

Минуть черезъ десять по исчезновеніи Васьки, я отправился по селу присмотрѣться поближе къ житью-бытью обывателей. Невесело смотрѣли избенки крестьянскія, немного общали и обитатели этихъ избеновъ... Прошелъ я одну улицу и остановился въ раздумьи предъ избенкою, криво и одиноко стоявшею на задахъ передняго фасада домовъ. Около нея не было ни двора, ни овина, ни амбара, только какіе-то грязные хлѣвушки лѣпились съ одной стороны, съ другой кучею навалены были дровишки. Высокій зеленый бурьянъ росъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то былъ дворъ. Вхожу въ избенку: оказалось, что это келія старушенки-канонницы, старой дѣвви и наставницы дѣтей раскольничьихъ. Въ избенкѣ было десятковъ до двухъ дѣтей, сидѣвшихъ за столомъ. Я поздоровался съ хозяйкой избенки. Старушенка какъ будто сначала смутилась, дѣтишки съ любопытствомъ уставились на меня.

— Богъ въ помощь! говорю. Кажется здѣсь школа?

— Пожаловать добро! отвѣчала старушенка и начала торопливо покрываться чернымъ платкомъ. Костлявый оставъ ея, на которомъ надѣта была черная монашеская хламида, былъ согнутъ такъ, что хламида ея держалась больше на спинѣ, чѣмъ на плечахъ; обѣ руки старушенки, съ искривленными пальцами, были какого-то темно-бурата цвѣта и, казалось, не могли ужъ разгибаться. Изъ-подъ узкаго лба, изрытаго по всѣмъ направленіямъ глубокими морщинами, тускло смотрѣли въ землю два красные глаза, лишённые рѣсницъ. Одинъ желтый зубъ выказывался изъ-подъ верхней впалой губы и, безпрестанно шевелясь, сходился иногда съ острымъ под-

бородкою. Морщины на нижней части лица и горла ея похожи были на какіе-то мѣшки, качавшіяся при каждомъ движеніи.

— Дѣтей учишь старуха? вопрошаю я канонницу.

— Какъ же, человекъ широкой, учу! прешамкала старушенка и очень косо всматривалась въ меня. — А ты что, откуда?

— Я издалека, говорю, — вотъ поглядѣть зашелъ.

— Погляди, нехотя шамкаетъ старушенка.

Я подхожу ближе къ дѣтямъ: тѣ начинаютъ другъ за друга прятаться. Свѣженькія лица ихъ, блестящія здоровьемъ, сославляли поразительный контрастъ съ отжившимъ трупомъ старухи. Глаза многихъ изъ дѣтей глядѣли умно и прямо. У нѣкоторыхъ, впрочемъ, были подслѣповатыя лица, выразившія какую-то неестественную заботливость; нѣкоторыя, сдвинувъ брови, напряженно смотрѣли на меня. Съ краю сидѣлъ мальчикъ, большіе черные глаза котораго производили невольное впечатлѣніе. Устремленный бойко на меня, онъ казалось хотѣлъ что-то высказать, для чего на языкѣ его не было словъ. Противъ него, за другимъ столомъ, робко прижимаясь къ плечамъ сосѣдокъ, сидѣла дѣвочка, прикрывшись книжкою, изъ-за которой и выставляла по временамъ свою русую, кудрявую головку.

— Что же ты милѣй учишь? обратился я съ вопросомъ къ черноглазому мальчику.

— Катехизисъ, отвѣчалъ тотъ.

Я взялъ у него рукописную книгу въ грубомъ кожаномъ переплетѣ и сталъ разсматривать. Боже мой! что въ этой книженкѣ было намарано! Во главѣ всего стояло:

Вопросъ. Изъ чего Богъ сотворилъ землю?

Отвѣтъ былъ: Изъ песку, а песокъ этотъ досталъ со дна моря сатанаилъ.

Далѣе шли слѣдующіе вопросы:

Вопр. Изъ чего сотворены Ангелы?

Отв. Изъ камня, изъ котораго сатанаилъ сотворилъ себѣ демоновъ.

Вопр. Чѣмъ Богъ сдѣлалъ сатанаила?

Отвѣтъ. Начальникомъ демоновъ, коихъ и помѣстилъ въ деснотѣ чинѣ.

Вопр. Что Богъ сдѣлалъ съ сатанайломъ?

Отв. Когда сатана возгордился, Господь послалъ Архангела Миху и повелѣлъ ему низвергнуть съ неба сатану со всею его силою; но Миха не могъ сего сдѣлать, доколѣ не былъ сначала постриженъ Господомъ, а потомъ похмилень и названъ Михайломъ.

Вопр. Изъ чего сотворенъ человекъ?

Отв. Тѣло человека сотворено отъ семи частей: отъ камня—кости, отъ чернаго моря—кровь, отъ солнца—очи, отъ облака—мысли, отъ вѣтра—дыханіе, теплота отъ духа.

Вопр. Отъ чего болѣзни въ человекѣ?

Отв. Болѣзни въ человекѣ отъ того, что диаволь истыкалъ тѣло Адама, въ то время, когда Господь уходилъ на небо за душою.

Вопр. Что Богъ сотворилъ съ Адамомъ послѣ его сотворенія?

Отв. По сотвореніи Адама, Господь спросилъ его: что онъ видѣлъ во снѣ? Адамъ отвѣчалъ, что видѣлъ Апостола Петра въ Римѣ, распятаго внизъ головою, Апостола Павла въ Дамасцѣ, а тебя, Христе, во Иерусалимѣ на Голгоѣ, на крестѣ.

Вопр. Когда сотворенъ Адамъ?

Отв. Адамъ начертанъ Богомъ 5 марта, въ 6 часу дня. Безъ души онъ пролежалъ 30 лѣтъ, безъ Евы жилъ 30 дней, а въ рай былъ всего отъ 6 часа до 9.

Вопр. Какъ прельстилъ диаволь первыхъ человекъ?

Отв. Чтобы прельстить праотцевъ, диаволь обернулся червемъ и уприсилъ змія, чтобы онъ пожралъ его; когда Адамъ, по убіеніи Авеля, не зналъ, что дѣлать съ тѣломъ его, тогда прилетѣли двѣ горлицы, изъ которыхъ одна нарочито убилась, упавъ съ высоты, а другая похоронила убившуюся и этимъ научила Адама, что дѣлать съ тѣломъ Авеля.

Вопр. Изъ чего Богъ сотворилъ солнце?

Отв. Солнце сотворено отъ рясъ и ризъ Господней, а луна изъ воздуха отъ престола Божія.

И проч., все въ этомъ же родѣ... Въ книгѣ пестрѣли и слѣдующіе вопросы:

Вопр. Когда сотворенъ адъ?

Отв. Адъ сотворенъ въ то самое мгновеніе, когда диаволь по-

мыслиль съѣсти противу Бога.—Есть два ада — нижній на концѣ земли, и верхній (иначе чистилище) на высочайхъ горахъ и островахъ при морѣ. Въ послѣднемъ „души мучатся, кои спасены будутъ“.

Вопр. Гдѣ зародился сатана?

Отв. Сатана зародился на морѣ Тиверіадскомъ въ 9 валу.

Вопр. На чемъ стоитъ земля?

Отв. Земля основана на трехъ великихъ вѣтахъ, питающихся райскимъ благоуханіемъ...

Вотъ она молодая-то Россія чему учится! невольно подумаль я;— вотъ оно молодое-то поколѣніе, надежда Россіи! Ужели и эти невинныя дѣти обречены съ такихъ лѣтъ на общее невѣжество, косность и тупость, и взросши, начиненные такою чужью, скажутъ намъ, подобно отцамъ своимъ: казните и разите насъ, но мы свою вѣру не повинемъ и новизны (т. е. просвѣщенія) не примемъ?.. Грустно! А можетъ и это быть! По выстриженнымъ на дѣтскихъ головахъ маковкамъ (гуменце) они заклеены уже были, такъ сказать, особою печатію раскольничьяго цѣка, чтобы отличить ихъ отъ никоніантъ-еретиковъ, т. е. православныхъ, принимающихъ новшества—свѣтъ и науку... Начало уже значить сдѣлано?... Вести разговоръ съ старушенкою-канонницею не стоило, ее могла исправить только могила; дѣти же были малы для того, чтобы съ ними бесѣдовать съ пользою. Бросивъ тупоумное маранье на столъ, я поспѣшилъ выйти изъ этой нравственной бойни.

Что же мы дѣлаемъ, что дѣлаеть, наконецъ, наше духовенство? задаваль я себѣ вопросы и слѣдующая картина, какъ нарочито подослѣвшавъ, была нѣкоторымъ отвѣтомъ мнѣ на эти вопросы. Вдоль улицы страпуха вела подъ руки нетрезвую особу, которой менѣе всего прилично быть пьяною... Большія крылья шляпы, порванные въ двухъ мѣстахъ, безобразно висѣли влочками...

Ну, думаю, что же тутъ и разсуждать болѣе? — отвѣтъ на лицо!....

XII

ТАМБОВСКІЕ МОЛОКАНЕ

И

ДУХОБОРЦЫ (1)

Тамбовская губернія одна изъ тѣхъ губерній Россіи, въ которыхъ секты Молоканская и Духоборческая особенно были распространены. Имѣя случай по достовѣрнымъ источникамъ ознакомиться съ положеніемъ этихъ сектъ въ Тамбовской губерніи, мы считаемъ возможнымъ познакомить съ ними и читающую публику, тѣмъ болѣе, что по ложному взгляду на гласность въ дѣлѣ раскольниковъ и сектантовъ, доселѣ существовавшему, вообще мало писалось у насъ о томъ, что дѣлается въ мірѣ раскольниковъ и сектантовъ русскихъ. Нынѣ взглядъ этотъ, благодаря просвѣщенному шествию Россіи по пути прогресса, миновалъ, и въ какіе нибудь три, четыре года русская публика и ученый міръ узнали по раскольниковъ и сектантскому вопросамъ болѣе, чѣмъ въ 1000 лѣтъ существованія Русскаго государства! Сообщенія наши на этотъ разъ, конечно, будутъ невелики, но лучше что нибудь, чѣмъ ничего.

1) Извлеченіе изъ документальныхъ источниковъ, составленное при личномъ знакомствѣ съ сектантами въ мѣстахъ ихъ жительства.

I.

Первые слѣды Духоборчества въ Тамбовской губерніи. — Иларіонъ Побирохинъ и его значеніе въ исторіи Духоборчества. — Начало Молоканства. — Семень Матвѣевъ Уклеинъ. — Его происхожденіе. — Значеніе Уклеина среди Молоканъ.

Въ то время, когда духоборчество, устрешенное правительствомъ, устремилось изъ Москвы въ Украйну и съ успѣхомъ распространялось въ губерніяхъ Харьковской и Екатеринославской, — около 1733 г., показываются слѣды духоборчества и въ Тамбовской губерніи. Около этого года въ село „Горѣлое“ (2), тамбовскаго уѣзда, прибылъ одинъ духоборецъ, бѣглый изъ Сибири, по имени Семень 3), нашедшій убѣжище въ домѣ однодворца Иларіона Побирохина 4). Сосланный въ Сибирь, вѣроятно при Петрѣ I, изъ Москвы, или ближайшихъ съ нею мѣстъ, Семень нашелъ случай бѣжать оттуда, чтобы принять на себя проповѣдничество духоборческаго рационализма, за который потерпѣлъ наказаніе. Просвѣтивъ Побирохина новымъ ученіемъ, Семень скрылся изъ Тамбовской губерніи, вѣроятно для распространенія своего ученія въ другихъ губерніяхъ. Основныя привила его ученія, между прочимъ, состояли въ томъ, чтобы въ

2) Село «Горѣлое» стоитъ выше г. Тамбова по р. Цѣвъ, на большомъ трактѣ, въ сѣверной сторонѣ Тамбовской губерніи. На специальной картѣ Шуберта 1853 г. оно показано среди селъ: Кускова, Бозомедьянской слободы, Солдатской Духовки, Иноземческой Духовки и Черянова.

3) Тамбовскія власти называютъ этого бѣглаго полякомъ, бѣжавшимъ изъ Сибири. Но, во-первыхъ, русскій крестьянинъ, особливо степнякъ тамбовскій, никогда не приметъ поляка какъ проповѣдника новой вѣры; во-вторыхъ, поляки католики, а ученіе Духоборческое происходитъ изъ источника протестантскаго; въ третьихъ, наконецъ, и самое имя Семень указываетъ уже на русское происхожденіе проповѣдника.

4) Рукоп. преосвящ. Іакова въ нижегор. Библ. Д. Сем. за № 3775.

царевъ не ходить, таинствъ и іерархіи не признавать, постовъ не соблюдать; преданій и иконъ не почитать; въ гражданскомъ отношеніи допускалъ онъ равенство и свободу, верховныя власти называлъ притѣснителями народа ⁵⁾. Когда Семень оставилъ Тамбовскую губернію, Побирохинъ является уже самостоятельнымъ проповѣдникомъ и распространителемъ духоборчества въ губерніи. Скажемъ нѣсколько словъ о личности Побирохина.

Одновѣрецъ Иларіонъ Побирохинъ былъ торговецъ шерстью; нѣлъ торговые обороты въ уѣздахъ сосѣднихъ губерній, слѣдовательно человѣкъ бывалый, много видѣвній и слышавшій. Еще въ бытность бѣглаго Семена, но въ особенности послѣ его отъѣзда, домъ Побирохина сдѣлался разсадникомъ новаго ученія для всѣхъ, стекавшихся послушать просвѣщеннаго учителя. Побирохинъ, какъ и до сихъ поръ еще о немъ сохранилась память въ Тамбовской губерніи, былъ человѣкъ низенькаго роста, характера увлекающагося, обладалъ даромъ слова и силою убѣжденія... Еще до принятія духоборчества онъ извѣстенъ былъ среди народа какъ большой начетчикъ, любившій разсуждать, преимущественно о дѣлахъ вѣры. Понятно, что такой человѣкъ, равнодушный къ религіи вообще, отшатнувшись разъ отъ православія, сдѣлался для него человѣкомъ весьма опаснымъ, по давно извѣстной истинѣ, что гдѣ сильныя убѣжденія, тамъ и удобнѣйшая почва для разубѣжденія!... При всеобщемъ нерасположеніи народа къ Петру I, при ненависти народной къ правителямъ его въ городахъ, гдѣ большею частію управляли лишь наживавшіеся алчные нѣмцы, при упадкѣ нравственности и злоупотребленіяхъ духовенства, Побирохину и его слушателямъ нетрудно было принять духоборческое ученіе, проповѣдывавшее отрицаніе дурныхъ властей и духовенства... Конечно Побирохину не по силамъ было составить то, болѣе или менѣе духоборческое ученіе, которое мы видимъ въ послѣдствіи. Принявъ вѣру во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога-Слова, обитающаго въ душѣ каждаго человѣка, за исходный пунктъ разумнія дѣлъ вѣры и слова Божія, онъ, при своемъ увлекающемся характерѣ, скоро дошелъ до созна-

⁵⁾ Тамъ же.

нія въ своемъ лицѣ пророчественнаго учителя, а потому отвергая, какъ духоборець, бытіе Іисуса Христа какъ лица, училъ между прочимъ, что Христосъ пребываетъ какъ внутреннее слово въ родѣ праведныхъ, и потому всѣ праведные сыны Божіи и онъ, Побирокинъ есть также сынъ божій, въ томъ смыслѣ, въ какомъ называлъ себя сыномъ Божіимъ Іисусъ Христосъ ⁶⁾). Библия, которую онъ называлъ „хлопотницею“, была отвергнута имъ какъ депремьнно непогрѣшимое слово, а толкуема согласно внушенію внутренняго слова, живущаго въ человѣкѣ ⁷⁾). По примѣру проповѣдника внутренняго Бога-Слова Іисуса Христа, а можетъ быть и для того, чтобы усилить свой авторитетъ, Побирокинъ въ помощь себѣ избралъ изъ своихъ послѣдователей 12 апостоловъ, названныхъ имъ архангелами, присоединивъ къ нимъ потомъ еще другихъ 12 помощниковъ, которыхъ называлъ „смертоносными ангелами“. На обязанности послѣднихъ было преслѣдованіе тѣхъ, которые, принявъ разѣ ученіе, измѣняли ему и оставляли духоборчество. Плѣненный ученіемъ Побирокина, народъ называлъ его „пророкомъ“ и „кормильцемъ“, питающимъ его духовною пищею ⁸⁾).

Но гораздо раньше духоборчества является въ Тамбовской губерніи Молоканство. До 1765 г. оно уже разрослось въ народѣ до значительныхъ размѣровъ, такъ что вызвало, наконецъ, въ этомъ году строгія мѣрѣ начальства. При допросахъ, Молокане въ 1765 г. объявили, что ихъ вѣра принята ими отъ предковъ ⁹⁾. Если подѣ предками ихъ разумѣть даже не далѣе, какъ ихъ дѣдовъ, т. е. третье поколѣніе, отъ котораго перешло къ нимъ молоканство, то и тогда начало молоканства въ Тамбовской губерніи будетъ восходить къ самымъ первымъ годамъ XVIII столѣтія, т. е.

⁶⁾ Рукопись преосвящ. Іакова, бывшаго епископа Саратовскаго, хранящаяся въ нижегородской семинарской библіотекѣ за № 3775. Православный Собесѣдникъ 1858 г. кн. III, стр. 44.

⁷⁾ Тамъ же.

⁸⁾ Прав. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 45.

⁹⁾ Синодальные указы въ Тамбов. консисторіи 1768 г. 18 декабря и 1769 г. 17 іюня. Историко-Статист. опис. Тамбов. епархіи Г. Хитрова, стр. 10.

во времени распространения молоканства по разным губерниям последователями Тверитинова. Безъ сомнѣнія это было въ то время, когда последователи Тверитинова съ тетрадами въ рукахъ, испещренными текстами св. писанія, разносили молоканство въ нижегородское и костромское заволжье, и когда еще въ 1708 г. Дмитрій Ростовскій въ самомъ Ростовѣ встрѣтилъ уже молокана, посадскаго Трофима, который бесѣдовалъ съ нимъ лютеранскимъ и кальвинскимъ духомъ о святомъ писаніи ¹⁰⁾. Съ появленіемъ Уклеина молоканство выступаетъ уже съ сильнымъ главою.

Семень Матвѣевъ Уклеинъ былъ дворцовый крестьянинъ села Уварова ¹¹⁾, борисоглѣбскаго уѣзда, портной по ремеслу. Занимаясь шитьемъ одежды, онъ для этого постоянно ходилъ по разнымъ селамъ Тамбовской и Воронежской губерній и однажды забрелъ въ село „Горѣлое“. Здѣсь полюбилась ему дочь духоворческаго учителя Иларіона Побирохина. Отрекшись отъ православія и оставивъ прежнюю жену, Уклеинъ принялъ духоворчество и женился на дочери Побирохина ¹²⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Уклеинъ, извѣстный до сихъ поръ у тамбовскихъ молоканъ подъ именемъ „Семушки“, имѣлъ какія либо особенныя качества, которыя могли заставить Побирохина отдать дочь свою за женатаго человѣка. Дѣйствительно Уклеинъ, какъ и Побирохинъ, былъ большій начетчикъ, хорошо знакомый съ св. писаніемъ, владѣвшій увлекательною рѣчью, такъ что еще среди православныхъ извѣстенъ былъ за „блаженнаго человѣка“. Понятно, что Побирохинъ видѣлъ въ Уклеинѣ одного изъ самыхъ ревностныхъ и надежныхъ помощниковъ въ дѣлѣ своей пропаганды. Къ несчастію Побирохинъ при этомъ не разсчиталъ, что два медвѣдя въ одной берлогѣ не живутъ?.. Уклеинъ

¹⁰⁾ Розыскъ Дмитрія Ростовскаго, стр. 67.

¹¹⁾ Село «Уварово» стоитъ при рѣкѣ Воронѣ, въ сѣверной сторонѣ Борисоглѣбскаго уѣзда, на трактѣ изъ Кирсанова въ Новохоперскъ. На специальной картѣ Шуберта 1853 г. оно обозначено среди селъ: Богоявленскаго (Шибрѣя тожъ), Боброва (Банана тожъ), Петровскаго, Кошелева, Покровскаго (Вязовки тожъ), Новоселокъ и проч.

¹²⁾ Рукоп. пресвящ. Іакова въ нижегород. семинарской библіотекѣ № 3775. Правосл. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 45.

столь же сильный въ св. писаніи, какъ и Побирохинъ, избалованный почтениемъ и уваженіемъ народа за свои достоинства *качества* и знатока слова Божія, не могъ безпрекословно выносить власти и учительскаго авторитета Побирохина и потому скоро съ нимъ разсорился ¹³⁾. Духоборческая вѣра во внутреннее просвѣщеніе отъ Бога-Слова, живущаго въ душѣ каждого человѣка, представляя Побирохину право толковать св. писаніе по своему произволу, часто вносила въ его толкованіе рядъ противорѣчій и одностороннихъ увлеченій, во многомъ совершенно противныхъ Библии, исключая при этомъ всякую инициативу сужденія въ слушателяхъ. Уклеинъ, такимъ образомъ, съ своимъ знаніемъ св. писанія совершенно уничтожался и долженъ былъ *толкованіе Побирохина принимать за законъ*. Къ тому же оказалось, что Побирохинъ менѣе Уклеина разумѣлъ Св. Писаніе, поэтому первый запретилъ своимъ послѣдователямъ читать его. Такимъ образомъ Уклеинъ не иначе могъ оставаться въ согласіи съ тестемъ, какъ безпрекословно принимая его толкованія и строго держась его повѣди; слѣдовательно, долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ познаній въ св. писаніи, которыя часто доставляли его въ совершенное противорѣчіе съ толкованіями Побирохина. Но Уклеинъ не могъ отказаться отъ пріобрѣтенія, которымъ прежде гордился и за которое всѣ его уважали. Потому когда Побирохинъ, въ порывѣ увлеченія, сталъ однажды ослаблять въ духоборцахъ уваженіе къ Библии, Уклеинъ разсорился съ своимъ тестемъ, а слѣдующій случай произвелъ между ними совершенный разрывъ. Однажды Уклеинъ въ собраніи духоборцевъ сильно обличалъ ихъ въ неуваженіи къ св. писанію. Узнавъ о случившемся, раздраженный Побирохинъ рѣшился отомстить своему зятю. Когда Уклеинъ шилъ одежду въ домѣ одной вдовы, туда явились три человѣка изъ числа смертоносныхъ ангеловъ Побирохина и, схвативъ Уклеина, начали его тузить. Крикъ Уклеина и хозяйки, выбѣжавшей изъ дома, произвели тревогу, и Уклеинъ спасся. Послѣ этого пріключенія, Семушкѣ Уклеинъ совершенно отдѣлился отъ Побирохина, бросилъ

¹³⁾ Тамъ же.

новую жену свою и новую вѣру ¹⁴⁾). Но оставивши секту духоборцевъ, Уклеинъ не захотѣлъ уже воротиться къ православію; онъ перешелъ въ давно существовавшее уже въ тамбовскомъ краѣ молоканство, которое строго держалось св. писанія, и какъ большой начетчикъ въ св. писаніи надѣялся сдѣлаться тамъ главою ¹⁵⁾). Молокане въ тамбовской губерніи до этого времени жили разбросанно по разнымъ мѣстамъ. Уклеинъ, научившись въ школѣ Побирохина образовывать секты, скоро *объединилъ* молоканъ подь своимъ учительствомъ. По примѣру Побирохина, онъ избралъ себѣ въ помощники тоже учениковъ, но не 12, а 70, и съ ними успѣшно организовалъ разьединенное до того молоканское общество ¹⁶⁾, удалившись въ моршанскій уѣздъ въ село „Рыбное“ ¹⁷⁾, къ дворцовому крестьянину Швецову, отцу извѣстнаго, въ послѣдующей исторіи тамбовскаго молоканства, начальника секты, шацкаго купца Семена Швецова ¹⁸⁾. Молокане до Уклеина говорили ¹⁹⁾, что они вѣруютъ въ Бога живаго духомъ своимъ, а крестнаго знаменія на себѣ не изображаютъ, и образамъ какъ Господню, такъ пречистой Богоматери и угодниковъ святыхъ, писанныхъ на доскахъ человѣческими руками, не поклоняются, но поклоняются они другъ другу, потому что писано: душа есть образъ Божій... Въ церкви, сдѣланныя руками человѣческими, ходить не желаютъ, ни также на исповѣдь къ православнымъ священникамъ; св. Таинъ у нихъ причащаются не хотятъ затѣмъ, что тѣ Таинны сотворяются человѣческими руками и преподаются священниками недостойными ²⁰⁾; желаютъ же они причащаться св. Таинъ Христовыхъ, сотворенныхъ

¹⁴⁾ Правосл. Собесѣд. 1838 г. кн. III, стр. 46.

¹⁵⁾ Тамъ же, стр. 47—48.

¹⁶⁾ Тамъ же, стр. 49.

¹⁷⁾ Село «Рыбное» (Старое Сысоево тожъ) лежитъ къ сѣверу отъ Моршанска по большому московскому тракту на г. Шацкѣ. На специальной картѣ Шуберта 1849 г. оно обозначено среди селъ: Телешова, Агласова, Сысоева (Островки тожъ), Скадыковки и др.

¹⁸⁾ Рукоп. Іакова за № 3775.

¹⁹⁾ Историко-статист. описан. Тамбов. епархіи Г. Хитрова 1861 г. стр. 24.

²⁰⁾ Тамъ же стр. 25.

и преподаваемыхъ отъ самого Бога, исповѣдываться у такихъ священниковъ, которые самимъ Богомъ посвящены и кого они сами изберутъ ²¹⁾. Св. Троицу по символу исповѣдуютъ и покланяются ей духомъ, десятословіе приемятъ и почитаютъ, кромѣ писаннаго въ немъ о почитаніи писанныхъ образовъ затѣмъ, что въ нихъ нѣтъ божества и святости ²²⁾. Пречистую Матерь Божию и угодниковъ святыхъ они почитаютъ духомъ, но тѣломъ имъ не поклоняются ²³⁾. Таинствъ церкви и креста не принимаютъ, а крестятся словомъ Господнимъ: во Имя Отца и Сына и Св. Духа ²⁴⁾.

II.

Сближеніе Уклеина съ однимъ изъ наставниковъ секты жидовствующихъ Семеномъ Долматовымъ. — Ученіе Уклеина, извѣстное подъ именемъ ученія Сѣмушки.

Проповѣдуя свое особенное отъ Побирохина ученіе, Уклеинъ сближился съ однимъ наставникомъ секты жидовствующихъ ²⁵⁾, Семеномъ Долматовымъ, котораго успѣлъ склонить на свою сторону. Соединивъ ученіе молоканское съ ученіемъ Долматова, Уклеинъ составилъ вмѣстѣ съ нимъ довольно полную систему молоканскаго вѣроученія, которую и изложилъ въ слѣдующемъ видѣ:

²¹⁾ Синод. указъ въ Тамб. консист. 1768 г. 23 іюня.

²²⁾ Тамъ же; историко-статист. опис. Тамбов. епархіи Г. Хитрова стр. 25.

²³⁾ Синод. указъ въ Тамб. консист. 1768 г. дек. 18.

²⁴⁾ Тамъ же.

²⁵⁾ Послѣдователи новгородской «секты жидовствующихъ», разсѣянные по разнымъ губерніямъ, положили начало «сектѣ іудействующихъ», которая въ большомъ числѣ существуетъ въ Россіи и до сихъ поръ. По временамъ эта секта сливалась съ Молоканствомъ, какъ видно изъ настоящаго примѣра, или же готовила многихъ къ принятію Молоканства и Духоборчества.

УЧЕНІЕ МОЛОЖАНЪ

по изложенію Семена (Семужки) Матвѣева Уклеина ²⁶⁾.

I. *О Богѣ.*

Богъ есть духъ въ трехъ лицахъ: Отца, Сына и Св. Духа.

II. *О лицахъ Св. Троицы.*

Сынъ Божій и Духъ Святой, хотя единосущны Отцу, но не равны ему въ Божественномъ достоинствѣ.

III. *О воплощеніи Сына Божія.*

Сынъ Божій, для спасенія рода человѣческаго, безвѣменно родился отъ Дѣвы Маріи.

IV. *О смерти Иисуса Христа.*

Не имѣя вполнѣ плоти человѣческой, Христосъ не умиралъ подобно всѣмъ людямъ, а умиралъ особымъ образомъ.

V. *О церкви.*

Во время земной своей жизни Христосъ основалъ церковь. Сначала ее составляли апостолы, а потомъ и всѣ увѣровавшіе во Христа.

²⁶⁾ Рукоп. преев. Іакова № 3773; Прав. Собесѣд. 1838, кн. III, стр. 51—57.

VI. *О вселенскихъ соборахъ и отцахъ церкви*

Истинная Христова церковь существовала только до IV вѣка, пока вселенскіе соборы и учителя церкви произвольнымъ толкованіемъ библіи не извратили христіанство и не смѣшали его съ язычествомъ.

VII. *О священномъ преданіи.*

Въ настоящее время истинную Христову церковь составляютъ только истинно-духовные христіане, которые не приѣмлютъ ни преданій, ни постановленій соборныхъ, ни писаній учителей, уважаемыхъ церковью, а исповѣдуютъ только то, чему научаетъ библія.

VIII. *О послѣднемъ судѣ и воскресеніи мертвыхъ.*

И они ²⁷⁾, по заслугамъ Сына Божія, могутъ *получить* вѣчное спасеніе.

IX. *О таинствахъ вообще.*

Къ достиженію нравственнаго совершенства и полученію вѣчнаго спасенія духовнымъ христіанамъ подаются благодатные дары С. Духа, но не чрезъ видимые, какіе нибудь знаи, а духовно. Поэтому таинства, возраждающія и освящающія христіанина, должны быть понимаемы духовно.

X. *О крещеніи.*

Такииъ образомъ крещеніе во Христа не должно быть водное;

²⁷⁾ То-есть Молокане.

крестиль водою Іоаннъ, но его крещеніе отлично отъ крещенія христіанскаго. Духовное крещеніе состоитъ въ наученіи отъ слова Божія, въ покаяніи и отпущеніи грѣховъ.

XI. *О миропомазаніи и елеосвященіи.*

Тайнственно очищая вѣрующаго отъ грѣховъ, Божественное ученіе невидимо преподаетъ ему и духовное помазаніе ²⁸⁾.

XII. *О покаяніи.*

Покаяніе есть сокрушеніе сердца предъ Богомъ и исповѣданіе грѣховъ предъ Нимъ единымъ.

XIII. *О причащеніи.*

Истинное причащеніе состоитъ въ принятіи ученія Христова и въ исполненіи заповѣдей Христовыхъ. А если сынъ Божій заповѣдалъ намъ плоть свою ясти (Іоан. гл. 6), то подъ плотію нужно разумѣть слово, или ученіе Спасителя.

XIV. *О священствѣ*

Священство не есть таинство, и священники, которые находятся въ церквахъ видимыхъ, не нужны; ибо мы одинаго имаю перво-

²⁸⁾ Гакстгаузенъ, бывши у Мелитопольскихъ Молоканъ, слышалъ отъ нихъ такое ученіе о елеосвященіи, издавна у нихъ существующее: «Мы никогда не прибѣгаемъ къ таинству елеосвященія, хотя очень хорошо знаемъ, что Апостолы врачевали больныхъ чрезъ помазаніе елеемъ. Подъ этимъ таинствомъ мы разумѣемъ молитвы, приносимыя Богу. Потому мы всегда и посылаемъ кого нибудь бодрствовать и молиться около больныхъ». (Etudes sur la situation intérieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Naxt-hausen. 1847, premier vol. chapitre IX и XI).

священника, иже сѣде одесную престола величества на небесѣхъ (Евр. 8. 1). Впрочемъ на основаніи ученія апостола Петра (1 Пет. 5 гл. 1) христіане должны имѣть у себя старцевъ, какъ руководителей въ вѣрѣ, и имъ повиноваться.

XV. *О бракѣ.*

Бракъ также не таинство, и слова апостола: *тайна сѣя велика есть* (Еф. 5. 32) относятся не къ браку, а къ таинственному браку Христа съ церковью.

Бракъ долженъ быть совершаемъ такъ, какъ показываетъ примѣръ Товита, т. е. по родительскому благословенію, а не какъ совершается онъ въ церквахъ видимыхъ: въ Св. Писаніи нѣтъ никакого повелѣнія священнику соединять брачующихся.

XVI. *О богослуженіи и обрядахъ.*

Въ Евангеліи сказано: Богъ есть духъ и иже кланяются Ему духомъ и истинною, достойтъ кланяться (Іоан. 4. 24). Поэтому все Богослуженіе должно быть не внѣшнее или обрядное, но духовное.

XVII. *О храмахъ и крестномъ знаменіи.*

Все обряды богослуженія видимыхъ церквей, какъ то: крестное знаменіе, поклоны, молитвы, пѣсни и самые храмы, все это не установлено Св. Писаніемъ, но придумано людьми.

XVIII. *Объ иконахъ и мощахъ.*

Люди по своему произволу опредѣлили молиться и поклоняться Богородицѣ и Святымъ мощамъ и иконамъ.

XIX. О призываніи святыхъ.

Святость Богородицы и Апостоловъ должно признавать, но не нужно молиться имъ.

XX. О постахъ.

Церковь православныхъ опредѣлила въ извѣстное время поститься. Правда, постъ весьма нуженъ для немощныхъ духомъ и нерѣдко заповѣдается въ словѣ Божьемъ, но чтобы постъ заключался въ воздержаніи отъ извѣстнаго рода пищи и въ извѣстные опредѣленные дни, о томъ въ писаніи нѣтъ заповѣди. Долгъ поститься лежитъ на человѣкѣ тогда, когда онъ чувствуетъ свою грѣховность и преобладаніе плоти надъ духомъ; постъ же долженъ состоять въ совершенномъ воздержаніи не отъ извѣстнаго какого либо рода пищи, а отъ всякой пищи и питія, ибо такъ постились Моисей, Илія и самъ Іисусъ Христосъ.

XXI. О пищѣ.

Въ пищу можно употреблять все, кромѣ животныхъ, запрещенныхъ въ писаніи, какъ то: свинины, рыбы не имѣющей чешуи и проч.

XXII. О христіанской свободѣ.

Идѣ же Духъ Господень, ту свобода, говоритъ Св. Апостолъ Павелъ (2 Кор. 3, 17). Слѣдовательно, основаніемъ нравственной жизни истиннаго христіанина должна быть свобода, независимость отъ человѣческихъ принужденій.

XXIII. О властяхъ земныхъ.

Мірскія власти благодѣтельны на землѣ и поставляются Богомъ,

но Господь сказалъ о христіанахъ: не суть отъ міра, яко же и Азъ отъ міра нѣсмь (Іоан. 17. 14). Посему чада свѣта сами стараются жить по заповѣдямъ Іисуса Христа.

XXIV. О присягѣ и войнѣ.

Исполняя заповѣди Божественныя, они ²⁹⁾ не имѣютъ нужды въ человѣческихъ, и должны избѣгать исполненія тѣхъ законовъ, которые противорѣчатъ ученію слова Божія; такъ они должны напр. избѣгать рабства помѣщикамъ, войны, военной службы и присяги, какъ дѣлъ, непозволеннымъ Св. Писаніемъ.

XXV. О страннопріимствѣ.

Такъ какъ невозможно открыто противиться духовенству и правительству, то духовные христіане, подражая первымъ христіанамъ, могутъ скрываться отъ него, а братья ихъ по вѣрѣ обязаны принимать и укрывать ихъ, исполняя заповѣдь писанія: *старога и младаго между стѣнами твоими сокрыи* (3 Ездры 2. 22) и подражая Аврааму, принявшему къ себѣ въ кушчу трехъ странниковъ, и блудницѣ Раавъ, укрывшей у себя соглядатаевъ еврейскихъ.

III.

Первоначальное отношеніе Тамбовскаго духовенства къ Молоканству. — Торжественное вшествіе С. Уклєнна въ г. Тамбовъ съ 70-ю учениками. — Путешествіе Уклєнна по разнымъ губерніямъ для проповѣданія Молоканскаго ученія. — Ссылка Побирохина на поселеніе.

Само православное духовенство обольщалось новымъ ученіемъ молоканства, и потому долгое время ничего не предпринимало про-

²⁹⁾ То-есть духовные христіане.

тивъ него ³⁰⁾. Священники и діаконъ этого времени сами постоянно оставляли православіе и переходили въ разныя секты, особенно въ раскольническіе толки, такъ что то и дѣло подвергались суду. Искренно раскаявшіеся изъ нихъ отсылались въ монастыри на покаяніе въ своихъ заблужденіяхъ и получали прощеніе отъ Св. Синода, упорные же лишались сана и поступали подъ надзоръ гражданскаго начальства. Нѣкоторые члены тамбовскаго духовенства даже тайно бѣжали въ раскольничьи монастыри Иргизскіе ³¹⁾. Тамбовское епархіальное начальство не умѣло дать названія „сектѣ молоканской“ даже и тогда, когда, послѣ продолжительнаго равнодушія духовенства въ продолженіе полустолѣтія, молоканская секта, наконецъ, обнаружена была правительствомъ. Смѣшивая молоканство съ раскольничьими толками, въ отличіе отъ нихъ, тамбовская консисторія, въ донесеніи своемъ Св. Синоду въ 1765 г., назвала наконецъ новую секту „*молоканіею*“, потому что, отвергая всѣ обряды православной церкви, секта эта не соблюдала никакихъ постовъ ³²⁾. Хотя названіе это весьма мало объясняло сущность новой секты „духовныхъ христіанъ“, однако оно и до сихъ поръ за нею осталось. Увлекаясь своимъ новымъ ученіемъ и успѣхомъ среди народа, а частію и среди православнаго духовенства, Уклеинъ полагалъ, что духовная безъ-обрядная евангельская религія есть истинная христіанская религія, которой суждено наконецъ явиться въ Россіи среди суевѣрія и невѣжества неграмотнаго народа, а потому рѣшился наконецъ заявить свое учительство крупнымъ фактомъ. — Обруженный 70-ю учениками, онъ торжественно, съ пѣніемъ псалмовъ, вошелъ въ г. Тамбовъ для проповѣданія новаго ученія... Но мѣстная полиція схватила его и вмѣстѣ съ учениками заключила въ тюрьму ³³⁾. Нѣкоторые изъ учениковъ Уклеина обратились въ православіе и потому были освобождены изъ заключенія. Уклеинъ же терпѣливо оставался въ тюрьмѣ ³⁴⁾

³⁰⁾ Историко-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова 1861, стр. 13.

³¹⁾ Тамъ же, стр. 27.

³²⁾ Тамъ же, стр. 13.

³³⁾ Рукон. преосвящ. Іакова № 3775 Правосл. Собесѣд. 1858 г., кн. III, стр. 49.

³⁴⁾ Тамъ же.

Императрица Екатерина II, которой донесено было о такомъ поступкѣ Уклеина, повелѣла отдать его на увѣщаніе духовенства, а если онъ не раскается въ своемъ заблужденіи, предать суду. Не желая напрасно пропадать въ тюрьмѣ безъ пользы для своего ученія, Уклеинъ притворно обратился въ православіе, ходилъ шесть недѣль въ храмъ православный, исполнялъ все церковныя уставы и потому былъ выпущенъ изъ заключенія ³⁵⁾.

Получивши свободу, Уклеинъ удалился въ село „Разказово“ ³⁶⁾ Тамбовскаго уѣзда, и тамъ съ новымъ рвеніемъ началъ распространять свое ученіе. Но побывавъ разъ во власти правительства, Уклеинъ оставался уже подъ его надзоромъ, и оно начало слѣдить за нимъ. Замѣтивъ это, Уклеинъ предоставилъ ученикамъ своимъ поддерживать новое ученіе въ Тамбовской губерніи, а самъ перешелъ въ нынѣшнюю Воронежскую губернію и поселился на нѣкоторое время въ селѣ „Пескахъ“ Новохоперскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ свой домъ. Жившіе здѣсь крестьяне приняли его ученіе и, въ свою очередь, сами стали распространять его между сосѣдями. Послѣ проповѣди въ разныхъ селахъ Воронежской губерніи, Уклеинъ возвратился было опять въ Тамбовскую губернію, но узнавъ, что здѣсь его ищутъ, поспѣшилъ тайно уѣхать въ сосѣднюю, нынѣ Саратовскую губернію и поселился въ селѣ „Дурникинѣ“ (Бѣломъ тожъ) Балашевскаго уѣзда ³⁷⁾. Здѣсь проповѣдь его имѣла такой успѣхъ, что болѣе половины жителей этого села скоро приняли его ученіе и даже священникъ сего села Савва Ивановъ сдѣлался молокани-

³⁵⁾ Тамъ же стр. 49.

³⁶⁾ Село «Разказово» стоитъ при р. Тамбовѣ, на сѣверъ отъ г. Тамбова, по большому тракту въ г. Кирсановъ. На специальной картѣ Шуберта 1853 г. оно помѣщено среди селъ: Нижне-Спасскаго, Верхне-Спасскаго, Богородскаго, Никольскаго, Завидова и пр.

³⁷⁾ Село «Дурникино» стоитъ при озерѣ Кисломъ и рѣчкѣ Бараѣ, въ 26 верстахъ отъ Балашова, среди селъ: Инясева, Большаго Карая, Михайловки и др.; въ 1862 г. въ немъ значилось жителей 2618 д. мужскаго и 2633 д. женскаго пола (Списк. насел. мѣстностей Россійской Имперіи 1862 г. XXXVIII томъ. Саратов. губ.). На специальной картѣ Шуберта село «Дурникино» обозначено къ сѣверо-западу отъ г. Балашова.

номъ ³⁸⁾. Священникъ этотъ совратилъ въ молоканство и двухъ дочерей своихъ, которыхъ отдалъ въ замужество за молоканъ... Два сына его Георгій и Петръ, за несогласіе съ отцомъ, должны были бѣжать изъ родительскаго дома, третій же сынъ Михаилъ принялъ ученіе Уклеина и въ послѣдствіи, когда занялъ священническое мѣсто отца, ревностно заботился о распространеніи этого ученія между своими прихожанами, за что и сосланъ былъ въ краснослободскій монастырь ³⁹⁾. При помощи новыхъ своихъ послѣдователей, Уклеинъ пріобрѣлъ домъ въ „Дурникинѣ“ и обзавелся хозяйствомъ, и изъ этого центра началъ разъѣзжать по Саратовской губерніи, проповѣдуя молоканство ⁴⁰⁾. Во время этихъ-то разъѣздовъ, онъ познакомился и съ извѣстнымъ уже намъ Долматовымъ ⁴¹⁾, въ угоду котораго, безъ сомнѣнія, и принялъ въ число правилъ молоканства ветхозавѣтныя запрещенія касательно употребленія свинины, рыбы не имѣющей чашуи, и вообще пищи, запрещенной закономъ моусевымъ ⁴²⁾. Это обстоятельство въ послѣдствіи послужило поводомъ къ большому раздорамъ между молоканами, особенно мелитопольскими ⁴³⁾. Опредѣливъ систему молоканскаго вѣроученія и правила для своей секты, Уклеинъ, не смотря на духовное ея направленіе, старался также объ устройствѣ ея внѣшняго богослуженія. Такъ, между прочимъ онъ ревностно заботился о введеніи хорошаго пѣнія. По его распоряженію молокане избирали изъ себя лучшихъ пѣвцовъ, которымъ поставлялось въ обязанность прислушиваться къ престолярнымъ пѣснямъ и на лучшіе напѣвы (мотивы) перелагать псалмы ⁴⁴⁾. Семушка Уклеинъ, носѣщая частныя общины своей секты, слушала эти новые напѣвы, одобряла ихъ для всеобщаго употребленія и улучшала, назначая въ хоры пѣ-

³⁸⁾ Рукоп. Іакова, стр. 6 обор.

³⁹⁾ Тамъ же.

⁴⁰⁾ Правосл. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 50.

⁴¹⁾ Тамъ же, стр. 51.

⁴²⁾ Тамъ же, стр. 321.

⁴³⁾ Отечеств. Записки, Свиньина 1828, часть XXXIII, стр. 57.

⁴⁴⁾ Рукоп. Іакова въ нижегор. сем. библ. № 3775, лис. 4.

вицъ—дѣвущекъ, которыхъ иногда возилъ и съ собою ⁴⁵⁾. Впрочемъ, строго держась словъ Спасителя, что духомъ и истиною достойтъ влнаться, Уклеинъ не допускалъ никакихъ православныхъ обрядовъ и все богослуженіе и молитвословіе ограничивалъ только чтеніемъ и пѣніемъ псалмовъ и толкованіемъ св. писанія ⁴⁶⁾. Достигнувъ своей цѣли въ трехъ губерніяхъ, Уклеинъ долженъ бы былъ успокоиться на время и наслаждаться плодами посѣлннаго ученія, но натура Семушки была энергичнѣе даже природы тестя его Побирохина, а жажда пропаганды жгучѣе и сильнѣе... Непоколебимая вѣра въ свое призваніе повлекла его и изъ Саратовской губерніи далѣе по Россіи. Оставивъ село „Дурничино“, Уклеинъ спустился на югъ Россіи, проѣхалъ губерніи Екатеринославскую, Астраханскую, землю донскихъ казаковъ и былъ даже на Кавказѣ ⁴⁷⁾. Успѣхъ проповѣди его былъ неимовѣрный! Въ губерніяхъ Тамбовской, Саратовской и Воронежской онъ еще при жизни своей имѣлъ болѣе 5000 послѣдователей ⁴⁸⁾. Дѣлу распространенія молканства помогали также и ученики Уклеина, новые проповѣдники-прозелиты, а недостатка въ нихъ не могло быть, потому что еще въ самомъ началѣ распространенія секты, почти всѣ молкане съ ревностію начали учиться грамотѣ и изучать св. писаніе. Этого требовало отъ нихъ самое вѣроученіе! По ученію Уклеина, истиннаго крещенія и истиннаго причащенія сподобляется только тотъ, кто позналъ ученіе Христово, ибо духовное крещеніе есть крещеніе ученія, а причащеніе — вкушеніе Вожія глагола; слѣдовательно, чтобы креститься духовно и быть причастникомъ Христа и Духа Святаго, нужно читать и изучать св. писаніе. Съ другой стороны послѣдователей Уклеина побуждала къ изученію св. писанія и страсть къ учительству: новообращенные молкане, выучившіе наизусть нѣсколько мѣстъ изъ св. писанія, брались за дѣло распространенія духовнаго ученія ⁴⁹⁾. Послѣ годичнаго заключенія въ

⁴⁵⁾ Тамъ же, Правосл. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 312.

⁴⁶⁾ Тамъ же, стр. 311—312.

⁴⁷⁾ Прав. Соб. 1858 г., кн. III, стр. 62.

⁴⁸⁾ Тамъ же.

⁴⁹⁾ Тамъ же, стр. 63.

тюрьмъ за торжественное вшествіе въ Тамбовъ, Уклеинъ увидѣлъ, чего можно ожидать отъ открытой проповѣди, потому круто измѣнилъ систему своего проповѣдыванія и рѣшился тайно распространять свое ученіе. Опасаясь надзора правительства и духовенства, онъ вмѣнилъ въ непремѣнную обязанность своимъ послѣдователямъ поступать такимъ же образомъ ⁵⁰). Такъ дѣйствовало и росло молоканство! Подобно Уклеину, называвшему себя, по полученіи свободы, сыномъ церкви православной, и всѣ молокане скрывались подъ личиною православія, ходили въ церковь, исповѣдывались, пріобщались, принимали къ себѣ священниковъ, держали въ домахъ иконы и наружно исполняли всѣ обряды церкви православной, оправдывая все это, по заповѣди Уклеина, тѣмъ, что наружное богослуженіе безъ сердечнаго расположенія не вмѣняется въ грѣхъ ⁵¹). Такимъ образомъ Уклеинъ обезоружилъ и правительство, и духовенство!

Между тѣмъ какъ Уклеинъ такъ успѣшно распространялъ молоканство и такъ искусно обходилъ правительство и духовенство, Иларіонъ Побирохинъ, обратившій на себя вниманіе полиціи и мѣстнаго начальства, преданъ былъ суду и сосланъ съ дѣтьми и нѣкоторыми изъ апостоловъ своихъ въ Сибирь на поселеніе ⁵²). Секта духоборческая лишилась, такимъ образомъ, организатора, но въ ней остался сильнымъ духъ Побирохина? Послѣдователи его были уже на столько тверды и научены имъ, что дѣло Побирохина могло продолжаться и безъ него...

⁵⁰) Рукоп. пресов. Іакова, л. 142 набор: и 151 набор.

⁵¹) Прав. Соб. 1858 г., кн. III, стр. 65—66.

⁵²) Рукоп. пр. Іакова № 3775.

IV.

Капустинъ—преемникъ учительства Побирохина. — Наружность Капустина. —Его способности и значеніе въ исторіи Духоборчества. —Ученіе Капустина.

Побирохина не замѣдлил замѣнить въ 70-ыхъ годахъ XVIII столѣтія сынъ его, отданный въ солдаты за духоборчество. Онъ явился въ Тамбовскую губернію изъ с.-петербургской гвардіи и поселился въ селѣ Сысоевѣ⁵³⁾, Моршанскаго уѣзда подъ именемъ Савелія Капустина⁵⁴⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ Савелій Иларионовъ бѣжалъ изъ войска⁵⁵⁾ и, чтобы безпрепятственно проживать въ Тамбовской губерніи принялъ другую фамилію, и для этого вѣроятно занася видомъ объ отставѣ съ званіемъ отставнаго капрала Капустина. Село „Сысоево“ было уже съ 1755 г. притономъ духоборчества⁵⁶⁾, слѣдовательно для Капустина представляло выгодную резиденцію. Какъ зять Семена Уклеина, женившася на сестрѣ Капустина, потомъ оставленной, этотъ послѣдній не прерывалъ съ старикомъ Уклеинимъ родственныхъ отношеній и часто проводилъ съ нимъ время въ селѣ Горѣломѣ, приводя въ систему духоборческое ученіе. Капустинъ родился въ 1743 г., а когда онъ возвратился изъ войска, ему было около 30 лѣтъ⁵⁷⁾. Личность Капустина въ исторіи духоборчества имѣла огромное значеніе, несра-

⁵³⁾ Сысоево (Рыбное тожь).

⁵⁴⁾ Рукоп. Іакова № 3775.

⁵⁵⁾ Мѣстныя власти Тамбовскія и Таврическія называютъ Капустина, со словъ Духоборцевъ, безразлично: то отставнымъ капрамомъ гвардіи, то бѣжавшимъ изъ войска дезертиромъ.

⁵⁶⁾ Донесеніе жандармскаго подполковника Ковальскаго графу Алраксину.

⁵⁷⁾ При переселеніи Капустина на Молочныя воды въ 1800 году ему было около 60 лѣтъ, такъ какъ въ 1816 г. Духоборцы въ прошеніи Государю Императору называли его 73 лѣтнимъ старцемъ.

вненно большее значенія Побирохина, такъ что едва ли кто изъ духоборческой среды достигалъ до той высоты, на которой стоялъ Капустинъ, а потому мы считаемъ долгомъ привести нѣкоторыя подробности о личности этого замѣчательнаго человѣка и сказать нѣсколько словъ о его значеніи въ духоборческой сектѣ вообще.

Капустинъ былъ высокаго роста человѣкъ, сложенъ молодцомъ, почему и служилъ въ гвардіи; походку имѣлъ величественную, внушающую невольное уваженіе; бороду и усы всегда брилъ ⁵⁸⁾, вѣроятно по привычкѣ, усвоенной въ военной службѣ. Способности его были въ высшей степени замѣчательныя. Его необыкновенный умъ, краснорѣчіе, замѣчательная память, — такъ что онъ, по свидѣтельству духоборцевъ, зналъ наизусть всю библію и помнилъ все, что бы и гдѣ бы не прочелъ, и наконецъ увлекательность рѣчи, постоянно переходившая въ особенную вдохновенность, и могучее воодушевленіе, — все это побуждало всякаго, кто только видѣлъ и слышалъ Капустина, который наконецъ властвовалъ надъ духоборцами какъ пророкъ, какъ царь ⁵⁹⁾. Вострогъ отъ его проповѣди былъ всеобщій и увлеченіе имъ такъ велико, что никто не щадилъ своего достоянія, никто не щадилъ и личности своей, когда то нужно было Капустину. Капустинъ, по своей натурѣ и положенію, имѣлъ, такимъ образомъ, въ духоборчествѣ величайшее сходство съ Іоанномъ Лейденскимъ ⁶⁰⁾, анабаптистскимъ королемъ въ Мюнстерѣ, религіозныя основы котораго имѣютъ большое сходство съ положеніями духоборцевъ ⁶¹⁾. Церковный историкъ нашъ Филаретъ Черниговскій, въ своей

⁵⁸⁾ Донесеніе Херсонск. военнаго губернатора Мин. Вн. Дѣль.

⁵⁹⁾ Haxthausen, Studien Russlands, Band I. Kap. IX.

⁶⁰⁾ Тамъ же.

⁶¹⁾ Основныя положенія Анабаптистовъ слѣдующія: 1) Церковь должна быть безпорочна. 2) Между всѣми членами ея должно быть равенство. 3) Всякій ростъ и дань должны быть уничтожены. 4) Всякій христіанинъ имѣетъ право учить въ церкви. 5) Въ христіанскомъ обществѣ не нужно учреждать священнослужителей. 6) Не нужно терпѣть дурнаго правительства. 7) Крещеніе можетъ быть только надъ взрослымъ. 8) Богъ доселѣ является въ видѣніяхъ и открываетъ свою волю избраннымъ. 9) По истребленіи всѣхъ нечестивыхъ на землѣ наступитъ новое царство Божіе и тогда водворится между христіанами новая, со-

Исторіи Церкви, почему то поселяетъ Капустина на хуторъ Екатеринославской губерніи ⁶²⁾, тогда какъ Капустинъ дѣйствовалъ до 1800 года большею частію въ Тамбовской губерніи, а сначала XIX стол. по переселеніи его на „Молочныя Воды“ вмѣстѣ съ другими духоборцами, онъ формировавъ секту и властвовалъ исключительно почти надъ мелитопольскими духоборцами до самой своей смерти, послѣдовавшей официально для превительства въ 1816 г. ⁶³⁾, а на самомъ же дѣлѣ между 1816—1820 годами ⁶⁴⁾. Капустинъ, будучи на службѣ въ гвардейскихъ полкахъ, сошелся, какъ духоборецъ, съ европейскими вольнодумцами, какъ выражается

вершениѣйшая жизнь, которая не будетъ имѣть нужды ни въ какомъ дурномъ начальствѣ, потому что во всѣхъ членахъ его царства пребудетъ написанный въ сердцѣ каждаго человѣка нравственный законъ и отразится въ жизни. 10) Тогда всѣ будутъ равны болѣе или менѣе. 11) Войны и раздоры всякаго рода уже не будутъ существовать. 12) Общество, имѣвшее составиться по этому предназначенію, должно представлять собою образно небесную церковь во всѣхъ отношеніяхъ. 13) Почему всѣ тѣ, которые желали быть приняты въ это общество, должны были креститься еще разъ—духомъ и огнемъ (Korte Belydenisse des Geloof 1580 г., Ioh. Ris u Kubbert Praescipuum christianae Fidei articulorum brevis confessio, изданное потомъ на голландскомъ языкѣ 1616 и 1716 гг.). Анабаптистскій катехизисъ Korte, Onderwys des christ. Geloofs (Brevis catechesis vel christ.), составленный по распоряженію собора въ Амстердамѣ 1597 г., въ XXVIII главахъ. Последнее изданіе его 1723 г. см. Schun t. 1 p. 361. Слич. Winer Compar. Darstell. des Lehrbegr. der chris. Hauptparth. 2 Aufl. S. 25). Вотъ идеальное состояніе христіанской церкви, носившееся въ воображеніи анабаптистовъ, воодушевлявшее ихъ самихъ, подавшее имъ силу и твердость въ гоненіяхъ, распространившееся въ большей части европейскихъ и американскихъ государствъ и образовавшее потомъ до 77 сектъ, болѣе или менѣе похожихъ одна на другую. Энциклопед. словарь Крайя, Т. I, стр. 276, изд. 1847 г.; о запад. вѣроисповѣд. и сектахъ протестантскихъ, Е. Венескриптова, 1861 г. стр. 90—92 и 114.

⁶²⁾ Ист. Церкви Филар. Чернигов. Періодъ V, стр. 64.

⁶³⁾ Донесен. Таврич. гражд. губерн. Херсон. воен. губернатору графу Ланжерону отъ 18 дек. 1816 г.

⁶⁴⁾ Секретная записка Мелитопол. земск. исправника о духоборцахъ.

объ этомъ, со словъ духоборцевъ, мелитопольскій земскій исправникъ въ своей секретной запискѣ ⁶⁵⁾ На досугѣ, и при помощи ихъ, онъ развилъ тѣ религіозные принципы, которыхъ держались до него духоборцы въ Россіи, составивъ въ послѣдствіи изъ духоборцевъ совершенно теократическое государство съ христіанско-гностическою религіозною основою ⁶⁶⁾. Вотъ какъ, между прочимъ, рисуетъ значеніе Капустина у духоборцевъ Гакстгаузенъ, путешествовавшій по Россіи въ 1843 году, описывая селеніе „Терпѣніе“ на Молочныхъ Водахъ, мѣсто жительства Капустина и центръ правительства мелитопольскихъ духоборцевъ ⁶⁷⁾: „Мѣстоположеніе „Терпѣніе“ для степной страны очень красиво. По долинѣ быстро течетъ журчащая рѣчка, въ которой спускаются довольно крутыя возвышенія, покрытыя кустарникомъ и нѣсколькими деревьями. Между этими возвышеніями и рѣчкою лежитъ деревня. Это обыкновенная русская деревня, но теперь она представляетъ глубокое запустѣніе. Почти всѣ дворы покинуты и большая часть жителей въ 1841 г. выселилась по приказанію на Кавказъ ⁶⁸⁾, только немногіе семейства покорились закону, наружно обратились къ церкви православной и остались въ селѣ „Терпѣніи.“ Мы подошли (съ вожатымъ изъ духоборцевъ, принявшимъ православіе), говорить Гакстгаузенъ, къ двору Капустина. Дворъ лежалъ властvenно въ срединѣ селенія, на возвышеніи, нѣсколько поотдаля отъ другихъ, въ расцелинѣ, образуемой холмами. Внизу, на улицѣ ведущей на гору, находился колодезь, отъ котораго нужно было подниматься около 100 шаговъ. Ворота вели на обнесенный досчатой стѣною дворъ, на которомъ влѣво стояло нѣсколько хижинъ, а направо стоялъ такъ называемый малый дворъ Капустина; затѣмъ былъ входъ на второй его дворъ, въ которомъ на

⁶⁵⁾ Тамъ же.

⁶⁶⁾ Haxthausen, Studien Russlands, Band 1.

⁶⁷⁾ Тамъ же.

⁶⁸⁾ 17 февр. 1839 г. Государь Императоръ Николай I повелѣлъ, для искорененія Духоборческой секты, всѣхъ духоборцевъ, которые не желаютъ присоединиться къ Правосл. церкви, переселить за Кавказъ въ теченіе 1841—1845 гг. отдѣльными партіями. Собр. Пост. по части раскола, Спб. 1858 г., стр. 330.

право стоялъ его большой домъ. Влѣво, среди двора, стояли три, имѣвшіе около 6 футовъ вышины, каменные истукана. Весь просторный дворъ обнесенъ былъ небольшими хижинами, въ которыхъ нѣкогда жили апостолы, посвященные въ мистеріи. Мы вошли въ домъ Капустина. Онъ былъ совершенно покинутъ и пустъ; двери и окна стояли открытыми, вѣтеръ свистѣлъ въ всѣхъ углахъ ⁶⁹⁾. Домъ состоялъ изъ двухъ этажей, изъ которыхъ въ верхнемъ на одной сторонѣ находилась галерея, на которую въ извѣстные дни выходилъ Капустинъ, когда народъ весь собирался предъ домомъ его на дворъ. При каждомъ такомъ выходѣ пророка и царя своего, всѣ падали на колѣни и поклонялись Капустину. Иногда Капустинъ сидѣлъ на верху, въ залѣ, и тогда процессією въ одну дверь входили мужчины, въ другую женщины и принимали отъ него благословеніе. Здѣсь же было и то судилище „Мука и Рай“, которымъ духоборцы такъ невыгодно прославились. ⁷⁰⁾ Каждое мѣстечко, каждая комната, каждое отдѣленное досками пространство имѣло свое особенное значеніе и названіе, при распросѣ о которыхъ проводникъ нашъ соблюдалъ одно мрачное молчаніе. Внизу находилось большое, темное зало безъ оконъ. Это было одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ праздновались мистеріи. Было прекрасное утро, но не смотря на то вся эта мѣстность въ своей тихой необитаемости, въ своей дикой запущенности, съ тремя похожими на привидѣніе каменными истуканами, съ своими мрачными и страшными напоминаніями, производила по истинѣ ужасающее впечатлѣніе ⁷¹⁾.”

Поставивъ себя на высокую степень учительства среди духоборцевъ, Капустинъ рѣшился упрочить свое значеніе и за потомствомъ своимъ. Для того, чтобы дѣти его не были военными кантонистами, онъ отправилъ беременную жену свою къ тестю своему Никифору Калмыкову съ тѣмъ, что если она родитъ сына, то сочестъ его сыномъ тестя своего. Рожденный отъ жены его сынъ Василій дѣй-

⁶⁹⁾ Жилище Капустина Гакстаузенъ осматривалъ лѣтомъ, 28 іюля.

⁷⁰⁾ «Мука и Рай» было нѣчто въ родѣ инвизиціоннаго судилища, гдѣ измѣнившіе духоборческому ученію приговаривались къ наказанію.

⁷¹⁾ Naxthausen, Studien Russlands, B. 1.

ствительно былъ названъ по спискамъ сыномъ однодворца Никифора Калмыкова, и подъ этимъ именемъ перешелъ, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтiя, въ Мелитопольскiй уѣздъ на „Молочныя Воды“, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Капустинимъ и прочими духовборцами ⁷²⁾. Съ ними перешелъ на жительство на „Молочныя Воды“ и Никифоръ Калмыковъ, считавшiйся въ числѣ 25 наставниковъ духовборческихъ, бывшихъ подъ властiю Капустина ⁷³⁾. По смерти Капустина Василiй Калмыковъ былъ преемникомъ ⁷⁴⁾ учительскаго служенiя отца своего и умирая въ 1832 г., въ свою очередь, оставилъ на своемъ мѣстѣ духовборцамъ 16 лѣтняго сына своего Ларiона; но духъ Капустина не почилъ на внугѣ!... Ларiонъ Калмыковъ предался пьянству и умеръ въ 1841 г. въ кавказской провинци Ахалцыхѣ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, отъ которыхъ духовборцы ожидаютъ, что одинъ изъ нихъ на 30 году откроетъ себя пророкомъ ⁷⁵⁾. Изъ всего этого видно, какимъ законодателемъ относительно пророческаго престолонаслѣдiя въ своемъ родѣ является Капустинъ среди духовборцевъ!... Само собою разумѣется, что такiя вещи могло сдѣлать только лицо, безотчетно властвовавшее надъ умами своихъ послѣдователей, которому стоило только сказать, что сила Божiя, Духъ Христа, почивающiй на немъ, можетъ переходить и въ родъ его, — и никто противъ этого не возражалъ!... Капустинъ распространялъ духовборчество во многихъ уѣздахъ Тамбовской губерни, такъ что на него, какъ на *насадителя* въ сей странѣ духовборческаго ученiя, больше всѣхъ указываютъ мѣстныя власти тамбовскiя и сами духовборцы.

Преподавая общее ученiе духовборческое, извѣстное еще прежде въ Тамбовской губерни, Капустинъ перетолковалъ однако нѣкоторые пункты его. Хотя и онъ училъ, что Христось возраждается въ каждомъ вѣрующемъ, что каждый проникается Богомъ, ибо когда Слово воплотилось, то оно, какъ всякое божественное дѣло, на вѣки

⁷²⁾ Секретная записка Мелитоп. земск. исправника о Духоборцахъ.

⁷³⁾ Додесенiе Херсон. воен. губерн. министру полицiи.

⁷⁴⁾ Есть у насъ подъ руками списокъ 25 наставниковъ Духоборческихъ, бывшихъ при Капустинѣ.

⁷⁵⁾ Секрет. зап. Мелитоп. зем. испр. о Духоборцахъ.

стало плотію, т. е. человѣкомъ на землѣ, но, говорилъ Капустилъ, всякая душа человѣческая, по крайней мѣрѣ доколѣ стоитъ созданный міръ, есть особое недѣлимое, потому что Богъ, когда онъ, какъ Христосъ, въ первый разъ нисходилъ въ Иисуса, то отыскалъ въ немъ человѣка совершеннѣйшаго и чистѣйшаго, какой только когда либо былъ ⁷⁶⁾, а такимъ образомъ и душа Иисуса была совершеннѣйшая и чистѣйшая изъ всѣхъ душъ человѣческихъ. Поэтому-то Богъ съ тѣхъ поръ, какъ открылъ себя въ Иисусѣ, постоянно остается въ родѣ человѣческомъ, живетъ и отрываетъ себя въ каждомъ вѣрующемъ; но, душа собственно Иисусова, гдѣ она потомъ дѣвалась? Эта одаренная высокою благодатію отъ Бога предъ всѣми душами человѣческими душа Иисусова постоянно изъ рода въ родъ оживляла новое тѣло, а по своимъ высшимъ свойствамъ и по особенному и необходимому устройству Божию она имѣетъ то преимущество, что навсегда сохранила сознаніе о своемъ прежнемъ состояніи. Каждый человѣкъ, въ которомъ она обитаетъ, знаетъ поэтому, что въ немъ душа Иисусова. Въ первые вѣка послѣ Христа, это было такъ извѣстно всѣмъ вѣрующимъ, что каждый зналъ новаго Христа, и онъ въ то время, при всякомъ случаѣ, руководилъ и управлялъ христіанами и рѣшалъ всѣ споры о вѣрѣ. Всякій разъ возрожденнаго Иисуса называли попомъ. Но скорѣ ложные попы завладѣли престоломъ Иисуса, а истинный Иисусъ удержалъ возлѣ себя только небольшое число вѣрныхъ и истинно вѣрующихъ, какъ онъ и сказалъ объ этомъ въ новомъ заветѣ: „много званыхъ, но мало избранныхъ“. Эти истинно вѣрующіе суть духоборцы, между которыми Иисусъ находится постоянно, и душа его оживляетъ ихъ ⁷⁷⁾...

Такимъ образомъ ученіе духоборческое, совершенно рационалистическое въ началѣ XVIII столѣтія и смѣшанное только съ немногими пунктами квакерскаго иллюминатизма, въ концѣ того же столѣтія превращается въ смѣшеніе возвышеннѣйшихъ мыслей и стремленій съ матеріальнымъ приложеніемъ ихъ къ обыкновенной жизни!...

Духоборцы въ этомъ случаѣ напоминаютъ анабаптистовъ, развѣт-

⁷⁶⁾ Naxthausen, Studien Russlands, B. 1.

⁷⁷⁾ Тамъ же.

вившихся изъ одного источника въ 77 сектъ, и всѣхъ тѣхъ мистиковъ, которые въ основаніе устройства своихъ сектъ берутъ одно вдохновеніе свыше. Въ такихъ случаяхъ самый остроумный мистикъ легко впадаетъ въ увлеченіе.

V.

Преемники Уклеина и распространители Молоканства въ Тамбовской губерніи. — Семень Андреевъ Швецовъ. — Афанасій Никитинъ. — Гавріилъ Войкинъ. — Никифоръ Васильевъ. — Мѣста населенія Молоканскаго въ XVIII по Тамбовской губерніи. — Количество Тамбовскихъ Молоканъ и Духоборцевъ въ концѣ XVIII вѣка.

Обратимся къ тамбовскимъ молоканамъ. Слушатели Уклеина и преемники его въ дѣлѣ распространенія молоканства съ жаромъ принимались за проповѣданіе новаго ученія, убѣжденные, что наконецъ люди нашли истинную стезю послѣ долгаго блужденія по непроходимымъ дебрямъ, и что теперь съ каждымъ шагомъ они ближе подходили къ истинѣ... Духъ народа вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ стѣснявшихъ его доселѣ формъ гражданской и церковной жизни и стремительно ринулся къ религіознымъ вопросамъ объ отношеніи къ Богу, къ правительству, къ церкви, къ ближнему и т. п., черпая разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ исключительно изъ слова Божія — изъ Библии. Всякій, выучившій нѣсколько текстовъ изъ Библии, сталъ считать себя вправѣ въ свою очередь быть учителемъ другихъ! Съ Библиею въ рукахъ начали ходить изъ двора въ дворъ, изъ села въ село, изъ деревни въ деревню новообращенные, съ энтузіазмомъ въ груди, съ сильнымъ краснорѣчіемъ на устахъ, не боясь преслѣдованій и гоненій. То было стремленіе народа къ исканію библейской истины — рационализмъ крестьянскій!.. Какъ велико и смѣло было это религіозное увлеченіе, мы можемъ судить по дѣйствіямъ крестьянина Швецова.

Услышавши проповѣдь Уклеина объ основаніи церкви и жизни общественной по Библии, Швецовъ, съ Библиею въ рукахъ, явился въ базарный день села „Старога Сысоева“ (Рыбнаго тожъ) среди

*

народа, сталъ ходить по базару взадъ и впередъ, читалъ и толковалъ Библию и увлекъ толпу ⁷⁸⁾). Село „Рыбное“ еще съ 1755 г. было заражено молоканством ⁷⁹⁾) и семейство Швецовыхъ было одно изъ первыхъ, принявшихъ ученіе Уклеина. Семенъ Андреевъ Швецовъ былъ первый энтузіастъ въ родѣ Швецовыхъ. Отецъ Семена Семенова Швецова, бывшаго до 1791 г. купцомъ моршанскимъ, а съ 1792 г. перечисленнаго, по указу тамбовской казенной палаты, въ шацкое купечество ⁸⁰⁾), былъ основателемъ молоканства въ родѣ Швецовыхъ, которымъ суждено было играть столь значительную роль въ дѣлѣ распространенія этой секты въ Тамбовской губерніи. По счастливымъ комерческимъ оборотамъ, родъ Швецовыхъ, неуклонно распространявшій молоканство до 1836 г., такъ разбогатѣлъ, что обладалъ недвижимымъ имуществомъ, мельницами и плотинами въ 200,000 р.; одного хлѣба на мельницахъ Швецовыхъ перемалывалось до 25,000 четвертей въ годъ; хлѣба на винокуренные заводы и казну заготовлялось болѣе 25,000 кулей ⁸¹⁾). Семенъ Андреевъ Швецовъ, съ энтузіазмомъ шелъ по стопамъ Уклеина, наравнѣ съ нимъ считая себя предназначеннымъ для одной съ нимъ цѣли. Онъ много трудился, въ свою очередь, въ дѣлѣ распространенія молоканства по Тамбовской губерніи, такъ что послѣ Уклеина эго одно изъ тѣхъ лицъ, которое имѣетъ равное съ Уклеинимъ значеніе въ исторіи тамбовскихъ молоканъ... Его большая память, ловкость и умѣнье нападать на слабую сторону православія, начитанность въ Библии, разнообразіе свѣденій, практичность возрѣній и самоувѣренность въ словахъ давали ему право на успѣхъ въ слушателяхъ. Цитаты библейскіе изъ устъ его лились какъ бы сами собою, но болѣе всего въ рѣчи его кипѣло желаніе отыскать и высказать истину... Какъ богатый и торговый человекъ, онъ, по свойственной торговымъ людямъ практичности, тотчасъ же уцѣпился за капиталъ свой, какъ за средство для успѣха. молоканской пропаганды, и средство это было дѣйствительное! Родъ Швецовыхъ

⁷⁸⁾ Рукон. Іакова за № 3775.

⁷⁹⁾ Тамъ же.

⁸⁰⁾ Тамъ же.

⁸¹⁾ Тамъ же.

съ того времени сталъ вмѣстѣ и ходатаемъ предъ правительствомъ за молоканство. Швецовъ, разъѣзжая среди удивленной, взволнованной и сочувствующей новому учению толпы, восклицалъ: „Мы отыскали истину, Богъ будетъ намъ помощникомъ!“ и народъ отвѣчалъ ему: „учи насъ, мы твои!“⁸²⁾. Молокане рыбинскіе, по мѣсту жительства Швецовыхъ, и доселѣ еще въ большомъ уваженіи у молоканъ тамбовскихъ⁸³⁾, какъ духоборцы горѣльскіе по мѣсту жительства Побирохина.

Въ восьмидесятыхъ годахъ, въ качествѣ проповѣдника, распространителя и наставника молоканскаго, дѣйствовалъ, вмѣстѣ съ Швецовымъ, и нѣкто Афанасій Никитинъ, удѣльный крестьянинъ спасскаго уѣзда села „Исады“⁸⁴⁾. Онъ былъ грамотный чело-вѣкъ, умѣлъ писать, часто читалъ Библию и желая, по его собственному выраженію⁸⁵⁾, познать болѣе законъ Божій и отыскать настоящую истину, поступилъ въ молоканство. Проповѣдь его имѣла всюду успѣхъ, такъ что онъ въ одинъ разъ обратилъ однажды 53 души мужскаго и женскаго пола⁸⁶⁾. Сущность проповѣди его была слѣдующая: въ церковь не ходить, а отправлять моленіе въ избахъ; церкви и образы не почитать, церковныхъ требъ у духовенства не исправлять, а за совершеніемъ требъ, какъ наприм. нареченія именъ младенцамъ, вѣнчанія, погребенія и т. п. обращаться къ наставникамъ изъ народа⁸⁷⁾. У Никитина была жена, Екатерина Лукьянова, которую⁸⁸⁾ мужъ обратилъ въ молоканскую секту. Дѣти же ея, Ирина, Авдотья и Лукьянъ научены молоканству тоже своимъ отцомъ. Афанасій Никитинъ склонилъ къ молоканству и брата своего Ивана Никитина⁸⁹⁾; просившаго впрочемъ въ 1824 г.

⁸²⁾ Тамъ же.

⁸³⁾ Рукоп. Іак. за № 3775.

⁸⁴⁾ Село «Исады» стоитъ при р. Окѣ, къ сѣверо-востоку отъ города Спасска, среди селъ: Старая Рязань, Муратово и др.

⁸⁵⁾ Рукоп. пр. Іакова за № 3775.

⁸⁶⁾ Тамъ же.

⁸⁷⁾ Показан. Никитина на допросѣ.

⁸⁸⁾ Показан. Лукьяновой.

⁸⁹⁾ Рукоп. Іакова за № 3775.

присоединить его по чину снова къ православію; склонилъ онъ также значительное число удѣльныхъ крестьянъ исадскихъ и вообще насадилъ молоканство по спасскому уѣзду. Въ 1824 году, по опредѣленію комитета министровъ, онъ былъ преданъ суду и во время суда умеръ въ 1825 г. въ глубокой старости ⁹⁰⁾.

Въ тѣхъ же восьмидесятихъ годахъ развѣзжалъ по моршанскому, шацкому и спасскому уѣздамъ для проповѣдыванія и распространенія молоканства нѣкто Гавріилъ Войкинъ ⁹¹⁾. Личность Войкина замѣчательна и въ томъ отношеніи, что онъ не былъ осѣдлый пропагандистъ и не держался крѣпко за одну тамбовскую губернію, но ѣздилъ постоянно и по другимъ сосѣднимъ губерніямъ, проповѣдуя молоканство. Какъ человекъ бывалый, бойкій и юркій, Войкинъ имѣлъ всюду и вездѣ несомнѣнный успѣхъ. Св. Синодъ, признавая за Войкинымъ значеніе ересіарха, поручилъ тамбовскому епископу Теофілу самому увѣщевать его ⁹²⁾, но Войкинъ былъ не изъ числа тѣхъ, которые рѣшились бы тратить время на полемику съ духовенствомъ, угрожавшую, въ случаѣ упорства, пожалуй, и нѣказаніемъ... Онъ немедленно же скрылся въ сосѣднія губерніи для продолженія своего проповѣдничества, и дѣло о немъ тѣмъ въ тамбовской консисторіи и кончилось ⁹³⁾.

Изъ распространителей и проповѣдниковъ молоканства въ Тамбовской губерніи съ восьмидесятихъ годовъ извѣстенъ также нѣкто Никифоръ Васильевъ, удѣльный крестьянинъ спасскаго уѣзда села „Дмитріева Усада“, возвѣстившій, между прочимъ, молоканство извѣстному уже намъ Афонасію Никитину ⁹⁴⁾. Онъ вмѣстѣ съ Никитинымъ былъ преданъ суду въ 1824 году и приговоренъ уголовною палатою къ наказанію при полиціи 20 ударами плетью и только во вниманіе преклонныхъ лѣтъ (ему было тогда 62 года), вслѣдствіе ходатайства министра внутреннихъ дѣлъ и Св. Синода,...

⁹⁰⁾ Тамъ же.

⁹¹⁾ Историко-статист. описан. Тамбов. епархіи Г. Хитрова, 1861 г. стр. 26.

⁹²⁾ Указъ Синода въ Тамбов. консисторію 1790 г. 30 янв.

⁹³⁾ Сочиненіе Г. Хитрова, стр. 26 въ описаніи Тамб. епархіи.

⁹⁴⁾ Рукоп. Іакова № 3775.

по волѣ государя императора отправленъ въ монастырь на покаяніе ⁹⁵⁾.

На этомъ же поприщѣ, вмѣстѣ съ Никифоромъ Васильевымъ, подвизались Михаилъ Володинъ, Кононъ и Ѳеодоръ Лысые и др. Вообще преемники Уклеина въ дѣлѣ распространенія молоканства по Тамбовской губерніи дѣйствовали съ успѣхомъ на всѣхъ пунктахъ населенія губерніи. Въ селахъ Горѣломѣ, Жидоловкѣ, Лысыхъ-Горахъ и Разказовѣ молоканство насаждено уже было еще въ первой половинѣ XVIII столѣтія и подвергалось преслѣдованію въ 1766 году ⁹⁶⁾; въ селѣ „Рыбномъ“ изъ семейства Швецова оно перешло 1755 года въ семейство крестьянина того же села Гришенникова ⁹⁷⁾, потомъ скоро распространилось по всему селу; въ селѣ „Алгасовѣ“ въ концѣ 50 годовъ XVIII столѣтія оно существовало уже въ семействѣ крестьянина Трофима Букрѣева ⁹⁸⁾, а къ концу XVIII столѣтія молоканство было въ самомъ городѣ Тамбовѣ и между прочимъ въ семействѣ мѣщанина Гавриила Матвѣева Гончарова ⁹⁹⁾. Къ концу XVIII столѣтія молоканство было въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Тамбовской губерніи: Тамбовскаго уѣзда въ селѣ „Срѣтенскомъ“ (Серебряково тожъ), ¹⁰⁰⁾ въ семействахъ крестьянъ графа Шереметьева ¹⁰¹⁾, Михаила Петрова Челикина, Якова Алексѣева Желтова, Михаила Алексѣева Черенина, Афанасія Сергѣева Сомова и Степана Яковлева Соловь-

⁹⁵⁾ Въ журналѣ Комитета министровъ Государь Императоръ собственноручно написалъ: Васильева отдать въ монастырь на покаяніе. Засѣд. Комит. министровъ 2 нояб. 1826 г.

⁹⁶⁾ Историко-статист. опис. Тамб. епер. Г. Хитрова, 1861 г., стр. 24.

⁹⁷⁾ Рукоп. Іакова за № 3775.

⁹⁸⁾ Тамъ же.

⁹⁹⁾ Тамъ же.

¹⁰⁰⁾ Село «Срѣтенское» лежало на югъ отъ г. Тамбова, близъ большой дороги на Воронежъ.—На специальной картѣ Шуберта 1853 г. оно помѣщено среди селъ: Дальней-Липовки, Богословскаго-Госада и др.

¹⁰¹⁾ Есть мнѣніе, что Молоканство не находило до XVIII в. пріюта въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, а лишь у казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. На сколько несостоятельно это мнѣніе, мы видимъ изъ настоящаго случая.

ева и друг. ¹⁰²⁾; того же села въ семействахъ крестьянъ помѣщицы Постниковой, Якова Петрова Мухортина, Герасима Денисова Сучкина и друг. ¹⁰³⁾; Борисоглѣбскаго уѣзда села Бурнака ¹⁰⁴⁾ въ семействѣ крестьянина-однодворца Мартина Кузьмина Попова, который принесъ сюда молоканство изъ села Разказава ¹⁰⁵⁾ и въ другихъ семействахъ того же уѣзда, въ селѣ Жихаревкѣ ¹⁰⁶⁾ въ семействѣ Кузьмы Иванова Попова, принесшаго сюда молоканство изъ села „Разказава“, гдѣ занимался работою ¹⁰⁷⁾; въ селѣ Сокольникахъ, вотчинѣ генерала отъ кавалеріи Кологривова въ семействахъ: Прасковьи Бычковой, Агафьи Ждановой и друг. ¹⁰⁸⁾; Тамбовскаго уѣзда въ селѣ Черлянахъ ¹⁰⁹⁾ въ семействахъ однодворцевъ Сергѣя и Фрола Рыбкихъ и друг. ¹¹⁰⁾; въ селѣ Брюковѣ ¹¹¹⁾ Моршанскаго уѣзда ¹¹²⁾ и другихъ мѣстъ.

Всѣхъ молоканъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтія со-

¹⁰²⁾ Рукоп. Якова № 3775.

¹⁰³⁾ Тамъ же.

¹⁰⁴⁾ Село «Бурнакъ» находится на сѣверо-западѣ отъ г. Борисоглѣбска между двумя трактами изъ Борисоглѣбска на Воронежъ и изъ Тамбова въ Новохоперскъ; на спец. картѣ Шуберта 1853 г. оно помѣщается при р. Сиволѣ и Бурначкѣ среди селъ: Ендова, Александровки, Шикманскаго, Русанова, Блани и др.

¹⁰⁵⁾ Рукоп. Якова за № 3775.

¹⁰⁶⁾ Село «Жихаревка» лежитъ къ сѣверу отъ г. Борисоглѣбска. На спец. картѣ Шуберта 1853 г. оно помѣщено между селами: Кулябовки, Шапкина, Заполатова и др.

¹⁰⁷⁾ Рукоп. Якова за № 3775.

¹⁰⁸⁾ Тамъ же.

¹⁰⁹⁾ Село «Черляне» лежитъ немного выше села «Горѣлаго», между рѣкою Цною и большою дорогою на Шацкъ. На специальной картѣ Шуберта 1853 г. оно показано среди деревень: Дубки, Черляновой, Голынки, Поповки и др.

¹¹⁰⁾ Рукоп. Якова за № 3775.

¹¹¹⁾ Село «Брюково» на югѣ отъ Моршанска и близъ этого города, на большомъ трактѣ въ г. Тамбовѣ. На специальной картѣ Шуберта 1853 г. оно обозначено среди селъ: Савольна, Питерское, Плоская-Дуброва и др.

¹¹²⁾ Рукоп. Якова за № 3775.

стояло въ Тамбовской губерніи по спискамъ, доставленнымъ тамбовскому губернатору, *мужскаго пола*: купцовъ 10, мѣщанъ 23, дворянъ 719, удѣльныхъ крестьянъ 116, помѣщичьихъ 108, а всего 976 душъ; *женскаго пола*: изъ купечества 13, мѣщанства 11, дворянъ 795, удѣльныхъ 138 и помѣщичьихъ 110, а всего 1067 душъ; обоюго же пола 2043 души ¹¹³). Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ числѣ значились и духоборцы, которыхъ правительство и духовенство въ это время еще не различали и во всѣхъ бумагахъ молоканъ и духоборцевъ сливали подъ однимъ названіемъ „молоканъ“. Поэтому мы настоящими цифрами опредѣляемъ количество молоканъ и духоборцевъ вмѣстѣ, — но тѣмъ не менѣе не можемъ не подивиться такому огромному развитію молоканства и духоборчества въ XVIII вѣкѣ по одной только губерніи. Каково же количество тѣхъ и другихъ было тогда по всей Россіи?...

VI.

Что обезпечивало явленіе Молоканства и Духоборчества въ Тамбовской губерніи?—Географическое положеніе Тамбовской губерніи въ XVIII столѣтіи.—Историческое состояніе Тамбовскаго края.

Что же способствовало такому успѣху простыхъ и неученыхъ крестьянъ: Уклеина, Побирохина, Капустина, Швецова и т. д. въ стремленіи къ религіозной пропагандѣ? Кому они проповѣдали новое ученіе, кто ихъ слушалъ такъ легко?... При какихъ условіяхъ такъ свободно обезпечивался ихъ успѣхъ?.. Для уясненія всѣхъ этихъ вопросовъ мы должны взглянуть на историко-географическое и церковно-религіозное состояніе Тамбовской губерніи въ XVIII столѣтіи.

Тамбовская губернія, какъ губернія, до 1780 года и не существовала еще. Самый городъ Тамбовъ, получившій начало въ

¹¹³) Тамъ же, Правит. свѣд. о Молоканахъ.

1636 г. ¹¹⁴), при раздѣленіи Россіи на восемь губерній въ 1708 г., былъ приписанъ къ азовской губерніи ¹¹⁵), а въ 1732 году числился провинціальнымъ городомъ Воронежской губерніи ¹¹⁶), и только въ 1775 году генералъ-губернатору владимірскому и тамбовскому, графу Воронцову, повелѣно было образовать тамбовское намѣстничество, составивъ его изъ 15 уѣздовъ: тамбовскаго, шацкаго, кадомскаго, темниковскаго, козловскаго, лебедянскаго, успенскаго, новохоперскаго, борисоглѣбскаго, елатоужскаго, кирсановскаго, моршанскаго, спасскаго, липецкаго и гвоздицкаго, причемъ городъ Елатьма съ уѣздомъ отчислены изъ рязанскаго намѣстничества, а липецкіе желѣзные заводы, дворцовыя села: Кирсаново, Моршу, экономическое село Спасское и однодворческое Гвозды повелѣно было переименовать въ города ¹¹⁷). Въ 1779 изданъ былъ штатъ тамбовскаго намѣстничества, по которому Тамбовъ назначенъ губернскимъ городомъ ¹¹⁸), а присутственныя мѣста открыты только въ 1780 г. ¹¹⁹). Такимъ образомъ молоканство и духоборчество въ нынѣшней Тамбовской губерніи началось и сформировалось въ то время, когда мѣстность эта была вдали отъ центра правительства, имѣвшаго пребываніе въ Азовѣ и Воронежѣ, а слѣдовательно секты эти были совершенно за глазами высшаго надзора... Коменданты и гарнизонный баталіонъ впервые явились въ этой мѣстности только въ 1780 г. 5 марта. Такъ образовалась Тамбовская губернія, которая названа впрочемъ губерніею въ 1796 г. при новомъ распредѣленіи государства на губерніи и составила тогда изъ 10 уѣздовъ ¹²⁰); въ нынѣшнемъ же составѣ своемъ, съ нынѣ числящимися въ ней городами, явилась только въ 1803 г. ¹²¹). Рѣзкія особенности физическаго состоянія тамбовскаго края составляли: огромныя лѣса въ сѣверной

¹¹⁴) Акты Археолог. Экспед. III, № 268.

¹¹⁵) Полн. Собр. Зак. Т. XIII № 2218.

¹¹⁶) Тамъ же, Т. VIII, № 6233.

¹¹⁷) Полн. Собр. Зак. Т. XX, № № 14917 и 14920.

¹¹⁸) Тамъ же.

¹¹⁹) Тамъ же, Т. XXI, № 15343.

¹²⁰) Тамъ же, Т. XXV, № 18482.

¹²¹) Тамъ же, Т. XXVII, № 20774.

его половинѣ и степи въ южной ¹²²⁾. Въ глуши первобытныхъ лѣсовъ съ незапамятныхъ временъ обитали мордва (на правомъ берегу Цны) и мещера (преимущественно налѣво отъ Цны), къ которымъ послѣ покоренія Азова донскими казаками частенько стали приходять выходцы изъ Украйны ¹²³⁾, и городъ Тамбовъ служилъ одною изъ станцій при сухопутныхъ сношеніяхъ Москвы съ Астраханью ¹²⁴⁾; слѣдовательно для религиозныхъ московскихъ вольнодумцевъ XVII и XVIII столѣтій была въ этомъ мѣстѣ торная дорожка!.. Когда Стенька Разинъ своими „переметными письмами“ призывалъ тамбовскихъ крестьянъ перебить всѣхъ помѣщиковъ и идти на Москву на истребленіе бояръ, то бунтъ крестьянскій въ Тамбовской губерніи разгорѣлся съ большою силою ¹²⁵⁾. Этому способствовала какъ близость тамбовской губерніи къ донскимъ казакамъ, такъ и то, что въ эту губернію, на основаніи законовъ, ссылали убійцъ по наказаніи ихъ кнутомъ и отрѣзаніи ушей ¹²⁶⁾. Горючаго матеріала здѣсь, слѣдовательно, было много!.. Не даромъ еще въ концѣ XVII столѣтія въ этомъ краѣ дѣйствовала шайка Васьки - Уса, впоследствии одного изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Разина ¹²⁷⁾. Послѣ погромовъ Разина, въ Тамбовѣ долго жила особая комиссія изъ Москвы, которой поручено было въ этой мѣстности переписать служилыхъ и жилацкихъ всякихъ чиновъ людей и пашенныхъ крестьянъ и ихъ женъ и дѣтей по именамъ, съ отцы и прозвищи, по селамъ и по деревнямъ порознь, которые въ измѣнѣ были, кто на какомъ тяглѣ напередъ сего былъ и почему чѣго кто платилъ ¹²⁸⁾. Все

¹²²⁾ Городскія поселенія въ Россійской имперіи, Спб. 1865 г. Т. V. Ч. I, стр. 3.

¹²³⁾ Тамъ же, стр. 4 и 8.

¹²⁴⁾ Акты Истор. Т. IV, № 82.

¹²⁵⁾ Город. посел. въ Рос. импер. 1865 г. Т. V. Ч. I, стр. 9.

¹²⁶⁾ Соловьева Истор. Россіи Т. XI, стр. 433—442. Акт. Арх. Эксп. Т. IV, № 183. Дополн. къ Акт. Истор. Т. VI, № 12. Тамб. Губерн. Вѣд. 1851 г. № 44.

¹²⁷⁾ Тамъ же.

¹²⁸⁾ Полн. Собран. Зак. Т. I. № 488. Дополн. къ Акт. Истор. Т. VI, № 12.

это произвело непріятное впечатлѣніе на мѣстность и возбудило непріязненное чувство къ правительству, сидѣвшему въ Москвѣ, такъ что въ 1688 г. здѣсь ласково были приняты либералы раскольники донскіе, поселившіеся даже близъ самаго Тамбова подъ начальствомъ Козьмы Косаго въ особо устроенномъ городѣ ¹²⁹⁾, а въ началѣ царствованія Петра I атаманы разныхъ воровскихъ шаекъ постоянно находили себѣ товарищей въ Тамбовѣ ¹³⁰⁾. Во время походовъ Петра I къ Азову, Тамбовская губернія служила однимъ изъ главныхъ пунктовъ сбора войскъ ¹³¹⁾, причемъ мѣстные жители наслушались рѣчей служилыхъ людей московскихъ и казаковъ-раскольниковъ, да насмотрѣлись на строгость военной дисциплины Петра I при расправѣ въ войскахъ, получая отъ всего этого впечатлѣніе, далеко невыгодное для правительства московскаго... Это очень хорошо подмѣтилъ Мазепа и при первомъ же случаѣ отправилъ одного изъ подручниковъ Кондратія Булавина, Луку Хохлаго въ Тамбовъ, когда Булавинъ рѣшился идти на Москву рѣзать бояръ и мундирныхъ солдатъ ¹³²⁾. Борисоглѣбскій уѣздъ, мѣсто родины и первоначальныхъ дѣйствій Уклеина, состоялъ въ его время изъ обширныхъ луговъ, кое-гдѣ поросшихъ перелѣсками съ разбросанными въ беспорядкѣ курганами ¹³³⁾, среди которыхъ стоялъ довольно одиноко городъ Борисоглѣбскъ, основанный по мнѣнію однихъ еще Борисомъ Годуновымъ, а по мѣстнымъ преданіямъ Борисомъ Шереметьевымъ, когда онъ былъ тамбовскимъ воеводою съ 1682 по 1686 годъ ¹³⁴⁾. Во время походовъ Петра I подъ

¹²⁹⁾ Тамб. Губ. Вѣд. 1851 г. № 44. 1860 г. № 3. Ригельмана Ист. о Донск. казакахъ, стр. 74.

¹³⁰⁾ Матеріалы для истор. Ворон. губ. 1, 107, 112, 119, 122, 363, 401, 439, 442.

¹³¹⁾ Тамб. Губ. Вѣдом. 1851 г. № 44. Ригельмана Истор. о Донск. казакахъ стр. 86—96.

¹³²⁾ Тамъ же.

¹³³⁾ Тамб. Губ. Вѣд. 1859 г. № 42.

¹³⁴⁾ Г. Хитрова Историко-статистическое описаніе Тамбов. епархіи, стр. 59. Тамб. Губ. Вѣом. 1848 г. № 5, 1850 № 30, 1851 № 38, 1860 № 6.

Азовъ въ г. Борисоглѣбскѣ была одна изъ верфей, на которыхъ сооружался азовскій флотъ подъ ближайшимъ надзоромъ нѣмца Франца Тиммермана ¹³⁵), имѣвшего подъ рукою множество рабочихъ нѣмцевъ-протестантовъ... Обстоятельство это не оставалось безъ значенія для религіознаго состоянія края!.. Въ кирсановскомъ уѣздѣ, въ началѣ XVIII вѣка, былъ открытъ крейсинскій желѣзный заводъ ¹³⁶), на которомъ работало множество мастеровъ и фабричныхъ людей, въ числѣ которыхъ были лютеране иностранцы; заводъ этотъ закрытъ только въ 1733 г. съ обращеніемъ мастеровыхъ въ дворцовое вѣдомство. Въ липецкомъ уѣздѣ издавна находились довольно богатая чугуныя руды, а липецкіе чугуныя заводы во время азовскихъ походовъ Петра I 1695—1696 г. были ближайшимъ депо всѣхъ военныхъ запасовъ и весь уѣздъ липецкій сборнымъ мѣстомъ войскъ Петра I. Устроивъ верфь въ Воронежѣ, Петръ устремилъ вниманіе на чугуныя липецкія руды и обратилъ заводъ въ казенный для отлитія пушекъ, ядеръ и другихъ артиллерійскихъ и морскихъ снарядовъ и принадлежностей, самъ неоднократно посѣщалъ заводъ, работалъ на немъ и постоянно присылалъ сюда множество нѣмцевъ-мастеровъ ¹³⁷). Въ 1755 г. липецкій заводъ окруженъ былъ уже другими подчиненными ему заводами: верейскимъ, возминскимъ, новопетровскимъ и еремшинскимъ и пожалованъ въ собственность князю Репнину, такъ что рабочее населеніе заводовъ вдругъ очутилось въ качествѣ крѣпостныхъ рабовъ Репнина, что не могло не смутить умы сначала заводскаго населенія, а потомъ и всего уѣзда и настроило всѣхъ враждебно ко правамъ крѣпостничества... Заводы только въ 1769 году снова куплены были въ казну ¹³⁸). Въ темниковскомъ уѣздѣ во время бунта Стеньки Разина бунтовалось все населеніе противъ помѣщиковъ и государевыхъ людей, а въ

¹³⁵) Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1858, Т. XXXIII, стр. 11, 27. Устрялова Исторія Петра Великаго, Т. II, стр. 308.

¹³⁶) Историко-статист. описан. Тамбов. епархіи Г. Хитрова 1861 г. стр. 61.

¹³⁷) Тамб. Губ. Вѣдом. 1837 г. № 45, 1858 г. № 37.

¹³⁸) Полунина Географическій Лексиконъ, стр. 166.

¹³⁹) Соловьева Истор. Россіи Т. XI, стр. 436, 439, 441.

городѣ Темниковѣ предводителями народа явились понѣ Савва и старица Алѣна, водившіе населеніе противъ государевыхъ людей, жгли дома помѣщиковъ и пытали ихъ до смерти.... Присланный воевода, князь Юрій Долгорукій, попа съ товарищами повѣсилъ, а старицу сжегъ въ срубѣ ¹³⁹⁾, но не истребилъ ненависти народной къ государевымъ людямъ и особенно къ помѣщикамъ и владѣтельными мурзамъ.... Крѣпостничество, тяготѣвшее надъ народомъ одного только населенія темниковскаго уѣзда, въ концѣ XVII вѣка было такъ велико, что здѣсь считалось за помѣщиками 355 дворовъ, а за мурзами и татарами владѣтельными 1061 дворъ ¹⁴⁰⁾. Цифра рабства для одного маленькаго уюла тамбовскаго края огромная!.. Шацкій уѣздъ, мѣсто жительства и дѣйствій Семена Андреева Швецова, также немного имѣлъ элементовъ для спокойнаго состоянія умовъ... Еще издавна изъ Астрахани являлись въ Шацкѣ, будто для торговъ, многіе боярскіе холопы и всякіе безыменные люди, которые волновали народъ, жгли помѣщичьи имѣнья и рѣзали бояръ ¹⁴¹⁾; во второй половинѣ XVII столѣтія дорога изъ Шацка до Астрахани была самою опасною; шацкіе казаки уходили на Волгу и продавали порошъ на Донъ ¹⁴²⁾. Весь этотъ сбродъ населенія легко становился подъ знамена Разина и съ увлеченіемъ возвѣщалъ, что идетъ царевичъ Нечай истребить всѣхъ приказныхъ и служилыхъ людей и помѣщиковъ ¹⁴³⁾... Въ царствованіе Петра I въ шацкомъ уѣздѣ жили среди крестьянъ лифляндскіе и курляндскіе нѣмцы, присланные Петромъ для обученія жителей косить хлѣбъ ¹⁴⁴⁾. Сближеніе протестантства съ шацкимъ крестьянствомъ было очень опасно въ то время, при тогдашнихъ

¹³⁹⁾ Исторія Россіи Сосовьева, Т. XI, стр. 434—441.

¹⁴⁰⁾ Акты Археогр. Экспед. Т. IV № № 250, 299. Дополн. къ Акт. Историч. Т. VIII, № 40.

¹⁴¹⁾ Акты Историч., Т. III, № 257. Времен. Москов. Общ. Истор. 1, 21. 53. Дворц. Разряды 1, 205, 210.

¹⁴²⁾ Акты Истор. Т. IV, № № 82, 118, 181. Чтен. Моск. Общ. Ист. 1859 г. Т. II, стр. 37 49, 64. Дополн. къ Акт. Истор. Т. VIII, № 30.

¹⁴⁴⁾ Тамб. Губерн. Вѣдом. 1858 г. № 38, 1859 г. № № 36, 37. Устрялова Исторія Царствов. Петра Великаго, Т. II, стр. 500.

обстоятельствах!... Въ кадомскомъ округѣ (нынѣ заштатный городъ въ Тамбовской губерніи), во время бунта Разина, возстаніе противъ правительства и помѣщиковъ было страшное, а нѣкто крестьянинъ Чирокъ отличался особенною свирѣпостію въ разореніи помѣщичьихъ домовъ ¹⁴⁵); мятежъ былъ усмирень, но умамъ народнымъ невозможно было успокоится, потому что и послѣ того считалось въ кадомскомъ уѣздѣ за помѣщиками и вотчинниками 239, а за владѣтельными мурзами 642 двора, изъ числа 952 дворовъ, составившихъ все населеніе округа ¹⁴⁶). Цифра рабства, неизмовѣрно больша!... Кадомская сторона отличалась богатствомъ своихъ произведеній, хлѣбородіемъ, обиліемъ скота и въ особенности добычею дорогихъ крупныхъ мѣховъ ¹⁴⁷). Это издавна привлекало сюда предпріимчивыхъ русскихъ промышленниковъ ¹⁴⁸) изъ разныхъ губерній и Москвы, изъ которой торговые люди при Петрѣ I особенно учащали свои поѣздки и торили въ эту мѣстность дорожку для всѣхъ тѣхъ тревожныхъ политическихъ и религіозныхъ мнѣній, которыя въ это время развозились торгующимъ людемъ по Россіи... Сближеніе съ московскимъ вольнодумствомъ сдѣлалось возможнымъ!.. Наконецъ, неблагоприятно дѣйствовала на умы народа, независимо отъ крѣпостничества, и тяжелая рекрутская повинность въ тамбовскомъ краѣ; въ одномъ, напримѣръ, нынѣшнемъ лебедянскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII столѣтія считалось 840 дворовъ, подлежащихъ сбору людей въ полки ¹⁴⁹), что для малонаселенной тогда лебедянской мѣстности было большою жестокостію...

¹⁴⁵) Соловьева Исторія Россіи, Т. XI, стр. 434, 439.

¹⁴⁶) Акты Археограф. Экспедиц. Т. IX, № 299. Дополн. къ Актамъ Историч. Т. VIII, № 40.

¹⁴⁷) Карамзина Ист. Госуд. Россійск. Т. X, стр. 143.

¹⁴⁸) Акты Историч. Т. III № 94, Т. V № 43.

¹⁴⁹) Дополн. къ Акт. Истор. Т. VIII № 40.

VII.

Церковныя и религіозныя дѣла. — Плачевное состояніе сихъ дѣлъ. — Почва, на коей съ успѣхомъ сѣялось новое ученіе Молоканъ и Духоборцевъ. — Бездѣятельность духовенства. — Стремленіе народа къ «невѣдомому новому».

Церковныя и религіозныя дѣла тамбовскаго края, въ концѣ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка, были въ крайне-неудовлетворительномъ состояніи. Правда, епархія тамбовская была открыта очень рано, еще въ февралѣ 1662 г. ¹⁵⁰⁾, но пространство епархіи было такъ велико, что высшая духовная власть не могла не только вліять съ успѣхомъ на дѣла совѣсти народа, но даже устроить и быта своего духовенства... Вновь открытой епископской кафедрѣ ввѣрена была въ управленіе отдаленная южная полоса рязанской Урайны, которая съ запада граничила съ югозападною частію епархіи рязанской, смежною съ митрополіею сарскою и подонскою, съ востока митрополіею нижегородскою, съ юговостока епархіею астраханскою, съ сѣверовостока городами рязанской епархіи ¹⁵¹⁾.

При такомъ пространствѣ епархіи трудно было что-нибудь сдѣлать для религіозной совѣсти народа и притомъ такого, понятія котораго давно отшатнулись въ сторону, совершенно неблагопріятную для правительства и церкви; къ этому въ добавокъ присоединились и обстоятельства, постоянно отвлекавшіе епископовъ отъ пребыванія въ епархіи... Первый напр. епископъ тамбовской епархіи, Леонтій, почти и не видалъ своей епархіи, участвуя въ Москвѣ то въ погребеніи царя Федора Алексѣевича, то въ коронованіи царей Иоанна и Петра Алексѣевичей, то въ рукоположеніи епископа воронежскаго Митрофанія и др. ¹⁵²⁾. Второй епископъ, Питиримъ (1685—1698),

¹⁵⁰⁾ Церк. Истор. митр. Плат. Т. II. Историко-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова 1861 г. стр. 1.

¹⁵¹⁾ Тамъ же.

¹⁵²⁾ Г. Хитрова, стр. 67 въ описаніи Тамбов. епархіи.

отличался лишь неутомимым усердием въ богослуженію, которое каждадневно самъ совершалъ или слушалъ ¹⁵³), что трудно было соединить съ обязанностію просвѣщать народъ живыми истинами христіанства и проводить ихъ въ жизнь народную въ столь обширной епархіи; третій епископъ, Игнатій (1698—1699), самъ былъ уличенъ въ соучастіи съ раскольниками и сосланъ Петромъ I въ заточеніе, причемъ и кафедра тамбовскаго епископа Савелія упразднена ¹⁵⁴), такъ что тамбовская епархія осталась на цѣлые 59 лѣтъ до 1758 г., совѣмъ безъ епископа, находясь во все это время подъ управленіемъ то митрополита рязанскаго, то епископа воронежскаго ¹⁵⁵), а со времени учрежденія Синода управлялась главнымъ образомъ синодальною московскою конторою, которая и грамоты храмоздательныя выдавала и священно-церковнослужительскія мѣста раздавала, отправляя при этомъ ставленниковъ посвящаться то въ Коломну, то въ Рязань, то въ Воронежъ ¹⁵⁶). Епархіей цѣлое полстолѣтіе управлялъ на мѣстѣ, если не юридически, то фактически, вмѣсто епископа „духовный приказъ“, приводя свои распоряженія въ исполненіе чрезъ „старость поповскихъ“, которыхъ нынѣ замѣнили благочинныя ¹⁵⁷). Управление духовнаго приказа выражалось въ инструкціяхъ, которыми возлагалось на обязанность старость поповскихъ, между прочимъ, слѣдующее: виновныхъ въ еретичествѣ самолично допрашивать и сыскивать, а потомъ въ духовный приказъ отправлять на расправу... (объ увѣщаніи въ духѣ кротости не было и помину); въ искахъ до 10 руб. вершить дѣла; съ подравшихся и изувѣчившихся духовныхъ лицъ собирать по 4 алтына и по 2 деньги съ человѣка; не отправляющихъ богослуженія въ табельные дни брать подъ караулъ и высылать въ приказъ и т. под. ¹⁵⁸). О религіоз-

¹⁵³) Тамъ же, стр. 68.

¹⁵⁴) Ист. Рос. Іерарх. Ч. I, стр. 206.

¹⁵⁵) Описаніе Воронеж. губ. стр. 181. Г. Хитрова Описаніе Тамбов. епархіи стр. 2.

¹⁵⁶) Синод. указъ 1760, 1763 и др. годовъ. Г. Хитрова Описаніе Тамб. епар. стр. 2.

¹⁵⁷) Истор.-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова, стр. 69.

¹⁵⁸) Инструкціи Тамбов. духовн. приказа 1714. См. Описаніе Тамбовской епархіи Г. Хитрова, стр. 70—76.

номъ образованіи народа въ инструкціяхъ нѣтъ и помину, даже о наблюденіи за проповѣданіемъ слова Божія съ церковныхъ каеандръ нѣтъ ни слова, а больше трактовалось о сборѣ налоговъ, которые назначались патриаршими грамотами и раздѣлялись на окладные и неокладные, изъ которыхъ къ первымъ принадлежали: гривна съ каждой церкви въ годъ, полтина десятильничья дохода, гривна полковымъ понамъ въ подмогу, гривна милостивныхъ, полонныхъ по 8 денегъ съ двора; налоговъ съ дворовъ поповъ по 4 деньги въ годъ, съ діаконова по 2 деньги, съ причетническаго, проефирина и бобыльскаго по деньгѣ; съ дворовъ воеводскихъ, вотчинниковыхъ, гостинныхъ и суконныхъ сотенъ по 6 денегъ съ каждаго; съ дворовъ подъяческихъ и людей посадскихъ, старостинныхъ и цѣловальниковъ по 4 деньги съ двора; съ посадскихъ крестьянъ средней статьи по 3 деньги; съ дворовъ сотскихъ, стрѣleckихъ, пушкарскихъ, воротниковыхъ и иныхъ безпомѣстныхъ людей по 2 деньги съ каждаго; съ вдовьихъ и крестьянскихъ бобыльскихъ по деньгѣ съ двора и тому под. ¹⁵⁹⁾). Понятно, что тамбовское населеніе видѣло духовенство свое только когда оно розыскивало еретиковъ, или собирало пошлины патриаршія!.. А населеніе тамбовской епархіи требовало другой дѣятельности духовенства!.. Ее наполняли и новообращенные въ христіанство силою гражданской власти татары, оставшіеся на мѣстѣ прежнихъ своихъ кочевьевъ и принявшіе подданство Россіи послѣ взятія Азова ¹⁶⁰⁾, также язычники финскаго племени — мещера и мордва ¹⁶¹⁾, донскіе казаки, народъ издревле вольнаго духа и пытливый въ дѣлахъ гражданскихъ, особливо же въ дѣлахъ вѣры, украинскіе поселенцы, пушкари и вольные люди, но особенно необращенные еще въ христіанство иновѣрцы изъ мещеры, мордвы и татаръ, число которыхъ даже въ 1797 году простиралось въ тамбовской епархіи до 24,500. ¹⁶²⁾; сколько же, спрашивается, христіанскаго населенія состояло въ тамбовской губер-

¹⁵⁹⁾ Тамъ же, стр. 77.

¹⁶⁰⁾ Историко-статист. описан. Тамбов. епархіи Г. Хитрова, стр. 11.

¹⁶¹⁾ Тамъ же, стр. 13.

¹⁶²⁾ Тамъ же, стр 3 и 10. Синод. указъ въ Тамбов. консисторію 1797 г. авг. 18.

ніи въ началѣ XVIII столѣтія?... Нужно ли говорить о томъ, что тамбовская епархія въ это время была скудна до крайности храмами, благолѣпіемъ церковнымъ и вообще всѣмъ, чѣмъ питается благочестіе христіанское? При такомъ состояніи религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ, въ странѣ полудикой, мѣстами лѣсистой, мѣстами пустынной, мало населенной, безпрепятственно появились издавна старообрядцы, потомъ скопцы, за ними въ началѣ 1700 годовъ хлысты, а съ ними древніе русскіе раціоналисты-малокане и духоборцы. Такимъ образомъ, Уклеину, Побирохину, Швецову и прочимъ проповѣдникамъ молоканства и духоборчества благопріятствовали многія обстоятельства, и они могли свободно увлекаться новымъ распространившимся изъ Москвы вольнодумнымъ политическо-религіознымъ ученіемъ и заставить другихъ принять его!.. Въ стремленіи „къ невѣдомому новому,“ при дурно настроенномъ состояніи умовъ и запущенности церкви, бездѣятельности духовенства, дурномъ пониманіи, или лучше сказать—совершенномъ непониманіи православной вѣры и ея обрядности, проповѣдники одного чисто духовнаго начала въ вѣрѣ и религіи, политическомъ и бытовомъ устройствѣ общества, нашли благодарною почву для своей проповѣди... Какъ сформировалось „это невѣдомое новое“ и вошло въ жизнь „искателей новаго“,—это другой вопросъ; но мы видѣли, что стремленію этихъ „искателей новаго“ въ жизни общественной и вѣрѣ христіанской некому было во-время положить преграды; когда же увлеченіе въ „исканіи новаго“ овладѣло умами въ ущербъ сдержанности, тогда останавливать дѣло было уже поздно!... Простолюдина, однажды убѣжденнаго хотя напимѣръ въ томъ, что мірянинъ и ремесленникъ могутъ быть проповѣдниками, уже трудно разубѣдить въ противномъ; не въ его силахъ противиться увлеченію, однажды имъ овладѣвшему! Вспомнимъ, что религіозныя увлеченія овладѣвали не разъ философами и учеными профессорами; такъ почему же подъ часъ не увлечься и простодушному крестьянину. Карлштадъ, профессоръ виттембергскій, напр., сначала только позволилъ себѣ прислушаться къ новому ученію восторженнаго Шторха, родоначальника анабаптистовъ, а потомъ покончилъ воззваніемъ въ университетской аудиторіи: бросить науку, потому что человекъ, по слову Божію, „въ потѣ лица долженъ снискивать себѣ хлѣбъ.“

*

Послѣднее обстоятельство можно было бы извинить ¹⁶³⁾ Шторху, но не глубокомысленному, разсудительному, многоученому и, слѣдовательно, благовоспитанному профессору университета! Все это было бы необъяснимо, если бы мы не знали, что вообще религіозному увлеченію трудно полагать предѣлы.

VIII.

Состояніе религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ въ XVIII вѣкѣ. — Объясненіе успѣшнаго распространенія Молоканства и Духоборчества въ Тамбовской губерніи. — Униженность духовенства. — Религіозное запусѣніе. — Консисторія и Архіерейскія управленія.

Во второй половинѣ XVIII вѣка, когда молоканство и духоборчество уже образовались, состояніе религіозныхъ и церковныхъ дѣлъ въ Тамбовской губерніи не только не улучшилось, но дѣлалось еще хуже, что само собою обезпечивало успѣхъ проповѣди Уклеина, Побирохина, Швецова и послѣдующихъ проповѣдниковъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ... Епархія въ 1758 г. была въ жалкомъ видѣ, приведенная въ совершенное запусѣніе 59 лѣтнимъ отсутствіемъ въ ней епископа; самый домъ архіерейскій, 59 лѣтъ празно стоявшій, занятъ былъ архивомъ воеводской канцеляріи ¹⁶⁴⁾ Народъ Тамбовской губерніи въ полстолѣтіе совершенно отвыкъ отъ епископа, отвыкъ отъ уваженія къ этому сану и не носилъ въ душѣ своей благоговѣнія къ сему высокому званію, привыкнувъ церковное управленіе видѣть только въ старостахъ поповскихъ, ходившихъ по дворамъ и собиравшихъ налоги... Епархія не имѣла законовъ для руководства при рѣшеніи дѣлъ, духо-

¹⁶³⁾ Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation von L. Ranke Berlin 1843. Отечеств. Записки 1844 г. Т. XXXVI, XXXVII. въ статьѣ II, «Реформація», стр. 98.

¹⁶⁴⁾ Историко-статист. описаніе Тамбов. епархіи Г. Хитрова 1861 г. стр. 78.

венство погрязло въ совершенномъ невѣжествѣ ¹⁶⁵). Странное состояніе дѣль, дающее за то удовлетворительное объясненіе быстрого развитія и образованія тогда молоканства и духоборчества въ Тамбовской губерніи!.. Къ тому же явился и наборъ съ духовенства, которое такимъ образомъ ставилось на одну доску съ мужикомъ и проигрывало послѣднее значеніе въ глазахъ народа... Уклеинъ и Побирохинъ сравнивались въ правахъ со всякимъ духовнымъ лицомъ, и потому не было причины, почему не признавать ученія Уклеина и Побирохина лучшимъ, чѣмъ ученіе православныхъ учителей вѣры, особенно когда ученіе первыхъ болѣе совпадало съ настроеніемъ народа, льстило его тенденціямъ и было даже въ матеріальномъ отношеніи выгоднѣе.... Тогдашній епископъ Пахомій, чтобы избавить нѣкоторыхъ изъ духовенства отъ солдатства, отпускалъ ихъ въ податное состояніе, другихъ дарилъ помѣщикамъ въ рабство ¹⁶⁶). Изъ оставшагося духовенства многіе оказывались не безвинными, и ихъ, до подробнаго изслѣдованія вины, схватывали консисторскіе служители, везли въ кандалахъ, въ виду народа, въ консисторію ¹⁶⁷), гдѣ опозоренные всенародно помѣщались въ консисторскій тюремный домъ на неопредѣленное время, или отправлялись въ воеводскую канцелярію для причисленія въ податное словесіе... Судъ епископскій былъ въ это время ниже всякаго суда людскаго; епископу никто не могъ приносить никакого оправданія, имъ не принимались никакія объясненія. Понятно, какъ низко тогда долженъ былъ стоять санъ епископскій въ глазахъ народа! Произволь, неразумное, противохристіанское обращеніе съ людьми, окончательно уронило епископа въ глазахъ народа, который началъ считать его лицомъ не только ненужнымъ, но даже вреднымъ. Стоило только внушить народу мысль объ отверженіи такой деспотической силы въ принципѣ, чтобы пошатнуть епископскую власть въ самыхъ ея основаніяхъ. Подсказчиками въ этомъ случаѣ явились, между прочимъ, Уклеинъ и Побирохинъ, и дѣло пошло удачно!

¹⁶⁵) Тамъ же.

¹⁶⁶) Синод. указъ въ Тамб. консист. 1765 г. мая 5 дня.

¹⁶⁷) Г. Хитрова Историко-стат. опис. Тамб. епархіи стр. 79.

Оставалось истребить послѣдніе слѣды уваженія къ низшему духовенству, чтобы сдѣлать естественнѣе переходъ къ отверженію всей іерархіи церковной, и это было сдѣлано самимъ же епископомъ тамбовскимъ. Епископъ Пахомій началъ расправляться съ духовенствомъ „плетью“, а священники его по 5 лѣтъ рыли монастырскіе рвы, среди улицъ, въ виду народа носили кирпичи на колоколотный заводъ, очищали мѣста для конюшеннаго двора, били сваи на рѣкахъ для постройки архіерейской бани, таскали лѣсъ на архіерейскій домъ, возили на себѣ снѣгъ изъ монастырей ¹⁶⁸⁾, и все это часто лишь за то, что не могли дать епископу 50 руб. на литіе колоколовъ, сдѣлавшееся у него болѣзненной и смѣшной страстью. Тамбовское духовенство оборвалось, стало ходить въ лохмотьяхъ и отправлялось съ жалобами въ синодъ, часто пѣшкомъ ¹⁶⁹⁾, духовенство же стало, наконецъ являться и на разбояхъ ¹⁷⁰⁾. Священнослужительскія жены и дочери шли пѣшкомъ въ синодъ искать справедливой защиты своимъ мужьямъ и отцамъ ¹⁷¹⁾. Въ представителяхъ христіанскаго ученія, такимъ образомъ, было унижено не только достоинство служителей алтаря и избраннаго сословія, но попропрано даже чувство человѣческаго достоинства!.. Понятно послѣ этого и то явленіе въ исторіи тамбовскаго молоканства и духоборчества, о которомъ мы упоминали выше, а именно: что при явленіи молоканства тамбовское духовенство не только не боролось съ нимъ, но даже сочувствовало ему и обольщалось имъ ¹⁷²⁾... Что въ это время порвана была у народа всякая связь не только съ духовенствомъ, но и съ епископомъ тамбовскимъ, доказываетъ, между прочимъ, слѣдующее обстоятельство. Въ 1764 г. указомъ императрицы Евкатерины II предписано было на мѣсто вотчинъ и сборовъ избрать для архіерейскаго дома 44 служителя изъ крестьянъ для отправленія службы и исправленія домашнихъ работъ при домѣ архіерея. Народъ былъ собранъ, но скоро разбѣжался, и только черезъ

¹⁶⁸⁾ Указъ синода 1766 г. 6 и 10 апр.

⁶⁹⁾ Тамъ же.

¹⁷⁰⁾ Указъ синода 1756 г. дек. 23.

¹⁷¹⁾ Указъ синода 1761 г. мая и іюня.

¹⁷²⁾ Историко-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова стр. 13.

годъ смскавъ былъ совокупными усиліями воеводскихъ канцелярій тамбовской и шацкой ¹⁷³). Къ довершенію униженія въ глазахъ народа сана епископскаго въ тамбовскомъ краѣ, самъ епископъ Пахомій въ 1766 г. преданъ былъ, наконецъ, суду за своекорыстное удержаніе денегъ (воровство) съ вѣчныхъ памятей и изъ жалованья инвалидовъ, получавшихъ содержаніе съ монастырей ¹⁷⁴)..... При слѣдующемъ епископѣ Феодосіи (1766—1786), къ униженію духовенства, объявленъ новый съ него наборъ (1769 г. 2 янв.), которымъ распорядились нѣкто Черкасовъ и Еропкинъ такъ безцеремонно, что во многихъ селахъ не осталось ни одного причетника ¹⁷⁵). Въ церковномъ управленіи явились замѣшательства. Духовенство, и даже домашніе служители архіерейскіе, отказались отъ повиновенія своему епископу ¹⁷⁶), для разсмотрѣнія поступковъ котораго была прислана комисія, таскавшая постоянно церковнослужителей въ Воронежъ къ допросамъ ¹⁷⁷). Самъ епископъ былъ удаленъ въ Воронежъ и отданъ подъ судъ, къ смущенію тамбовскаго края, остававшагося цѣлыхъ два съ половиною года совершенно безъ епископа ¹⁷⁸. Къ увеличенію такого замѣшательства церковныхъ дѣлъ, снудодъ распорядился возвратитъ въ церковный причетъ разныхъ неспособныхъ и спасшихся бѣгствомъ изъ войска духовныхъ лицъ ¹⁷⁹) и поставить ихъ на духовныя мѣста, къ назиданію народа... Къ этой церковной неурядицѣ, въ добавокъ, подоспѣла и неурядица гражданская, окончательно смутившая, народные умы. Въ 1774 г. въ тамбовскомъ краѣ явился Пугачевъ и взволновалъ умы народа противъ правительства, боярства, царя и духовенства, а послѣ пугачевскаго погрома на духовенствѣ же и обрушились тяжкія послѣдствія пугачевскаго дѣла...

Въ 1776 году, вся губернія наполнилась лишенными, по замѣ-

¹⁷³) Тамъ же, стр. 84.

¹⁷⁴) Указъ снудода 1762 г. марта 18 дня въ Тамб. консист.

¹⁷⁵) Указъ снудода 1771 г. окт. 11.

¹⁷⁶) Снудод. указъ 1770 г. іюня 21.

¹⁷⁷) Историко-статист. опис. Тамбов. епархіи Г. Хитрова, стр. 93.

¹⁷⁸) Тамъ же.

¹⁷⁹) Снудод. указъ въ Тамб. консист. 1774 г. марта 31.

лательству въ бунтѣ, духовнаго сана и званія людѣи, оставленными среди народа на прокормленіе... На площадяхъ городскихъ производились безцеремонныя разстриженія въ родѣ архимандрита Исаакія, со снятіемъ монашеской одежды, обрѣтѣемъ волосъ и бороды ¹⁸⁰⁾, а уцѣлѣвшее духовенство, по невѣжеству, не умѣло отправлять въ церквахъ богослуженія; церковныя службы производились на разные голоса вдругъ, бабы поломоики расхаживали по алтарямъ, и нелѣпыя иконы стояли предъ глазами народа ¹⁸¹⁾. Въ тамбовской губерніи до 1720 г. не было даже семинаріи, и духовенство по образованію было не выше мужиковъ, а можетъ быть во многомъ и ниже ихъ... Въ 1782 г. въ первый разъ куплено азбукъ, букварей, катехизисовъ, ариметикъ и др. книгъ на 26 руб. ¹⁸²⁾ для образованія тамбовскаго духовенства, котораго, въ добавокъ, и не доставало въ губерніи въ 1784 г. болѣе 292 человекъ (82 священниковъ, 88 діаконровъ, 162 церковно-служителей) ¹⁸³⁾. Въ эти то именно годы, Уклеинъ съ Побирохинымъ поѣхали почти открыто по губерніи и на мѣсто духовенства начали ставить учителей изъ народа!.. Всѣ обстоятельства содѣйствовали пропагандѣ новыхъ проповѣдниковъ: консисторія архіерейская поступаетъ беззаконно, дѣлаетъ распоряженія внѣ власти своей ¹⁸⁴⁾, а Уклеинъ и Побирохинъ проповѣдываютъ, что въ словѣ Божіемъ не существуетъ постановленія о необходимости архіереевъ на землѣ, а тѣмъ болѣе консисторій; по церквамъ по невѣжеству духовенства, распѣваются странныя и нелѣпыя церковныя пѣсни, поются безтолковыя напѣвы ¹⁸⁵⁾, а Уклеинъ развозитъ съ собою дѣвушекъ и вводитъ стройное пѣніе библейскихъ текстовъ на напѣвы народныхъ мотивовъ ¹⁸⁶⁾; болѣе половины приходскихъ церквей въ губерніи обратились праздными мо-

¹⁸⁰⁾ Историко-стат. опис. Тамб. епарх. Г. Хитрова, стр. 96.

¹⁸¹⁾ Тамъ же, стр. 100—101.

¹⁸²⁾ Тамъ же, стр. 104.

¹⁸³⁾ Синод. указъ 1784 г. сент. 15.

¹⁸⁴⁾ Историко-стат. опис. Тамб. епарх. Г. Хитрова, стр. 110—111.

¹⁸⁵⁾ Указъ синода 1790 г. 16 янв.

¹⁸⁶⁾ Рукоп. пресвящ. Іакова въ нижегород. семинарской библіотекѣ № 3775. Правосл. Собесѣд. 1858 г. кн. III, стр. 312.

нахами въ монастыри, гдѣ братія живетъ совѣтъ не по монашески, не по монастырскому уставу ¹⁸⁷⁾, а Уклеинъ съ Побирохинымъ твердятъ народу, что монашество на землѣ не есть установленіе божественное, а человѣческое, совѣтъ противное природѣ человѣческой ¹⁸⁸⁾; монахи и монахини, пренебрегая уставы св. отецъ и подвижниковъ, таскаются по всей губерніи, по городамъ и частнымъ домамъ, по рынкамъ и площадямъ, такъ что епископъ тамбовскій, для возвращенія ихъ въ монастыри, требуетъ содѣйствія тамбовскаго баталіоннаго командира ¹⁸⁹⁾, а Уклеинъ вводитъ церковно-семейное благочестіе въ домахъ крестьянъ на основаніи одной Библии и твердитъ, что христіанскій монастырь долженъ быть въ душѣ человѣка ¹⁹⁰⁾; монахи по монастырямъ бунтуютъ ¹⁹¹⁾, возмущенные строгостію иноческихъ правилъ, а Уклеинъ и Побирохинъ проповѣдуютъ народу о нравственно-духовной свободѣ въ жизни; епископы тамбовскіе, вмѣсто обученія народа истинамъ христіанской религіи и изведенія полу-идолопоклонническаго (мордвы, мещеры и новокрещенныхъ татаръ) населенія края отъ тьмы невѣжества и слѣпоты умственной и нравственной, лютъ колокола во все время своего управленія епархіею ¹⁹²⁾, такъ что колокольная тамбовскаго собора отъ тяжести полуторы тысячи пудовъ колоколовъ, вылитыхъ тщаніемъ епископа Пахомія (незабудемъ цѣнности тогдашняго металла) клонилась еъ паденію ¹⁹³⁾, золотятъ врыши цер-

¹⁸⁷⁾ Историко-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова, стр. 122.

¹⁸⁸⁾ См. тоже ученіе Молок. и Духоб. о монашествѣ.

¹⁸⁹⁾ Историко-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова, стр. 724.

¹⁹⁰⁾ См. ученіе Молоканъ о духовномъ совершенствѣ.

¹⁹¹⁾ Синод. указъ 1791 г. 17 авг.

¹⁹²⁾ Пахомій напр., какъ мы видѣли уже, во все время управленія только и ознаменовалъ себя литьемъ колоколовъ, что обратилось даже у него въ болѣзненную страсть, такъ что, и по преданіи его суду и ссылкѣ въ Устюжскій, а потомъ въ Андроніевскій монастырь, онъ въ томъ и другомъ монастырѣ единственнымъ памятникомъ по себѣ оставилъ нѣсколько вылитыхъ имъ колоколовъ (Истор. Рос. Іерарх. Ч. I. Историко-статист. опис. Тамб. епархіи Г. Хитрова, стр. 85).

¹⁹³⁾ Г. Хитрова Опис. Тамб. епархіи, стр. 58.

квей, воздвигаютъ колокольни въ 38 сажень вышины ¹⁹⁴⁾, а при правилахъ монашеской нестяжательности увеличиваютъ до громадной цифры накопленіе благороднаго металла (денегъ) ¹⁹⁵⁾, какъ личную собственность, а Уклеинъ и Побирохинъ проповѣдываютъ бесполезность наружныхъ церквей и соборовъ со всѣмъ ихъ великолѣпіемъ, толкуя народу, что церковь Бога живаго живетъ внутри человѣка и украшеніе ея возвеличивается по мѣрѣ духовнаго совершенства людей, для чего покупаютъ и развозятъ народу слово Божіе, — Библию, приглашая всѣхъ къ изученію ея и вразумленію истиннаго духа христіанской религіи ¹⁹⁶⁾. Словомъ; не распространяясь въ дальнѣйшихъ подробностяхъ о религіозно-церковномъ состояніи дѣль тамбовскаго края въ эпоху начала развитія и окончательнаго образованія молоканства, мы не погрѣшимъ, если скажемъ, что религіозно-церковное состояніе было тогда самое благопріятное для того *критицизма въры*, который въ лицѣ Тверитинова созрѣлъ до секты, и которой принесенъ былъ изъ Москвы въ тамбовскій край для насажденія его Уклеиннымъ, Побирохиннымъ и ихъ сотрудниками; историческое же и политическое состояніе края, какъ мы уже видѣли, представляло еще болѣе удобствъ для пропаганды духовнаго царства на землѣ по слову одной Библии.....

IX.

Мѣры правительства и духовенства противъ Молоканъ и Духоборцевъ. — Неудачность сихъ мѣръ. — Возбужденіе фанатизма. — Всеподданнѣйшее прошеніе Тамбовскихъ Молоканъ къ императору Александру I, при вступленіи его на престолъ.

Для противодѣйствія такому направленію умовъ народа въ дѣлахъ

¹⁹⁴⁾ Тамъ же, стр. 137.

¹⁹⁵⁾ Послѣ кончины епископа Тамбов. Феофила (1788—1811) осталось собственныхъ его денегъ 34,000 руб. См. Г. Хитрова Описаніе Тамб. епархіи, стр. 168.

¹⁹⁶⁾ См. Ученіе Молоканъ и Духоборцевъ о церкви, о крещеніи и пр.

вѣры, въ несчастію, не нашлось тогда ни въ мѣстномъ начальствѣ; ни въ духовенствѣ лица, которое употребило бы лучшее въ такихъ случаяхъ оружіе, завѣщанное Спасителемъ: духовное вразумленіе, христіанскую любовь, добрыя дѣла и чистою совѣсть!.. Никто не вымолвилъ того слова, въ которомъ сходятся все вѣроисповѣданія и секты христіанскія, — слова христіанской любви. При первомъ, хотя и весьма опоздаломъ уже, официальномъ открытіи молоканъ въ тамбовской губерніи, въ 1766 г., въ селахъ: Горѣломъ, Жидоловкѣ, Лысыхъ-Горахъ, Разказовѣ и др. послѣ неушлаго, а слѣдовательно и неуспѣшнаго увѣщанія священника Александра Полянскаго, молокане взрослые, въ числѣ тридцати человекъ, отданы были въ военную службу, а малолѣтніе вѣрены семействамъ православныхъ ¹⁹⁷⁾. Дѣло успѣшнаго обращенія сектаторовъ, такимъ образомъ, съ перваго шага было проиграно!.. Разоренные, разлученные съ женами и дѣтьми своими, несчастные, осужденные, оставляя свои кровы, пѣли священныя пѣснопѣнія, читали псалмы изъ Библии и проповѣдывали остающимся братьямъ *ненависть къ духовенству и начальству*... Затѣмъ ни духовенство; ни мѣстное гражданское начальство ничѣмъ не заявили своей дѣятельности въ отношеніи молоканъ и духоборцевъ; кромѣ представленій ихъ со стороны перваго названію гражданскому; со стороны послѣдняго исполненіемъ представленій... Но зрѣлища разныхъ наказаній, которыми думали устрашить новыхъ исповѣдниковъ Христа въ духѣ и истинѣ, производили совершенно обратныя дѣйствія.... Они поражали умы самыхъ православныхъ крестьянъ, которые въ сожалѣніи о гонимыхъ своихъ собратіяхъ по званію говорили: „видно ихъ вѣра и въ самыя дѣла правая, когда они идутъ за нее на мученіе и по протерпѣваютъ наказаніе!..“

Изображая картину дѣйствія мѣстнаго начальства и духовенства въ XVIII вѣкѣ, тамбовскіе молокане писали императору Александру I вступленіи его на престолъ ¹⁹⁸⁾: „Препоручи, Августѣйшій Монархъ, изслѣдовать слезную картину дѣйствія съ нами начальства тамбов-

¹⁹⁷⁾ Историко-статист. опис. Тамбов. епархіи Г. Хитрова, стр. 25.

¹⁹⁸⁾ Всеподданнѣйшее прошеніе 1803 года.

скаго на мѣстѣ, въ селеніяхъ, чрезъ нарочно присланныхъ изъ столицы, въ праводушіи испытанныхъ людей; тогда узнаешь истину, что мы умираемъ отъ побоевъ безчеловѣчныхъ и тогда раскроется предъ свѣтомъ и предъ богоподобнымъ Монархомъ свитокъ, который изобличитъ, что въ изысканіи преступленія нашего руководствуются не гласомъ закона и совѣсти, но другими видами, достойными взысканія и преграды; и неужели при толико мудрому, кроткому и благодѣтельному правленіи Твоему, раздѣленному по частямъ между избранными особами для того, чтобы они со всѣмъ усилиемъ дѣствовали на устроеніе лучшей доли и безопасности гражданъ, должны быть оставлены безъ вниманія виновные и мы невинные не токмо волѣ обожаемаго монарха, но мановенію его неограниченно повиноваться и всѣмъ жертвовать готовы? Высочайшею волею Ты, Государь, поставленъ ангеломъ хранителемъ благосостоянія гражданъ, и отъ Тебя зависитъ оградить ихъ всюю безопасностью, и паче отъ злонавітствующихъ и коварныхъ; послѣдуй же ангелу, который преступниковъ изгналъ изъ эдема пламеннымъ мечемъ; изждени и Ты мечемъ правосудія изъ рая монаршей довѣренности лицъ, недостойныхъ оной. Ты оправдаешь чаяніе всѣхъ, и познаютъ тогда всѣ, что правительство высшее недремлющимъ окомъ смотритъ, дабы безчеловѣчіе и крайняя жестокость, слѣдъ и укоризну наносящія человѣчеству, не остались безъ наказанія!...

XIII

ЗАКЛАНІЕ СЫНА ВЪ ЖЕРТВУ БОГУ

Мы имѣли случай, въ качествѣ члена палаты, познакомиться съ однимъ изъ интересныхъ дѣлъ, производившихся въ Владимірской уголовной и гражданской палатѣ, именно: съ дѣломъ о дѣтоубійцѣ Куртинѣ, раскольникѣ «Спасова согласія». Фактъ преступленія Куртина до того типиченъ, что можетъ служить достовѣрною характеристикой одного изъ толковъ раскольничьихъ, извѣстнаго подъ именемъ «Спасова согласія». Согласіе это называется также «нѣтовщиною» или «кузьминощиною»,—нѣтовщиною потому, что раскольники этого толка учили и учатъ досѣлѣ, что нѣтъ нынѣ въ мірѣ ни православнаго священства, ни таинствъ, ни благодати...., «кузьминощиною» потому, что нѣкто Кузьма, безграмотный мужикъ, былъ первымъ основателемъ этой секты, «Спасовымъ согласіемъ» потому, что главнымъ исходнымъ пунктомъ ученія спасовцевъ есть слѣдующій догматъ: какъ нѣтъ нынѣ на землѣ никакой святости, то желающимъ содержать старую вѣру остается только прибѣгать къ Спасу, который самъ вѣдаетъ, какъ спасти насъ бѣдныхъ. Мужикъ Кузьма, основатель «Спасова согласія», первый запретилъ въ непопощиѣ перекрещиваніе; но послѣдователи его, въ этомъ отношеніи, пошли далѣе и совсѣмъ не стали крестить дѣтей своихъ въ томъ упованіи, что Спасъ и безъ крещенія можетъ спасти ихъ. Секта эта есть одна изъ самыхъ крайнихъ сектъ непопощины. Особенно сильное развитіе «Спасова согласіе» получило въ Нижегородской губерніи, но еще сильнѣйшее въ Костромѣ

ской, а особливо въ Ярославской, именно въ Даниловскомъ уѣздѣ. Раскольнику «Спасова согласія» не остается ничего въ жизни, кромѣ безнадежности и упованія на Спаса, который если захочетъ, то можетъ и знаетъ, какъ спасти человѣка. Это упованіе приводитъ фанатиковъ часто къ самымъ ужаснымъ результатамъ!.. Спасовецъ, исходя изъ безотраднaго догмата, — что нѣтъ нынѣ на землѣ спасенія, и желающимъ спастись остается только прибѣгать къ Спасу, который самъ знаетъ, какъ спасти прибѣгающихъ къ нему, — легко можетъ дойти до самоубійства, до дѣтоубійства, до женоубійства и т. п., когда какимъ либо образомъ, удостовѣрится, что это такъ угодно Спасу. И спасовцы дѣйствительно до такихъ результатовъ доходили, доказательствомъ чему служитъ нижеслѣдующій уголовный случай, бывшій въ 1855 году въ Владимірской губерніи. Расскажемъ этотъ случай по достовѣрному источнику.

Нѣкто раскольникъ «Спасова согласія», крестьянинъ деревни Слободищъ, Вязниковскаго уѣзда, Михаилъ Федоровъ Куртинъ (57 лѣтъ отъ роду), находившійся въ сектѣ «Спасова согласія» съ дѣтства, зарѣзалъ сына своего 7-ми лѣтняго мальчика, Григорія, въ увѣренности, что это угодно было Спасу. «Слободищи», деревня удѣльная, Вязниковскаго уѣзда, находится при рѣчкахъ: Кетижѣ и Вошиковскѣ, въ 19-ти верстахъ отъ уѣзднаго города и становой квартиры, имѣетъ 28 дворовъ и 83 души мужскаго, 114 женскаго пола. При деревнѣ «Слободищи» почтовая станція, по московско-нижегородскому шоссе, отъ границы Ковровскаго уѣзда къ Гороховскому. Къ рѣшимости зарѣзать сына Куртинъ пришелъ путемъ убѣжденія, что приуготовилъ царствіе небесное своему сыну, и что эта жертва угодна была самому Спасу. Подробности всего этого кроваваго процесса ужасны, но въ тоже время очень естественны въ спасовцѣ. Вотъ какъ самъ Куртинъ рассказалъ о своемъ дѣлѣ при слѣдствіи.

— Состою я, чистосердечно объяснилъ властямъ Куртинъ, въ расколѣ «Спасова согласія» съ издѣтства, и эту вѣру исповѣдывали мой отецъ и мать, но ученіе этой секты къ намъ перешло отъ дѣда; на исповѣди и у св. причастія, по православному обряду, я никогда не бывалъ и женѣ своей не позволялъ, обративъ ее въ свою секту. 27-го ноября 1835 года, я, въ праздникъ Знаменія Пре-

святой Богородицы, долго молился и плакалъ о томъ, что нѣтъ на землѣ людямъ спасенія и всѣ должны погибнуть. Ночью печаль моя сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затепливалъ свѣчи предъ иконами и молился со слезами на колѣняхъ о своемъ спасеніи и спасеніи семейства своего. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего отъ гибели вѣчной, и такъ какъ сынъ мой, Григорій, 7-ми лѣтній, былъ очень рѣзвъ, веселъ и смышленъ не по лѣтамъ, то опасаясь, что послѣ моей смерти, сынъ мой возвратится въ вѣрѣ и погибнетъ на вѣкъ въ гееннѣ вѣчной, я рѣшился его зарѣзать, чтобы тѣмъ приготовить ему вѣрный путь въ царствіе небесное». Чтобы понять яснѣе, какъ пришелъ къ этой мысли фанатикъ Куртинъ, довольно привести здѣсь слѣдующія строки ученія спасовцевъ: «Въ мірѣ нѣсть спасенія, нѣсть Бога истиннаго, но Бози мнози, сирѣчь души нечисти, бѣсовы темніи и антихристъ свѣрхный. Егда нечестивіе (т. е. православныя) поють, тогда, заткнувъ уши свои, потребно есть бѣжати, дабы гласъ ихъ неслыхати; сего да бѣгаемъ и отвращаемся соборищѣ ихъ и мѣсть, гдѣ еретицы (т. е. опять православныя) собираются, молятся, или поють, или молебствуютъ, или въ церкви, или въ часовнѣ, или у креста, или на пути, или въ дому еретическая служба. И тѣ иконы водою потребно омывати, омиаюмъ кадяти, и ту Госнодь не пребываетъ. Аще убо какая душа пріемлетъ отъ еретикъ крещеніе, или покаяніе, или молитву, или что духовное, или тѣлесное брашно, или благословеніе, отъ каковыхъ убо бѣсовъ своихъ мучиму будутъ во вѣки въ огнѣ негасимомъ.» Понятно послѣ этого, опасеніе Куртина за своего сына, отъ одного прикосновенія, или общенія съ православными, могущаго, по мнѣнію фанатика, погибнуть въ огнѣ неугасимомъ! «Съ мыслию зарѣзать сына, сказалъ на допросѣ Куртинъ, я вышелъ на зарѣ въ заднія ворота и сталъ молиться на восходѣ, прося у Спаса знаменія, что если, помолвишись, придетъ мнѣ снова мысль эта въ голову съ правой стороны, то я принесу сына Богу въ жертву, а если слѣва, то нѣтъ, такъ какъ, по мнѣнію нашему (т. е. толкованію спасовцевъ), помыселъ съ правой стороны есть мысль отъ ангела, а съ лѣвой отъ діавола. По окончаніи длинной молитвы помыселъ этотъ пришелъ ко мнѣ

съ правой стороны и съ веселиемъ въ душѣ я возвратился въ избу.»

Теперь мы расскажемъ обстоятельства самаго зарѣзанія сына отцомъ.

Когда Куртинъ вошелъ въ избу съ веселиемъ въ душѣ и полною рѣшимостію зарѣзать сына своего, то сынъ и жена его, Аграфена Михайлова, сильно любившая своего сына за его необыкновенную рѣзвость и умъ не по лѣтамъ, спали крѣпкимъ сномъ. Куртинъ разбудилъ жену и, опасаясь ея препятствій при зарѣзаніи сына, послалъ ее за овчинами въ деревню Перево, а самъ остался съ сыномъ Григоріемъ наединѣ. Деревня Перево казенная, при рѣкѣ Клязьмѣ, въ двухъ верстахъ отъ «Слободищи», съ 185 душами мужскаго и 242 женскаго пола. Разбудивъ сына, Куртинъ сказалъ ему:

— Встань, Гришенька, надѣнь бѣлую рубашку, я на тебя полюбуюсь!

Сынъ, не имѣя бѣлой рубахи, отвѣчалъ:

— У меня нѣтъ, тятя, такой рубахи. Мама еще не сшила!

По показанію жены Куртина, мужъ ея, за нѣсколько дней до сего, пристававъ къ ней, чтобы она сшила бѣлую рубашку сыну, но почему этого ему хотѣлось, она догадаться не могла. Ясно, что Куртинъ мысль зарѣзать сына носилъ въ душѣ давно и съ осторожностью скрывалъ ее отъ жены своей. Самое наставаніе его на томъ, чтобы жена сшила бѣлую рубашку сыну, было очень осторожное, такъ что не могло дать повода сей послѣдней къ какимъ либо подозрительнымъ мыслямъ.

— Надѣнь хоть мою бѣлую рубашку, говорилъ Куртинъ сыну, — все равно.

— Хорошо! отвѣчалъ мальчикъ, и надѣлъ бѣлую отцовскую рубашку, приготовленную Куртинымъ.

Куртинъ объяснилъ суду, что по вѣрѣ «Спасова согласія», умирать въ пестрадиной, или синей рубахѣ—есть грѣхъ.

— Вотъ такъ! сказалъ Куртинъ, когда надѣлъ на сына бѣлую рубашку. Теперь ляжь, умница, на лавочку: я на тебя полюбуюсь.

Сынъ легъ на лавку въ передній уголъ, Куртинъ подложилъ ему его шубу въ головы и заворотивъ вдругъ подолъ рубахи нанесъ ему нѣсколько ударовъ въ животъ ножомъ, употреблявшимся

обыкновенно при столѣ и спрятаннѣмъ, на этотъ разъ, въ рукавѣ. Сами дѣтнй мальчикъ затрещеталъ и началъ биться, но такъ, что натыкался постоянно на ножъ отца, отъ чего на животѣ его овалось множество ранъ. Тогда дѣтоубійца, желая превратить страданія сына разомъ, распоролъ ему животъ съ верху до низу. Мальчикъ потерялъ силу сопротивляться, но не умеръ въ тотъ же моментъ. Заря, занявшаяся на востокѣ, свѣтила дѣтоубійцѣ въ окно при совершеннй преступленія, но когда сынъ былъ зарѣзанъ, то въ окнахъ вдругъ появились первые лучи восходящаго солнца и багровымъ свѣтомъ унали на лицо невидной жертвы. Буртннъ, по его словамъ, при этой случайности втрещенулся, руки дрогнули, ножъ выпалъ изъ рукъ и дѣтоубійца — родитель упалъ предъ образами на колѣна съ молитвою, прося небо принять милостиво сію жертву.

Наши уголовныя дѣтописи представляютъ не одинъ примѣръ подобнаго умоизступленія спасовцевъ. Въ 1827 году, намрамѣръ, въ селѣ Копенахъ, Аткарскаго уѣзда, Саратовской губ., зарѣзалось 36 душъ спасовцевъ, отъ 70 до 2-ухъ дѣтняго возраста, въ числѣ коихъ цѣло Иванъ Юшковъ является однимъ изъ главныхъ дѣствующихъ лицъ. Отъ объясннй на допросѣ, что убѣдившись, что смерть ихъ угодна Спасу, они рѣшились зарѣзаться; тогда крестьянинъ Александръ Петровъ умертвилъ жену и дѣтей крестьянина Игнатія Никитина въ его избѣ, а крестьянина Моисея Иванова, дѣтей его и Якова Иванова въ овино; когда же Александръ Петровъ пошелъ изъ овина убивать дѣтей крестьянки Настасьи Васильевой, Игнатій Никитинъ лишилъ жизни въ овино самую Васильеву, Авдотью Ильину и Матрену Ѳедорову, затѣмъ Игнатій Никитинъ и самъ былъ умерщвленъ Александромъ Петровымъ; этотъ Александръ Петровъ отправился послѣ того къ снохѣ своей, Варварѣ Ѳедоровой, и уговаривалъ ее подвергнуться смерти, но она не согласилась; когда же узнала отъ Александра Петрова, что дѣти ея убиты имъ въ овино, то пошла несмотря на тѣла ихъ; въ это время самъ Александръ Петровъ просилъ Юшкова умертвить его, что Юшковъ и исполнилъ, отрубивъ топоромъ голову, которую Александръ Петровъ доложилъ добровольно на чурбанъ. И такъ Буртннъ не первый образчикъ челоѣкоубійцы по вѣрѣ.

Возвращаемся къ нашему разсказу. Къ дышавшему еще сыну, обливавшемуся кровію, отецъ-убійца обротился, какъ видно изъ дѣла уголовной палаты, съ слѣдующими словами:

— Прости меня, Гришенька, Христа ради, за то, что я нанесъ тебѣ такую скорбь!..

Умиравшій, но не потерявшій еще сознанія мальчикъ отвѣтилъ:

— Прощай тятенька!

Отецъ при этомъ поправилъ сына на лавочкѣ и велѣлъ ему сказать слова: «Богъ тебя проститъ батюшка».

Мальчикъ сказалъ: «Богъ тебя проститъ батюшка!»

«Я подумалъ, говорилъ Куртинъ на допросѣ, что на томъ свѣтѣ сынъ мой назовется отрокомъ, а потому надобно ему «установить звѣзды». Для сего затеплилъ я тотчасъ свѣчи въ образахъ и, молясь на исходѣ души сына, велѣлъ ему повторить за собою молитву «Богородица, дѣво, радуйся»,—что онъ и исполнилъ, прочитавши ее три раза за мною слабымъ голосомъ. Пслѣднія слова однако онъ не выговорилъ и вдругъ замолкъ.»

Когда Куртинъ стоялъ предъ образами на колѣняхъ, а сынъ его плавалъ уже въ крови, то вошла вдругъ въ избу возвратившаяся жена его, и съ перваго слова узнавъ все случившееся, не выдержавъ, упала отъ страха и сожалѣнія на землю предъ мертвымъ сыномъ...

Дѣтоубійца, поднявшись съ пола, на которомъ стоялъ на колѣняхъ, сказалъ женѣ:

— Иди и объявляй обо всемъ старостѣ, а я сдѣлалъ праздникъ святымъ!

Когда, вслѣдствіе объявленія жены Куртина, пришли въ домъ его сосѣди, то убійца стоялъ предъ образами и молился Богу. Увидавъ сосѣдей, онъ сказалъ имъ: «я сдѣлалъ свое дѣло! поѣзжайте въ приказъ къ становому и въ земскій судъ и объявите, что я зарѣзалъ сына. Я сдѣлалъ все въ святимъ праздникъ!»

Заключенный въ тюрьму Куртинъ, во время производства объ немъ дѣла, уморилъ себя голодомъ!..

Такимъ извѣстіемъ сморителя острога и оканчивается дѣло дѣтоубійцы Куртина, раскольникъ «Спасова согласія».

XIV

ИМПЕРАТОРЫ

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ и НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ

У ПЕТЕРБУРГСКИХЪ и ЧЕРНИГОВСКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

I.

Темный расколъ (1), какъ порожденіе невѣжества, и крайне узкаго пониманія религіи, водворился въ С. Петербургѣ еще въ то время, когда, въ царствованіе Петра I-го, переводились въ новую столицу обыватели не только отдѣльно, но цѣлыми селеніями и массами. Ими-то и внесена въ С. Петербургъ *ревность къ старинѣ не по разуму!*.. Такъ слобода „Охта“ и частію „Ры-

1) Источники: Истор. Минист. Внут. Дѣлъ Н. Варадинова 397 — 407 ст. Ч. VIII. Указъ Св. Синода 21 дек. 1798. Историческій очеркъ единовѣрія изд. Т. А. Верховскаго стр. 101—110. Высочайшій указъ 21 нояб. 1800 г. Мзакъ 1845 г. № 8. Отрывокъ изъ исторіи о старообрядцахъ въ Россіи. Сообщ. М. П. Каллистратовъ. Записки прот. Т. Верховскаго. Вѣдомость о Николаев. единов. петерб. церкви за 1865 г. Истор. Мин. Внутр. Дѣлъ т. VIII стр. 560—566 и 638. Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1845 г. ст. 31—32 за 1864 г. стр. 28. Архив. дѣло 1852 г. № 237 и 1850 г. № 140.

бацкая“ населились почти одними раскольниками. Около 1760 г. появились сюда раскольники изъ Москвы и другихъ губерній. Они устраивали сперва моленные въ домахъ, но въ 1760 г., на Охтѣ и въ Чернышевомъ переулкѣ, уже публично существовали ихъ деревянные часовни. Въ слѣдующее затѣмъ время (въ 1762, 1784 и 1789 гг.) отведены были правительствомъ земли на Охтѣ и Волковомъ полѣ для ихъ кладбищъ. Тутъ раскольники, подъ видомъ караульни, устроили обманомъ моленные и богадѣльни. Отводъ земель подъ кладбища, распространилъ ложные слухи по Россіи, о покровительствѣ расколу въ столицѣ, и сталъ привлекать сюда раскольниковъ. Императрица Екатерина II, не желая видѣть темнаго раскола въ просвѣщенной столицѣ, предпринимала многія мѣры для обращенія заблудшихъ, а для нравственнаго надзора за раскольниками опредѣлила, съ благословенія епархіальнаго начальства, даже особыхъ священниковъ, отличающихся умомъ и твердостью религиозныхъ правилъ. Это произвело нѣкоторыя благодѣтельныя послѣдствія; часть раскольниковъ оставили свои заблужденія и присоединились къ церкви. Первый примѣръ тому подаль, стяжавшій себѣ въ исторіи раскола блестящую страницу, почетный гражданинъ Ив. Ив. Миловъ, который, обласканный государемъ Павломъ Петровичемъ, изъ устроенной въ домѣ своемъ моленной обшло-поповщинскаго согласія основалъ церковь, каковая, по прошенію присоединившихся къ ней, вслѣдствіе Высочайшей воли императора Павла I и опредѣленія св. синода отъ 11 декабря 1799 г., и освящена была во имя св. Николая. Императоръ Павелъ Петровичъ, желая лично видѣть бывшихъ раскольниковъ петербургскихъ, назначилъ свой пріездъ въ новую церковь Милова; и дѣйствительно 20 ноября 1800 г. явился туда лично къ обѣднѣ. Началась божественная литургія въ Высочайшемъ присутствіи. Бывшіе раскольники, молившіеся нынѣ вмѣстѣ съ царемъ своимъ въ одной освященной церкви, лили слезы удивленія и раскаянія въ своихъ прежнихъ заблужденіяхъ. Государь былъ растроганъ... и, по окончаніи обѣдни, приказалъ, отъ имени своего, служить благодарственный молебенъ св. Николаю Чудотворцу. То была *общая, святая молитва царя и народа его, за образумившихся подданныхъ!*.... Въ знакъ своего благоволенія, царь тутъ же пожаловалъ Миловской

церкви крестъ и званъ. Радость бросившихъ темный расколъ была безгранична!

II.

Изъ церкви Миловской императоръ Павелъ Петровичъ отправился, къ невыразимой радости всѣхъ молившихся съ нимъ, въ домъ Милова, вмѣстѣ и епитора храма, и благосклонно бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ, касающихся старой вѣры и православнои церкви... Пользуясь этимъ счастливымъ случаемъ, дочь Милова поднесла императору св. икону собственной работы, за что и получила отъ щедротъ его драгоценный бриллантовый фермуаръ. Долго длилась дружеская бесѣда государя съ своими подданными, и умиленные слушатели лили, въ присутствіи его, слезы радости... Павелъ Петровичъ, наговорившись съ заблуждавшимися и искренно теперь раскаявшимися подданными, спросилъ ихъ на прощанье.

— Ну что, вы теперь не считаете меня *антихристомъ*?

Обильный потокъ слезъ безъ словъ былъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ государя. Всѣ присутствовавшіе пали къ ногамъ своего дара... Оставляя Милова, государь велѣлъ ему, со всѣми его прихожанами въ слѣдующее воскресенье (25 ноября) пожаловать къ нему въ гости, въ придворную церковь для слушанія божественной литургіи. И стыдно было недавнимъ собесѣдникамъ своего государя вспоминать о тѣхъ нелѣпостяхъ, коимъ они досѣль вѣрили, что будто бы, наир. Богъ благословилъ Адама и Еву двуперстиемъ, что папа Формозъ выдумалъ вмѣстѣ съ дьяволомъ троеперстное сложеніе, что брадобритіе измыслилъ царь Константинъ Ковалычъ и папа Петръ Гугниный, что земля стоитъ на трехъ великихъ китахъ, питающихся райскимъ благоуханіемъ, и настоящая іерархія церкви, въ коей лишь можно спастись, есть только бѣглая іерархія, состоящая изъ безграмотныхъ мужиковъ и бѣглыхъ солдатъ...

III.

Много было приготовленій у приглашенныхъ въ гости къ царю подданныхъ его. Весь раскольникій міръ въ Петербургѣ заколыхался, какъ волны моря. Многіе не хотѣли вѣрить этому приглашенію. Наконецъ, царскіе гости одѣлись въ лучшую одежду, и по возможности новомодную, чистую и опрятную, и отправились въ царскій дворецъ. Въ назначенный часъ Миловъ, съ своимъ священникомъ, влирошанами и прихожанами стоялъ уже во дворцовой церкви. Началась литургія, которую совершалъ царскій духовникъ. Миловъ и пришедшіе съ нимъ стали творить крестное знаменіе и поклоня и только изрѣдка посматривали на усердіе молящагося императора и на все окружающее. По окончаніи литургіи и молебна (въ этотъ день отправляемо было празднованіе, по случаю бывшаго наканунѣ тезоименитства Елены Павловны), Государь ласково обратился къ Милову съ его прихожанами (ихъ было болѣе 30 человекъ) и попросилъ ихъ въ сосѣднюю съ церковью комнату. Прошло пять, десять минутъ, и всѣхъ гостей позвали въ государевъ кабинетъ, въ которомъ былъ при императорѣ и графъ Кутайсовъ. Еще поздоровавшись, государь спросилъ Милова и его священника:

— Понравилось ли вамъ наше служеніе?

— Весьма хорошо и благочинно! отвѣчали они.

— Какую же разность вы находите между вашимъ старымъ, и нашимъ, новымъ, служеніемъ и можетъ ли вашъ единовѣрческій священникъ отслужить обѣдню вмѣстѣ съ нашимъ духовенствомъ! Павелъ Ильичъ Добрецовъ отвѣчалъ:

— Вашему Величеству извѣстно, что мы служимъ по старопечатнымъ книгамъ, которыя съ новопечатными въ нѣкоторыхъ словахъ и дѣйствіяхъ не сходствують, а потому безъ предварительнаго взаимнаго соглашенія служить пожалуй нельзя.

— Я знаю, сказалъ Государь, что есть несходства и разности въ словахъ, напр. въ старыхъ книгахъ написано въ возгласѣ: *и во вѣки вѣкомъ*, а въ новыхъ: *и во вѣки вѣковъ*; также

аллилуйя въ старыхъ по дважды, а въ новыхъ по трижды; но эти и подобныя имъ разности не измѣняютъ истиннаго значенія или смысла рѣчей и не столь важны, чтобы изъ-за нихъ отдѣляться отъ единства церкви и отъ меня. При томъ же, вы сами знаете, что и въ старыхъ книгахъ разныхъ выходовъ есть также несходства и потому то церковь соборомъ опредѣлила: всѣ книги пересмотрѣть, исправить и ввести во всемъ единообразіе. Для чего же отдѣляться отъ нея и на столько толковать?

— Но, Ваше Величество, да позволено будетъ намъ объясниться: есть разности, съ которыми мы, по маломыслию своему, трудно соглашаемся, каковы напр. отиѣна служенія на семи просфорахъ, четвероконечный крестъ, сложеніе перстовъ при крестномъ знаменіи, измѣненіе имени Иисусъ на Іисусъ и пр. При всемъ томъ, мы способны вразумляться и не столько далеки отъ единства, какъ безпововица или перекрещеванцы, которые ни браковъ, ни священства, ни евхаристіи, и вообще никакихъ таинствъ не имѣютъ.

— Вотъ видите, сказалъ государь, въ вашихъ *отщепенцахъ* единства нѣтъ, а потому я и желаю васъ соединить въ одну церковь. А между тѣмъ хочу, чтобы въ слѣдующее воскресенье вы отслужили литургію по своимъ старопечатнымъ книгамъ, вмѣстѣ съ нашимъ духовенствомъ; а чтобы въ служеніи было согласіе, я назначаю вамъ, котораго угодно, протодіакона. Возьмите его, согласитесь съ нимъ во всемъ, какъ слѣдуетъ, и приходите ко мнѣ, согласны ли вы будете на это?

Всѣ поклонились и назначили протодіакона Ивана Александрова. Разговоръ продолжался и государь, между прочимъ, спросилъ:

— Дѣти находятся дома изувѣровъ перекрещеванцевъ?
— Осодосѣва согласія въ домъ купца Косцова, Пѣшнева на Охтенскомъ и Волковскомъ кладбищахъ, отвѣчали ему.

— Въ то же время государь обратился съ вопросомъ къ единовѣрческому священнику: кто онъ, откуда, гдѣ обучался, и кѣмъ поставленъ?

— Священникъ отвѣчалъ, — что онъ поставленъ въ Новгородѣ, былъ тамъ при православномъ архіереѣ и имѣлъ счастье видѣть государя въ церкви, во время проѣзда его на коронацію въ Москву.

Выслушавъ священника, государь сказалъ ему.

— Благослови жь меня!— и принявъ благословеніе, обратился ко всѣмъ, сказалъ.

— Прощайте! теперь идите съ Богомъ.

Когда Миловъ сталъ откланиваться и подошелъ къ руцѣ Павла Петровича, государь подвелъ его къ иконостасу, находящемуся въ углу кабинета, и сказалъ:

— Неудобно ли приложиться къ святымъ мощамъ и иконамъ?

И тутъ же указалъ на образъ, который имѣла счастье поднести ему дочь Милова.

Предстояніе, послѣ обычныхъ троекратныхъ поклоновъ, приложились къ иконамъ, и подѣловавъ руку внимательнаго къ нимъ государя, удалились, утирая всю дорожку слезъ отъ радости.

Скоро содержатель тайныхъ часовенъ, Косцовъ и Пышневъ, съ бывшими отправителями богослуженія, взяли подъ стражу и убѣждали, по приказанію императора, устроить изъ своихъ часовенъ церкви и принять законныхъ священниковъ, какъ это сдѣлалъ купецъ Миловъ. Но упорные грубо отказались, за что одинъ изъ нихъ, болѣе дерзкій, Косцовъ, въ томъ же мѣсяцѣ /ноябрь 1800 г./ и былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

IV.

Съ вышеписаннаго событія присоединеніе въ Петербургъ раскольниковъ къ единовѣрью пошло весьма успѣшно. Въ 1801 году, усердіемъ обратившихся изъ раскола въ единовѣрїе, за Черною рѣчкою, устроена другая единовѣрческая церковь, во имя Срѣтенія Господня — деревянная съ таковою же колокольнею на каменномъ фундаментѣ. При сей церкви, въ настоящее время, находится еще другая, во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, каменная съ таковою же колокольнею, теплая, построенная въ 1816 году на сумму прихожанъ. Къ Срѣтенской церкви, въ числѣ другихъ зданій, принадлежитъ важенный трехъ-этажный домъ, построенный въ 1827 году на сумму прихожанъ, въ коемъ помѣщается причтъ и

отведенъ богадѣльня, гдѣ помѣщено до 38 человекъ разныхъ званій. Начальныя прихожане этой церкви (числомъ до 300 обоего пола): купцы, мѣщане и крестьяне имѣли пребываніе въ С.-Петербургѣ, Кронштадтѣ и Новоладожскомъ уѣздѣ. Въ 1820 году, августа 22 дня, положено основаніе единовѣрческой церкви, во имя Николая Чудотворца, въ Грязной, нынѣ Николаевской улицѣ. Особенно дѣятельное участіе въ сооружеіи этой церкви принималъ купецъ К. З. Чуренинъ. Это одна изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи единовѣрческихъ церквей. Зданіемъ она двухъ-этажная, каменная, съ куполомъ и двумя часовнями. Внутреннее расположеніе ея по образцу деревянныхъ храмовъ. Престоловъ въ ней пять. Прихожанъ единовѣрцевъ, въ настоящее время, болѣе 2000 душъ обоего пола, которые живутъ во всѣхъ частяхъ столицы. Въ 1851 г., для пресѣченія петербургскаго раскола, правительство приступило къ закрытію трехъ моленныхъ, находившихся въ столицѣ. Эта мѣра содѣйствовала умноженію числа здѣшнихъ единовѣрцевъ. Въ это время перешли въ единовѣріе — владѣлецъ одной изъ этихъ моленныхъ, а съ нимъ вмѣстѣ еще множество лицъ вошли въ составъ освященной въ 1852 г. единовѣрческой Николаевской церкви, что на Захарьевской улицѣ. Эта единовѣрческая Николаевская церковь построена 6 мая 1852 г. освящена вмѣстѣ съ пріемной — домовою Ив. Ив. Милова (на этомъ же самомъ мѣстѣ), которая по указу св. Синода отъ 30 октября 1818 г. была въ соединеніи съ Николаевскою церковью, что въ Николаевской улицѣ на 15 марта 1844 г. утверждена самостоятельною. 1853 г., сентября 27 дня, освящена еще единовѣрческая церковь во имя св. великомученика Димитрія Солунскаго, на Бозье-Охтенскомъ единовѣрческомъ кладбищѣ. Она устроена по жудовному завѣщанію знаменитаго цѣха мастера Димитрія Накушинова, на капиталъ имъ назначенный въ 600,000 р. сер. и указомъ св. Синода отъ 10 числа августа 1853 г. за № 7849, утверждена она быть кладбищенскою, но самостоятельною, безъ приписки къ единовѣрческимъ церквамъ.

Съ принятіемъ единовѣрія и присоединеніемъ къ св. церкви, прежнія ложныя убѣжденія потеряли свою силу и въ воссоединеніи начинаютъ все болѣе и болѣе раскрываться потребности

не будете ходить въ церковь! Мнѣ весьма неприятно видѣть васъ въ такомъ заблужденіи. Слышите-ли?

Раскольники были поражены такими словами государя какъ громомъ...

Государь, поднявъ правую руку, продолжалъ:

— Въ августѣ мѣсяцѣ я буду возвращаться изъ Кіева снова черезъ Добрянку и прошу васъ къ тому времени одуматься и оставить ваши дурачества. Вы народъ, я вижу, хорошій, зажиточный. Я выстрою вамъ, къ своему пріѣзду, церковь на свой счетъ и прищю законныхъ священниковъ; будете ли въ ней молиться вмѣстѣ со мной?

Пораженные такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣлъ, раскольники растерялись... Они въ первый разъ были „лицомъ къ лицу“ съ своимъ царемъ! Какъ люди темные, они способны были за глаза, живя въ отдаленномъ Черниговскомъ захолустьѣ, со словъ коневодовъ начотчиковъ, твердить, что царь рускій — „Антихристъ“, числомъ звадно 666“, но какъ люди рускіе, съ русскою кровью въ груди, они неминуемо должны поддаться впечатлѣнію момента и съ устъ ихъ сами собою вылились слова.

— Будемъ, Ваше Величество, будемъ!

И всѣ, одинъ по одному, падали на колѣна предъ коляскою.

— Вставайте! сказалъ государь. Ничѣмъ будемъ друзьями. Прощу слушаться и забыть все прошлое.

Тутъ же даны были государемъ приказанія. Долгорукому, чтобы обвѣщенная церковь была къ сроку готова.

Отдалившись, по обычаю раскольничьему, отъ мужчинъ, женщины, въ своихъ богатыхъ нарядахъ, стояли молча въ отдаленіи.

Государь, проѣзжая мимо ихъ, сказалъ:

— А вы, бабы, придете въ мою церковь, молиться?

— Придутъ, Ваше Величество, придутъ! отвѣчали за нихъ мужья. Куда мы, туда пойдутъ и онѣ!

— Ну и прекрасно! отвѣчалъ государь.

И, простившись съ новыми друзьями, выѣхалъ по дорогѣ на Кіевъ.

Густыми облаками поднялась пыль по столбовой дорогѣ, а на дорогу ту долго смотрѣли раскольники, провожая глазами своего

царя и какъ бы невѣря тому, что съ ними въ одну минуту случилось. Дорожная пыль исчезла въ облакахъ, царскій поѣздъ давно скрылся изъ виду, а изумленные раскольники все еще стояли въ ошмѣнни на одномъ мѣстѣ, боясь пошевелиться...

VI.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Императора Николая Павловича изъ Добрянки, закипѣла работа по постройкѣ новой церкви. Оберъ-Прокуроръ Синода, А. И. Войцеховичъ, мѣстный генералъ-губернаторъ Долгоруковъ и Черниговскій гражданскій губернаторъ Гессе употребили все средства для того, чтобы въ точности выполнить слова Государя. Ночи обращены были въ дни и при яркомъ заревѣ зажженныхъ смоляныхъ бочекъ тысячи рукъ работали безъ усталы, какъ днемъ. По зареву сему раскольники со всей Черниговской губернии стекались на постройку и изумленными очами смотрѣли на дѣло царское, для нихъ въ подарокъ приготовляемое...

Въ Синодѣ и Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ кипѣла переписка по этому же дѣлу; въ Москвѣ дѣлались заказы иконостаса, образовъ, церковной утвари и облачений — и даже чѣмъ въ мѣсяцъ въ раскольничьей „Добрянкѣ“ точно изъ земли выросла царская церковь, съ крестами, желѣзной крышей, всеми внутренними украшеніемъ и колоколами.

Въ пріѣзду Государя, по приказанію его, новая церковь 25 августа была торжественно освящена по старобечатнымъ книгамъ, нарочно выписаннымъ изъ Петербурга единовѣрческимъ протоіереемъ Тимофеемъ Александровичемъ Верховскимъ, а 29 числа назначенъ былъ и пріѣздъ Государя въ „Добрянку“, вмѣстѣ съ наследникомъ, нынѣ царствующимъ императоромъ. Пріѣхавшій въ Черниговскій посадь заблаговременно Т. А. Верховскій, лично извѣстный тогда Государю своимъ умомъ и преданностію, чрезъ постоянное сношеніе и многократныя съ раскольниками собесѣдованія и убѣжденія — успѣлъ ихъ такъ приготовить и расположить къ радушному согласію и обращенію въ единовѣріе, что къ пріѣзду

Государя въ „Добрянку“ явились раскольники со всей губернии, готовые вмѣстѣ съ царемъ своимъ молиться въ его великодушную церкви.

VII.

Въ назначенный день, 29 августа, Государь явился въ „Добрянку“ и при огромномъ стеченіи сопровождавшаго его народа подъѣхалъ прямо къ новой своей церкви. Гулъ колоколовъ, цѣлою стодѣтїемъ не оглашавшій раскольничьяго посада, торжественно привѣтствовалъ царя русскаго, среди нѣкогда враждебныхъ его подданныхъ, испуганныхъ и обрадованныхъ, необычайнымъ событіемъ. Государь удивился, увидѣвъ выстроенную къ сроку церковь во всей готовности и красѣ. На папертахъ церковныхъ Его Величество встрѣченъ былъ протоиереемъ О. Верховскимъ во всемъ церковномъ облаченіи, съ крестомъ и св. водою.

Наскоро сформировавъ пѣвчихъ изъ грамотныхъ раскольниковъ, О. Верховскій обучилъ ихъ пѣнію обѣдни и переложилъ на крѣпки царскія входныя молитвы и пѣсни церковныя, такъ что когда Государь съ наслѣдникомъ и свитой вошелъ въ церковь, то стройный хоръ запѣлъ торжественную пѣснь:

Радуйся и веселися Сионе

Са царь твой грядеть къ тебѣ! и проч.

Народъ, возволнованный неизвѣданнымъ доселѣ чувствомъ, почтительно преклонился предъ своимъ царемъ.

Пришедши къ амвону, Государь окинулъ взглядомъ присутствующихъ, и замѣтивъ, что женщины раскольничьи стоятъ въ церкви позади всѣхъ, у западныхъ дверей, спросилъ стариковъ:

— Гдѣ же у васъ женщины?

— Ваше Величество! отвѣчали ему, По нашему и по древле-христіанскому обычаю женщины въ церкви должны стоять позади мужчинъ.

— Не правда! сказалъ Государь. Въ древней церкви женщины стояли по лѣвую сторону, а не позади всѣхъ.

И, взявъ подъ руки двухъ женщинъ изъ среды прочихъ, Николай Павловичъ провёлъ ихъ впередъ, на лѣвую сторону. За ними двинулись впередъ и всѣ женщины, бывшія въ церкви.

По окончаніи обѣдни, Государь съ наслѣдникомъ и свитою своею отправились въ домъ богатаго посадскаго раскольника, принявшаго единоувѣріе, который вмѣстѣ съ женою своею встрѣтилъ царя своего еще на крыльцѣ, съ хлѣбомъ и солью.

По окончаніи закуски и поздравленій, Государь, прощаясь съ жителями Добрянки, еще разъ спросилъ ихъ:

— Будете ли ходить въ выстроенную вамъ церковь и оставите ли прежнія дурачества?

— Будемъ, Ваше Величество, будемъ! отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

— Ну и слава Богу! прощайте же!

И царскій поѣздъ двинулся среди несметнаго количества раскольниковъ, собравшихся въ Добрянку со всей губерніи. Всѣ въ благоговѣннѣйшій почтительно преклонились предъ своимъ царемъ и торжественный колокольный звонъ, провожавшій Государя, долго раздавался въ ушахъ свидѣтелей невиданнаго до того торжества.

VIII.

По отъѣздѣ Государя, сдѣланы были нужныя распоряженія о распространеніи единоувѣрія по всемъ посадамъ Черниговской губерніи, и ловкій О. Верховскій, пользуясь обаяніемъ, произведеннымъ личнымъ присутствіемъ Государя на раскольниковъ, безъ труда обращалъ ихъ въ единоувѣріе, такъ что изъ раскольниковъ города Новозыбкова и посадовъ Клипцевъ, Злынки, Еленки, Климова и Ардонъ 500 домохозяевъ изъявили тотчасъ же желаніе имѣть единоувѣрческаго священника и получали на то разрѣшеніе. Въ Добрянкѣ же, кромѣ устроенной церкви, предполагалась была другая, каменная, и для богослуженія опредѣлены два священника изъ Валужской епархіи. Въ слѣдующемъ, 1846 г., уже открыто правильное священнодѣйствіе въ Чл. Новозыбковѣ, (туда

опредѣлены были два священника, и въ посадахъ: Злынкѣ, Климаковѣ, Блиновой, Блонинѣ и Чуровичахъ, и въ селеніяхъ Шалонахъ и Маѣковѣ. Определенные сюда единовѣрческіе священники, отрывши богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ, вошли во всѣ монастырскія обязанности мирно, при руководствѣ О. Верховскаго, и оказали значительныя усѣбхи.

Въ 1848 г. января 2-го дня, Покровскій раскольникій монастырь, чтимый не только окрестными раскольниками, но и раскольниками отдаленныхъ губерній, обратился въ единовѣрческій, и, по важности его среди раскольниковъ, сохраняющихъ въ нему особое уваженіе, возведенъ, по Высочайшей волѣ, въ число питатыхъ обителей 1-го класса, съ овладѣніемъ западныхъ монастырей. Обращеніе монастыря совершилось торжественнымъ образомъ, въ присутствіи гражданскаго губернатора и при участіи членовъ ратуши Климовскаго посада. Раскольники сами отворили ворота монастыря и все монастырское имущество, равно какъ и самый монастырь, бывшимъ настоятелемъ о. Рафаиломъ, сдано было вновь опредѣленному на его мѣсто единовѣрческому архимандриту. И такъ, время сдѣлалось благопріятно, и *жатва могла* возрасти на приготовленной почвѣ, но чрезъ нѣсколько лѣтъ, чиновники губернскіе, бѣглые попы отъ коноводовъ изъ Москвы, апатія и невѣжество мѣстнаго духовенства *погубили* все дѣло царево!..

Членъ совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, обозрѣвая въ 1850 году Черниговскую губернію, нашелъ уже, что изъ обратившихся въ единовѣріе половина народа отпала снова въ расколъ, церкви единовѣрческія были пусты, о новыхъ присоединеніяхъ къ единовѣрію перестали и думать!... Посланный для обозрѣнія посадовъ черниговскихъ тайный совѣтникъ Арсеньевъ съ грустію донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, что нечистосердечныя дѣйствія мѣстныхъ властей и недовѣріе раскольниковъ къ мѣстному духовенству погубили въ губерніи единовѣріе... Священники продавали за деньги свидѣтельства о вѣнчаніи въ церкви въ то время, когда вѣнчаніе совершали бѣглые попы изъ Москвы въ амбарахъ; были и такіе случаи, что неходившаго въ церковь единовѣрца тащили по слободѣ и били, другихъ сажали въ полицію, откуда и выкупали ихъ за деньги, раздѣляемыя потомъ между чиновниками и духовен-

XV

СТРАННИКЪ.

I.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПУТНИКИ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Быль апрель мѣсяць 185* года. Мирные жители Черниговской губернии спѣшили на поля, чтобъ въ ногѣ лица своего заработать себѣ хлѣбъ. Всюду на поляхъ замѣтно было копотливое движеніе. Но вотъ, вдоль полей, по проселочнымъ дорогамъ, движется фигура съ загорѣлымъ лицомъ, покрытымъ чернымъ влобукомъ, изъ-подъ котораго блеститъ пара черныхъ, смѣлыхъ глазъ... Грубая черная ряса покрываетъ тѣло путника, а простой вежанный মোся довершаетъ его уборъ. Рядомъ съ этою фигурою движется молодѣтняя дѣвочка, румяная и свѣжая, едва еще вышедшая изъ дѣтскаго возраста. То были путники, прошедшіе уже большое пространство, отъ Нижняго и до Чернигова! Странникъ въ монашеской одеждѣ былъ раскольникъ-кантонистъ Антонъ Савельевъ, а молодая спутница—его родная сестра Марія. Не сурокоествіе и миръ живутъ въ душѣ этаго путника, не мирныя занятія и копотливое исполненіе своего долга прирождены ему. Нѣтъ, его кипучая натура не ужила въ этихъ рамкахъ; душа его просила простора... Не задумываясь бѣжалъ онъ изъ раскольниковъ Нижегородской губернии, создавая въ душѣ своей планы однихъ другаго смѣлѣе и

разнообразіе. Ловкій,мышленный, находчивый, смѣлый и неутомимый человекъ этотъ не задумывается ни передъ чѣмъ, и еслибъ черезчуръ смѣлая его, фантазія знала получше границы свободного полета, то онъ долго бы гулялъ по матушкѣ Россіи, наслаждаясь просторомъ, свободою и плодами своего изобрѣтательнаго ума. Но правдивая судьба, потерявъ терпѣніе свое, выдала его и вотъ онъ, попавшись въ руки правосудія, стоялъ предъ своими судьями. Не дрогнула его натура предъ этими служителями закона и онъ, въ нѣсколько показаній, сбиль совершенно-оъ толка весь судящій его русскій міръ.

II.

ДОПРОСЫ И ПОКАЗАНІЯ.

Откуда и кто ты? допрашивали его въ уѣздномъ судѣ М..... уѣзда. Родомъ я изъ Новгорода, отвѣчалъ смѣло Савельевъ и, въ одною изъ раскольничьихъ монастырей сей губерніи, былъ тайно постриженъ въ монахи и наименованъ Аркадіемъ. Принявъ иноческій санъ, я ходилъ по разнымъ монастырямъ, а потомъ, взявъ изъ дому сестру, отправился съ нею въ Москву, на пути изъ которой и былъ задержанъ полиціею. Савельевъ хорошо рассчиталъ, что можетъ проватиться на казенный счетъ до Новгорода, и воспользовался этимъ какъ нельзя лучше. Всюду послѣ сего онъ былъ представленъ въ Новгородъ и вскорѣ же бѣжалъ снова, бывъ задержанъ въ трактирѣ, при чемъ у него отобраны были деревянный крестъ, четки, восковыя свѣчи, шпатулка и ложное свидѣтельство на свободный пропускъ по русскімъ городамъ. Изъ допросовъ хозяевъ трактира оказалось, что Савельевъ, назвавшись іеромонахомъ олонецкихъ скитовъ, показывалъ имъ шпатулку и уверялъ, что въ ней находятся части мощей св. великомученицы Варвары, къ каковымъ мощамъ они приледавались, и цѣловали, при этомъ, Савельеву руку и что, наконецъ, Савельевъ служилъ въ ихъ домѣ молебствъ, за что они и платили ему деньги! На

вопросы судей о томъ, гдѣ онъ постриженъ и откуда родомъ, онъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что въ монахи онъ никогда посвященъ не былъ, а носилъ монашескую одежду потому, что нѣсколько лѣтъ ходилъ по раскольниковымъ монастырямъ для Богомолья, и что онъ принадлежитъ въ гренадерскому корпусу, куда и былъ затѣмъ перепровожденъ.

III.

САВЕЛЬЕВЪ, ІЕРОМОНАХЪ, АЕОНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Не долго былъ гренадеромъ, промѣнявшій подрясникъ и клобукъ на солдатское платье Савельевъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ уже былъ въ Новгородской губерніи и съ фальшивымъ свидѣтельствомъ, выданнымъ будто бы изъ Минской духовной консисторіи на имя іеромонаха Аркадія, ходилъ смѣло по разнымъ раскольниковымъ монастырямъ, крестя Новгородскую губернію въ разныхъ направленіяхъ. Полюбилъ ему и тѣнистые лѣса, и привольное житье въ сихъ монастыряхъ! Вездѣ его принимали съ почетомъ; всюду интересовались его разсказами о горѣ Аеонѣ и ея обителяхъ. Всякій изъ раскольниковъ почти за честь считалъ видѣть въ своемъ домѣ дорогаго гостя изъ уважаемой страны Греціи и получить отъ него въ подарокъ образокъ, крестикъ, или же четки изъ костяшекъ, собранныхъ имъ на горѣ Аеонской, и которыхъ у него было большое количество въ запасѣ. Судьба, однако, снова надсмѣялась надъ нимъ и онъ снова былъ арестованъ въ одномъ новгородскомъ раскольниковомъ монастырѣ, при чемъ были отобраны отъ него всѣ образа, кресты, четки и другія вещи въ этомъ родѣ. На допросѣ въ новгородской полиціи, Савельевъ далъ два показанія, совершенно разнорѣчивыя, и тѣмъ поставилъ въ тупикъ слѣдователя. Сначала, онъ показалъ, что онъ дѣйствительно іеромонахъ аеонскаго монастыря Аркадій, но неправильно зачисленный въ ватонисты. Почему въ Красномъ Селѣ онъ подавалъ о томъ Государю Императору прошеніе и, не получивъ резолюціи, ушелъ изъ

полка, чтобы узнать о своих обстоятельствах. Потом на передпросъ показалъ, что его прежнее показаніе ложно, что онъ капитанистъ, убѣждавшій изъ полка съ намереніемъ посѣтить Святныя мѣста и поклониться святыимъ угодникамъ, и что фальшивое свидѣтельство, найденное при немъ, онъ получилъ въ дорогѣ, отъ неі известнаго странника. Савельеву надоѣли проволочки суда, ирыскучила уже и Новгородская губернія и вотъ онъ захотѣлъ снова прокатиться въ гренадерскій запасный полкъ, гдѣ и содержался подъ арестомъ.

IV.

РОМАНЧЕСКІЙ ПОВѢГЪ ИЗЪ ТЮРЬМЫ.

Быль декабрьскій холодный вечеръ. Вътеръ привольно гулялъ на просторѣ и дразнилъ заключенныхъ въ казематъ свою свободою. Сердце Савельева тосковало о просторѣ, а раскольничьи монастыри съ своими сытными обѣдами и жупцы съ своимъ подобострастіемъ въ иноческому сану стали снова приятно щекотать его натуру, не терпящую однообразія... Уже въ головѣ его созрѣли новые планы привольнаго житья въ пространной матушкѣ — Россіи, и рядъ заманчивыхъ дней, когда онъ будетъ снова играть видныя роли въ средѣ простенькихъ, живо рисовался въ его смѣломъ воображеніи. Пробыло восемь часовъ. На дворѣ стемнѣло. Въ это-то время, въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ, Савельевъ переходилъ незастроенное пространство каземата для естественной надобности, какъ вдругъ съ ними поровнялась тройка лихихъ лошадей, запряженныхъ въ простыя легкія сани, и управляемыхъ однимъ человекомъ. Савельевъ, едва поровнялся съ санями, какъ ловко вскопчилъ въ нихъ и тройка стрѣлой помчалась по широкой, гладкой дорогѣ, ведущей отъ заставы за городъ и мигомъ исчезла въ ночной темнотѣ. Конвойные, въ оштрафѣнн и страхѣ, долго стояли неподвижно, боясь тронуться съ мѣста, и поплелись къ острогу уже тогда, когда въ воздухѣ замеръ послѣдній свистъ лихаго возницы

и хрипный звук полозьевъ, прорывавшихъ хрустѣй снѣгъ столбовой дороги...

V.

САВЕЛЬЕВЪ АРХИМАНДРИТЪ, ЧЛЕНЪ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА, КАВАЛЕРЪ АННЫ 3-Й СТЕПЕНИ И НАСТОЯТЕЛЬ КИТАЙСКОЙ ЛАВРЫ.

Быль февраль мѣсяць. По площади города Новоржева двигалась фигура въ монашескомъ платьѣ съ посохомъ въ рукахъ и въ сопровожденіи молодого мальчика, шедшаго за путникомъ въ качествѣ послушника. Странники приближались къ гостинницѣ мѣщанина Герасимова и скрылись за стеклянными дверями, выполнявшими роль параднаго крыльца. Черезъ нѣсколько часовъ, въ одной изъ лучшихъ комнатъ этой гостинницы, за покрытымъ чистою салфеткою и уставленнымъ лучшими блюдами столомъ, сидѣло нѣсколько чедовѣтъ раскольниковъ города Новоржева, не исключая молодыхъ женщинъ и старушекъ, торопливо приобѣжавшихъ въ гостинницу Герасимова послушать дивныя рѣчи русскаго архимандрита отца Аркадія, ѣхавшаго въ Китай настоятелемъ новой раскольниковой Китайской лавры, вновь открываемой имъ. Всѣ внимали сладкимъ рѣчамъ архимандрита, боясь преронить словечко. За столомъ, по срединѣ слушающихъ, сидѣлъ Савельевъ (читатель, конечно узнавалъ его въ этомъ пунктѣ) полураспахнувъ верхнюю рясу и давъ возможность видѣть, слушавшимъ его, свою грудь, увѣшанную крестами на разногъ цвѣта лентахъ, въ томъ числѣ и орденомъ святаго Анны 3-й степени на аннинской лентѣ. Въ разговорѣ, вскользь, въ видѣ вставочнаго предложенія, онъ то и дѣло упоминалъ, что онъ архимандритъ, посланный Сунодомъ и самимъ Государемъ въ Китай, для основанія тамъ раскольниковой лавры. Вдругъ, къ общему изумленію слушавшихъ, въ дверяхъ гостинницы появилась полиція и, показавъ архимандриту предписаніе городничаго объ арестованіи, просила его въ острогъ. Шумъ, смятеніе, ропотъ, слезы и недоумѣніе собесѣдниковъ отца-архиман-

дрита немедленно обратили прежнее мирное и торжественное бесѣду въ толкучій рынокъ. Многие цѣловали одежду настоятеля Китайской лавры и, принимая отъ него напутственное благословеніе, лобызали его руки, обливая ихъ горячими слезами.... Многие изъявили желаніе сопровождать его въ острогъ и раздѣлять съ нимъ его заточеніе, пока недоразумѣніе городничаго объ его бумагахъ разрешится въ его благополучію. Хозяинъ гостинницы, при прощаніи, изъявилъ готовность доставлять архимандриту въ острогъ все содержаніе даромъ, лишь бы облегчить его участь и заслужить его вниманіе и молитву. Савельевъ торжественно всталъ изъ за стола, окинулъ презрительнымъ взглядомъ полицейскіихъ и, безбоязненно, предался въ руки правосудія, выразивъ сожалѣніе о недоумѣніи городничаго на счетъ его особы и надѣясь быть скоро освобожденнымъ. Толпа сопровождала архимандрита до острога.

VI.

САВЕЛЬЕВЪ СЫНЪ КНЯЗИ УРУСОВА И КАВАЛЕРЪ РАЗНЫХЪ РОССІЙСКИХЪ ОРДЕНОВЪ И БОЛЬШАГО КРЕСТА.

Читатель, быть можетъ, желаетъ знать: по какому случаю городничій города Новоржева, заподозривъ бумаги, приказалъ архимандрита, увѣщаннаго крестами, взять подъ арестъ, тогда какъ настоятель Китайской лавры обогнелъ множество раскольниковыхъ монастырей и городовъ, особенно увѣдливъ, не задержанный нигдѣ? Очень просто! Савельевъ промахнулся немного, захотѣвъ снова побывать въ Новгородской губерніи, гдѣ разъ былъ уже задержанъ въ качествѣ іеромонаха Аеоиской горы. Въ другихъ губерніяхъ его еще не знали въ лицо, но въ Новгородской слухи о подвигахъ Савельева были очень еще живы и въ Новоржевѣ, въ добавокъ, нашлись люди, которые прямо признали его въ лицо. Отъ арестованнаго архимандрита, по этому, тотчасъ же попросили видовъ и онъ не замедлилъ представить городничему два фальшивыхъ свидѣтельства; одно, выданное архимандриту и кавалеру

Анны 3-й степени, а другое (на послушника), выданное, будто бы, изъ порховскаго уѣзднаго казначейства 3-й гильдіи купцу Максиму Суэтову въ полученіи съ него гильдейской подати. При этомъ, отъ Савельева было отобрано изорванное въ мелкіе куски прошеніе на имя архимандрита Аркадія, Островскаго уѣзда, крестьянки Сафоновой, просившей у сего архимандрита (?...) разрѣшенія на повѣнчаніе ея дочери. Новоржевскій уѣздный судъ журналомъ постановилъ: архимандрита и кавалера Анны 3-й степени содержать въ слѣдственной арестантской камерѣ, а взятаго съ нѣтъ мальчика — въ острогъ.

Начались допросы; Савельевъ пустился шутить съ судьями, какъ будто бы съ товарищами. По всему видно было, что онъ соекушался уже своею свободою и однообразиемъ своей роли и видимо наслаждался плодами своего ума, которому представился таковой просодеръ, и своимъ юморомъ; пущеннымъ въ ходъ. На первомъ допросѣ слѣдователя, на вопросъ, кто онъ такой? — Савельевъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что онъ іеромонахъ олоонецкой губерніи, странствующій по раскольниковымъ монастырямъ въ качествѣ богомольца и любовательнаго монаха. Судьи обрадовались этой нелѣпости и приготовили на передопросѣ вопросы о томъ, какъ же онъ имѣетъ свидѣтельство на имя архимандрита? Дѣйствительно, послѣдній вопросъ вскорѣ данъ былъ Савельеву и онъ, не запинаясь, отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно архимандритъ Аркадія и настоятель Китайской лавры, идущій въ Китай съ своимъ послушникомъ. По разрѣшеніи этого вторичнаго показанія съ первымъ, Савельеву слѣдили новый передопросъ, и Савельевъ, не запинаясь, далъ новое показаніе; именно: что онъ сынъ князя Урусова, кавалеръ разныхъ российскихъ орденовъ и большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго и что доселѣ ходилъ по разнымъ святымъ мѣстамъ безъ дозволенія начальства и безъ именнаго вида, совершая иногда священнодѣянія. Когда же, наконецъ, ему дали вопросы объ отобранныхъ отъ него бумагахъ, то онъ прямо показалъ, что бумаги его не дѣйствительны и писаны неизвѣстнымъ ему челоуѣкомъ на пути.

VII.

САВЕЛЬЕВЪ КРЕСТНИКЪ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.

Слѣдователи дѣлали еще нѣсколько допросовъ Савельеву, и Савельевъ былъ, по прежнему, неистощимъ въ разнообразіи показаній. Въ одномъ изъ такихъ новыхъ своихъ показаній, онъ объявилъ, что онъ сынъ раскольникьяго начотчика олонеккой губерніи, саиомъ архимандритъ, и ѣдетъ настоятелемъ въ Китайскую лавру, куда везеть съ собою образъ Божіей Матери, написанный евангелистомъ Лукою и части мощей преподобныя Анны; въ другомъ, — что онъ неизвѣстнаго рода, былъ крещенъ въ Зимнемъ дворцѣ, при чемъ воспріемникомъ его былъ императоръ Николай Павловичъ; что поступивъ въ монашество, онъ былъ въ греческихъ монастыряхъ и, наконецъ, назначенъ св. еконоомъ въ Китай. Получивъ столько разнообразныхъ свѣденій объ особѣ Савельева, судьи оставили его, на время, въ покоѣ и обратились къ раскрытію рода и происхожденія его послушника, 15-ти лѣтняго мальчика, одѣтаго тоже въ монашеское платье. Мальчикъ, на первомъ же допросѣ, показалъ истинное свое происхожденіе, такъ какъ не имѣлъ никакой нужды скрывать себя и вѣрилъ отъ всей души, что онъ ѣдетъ въ Китай. Изъ этого показанія его узнали, что онъ сынъ Лугскаго мѣщанина-раскольника и отданъ въ послушники Савельеву съ согласія своихъ родителей, у которыхъ Савельевъ былъ въ домѣ, жилъ нѣсколько дней, служилъ утрени и вечера и выпросилъ себѣ сына ихъ съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить его въ монашество. Обратились къ родителямъ этого мальчика и узнали, что показанія его были достовѣрны. Родители его показали тоже самое, пояснивъ, что монахъ, называвшій себя архимандритомъ, выпросилъ у нихъ въ монашество сына ихъ, которому они и дали, вмѣсто паспорта, свидѣтельство уѣзднаго казначейства о взносѣ гильдейскаго канитала.

VIII.

РЕВИЗИЯ ЦЕРКВЕЙ И ПРЕВРАЩЕНІЕ САВЕЛЬЕВА ВЪ ПРИРОДНАГО КИТАЙЦА.

По отобраніи показаній отъ обѣихъ странниковъ, слѣдователи приступили къ собранію свѣденій о дѣянiяхъ архимандрита въ городѣ. Спросили Герасимова, содержителя гостинницы, и узнали отъ него, что Савельевъ, проживая у него и прежде того, приходилъ не разъ въ тюремный замокъ для подаванія милостины, говорилъ проповѣди раскольникамъ, стекавшимся къ нему со всѣхъ концовъ города, цѣль псалмы и показывалъ икону Божіей Матери, называя ее чудотворною, и хрустальную солонку, объясняя всѣмъ, что въ этой солонкѣ хранятся мощи св. Анны, и что, наконецъ, въ иконѣ и мощахъ этимъ прикладывались всѣ почитатели и отецъ Герасимовъ. Нѣсколько лицъ города Новоржева, въ томъ числѣ и одна купеческая вдова, извѣстная своею набожностію, спрошенные слѣдователемъ о дѣянiяхъ архимандрита Аркадія, объясняли, что архимандритъ этотъ говорилъ имъ поученія о томъ, какъ должно вести себя по древнему благочестію и показывалъ имъ хрустальный сосудъ, въ которомъ будто бы находились части мощей, къ которымъ они и прикладывались, причемъ принимали благословеніе отъ архимандрита и цѣловали его руку. Одинъ почетчикъ города Новоржева показалъ еще, между прочимъ, что архимандритъ Китайской лавры, при цѣлованіи мощей народомъ, надѣвалъ епитрахиль и пѣлъ тропари Богородицѣ, при чемъ онъ ему даже прислуживалъ. Между тѣмъ, до засаженія Савельева въ острогъ, члены суда рѣшили дать ему еще разъ допросъ и прибѣгнуть къ послѣдней мѣрѣ разузнанія истинны, — священническому увѣщанію. И вотъ Савельевъ стоитъ предъ святымъ Евангеліемъ и крестомъ, въ одеждѣ инокѣ! Близъ него священникъ въ епитрахили и съ словами увѣщанія на устахъ. Савельевъ не дрогнулъ при этой церемоніи, и видѣто прежнихъ, даже сколько нибудь правдивыхъ показаній, чтобы покончить дѣло съ судьями, которые, видимо, ему уже надо-

ѣли, рѣшительно сказавъ, что онъ роломъ Китаецъ и показаній на русскомъ языкѣ давать больше не можетъ.

IX.

ВСЕНОЩНАЯ ВЪ ОСТРОГѢ И ОСВНЕНІЕ МОЛЯЩИХСЯ АРХІЕРЕЙСКИМИ
ДУКИРИЯМИ.

Быль восьмой часъ вечера. Острожнѣ арестанты города Н. смиренно стояли въ одной изъ арестантскихъ камеръ, слушая всеобщую. По срединѣ комнаты, предъ множествомъ образовъ, соборанныхъ въ кучу отъ всюду, и столовъ, покрытымъ приличною пеленою, стоялъ совершитель богослуженія, одѣтый въ мантию и епитрахиль, въ влобукъ на головѣ и со свѣчами въ рукахъ. На влѣвѣ стояли трое раскольничьихъ пѣвчихъ, приглашенные архимандритомъ китайскимъ. По временамъ, обращаясь лицомъ къ народу, архимандритъ, одѣтый въ мантию и украшенный крестами, освѣщалъ молящихся свѣчами, сложенными на подобіе архіерейскихъ дукирій. Наконецъ богослуженіе, длившееся далеко дольше обыкновенныхъ всеобщихъ, приблизилось къ концу. Восковая свѣча почти все догорѣла; Савельевъ (читатель, конечно, узналъ его въ лицѣ архимандрита) въ послѣдній разъ освѣтилъ молящихся дукиріями и закончилъ богослуженіе.

X.

РОЗЫСКИ И ДОНОСЫ.

Когда вѣсть о всеобщей, совершенной Савельевымъ въ острогѣ, разнеслась на другой день по городу, то въ острогѣ свѣданы были немедленно обнесъ полицію, которая, однако, не нашла ни мантии, ни епитрахили, ни книгъ, по которымъ совершалось богослуженіе.

Изъ показаній Савельева объ этомъ видно, что все это было при-
слано ему и вѣстными раскольничьими попомъ, но это по разслѣдо-
ванію не подтвердилось. Между тѣмъ, во время производства слѣд-
ствія о Савельевѣ, многія лица города сообщили, при допросахъ,
слѣдующія свѣденія о немъ. Содержатель одного постоялаго двора,
близъ города Острова, раскольникъ, показалъ, что предъ Масляной
недѣлей, къ нему пріѣзжалъ, однажды, Савельевъ въ монашеской
одеждѣ и пробылъ у него двое сутокъ, занимаясь чтеніемъ и уходя
неизвѣстно куда изъ дома. При отъѣздѣ, монахъ этотъ подарилъ
ему двѣ старинныя иконы, писанныя на доскахъ и какую-то книжку
въ кожаномъ переплетѣ, за что онъ не взялъ съ него никакой
платы и въ благодарность далъ ему еще на дорогу овса и денегъ
около 25 рублей серебромъ. Одинъ купеческій сынъ, изъ расколъ-
никовъ же, показавъ также, что однажды Савельевъ жилъ въ домѣ
отца его, подъ именемъ инока Аркадія, склонялъ его поступить въ
монашество и вѣдать съ нимъ въ новооткрытую китайскую лавру,
показывая, при этомъ, въ ихъ семействѣ, пузырекъ и увѣряя воишь,
что въ немъ находится масло отъ іерусалимскихъ угодниковъ Бо-
жійихъ, коишь и мазать воишь лобъ, уши и глаза съ приличными
благословеніями. Одинъ протоіерей Троицкаго собора отзывался, что
въ февралѣ и мѣсячѣ приходилъ въ соборъ, во время совершенія ииш
проскомидіи, монахъ, называвшійся архимандритомъ Макаріемъ и
говорилъ, что онъ вѣздитъ отъ св. сунуда для разузанія нуждъ
церквей и православнаго духовенства... При чемъ, воишдши въ алъ-
тарь, велъ себя какъ слѣдуетъ архимандриту и просилъ его вынуть
часть изъ просфоры за здравіе Аркадія и отрока Василія, за что
и заплатилъ 50 к. с. Послѣ чего стоялъ посреди церкви всю ли-
тургію прилично, но съ видимымъ любопытствомъ, впрочемъ ико-
намъ не молился, и по окончаніи обѣдни, осмотрѣвъ съ нимъ ко-
ледную церковь и ризницу, похвалилъ за все это протоіерея. Дьякоиъ
этого же собора показалъ, что однажды послѣ заутрени, подѣхалъ
къ собору монахъ, называвшійся архимандритомъ Аркадіемъ и объ-
явилъ ему, что онъ воиандированъ въ Китай правительствомъ и
желаетъ отслужить молѣбенъ въ соборѣ. Не имѣя причинъ отка-
зать въ этомъ архимандриту, онъ призвалъ священника и, при
содѣйствіи ихъ, торжественно отслужилъ ему молѣбенъ въ соборѣ

Тихвинской Божіей Матери. Такое обстоятельство вполне подтвердилось при допросѣ и пономарь, участвовавшій при подѣбнѣ.

XI.

ДОПРОСЫ И СУМАШЕСТВІЕ.

Савельевъ при допросахъ. Предъ столомъ, въ присутствіи членовъ суда, онъ стоитъ свободно, но показывая видъ, что не совсѣмъ здоровъ. Онъ еще не игралъ этой роли и потому ему захотѣлось познакомиться и съ нею!.. Среди допросовъ онъ развязно вынимаетъ платокъ изъ кармана и закрываетъ имъ лицо, говоря, что чувствуетъ себя слабымъ и что онъ давно страдаетъ кровотеченіемъ. По закону допросы не должны были прекратиться до того, пока не будетъ ему сдѣлано медицинскаго осмотра. Черезъ нѣсколько времени медицинскій осмотръ былъ произведенъ и, какъ оказалось, Савельевъ былъ здоровешенекъ. Прошло еще нѣсколько дней и Савельевъ, принимавшій въ острогѣ жителей города, считавшихъ его за мученика полиціи, потребованъ былъ снова къ допросамъ. Независимо дѣло, думая Савельевъ, еще много ролей я не испытовалъ, и представляя изъ себя сумашедшаго, сталъ говорить всякій вздоръ, а, наконецъ, и вовсе отказался отвѣчать, кивая головой и прося знаками, бумаги. Подали бумагу, и Савельевъ написалъ на ней слѣдующія слова: „я глухъ, нѣмъ и безграмотенъ, потому прошу прекратить допросы.“ Снова было сдѣлано ему медицинское свидѣтельство и снова Савельевъ, найденный врачомъ здоровымъ душевно и тѣлесно, отказался отвѣчать слѣдователямъ и снова потребовалъ бумаги, на которой написалъ: „я отвѣтовъ не могу дать, потому что разныя дѣлали пытки, водою холодною на голову лили и совершенно имѣю меланхолію въ головѣ, ибо простужены мозгъ и локота.“ Получая такіе письменные отвѣты, судьи прекратили допросы и перевели Савельева изъ арестантской въ острогъ.

XII.

ПОХОЖДЕНІЯ САВЕЛЬЕВА ИЗЪ ОСТРОГА.

Едва перевели Савельева въ острогъ, какъ набожные жители толпами обсаждали двери острога, принося разныя подаянія заключенному и вымаливая благословіе у невиннаго страдальца. Скоро и самъ городничій, поддавшись деньгамъ, сталъ смотрѣть сквозь пальцы на похождения Савельева. По донесенію одного благочиннаго, Савельевъ составлялъ предметъ благоговѣнія молящихся, такъ что, по окончаніи службы въ раскольничьихъ домахъ, народъ толпами ожидалъ его: при выходѣ и тѣснился принять его благословіе, и визитаціи Савельева по городу расширились до страшныхъ размѣровъ. Приглашенія его въ дома раскольниковъ не было конца. Одни приглашали его побывать въ ихъ банькѣ, а другіе осчастливить ихъ присутствіемъ при обѣдѣ, или ужинѣ, а нѣкоторые довольствовались и тѣмъ, что онъ сказалъ въ ихъ домѣ нѣсколько нравоучительныхъ и дунеспасительныхъ истинъ. Между тѣмъ дѣло о китайскомъ архимандритѣ дошло и до губернатора, который командировалъ для этого, на мѣсто ареста архимандрита, чиновника особыхъ порученій. Съ пріѣздомъ этого чиновника дѣло Савельева перевернулось. Тотчасъ сдѣланъ былъ ему строгій осмотръ и по обыскѣ отобраны отъ него образочки, кресты, иконы, лампадки, восковая свѣча, пладоу, разныя книжки духовнаго содержанія, записки, стихиры, денегъ одна копѣйка серебромъ, какъ доказательство его безкорыстія. Надзоръ за нимъ усиленъ и всякій выходъ въ городъ воспрещенъ, хотя городничій, руководясь, по прежнему, чувствомъ благодарности за денежки, и просилъ однажды чиновника послѣ отбитія зари дозволить архимандриту сходить въ одинъ домъ раскольникій. Между тѣмъ, къ довершенію несчастія Савельева, при новомъ его обыскѣ, въ переплетѣ одной книги нашли у него заклееннымъ свидѣтельство, выданное, будто бы, изъ санктпетербургскаго синода, на прѣздъ настоятелю Китайской лавры архиман-

дриту Арбадію, вѣдущему съ образомъ Божіей Матери, написаннымъ евангелистомъ Лукою, и съ частію мощей святой Анны. Увидѣвъ, что пора покончить здѣсь свои дѣла, Савельевъ рѣшился бѣжать и перемѣнить мѣстность.

XII.

НАСТОЯТЕЛЬ КИТАЙСКОЙ ЛАВРЫ ОКОНЧАТЕЛЬНО ПРОВАЛИВАЕТСЯ.

Между тѣмъ какъ Савельевъ рѣшился бѣжать и, перемѣнивъ мѣстность, продолжать свое занимательное странствованіе по морю житейскому, одно обстоятельство нечаянно измѣнило вновь весь ходъ дѣла. Одинъ рядовой инвалидной команды, увидавъ въ Новоржевскомъ острогѣ Савельева, призналъ его за кантониста 1-го учебнаго карабинернаго полка и объявилъ начальству, что съ этимъ кантонистомъ онъ однажды содержался въ Новгородскомъ тюремномъ замкѣ около мѣсяца. Навели справку въ конторѣ Новгородскаго тюремнаго замка и въ бывшемъ 1-мъ учебномъ стрѣлковомъ полку и показаніе рядоваго подтвердилось. Дѣла Савельева съ этого времени пошли медъ гору... Немедленно его отправили подъ строжайшимъ карауломъ въ Новгородъ, предъявили его тамъ мажоранту и бывшему квартальному надзирателю Новгородской городской полиціи которые признали Савельева. Дѣло выходило плохое, но Савельевъ не унывалъ! Онъ какъ будто считалъ это за шутку судьбы и надеялся еще измѣнить свои обстоятельства. Въравъ себя его не оставляла и мы увидимъ сейчасъ, что онъ дѣйствительно устроилъ свои дѣла такъ, что былъ уже одною ногою на пути къ побѣгѣ.

XIV.

МАНДЖУРСКІЙ ЯЗЫКЪ ИЛИ УТОПАЮЩІЙ ХВАТАЕТСЯ И ЗА СОЛОМИНКУ.

Когда Савельева передали военному суду, при внутреннемъ гар-

низонномъ баталіонѣ, и члены военно-судной комисіи приступили къ допросамъ; то Савельевъ начертилъ какіе-то знаки и сказалъ, что это написано по-маньчжурски, что онъ писать по русски не умѣетъ и перевести написаннаго не можетъ, а предоставляетъ это сдѣлать переводчику. Онъ сообразилъ, что для этого нужно будетъ давать знать азіатскому департаменту въ Петербургъ и ждать отвѣта. Дѣло тянулось такъ порядочно, пока азіатскій департаментъ отвѣтилъ военно-судной комисіи, а Савельевъ въ это время наслаждался полнымъ спокойствіемъ и придумывалъ новые планы, какъ бы подольше продолжать свое дѣло и, между тѣмъ, найдти случай перемѣнить мѣстность. Наконецъ пришелъ отвѣтъ изъ азіатскаго департамента, который извѣщалъ военно-судную комисію, что присланная ему рукопись для перевода, была разсмотрѣна какъ переводчикомъ маньчжурскаго языка, такъ и прочими находящимися въ вѣдѣніи департамента драгоманами, которые удостовѣрили, что она состоитъ изъ вымышленныхъ знаковъ, въ числѣ коихъ есть нѣкоторые, похожіе на арабскія буквы, но отнюдь не на маньчжурскія. Савельеву объявили эту бумагу и потребовали къ новымъ допросамъ, причемъ прочитали и законы относительно упорства, угрожая составить объ этомъ актъ. Но Савельеву не впервые щеголять своимъ умомъ при подобныхъ обстоятельствахъ. Если такъ, подумалъ онъ, то и мы не дадимъ маху... Голова на плечахъ, а съ нею не пропадешь?

XV.

НАШЛА КОСА НА КАМЕНЬ.

Члены военно-судной комисіи за столомъ; предъ ними Савельевъ. „Кто ты такой и откуда родомъ?“ дали ему вопросы. „Я сынъ князя Урусова, отвѣчалъ не запинаясь Савельевъ, и архимандритъ Китайской лавры, Аркадій. Воспитаніе я получилъ въ С. Петербургѣ, потомъ былъ въ Турціи у раскольниковъ, и по виду, выданному мнѣ отъ туркестанскаго правительства, возвра-

тился въ Россію. Въ С. Петербургѣ и Москвѣ являлъ священнослуженіе съ архіепископами раскольничьими и бѣду въ Китай. Обо всемъ этомъ прошу военно-судную комиссію сдѣлать справки. Когда его попросили отвѣты свои подписать, то онъ отвѣчалъ, что умѣетъ только читать по русски, пишетъ же на однихъ восточныхъ языкахъ, въ томъ числѣ на китайскомъ и манджурскомъ; на какихъ, будто бы, языкахъ и подписалъ свои показанія. Савельевъ рассчитывалъ, что этимъ показаніемъ затянеть снова свое дѣло, но военно-судная комиссія составила актъ, которымъ опредѣлила: не домогаться болѣе отъ Савельева никакихъ отвѣтовъ и вопросы прекратить. „Вотъ что! подумалъ Савельевъ. Если вѣтеръ подулъ въ эту сторону, то и я маху же дамъ“. Онъ тотчасъ назвалъ больнымъ, прикинулся помѣшаннымъ и потребовалъ, чтобы его отправили въ больницу для излеченія. Противъ закона нѣтъ, какъ извѣстно, поступать не можетъ, сумашедшихъ не судятъ и приговора надъ ними не произносятъ; потому Савельевъ и поселился преспокойно въ больницу, гдѣ и приступилъ на досугѣ къ плану, давно задуманному имъ.

XVI.

ПОСЛѢДНЕЕ ПОКУШЕНІЕ САВЕЛЬЕВА НА ПОВѢГЪ.

Поступивъ въ больницу, Савельевъ, прежде всего, занялся разборомъ лицъ, его окружающихъ, чтобы вѣрнѣе идти къ своей цѣли. Въ простачкахъ, какъ извѣстно, нигдѣ нѣтъ недостатка и въ больницѣ ихъ нашлось тоже не мало. Савельевъ прежде всего заставилъ увѣровать въ свой санъ фельдшера, который доставлялъ ему бумагу съ чернилами и собралъ его письма, къ разнымъ лицамъ адресованныя. Одинъ изъ караульных, религіозность котораго Савельевъ скоро замѣтилъ, тоже былъ забранъ архимандритомъ Китайской лавры въ свои руки, такъ что кромѣ того, что онъ, стоя на караулѣ въ свои часы, допускалъ къ нему лица изъ города, но даже далъ обѣщаніе постричься въ монахи и взять съ

нимъ въ Китайскую лавру. Въѣстъ съ тѣмъ одинъ изъ больныхъ арестантовъ, раскольникъ, былъ преданъ Савельеву до того, что хотѣлъ ѣхать тоже съ нимъ въ Китай. Имѣя столько лицъ подъ рукою, Савельевъ смѣло уже приступилъ къ дѣлу. Заскрипѣли перья подъ его рукою, полетѣли письма къ лицамъ города и чрезъ нѣсколько дней существованія его въ больницѣ къ нему уже однажды пришла женщина и подала письмо со вложеніемъ 25 руб. сер. Къ его услугамъ явились хорошей шлафрокъ, сорочки и сапоги, приличные архимандриту и присланные тоже изъ города. Отовсюду стали приноситься письма со вложеніемъ денегъ и вещей, начиная съ образковъ, крестиковъ, чотокъ и т. п., и хорошая пища, которую, за избыткомъ, онъ дѣлился даже съ тѣми арестантами, которые могли быть ему нужны. Пообставивши себя такимъ образомъ, Савельевъ приступилъ къ послѣдней операци, нужной для побѣга тому, кто не хочетъ быть задержаннымъ на десяти шагахъ послѣ побѣга. Именно: онъ заготовилъ себѣ фальшивый видъ съ печатями и подписями разныхъ рукъ, выданной, будто бы, изъ Красноярской духовной консисторіи на имя епископа Нифонта и 3-хъ іеромонаховъ для свободнаго пропуска по всѣмъ городамъ російской имперіи, запасшись вмѣстѣ съ тѣмъ снимками образовъ на холстѣ, кусками деревянныхъ чашекъ съ церковными изображеніями, духовными книгами, стихами, кусками церковной пелены и всѣми, въ этомъ родѣ, принадлежностями странствующаго монаха... Послѣ всего этого осталось только назначить день побѣга всѣмъ тремъ лицамъ—и дѣло съ концомъ. Такъ и было сдѣлано! Но судьба снова впуталась въ его дѣла и испортила его планъ.

XVII.

ОТКРЫТИЕ УМЫСЛА КЪ ПОБѢГУ И РОЗЫСКАНІЯ ПОЛИЦИИ.

Одинъ, арестантъ выписавшійся изъ больницы, въ которой содержался Савельевъ, объявилъ дежурному по карауламъ, что Савельевъ намѣренъ ѣхать и имѣетъ переписку со многими лицами го-

рода. Этотъ доносъ раскрылъ глаза начальству, которое доселѣ смотрѣло на Савельева, какъ на больного. Тотчасъ же въ расплохъ сдѣланъ былъ строгій обыскъ въ больницѣ коиматъ, въ которыхъ жили Савельевъ и лица, намѣровавшіяся съ нимъ бѣжать въ Китай. У Савельева отобрали и фальшивый видъ, и церковныя вещицы, и деньги, и одежду, и письма изъ города, между которыми особенно замѣчательно было письмо, написанное женскою рукою и содержавшее въ себѣ слѣдующія строки: „Мое воздыханіе къ Господу Иисусу, лежащему во гробѣ въ Китайской имперіи въ Туркестанѣ.“ Караулъ за этими лицами былъ втрое увеличенъ, и Савельевъ уже струсилъ не на шутку. По допросѣ лицъ города, вслѣдствіе найденныхъ у Савельева писемъ, одна купеческая дочь, которой принадлежали приведенныя нами сейчасъ строки, показала, что она познакомилась съ Савельевымъ около двухъ лѣтъ тому назадъ, или болѣе, когда арестантъ этотъ приходилъ въ домъ отца подъ видомъ архимандрита. Послѣ сего она видѣлась съ нимъ во 2-ой разъ, когда онъ уже содержался въ тюремномъ замкѣ, причемъ онъ сказывалъ ей, что онъ содержится въ острогѣ за то только, что монахъ. Вполнѣ вѣря ему, она чувствовала къ нему состраданіе и готова была отдать все, лишь бы видѣть его свободнымъ. Зная ея расположеніе къ монашескому сану, онъ не разъ ей совѣтовалъ поступить въ монастырь и она, чувствуя вѣру въ его совѣты, дѣйствительно хотѣла уже бѣжать изъ дома родителей, которые не позволяли ей принять иноческаго сана. Одинъ изъ арестантовъ, содержавшихся вмѣстѣ съ Савельевымъ въ больницѣ подъ арестомъ, показалъ, что онъ видѣлъ не разъ, какъ Савельевъ рисовалъ карандашемъ на каленкорѣ плащаницу и раскрашивалъ чашечки изображеніями церковными. Одинъ купецъ 3-й гильдіи, изъ раскольниковъ, объяснилъ, что съ Савельевымъ познакомился онъ, какъ съ монахомъ изъ Петербурга, въ чемъ былъ убѣжденъ его костюмомъ и истинно монашескимъ со всѣми обращеніемъ, замѣчательнымъ даже среди монаховъ, вслѣдствіи чего и велъ съ нимъ дружескія отношенія и считалъ за долгъ отвѣчать на его просьбы и письма изъ больницы острога.

XVIII.

ПОДПИСАНІЕ ВЫПИСКИ ИЗЪ ПРИГОВОРА СУДА.

Когда военно-судная комиссія сообразила обстоятельства дѣла Савельева, то приступила къ подписанію выписки изъ дѣла. Всѣ его похождения были приведены въ порядокъ, и на все почти сдѣланы были нужныя справки. Потребовали Савельева въ комиссію суда и предложили ему подписать эту выписку. Савельевъ, выслушавши дѣло, объявилъ, что она не полна... и что, между прочимъ, не сдѣлано сношенія о его званіи съ туркестанскимъ правительствомъ. Ему прочли законы объ упорствѣ и пригрозили строгостію ихъ за подобныя поступки подсудимыхъ, объяснивъ, что въ противномъ случаѣ, составитъ актъ объ этомъ. Савельевъ смекнулъ, что такими вещами онъ можетъ, дѣйствительно, только портить дѣло и подмахнулъ выписку самыми разнообразными вымышленными знаками, сказавъ, что по-русски это означаетъ: архимандритъ Аркадій! Это была послѣдняя его игра съ судьями и насмѣшка надъ закономъ. Удастся-ли ему еще погулять по матушкѣ Россіи и наслаждаться плодами свободы, не знаемъ, но уголовное дѣло о немъ кончилось ссылкой въ Сибирь, съ преданіемъ церковному покаянію.

XVI

ХАРЬКОВСКІЕ

МОЛОКАНЕ И ДУХОБОРЦЫ.

I.

Время появленія молоканства и духоборчества въ Украинѣ. — Состояніе Украины въ XVIII вѣкѣ. — Причины, вызывавшія бѣгство лицъ на югъ Россіи. — Религіозно-церковное настроеніе умовъ въ Украинѣ. — Состояніе духовенства. — Раціонализмъ сектантскій, какъ оппозиціонное явленіе.

Духоборчество, если не одновременно, то послѣ Москвы прежде всего могло явиться въ Украинѣ. Москва, какъ извѣстно, всегда была центромъ всякихъ религіозныхъ разномыслій, а въ частности, и нашего старообрядчества. Изъ Москвы выходили всегда толпы религіозныхъ пропагандистовъ, которые пускались въ странствованіе по Россіи, отыскивая повсюду себѣ единовѣрцевъ и утверждая свое ученіе между прозелитами ¹⁾. Ихъ убѣжденія находили отго-

¹⁾ См. статью «Яицкое Базачество» въ Русск. Вѣстникѣ. 1864 г. кн. VIII, стр. 607.

лосокъ въ народѣ, и вновь обращенные, какъ и всегда бываетъ, дѣлались, въ свою очередь, сектаторами, нерѣдко примѣшивая къ религиознымъ догматамъ и политическія убѣждения. Южное поволжье, Довь и Яикъ были преимущественно любимыми убѣжищами всѣхъ бѣглыхъ людей и преслѣдуемыхъ религиозныхъ диссидентовъ. Тамъ поселены были стрѣльцы, пережившіе московскіе казни и глубоко скоронившіе въ себѣ ненависть къ правительству; тамъ жили и вольныя казачьи общины. Понятно, что бѣглецы московскіе всегда встрѣчали здѣсь радушный пріемъ и сочувствіе, напередъ увѣренные, что въ случаѣ опасности ихъ не выдадутъ ²⁾. По глухимъ мѣстамъ и отдаленнымъ хуторамъ и уметамъ пространной Украйны, молканство и духоборство могли безирепятственно поселяться вмѣстѣ съ расколомъ и рука объ руку идти путемъ распространенія. Взглянемъ же на состояніе Украйны въ XVIII вѣкѣ ³⁾. Это огромное пространство юга Россіи издавна заселялось бѣглыми дворянами, кидавшими службу царскую, попами и монахами, недовольными церковною властію, приказными, недовольными правительствомъ, крестьянами, нехотѣвшими служить своимъ помѣщикамъ, и вообще всѣми недовольными какимъ либо порядкомъ вещей ⁴⁾. Въ государствѣ Московскомъ, въ началѣ XVIII вѣка, въ ту переходную эпоху, когда оно преобразовывалось въ Имперію Всероссийскую, совершалась борьба разрозненныхъ силъ Россіи. Въ народномъ быту, въ гражданскомъ устройствѣ русскаго общества была тѣма противорѣчій, разлада и неурядиць, питавшихъ разединеніе въ духѣ народномъ, такъ что первую половину XVIII вѣка можно назвать тяжкою годиною народнаго стenanія отъ податей и повинностей, годиною преобладанія сильныхъ иностранцевъ-тирановъ, воровства и публичныхъ казней, годиною полнаго крѣпостничества, развитія аристократическаго барства, въ ущербъ другимъ сословіямъ, и грабительства народа правителями... Не даромъ передъ XVIII вѣкомъ было 14 самозванцевъ ⁵⁾! Подавляемая оппозиція такому состоя-

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Энциклопед. Словарь Крайя. Т. VIII, стр. 416—419.

⁴⁾ А. Шапова, Русскій Расколъ Старообрядчества, 1859, стр. 476.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 469 и 471.

нію дѣль стремилась постоянно въ Украину и, поселившись здѣсь въ пространнѣхъ и привольнѣхъ мѣстахъ, вдали отъ центра Россіи, вмѣстѣ съ казачествомъ и стрѣльцами составляла, нѣкоторымъ образомъ, *status in statu*, государство въ государствѣ. Въ это время сбѣгало холопей съ одного боярскаго двора часто по 20 и 30 человекъ ⁶⁾; однихъ московскихъ нищихъ бродило по Россіи до 1000 человекъ ⁷⁾; по одному, напримѣръ, казанскому уѣзду въ 1723 году шло выходцевъ изъ разныхъ городовъ и уѣздовъ, посадскихъ и дворцовыхъ, сундальнаго вѣдѣнія, помѣщичьихъ крестьянъ и бобылей на 954 двора ⁸⁾. Стрѣльцы и казаки на Украинѣ издавна жили по-вольно и грамотъ царскихъ и правительственныхъ часто совсѣмъ не исполняли. Когда Петръ I казнилъ и разсѣялъ огромное число мятежныхъ стрѣльцовъ и донскихъ казаковъ по Украинѣ, то нашель чрезъ это себѣ въ Украинѣ враговъ болѣе, чѣмъ ожидалъ ⁹⁾. Поголовная подушная перепись народа, оказавшаяся тогда въ 20,000,000 душъ, прогнала въ Украину не одну сотню тысячъ лицъ, выведенныхъ изъ терпѣнія своевольно развѣзжавшими по селамъ и деревнямъ гренадерами-переписчиками и подъячными ¹⁰⁾, думавшими болѣе о себѣ, чѣмъ о казнѣ ¹¹⁾. Казнокрадство подушное, при истязаніи крестьянъ и притѣсеніи народа сборщиками, выводило народъ изъ терпѣнія и онъ тысячами бѣжалъ въ обширныя степи Украины, гдѣ забывалъ все и начиналъ жить свободнѣе, оставляя казну при податныхъ недоимкахъ, которыхъ при смерти Петра I уже считалось нѣсколько миліоновъ ¹²⁾. При Екатеринѣ воеводы и камериры наводнили Россію солдатами для пражежа недоимокъ и народъ отъ экзекуціи опять побѣжалъ толпами на Украину ¹³⁾. Въ царствованіе императрицы Анны недоимка бы-

⁶⁾ Полн. Собр. Закон. Т. I, стр. 360.

⁷⁾ Ист. Госуд. Рос. Т. X, стр. 283.

⁸⁾ Полн. Собр. Закон. Т. VII, №№ 4307 и 4162, п. 2

⁹⁾ А. Шапова, Русск. Раск. Старообряд. 1859, стр. 477.

¹⁰⁾ Полн. Собр. Закоѣ. Т. VII, № 4729.

¹¹⁾ Тамъ же, № 4826.

¹²⁾ Тамъ же, № 5017.

¹³⁾ Тамъ же, № 4674.

да уже въ семь миліоновъ рублей тогдашнихъ или 40 миліоновъ по нынѣшнему, потому что кромѣ расхищенія казны правителями по городамъ, подушныя подати обращали и въ пользу временщика, который за недоимки заковывалъ воеводъ къ кандалы, крестьянъ голыми ногами ставилъ на снѣгъ, билъ палками по пятамъ и всякими пытками истязалъ, такъ что въ нѣсколько лѣтъ тогда разбѣжалось народу въ Украину, Польшу, Молдавію и Валахію болѣе 250,000 душъ мужскаго пола ¹⁴⁾. Народъ въ концѣ XVII и началъ XVIII вѣка бѣжалъ въ Украину и отъ страшныхъ рекрутскихъ наборовъ, которые сбили въ кучу при Петрѣ 180,002 регулярнаго войска, отъ страшныхъ налоговъ на содержаніе его, стоившее 3,170,770 руб. ¹⁵⁾, и отъ неправды въ судахъ, особливо наполненныхъ иноземцами, нахлынувшими въ Россію, для набиванія кармановъ своихъ ¹⁶⁾, такъ что до судьи достойнаго челобитчику было не дойти; всюду хватали и сажали колодниковъ, а рѣшенія имъ не чинили, и, перековавъ, пускали по улицамъ просить милостыню ¹⁷⁾; безъ взятокъ ничего нельзя было дѣлать и за гривенное дѣло полтину брали ¹⁸⁾, чѣмъ все царство въ скудость и смятеніе приводилось ¹⁹⁾. Губернаторы временъ Петра I были не лучше воеводъ и приказныхъ ²⁰⁾. Они развѣзжали съ цесовою охотою по полямъ и сѣннымъ покосамъ, яровой и озимой хлѣбъ лошадыми и собаками топтали ²¹⁾ и жили часто въ селахъ по долгу для своихъ потѣхъ на счетъ крестьянъ ²²⁾, такъ что пашни крестьянскія оставались часто не засеянными за неимѣніемъ сѣмянъ и

¹⁴⁾ Болтинъ.—Щапова, Русск. Раск. Старообряд. 1839, стр. 490.

¹⁵⁾ Полн. Собр. Зак. Т. V, № 3294.

¹⁶⁾ Кошкинъ, стр. 98.

¹⁷⁾ Соч. Посошкова, гл. III.

¹⁸⁾ Посошковъ, «О правосудіи».

¹⁹⁾ Полн. Соб. Св. Зак. Т. IV, № № 2483, 2493, 2467 и Т. V, № 3078.

²⁰⁾ Донош. митрополита Силвестра Св. Синоду, въ рукоп. Казан. Дух. Акад.

²¹⁾ Полн. Собр. Зак. Т. V, № 3025.

²²⁾ Тамъ же, Т. IX, № № 6570, 6653, 6682.

крестьяне шли по міру ²³). Начало XVIII вѣка было и временемъ окончательнаго укрѣпленія крѣпостничества за помѣщиками, требованія когорыхъ не имѣли границъ и контроля ²⁴); тягости были несносны, мучительства велики ²⁵); крестьянину не давали обрости, но стригли его, яко овцу, до года, и такъ царство опустошалось, такъ что у инаго и козы не оставалось ²⁶); отчего народъ бѣжалъ, иные въ понизовыя мѣста, иные въ Украину, иные въ Зарубежныя, тѣ страны населяя, а свои пусты оставляя.... Надъ крѣпостными женами и дочерьми крестьянскими, владѣльцы творили блудныя дѣла и у женки выбивали ребенка ²⁷); пришлыхъ и захваченныхъ людей, не хотя возвратить кому слѣдуетъ, потопляли въ водѣ, или инако какимъ случаемъ умерщвляли ²⁸), или же, наконецъ, какъ вещь, отдавали чиновникамъ въ подарокъ и вмѣсто взятки ²⁹). Подымались, вслѣдствіе сего, бунты ³⁰), но вызывали лишь вмѣсто справедливости одни обезглавленія и истязанія. Тогда оппозиція бѣжала въ Украину, за границу и поступала въ разныя секты, такъ что въ 1719 году въ одной нижегородской епархіи было до 86,000 оппозиціонныхъ правительству разныхъ сектантовъ, въ однихъ чернораменскихъ скитахъ до 40,000 душъ ³¹). Яикъ и Украина, наконецъ, и самымъ правительствомъ съ 1683 и до 1737 г. населялись оппозиціонными диссидентами разныхъ сектъ, и всякими мятежниками ³²). Въ 1702 году сосланы были на Яикъ и въ Украину стрѣльцы, заразившіе мятежными сектами и оппозиціоннымъ ду-

²³) Тамъ же, Т. VII, № 4566; Т. IX, № 6453; Т. XV, № 11205.

²⁴) Посошкова, гл. VII, стр. 182—183. Полн. Собр. Закон. Т. V, № 3294.

²⁵) Кошихинъ, стр. 114.

²⁶) Тамъ же.

²⁷) Посошкова, стр. 85.

²⁸) Записки артиллерія-маіора М. В. Данилова, Моск. 1842, стр. 34.

²⁹) Полн. Собр. Закон. Т. V, № 2668; Т. IV, №№ 1820, 2310, Т. V, № 3414.

³⁰) А. Шапова, Русск. Раск. Старообр. 1839, стр. 535.

³¹) Тамъ же, стр. 546, 547.

³²) Чтен. Моск. Общ. Ист. вѣд. IV, стр. 81.

хомъ вообще всѣхъ донскихъ и яицкихъ козаковъ ³³⁾ и только въ 1737 году правительство прекратило ссылку въ Украину и Украина перестала, наконецъ, болѣе считаться ссылочнымъ мѣстомъ ³⁴⁾.

Вотъ какимъ народомъ заселялась Украина въ концѣ XVII и въ XVIII вѣкѣ. На этомъ огромномъ пространствѣ Россіи, удаленномъ отъ центровъ ея, скоплялось, такимъ образомъ, выведенное изъ терпѣнія, все оппозиціонное правительству. Но здѣсь же возрастала и скоплялась оппозиція также и православной церкви съ ея духовенствомъ. Въра народа, съ одной стороны, не имѣя твердой животворной пищи и разумнаго основанія, съ другой, — столкнутыя съ религіозными воззрѣніями запада, давно уже колебалась въ Россіи и въ лицѣ раскольняковъ и нашихъ самородныхъ рационалистовъ, выражалась протестомъ противъ іерархіи церковной и чистоты православія; оставалось оппозиціонной сторонѣ находить подкрѣпленіе въ обстоятельствахъ времени, чтобы расти съ каждымъ годомъ, — и обстоятельства эти приспѣвали. Духовенство православное конца XVII и начала XVIII вѣка не имѣло никакого значенія въ народѣ. Его многія лица всю жизнь не принимали въ дома, къ нему не ходили на исповѣдь часто до старости лѣтъ, а иногда просто и безъ покаянія умирали ³⁵⁾. Не только въ воскресные дни, но и въ большіе господніе и богородичные праздники, сами попы и діаконы не ходили въ церковь и не говѣли даже въ великій постъ ³⁶⁾, а къ таинствамъ церковнымъ оказывали холодность и неуваженіе ³⁷⁾. Петръ I именнымъ указомъ 17 февраля 1718 г., прибитымъ по городамъ, селамъ и деревнямъ въ печатныхъ листахъ, сгонялъ народъ въ покинутыя церкви ³⁸⁾. Духовенство же занималось, вмѣсто своихъ прямыхъ обя-

³³⁾ Полн. Собр. Закон. Т. IX, № 6802, стр. 574.

³⁴⁾ Акты Архевг. Эксп. Т. IV, № 115.

³⁵⁾ Тамъ же, №№ 188, 321, 324.

³⁶⁾ Полн. Собр. Закон. Т. I, стр. 249, 629. — Описан. Староп. Кн. Царск., стр. 136. — Дополн. къ Акт. Истор. Т. V, стр. 47.

³⁷⁾ Пол. Соб. Зак. Т. V, № 3169.

³⁸⁾ Тамъ же, Т. I, стр. 699.

занностей, корчемствомъ въ церквахъ ³⁹⁾, почему теряло и послѣднее къ себѣ повиновеніе ⁴⁰⁾. Ученіе лютеранъ и кальвиновъ, подоспѣвши къ такому состоянію вещей, было какъ нельзя болѣе кстати ⁴¹⁾. И вотъ явились Андрей и Симеонъ Денисовы чистыми протестантами по образу мыслей ⁴²⁾..... Проповѣдую безпоповщину, явилась и нѣтовщина, отвергавшая видимую церковь на землѣ и тѣмъ изобразившая въ себѣ грубое, одностороннее и безсознательное выраженіе протестантскаго духа отрицанія и свободы ⁴³⁾. Умъ Даниила Викулина и стрѣльцовъ-раскольниковъ не могъ еще развить въ себѣ исполнѣніе рационалистическихъ началъ протестантизма, но стрѣльцы, казаки и тысячныя массы безпоповцевъ вообще, бѣжавшія на Украину и не стѣсняемая никѣмъ, представляли собою тамъ почву, готовую къ большому повороту религиозному, чѣмъ полупротестантское безпоповщинство.... Тогдашняя оппозиціонная, политическо-религиозная сторона въ Россіи не могла выносить корыстолюбія духовенства, продажи тайнствъ за деньги недостѣйнымъ, незаконнаго совершенія за корысть браковъ, воровства казеннаго дохода ⁴⁴⁾, занятія винокурениемъ вмѣсто своихъ духовныхъ обязанностей ⁴⁵⁾ и пьянства самого неумѣреннаго ⁴⁶⁾. Монашество въ монастыряхъ часто дѣйствовало за одно съ разбойниками, точно такъ же, какъ недостѣйные попы и поповскія дѣти ⁴⁷⁾, и пьянствовало сильно, выбѣгая часто изъ пустынь къ раскольникамъ и унося платье и книги ⁴⁸⁾.

³⁹⁾ А. Шапова. Русск. Раск. Старообряд. 1859, стр. 173.

⁴⁰⁾ Окружн. Посл. Аванасія Холмогорскаго, рукоп. Солов. Библиот. въ Базанск. Академіи.—А. Шапова, Русск. Расколъ Старообрядчества; 1859, стр. 175.

⁴¹⁾ А. Шапова, стр. 176.

⁴²⁾ Тамъ же.

⁴³⁾ Акт. Арх. Эксп. Т. II, № 61.—Дополн. къ Акт. Истор. Т. V, стр. 463. Акты Археол. Экспед. Т. IV, № 42; также № 105 и Древн. Росс. Вивліое. Ч. XV, стр. 395.

⁴⁴⁾ Акты Арх. Экспед. Т. IV, № 116.

⁴⁵⁾ Арцибытъ. III, прим. СХII.

⁴⁶⁾ Акт. Истор. Т. IV, № 202, стр. 401.

⁴⁷⁾ Тамъ же, № 178, стр. 339.

⁴⁸⁾ Цвѣтъ Духовный.

Чернецы-бродяги и растриги по мірскимъ дворамъ волочась и изъ монастыря въ монастырь бродя, не знали никакого начала ⁴⁹⁾, и тѣмъ раздражали только умы религіозной оппозиціи въ Россіи, которой за всякій ея протестъ грозитъ кнутъ; вслѣдствіе чего, схоронивъ въ душѣ ненависть къ безпорядкамъ церковнымъ, оппозиція бѣжала въ Украину и за-границу. Что могли вынести въ душѣ своей изъ одной Москвы люди, бѣжавшіе на Украину, когда въ ней въ началѣ XVIII вѣка священники пьяные валялись въ кабакахъ ⁵⁰⁾, по улицамъ безчинно шумѣли, ложились спать на дорогѣ, на обѣдахъ у своихъ прихожанъ ссорились по мужичьи, въ гостяхъ являлись храбры къ питью ⁵¹⁾. и впадали въ великія уголовныя преступленія ⁵²⁾? Вообще въ XVIII вѣкѣ духовенство подверглось полной деморализаціи, унизилось предъ аристократизмомъ XVIII вѣка, на который тогда изливались милости и привилегіи, отнимаемыя у духовенства, и въ чувствѣ этого самоуниженія и рабства предъ обществомъ, при отсутствіи силъ и средствъ подняться на высоту общественнаго положенія, окончательно упало нравственно, закоснѣло въ безсознательности своего назначенія и свыклось съ худымъ мнѣніемъ о немъ общества, отъ чего, безъ зазрѣнія совѣсти, не дорожило уже собою ⁵³⁾... Народъ и общество московское отшатнулись, вслѣдствіи сего, отъ духовенства окончательно, и рационализмъ, въ послѣднемъ представителѣ своемъ, Тверитиновѣ и его ученикахъ, полилъ потокомъ по Россіи... Въ Москвѣ начались гоненія и пропаганда критицизма въ вѣрѣ понеслась бѣглецами въ Украину, которая съ массою давно жившаго здѣсь раскола и безъ того представляла въ религіозномъ отношеніи уже элементы, готовые къ принятію какого угодно широкаго ученія, лишь бы оно совпадало съ стремленіями населенія политическими и ре-

⁴⁹⁾ Акты. Истор. Т. IV, № 62, стр. 176, № 151, Т. V, № 186.
Акты Арх. Экспед. Т. III, № 264, Т. IV, № 328.

⁵⁰⁾ Полн. Собр. Зак. Т. VI, стр. 707.

⁵¹⁾ Врем. М. Ист. Общ. кн. IV, стр. 65.

⁵²⁾ А. Шапова, Русск. Расколъ Старообр. 1859, стр. 427.

⁵³⁾ Полн. Собр. Закон. Т. IV, № 2218.

лигіозными... Такимъ ученіемъ на Украинѣ и явилось, въ началѣ XVIII вѣка, духоборчество и частію молоканство.

II.

Харьковскіе Молокане и Духоборцы.— Географическое положеніе Харьковской губерніи въ XVIII столѣтіи.— Слѣды перваго появленія Харьковскаго Духоборчества.— Духоборческая пропаганда въ селѣ Охочемъ.—
Что обезпечивало успѣхъ Духоборчества въ этой мѣстности?

Изъ южныхъ губерній Россіи, на Украинѣ Молоканство и Духоборчество, сколько извѣстно по источникамъ нашимъ, явилось прежде всего въ губерніи Харьковской. Губернія эта, въ 1708 г. 18 декабря, при раздѣленіи Россіи на 8 губерній, составляла часть губерніи Кіевской, въ 1732 году часть Бѣлгородской губерніи ⁵⁴⁾, въ 1762 году, при образованіи слободскихъ полковъ, нынѣшній городъ Харьковъ назначенъ главнымъ городомъ Слободо-украинской губерніи ⁵⁵⁾. Въ 1780 году, повелѣно генералъ-губернатору малороссійскому, курскому и харьковскому, генералъ-фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому образовать харьковское намѣстничество, составивъ оное изъ 15 уѣздовъ ⁵⁶⁾, а въ 1796 году, при новомъ раздѣленіи государства на губерніи, Харьковскую губернію повѣлено переименовать въ Слободо-украинскую ⁵⁷⁾, при чемъ въ 1797 г. она составлена изъ слѣдующихъ 10 уѣздовъ: Харьковскаго, Сумскаго, Ахтырскаго, Богодуховскаго, Зміевскаго, Старобѣльскаго ⁵⁸⁾, Изюмскаго, Острогожскаго, Купянскаго и Богучарскаго.

Въ этой мѣстности Украины, называвшейся съ 1732 г. Бѣл-

⁵⁴⁾ Тамъ же, Т. VIII, № 6999.

⁵⁵⁾ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1837 г. Т. XXII, стр. 38—43.

⁵⁶⁾ Полн. Соб. Зак. Т. XX, № 15004.

⁵⁷⁾ Тамъ же, Т. XXIV, № 17624.

⁵⁸⁾ Тамъ же, № 17948.

городскою губернію, въ селѣ Охочемъ ⁵⁹⁾ съ 1730—1840 жилъ уже проповѣдникъ духоборчества, отставной унтеръ-офицеръ, имени коего не сохранилось. Мѣстность эта была въ то время пограничною съ ногайцами, крымцами и отчасти калмыками и состояла изъ „засѣкъ“, ⁶⁰⁾ населенныхъ по большей части казаками, приписанными съ 1808 г. 18 декабря къ Азовской губерніи ⁶¹⁾. Удаленность отъ центра Россіи, безопасность отъ взора правительственнаго и населенность этого края казаками, бѣглецами изъ Москвы, разными диссидентами, по большей части раскольниками-безпоповцами, все это какъ нельзя больше давало право рассчитывать проповѣднику на успѣхъ своего ученія ⁶²⁾... Скоро успѣлъ онъ приобрести довѣренность и расположеніе жителей села Охочаго и всей мѣстности, счумѣвъ затронуть душевныя потребности населенія, пробудить его внутреннія влеченія и разработать по своему почву, сдѣлавъ ее какъ нельзя лучше производительною для своего дѣла... Его новое ученіе, что „власти не нужны, всѣ люди равны, іерархія и священство выдумка, церковь и обряды излишни, монашество—искаженіе природы человѣческой, помѣщичья кабала—позоръ для людей, царь и архіереи такіе же люди, какъ и всѣ...“ какъ нельзя больше совпадало съ населеніемъ мѣстности и тогдашнимъ настроеніемъ умовъ лицъ, бѣжавшихъ въ Украину... Неудивительно, что новый проповѣдникъ скоро сталъ на мѣсто властей рѣшать дѣла въ сходкахъ жителей, вмѣсто судовъ разъяснять ихъ недоумѣнія, вмѣсто предписаній и указаній правительства подавать совѣты, — въ частныхъ неудовольствіяхъ примирять несогласія и распри, и заправлять дѣлами хозяйственными ⁶³⁾. Опытный другъ, безпристрастный судья и ревностный сотрудникъ, новый проповѣдникъ ученія и духоборческаго,

⁵⁹⁾ Нынѣ Зміевскаго уѣзда. На картѣ Шуберта 1848 г. село это обозначено по большой дорогѣ на югъ отъ Харькова къ морю, съ 459 жителями.

⁶⁰⁾ Историко-статист. описан. Харьков. епарх. Т. I, стр. 198, Т. IV, стр. 62, 188—191.

⁶¹⁾ Перв. Полн. Соб. Зак. Т. I, № 175.

⁶²⁾ Досуги Крым. Судьи, част. I.

⁶³⁾ Тамъ же.

безъ труда, конечно, овладѣлъ узами, предрасположенными уже къ отрицанію всего—имъ отрицаемаго, и въ зимніе большіе вечера, свободные отъ занятій, поучалъ, вмѣсто нелюбимаго духовенства, новообращенныхъ въ истинахъ своего ученія... О лицѣ этомъ извѣстно также, что оно не имѣло постоянного жилища и постоянно перемѣняло мѣсто своего пребыванія ⁶⁴⁾, но до конца своей жизни никогда не измѣняло образа своего дѣйствованія.... Что лицо это было первымъ проповѣдникомъ духоборчества въ этой мѣстности, доказательствомъ тому служить указанія самихъ духоборцевъ на село Охочее, какъ на мѣсто, откуда взялось начало ихъ секты ⁶⁵⁾. Ор. Новицкій выражается объ этомъ лицѣ такъ: думаютъ, что это лицо былъ квакеръ, потому что образъ его жизни и правила, какія онъ проповѣдывалъ, совершенно согласны съ духомъ ученія квакерскаго ⁶⁶⁾; церковный же историкъ, Филаретъ черниговскій, называя это лицо бродягою-иностранцемъ, прямо и безъ всякихъ оговорокъ, титулетъ уже его квакеромъ ⁶⁷⁾. Мы же полагаемъ, что это лицо было никто иное, какъ духоборецъ, прибывшій въ Украину изъ Москвы, или сосѣдственныхъ съ нею внутреннихъ губерній, и поселившись въ селѣ Охочемъ, положилъ здѣсь первое основаніе духоборчеству, и полагаемъ такъ на томъ основаніи, что квакера иностранца, ни въ Москвѣ, ни въ Украинѣ люди русскіе, особливо раскольники, слушать съ довѣрчивостію не станутъ, а тѣмъ болѣе трудно думать, чтобы признали его своимъ религіознымъ главою, точно также, какъ сомнительно допустить, чтобы родоначальникомъ молоканъ въ какой либо мѣстности Россіи былъ лютеранинъ, или протестантъ, т. е. нѣмецъ, а не русскій человекъ. Для успѣха

⁶⁴⁾ Новицкаго, О Духоборцахъ, стр. 10. — Досуги Крымск. Судьи, часть I.

⁶⁵⁾ Сумароковъ, путешествовавшій въ концѣ XVIII столѣт. приводитъ (Досуди Крым. Судьи, стр. 43) собственное признаніе Духоборцевъ харьковскихъ, что болѣе 60 лѣтъ назадъ ихъ секта произошла изъ села «Охочаго». См. Новицкаго О Духоборствѣ, стр. 15 въ примѣч.

⁶⁶⁾ Соч. Новицкаго О Духоборцахъ, стр. 10.

⁶⁷⁾ Истор. Русск. Церкви Филарета Черниговскаго, 1859 г. Періодъ V, стр. 64.

какой бы то ни было пропаганды среди русскаго народа, какъ опытъ неоднократно показаль, долженъ быть русскій же. Это едва ли не *conditio sine qua non*. Въ „Досугахъ крымскаго судьи“ лицо это называется отставнымъ унтеръ-офицеромъ ⁶⁸⁾. Это очень правдоподобно и довольно естественно, и потому мы полагаемъ, что это былъ на самомъ дѣлѣ отставной унтеръ-офицеръ и, по всей вѣроятности изъ казачьихъ войскъ, бывшихъ въ Москвѣ, или же просто бѣжавшій изъ войска московскаго казакъ, принявшій въ Москвѣ духоборчество и, по принципу ученія духоборческаго, сочтя войну и службу военную дѣломъ неприличнымъ человѣку и запрещеннымъ Богомъ, бѣжалъ въ Украину... Но признавши основателя харьковскаго духоборчества унтеръ-офицеромъ, мы должны уже будемъ называть его самого прозелитомъ, т. е. новообращеннымъ въ Москвѣ, а не самостоятельнымъ родоначальникомъ духоборчества харьковскаго, ибо духоборчество есть продуктъ столкновенія, при которомъ рационализмъ отнесся критически къ квакуерству, слѣдовательно коренные родоначальники духоборчества неминуемо были люди довольно образованные и систематически сформировавшіеся въ свое время рационалисты, каковымъ унтеръ-офицеру войска быть трудно. А что духоборчество скорѣе другихъ привилось къ войску въ Москвѣ, особливо казакамъ-раскольникамъ-безпоповцамъ, это объяснимое дѣло, и причины этого находятся въ самой догмѣ духоборчества, отвергающаго военную службу; характеръ же населенія Украины въ XVIII вѣкѣ, описанный нами выше, какъ нельзя больше обезпечиваль успѣхъ всякаго проповѣдника духоборчества ⁶⁹⁾...

⁶⁸⁾ Досуги Крым. Судьи, Ч. I, стр. 43.

⁶⁹⁾ Во всякомъ случаѣ, большія подробности явленія Духоборчества въ Харьковской губерніи могутъ выясниться только чрезъ изученіе и опубликованіе матеріаловъ, хранящихся въ архивахъ московскихъ, начала XVIII столѣтія и въ дѣлахъ Харьковскихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ-то: полковыхъ судовъ, духовныхъ архіерейскихъ канцелярій—начала XVIII вѣка и т. п.

III.

Историческое положеніе Харьковской губерніи въ XVIII столѣтіи. — Идея правительственной регламентаціи. — Распространеніе Духоборчества изъ села «Охочаго» по Харьковской губерніи. — Незначительность Молоканства.

Мы сказали уже, что успѣхъ ученія духоборческаго въ селѣ Охочемъ и окрестностяхъ его обезпечивался населеніемъ Украины вообще и состояніемъ умовъ этихъ поселенцевъ, а также и отдаленностію этой мѣстности отъ центра Россіи и надзора правительственнаго; эти же причины обезпечивали, между прочимъ, распространеніе духоборчества и по всей мѣстности Украины, составляющей нынѣ Харьковскую губернію. Взглянемъ же подробнѣе на историческое и этнографическое состояніе въ XVIII вѣкѣ всей мѣстности, составляющей нынѣ Харьковскую губернію. По границѣ, отдѣляющей нынѣшнюю Харьковскую губернію отъ Полтавской, жили издавна казаки, оберегавшіе границы отъ набѣговъ татаръ, и служилые жившіе, въ полковыхъ и сотенныхъ городахъ, гдѣ сосредоточивались разныя управленія, а прочее населеніе, занятое земледѣліемъ, жило въ „слободахъ“ и „хуторахъ“ просторно раскинутыхъ по широкимъ и необозримымъ степямъ ⁷⁰⁾). Самый городъ Харьковъ считаютъ получившимъ начало не ранѣе конца XVIII столѣтія и образовавшимся изъ хутора ⁷¹⁾). По Харьковской губерніи близъ окрестностей нынѣшняго г. Валковъ, издавна пролегалъ „Муравскій Шляхъ“, самый торный путь изъ Крыма въ Москву и обратно ⁷²⁾), что объясняетъ намъ обстоятельство болѣе

⁷⁰⁾ Гербея, Изюмскій полкъ, стр. 13.

⁷¹⁾ Молодинъ, 1842 г., стр. 17. — Зуева, Путешествія и Замѣтки, стр. 187.

⁷²⁾ Татищева, Ист. Россійск. Т. V, стр. 423. — Барамзина, Ист. Госуд. Россійск. Т. VIII, примѣч. 443.

ранняго явленія духоборчества въ этой мѣстности, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Украины. Близъ нынѣшняго г. Валокъ, жили въ началѣ XVIII вѣка стрѣльцы ⁷³⁾, издавна вольный народъ и мятежный при Петрѣ I, отъ коего бѣжали сюда съ ненавистью въ душѣ къ царской власти и правительству...

Нынѣшній Изюмскій уѣздъ заселенъ былъ украинскими казаками и соприкосновенными съ ними доясскими ⁷⁴⁾, которые, при походахъ Петра I на Мазепу, въ началѣ XVIII вѣка, подверглись самымъ жестокимъ пыткамъ... Въ мѣстности нынѣшняго г. Лебедяни, въ 1709 году явившейся главнымъ мѣстомъ военныхъ приготовленій Петра Великаго противъ Мазепы, поселенцы Харьковской губерніи были свидѣтелями длиннаго ряда страшныхъ казней, произведенныхъ по приказанію Петра I: колесованій, четвертованій, сажанія на колья, вѣшанія и нещаднаго рубленія головъ.. Вины соучастниковъ отложенія отъ Москвы, по свидѣтельству лѣтописцевъ, изыскивались отъ вынужденнаго признанія ихъ самихъ, и тому надежнымъ средствомъ служило похвальное тогда таинство вытки, который догматъ и понинѣ извѣстенъ изъ русской пословицы: „кнутъ не ангель, души не вынетъ, а признаніе скажетъ“, и которая производима была со всею аккуратностію и по указанію соборнаго уложенія, сирѣчь степенями и по порядку, батошьемъ, вnutомъ и шилюю, т. е. разжоннымъ желѣзомъ, водимымъ съ тихостію или медленностію по тѣламъ человѣческимъ, которыя отъ того кипѣли, шеварились и воздымались ⁷⁵⁾. Прошедшій одно испытаніе поступилъ во второе, а кто всѣхъ ихъ не выдерживалъ, такой почитался за вѣрное виновнымъ и веденъ въ казнь, и пострадало такимъ образомъ однихъ непревозмогшихъ таковыхъ уроковъ пытки до 900 человекъ ⁷⁶⁾. Идея царя, послѣ этихъ событій, понятно, проиграла въ Украинѣ все, что скрѣпляетъ съ нею умъ и убѣ-

⁷³⁾ Акты Арх. Экспед. Т. IV, № 280.

⁷⁴⁾ Гербеля, Изюмскій полкъ, стр. 40—52. — Городскія Поселенія, Т. II, стр. 140.

⁷⁵⁾ Конясскаго, Истор. Руссовъ стр. 212.—Маркевича Исторія М. Россіи, Т. II, стр. 480.

⁷⁶⁾ Тамъ же.

ждеіе людей, что подвѣтилъ и Карлъ XII, когда, прибывъ въ Украину, разслалъ прокламацію, что пришелъ защищать казаковъ отъ насилій и жестокостей царя... ⁷⁷⁾ Мѣстность нынѣшняго уѣзднаго города Сумы заселена была, въ XVIII вѣка, выходцами изъ за Днѣпра отъ религиозныхъ и политическихъ притѣсненій ⁷⁸⁾ и во время погромовъ Петра I и движенія его войскъ страшно потерпѣла въ своемъ благосостояніи ⁷⁹⁾ получивъ, конечно, далеко не выгодное понятіе о правительственной идеѣ... Около г. Сумъ, въ 1708 году, когда явились шведы въ Малороссію, станути были русскія войска и долго находился самъ Петръ I, отстававшій, по выраженію своихъ манифестовъ 1709 года, благочестіе православной церкви и православной вѣры, давно нежалуемой казаками-раскольниками ⁸⁰⁾, чему немногіе изъ раскольниковъ внимали. Мѣстность нынѣшняго г. Бѣловодска населена была бѣглецами-крестьянами, рейтарами и другимъ народомъ, селившимся безъ государева указа и принимавшимъ участіе въ возмущеніяхъ донскихъ казаковъ, за что, по усмиреніи Булавина, 1708 г. поселенія эти и были, по приказанію Петра I, разорены, выжжены и оставлены впускъ ⁸¹⁾, что не оставило, конечно, пріятныхъ воспоминаній во всей мѣстности на долго послѣ этого всеразрушающаго событія... Мѣстность нынѣшняго г. Бѣлополя, заселенная выходцами заднѣпровскими ⁸²⁾, была свидѣтельницею страшнаго насилія помѣстнаго приказа при Б. П. Шереметьевѣ. Путивльскіе помѣщики закрѣпостили разными насиліями множество свободнаго населенія, которое, забун-

⁷⁷⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. 1839 г. кн. I, стр. 194—106, 215. 221. Ригельмана, Лѣоп. повѣсть, кн. III, стр. 69—77.

⁷⁸⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. 1847 г. кн. VIII. Зауральскаго приложенія 17. Топограф. опис. Харьк. намѣстн. стр. 153.—Историко-статистическое описан. Харьков. епархіи, Ч. III, стр. 281.—Матеріалы для статист. Россіи, 1839, Ч. III, стр. 101.

⁷⁹⁾ Историко-стат. опис. Харьк. епарх. Ч. III, стр. 330.

⁸⁰⁾ Чтен. Моск. Общ. Истор. 1859 г. кн. I, стр. 194—221. Ригельмана, кн. III, стр. 69—77.

⁸¹⁾ Город. Поселен. Т. I, стр. 438—440.

⁸²⁾ Историко-Статист. писан. Харьк. епарх. Ч. III, стр. 407—414.

тезавъ, перешло къ казакамъ. Помѣстный приказъ предписалъ нутивльскому воеводѣ привести крестьянъ въ повиновеніе плетью и батогами нещадно, чтобъ „другимъ было неповадно“... Притѣ-оняемые разбѣжались; вообще же все заволновалось, и дѣло кончилось уже при Я. О. Долгоруковѣ, воеводѣ Бѣлгородскомъ, съ явнымъ результатомъ, что погромъ правительственный произведенъ былъ незаконно ⁸³⁾...

Идея правительственной регламентаціи была, такимъ образомъ, во всей огромной мѣстности Бѣлгородской сильно подорвана... Мѣстность нынѣшняго Славянскаго уѣзда, изобиловавшая соляными варницами, а слѣдовательно населенная народомъ промышленнымъ, ѣздившимъ въ разныя мѣста для торговли солью, представляла соб.ю элементы далеко не спокойные. Еще во второй половинѣ XVIII вѣка, когда Вруховецкій задумалъ отдѣлиться отъ Россіи и пригласилъ къ тому украинскихъ и донскихъ казаковъ, то жившіе на соляныхъ Торскихъ озерахъ перебили русскихъ приказныхъ людей ⁸⁴⁾ и долго не хотѣли потомъ принять воеводу русскаго, Маслова ⁸⁵⁾. Правительственною грозкою всей описанной нами мѣстности, составляющей нынѣ Харьковскую губернію, была Чугуевская крѣпость, огромное населеніе которой занималось съ большимъ успѣхомъ садоводствомъ, при зачисленіи Чугуева въ военныя поселенія ⁸⁶⁾, разбѣжалось по Украинѣ и долго не могло простить правительству совершеннаго истребленія и вырубленія имъ прекрасныхъ садовъ, составлявшихъ, во всякомъ случаѣ, частную собственность мирныхъ жителей... Если мы прибавимъ ко всему этому полное отсутствіе высшаго духовнаго надзора надъ всею Украиною и, въ частности, надъ мѣстностію, составляющею нынѣ Харьковскую губернію (потому, что все огромное пространство южныхъ губерній и Украины до конца XVIII вѣка числилось принадлежащимъ къ

⁸³⁾ Тамъ же, Ч. III, стр. 422 - 424.

⁸⁴⁾ Тамъ же, Ч. V, стр. 126.

⁸⁵⁾ Акты Арх. Эксп. Т. IV, № 280. — Историко-стат. опис. Харьк. епарх. Ч. V, стр. 127.

⁸⁶⁾ Военно-статист. описан. Харьков. губ. стр. 250 — 260. — Мочульскаго, Историко-статист. опис. Харьк. епарх. Ч. IV, стр. 65 — 92.

двумъ пархіямъ, Базанской и Астраханской⁸⁷⁾, совершенную малочисленность и безвліятельность духовенства на пространныя мѣстности Харьковской губерніи, по большей части заселенныя хуторами и уетами, — то поймемъ, что распространеніе духоборчества по Харьковской губерніи изъ села Охочаго не представляло никакихъ препятствій...

Замѣчательно, что духоборчество съ особенною легкостію появилось въ Украинѣ, куда, между прочимъ, заманила его и строгость законовъ. Молоканство же, какъ пропаганда болѣе тихая и спокойная, въ началѣ XVIII вѣка менѣе гонимое, сравнительно съ духоборчествомъ, за признаніе царя и властей, нашло себѣ пріютъ преимущественно во внутреннихъ губерніяхъ, какъ напримѣръ Пензенской, особливо же Тамбовской губерніи. Въ нынѣшней же Харьковской губерніи, напримѣръ, до XIX вѣка мы встрѣчаемъ самыя малые слѣды молоканства.

IV.

Обрядъ Молоканъ при нарѣченіи именъ младенцамъ. — Происхожденіе сего обряда. — Особенности сего обряда, сравнительно съ таковымъ же въ Православной Церкви. — Торжественность сего обряда у Молоканъ. —
Участіе народа.

До насъ дошло описаніе обряда молоканъ харьковскихъ при нарѣченіи именъ младенцамъ. Обрядъ этотъ, по всѣмъ видимостямъ тамбовскаго происхожденія, совершается молоканами въ слѣдующемъ видѣ:

⁸⁷⁾ Полн. Собр. Закон. Т. II, стр. 363. — А. Щапова, Русск. Гаск. Старообрядч. 1859, стр. 356.

ОБРЯДЪ МОЛОКАНЪ ПРИ НАРЪЧЕНІИ ИМЕНЪ МЛАДЕНЦАМЪ.

Акростихъ.

*Да научатся сынове твои, ихъ
же возлюбилъ сей Господь, яко
не рожденія плодовъ питають че-
ловѣка, но слово твое тебѣ въ-
рующихъ соблюдетъ тебѣ.*

Премудр. Солом. 16 гл. 27 ст.

(При нарѣченіи именъ новорожденнымъ младенцамъ нужно взять младенца на руки, кому поручено будетъ, произвестъ нарѣченіе и глаголати молитвы нижеслѣдующія, всѣмъ вообще и родственникамъ, и другимъ, вромѣ матери—и молиться)

Тако:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа Аминь! Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ—(читать до конца и потомъ псаломъ 22)—Господь пасеть мя, ничто же мя лишитъ и пр.

(Потомъ молитва съ колѣнопреклоненіемъ)

Господи Боже великій и чудный великолѣпное и славное имя Твое и не изслѣдованная премудрость Твоя и дѣло Твое въ творенію Твоемъ не постижимое всякой твари и человѣческому разуму наполнилъ еси насъ и землю, созданію дѣла руку Твоею и еще сотворилъ еси человѣка по образу Твоему и по подобію, и поставилъ еси его властелиномъ надъ всѣмъ твореніемъ Твоимъ на землѣ; опредѣлилъ еси его въ житіе благое и изобильное къ угожденію его и реклъ еси: не добро быти человѣку единому; сотвори мѣму помощницу подобную ему, и далъ еси ему жену отъ его же плоти и заповѣдалъ еси имъ хранити едину заповѣдь: не вкушать отъ единого древа, да не смертію умрете. И они не сохраниша слово Твое, преступиша заповѣдь Твою и Ты, Господи Боже Вседержителю, изгналъ еси ихъ изъ рая сладости и далъ еси

имъ житіе болѣзненное, и еще не до конца прогнѣвался еси на нихъ, удивилъ еси созданіемъ Твоимъ въ пользу временнаго живота, умножилъ еси всякія различныя сладости и тогда ревль еси имъ: раститеся и множитеся, наполняйте землю. И совершишася слово Твое Святое. Егда умножися сѣмя человѣческое на землѣ и погордѣша предъ Тобою и совершиша злая на землѣ, и Ты, Господи, праведно наказалъ еси за грѣхи ихъ гнѣвомъ Твоимъ, навелъ еси на нихъ воду безмѣрную и потребилъ еси всякую тварь на землѣ живущую и еще всадилъ еси на землѣ сѣмя человѣческое, егда же размножися на землѣ живущіе и сотвориша злая, умножися грѣхи своя и далъ еси возлюбленнымъ Твоимъ заповѣди и суды оправданія Твоя на горѣ Сіонстѣй. И они ускориша забыти благодѣянія Твоя, преступиша заповѣди Твоя и не послушаха рабовъ Твоихъ, пророковъ, глаголющихъ къ нимъ: ожесточиша сердца свои и не хотѣша обратитися; и далъ еси имъ духъ заблужденія и отпустилъ еси ихъ по начинаніямъ сердецъ ихъ, но не до конца прогнѣвался еси на дѣла руку Твоею, умножилъ еси милосердіе Твое къ роду человѣческому и не пощадилъ еси единороднаго Твоего Сына, Господа нашего Иисуса Христа, послалъ еси на землю выскати и спасти погибшихъ и Онъ исполнилъ всю волю Твою Святую и опредѣлилъ себя временно пострадати за насъ грѣшныхъ и душу свою положилъ еси за паство Свое ради спасенія нашего искушилъ насъ кровію Своею отъ гнѣва грядущаго. И нынѣ; Господи Боже Вседержителю, яви милосердіе свое на насъ и очисти Господи грѣхи наши, преклони ухо твое и услыши молитву нашу и отверзи очи Твои и призри съ небеси отъ Престола Твоего Святаго: послѣ Господи благословеніе свое на рожденіе сѣмя человѣческое и младенца сего (имя рекъ) и возрасти сего Господи возрастомъ благимъ и управи Господи путь (его или ея) предъ Тобою, не лишѣ (его или ея) Господи разума познати Тебя единаго Создателя. Тогда приметь онъ отъ Тебя совершенное Крещеніе, — ученіе, исповѣданіе, утвержденную вѣру въ Бога — Отца и Сына и Святаго Духа и управиши (его или ея) Господи Твоему милосердію и научи (его или ея) творити волю Твою Святую. Господи царю небеси и земли! Къ Тебѣ преклоняемъ колѣна и сердца наша и молимъ Тя, Господи Боже великій и многомилосердый.

стивный дателью благія! Сотвори Господи милость Свою съ новорожденною (мъ) отрокомъ (вицею) Твоимъ (ею) и не лиши (его или ее), Господи, дара Духа Твоего Святаго и утверди Господи силою благодати Твоя благословеніемъ Твоимъ Святымъ отъ нынѣ и до вѣка Аминь!

Потомъ читать

Живый въ помощи и пр.

(Потомъ)

Молитва

(съ коѣнопреклоненіемъ):

Господи Вседержителю, Боже Израилевъ, безначальный и безконечный, невидимый, непостижимый, необъятый, неосязаемый, невѣстимый, всесильный, всекрѣпкій, всечестный, всехвальный, всепремудрый, всемогущій и достойный пріятія отъ Твоя твари честь и благодареніе, сначала сотворивый вся и устроивый по благому намѣренію Твоему на единый конецъ тебѣ ради для прославленія честнаго и славнаго имени Твоего. Мы сотворены по образу и по подобію Твоему рабы Твои, Господи, днесь совершаются благословенія Твоя съ нами. О Боже нашъ! Рабы твоими для умноженія, населенія земли Твоея, рождается плодъ чрева нашего, отерывается намъ радость и (величіе) веселіе въ сѣмъ радостномъ восхищеніи сердца и прибѣгаемъ мы съ жертвами къ Тебѣ Господи, взираемъ невестественный огонь Святаго алтаря Твоего о чистѣйшемъ благодареніи; пламенемъ горитъ предъ Тобою сердце наше, призываемъ и молимъ Тебя Вседержителя, Господа Бога нашего; „Адоннаи Господи злои Савааеръ“: дарованный Тобою намъ дражайшій даръ, приносимъ Тебѣ, приими (его или ее), яко жертву тебѣ Богоугодную; освати (его или ее) во имя Твое, укрѣпи (его или ее) слабые члены, да возрастетъ предъ Тобою, яко маслина плодовита, добродѣтелями процвѣтающая, да сохрани (его или ее) Господи, проходить теченіе подвига своего благоуспѣшно, научи (его или ее) Господи оправданія въ закона Твоего, просвѣти очи разума (его или ее) проходить въ вѣрности заповѣди Твоя. О Боже нашъ! Ты виновникъ сей любви, которая насъ соединяетъ съ дѣтьми малыши, данными намъ отъ Тебя. Приими, Господи, молитву

нашу, ею же молимся у престола милосердія твоего теплѣйшими слезами, имъ же омочаемъ Святое мѣсто Твое. Благослови труды, ихъ же прилагаемъ о воспитаніи сихъ малолѣтнихъ дѣтей, укрѣпи ихъ въ добродѣтели и вѣрѣ, невели вдаваться стремленію развращенныхъ людей и слѣдовать съ сынами вѣка сего въ безконечную жизнь. Боже мой! Мы просимъ у Тебя, источниче просвѣщенія, всѣмъ усердіемъ, дабы сокровенную сію во естествѣ нашемъ златую дарованія твоего раду извлечь наружу и сдѣлать изъ нея драгоценный сосудъ добродѣтелей. Тогда чувствительнѣйше находить будемъ утѣшеніе, когда въ семъ священномъ залогѣ любви нашей будетъ всегда продолжаться честь и слава рода нашего. Да имя наше не угаснетъ, да будетъ (въ немъ или въ ней) естество не заглаждаемое—черты Твоего изображенія—и по смерти нашей въ заимствованной отъ насъ крови нашей, вѣчно жити будутъ, да будетъ (онъ или она) подпорою нашей немощи и утѣхой нашей старости. Да сбудутся съ нами словеса премудрости Іисуса сына Сирахова: въ животѣ своемъ увидимъ, возвеселимся и при кончинѣ своей не оскорбимся; подобна бо себѣ оставимъ по себѣ врагомъ, оставимъ мѣстника другомъ воздающа благодать. Отче всѣхъ, Создателю творенія! Самое сильное наше желаніе состоитъ въ томъ, дабы мы могли ихъ представить тебѣ въ онъ великій день предъ соборомъ Ангеловъ и человѣковъ, въ который Ты приидешь судити о дѣлахъ людей Твоихъ; тогда Тебѣ сказать безъ посрамленія: се азъ и дѣти, яже далъ еси Господи! Тебѣ единому поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу Аминь!

Потомъ:

(Читаютъ псаломъ 120).

Особенность этого обряда, сравнительно съ таковымъ же обрядомъ Православной церкви, состоитъ въ принятіи при семъ случаѣ участія родственниками и постороннимъ народамъ, который становится вмѣстѣ съ старѣйшиною на колѣни и молить Бога особенно о добродѣтельной жизни новорожденнаго. Молитвы, читаемыя на этотъ случай колѣнопреклоненнымъ старѣйшиною, въ присутствіи колѣнопреклоненнаго же народа, надъ новорожденнымъ свидѣтель-

ствують наць, что Молокане слишкомъ дорожать духовною стороною чловѣка, такъ что съ самаго явленія члена ихъ общества на свѣтъ онъ напутствуется преимущественно пожеланіями усовершенствованія души, какъ образа и подобія Божія...

Нельзя не обратить также вниманія на нѣкоторую торжественность сего обряда, явно показывающую, что Молокане придаютъ большое значеніе приобщенію новорожденнаго къ духовному своему обществу, съ какого момента дитя начинаетъ уже подлежать общественной молитвѣ за него, какъ члена одной христіанской семьи. Молитвы обряда сего, во обыкновенію, наивны, совершенно безискусственны, но явно искренни и горячи...

XVII

КАКЪ РАСКОЛЬНИКИ ИСПОВѢДАЮТСЯ ПО ПОЧТѢ.

Въ Москвѣ есть мѣста и улицы, составляющія чуть ли не третью часть полумилліоннаго города, которыя невольно заставляють призадуматься надъ формою, въ которую сложила жизнь обитателей по могучимъ вліяніямъ общаго хода прошлаго... Цѣлая рогожская часть съ примыкающей къ ней Таганкою, во всемъ ея широкомъ просторѣ, вплоть до Рогожской заставы, и цѣлое Замоскворѣчье носятъ на себѣ особенный характеръ, заставляющій слагать и рассказывать о нихъ чудеса въ обществѣ Тверской, Пречистенки и вообще въ такъ-называемыхъ цивилизованныхъ уголкахъ. Въ одномъ мѣстѣ рѣжутся скопцы, въ другомъ пляшутъ хлысты, въ третьемъ фанатическию раскольники, *проклиная дѣтей* своихъ за новыя моды и обычаи, налагають эпитимьи за свѣтскія удовольствія. Для науки сохранился списокъ эпитимій, наложенныхъ безпоповскими наставниками „Преображенскаго кладбища“ на болѣе значительныхъ членовъ прихожанъ Ѳеодосѣевскаго Преображенскаго кладбища и Покровской моленной поженившихся. Сотнями и тысячами поклоновъ они должны были заглаживать посѣщеніе клубовъ, собраній, театра и маскарадовъ, ношеніе моднаго платья, куреніе сигаръ; а одна молодая женщина, принадлежавшая къ богатому семейству, за верховую ѣзду должна была долгое время очищать себя земными поклонами. Вотъ какъ наставники распорядились, напимѣръ, съ этими лицами. „Евстафій Петровичъ Б—нъ и жена его, Александра Сидоровна, принадлежать къ Покровской

моленной поженившихся. Уличені согрѣшеній: ѣзда верхомъ на сѣдлахъ нѣмецкихъ, сидѣніе Александры Сидоровны бокомъ съ сигарой, въ мужской шляпѣ, въ платьѣ съ сатанинскимъ хвостомъ (амазонка). Ѣзда обоихъ супруговъ въ конныя ристалища въ сопровожденіи наемнаго наставника конной ѣзды, гаерски одѣтаго (берейторъ). Иродіадиная пляска обоихъ на сборищахъ (на балахъ и вечерахъ), соблазнительный покрой одежды мужа и жены, питіе кофею даже съ молокомъ, яденіе травы салата. Иванъ Ѳедоровичъ Г—въ и жена его, Марья Павловна, по Покровской моленной, оба уличаются въ томъ же, въ чемъ и предыдущіе, только хотя Марья Павловна не ѣздитъ верхомъ, за то излишне предается театральнымъ врѣлищамъ и Иродіадиной пляскѣ, порочить взоръ свой конскими ристалищами. Проконій Филиповичъ К—въ и жена его, Анна Павловна, по Покровской моленной облачаются, какъ и Б—ны. Павелъ Назаровичъ Р—въ, по Ѳедосѣвскому согласію, ради антихристовыхъ наградъ, вдался въ разныя непотребства, участвуетъ въ сонмищахъ антихристовыхъ, клубами называемыхъ, играетъ въ карты, нумерныя зерна (лото), посѣщаетъ бѣги, куритъ сигары. Иванъ Васильевичъ С—въ, по Ѳедосѣвскому согласію, куритъ сигары. Братъ его, Иванъ же Васильевичъ С—въ, по Ѳедосѣвскому согласію, предался изученію черной магіи, разгнѣвалъ демоновъ до того, что они на немъ разорвали рубашку; молитвами наставниковъ хотя и отчитанъ, но еще бѣсъ въ немъ пребывающій часто водить его въ театръ. Семень (жена его Анна Кондратьевна) и Емельянъ И—вы, по Ѳедосѣвскому согласію, облачаются въ ѣздѣ верхомъ на иноземныхъ сѣдлахъ, въ одѣянїяхъ соблазнительныхъ; Анна Кондратьевна въ стягиваніи тѣла своего ради потѣхи демонской (ворсетъ, надѣваемый на балы), въ ношеніи даже, въ самой моленной, иноземныхъ перчатокъ изъ собачьей шкуры (лайки), оскверненіе чрезъ это самого молитвеннаго храма. Ерофей Аванасьевичъ К—въ, по Покровской моленной, облачается въ риставіи на бѣгу и въ челоуѣкоугодіи въ этомъ мастерствѣ. Иванъ и Павелъ Васильевичи О—вы, по Ѳедосѣвскому согласію, въ куреніи сигаръ. Афиногенъ Н—въ, Николай Н—въ и Ефимъ Ѳедоровичъ Г—въ, всѣ трое, по Покровской моленной, облачены въ куреніи сигаръ, питіи кофе и яденіи мяса. Книжные Пре-

ображенскаго кладбища: Кузьма В—въ и Петръ В—въ сами сознались, что при витіи водки демонъ понуждаетъ ихъ курить сигары въ сараѣ, гдѣ покойниковъ ставятъ (Ист. оч. попов. П. Мельн. стр. 20). Еще и доселѣ не многіе московскіе раскольники осмѣливаются, не слушаясь проповѣдей темныхъ начотчиговъ и не боясь ихъ эпитимій, выѣзжать въ коляскахъ подъ „Новинское“ и въ „Совольники“, и тамъ, въ строгомъ молчаніи, созерцать шумную суету міра сего. На „Рогожскомъ кладбищѣ“ до сего времени мужчины должны ходить въ часовню не иначе, какъ въ кафтанѣ стараго покроя, а женщины въ сарафанахъ, съ головами, покрытыми платками въ роспускѣ...

Безпоповщинская догма безбрачія и поголовнаго на землѣ дѣвственности тысячи женщинъ облакаетъ насильно въ хламиду монашескую, съ раскольничьими чотками, и вотъ какіе результаты этого противоестественнаго положенія несчастныхъ женщинъ.

Мы имѣемъ подъ руками „исповѣдь“ одной изъ тѣхъ несчастныхъ жертвъ противуестественной раскольничьей догмы повальнаго дѣвственности, которыя насиліемъ своего положенія доводятся до омерзительнаго состоянія всѣхъ внутреннихъ помысловъ души... „Исповѣдь“ эта послана была по почтѣ начотчику, что дѣлывалось и дѣлается раскольниками, получающими тѣмъ же путемъ и разрѣшенія. Исповѣдь, написанная церковнымъ полустановомъ, начинается такъ: Г. І. Х. С. В. П. Н. (т. е. Господи Иеусе Христе Сыне Божій помилуй насъ). Прости мя отче святыи, согрѣшила предъ Владыкою и предъ тобою, всячески грѣшила отъ юности до сего время, вошку грудью кормила... Ходила на игрища цѣловать мужчинъ... Чужаго младенца грудью кормила... Цѣловала мужчинъ въ хоровахъ... На реляхъ (качеляхъ) качалась... О милонъ бобами ворожить ходила... На себя смерти просидла отъ Бога и отчаялась... На образа гляжу, а сама мыслію блудъ творю... Съ кадила угли уронила... Мужскую одежду надѣвала, волосниги надѣвала... Барсучьимъ саломъ мазалась... Баялась, что постриглась и скверное помышленіе всегда помышляю, какъ въ міру жены живутъ съ мужьями... Плотию разжигаясь на всяку скотину, какъ увижу, что лизуть... Послѣ отпуска съ кадила угли пила... Въ мантіи, во всемъ чину до вѣтру ходила, съ лѣсовками куръ шунала... Свя-

щенника (т. е. начотчика) соблазнила, съ священникомъ цѣловалась тайно... Мать матушку обманула, сказала, что изъ кельи поѣду книгу куплю, а вмѣсто книги поѣду къ нему (иконописцу) и сама къ нему зайду повижусь, не вижу—тоскую... Всякія скверныя мысли одолѣвають, по вся минуты плотію разжигаюсь... Увы! горе душе моя, заповѣдямъ Господнимъ преступница, на Богахульница. Духа Святаго оскорбительница! Прости мя отче святыи въ семь вѣщъ и въ будущемъ. Аминь!”

Мы три четверти грѣховъ выпустили изъ сей „исповѣди“, такъ какъ выраженія эти совсѣмъ уже не печатныя, и когда читаемъ полную исповѣдь, то волосы дыбомъ становятся на головѣ. За человѣка страшно, страшно за сотни тысячъ женщинъ, до мозгу костей нравственно растлѣнныхъ и заживо схороненныхъ въ душевныхъ раскольничьихъ кельяхъ, недоступныхъ всякому наружному свѣту и самому голосу человѣчества... благодаря нашему равнодушію къ судьбѣ этихъ несчастныхъ и сѣтямъ, хитро разставленнымъ для нихъ „пустосвятами-начотчиками“. Единственная исключительная забота этихъ вязателей и разрѣшителей грѣховъ по почтѣ за мѣдные пятаки заключается въ томъ, чтобы подавить умственную жизнь чуть не милліона русскихъ женщинъ и довести все ихъ внутреннее существо до омерзительнаго безобразія, по каплямъ вливая въ ихъ души ядъ нравственной отравы, взятый ужъ конечно не изъ ученія Христа... и заставляя ихъ видѣть за порогомъ раскольничьей кельи вѣчную погибель, адъ крошечный, грозныя проклятія и небесныя громы, готовые разразиться надъ головою всякой, которая осмѣлится перешагнуть чрезъ эти пороги... Въ такихъ герметически закупоренныхъ тайникахъ съ одинаковою силою поражается громами проклятій любовь поэтическая, хотя бы чистая и прозрачная, какъ горный хрусталь, одно мгновеніе счастья которой вознаграждаетъ за тысячу неприятностей, но за то за „мѣдный пятакъ“ легко отпускается стояніе предъ иконами съ мыслями о счастіи находящейся на дворѣ скотины... при взглядѣ на которую молящаяся предъ образами разжигается плотію... и на задушенную свою страсть собственноручно наваливаетъ надгробный камень, вырѣзавъ на немъ слова: „все осквернено!“

XVIII

ЮАННЪ КРЕСТИТЕЛЬ

и

ВАРВАРА МУЧЕНИЦА.

I.

АНТИХРИСТЪ.

Въ 1811 году, по Воронежской губернии разнесся слухъ о явленіи Іоанна Крестителя и Варвары Мученицы на землѣ... Народъ заговорилъ о кончинѣ міра, о явленіи Антихриста. Антихристъ этотъ, какъ извѣстно, не сходитъ съ устъ русскаго человѣка еще съ Алексѣя Михайловича, со времени исправленія церковныхъ книгъ, и патріархъ Никонъ, по словамъ исторіи, былъ первый окрещенъ этимъ именемъ, а затѣмъ Антихристомъ провозглашался вслѣдствіе, что попадался подъ руку народу въ припадкѣ его озлобленія... Вотъ почему всякій, кому вздумалось бы поугатъ народъ Антихристомъ, могъ всегда рассчитывать на успѣхъ и почетъ проповѣдника. Положеніе народа нерѣдко предрасполагало его въ воспріятію безъ разбора всякихъ слуховъ о кончинѣ міра, о пришествіи Антихриста, и стоило явиться любому Сидору, или Барпу и

сказать, что наступает кончина міра и явится уже Антихристъ, какъ народъ повалить къ проповѣднику и будетъ слушать его, ро-
вня ротъ...

Предъ началомъ 1812 года, когда умы русскихъ людей были встревожены военными успѣхами французовъ и побѣдами Наполеона I, о кончинѣ міра легко могъ заговорить всякій, кому бы захотѣлось это сдѣлать, или изъ шутки, или по слѣпымъ фанатическимъ религіознымъ убѣжденіямъ. И вотъ на такой-то почвѣ, подготовленной вдобавокъ страхомъ, поражаемымъ вымышленнымъ рассказомъ о Наполеонѣ I, не замедлили на самомъ дѣлѣ явиться предвозвѣстники кончины міра. Новохоперскаго уѣзда Воронежской губерніи, въ селѣ Троицкомъ Юртѣ, изъ экономическихъ крестьянъ явился вдругъ Іоаннъ Креститель, значившійся по записямъ раскольникомъ Иваномъ Перфильевымъ, окруженный 6-ю апосталами, раскольниками же: Емельяномъ, Андреемъ и Анастасіемъ Абросимовыми, Иваномъ Кирѣевымъ, Кирѣемъ Костинымъ и отставнымъ солдатомъ Андисіемъ Боярищевымъ, съ 7-мъ персонажемъ, Великомученицею Варварою, обазавшеюся, по ревизскимъ записямъ, крестьянскою дѣвкою Варварою.

— Послушайте народъ русскій! заговорилъ Іоаннъ Креститель, —
Приближается кончина міра, явился Антихристъ и грядетъ въ Россію изъ страны французскія, изъ-за моря Тиверіадскаго, ему же имя
Число Звѣрино 666.

— Ты съ неба? спрашивали слѣпотетвующіе Іоанна Крестителя.

— Съ седьмаго неба! самъ Саваоѳъ послалъ меня возвѣстить народу объ этомъ. Вотъ и Варвара мученица ниспослана со мной.

— Молись, значить, народъ! чего же тутъ смотрѣть, говорили слушатели. Твори крестное знаменіе и обнажай главу отъ шапокъ. Шапки дѣйствительно летѣли съ головъ слушателей. Іоаннъ Креститель говорилъ:

— Гремятъ громы, земля обливается кровію и адъ разверзается. Народъ! твори крестное знаменіе на челѣ твоемъ и молись!

И на Ивана Перфильева, одѣтаго въ разорванный, съ лохмотьями, зипунничко, долженствовавшій изображать рубище, въ которомъ ходилъ Іоаннъ Креститель, замолились...

— Подати, значить, платить шабашъ? конечно? приставали съ

вопросами въ посланнику неба заинтересованные этою тяжелою повинностію.

— Какія тутъ подати! о небѣ помышляй, о горнемъ разсуждай! отвѣчалъ Іоаннъ Креститель.

Барвара Мученица, одѣтая въ сѣрый сарафанъ, кивала при этомъ головою въ знакъ одобренія.

— Молись, значить, народъ! заговорили слушавшіе.

— О небѣ помышляй! вторили другіе.

— О горнемъ разсуждай! гудѣли третьи.

— Сборщика податей, значить, долой? явились голоса.

— Како тутъ! заговорили всѣ единогласно.

— Молись народъ! гудѣла толпа.

— О небѣ помышляй!

— Молись народъ!

— О горнемъ разсуждай!

Сборщикъ податей однако откуда, на бѣду, ни возмися, боясь кончины міра и пропажи податей, сталъ приставать, чтобы народъ расплатился предъ кончиною міра и очистилъ его предъ начальствомъ...

— Не слышишь развѣ, скаредъ, что міръ совсѣмъ кончается? говорили ему о небѣ помышлявшіе. — Экъ Іуда сребролюбецъ!

— Предписанія объ этомъ не имѣю отъ начальства, отвѣтилъ сборщикъ податей.

— Ахъ ты Ома маловѣрный, съ предписаніями тутъ лѣзеть! кричала толпа.

— Бумагъ объ этомъ никакихъ нѣтъ, съ меня самого взыщутъ! твердилъ сборщикъ податей.

— Что?

— Деньги въ податъ!..

— За что?

— Не мое дѣло! съ меня самого взыщутъ. Засѣдателю донесу.

— Тузить его, народъ! Скаредъ эдакой!..

И сборщика податей избили, оставивъ еле-жива.

— О небѣ, скаредъ, помышляй, а не о податяхъ! приговаривали тузившіе.

— О горнемъ разсуждай! вторили другіе.

Сборщикъ податей, прибывшій до безпаметства, пересталъ кричать.

— Теперь молись народъ! загудѣли всѣ голоса. О небѣ помышляй!

— О горнемъ разсуждай, вотъ что!..

Сборщикъ податей ваялся безъ чувствъ до слѣдующаго дня.

II.

КОНЧИНА МІРА.

На другой день, очнувшись, сборщикъ податей послалъ обо всемъ донесеніе въ земскій судъ, второй прислалъ въ село „Троицкій Юртъ„ дворянскаго засѣдателя Румынина для производства дознанія.

Румынинъ пріѣхалъ на мѣсто.

— Почему вы податей не платите? спрашивалъ онъ слушателей Іоанна Крестителя.

— Незачѣмъ! міръ кончается, отвѣчалъ народъ.

— Что-о-о?

— Міръ кончается! отвѣчали всѣ единогласно.

— Это что за исторія?

— Ужъ это вѣрно! На тотъ свѣтъ съ собой ничего не повезешь...

— Кто вамъ навралъ объ этомъ?

— Вѣсти принесены съ седьмаго неба.

— Да кѣмъ же?

— Вотъ самъ Іоаннъ Креститель прибылъ и Варвара Мученица съ нимъ.

— Ахъ вы дурачье! кричалъ засѣдатель.

— Тише! Скинь прежде шапку-то и преклонись.

— К-а-к-ъ?

— Шапку долой, бусурманъ! святые люди предъ тобою.

Засѣдатель при такомъ оборотѣ дѣла чувствуетъ себя неловко; онъ же прибылъ безъ стражи, съ пустыми руками. Перспектива

повторенія исторіи съ сборщикомъ податей стала рисоваться предъ нимъ во очію...

— Образумьтеса! сталъ увѣщевать Румяннинъ, спустивши тонъ рѣчи.

— Самъ образумься!..

— Я донесу начальству высшему и вамъ будетъ худо.

— Ч-т-о-о?

— Губернатору донесу...

— Нечего теперъ бояться вашего брата! Міру наступаетъ конецъ, идать Антихристь. Подати всякія „шабашъ“! Понялв?

При этихъ словахъ Іоаннъ Креститель выступаетъ впередъ и проповѣдуетъ народу кончину міра, Варвара Мученица киваетъ въ таетъ головою, а 6 апостоловъ стоятъ розиня ротъ и хлопаютъ глазами.

— Вы кто такіе? спрашиваетъ послѣднихъ засѣдатель.

— Мы?

— Да вы?

— Мы апостолы!

— Какъ апостолы? Ужели съ неба?

— Нѣтъ, здѣшніе обыватели!...

Хохоть... Толпа этимъ обижается и наступаетъ на засѣдателя.

— Тузить его! послышались голоса.

— Тузить... Чтобъ о небѣ помышлялъ!— Чтобъ о горнемъ разсуждалъ.

Засѣдатель едва ускользаетъ изъ толпы и скачетъ въ городъ съ донесеніемъ обо всемъ земскому суду.

III.

Гдѣ много воды, тутъ и черпаютъ.

Пріѣзжаютъ, наконецъ, и весь земскій судъ въ село „Троицкій Юртъ“ съ засѣдателями, страпчимъ, понятыми и небольшимъ числомъ стражи.

Народъ заволновался больше.

Судъ выразилъ желаніе видѣть лично Іоанна Крестителя, апостола его и Варвару мученицу. Посланному отвѣчали, что наступаетъ конецъ міра, скоро будетъ свѣту-преставленіе... и потому такія церемоніи неумѣстны теперь; негодно ли, дескать, будетъ, самому суду пожаловать къ Іоанну Крестителю и его избранному стаду.

Судъ уступаетъ и отправляется къ дому Абрисимова.

Іоаннъ Креститель, съ расстеганными волосами, въ дырявомъ одѣяніи, окруженный апостолами, Варварою мученицею, повязанною пестрымъ платкомъ, и нововзбраннымъ стадомъ своимъ, запершись во дворѣ Абрисимова, не заблагоразсудилъ однако же впустить къ себѣ судъ и проповѣдуетъ народу обычную свою проповѣдь. „И родился сей нечестивецъ (т. е. Наполеонъ I) отъ колѣна Давова, отъ дѣвки жидовки чрезъ римскихъ папъ, Лютера и Никзона и нарицается Титинъ преисподній, злонаставникъ невидимый, Четвероюнта сынъ, имя разныхъ тиранъ, по еллински Аввадонъ, по еврейски Наполионъ, по гречески Бонапартъ, и по словенски Антихристъ...“

Толпа: охъ, хо, хо!

„И, воздвигъ сей Наполионъ ужасное кровопролитіе, и никакія силы одолѣти его не могутъ. Только догонятъ его воины Моисеевы-казаки и ратники бородаты со крестами... (вѣроятно русскіе омолоченны). И будетъ онъ короноваться въ Парижѣ, гдѣ и возсядетъ на высочайшемъ престолѣ о 24 ступени подъ великимъ балдахникомъ. Царя же римскій, угождая врагу Божію, передастъ ему свою власть и будетъ получать жалованья отъ антихриста 666,000 руб. Ту и послѣдуетъ кончина міра!“

— Отоприте! требовалъ судъ.

Собраніе зашло пѣсни загобныя:

Антихристовы дѣти

Простирають на насъ сѣти

Хотятъ насъ уловити

Антихристу покорити!

Душе моя умилася

Уныла укврѣпсся и проч.

— Отоприте, или будетъ употреблена сила! повторяетъ судъ свое требованіе.

Пѣніе усиливается.

— Отоприте же!

Пѣніе: Душе моя, душе моя
Возстань, что спиши?
Конѣцъ приближается,
Имаши смутитися
Возстань убо...

— Будеть куда, если не отопрете! увеличиваетъ судья.

Понятые приступаютъ къ напору въ ворота. Собраніе мнимоважно
перешло въ новый тонъ и велегласно загло.

Христось воскресъ изъ мертвыхъ!

Понятые: Отоприте, мы сломаемъ двери!

Голоса: Христось воскресъ!

— Пожжемъ.

Голоса: Христось воскресъ!

Двери дѣйствительно стали ломаться.

Вдругъ собраніе умаяло, ворота съ шумомъ отворились и стадо
Іоанна Крестителя съ пиками, топорами и косами бросается на судью,
на понятыхъ, на стражу, на православную публику, ошедшуюся по-
смотреть на зрѣлище и началась свалка. Судья, стража и понятые,
уступая силѣ, наконецъ разбѣжались. Апостоль Андрей Абреви-
мовъ убиваетъ при этомъ до смерти понятыхъ изъ экономическихъ
крестьянъ, Маріона Голякова. Нѣкоторые изъ окрестныхъ жителей
успѣли однако схватить послѣ нѣкоторыхъ усилій убійцу и отвезли
въ слободу „Красную“, куда скрылся и разогнанный судья. Стадо
Іоанна Крестителя не унялось и устремилось за судомъ въ погоню,
силаясь по дорогѣ отбить схваченнаго апостола, убійцу Голякова.

— Стремись стадо мое! взываетъ Іоаннъ Креститель. Насталь
конѣцъ міру, пришелъ на землю Антихристъ. Сотвори брава въедию.

— О небѣ помышляй! шумить стадо его.

— О горнемъ разсуждай!

Новозбранное стадо Іоанна Крестителя отбиваетъ наконецъ въ
погонѣ зеркало судейске, иравное сузно (вещи эти въ то время
возились судомъ съ собою на мѣсто заѣзданій) и изрубаеть все
это топорами и косами на мелкіе куски.

Молись народъ! говорилъ апостоль, міръ представляется:

Гелоса: — О небѣ помышляй!

— О горнемъ разсуждай!

IV.

Т Ю Р Ь М А.

По минованіи катастрофы, земскій судъ немедленно донесъ обо всемъ этомъ происшествіи рапортомъ воронежскому губернатору, который, съ своей стороны, донесъ министру внутреннихъ дѣлъ, тайному совѣтнику Осипу Петровичу Козодавлеву, изъясняя, что поведеніе раскольниковъ Новохоперскаго уѣзда, сбившихъ съ толку и православныхъ, представляетъ буйство и безначаліе, выходящее изъ предѣловъ государственнаго порядка, почему онъ, губернаторъ, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1801 года, отнесся къ преосвященному Антонію, епископу воронежскому и черкасскому, командировать со стороны духовной депутата при производствѣ слѣдствія надъ преступниками; суду же предписалъ по прибытіи того депутата приступить къ слѣдствію, стараясь при этомъ сколько возможно снисходительными совѣтами и терпѣніемъ привести ихъ на путь истины; виновнаго же въ убійствѣ крестьянина Ларіона Голякова и зачинщиковъ бунта, а именно: мнимого Іоанна Брестителя, съ таковыми же Варварою Мученицею и епископами, содержать подъ стражею, въ тюремномъ замкѣ...

Государь Императоръ, на Всеподданнѣйшемъ о семъ происшествіи докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: „отправить въ село Троицкій Юртъ воинскую команду, забрать всѣхъ ослушниковъ законной власти и поступить съ ними по всей строгости законовъ“.

Дальнѣйшая участь всѣхъ лицъ, судимыхъ по этому дѣлу, по архивнымъ источникамъ не прописана.

XIX

РАСКОЛЬНИКЪ КУЗЬМА ТЕРЕНТЬЕВЪ СОЛДАТЕНКОВЪ

и

АГАВЬЯ РАХМАНОВА.

I.

МОСКОВСКІЯ ЗАТЪИ.

Московскій раскольникъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ, вмѣстѣ съ Рахмановыми, считается принадлежащимъ къ тѣмъ сектаторамъ, которые, купивъ ¹⁾ на серебряные рубли раскольниковъ іерархію въ

¹⁾ Записка В. А. Сапѣлкина 1860 г. стр. 13. Отчеты оберъ-прокурора Св. Синода съ 1862—1868 г. Расколъ, какъ орудіе враждебной Россіи партіи. Москва 1867 г. Н. Субботина. Архив. Дѣло о Кочувѣ 1843 г. № 177, 1853 № ²/₅₁₈. Историч. очеркъ единовѣрія 1867 г. М.—С. изд. прот. Т. Верховскаго. Архив. Дѣло 1853 г. № 62. Присоединеніе къ православію раскол. епископовъ. Москва 1866. Н. Субботина. Современ. движенія въ расколѣ его же въ Русск. Вѣстн. 1861—1868 гг. Арх. слѣдств. дѣло особой Высочайшей комиссіи 1854, 1855 г. Записка Арсеньева о Рогожскомъ кладбищѣ. Сборникъ Распоряж. по части Раскола 2 т. Исторія Минист. Внутр. Дѣлъ Н.

Австріи, состоящую, въ послѣднее время, изъ безграмотныхъ мужиковъ, чуть не дерущихся за волосы между собою изъ-за первенства причинили этимъ не малое *огорченіе всему русско-му Царскому Дому*, много хлопотъ русской литературѣ, а еще больше несчастій русскому народу... Покойный императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о затѣвѣ московскихъ богачей относительно устройства бѣглой заграничной іерархіи, собственноручно начертилъ на докладѣ министра иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „сообщить г. Нессальроду, съ тѣмъ, чтобы повторилъ мое рѣшительное требованіе отъ австрійскаго правительства, чтобы мнимый монастырь въ Буковинѣ былъ немедленно закрытъ, а *самозванецъ-епископъ* высланъ, *какъ бродяга* и объявить Австрійскому правительству, что ежели я не получу скорого удовлетворенія въ справедливыхъ моихъ настояніяхъ, я вынужденъ буду прибѣгнуть къ инымъ, крайне мнѣ прискорбнымъ мѣрамъ“. Независимо отъ сего, когда правительство русскаго государя представило ему необходимость принять мѣры къ наблюденію за „богатыми раскольниками московскими“, то покойный Императоръ собственноручно же написалъ: „предъявить секретному комитету: ежели съ одной стороны подобное тайное наблюденіе представляетъ нѣкоторыя пользы, то съ другой—явныя уже дѣйствія раскольниковъ и *дерзость ихъ* требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, дабы зло не расплодилось такъ, что силой придется его останавливать“. Безпокойство правительства увеличивалось затѣями „московскихъ богачей“ со дня на день, и все это *сильно огорчало государя*, который, въ 19 день мая 1847 года, Высочайше повелѣлъ: „предоставить министру внутреннихъ дѣлъ, при содѣйствіи шефа жандармовъ, продолжать неослабно секретныя наблюденія за дѣйствіями раскольниковъ и принимать безотлагательно мѣры къ прекращенію вредныхъ ихъ сношеній съ Буковинскими раскольниками; при появленіи же въ нашихъ предѣлахъ заграничныхъ раскольниковъ для переговоровъ съ нашими сектаторами, брать таковыхъ, прибывшихъ

Варадинова томъ VIII. Исторія распорж. по расколу. Сбор. стар. Н. Попова. Данесавія. о. Б. Солдатенковъ. Арх. Дѣл. съ 1883—1865.

изъ-за границы раскольниковъ подъ арестъ, для секретнаго изслѣдованія ихъ вредныхъ замысловъ и поступленія по существующимъ законамъ“. Деньги московскихъ богачей дѣлали, однако, свое дѣло; раскольники собирали деньги съ народа, складывали десятки и сотни тысячъ въ кучу, *не взирая на огорченіе своего царя*, не щадя *безпокойства* правителей его, и въ самодовольствѣ, собирая постоянныя совѣщанія на рогожскомъ кладбищѣ, мысленно готовили слѣдующую потѣху своему самолюбію: не поща какого нибудь бѣглаго, что на сиваго жеребца церковь смѣняла, не какого нибудь скитскаго игумена, бродящаго за сборомъ, а самого преосвященнаго владыку изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ инымъ образомъ его „поначалить!“ Такіе расчеты имѣли рогожскіе богачи. Между тѣмъ народъ русскій, и безъ того слѣпой, погрозилъ по уши въ тинѣ невѣжества, замолился на московскихъ милостивцевъ, величая ихъ громкими именами „столповъ древняго благочестія“. И забился этотъ слѣпой народъ, въ количествѣ не одного милліона, въ мрачныя молельни съ бѣлыми понами изъ бредягъ, отставныхъ солдатъ и монастырскихъ служекъ отвергнувъ живую грамоту, живыя знанія и твердя до гроба, что все въ мірѣ оквернено, введу печать антихриста... Затѣмъ московскихъ богачей вызвали нѣкоторый протестъ со стороны умныхъ лицъ изъ ихъ же среды, и для исторіи нашей сохранилось, между прочимъ, слѣдующее письмо одного изъ бывшихъ раскольниковъ, потомъ перешедшаго въ единовѣріе Владиміра Андрѣева Санѣльина къ раскольнику Кузьмѣ Терентьеву Солдатенкову. Вотъ это знаменательное письмо честнаго и необычайно умнаго человѣка къ Солдатенкову.

„Любезный другъ! Не безъ особеннаго намѣренія я употребляю это названіе. Я хочу напомнить имъ о той взаимной дружбѣ, которая существовала между нами до роковаго 1854 года. Я говорю роковаго; да, этотъ годъ былъ для насъ временемъ исполненія словъ Спасителя нашего, сказанныхъ Имъ о послѣдствіяхъ Своего пришествія на землю: „не мните, яко придохъ воврещи миръ на землю: не придохъ воврещи миръ, но мечъ. И врази чловѣку домашніи его“. Сбылись, самымъ буквальныймъ образомъ сбылись надъ нами сіи слова Спасителя. Въ какихъ дружескихъ отношеніяхъ мы

находились одинъ къ другому до 1854 года? Какое рѣдкое согласіе являлось въ мысляхъ и чувствахъ нашихъ! Одни разсужденія о предметахъ вѣры и благочестія, одно воззрѣніе на плачевное состояніе тогдашнихъ дѣлъ любезнаго намъ старообрядчества, одна скорбь при видѣ жестокости запустѣнія, стоящей на мѣстѣ святѣ; одна ревность противъ безпорядковъ и безчинія тогдашнихъ нашихъ духовныхъ пастырей, недостойныхъ носить на себѣ сіе великое названіе; одно неудержимое желаніе переменъ на лучшее; одна мысль объ открытіи на Рогожскомъ кладбищѣ церкви съ правильнымъ священствомъ, мысль, къ осуществленію которой, при освященіи храма Высокопресвященнымъ при коммерческомъ училищѣ, ты постоянно и неумолчно побуждалъ меня, являя великую къ тому ревность и обѣщая самое сильное пособіе. Но увы! все это было только до тѣхъ поръ, пока я еще не выступалъ изъ среды, чтобы идти прямымъ путемъ къ достиженію предполагаемой цѣли; но въ то же самое время, какъ я, возбужденный и ободренный тобою, сдѣлалъ первый шагъ впередъ, ты первый, или въ числѣ первыхъ, сдѣлалъ отступленіе назадъ, и измѣнившись въ своихъ прежнихъ чувствахъ, оставилъ меня одного бороться со всѣми трудностями и препятствіями въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ.

Я не говорю о томъ затруднительномъ положеніи, когда я остался одинъ, безъ человѣческихъ пособій, которыми былъ ободренъ; впрочемъ, оно тебѣ очень извѣстно и, при единственной помощи Божіей, все кончилось такъ, какъ я никогда не могъ ожидать: теперь я совершенно спокоенъ, и по духу, и по внѣшнему моему состоянію. Но моя скорбь, неутихающая скорбь о томъ, что съ сего самаго времени ты измѣнилъ ко мнѣ свои отношенія, что сіи отношенія приняли совершенно превратное направленіе, когда скрывавшійся дотолѣ между нами, старообрядцами, какъ странникъ и пришлецъ, въ бѣглыхъ священникахъ, Іисусъ Христосъ явно и открыто пришелъ къ намъ, въ лицѣ Своей церкви и съ правильнымъ священствомъ, и принесъ съ собою, по премудрому и благому своему смотрѣнію, мечъ разлученія; ты, къ несчастію, поднималъ сей роковой мечъ и разсѣкъ союзъ дружбы и единомыслія, связующій насъ, а вмѣстѣ съ симъ отобѣкъ и себя отъ единенія

съ тою церковію, открытію которой вполнѣ сочувствовалъ, подавалъ совѣты и наставленія, даже побуждалъ не медлить, но приступить къ начатію предположеннаго. И вотъ уже пять лѣтъ, какъ я лишень счастья также сладко бесѣдовать съ тобою, какъ тогда, откровенно и безъ принужденія, изливать мысли и чувстваванія души.

Но мое дѣло искать, или предполагать причины такой быстрой перемены въ твоихъ мысляхъ, чувстваваніяхъ и убѣжденіяхъ; я скажу только о себѣ, что я доселѣ остаюсь къ тебѣ одинаковъ, что во мнѣ сохранились безъ измѣненія тѣ же чувстваванія въ отношеніи тебя; и если они доселѣ не высказывались, то единственно потому, что я считалъ сіе неблаговременнымъ, даже бесполезнымъ, а именно: поставленный несповѣдимымъ Промысломъ дѣйствовать во главѣ новаго общества церкви, по дѣламъ которой я долженъ былъ принять все попеченіе и заботы, я не высказывалъ тебѣ своихъ чувстваваній, опасаясь подозрѣнія въ неискренности, что голосъ дружбы будетъ принятъ за корыстныя выраженія. — Нынѣ, изъ официально-церковнаго человѣка ставъ частнымъ членомъ церкви, я безъ опасенія въ подозрѣній могу говорить съ тѣми, къ которымъ чувство дружбы сохранилось во мнѣ во всей своей силѣ. — И вотъ я хочу говорить съ тобою, какъ съ другомъ, и говорить ни о чемъ либо другомъ, но продолжать прерванное пять лѣтъ тому назадъ наше собесѣдованіе, въ которомъ ты живо сочувствовалъ мнѣ, но которое, когда начинало осуществляться, послужило потомъ, какъ я уже сказалъ, поводомъ къ нашему разъединенію.

Другъ! при твоёмъ природномъ умѣ, при твоей образованности; завершенной въ послѣднее время заграничнымъ путешествіемъ, можно ли предполагать, чтобы ты совершенно отказался отъ прежнихъ своихъ прямыхъ и правильныхъ убѣжденій о церкви, и вполнѣ принялъ *грубыя и невѣжественныя соплѣтенія нынѣшнихъ старообрядцевъ о архіерархіи* такъ называемой, *австрийской*. Не думаю, чтобы твой свѣтлый взоръ, въ этой нехитро составленной *баснѣ*, не могъ усмотрѣть козней исконнаго злодея и врага всякой истины — діавола, чтобы въ нынѣшнемъ устройствѣ старообрядчества, *подъ антихристовымъ правленіемъ*

австрийской лжеиерархii, не могъ ты видѣть измѣненiе, или лучше, — совершенное извращенiе порядка, котораго держались наши дѣды и отцы. — Нынѣшнее устройство сказаннаго старообрядчества есть совершенное отступничество отъ церкви, всецѣлое отсѣченiе отъ участiя въ ея единствѣ, даже и косвеннымъ образомъ; тогда какъ въ прежнее время, какъ предки наши, такъ и мы признавали всегда единство вселенской церкви, именно той, часть которой составляетъ и Россiйская Церковь, и признанiе это подтверждали тѣмъ, что въ ней единой искали для себя освященiя, принимая къ себѣ пастырей только въ ней поставленныхъ. — Мы находили въ ней только нѣкоторыя, кажушiяся намъ неисправности и уиущенiя противъ древле-свято-отеческихъ преданiй въ отчужденiи обрядовъ, употребляемыхъ при совершенiи богослуженiя и таинствъ, что возмущало насъ и заставляло искать средства совершать ихъ по совѣсти; и мы искали эти средства не въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, а тамъ, гдѣ слѣдовало ихъ искать, т. е. въ той же церкви; но только какiя средства? Мы, такъ сказать, *подбирали мнiмые обломки*, которые церковь *извергала*, или готова была извергнуть *отъ себя, какъ негодные* (я разумѣю бѣглыхъ священниковъ), и изъ этихъ-то ветхостей мнили совершить прекрасное зданiе, отъ котораго чаяли себѣ спасенiя.

Теперь только мы узнали, что это было дѣйствительно такъ; но тогда мы сего не понимали. И благодаренiе Господу Иисусу Христу, Главѣ Церкви, который быть можетъ и за то, что мы хотя не право, но все-таки держались единенiя Церкви, не предалъ насъ, какъ многихъ изъ несчастныхъ нашихъ собратьевъ, принявшихъ австрийскую лжеиерархiю, въ неискусенъ умѣ творити неподобныя, но въ самой той же церкви, къ которой мы и всегда относились, уважалъ намъ настояшiя средства, могущiя вполне удовлетворить духовнымъ нашимъ потребностямъ и успокоить нашу совѣсть. — Церковь, какъ чадолубивая мать, болѣвзнуя о нашемъ заблужденiи, видя насъ всегда алчущими и жаждущими духовно и всегда остающимися безъ удовлетворенiя, подала намъ руку помощи, вывела насъ на прямой путь, давъ намъ свободу, вмѣсто нѣкоторыхъ недостойныхъ, тайно принимаемыхъ нами, избирать изъ всѣхъ своихъ пастырей, которыхъ мы найдемъ болѣе способными удовлетворить своимъ ду-

ховнымъ нуждамъ. — При избраніи же священниковъ дается намъ право, а избранные священнослужители обязываются въ точности, безъ малѣйшаго отступленія, исполнять всѣ обряды по старымъ частнымъ богослужебнымъ книгамъ. — Сверхъ всего Церковь, вмѣсто насъ неопытныхъ сыновъ ея, бдительно наблюдаетъ за точнымъ и неупустительнымъ исполненіемъ всего того, что намъ такъ дорого, и что, какъ мы думали прежде, составляло предметъ гоненія ея противъ насъ и заставляло насъ чуждаться ея. Нѣтъ не старообрядчество преслѣдуетъ церковь, *а злоупотребленія и своеволія*, которыя совершаются подъ именемъ старообрядчества, какъ, напр., *учрежденіе лжеіерархіи*, самовольное поставленіе епископовъ, священниковъ и діаконовъ и совершеніе чрезъ нихъ богослуженія и требъ, въ соблазнъ всѣхъ православныхъ; *правильное же старообрядчество она беретъ подъ свое покровительство и обезпечиваетъ законною властію.*

Такииъ образомъ, принявъ Церковь съ ея правильнымъ священствомъ, мы не только ничего не потеряли въ отношеніи старообрядчества, а напротивъ, приобрѣли столько, что никогда не могли надѣяться получить и малѣйшей части того, что теперь имѣемъ. Прежде все зависѣло отъ капризовъ одного какого-нибудь выходца, который по своему произволу игралъ судьбою старообрядчества, отчего оно, вначалѣ единое, впоследствии раздробилось на множество мелкихъ частей. — Нынѣ же каждый законный старообрядческій, или что тоже — единовѣрческій священникъ за честь себѣ поставляетъ въ точности и какъ можно отчетливѣе исполнять все касающееся до старообрядчества, а еслибы и вздумалъ кто либо едѣвать какое умышленное опущеніе, то тотчасъ, по открытіи сего, былъ бы подвергнутъ штрафу.

Послѣ сего чего желать? чего домогаться? Кому истинно дороги древле-отеческія преданія, кто только одно имѣетъ въ предметъ, чтобы правильно исполнялась божественная служба по симъ преданіямъ, и желаетъ сего искренно и чистосердечно, тому, при теперешней материнской снисходительности церкви, ничего болѣе не остается, какъ воспользоваться сею снисходительностію и, принявъ отъ нея законныхъ пастырей, для усвоенія совѣсти, приносить

черезъ нихъ очистительную о своихъ согрѣшеніяхъ жертву Богу, по тѣмъ обрядамъ и обычаямъ, къ которымъ мы привыкли.

— Другъ! путь проложенъ надежно, дверь отворена; церковь приходящему простираетъ свои материнскія объятія. Что еще медлить, для чего оставаться въ нерѣшимости? чего опасаться? Ты уже и такъ долго медлилъ за прагомъ церкви. Неужели это медленіе еще продолжится? Нѣтъ; я увѣренъ, что мой образованной другъ, при свѣтѣ ума, имѣетъ на столько силы воли, чтобы вдругъ страхнуть съ себя всю тяжесть невольной покорности *зablужденію, метущую его совѣсть*, чтобы тѣмъ же мечемъ разлученія, которымъ онъ нѣвогда, отсѣкая меня отъ своего сердца, отсѣлъ и себя отъ соединенія съ церковію, симъ же мечемъ разсѣчь и всѣ связи, которыми онъ, *противъ ублужденія* удерживался доселѣ въ удаленіи отъ истины. Я увѣренъ въ этомъ, увѣренъ до того, что уже напередъ, въ восторгѣ сердца, поздравляю себя съ возвращеніемъ моего друга къ прежнему единомыслію со мною и къ соединенію съ давно желанною имъ церковью.

Никогда не измѣнявшійся въ дружескихъ къ тебѣ чувствахъ, сердечно преданный, съ достоюльнымъ высокоочтеніемъ,

Владиміръ Андрѣевъ Сапѣлкинъ.

II.

ПРЕДСКАЗАНІЯ САПѢЛКИНА.

В. А. Сапѣлкинъ, приобрѣтшій себѣ въ исторіи раскола *блестящую страницу*, болѣе другихъ понималъ, что продажная австрійская иже-іерархія не можетъ исправить зла и освободить старообрядчество отъ угрожавшаго ему крайняго упадка и что единственное спасеніе для старообрядчества заключается въ принятіи благословенныхъ церковью священниковъ. Эта мысль овладѣла имъ вполне и онъ задумалъ въ Москвѣ, на „Рогожскомъ кладбищѣ“, основать единовѣріе съ его законнымъ священствомъ. Въ то же время онъ понималъ и всю опасность своего предпріятія, зналъ какое

множество враговъ вооружить противъ себя и въ сильной партіи приверженцевъ австрійскаго священства, которую составляла вся купеческая аристократія Рогожскаго кладбища, и въ неменѣе опасной корпораціи кладбищенскихъ фанатиковъ старицовъ и нячетчицовъ, особенно тупоумныхъ фанатиковъ старицъ и читалокъ, которыя все спасеніе поставляютъ въ изувѣрномъ отвращеніи отъ церкви, и которыя пользуются большимъ влияніемъ и на кладбищѣ и въ московскомъ старообрядческомъ обществѣ, особенно въ жетской его половинѣ. Все это предвидѣлъ и все это дѣйствительно встрѣтилъ Владиміръ Андрѣевичъ Сапѣлкинъ, но все-таки не далъ австрійскому святотѣствителю завладѣть столь дорогимъ для него кладбищемъ и успѣлъ внести въ ограду его законное единовѣріе. Какъ только распространилась между раскольниками молва о его намѣреніи учредить на кладбищѣ единовѣріе, его пригласили въ контору, на общее собраніе членовъ кладбища, по особому, лично его касающемуся дѣлу. Это было нѣчто въ родѣ собора для суда надъ нимъ: болѣе 60-ти членовъ изъ прихожанъ кладбища собрались на соборъ. Здѣсь отъ него потребовали отчета, что такое замышляетъ онъ? Сапѣлкинъ, нисколько не стѣсняясь, объяснилъ имъ, что намѣренъ сдѣлать и по какимъ побужденіямъ. Отовсюду посыпались на него дерзкія упреки, угрозы; объявили, наконецъ, что на кладбищѣ не позволятъ ему освящать церковь и самаго оттуда выгонять. Сапѣлкинъ отвѣчалъ, что этого они не смѣютъ сдѣлать, что на кладбищѣ онъ имѣетъ такія же права, какъ и всѣ другіе. Потомъ онъ получилъ множество безымянныхъ ругательныхъ писемъ, въ которыхъ его называли Иудой Предателемъ, Аріемъ, еретикомъ проклятымъ и даже грозили ему смертью... Наканунъ самаго освященія церкви, когда онъ вѣхалъ на кладбище, его встрѣтили здѣсь криками негодованія и ругательствами; во время всенощной онъ получилъ извѣстіе, что въ его домѣ выбиты окна и что грозятъ ему пожаромъ... Всѣ эти огорченія невѣжды фанатиковъ Сапѣлкинъ переносилъ съ рѣдкимъ терпѣніемъ и христіанскимъ сповоистіемъ! Имѣя на своей сторонѣ многихъ изъ богатыхъ и имѣющихъ вѣсь въ своемъ обществѣ старообрядцевъ, Сапѣлкинъ успѣлъ въ томъ, что 28-го августа 1854 г. отъ „старообрядческаго Рогожскаго общества“

вдано было прошеніе на имя правительствующаго синода члена, Филарета митрополита московскаго и коломенскаго. На это прошеніе 20 сентября послѣдовала резолюція вмѣстѣ съ грамотою на стресненіе единовѣрческой церкви, въ которой, по утверженіи изложенныхъ пунктовъ, повторено прежнее разрѣшеніе отъ клятвы и 23-го сентября 1854 г. одна изъ часовень на „Рогожскомъ кладбищѣ“ была, наконецъ, освящена и на кладбищѣ явился первый единовѣрческій храмъ во имя св. Николая. Такимъ образомъ, лучшіе изъ нашихъ братьевъ, послѣ долгой съ нами разлуки, во-время вернулись въ нашу семью!..

„Невелико было число чадъ этой юной церкви, передаетъ въ своихъ запискахъ В. А. Сапѣлинъ: оно состояло изъ немногихъ лицъ мужскаго пола, съ которыми я дѣлился моими мыслями и настрѣніями и которые помогали мнѣ своимъ участіемъ въ устройствѣ сего святаго дѣла; но сіи немногія были какъ бы начатками будущихъ сочленовъ церкви: ибо съ теченіемъ времени многіе охотно уже стали присоединяться къ ней. Нельзя было не видѣть, какъ новообращенные единовѣрцы, другъ передъ другомъ старались выразить свое усердіе пожертвованіемъ въ новоосвященный храмъ св. Николая. Кто приносилъ священнослужебные сосуды, кто одежды для престола и жертвенника, иной облаченія для священнослужителей, тотъ украшалъ позлащенными окладами иконы въ иконостасѣ, тотъ иконы въ другихъ мѣстахъ храма, многіе же приносили суммы денегъ для обезпеченія храма на будущее время, и онъ въ короткое время такъ былъ украшенъ, что всѣ коротко звавшіе никольскую часовню, какъ служащую для исправленія требъ, уже не узнавали ее въ православномъ храмѣ св. Николая.“ Въ 1855 году этотъ единовѣрческій храмъ былъ посѣщенъ въ Безѣ почившимъ государемъ наслѣдникомъ Николаемъ Александровичемъ и великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ въ сопровожденіи духовника ихъ, протоіерея В. В. Важанова. При посѣщеніи, Государь Наслѣдникъ благодарилъ всѣхъ за присоединеніе въ церкви, и въ слѣдующемъ году вторично посѣтилъ новую церковь. Въ этомъ же году посѣщали ее: высокопреосвященный митрополитъ Григорій, архіепископы: казанскій — Аеонасій, херсонскій — Иннокентій, ярославскій — Нилъ, рязанскій — Гавріиль,

министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ и всѣ отъ души радовались открытію здѣсь единовѣрія...

Имя Сапѣлкина никогда не изгладится изъ памяти присныхъ ему единовѣрцевъ, а его сочиненія навсегда будутъ служить памятникомъ просвѣщенной его любознательности и обезсмертятъ его имя, потому что онъ первый, и до сихъ поръ еще послѣдній, извѣстенъ намъ на литературномъ поприщѣ, а литературная дѣятельность въ единовѣрческомъ мірѣ составляетъ рѣдкость даже и въ настоящее время...

Умирая Сапѣлкинъ какъ бы пророчественно выразился, что продажная заграничная жеіерархія, какъ „грубая потѣха московскихъ богачей“, *не сноситъ себѣ головы*, что русскій народъ отъ заграничныхъ мятежниковъ *отвернется...* и придетъ, наконецъ, рано или поздно, молиться на единовѣрческое Рогожское кладбище, имъ устроенное!..

III.

СОВОРЫ МОСКОВСКИХЪ ТОЛСТОСУМОВЪ.

Когда московскіе толстосумы рѣшились „не попа какого нибудь бѣглаго, что на сиваго жеребца церковь смѣнялъ, а пріобрѣсть себѣ даже владыку, котораго изругать иной разъ можно будетъ и всякимъ инымъ образомъ поначалить,“ то двинулись на Москву послы изъ Вятки, изъ Стародубья, Керженца и Иргиза, изъ Саратова, Перми и Еватеринбурга, изъ Казани, Ржева, Торжка и Твери, изъ Тулы, Боровска и другихъ городовъ. Пріѣхали казаки донскіе, уральскіе и линейные, изъ Стародубья прібыли: настоятель Покровскаго монастыря Рафаилъ, и настоятель Никольскаго монастыря Сергій съ старцемъ Ипполитомъ. Съ Керженца престарѣлый Ілія, игумень Улангерской обители и настоятель Керженскаго Благовѣщенскаго монастыря Пафнугій, гусягъ родомъ, у котораго въ монастырѣ жилъ инокъ Деонисій, родной братъ столпа рогожскаго общества, знаменитаго нараскаяннаго фанатика Фе-

дора Рахманова. Съ Иргиза явился Силуянъ, а съ нимъ нѣкто авантюристъ Кочуевъ. Въ числѣ мірянъ, представителемъ старообрядцевъ Саратовской губерніи былъ Гурій Ивановичъ Суетинъ.

Собраніе депутатовъ назначено было не въ Рождественской часовнѣ, какъ волилось дотолѣ, а въ комнатахъ конторы. Изъ рогожскаго духовенства тутъ находились: Иванъ Матвѣевичъ Арсеньевъ, Ермилычъ и другіе. Изъ московскихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ засѣдали старшины и попечители, а именно: Антипъ Дмитріевъ Шеллапутинъ, Ѳеодоръ Андреевъ и Василій Григорьевъ Рахмановы, Николай Дмитріевъ Царскій, Василій Ефремовъ Соколовъ, Ѳеодоръ Бокоевъ, Максимъ Горѣловъ, Иванъ Александровъ, Ѳеодоръ Карташевъ; сынъ умершаго попа, занимавшійся дѣлами Шеллапутина по Рогожскому кладбищу, Василій Акимовъ; Иванъ Васильевъ Окороевъ, Егоръ Воробьевъ, Неокладной, Свѣшниковъ, Мотылевъ и другіе. Рогожскій соборъ имѣлъ не одно засѣданіе. Кочуевъ предложилъ послать довѣренныхъ лицъ въ Турцію и Грецію, чтобы склонить къ себѣ одного изъ находящихся не у дѣлъ митрополита. Лаврентьевскій игуменъ Симеонъ заявилъ, что у него въ монастырѣ есть монахи, не по одному разу бывавшіе за границей, люди смѣлые, ловкіе, предприимчивые, имѣющіе связи и знакомства съ монахами раскольниковыхъ монастырей въ Турціи, Молдавіи и Вуковинѣ. На отправленіе сихъ паломниковъ нужны были деньги. Открыли *подписку* и въ самое короткое время собрали *два миліона рублей ассигнаціями*. Главными пожертвователями были Шеллапутинъ, фанатики Ѳеодоръ и Василій Рахмановы, Ѳеодоръ Карташевъ, Иванъ Окороевъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Неокладной и Свѣшниковъ. Собранныя деньги положили на Рогожскомъ, а распорядителемъ ихъ сдѣлался извѣстной пройдоха и плутъ Кочуевъ, переѣхавшій на кладбище, гдѣ ему дали одинъ изъ двухъ домовъ конторщика Синицына. Рѣшено было привлечь и королевское общество въ С. Петербургъ къ участию въ этомъ дѣлѣ и къ пожертвованіямъ. Въ Петербургъ для этой цѣли вызвался ѣхать фанатикъ Ѳеодоръ Рахмановъ, отъ природы очень тупой, и въ добавокъ забывавшійся на каждомъ почти словѣ.

IV.

ЗОЛОТОЙ МѢШОЕЪ РАХМАНОВУХЪ.

По возвращеніи Федора Рахманова съ Кочуевымъ изъ С. Петербурга, произведенъ былъ сборъ денегъ на покупку бѣглої іерархіи... Главными участниками были: Антипъ Шеллапутинъ, Толстосумы Федоръ и Василій Рахмановы, Федоръ Карташевъ, Иванъ Окороковъ, Егоръ Воробьевъ, Николай Царскій, Неокладный, Свѣшниковъ и другіе. Сборъ производился по подпискѣ на листъ, на которомъ каждый означалъ свое имя и количество жертвующихъ денегъ; частные же сборы производились по визиткамъ, съ которыми послыались довѣренныя лица. Скоро Аѳоній Кузьминъ съ сестра былъ отправленъ рогожцами въ Петербургъ, для облоупленія богатыхъ петербургскихъ раскольниковъ въ покупку бѣглої іерархіи. Аѳоній останавливался у извѣстнаго петербургскаго богача Громова, въ Каретной части. При этомъ С. Петербургскія раскольники: богачи Громовы, Дрябины, Фалины, Зиновьевскіе, купчихи Громовы и Скрябина, ввѣрили Кочуеву пожертвованные ими капиталы на ихъ жалкую затѣю... Значительный общественный и семейный капиталъ находился у воювода Федора Рахманова. Понятно, что всѣ дѣла были сосредоточены около золотаго мѣшка семейства Федора Рахманова. Рахмановъ по малограмотности и крайней ограниченности ума не могъ вести переписки, ни давать какихъ-либо совѣтовъ, во всемъ этомъ помогать ему усердный поучитель его Аѳонъ Кочуевъ. Къ Федору же Рахманову обыкновенно обращались желающіе перейти изъ православія въ расколъ, вслѣдствіе чего и дѣлались имъ распоряженія о совершеніи пустосвятскаго обряда переправленія. Главными лицами, въ которыхъ также обращались съ просьбами о переправленіи были: раскольники Востряжовъ, Филипенковъ, Самойловъ, Ходаковъ, Царскій, Окороковъ, Щекинъ, Боконъ, Бѣловъ, Мотылевъ, Миловъ, Брусникинъ, Гагаринъ, Картышевъ, Оминъ, Федоръ и Василій Рахмановы, Соколовъ, Шеллапутинъ, Во-

робьевъ, Досузовъ, Родіоновъ, Марковъ, а также и петербургскіе душицы Громы... Особенное участіе по возвращенію въ расколъ принимали инокини: Александра, Маргарита, Пулкерія, Елизавета и Деворра.

V.

НЕУДАВШИЕСЯ ЗАМЫСЛЫ РАСКОЛЬНИКОВЪ РАХМАНОВЫХЪ.

Причины, почему московскіе пустосвяты Рахмановы старались добыть за рубежомъ самозваннаго митрополита, были тѣсно связаны съ ихъ личнымъ интересомъ, а именно: они рассчитывали имѣть бѣглаго епископа изъ своей семьи и предназначили для сего Дмитрія Андрѣева Рахманова, въ иночествѣ Діонисія. — Съ этимъ намѣреніемъ они отправили инока Діонисія въ юго-западные губерніи, чтобы доставить ему въ бѣлой Криницѣ продажный санъ бѣглаго епископа, для чего онъ и проживалъ въ Куренскомъ, или Уренскомъ скитѣ, выжидая удобнаго случая, чтобы пробраться въ бѣлую Криницу, для осуществленія желанія своихъ родственниковъ. — Съ 1847 года, Діонисій, или Дмитрій Рахмановъ, кандидатъ въ лже-епископы, жилъ болѣею частію въ Москвѣ, въ особыхъ секретныхъ помѣщеніяхъ своихъ братьевъ Рахмановыхъ, и говорятъ, что объ этомъ знала московская полиція... Изъ Москвы Діонисій, между прочимъ, отлучался въ разныя губерніи Россіи и на Керженецъ и вѣроятно, привозилъ сюда для сохраненія принадлежности будущаго своего бѣглаго архіерейскаго служенія, что подтвердилось при обыскѣ, произведенномъ въ Керженецкомъ скитѣ; въ іюль 1848 года были найдены, между прочимъ, архіерейскіе рипиды посеребренные, съ вызолоченными херувимами, совершенно новыя. — Діонисій Рахмановъ готовился къ поѣздѣ за продажной хиротоніей. — Рахмановы уже написали просьбу о выдачѣ заграничнаго паспорта почетному гражданину и московскому 1-й гильдіи купцу Дмитрію Андрѣеву Рахманову, т. е. Діонисію. — Вдругъ мелочное обстоятельство, случившееся за 500 верстъ отъ Москвы, разрушило замыслы Рахмановыхъ.

У Керженскаго монаха Тарасія, перешедшаго въ единошрїе, украли пудъ меду. — Семеновскій исправникъ, дѣлая обыскъ у подозрѣваемаго крестьянина Арефья Иванова, превысилъ свою власть. — Ивановъ, жалуясь губернатору, объявилъ, что въ Керженскомъ скитѣ производятся разныя безпорядки. При обыскѣ скита, найдены разныя запрещенныя вещи и фабрикованный въ Москвѣ, но переписанный рукою Діонисія *подложный Высочайшій указъ*, за подписаніемъ будто бы Государя Императора, о свободѣ раскольническаго богослуженія всѣхъ толковъ и сектъ. — Началось слѣдствіе; стали требовать рѣшившагося на *подлогъ-мошенничество* Діонисія, который по этому случаю не только не могъ получить заграничнаго паспорта, но долженъ былъ уѣхать изъ Москвы въ Рыбинскъ отъ поисковъ полиціи. — Когда слѣдователь, узнавъ о его мѣстопробываніи, снялъ чрезъ Рыбинскую полицію съ него допросъ и затѣмъ потребовалъ его въ Нижегородскую губернію для очныхъ ставокъ, то кандидатъ въ лже-епископы скрылся, и проживалъ сначала въ Москвѣ, у своихъ братьевъ, затѣмъ скрывался въ Куренскомъ, или Уренскомъ скитѣ Херсонской или Подольской губерніи, около города Балты, и по слухамъ, впоследствии, перебрался будто бы за границу. — Діонисій, коему грозила *ссылка въ Сибирь за подлогъ*, такимъ образомъ не могъ получить продажнаго омовора!..

VI.

ОВѢДІА ВЪГЛЫХЪ АРХІЕРЕЕВЪ ВЪ МОСКВѢ.

Когда Рахмановы оборвались въ своихъ замыслахъ, то чтобы не потерять всего, они поторонились похляпкою по крайней мѣрѣ кого либо *изъ своихъ* въ Бѣлую-Креницу для полученія продажной хиротоніи. — Выборъ палъ на мужика Калужской губерніи, впоследствии мѣщанина Московской губерніи, Стефана Трифонова Жирова, который содержалъ въ Москвѣ постоянный дворъ, Рогожской части, въ Бороньемъ переулкѣ, и потомъ былъ дьячкомъ при

какомъ-то бѣглому попѣ, по имени Иванѣ. — Стефанъ Трифоновъ былъ женатъ и жена его жила до 1860 г. у него взрослая дочь дѣвица, и четыре брата, которые проживали въ Москвѣ. — Въ 1849 году 4 января, мужикъ Стефанъ Трифоновъ получилъ въ Бѣлой-Криницѣ продажную хиротонію и имя бѣглого епископа Софронія; указавъ дорожку въ Бѣлую-Криницу и вѣсивъ смѣлымъ авантюристамъ, которые получали самозванно епископскую митру съ омофоромъ... Скоро нѣкто Досужевъ первый устроилъ самозванное архіерейское служеніе обѣдни на Рогожскомъ кладбище, въ холерной палатѣ. Обѣдня эта совершалась въ 1860 году 19 июня, въ присутствіи богачей Рахмановыхъ, К. Солдатенкова, Досужева, пѣвчаго Рогожскаго кладбища Ивана Васильева Калининна, жены конторщика Борнеева, Василія Борисова, и другихъ раскольниковъ.

Василій Рахмановъ, отлучаясь изъ Москвы, разъѣзжалъ по сѣднимъ въ столицѣ раскольниковымъ селеніямъ и раздавалъ деньги своимъ единомысленникамъ. Для этихъ разъѣздовъ или, вѣрнѣе сказать, *для пропаганды*, Василій Рахмановъ, служа въ московскомъ коммерческомъ банкѣ, испросилъ себѣ отпускъ въ С. Петербургъ и разныя губерніи. — Такова дѣятельность московскихъ богачей Рахмановыхъ съ компанією по покупке австрійской бѣглой іерархіи, отъ которой означеннымъ коноводамъ въ Москвѣ живет-ся и доселѣ тепло, и за которую народъ, въ количествѣ не одной тысячи головъ, высиживалъ не мало лѣтъ въ душныхъ російскихъ острогахъ, замалывая грѣхи московскихъ толстосумовъ!... Веѣ строгія жѣры покойнаго Императора Николая Павловича, глубоко огорченнаго темною и подпольною дѣятельностію невѣждъ московскихъ, *надали всю тяжестію на голову лишь бѣднаго, слѣпаго народа русскаго!* Таеъ-то у насъ въ Россіи всегда бываетъ!...

VII.

НАТЪШИЛИСЬ.

Натѣшивши свое самолюбіе, пустосвяты Федоръ и Алексѣй Андрѣ-

евы Рахмановы умерли наконецъ, въ 1854 году, а третій братъ ихъ Василій Рахмановъ, долго еще не переставалъ поддерживать Буковинскую продажную же-іерархію. Сей послѣдній числился почетнымъ гражданиномъ, состоялъ на службѣ по выбору московскаго купческаго общества — директоромъ (?) московской конторы государственнаго коммерческаго банка, на четырехлѣтіе съ 1843 г.; избранъ былъ вновь на слѣдующее четырехлѣтіе съ 1853 г.— По избранію купческаго же общества, служилъ онъ въ разныхъ комитетахъ для изысканія способовъ къ торговой промышленности и состоялъ 12 лѣтъ, также по избранію общества, повѣреннымъ для обсуждения общественныхъ дѣлъ (?) и имѣлъ золотую медаль съ надписью: „за усердную службу“, для ношенія на шеѣ, на анненской лентѣ... И такъ, *за что темный, безграмотный, бѣдный, заброшенный, невѣжественный народъ сажали въ остроги, за то коноводовъ московскихъ награждали медалями съ надписью „за усердную службу“*...

VIII.

РАХМАНОВСКОЕ ЗАВѢЩАНІЕ.

Федоръ Рахмановъ, умирая, оставилъ, какъ видно изъ его завѣщанія, милліонъ рублей серебромъ,... Умершій Федоръ Рахмановъ назначилъ своими душеприкащиками Василія Рахманова, Алексѣя Алексѣева Рахманова, Семена Иванова Рахманова и *Кузьму Терентьева Солдатенкова*. — Случись же такъ, что Алексѣй и Семень Рахмановы вскорѣ же умерли; затѣмъ вскорѣ послѣ нихъ умеръ и Василій — мужъ знаменитой нынѣ въ расколѣ Агаѣи Филипповой Рахмановой; капиталъ по завѣщанію, перешелъ къ послѣднему душеприкащику Кузьмѣ Терентьеву Солдатенкову, съ употребленіемъ его на богоугодныя дѣла *безотчетно*. Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ — двоюродный племянникъ Федора и Терентія Рахмановыхъ, которыхъ было трое. Духовное завѣщаніе Федора Рахманова составлено 11 іюня 1854 г., записано въ книгу

Московской Палаты Гражданскаго Суда 2-го департамента 11 августа 1854 г. и явлено въ Московскомъ Магистратѣ 16 августа 1854 г. Оно содержитъ въ себѣ слѣдующія главныя статьи: 1) исполнителями назначены во всемъ *безотчетно* вскорѣ умершіе Василій Григорьевъ, Алексѣй Алексѣевъ, Семень Ивановъ Рахмановы и оставшійся лишь единственнымъ душеприкащикомъ Бузьма Терентьевъ Солдатенковъ. 2) Изъ оставшагося капитала на поименованіе души, на раздачу нищимъ и бѣднымъ людямъ, нищей братіи, на искупленіе должниковъ содержащихся подъ стражей — употреблѣть такую сумму, какую душеприкащикамъ *заблаговрасудится*, съ общаго всѣхъ согласія, по ихъ благоразсмотрѣнію. 3) Домъ и все въ немъ движимость оставлена племяннику Алексѣю Рахманову. 4) Изъ общаго, съ умершимъ братомъ Алексѣемъ, благопріобрѣтеннаго капитала по торговлѣ Федора и Алексѣя, по приведеніи въ извѣстность, изъ половинной части принадлежащаго ему, Федору, капитала, въ наличныхъ деньгахъ, билетахъ, долгахъ и въ хлѣбномъ и прочемъ товарѣ, — изъ всего этого капитала, когда оный будетъ находиться въ наличности, получить: племяннику Алексѣю Алексѣеву Рахманову четвертую часть, четыремъ сестрамъ его, Алексѣя, по двадцатой части и по одной иконѣ въ ризахъ серебряныхъ-вызолоченныхъ, а также выдать родной племянницѣ Федора Рахманова, мѣщанинѣ Еленѣ Леонтьевнѣ Хромовой, 30 тысячъ рублей. — При записѣ во 2-мъ департаментѣ палаты гражданскаго суда, сдѣлана наследникомъ Алексѣемъ Рахмановымъ и принята слѣдующаго реда оцѣнка по совѣсти: домъ въ 20 тысячъ рублей, принадлежащая Федору Рахманову часть наличнаго капитала 689,100 руб., хлѣбные и прочіе товары въ 250,000 руб., движимое имущество въ 4000 руб., долги по векселямъ и другимъ документамъ 25,221 руб. 25 к., по билетамъ кредитныхъ мѣсть 45,078 руб. 55 к., и акцій на 1250 руб. — всего 1,061,649 руб. 80 к. Сумма, какъ видитъ читатель, немалая!

IX.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО РАХМАНОВСКОМУ ЗАВѢЩАНІЮ.

Изъ духовнаго завѣщанія Ѳедора Рахманова видна сумма денегъ, „благопріобрѣтенныхъ ихъ торговымъ домою“, куда же дѣвалась подписаная сумма денегъ, жертвованная со всей Россіи отъ бѣглопоповцевъ на покупку и устройство заграничной бѣглой раскольничьей митрополіи, — это неизвѣстно... Приведемъ самые расходы душеприкащиковъ Ѳедора Рахманова, сдѣланные согласно его завѣщанію. Какъ извѣстно, послѣднимъ душеприкащикомъ, за смертію Семена, Алексѣя и Василя Рахмановыхъ, былъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ; принялъ же онъ обязанность душеприкащика потому, что по общему согласію наслѣдниковъ Рахманова, былъ уполномоченъ распоряжаться безотчетно, съ правомъ не давать никакого отчета никому изъ душеприкащиковъ, равно и они не имѣли этой обязанности. Вотъ эти расходы. Наслѣдственный раздѣлъ по духовному завѣщанію Ѳедора Рахманова былъ оконченъ въ слѣдующихъ выдачахъ: племянницѣ (Рахманова) Еленѣ Леонтьевой 30 т. руб., племяннику Евдокиму и Андрею 20 т. руб., племянницѣ Батаиной 8 т. руб., внуку Дубровину на расходы похоронъ и поминокъ до 20 т. руб., дому градскаго общества 50 т. руб., въ измайловскую богадѣльню и пересылочный замокъ для передѣлки казармы 50 т. руб., въ артельную сумму ратниковъ 9 т. руб., прощено долговъ до 16 т. руб., арестантамъ въ этапъ 4 т. руб., домашнимъ 4 т. руб. Первые 4 суммы выданы Алексѣемъ Рахмановымъ съ общаго вѣдома душеприкащиковъ, 6, 7 и 8 частію всѣми душеприкащиками, а частію нѣкоторыми. Прочее израсходовано Кузьмою Солдатенковымъ. Послѣ смерти Ѳедора Рахманова, капиталъ назначенный имъ на благотвореніе, по словамъ Солдатенкова, приблизительно былъ въ шесть сотъ тысячъ руб. сер., и какъ всѣ четверо душеприкащиковъ были тогда въ живыхъ, то благотворительный капиталъ распредѣлился на четыре

части, т. е. каждый душеприкащикъ могъ приблизительно располагать суммою до ста пятидесяти тысячъ руб. серебромъ. Изъ числа шестисотъ тысячъ, дѣлали они, до выдѣла наслѣдникамъ частей, нѣкоторыя пожертвованія вмѣстѣ, другія же отдѣльно. Во время упомянутого раздѣла, каждый душеприкащикъ часть, приходившуюся ему для раздачи, взялъ къ себѣ, а Солдатенковъ принялъ этихъ частей двѣ, за себя и за дадо Василія, по довѣренности, которую онъ далъ при отъѣздѣ въ С.-Петербургъ. Въ послѣдствіи, по смерти Семена и Алексѣя Рахманова, и ихъ части поступили тоже къ нему; суммы эти находятся въ его распоряженіи безъ всякихъ опредѣленій на бумагахъ, какъ было положено въ духовномъ завѣщаніи, по взаимному довѣрію.

Говоря о духовномъ завѣщаніи пустосвята Федора Рахманова, замѣтимъ здѣсь осторожность разныхъ родственниковъ умершаго. Со смертію Федора, были приняты ими слишкомъ педантичныя мѣры. Они забрали всѣ бумаги и письма его, которыя, безъ сомнѣнія, могли быть *драгоценнымъ матеріаломъ для исторіи* Вѣлой Криницы и опредѣлили бы весь собранный по подпискѣ капиталъ на упоченіе бѣглою зарубежной митрополіи, съ именами жертвователей и мало ли что могли онѣ разъяснить для будущаго историка раскола!.. Но мы уже должны радоваться и тому, что правительство, разслѣдывая дѣло авантюриста Кочуева, успѣло собрать и тѣ факты, которые мы рассказали въ нашемъ очеркѣ, иначе всѣ мы, а съ нами и русская исторія, бродили бы и доселѣ въ потемкахъ относительно опредѣленія того, *что за люди* московскіе богачи Рахмановы и ихъ компанія, и *какое имъ мѣсто* должна отвести на страницахъ своихъ *правдивая исторія* русскаго раскола?..

Х.

РАСКОЛЬНИКИ НА УДОЧЬ ПОЛЯКОВЪ.

Какъ же стала разыгрываться за границею затѣя московско-

сихъ богачей раскольниковъ? Антирусская революціонная партія признала расколъ родною себѣ силой, которую можетъ воспользоваться въ нужномъ случаѣ, и тѣмъ съ большими успѣхами, что сила эта распространена по всемъ концамъ Русскаго Государства. Нужно было поэтому заблаговременно войти въ сношеніе съ раскольниками, побрататься съ ними, выразить имъ свое родотечное сочувствіе и просить такого же съ ихъ стороны, чтобы приняты общими силами за общее дѣло.... Таковыми соображеніями, конечно, руководился, въ свое время, и Адамъ Чарторыйскій; когда самъ ли, по указанію ли кого другаго, обратилъ вниманіе на поселившихся за-границей русскихъ раскольниковъ, какъ на удобное орудіе для осуществленія своихъ враждебныхъ Россіи плановъ. Послѣ революціи 1830 года онъ, князь извѣстно, выбралъ одного изъ наиболѣе талантливыхъ молодыхъ людей между своими адептами и отправилъ его агентомъ въ Добруджу, населенную раскольниками Некрасовцами. Молодой человекъ, отправленный служить польскому дѣлу среди этого люда, былъ Михаилъ Чайковский. Онъ поступилъ на службу султана, принялъ исламинъ и усердно занялся осуществленіемъ плановъ своей миссіи, въ чемъ не менѣе усердно помогали ему его соотечественники, манже переселившіеся въ Турцію для основанія и утвержденія здѣсь польской пропаганды. Въ основѣ этихъ плановъ лежала мысль о возстановленіи, при посредствѣ турецкаго султана, независимости всей славянскій національностей подъ знаменемъ свободной Польши. Чайковский успѣлъ войти въ близкія сношенія съ загранинцами раскольниками, друзьями раскольниковъ московскихъ, стараясь оказывать имъ всякаго рода доброжелательство. Разнаго рода услуги, которыя въ качествѣ турецкаго паши имѣлъ онъ возможность оказывать имъ, содѣлали эти сношенія еще вѣрнѣе и тѣснѣе. Въ раскольникахъ была посѣяна безпокойная, тревожная мысль, которой Чайковский служилъ проповѣдникомъ и истолкователемъ. Каждый раскольникъ являясь къ Ахмедъ Бекю, т. е. Чайковскому, прежде всего показывалъ ему половину какой-то медали съ особенною таинственностію и торжественностію, послѣ этого начинались между ними отрывистые разговоры, въ которыхъ слышались имена Дуная и Дона, Сѣчи и Москвы, князя Адама и Русскаго Императора... Въ Константино-

полѣ Чайковскій, вмѣстѣ съ другимъ агентомъ Чарторыйскаго, Вивентіемъ Равскимъ, хлопоталъ о возбужденіи раскольниковъ къ общему дружному возстанію за казачество и за старую вѣру, „когда придетъ время“...

Между раскольниками Некрасовцами пользовался извѣстностью, проживавшій въ Сарыкойѣ, казакъ Осипъ Семеновичъ Гончаровъ, человѣкъ предприимчивый, притомъ же хорошо владѣющій турецкимъ языкомъ, что большая рѣдкость между раскольниками. Онъ часто ѣзжалъ въ Константинополь и, въ качествѣ передоваго человѣка, состоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Чайковскому; и другимъ проживающимъ въ Турціи членамъ польской пропаганды. Кромѣ Чайковского и Равскаго, Гончаровъ былъ хорошо знакомъ съ жившимъ въ Константинополѣ французскимъ банкиромъ Аліономъ, находившимся въ самыхъ дружескихъ связяхъ съ польскими пропагандистами и агентомъ пропаганды, завязаннымъ полякомъ Жуковскимъ. Этотъ послѣдній, бывший *русскимъ офицеромъ*, потомъ состоявшій на французской службѣ и, наконецъ, поступившій на службу султану, жилъ постоянно въ Тудльчѣ и былъ главнымъ агентомъ Чайковского въ его сношеніяхъ съ задунайскими русскими и московскими выходцами раскольниками....

Ожидаемое поляками „время“ о которомъ они твердили раскольникамъ (польскій мятежъ 1863—65) еще не приходило, но полякамъ представился случай воспользоваться заграничными раскольниками въ турецкой войнѣ... И они этимъ случаемъ рѣшились воспользоваться.

XI.

ТУРЕЦКО-ПОЛЬСКО-РАСКОЛЬНИЧІЙ СОЮЗЪ.

Едва ли кто желалъ такъ пламенно возбудить турецкую войну противъ русскихъ и приготовить имъ пораженіе, какъ поляки, — и не въ видахъ только униженія ненавистной имъ Россіи, но, что всего важнѣе для нихъ, въ надеждѣ возсоединить на развалинахъ

русскаго могущества независимую польшу... Въ этихъ то именне видахъ и надеждахъ панъ Чайковскій съ прочими членами польской пропаганды, упрочивая добрыя отношенія раскольниковъ Неврасовцевъ къ турецкому правительству, приготавливая ихъ къ совокупному съ этимъ послѣднимъ дѣйствию противъ русскихъ, надѣялся самымъ опытомъ повѣрить степень ихъ враждебности противъ Россіи и готовности дѣйствовать во вредъ ей; усердіе съ какими они станутъ служить туркамъ въ войнѣ съ русскими, должно было показать, въ какой мѣрѣ можетъ онъ разчитывать на нихъ и вообще на живущихъ въ Россіи раскольниковъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ, когда настанетъ время дѣйствовать.... И вотъ приготавливался, такимъ образомъ, *турецко-польско-раскольничій союзъ противъ Россіи* изъ элементовъ, не имѣющихъ между собою ничего рѣшительно общаго... Событія скоро вызвали его къ дѣйствительному существованію и показали его настоящую силу и прочность. Русскія войска заняли княжества и готовились къ переправѣ черезъ Дунай. Садыкъ-паша Чайковскій, въ качествѣ давнишняго благопріятеля и благодѣтеля самъ явился набирать изъ нихъ отрядъ для турецкой арміи, причемъ Гончаровъ служилъ ему необходимымъ и дѣлательнымъ помощникомъ... Составленный изъ раскольниковъ отрядъ былъ одѣтъ и вооруженъ на счетъ самихъ раскольничьихъ обществъ. Когда этотъ раскольничій отрядъ Чайковского былъ окончательно устроенъ и готовъ былъ отправиться въ походъ, раскольничій, бѣлокриницкаго ставленія, архіепископъ славскій Аркадій (первый), не боясь отвѣтственности за *государственную измѣну*, отслужилъ торжественный молебенъ, окропилъ всѣхъ находившихся въ строю освященною водою и *благословилъ раскольниковъ на ратное противъ Россіи дѣло*... Вотъ члмз стала разыгрываться затѣя грубаго самолюбія московскихъ богачей! Купленная на Рахмановскія и компаніи деньги *продажная іерархія*, о позоръ! подняла *святотатственные руки* свои для *благословенія* русскихъ людей сражаться противъ русской же крови... И въ союзѣ съ кѣмъ-же? — съ поляками и турками-мусульманами!

По прибрежьямъ Дуная происходили болѣею частію стычки раскольниковъ Чайковского съ отрядами нашихъ войскъ. Раскольники

дрались за чалму и особенно вредили намъ своими неожиданными нападѣніями, искусно пользуясь для того совершеннымъ знаніемъ мѣстности, и засѣвъ въ высокихъ и густыхъ камышахъ, которыми поросли берега Дуная, и въ которыхъ имъ извѣстны были всѣ недоступные другія входы и выходы. Они подстрѣливали нашихъ солдатъ, неосторожно приближавшихся къ мѣсту засады... Однако *кровь взяла свое* и наши войска услышавъ чистую русскую рѣчь на басурманской землѣ, встрѣтили раскольниковъ какъ земляковъ и дружелюбно съ ними поздоровывались: тогда и въ русскихъ измѣнникахъ не могло не пробудиться *чувство національнаго родства* съ Русскими, подъ вліяніемъ котораго, должно было умолкнуть и самое чувство религіозной вражды... За свои позорныя дѣйствія продажный раскольничій архіерей Ардакій, Бѣлокриницскаго печенья, — продуктъ потѣхи самолюбія московскихъ пустосвятовъ, — вскорѣ былъ взятъ нашимъ правительствомъ въ приготовленное ему достойное мѣсто... Въ одно прекрасное утро русский офицеръ явился въ скитъ и приглашалъ Аркадія немедленно отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Исаичу, для свиданія съ русскимъ генераломъ Ушаковымъ, который будто бы желаетъ поговорить съ нимъ объ одномъ нужномъ дѣлѣ. Аркадій спросилъ, что можетъ онъ взять съ собой, — и сталъ собираться. Тогда же приглашенъ былъ въ келью другой лже-епископъ раскольничій Алимпій и также получилъ приказаніе немедленно собираться въ путь. Офицеръ приказалъ еще позвать іеромонаха Іакова, но Іаковъ воспользовался удобною минутой и убѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ отыскать его не могли... Обоихъ самозванныхъ архіереевъ привезли въ Исаичу; но свиданіи съ генераломъ Ушаковымъ они здѣсь не имѣли, а вмѣсто того посадили ихъ въ приготовленную для каждаго темную кибитку и отправили въ Кіевъ, откуда въ послѣдствіи они и посланы въ заточенье въ „Судальскій Спасо-всѣміевъ монастырь“. Тогда же взятъ былъ и отправленъ въ одномъ экипажѣ съ Алимпіемъ тульчинскій попъ Федоръ, человѣкъ поведенія далеко не безукоризненнаго и даже заподозрѣнный въ дѣланіи фальшивой русской монеты; каковое подозрѣніе въ послѣдствіи оказалось вполне основательнымъ...

За свои услуги турецкому правительству во время послѣдней восточной войны, раскольникъ Гончаровъ получилъ отъ султана

орденъ, которымъ весьма гордится... Близкоизвѣстъ, что одному весьма значительному лицу изъ русскихъ, сирочившему, за что онъ получилъ орденъ, Гончаровъ съ наглостью отвѣчалъ: „за то наградили насъ, что не пустили въ Константинополь васъ!“ Турецкій вельможа, бывшій при этомъ, принялъ отъ такого отвѣта въ величайшій восторгъ и назвалъ Гончарова „молодцомъ“....

ХІІ.

ПРЕСТУПНЫЙ ЗАМЫСЕЛЪ ЦАРЕУБИЙСТВА.

Въ 1854 году съ *благословенія* продажной раскольничьей іерархіи, купленной и содержимой по нинѣ московскими раскольничьи-митузами, и съ *соизволенія* лицемѣрныхъ принтелей турокъ и поляковъ, нѣсколько отчаянныхъ раскольниковъ отправились изъ-за границы въ Россію съ намѣреніями въ высшей степени преступными... Они должны были, *повидавшись* кое съ кѣмъ изъ раскольниковъ въ *Москву*, отправиться оттуда въ Петербургъ и выжидать случая, чтобы привести въ исполненіе чудовищный планъ *цареубійства*.... (см. Раск. какъ оруд. вражд. Рос. партій Н. Субботина). Въ Турціи снабдили ихъ нужными документами, обѣщая денежное и всякое *пособіе отъ русскихъ раскольниковъ*. Съ этою цѣлю Гончаровъ и далъ имъ рекомендательныя письма къ богатѣйшимъ и болѣе вліятельнымъ между раскольниками лицамъ въ Москвѣ, а садыеъ-паша обѣщалъ чины, почести и богатство предводителю этихъ отчаянныхъ головъ, если онъ возвратится въ Турцію, удачно исполнивъ главное предпріятіе, которое, какъ видно, особенно нравилось благородному пашѣ.... Въ преступный *замыселъ цареубійства* изъ русскихъ старообрядцевъ посвященъ былъ между прочимъ и нѣкто Никита Бѣляевъ; къ нему, какъ надобно полагать, раскольничьи эмиссары заѣзжали на пути въ Россію и на его имя условлено было присылать письма изъ Россіи въ случаѣ надобности. По крайней мѣрѣ у Бѣяева, во время правительственнаго обыска, найдено было письмо одного изъ этихъ эми-

саровъ, какого-то Стефана. Изъ этого письма можно получить понятіе объ ихъ намѣреніяхъ и планахъ. Въ письмѣ говорилось между прочимъ, „когда придетъ часъ умереть, тогда помянуть насъ сорокоуствомъ... Иракъ (имя рекъ) нашъ уже въ Питери, онъ хорошо выполнить всю, онъ придетъ вездѣ, ему обѣщаны большія милости нашею, а когда онъ самъ живъ возвратится, то ему чинъ, почести и богатства велики дадутъ. Нужна лишь смерть... (Николая Павловича) и когда его не будетъ, все пойдетъ благо, и козлы (т. е. духовенство православное) уймутся... Когда Имреву Господь не поможетъ, то Василий успеетъ аль Ѳеодоръ... Они въ *Москвѣ* у первыхъ ведможь (?) *бывають*. Гончаровъ имъ письмо далъ, а о деньгахъ воѣ міромъ мулять, гдѣ ни зайдутъ они, вездѣ мулять, и я, благодаря Бога, имѣю ихъ ужъ довольно... Что у васъ слышно, пиши чрезъ Дмитрія Богомолецъ Стефанъ.“

... Кто эти *раскольничьи вельможи въ Москвѣ*, у коихъ бывали въ домахъ *завѣдомо* подсланные *царубійцы*? Оставшись *на единь съ своею совѣстію* пусть онѣ подумаютъ о своемъ раскаяніи!

... Къ счастью эти подсланные изувѣровъ не могли привести въ исполненіе, какъ ни были они увѣрены въ успѣхѣ, и что сталося потомъ въ рукахъ нашего правительства съ *тайнственными* Имрекомъ и его товарищами намъ неизвѣстно. Но тотъ фактъ, что садикъ цаци и Гончаровъ отправляли въ Россію раскольниковъ совершить гнуснѣйшее изъ преступленій, не подлежитъ сомнѣнію и падаетъ самымъ темнымъ и на вѣки неизгладимомъ *пятномъ* на современную исторію раскола!.. (см. стр. 60 въ книгѣ „Раск. какъ оруд. вражд. Россіи партій“). Вотъ *какіе* чудовищные *результаты* стала порождать эта бѣглая заграничная раскольничья джеіерархія! А кто покупалъ эту продажную іерархію? Не московскіе ли пустосвяты, фздящіе и понынѣ по Москвѣ въ каретахъ, ворочающіе милліонами, и прикидывающіеся друзьями тѣхъ украшенныхъ бородами и очками проставовъ ученыхъ, которые пьютъ у нихъ шампанское... и за сіе угощеніе кричатъ и пицуютъ, съ цѣною у рта, гдѣ могутъ, объ узаконеніи и возвеличеніи мужичьей продажной іерархіи и *свободѣ распорядятся всѣми подданными* Россіи, какъ *своими* достояніемъ.

XIII.

ЖАЛОБЫ РАСКОЛЬНИКОВЪ НАПОЛЕОНУ III И ПАПѢ ПІО IX.

Ходъ военныхъ дѣйствій крымской войны становился болѣе и болѣе для насъ невыгоднымъ. Послѣдовала кончина императора Николая I. Открылись переговоры о мирѣ. Все это — и наши военные неудачи, и неожиданная кончина государя, и невыгодныя для Россіи условія парижскаго трактата, принято было съ радостью заграничными раскольниками и внушило имъ надежду, что теперь при помощи турецкаго правительства и прочихъ иностранныхъ державъ, можно будетъ свободнѣе своевольничать имъ въ Россіи... Прежде всего недалководные политики, въ туманѣ радости объ униженіи Россіи собрались потребовать у русскаго правительства *достойныхъ вистълицы* измѣнниковъ Аркадія и Алимпія, благословлявшихъ раскольниковъ, рѣзать русскія войска и помогать тѣмъ Турціи... Пресловутый раскольникъ Гончаровъ отправился хлопотать по этому дѣлу въ Константинополь. Онъ подалъ на имя Визиря прошеніе, въ которомъ объяснилъ, что правительство турецкое имѣетъ полное право требовать отъ Россіи взятыхъ во время войны раскольниковъ архіереевъ бѣлокриницкаго ставленія и ноуки московскихъ толстоумовъ. Ему легкомысленно обѣщано было, что Порта не оставитъ этого дѣла безъ вниманія, войдетъ по сему предмету въ сношеніе съ русскимъ правительствомъ, и именно обѣщано, что дѣло это можетъ устроить отправляющійся въ Россію, для присутствія на коронаціи государя императора, турецкій посланникъ. Гончаровъ питалъ полную надежду на успѣхъ, и чтобъ удобнѣе слѣдить за ходомъ дѣла, поселился въ Константинополь. Наконецъ, возвратился изъ Петербурга и турецкій посланникъ, но привезенныя имъ извѣстія были неутѣшительны для раскольниковъ. Тогда Гончаровъ обратился съ новыми настоятельными просьбами о возвращеніи бѣглыхъ раскольниковъ Аркадія и Алимпія къ турецкимъ министрамъ, и они еще легкомысленнѣе рѣшились начать дѣло по этому

предмету обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ. Дѣйствительно, въ концѣ 1857 года турецкое правительство имѣло дерзость обратиться къ управлявшему нашею миссіей въ Константинополь, г. Бутеневу, съ ходатайствомъ, на основаніи Парижскаго трактата, возвратити расколникамъ взятыхъ во время войны ихъ архіереевъ. Отъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, на это странное представленіе, послѣдовалъ отвѣтъ, что „Аркадій и Алимпій, какъ *русскіе подданные*, бѣжавшіе изъ Россіи, не могутъ получить позволенія возвратиться въ Турцію“. Съ этимъ отвѣтомъ Гончаровъ пріѣхалъ въ Журиловку и, казалось бы, долженъ былъ убѣдиться въ совершенной бесполезности всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ вытребовать изъ Россіи политическихъ преступниковъ „измѣнниковъ-архипастырей“. Но отступать предъ такого рода затрудненіями, какъ отрицательный отвѣтъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, вовсе не было въ характерѣ Осипа Семенова Гончарова. Отъ пана Чайковскаго онъ слышалъ нерѣдко, что, со времени послѣдней войны, голосъ Россіи значительно утратилъ свою силу предъ судомъ общеевропейской политики, и поэтому отвѣтъ русскаго министра онъ вовсе не расположенъ былъ считать окончательнымъ рѣшеніемъ своего дѣла... На общемъ совѣтѣ раскольники признали за лучшее перенести свое дѣло на судъ Европы, сдѣлавъ изъ него, въ нѣкоторомъ родѣ, международный вопросъ. По мнѣнію Гончарова, слѣдовало непосредственно обратиться къ главному рѣшителю всѣхъ европейскихъ вопросовъ, императору Наполеону III; но такъ какъ дѣло касалось лицъ духовныхъ и имѣло отчасти церковный характеръ, то признали за лучшее перенести его и на судъ Пія IX, котораго, какъ надобно полагать, готовы были признать въ настоящемъ случаѣ такимъ же главой и верховнымъ судьей по дѣламъ церковнымъ, какимъ Гончаровъ почиталъ Наполеона III въ области всемірной дипломатіи.

Между тѣмъ бѣлокриницкую митрополію ожидала серьезная опасность со стороны австрійскаго правительства. Форштейеръ Войнаровичъ былъ крайне недоволенъ, что бѣлокриницкіе иноки и всѣ вообще линованы упорно отказываются отъ подчиненія разнымъ постановленіямъ, признаннымъ необходимыми въ каждомъ благоустроенномъ государствѣ, какъ-то: не хотятъ заводить метриче-

свихъ записей о родившихся, вступившихъ въ бракъ и умершихъ, хоронять умершихъ безъ медицинскаго осмотра и полицейскаго свидѣтельства, упорно отказываются отъ прививанія оспы, равно и отъ всякихъ медицинскихъ пособій, и т. п.

О хлопотахъ митрополіи избавиться отъ веденія метрики очень любопытныя извѣстія встрѣчаемъ въ грамотѣ Кирилла, 30 окт. 1862 г., къ браиловскимъ и хуторскимъ метрикоборцамъ: „Послѣ комиссіи начакомъ мы стараніе къ старанію прилагати во еже бы избѣжати веденія метрическихъ книгъ и не щадихомъ ни злата (московскаго разумѣется), ни самихъ себе; четырежды посылахомъ въ городъ Вѣну для личнаго съ царемъ свиданія, на что болѣе 2,000 червонцевъ издержажомъ. Но что же успѣхомъ? Отнюдь ничего“. Тогда рѣшено было окончательно привести въ исполненіе мысль — обратиться къ европейскому арсенагу съ жалобою на Россію и вмѣстѣ на Австрію за оспу и метрики, Гончаровъ составилъ въ этомъ смыслѣ и прошеніе на имя главнаго изъ европейскихъ властителей — Наполеона III. Продажный бѣловриницкій владыка Кирилль благословилъ (чего они по мужичьему своему скудоумію не благословляютъ!) глупую затѣю тупоумныхъ политиковъ на смѣхъ Европы и стыдъ русскаго народа... Возникъ вопросъ: какъ подать прошеніе? Нашли, что самимъ подать его невозможно: Алимпій, бывавшій во дворцѣ австрійскихъ императоровъ, не затруднился бы, конечно, проникнуть и въ Тюльери, или Сень-Клу; но при тогдашнихъ обстоятельствахъ ему трудно было добратъся до Парижа и вообще выѣхать за-границу; при томъ же въ его присутствіи дома теперь чувствовалась особенная надобность. Послѣ Алимпія, болѣе способнаго исполнить такое порученіе не находили никого, кромѣ Осипа Семеновича Гончарова. Къ нему дѣйствительно и рѣшились обратиться. Нѣкто „Хрипатый“ написалъ двѣ церкви въ лицахъ: первая, которая не приняла метрику, — тамъ сидитъ Христосъ и принимаетъ младенца отъ купели, а ангель записуетъ въ списокъ; вторая, гдѣ приняли метрики, — тамъ сидитъ діаволъ при крещеніи и принимаетъ младенца, а другой діаволъ записываетъ въ списокъ. Гончаръ явился въ Парижъ и лично подаль Наполеону III прошеніе. Какъ происходило это великое событіе, гдѣ именно, котораго мѣсяца и числа

раскольникъ Гончаровъ представлялся Наполеону, и что говорилъ ему рѣшитель судьбъ Европы — свѣдѣнія обо всемъ этомъ пока неясны... Но что представленіе могло устроиться довольно легко, въ этомъ нельзя сомнѣваться: чрезъ Чайковскаго Гончарову не трудно было найти въ Парижѣ людей, готовыхъ помочь ему и даже лично представить его французскому императору. Такъ, дѣйствительно, и было. Новый покровитель раскольниковъ — Наполеонъ III, конечно, не имѣлъ намѣренія дѣлать какія-либо серьезныя услуги забавнымъ чудакамъ, но могъ принять Гончарова и *нахотаться до-сыта надъ дураками*, пріѣхавшими жаловаться чужому императору, съ картиною въ рукахъ объ оспѣ...

Жаль одного, что всѣ эти непрощенныя невѣжды срамятъ русскій народъ, таскаясь по переднимъ чужихъ государей и все вѣдь отъ имени раскольниковъ... Кто ихъ уполномочиваетъ на это? Кто просить объ этомъ? Знаютъ ли какія нибудь темныя раскольники, жители Царевкозшайска, или Чердыни, что творять именемъ ихъ авантюристы-невѣжды?..

XIV.

УЧЕНОЕ НЕВѢЖЕСТВО ЗАГРАНИЧНЫХЪ ДРУЗЕЙ РАСКОЛЬНИКОВЪ.

Между тѣмъ, когда въ Молдавіи мѣстная консисторія отправила нѣсколько донесеній къ ясскому митрополиту и убѣдительно просила его ходатайствовать предъ княземъ о прекращеніи *раскольничьихъ своеволій*, которые *всегда готовы учинить зло* и которые во время войны Турціи съ Россіей и Греціей *подымали противъ Россіи руки* болѣе чѣмъ Турки..., когда въ Москвѣ извѣстный невѣжда и фанатикъ самозванный архіепископъ Антоній московскій (первый) проповѣдывалъ своей паствѣ-раскольникамъ, что за русскаго царя, какъ пребывающаго въ ереси, вынимать назначенную въ служебникѣ частицу (т. е. изъ пятой просфоры) не подобаетъ, и даже составилъ о семъ предметѣ нелѣпую тетрадку, которую раздавалъ всѣмъ святотатственно рукоположеннымъ отъ него

*

раскольничьимъ попомъ, строго заповѣдая держаться изложеннаго въ ней наставленія, къ раскольникамъ навязались въ дружбу новые, непрощенные друзья: Герценъ (Искандеръ), Огаревъ, Бакунинъ и недоучка Вас. Ив. Кельсіевъ. Нѣкто Пафнутій (нынѣ присоединившійся къ единовѣрїю), прїѣхавши въ Лондонъ и остановившись въ одномъ изъ лондонскихъ отелей, съ помощію нанятаго переводчика, отправился прежде всего отыскивать „вольную русскую типографію“, въ надеждѣ получить тамъ нужныя ему свѣденія о лицахъ, съ которыми желалъ видѣться. Отсюда его послали въ книжный магазинъ Поляка Стхоржевскаго. Этому послѣднему Пафнутій объяснилъ, что онъ старообрядецъ, только что прїѣхавшій изъ Россіи, что въ Лондонѣ хотѣлось бы ему напечатать нѣкоторыя старообрядческія книги и потому онъ желалъ бы повидаться съ содержателемъ русской типографіи г. Герценомъ. Стхоржевскій, одинъ изъ интимныхъ членовъ герценовскаго братства, принялъ Пафнутія весьма предупредительно; распросилъ, гдѣ остановился, какъ устроился, давалъ совѣты относительно жизни въ Лондонѣ и выразилъ полную готовность устроить его свиданіе съ содержателемъ „вольной русской типографіи.“ На третью сутки торжественное представленіе назначено вечеромъ. Замѣтно было, что Герценъ приготовился къ принятію интереснаго старообрядца; кромѣ самыхъ близкихъ людей — Огарева и какого-то поляка, служащаго при типографіи, цѣлый вечеръ у него не было никого. Разговоръ, само-собою разумѣется, шелъ преимущественно о расколѣ... Чтобы придать силу своимъ словамъ, онъ распространился о своихъ обширныхъ связяхъ въ Россіи, о своемъ вліяніи въ разныхъ, даже правительственныхъ сферахъ, и тутъ же встать сообщилъ, что не дальше, какъ въ этотъ самый день получилъ всеподданѣйшее письмо изъ Польши, въ которомъ его просятъ уступить полякамъ Малороссію.... И это говорилось серьезно! Гостю тогда же не понравилось это самохвальство. Вечеромъ 5 января, въ крещенскій сочельникъ, Пафнутій сидѣлъ одиноко въ своей квартирѣ. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то, распѣвая густымъ басомъ „во Иорданѣ вращающуся Тебѣ Господи,“ тяжелыми шагами поднимается по лѣстницѣ; дверь распахнулась, и какой-то незнакомецъ, сопровождаемый В. Кельсіевымъ, съ хохотомъ вошелъ въ комнату и сталъ привѣтствовать изумлен-

наго Пафнүтія; это былъ убѣжавшій изъ Сибири Бакунинъ. Его наружность, грубая безцеремонность и это распѣванье священной пѣсни, которымъ онъ какъ будто хотѣлъ скрасить свой первый визитъ къ старообрядцу, но въ которомъ слышалось невольно самое „наглое кощунство“, — все это произвело на Пафнүтія крайне непріятное впечатленіе. Лондонскіе друзья скоро признали за возможное дать Пафнүтію для чтенія „Колоколь“, и только что отпечатанныя книжки: „Что нужно помѣщикамъ?“ „Что нужно народу?“ Эти послѣднія даны были съ особенною цѣлью — узнать объ нихъ мнѣніе гостя, какъ человѣка, хорошо знакомаго съ русскимъ народнымъ бытомъ. Прочитавъ книжки, Пафнүтій пораженъ былъ сколько, съ одной стороны, изумительнымъ невѣжествомъ сочинителей относительно всего, что касалось русскаго народа, полнѣйшимъ непониманіемъ его характера и истинныхъ интересовъ, столько же, съ другой стороны, крайне разрушительными началами, которыми проникнуто все содержаніе книжекъ. При первой, затѣмъ, встрѣчѣ съ Герценомъ, Пафнүтій ему откровенно высказалъ свое мнѣніе объ этихъ, назначенныхъ для народа книжкахъ. „Еслибы вы хотѣли, говорилъ онъ, написать что нибудь съ особеннымъ намѣреніемъ *возстановить противъ себя народъ*, то ничего лучше этихъ книжекъ написать не могли; такъ они противны характеру и истиннымъ потребностямъ русскаго народа? Вы хотите напустить на Россію шайку разбойниковъ. Ужели не знаете вы, къ чему можетъ привести такая проповѣдь среди русскаго народа, чѣмъ грозитъ она отъ народа прежде всего самимъ этимъ проповѣдникамъ? — Висѣлицею!“ ...

Въ одной изъ послѣднихъ бесѣдъ Пафнүтія съ Искандеромъ и Огаревымъ сіи послѣдніе серьезно строили планы объ учрежденіи въ Лондонѣ средоточія раскольниковъ церковной іерархіи и повсемѣстной въ Россіи пропаганды раскола.* Никто не видѣлъ особенныхъ препятствій къ осуществленію этихъ плановъ на свободной лондонской почвѣ! Уже имѣлось въ виду и удобное мѣсто для зданій будущаго раскольниковъ монастыря. Серьезно разсуждали такъ же о выборѣ кандидата на новую епископскую кафедру и придумали сейчасъ же какъ назвать будущаго епископа; предположено было назвать его Сильвестромъ, въ память столь часто гонимаемаго

въ исторіи о бѣломъ клубукѣ Сильвестра папы римскаго, а по каедрѣ—епископомъ новгородскимъ, въ честь св. Софіи и вольнаго великаго Новгорода. Герцена, съ своей стороны, особенно настаивалъ на томъ, чтобы поспѣшить исполненіемъ предпріятія; ему хотѣлось именно сдѣлать торжественное открытіе каедры во время приготавливаемой тогда лондонской всемірной выставки. По мнѣнію Герцена, еслибы дѣйствительно удалось открыть лондонскую раскольничью каедру во время всемірной выставки, когда Лондонъ будетъ наполненъ представителями націй со всего свѣта, это было бы событіемъ великой важности для раскола.... Воображеніе нарисовало предъ нимъ и самыя подробности будущаго открытія лондонской раскольничьей церкви съ торжественною встрѣчей во вратахъ ея будущаго новгородскаго епископа, облаченнаго въ святительскія одежды по примѣру софійскихъ владыкъ. Онъ говорилъ, что въ тому времени научится употребленію раскольничьихъ обрядовъ и самъ, одѣвшись въ длинный раскольничій кафтанъ, съ хлѣбомъ и солью встрѣтитъ владыку, при чемъ скажетъ ему привѣтственную рѣчь. Рѣчь эта, напечатанная въ переводѣ на всѣ европейскіе языки, тогда же роздана будетъ въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ. Торжество закончится банкетомъ, который онъ устроитъ у себя... Увлеченный краснорѣчивымъ развитіемъ этихъ фантазій предъ своими слушателями, онъ едва ли замѣчалъ, какое впечатлѣніе производили онѣ на сидѣвшаго предъ нимъ старообрядца. А онъ слушая рѣчи Герцена, думалъ про себя: „И этотъ человекъ, открыто проповѣдующій атеизмъ, глумящійся надъ православіемъ, презирающій церковь со всѣми ея обрядами, — надѣнетъ старообрядческій кафтанъ, станетъ креститься двумя перстами, будетъ, пожалуй, старостою старообрядческой церкви! Что-жъ это, какъ не наглое кощунство и посяганіе надъ тѣмъ, что мы привыкли почитать благоговѣнно?“ Ясно стало Пафнутію все безобразіе замышляемаго союза между старообрядчествомъ и герценизмомъ, и ужаснулся онъ мысли: какъ бы тогда еще старообрядчество въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь не сдѣлалось похожимъ на г. Герцена въ раскольничьемъ кафтанѣ?.. Вагунинъ уже началъ было писать письма о поголовномъ возстаніи къ раскольникамъ. Мятельника Алимпія, напр., приглашалъ онъ снова приниматься за старое дѣло... „Отецъ Алимпій, такъ

писалъ онъ въ этому послѣднему, — помнишь-ли Прагу? Что-же ты дремлешь? Пора за дѣло...“ и т. д. (Раск. какъ оруд. враж. Рос. нар. Н. Суб.)

Что ученые чудаки оказались въ дуракахъ, это они увидѣли ясно, когда прочли изданное потомъ въ Москвѣ „*окружное посланіе*“ старообрядцевъ къ старообрядцамъ же всей Россіи, въ которомъ писалось слѣдующее: „Завѣщаемъ и молимъ, вступивъ съ верховнымъ апостоломъ Павломъ, творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки, изряднѣ же о здравіи и о спасеніи, и о царствѣ побѣдѣ, иже отъ высочайшія и вездержація Божія Десницы поставленнаго, и славою, и честію вѣнчаннаго, Самодержавнѣйшаго, Богохранимаго, Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Александра Николаевича и всего Августѣйшаго Дома Его, и о всей палатѣ, и о воехъ его, о немъ же и на святой проскомидіи божественной литургіи, въ числѣ великихъ седми, пятая приносится просвира, и приносится будетъ, яко же о немъ, тако и о будущихъ преемницѣхъ престола и скипетра его въ родъ и родъ, и до вѣка.“ Далѣ русскіе люди по крови, разсчитались въ окружномъ посланіи и съ поляками, и съ турками и учеными чудаками, непонимающими народа русскаго, слѣдующими словами: „къ симъ же (писалось въ семъ посланіи) завѣщаемъ вамъ, возлюбленніи, всякое благоразуміе и благопокореніе покажите предъ царемъ вашимъ, въ чемъ не повреждается вѣра и благочестіе, и отъ всѣхъ врагъ его и измѣнниковъ удаляйтеся и бѣгайте, яко же отъ мятежныхъ крамольниковъ поляковъ, тако наипаче отъ *злокозненныхъ безбожниковъ, инльздищихся въ Лондонъ* и оттуду своими писаніи возмущающихъ европейскія державы и разсѣвающихъ плевельное ученіе троеканнаго онаго врага Христова, тмообратному проклятію подлежащаго, *сосуда сатанина*, всечестивѣйшаго Волтера, возмутившаго всю вселенную своимъ *дьявольскимъ ученіемъ*, иже въ животѣ своемъ все тщаніе имѣяше, воеже како бы до конца истребити вѣру во Христа Бога, отвреци законы церковныя и гражданскіе, низложити архіерейскія каеодры, опустошити священныя алтари и превратити царскіе престолы... ввести же безначаліе, еже всѣхъ золь послѣднѣйшее, и научити человѣки, яко нѣсть Бога, ниже промы-

сла его, но яко мръ сей самобытенъ есть и вся, яже въ немъ, по случаю бывають! Его же смертоносному учению послѣдующіи учать тому же безбожію и именуется и суть *вольнодумы*; а въ семь имени исполняется и число, еже въ Апокалипсіи тайно зрителю откровенное, еже есть 666, якоже гдѣ ясно зрится:

$$\begin{array}{cccccccc} \text{В} & \text{о} & \text{л} & \text{ь} & \text{н} & \text{о} & \text{д} & \text{у} & \text{м} & \text{ь} & \text{ч} & \text{и} & \text{с} & \text{л} & \text{о} & \text{з} & \text{в} & \text{ѣ} & \text{р} & \text{и} & \text{н} & \text{о} \\ \text{Ѣ} & \text{Ѡ} \\ 2 & + & 70 & + & 30 & + & 50 & + & 70 & + & 4 & + & 400 & + & 40 & = & 666 \end{array}$$

Имже всѣмъ: изобрѣтателю таковаго ученія, разсѣвающимъ оное и приѣмлющимъ е, да возгласится отъ всѣхъ православныхъ христіанъ: *анаѡема! анаѡема!! анаѡема!!!*

Бѣгайте убо *онѣхъ треклятыхъ*, имже образомъ бѣжить человѣкъ отъ лица звѣрей страшныхъ и змѣевъ пресмыкающихся: то бо суть *предотечи Антихристовы*, тщасіеся безначаліемъ предуготовити путь сыну погибельному. Вы же не внимайте *лаяніемъ сихъ псовъ адскихъ*, представляющихся аки-бы сострадающими о человѣчествѣ; но вѣруйте, яко Богъ есть Творецъ небу и земли, иже премудрымъ промысломъ своимъ управляетъ всею вселенною и учинилъ есть начальство въ общую пользу, безъ него же вся превратятся и погибнуть, сильнѣйшимъ немощнѣйшихъ, пожирающимъ, и яко безначаліе всюду зло есть и слянію виновно. Того ради, чада, Бога бойтесь и дарованнаго Имъ Царя вашего (освободителя поработенныхъ) чтите, равную преданность и благоразуміе и къ будущимъ преемникамъ престола и скипетра его стяжите и имѣйте присно, и всѣхъ во власти сущихъ почитайте, да въ мирѣ и въ тишинѣ ихъ богоугодно поживете во всякомъ благочестіи и честности. “И такъ, *русскій народный духъ*, взятый отдѣльно и отъ купленной заграничной іерархіи, и отъ проходимцевъ авантюристовъ, на все способныхъ... сказался во всей своей явственности, поситѣявшись и надъ Турцією, и надъ поляками, и надъ заграничными учеными чудачами! Иначе и не могло быть! Иную кровь въ живой государственной организмъ не вливають! Не исторія создаетъ судьбы народовъ, а народы исторію!...

XV.

ПРЕДСКАЗАНІЯ САПЪЛКИНА СБЫВАЮТСЯ.

Шагъ за шагомъ историческія событія въ Россіи дѣлали свое дѣло и наконецъ ввели въ ограду общей семьи русской почти всѣхъ лучшихъ, заграничнаго ставленія, раскольничьихъ архіереевъ. Поскитавшись всюду и все испытавши, одаренные честію и здравымъ смысломъ составили, наконецъ, изъ себя братство людей, искренно убѣдившихся въ пустотѣ раскола и проницнутыхъ однимъ общимъ желаніемъ войти въ общую семью. Испрошено было Высочайшее прощеніе всѣмъ заблуждавшимся и чистосердечно раскаявшимся въ своихъ заблужденіяхъ, и надъ возвратившимися подъ общій кровъ, наконецъ, въ Москвѣ совершенъ былъ торжественный обрядъ присоединенія къ общей церкви. Восхитившіе себя незаконно епископскіе саны смиренно и добровольно сложили съ себя непринадлежавшее имъ званіе и остались простыми иноками. Московскій митрополитъ Филаретъ озаботился тотчасъ же мыслью объ основаніи въ Москвѣ мужскаго единовѣрческаго монастыря, въ которомъ новоприсоединившіеся иноки могли бы имѣть мѣстопребываніе, болѣе соответствующее ихъ положенію, въ которомъ находили бы вѣрный пріютъ себѣ и тѣ изъ старообрядцевъ, которые, какъ можно, надѣялись, послѣдуютъ ихъ доброму примѣру. На благую мысль архіепископа съ сочувствіемъ отозвалось и общество московскихъ единовѣрцевъ. По его благословенію общество рѣшилось ходатайствовать о Высочайшемъ соизволеніи на предполагаемое учрежденіе монастыря. Въ августѣ 1865 года во время пребыванія Государя Императора въ Москвѣ, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, графъ Д. А. Толстой, входилъ по сему предмету съ представленіемъ къ Его Величеству; 17-го числа того же мѣсяца, когда Государю Императору угодно было принять депутацию отъ московскихъ единовѣрцевъ, и когда одинъ изъ депутатовъ, обесмертившій себя въ исторіи единовѣрія, Ник. Мат. Аласиль, въ рѣчи своей обратился къ Его Велико-

ству съ просьбой, объ оказаніи покровительства дѣлу объ устройствѣ монастыря, Государь Императоръ милостиво отвѣчалъ: „Проектъ устройства единовѣрческаго монастыря въ Москвѣ мнѣ извѣстенъ. Я одобряю эту мысль, а о средствахъ исполненія велѣлъ сдѣлать соображеніе. Надѣюсь, дѣло это легко устроится.“

Вмѣстѣ съ депутатами отъ единовѣрцевъ имѣли счастье быть представленными Его Величеству и всѣ новоприсоединившіеся. Каждого изъ нихъ Государь Императоръ милостиво и ласково спрашивалъ о мѣстѣ рожденія, воспитанія, прежнихъ занятіяхъ, и ко всѣмъ вмѣстѣ обратилъ слѣдующія, незабвенныя для нихъ, слова: „Радуюсь, васъ видѣть между единовѣрцами! Я увѣренъ, что присоединеніе ваше было искреннее, по убѣжденію, а не по какому-либо расчетамъ, и надѣюсь, что оно не останется безплоднымъ. Конечно, вы убѣждены, точно такъ же какъ и Я, въ правотѣ нашей православной церкви. Молю Бога, чтобы вашему доброму примѣру послѣдовали и другіе!“

XVI.

РАСКОЛЬНИЦА АГАФЯ ФИЛИПОВА РАХМАНОВА.

И такъ, царь русскій не злопмятенъ! Не злопмятны и всѣ люди русскіе! Всѣ охотно простятъ и невѣжеству тѣхъ раскольничьихъ самозванцевъ, которые, ниѣмъ не уполномоченные, *таскаютъ съ позоромъ „имя русское“*... по переднимъ турецкихъ султановъ, австрійскихъ императоровъ и Наполеоновъ III, и тѣхъ безграмотныхъ самозванныхъ архіереевъ, которые святотѣтственными руками благословляютъ русскихъ людей проливать на войнѣ кровь своихъ соотечественниковъ и тѣхъ, канонещъ, кто затѣвалъ и покупалъ для потѣхи самолюбія продажную, заграничную іерархію, кто ее поддерживалъ и кто нынѣ поддерживаетъ сей одряхлѣвшій трупъ, лишь бы заблуждающіеся пришли къ чистому раскаянію и не позорили предъ Европою безмыслицами ни своей, ни нашей головы... Теперь скажемъ два, три слова объ раскольницѣ Агафѣ Рахма-

новой. По смерти Василя Рахманова, злаго раскольника, причинившаго столько огорченій царствующему дому нашему и столько безпокойства правительству русскому, осталась вдовою Агаея Филипова Рахманова. Она и доселѣ здравствуетъ въ Москвѣ, имѣеть въ домѣ своемъ, у Ильи Пророка, на Земляномъ валу, богатую моленную, гдѣ постоянно отправляетъ богослуженіе самозванный іерархъ Антоній, изъ безграмотныхъ мужиковъ и гдѣ, купно съ Иваномъ Петровымъ Бутиковымъ, Федоромъ Яковлевымъ Свѣшниковымъ, Винокуровымъ, Морозовыми и другими столпами раскольниковыми, присутствуютъ и члены земскихъ управъ... въ родѣ К. Т. Солдатенкова. Слѣпая толпа вмѣстѣ съ сими богачами благоговѣнно внемлетъ бѣглымъ попанамъ изъ солдатъ, прасоловъ, лоцмановъ и дворниковъ, увѣренная, что благодать священства только и почіеть на выстриженныхъ маковезахъ самыхъ зазорныхъ бродягъ, и все прочее, т. е. все мы обрѣчены погибели въ гееннѣ огненной, ибо все мы, о ужась! безблагодатны... А между тѣмъ К. Т. Солдатенкову стоитъ сказать одно слово: „довольно! и я оставляю, по примѣру В. А. Сапѣлкина, Н. М. Аласина, Гучковыхъ и проч. раскольникую тьму!“ и сотни тысячъ слѣпыхъ раскольниковъ въ Россіи тотчасъ же послѣдуютъ его примѣру!.. Ужели никогда не придетъ это время для московскаго раскольника Кузьмы Терентьева Солдатенкова?....

Оканчивая этотъ очеркъ, мы прочли въ двухъ сѣренскихъ газетахъ московскихъ, самыя невѣжественныя рецензіи на первое изданіе настоящей нашей книги. Одна изъ нихъ написана довольно малограмотнымъ сочинителемъ ничтожныхъ фельетонныхъ статей, въ неменѣе ничтожной сѣрой газеткѣ, называемой „Русскія Вѣдомости“ и извѣстной болѣе волостнымъ писарямъ, держателямъ харчевень и мелочныхъ лавокъ; другая сочинена уже окончательно бездарнымъ барзописцемъ, описывателемъ московской уличной грязи, знаменитымъ П. Акиловымъ въ „Развлеченіи“. Дерзость той и другой статьи безгранична, и беззащитни-

вость, съ которою авторы этихъ статей позволили себѣ относиться болѣе ко мнѣ *лично*, чѣмъ къ моей книгѣ, давали мнѣ право развѣдаться съ ними судомъ... Для насъ интересны, однако, мотивы, породившіе вышеозначенныя рецензіи. Первая написана, какъ извѣстно всѣмъ, пріятелемъ московскаго раскольника Кузьмы Терентьева Солдатенкова, у коего онъ бываеъ и обѣдаеъ вмѣстѣ съ редакторомъ плохой газеты „Русскія Вѣдомости“, Ник. Сем. Скворцовымъ. Неопровержимый фактъ этотъ весьма многимъ въ Москвѣ извѣстенъ. Позвоительно ли, спрашиваемъ мы всѣхъ честныхъ людей, печатный органъ, какъ бы онъ ни былъ ничтожевъ, обращать въ орудіе мести автору правдиваго очерка объ отписномъ раскольникѣ-милліонерѣ Кузьмѣ Терентьевѣ Солдатенковѣ? Это ли высокое и святое служеніе правдѣ и обществу? Если пріятелямъ главы бѣглой заграничной іерархіи, К. Т. Солдатенкова, той іерархіи, которая святотатственною рукою благословляеъ убійцъ на царубійство... нравятся его обѣды и они находятъ ихъ очень вкусными, то имъ оставалось не говорить добраго слова, прямо книгу, и только; но ужъ во всякомъ случаѣ весьма безтактно съ ихъ стороны обращать печатный органъ въ орудіе не позволенной руготни. Мы понимаемъ еще поступокъ редактора сѣренской газеты, Ник. Сем. Скворцова, отказавшаго намъ въ напечатаніи объявленія о нашей книгѣ „Раскольники и Острожники“ и неустыдившагося выразиться при этомъ лично передъ нами, что онъ часто обѣдаеъ у К. Т. Солдатенкова и *потому* не можетъ принять объявленія о книгѣ, въ которой говорится о семъ Солдатенковѣ, но не понимаемъ рѣшимости г. Скворцова за вкусныя обѣды унижать печатный органъ до положенія его къ ногамъ хозяина обѣдовъ... Въ довольно малограмотной и дерзкой статьѣ вашего сотрудника вы не церемонились, г. Скворцовъ, предъ своимъ лицомъ, позвольте же и мнѣ не церемониться съ Вашимъ? Вы можете въ своемъ Замоскворѣчьи и впредь писать руками подобныхъ плохихъ Вашихъ сотрудниковъ статьи, наполненныя не позволенной руготни въ защиту милліонеровъ московскихъ раскольниковъ, съ коими связаны давнею дружбою и вкусными обѣдами, но помните, что *пробилъ на Руси часъ*, когда должна подняться завѣса со всѣхъ темныхъ дѣлъ, кои

наполнена земля русская... и, въ частности, исторія раскольниковыхъ подпольныхъ дѣяній!.. Вы вѣ-очю уже видите, что недавній милліонеръ М. Плотницинъ, — предъ коимъ преклонялась цѣлая губернія, и до защиты коего недавно *унижалась* и Ваша сѣрешская газета, вмѣстѣ съ подобными же Вашей русскими газетами, коимъ честные люди весьма мѣтко дали въ послѣднее время названіе „судомоекъ“, — уже наканунѣ ссылки... что портреты милліонеровъ Солодовниковыхъ уже выбрасываются изъ общественныхъ залъ... печатаются, съ соизволенія правительства, постоянно книги, съ подробнымъ описаніемъ недавняго Польскаго мятежа и перечисленіемъ лицъ, живущихъ и доселѣ среди насъ, несмотря ни на какое ихъ общественное положеіе... такъ знайте же, что не нынѣ, такъ завтра и послѣ моихъ правдивыхъ книгъ явятся о русскихъ сектантахъ новыя десятки и сотни книгъ, наполненныхъ еще большими подробностями о неизвѣстныхъ доселѣ дѣяніяхъ, ибо архивы наши, бдительно сохраняемые, домыслятъ отъ груды дѣлъ, имѣющихъ, конечно, въ самомъ непродолжительномъ времени послужить матеріаломъ для десятковъ томовъ одной исторіи покупки и паденія бѣгдой раскольниковей іерархіи и нѣсколькихъ томовъ объ одномъ раскольникѣ К. Т. Солдатенковѣ... Ужели Вы все будете продолжать писать исполненныя дерзости ругательныя статьи на эти книги? Но мы вѣримъ, что съ явленіемъ этихъ новыхъ книгъ явятся на Руси и новыя газеты, редакторамъ коихъ не будетъ извѣстенъ вкусъ раскольниковыхъ обѣдовъ, которые высоко будутъ нести святое знамя печатной правды и безпристрастія, и которые съ гордостію послужатъ приниженію тѣхъ лицъ въ Россіи, которые ѣздятъ нынѣ въ каретахъ, и возвышенію тѣхъ, коихъ обдають грязью эти кареты... Правда на Руси уже родилась; изъ ребенка она быстро возрастетъ въ сильнаго мужа; ясными и привѣтливыми очами привѣтствуютъ ее всѣ честные люди и близокъ часъ, когда она, подавши руку этимъ людямъ, быстро пройдетъ по всему пространству земли русской!.. Не Вамъ г. Скворцовъ изъ Замоскворѣчья воевать съ нею, и не К. Солдатенкову ее отстаивать... Подавши руку этой правдѣ, мы безбоязненно обрели свое имя на терзаніи, зная, что за нами еще стоитъ не одно „сто“

такихъ лицъ, которыя пойдутъ по расчищающейся правдою дорогѣ еще дальше насъ...

Теперь два слова нѣкому П. Акилову. Этотъ малограмотный бумагомаратель, — смыслъ коего никогда не простирался дальше описанія въ сѣренькой газетѣ уличной грязи, — тоже вѣроятно въ угоду московскихъ раскольниковъ; счелъ обязанностью лягнуть нашу книгу... Но мы, не останавливаясь на гнусномъ мараньѣ сего П. Акилова, съ поразительною дерзостью величающаго себя вездѣ и всюду фельетонистомъ „Развлеченія», перейдемъ къ другому фельетонисту, съ коимъ кажется, П. Акиловъ долженъ быть знакомъ отчасти... Этотъ фельетонистъ, какъ недавно и описывался онъ въ одной большой газетѣ, до того глушь, нусть и ничтоженъ, что румянить лице суриковыми румянами, какъ дѣвка изъ Соболева переулка, щеголяеть гофренными рубашками, за новую, даренную пару которыхъ способенъ на всякую печатную пакость, носить постоянно англійскій проборъ на затылкѣ, смотритъ безмысленно, точно баранъ, и держитъ шею, спину и руки какъ каучукъ-мень. Вся Москва знаетъ его умственную ничтожность и моральную негодность... и потому мы не распространяемся о немъ болѣе, и если сказали о семъ жалкомъ фельетонистѣ, то только потому, чтобы подивиться въ какихъ грязныхъ рукахъ у насъ находится еще иногда печатное слово, и чего можно ожидать намъ отъ этого слова? Вы не встрѣчались ли г. Акиловъ съ этимъ фельетонистомъ?

XX

СКОПЧЕСКІЙ БОГЪ КОНДРАТІЙ СЕЛИВАНОВЪ

I.

СУМАСВРОДНЫЯ ВѢРОВАНІЯ СКОПЦЕВЪ.

Всѣ вѣрованія, надежды и мечты скопческой ереси сосредоточиваются на странномъ существѣ, которое у скопцевъ величается „Искупителемъ“, „Сыномъ Божиимъ“, „Христомъ“, и вообще всѣми именами, приписываемыми истинною Христіанскою Церковью ея Божественному Основателю ¹⁾. Этотъ Искупитель и Христось, этотъ

¹⁾ Источники: Записка архим. Досифея о скопцахъ.—Записка Бардулина графу Милорадовичу. — Архив. дѣло 1825 г. № 11.—Записка

Сынъ Божій, есть, по мнѣнію ихъ, никто другой, какъ тотъ самый таинственный старикъ Селивановъ, который проживалъ въ Петербургѣ и потомъ сосланъ въ Суздаль; старикъ же этотъ, въ своемъ видимомъ униженіи, таитъ подъ собою то самое лицо, которое царствовало на всероссійскомъ престолѣ, подъ именемъ блаженной памяти императора Петра III Ѳедоровича! Столь дикая нелѣпость разрослась у скопцевъ въ обширную сказку, гдѣ евангельское ученеіе объ Христѣ Спасителѣ и историческія преданія объ императорѣ Петрѣ III перепутались и обезобразились до невообразимо-чудовищнаго баснословія. Скопцы вѣрують, что искупитель ихъ, Кондратій Селивановъ, воплотился отъ блаженной памяти императрицы Елисаветы Петровны, согласно съ евангеліемъ, не отъ похоти плотскія, но отъ Духа Святаго. Наболѣе распространено между ними мнѣніе, что императрица Елисавета развѣшилась отъ бремени въ Полонскій ѣ, по возвращеніи затѣмъ въ Россію, будучи предызбрана въ житію снѣтому и подвижническому, дѣйствительно царствовала только два года; иные же говорятъ, что и вовсе не царствовала, но, оставивъ вмѣсто себя на престолѣ одну изъ своихъ наперсницъ, имѣвшую совершенное съ нею сходство, какъ въ чертахъ лица, такъ и въ свойствахъ душевныхъ, сама удалилась въ Орловскую губернію, гдѣ, поселясь въ домѣ одного крестьянина скопца, подъ именемъ простой женщины Акулины Ивановны, провела остатокъ жизни своей въ постничествѣ, молитвѣ и благотвореніяхъ, а по кончинѣ, похоронена тамъ же въ саду, гдѣ мощи ея почиваютъ до нынѣ...

Д. С. С. Липранди Мин. Вн. Дѣл. — Слѣд. дѣло о Моршанскихъ скопцахъ 1829 г. — Записка П. П. Надеждина въ Т. III Сборн. Царств. Свѣд. о Расколѣ. — Архивн. дѣло 1820 г. № 11. — Донесен. Орловск. Губернат. 1844 г. за № 208 Мин. Вн. Д. — Дѣло Госуд. Арх. 1800 г. № 48, 123. — Полн. Собр. Закон. Т. (XV), № 14233. — Высоч. Комиссія о скопцахъ 1844 г. — Отношен. С.-петербургскаго Приказа Обществ. Призр. отъ 8 апр. 1844 г. и Конторы С.-петерб. Градск. Богдѣльни отъ 1 апр. 1844 г. — Отнош. С.-петерб. Духовн. Консист. 24 апр. 1844 г. за № 1647. — Писмен. показан. скопца Хорошкѣва

У другихъ скопцевъ разсказывается, что разрѣшеніе Елисаветы Петровны отъ бремени послѣдовало въ Россіи, и сынъ ея, Петръ III, искупитель, немедленно по рожденіи былъ отправленъ въ Польшину, гдѣ, достигнувъ отрочества, принявъ оскотленіе. Когда по достиженіи совершенныхъ лѣтъ, Петръ Ѳеодоровичъ, возвратясь въ Россію, вступилъ въ бракъ и потомъ по смерти Елисаветы на императорскій престолъ, то, по преданіямъ скопцовъ, онъ былъ спасенъ отъ угрожавшей ему опасности преданностію одного изъ скопцовъ, который добровольно пожертвовалъ собой за царя-искупителя, давъ ему тѣмъ способъ укрыться и спастись для спасенія всего рода человѣческаго. Между тѣмъ истинный Петръ III долженъ былъ всячески скрываться, преслѣдуемый поисками Екатерины, онъ провель три дня безъ пищи, сидѣлъ въ какомъ-то каменномъ столбѣ, проживалъ потомъ у колонистовъ въ окрестностяхъ Петербурга, а наконецъ добрался до Москвы, гдѣ утвердилъ въ Вѣрѣ, то есть въ скопцествѣ, нервыхъ своихъ учениковъ. Оттуда удалился онъ, по сказанію скопцевъ, за предѣлы Россіи, въ западныя государства, и тамъ всюду проповѣдывалъ, что онъ есть истинный Христосъ, пришедшій въ міръ для спасенія людей посредствомъ «огненного крещенія», т. е. оскотленія, подтверждая свою проповѣдь безчисленными чудесами.

Возвратясь потомъ обратно въ Россію, онъ установилъ свое пребываніе въ Тульской губерніи, гдѣ главнымъ ему помощникомъ и сотрудникомъ въ проповѣданіи и совершеніи оскотленія явился Александръ Ивановичъ, котораго одни изъ скопцевъ называютъ графомъ, другіе княземъ, всѣ же вообще величаютъ „Предтечею Искупителя“. Тутъ онъ былъ наконецъ схваченъ, и съ Предтечею, и, по претерпѣннмъ многихъ испытаній „отъ Іудеевъ и фарисеевъ“ (такъ злословятъ скопцы существующія власти: гражданскую и ду-

Комиссія о Скопцахъ 1844 г. — Отнош. Суздаль. Городничарю 4 іюня 1844 г. и Земск. Исправн. 7 іюля 1844 г. — Отнош. С.-петерб. Воен. Генер. Губерн. Мин. Вн. Д. 24 мар. 1844 г. за № 292.

ковную), подвергся, под именем Селиванова, публично торговой кавны, Тамбовской губерніи (въ селѣ Сословкѣ); а потомъ самъ сосланъ былъ въ Иркутскъ, «Предтеча» же его отправленъ въ Ригу. Это называется у скопцовъ „страданіемъ и распатіемъ Искупителя“.

II.

Скопческій богъ изъ высвѣщенныхъ кнутахъ каторжниковъ. Кто же на самомъ дѣлѣ этотъ скопческій богъ? Жилъ въ Тулѣ, въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, одинъ „киевскій затворникъ“ и проповѣдывалъ сумасбродное ученіе. Это былъ Кондратій Селивановъ. Происхожденіе его было не высокое, что доказывается тѣмъ, что онъ, по свидѣтельству лично знавшихъ его скопцовъ, былъ безграмотный... Былъ онъ родомъ изъ села Столбова, Орловской губерніи и другой современннй ему ересеначальникъ, дѣйствовавшій вѣкругъ Орла, Андрей Ивановъ, уроженецъ той же губерніи села Брасова, сосѣдняго Столбову, былъ ему землякомъ и другомъ. По показаніямъ основсвяхъ скопцовъ, содержавшихся въ Динаминдѣ, Кондратій Селивановъ, когда они были ему представлены, жилъ въ Тулѣ уже въ качествѣ признаннаго наставника секты, имѣвшаго себѣ равностныхъ сотрудиновъ въ Емельянѣ Ретивомъ и Александрѣ Ивановѣ. Но прежде чѣмъ возвысился онъ на эту степень, считался онъ по воѣмъ городамъ въ нищенскомъ образѣ, не имѣя гдѣ родовы преблнать, свирѣаясь отъ преслѣдованія правосудія. Преслѣдованіе это не могло быть за скопчество, на которое въ то время еще не было обращено вниманіе правительства; слѣдовательно, онъ имѣлъ *другія причины* бо- ляться и избѣгать строгости законовъ... Какъ бы то нибыло, мы видимъ что скрывающіеся предпочтительно у оубаго рода приста- нодержателей, которыхъ онъ называетъ „божьими людьми“. Эти божьи люди, очевидно, были не что иное, какъ сектаторы же, у ко- торыхъ были сборища, называемыя „кораблями“, и въ этихъ сбо-

рицахъ учительствовали наставники и наставницы, называвшіеся „пророками и пророчицами“. Но сектаторы эти вовсе не были скопцы; напротивъ, они ненавидѣли скопчество, проповѣдуемое ничтожными, презираемыми или бродягою... Селивановъ самъ о себѣ говоритъ, что онъ, ходя на „бесѣды“ ихъ съ какимъ-то Мартынушкой, котораго (безъ сомнѣнія по единомыслию), называетъ своимъ „братцемъ“, былъ „молчаливъ и несмѣлъ“, въ собраніяхъ „садился всегда у самаго порога и за порогомъ, и былъ нѣмъ, и не слышалъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ“ за что и прозванъ былъ „молчанкою“. Но въ глубинѣ этаго молчаливаго смиренія, онъ работалъ неунынно о распространеніи между божьими людьми своей „чистоты“, т. е. скопчества, и такимъ образомъ приготовлялъ въ сектѣ ихъ образованіе новой секты, въ коей предоставлялъ себѣ роль главнаго наставника. Это возбудило къ нему личную злобу со стороны бывшихъ въ сектѣ наставниковъ и наставницъ. Одна дѣвица-пророчица хотѣла убить его камнемъ изъ-за двери, а братъ ея нѣсколько разъ подстерегалъ его на дорогѣ, чтобы застрѣлить изъ ружья. Другой, какъ видно сильный своимъ влияніемъ, пророкъ Филимонъ, который „ходилъ во словѣ бойко“; пригрозилъ ему накрѣпко, чтобъ онъ „не отвращалъ отъ него людей“, прикидываясь смиренникомъ... Все это происходило гдѣ-то неподалеку отъ Тулы, куда Селивановъ говоритъ, что онъ „хаживалъ на праздники“. Возставшее на него, такимъ образомъ, ожесточеніе принудило его искать убѣжища у одного, тоже божьяго человѣка, по имени Аверьяна, который скрылъ его въ своей житницѣ, тайно отъ жены и отъ всей своей семьи. Этотъ Аверьянъ былъ никто другой, какъ Емельянъ Ретивой, писарь лугининской фабрики въ Тульской губерніи, впоследствии одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ агентовъ ересеначальника. Селивановъ рассказываетъ, что этотъ Аверьянъ долго колебался принять предлагаемую ему „чистоту“, т. е. осконченіе, „боюсь умереть“, но наконецъ поддался убѣжденію, что „не умереть, а паче воскресить душу свою“. Кажется, и пророкъ Филимонъ успѣлъ между тѣмъ поладить съ новымъ ересеначальникомъ, ибо онъ обращалъ къ нему маловѣрнаго и малодушнаго Аверьяна для подкрѣвленія въ рѣшимости осконитъ-ся. Но главнѣйшую подпору нашелъ онъ себѣ въ „Акулинѣ Ива-

*

новнѣ“, содержательницѣ большого корабля, въ которомъ божьихъ людей было до тысячи человекъ... У этой Авулины Ивановны была „первая и главная пророчица“, по имени „Анна Романовна“, славившаяся во всей окрестности даромъ предвидѣть и предсказывать, каковъ будетъ урожай хлѣба и уловъ рыбы. Она-то, невѣдомо почему, обратила особенное вниманіе на Селиванова, еще темнаго и безвѣстнаго, и разъ торжественно, въ соборнѣ, состоявшемъ изъ семидесяти человекъ, объявила его „Богомъ“, а потомъ наединѣ, сразясь съ нимъ въ силѣ духовной, признала себя побѣжденною и сказала въ пророческомъ вдохновеніи, что онъ „по претерпѣннѣ великихъ нуждъ и страданій“, прославится по всей вселенной, какъ „Богъ надъ Богами, царь надъ царями и пророкъ надъ пророками“. Все это происходило между 1770 и 1775 годами, незадолго до открытія сосновскихъ скопцовъ правительствомъ. Съ этого времени начинаются „страды“, т. е. преслѣдованіе, поимка и наказаніе Селиванова по всей строгости законовъ. Открытъ онъ былъ въ Тулѣ, гдѣ имѣлъ пребываніе въ домѣ „жены-грѣшницы“, т. е. на принадлежавшей еще вполнѣ къ ереси, по имени Федосьи Левлевой, скрываясь у ней „въ цѣдпольѣ“, подъ тремя полами. Тутъ на него „доказали“ и „подвели солдатъ“ божьи люди, которые, значить, въ массѣ не переставали его ненавидѣть. Слѣдствіе и судъ производились надъ нимъ въ Тулѣ же, гдѣ онъ содержался въ острогѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ. По суду, на основаніи высочайшаго указа, даннаго незадолго предъ тѣмъ по поводу орловскихъ скопцовъ, онъ приговоренъ былъ къ наказанію кнута въ Сосновкѣ, на мѣстѣ произведенныхъ имъ оскорбленій, вслѣдствіе чего переведенъ былъ въ Тамбовъ, и содержался въ тюрьмѣ два мѣсяца, ожидая утвержденія приговора отъ высшаго правительства. Наконецъ, экзекуція произведена была въ Сосновкѣ, на сельской площади, гдѣ вслѣдствіи поставлена была деревянная церковь во имя Благовѣщенія Богородицы, сгорѣвшая въ 1816 г., нынѣ же находится тамъ каменная часовня.

Построеніе церкви въ Сосновкѣ, на мѣстѣ казни скопческаго ересеначальника, въ вѣкоторыхъ спискахъ „страды“ представляется якобы предсказаннымъ отъ наказаннаго преступника немедленно послѣ экзекуціи. По произведенному въ 1844 году мѣстному дозна-

нѣю оказалось, что церковь эта дѣйствительно построена спустя лѣтъ восемь или десять послѣ открытія въ Сосновкѣ скопческой ереси, слѣдовательно послѣ наказанія Селиванова, а до тѣхъ поръ не было тутъ вовсе церкви, и въ Сосновкѣ находилась только одна старая церковь, во имя великомученика Никиты, которая особо существуетъ доннѣ; для этой же вновь строившейся деревянной церкви, заготовленіемъ лѣса и прочихъ матеріаловъ занимался въ особенности крестьянинъ Владиміръ Холинъ, отецъ скопца Іона Холина. Все это даетъ поводъ заключать, что между построеніемъ этой церкви и исторіею скопческаго ересеначальника есть нѣкоторая тайная связь, на что очевидно намекается и въ „страдахъ“ упомяновеніемъ обстоятельства, иначе нисколько не любопытнаго для скопцевъ. Самовидѣцъ наказанія Селиванова, старикъ Семень Поповъ, въ своемъ объясненіи показалъ, что наказанный преступникъ, послѣ экзекуціи, былъ помѣщенъ въ стоявшемъ на площади домѣ крестьянина Семутина, гдѣ онъ самъ видѣлъ его въ окно; тутъ могли, дѣйствительно, случиться разсказываемые въ „страдахъ“ анекдоты о перелѣнѣ рубашки и о парномъ молокѣ, но живыхъ свидѣтелей тому, за выморочностью всего дома Семутиныхъ, въ настоящее время не отыскалось. Впослѣдствіи каторжникъ отправленъ былъ въ Сибирь и шелъ изъ Сосновки до Иркутска полтора года.

III.

СКОПЧЕСКОЕ ВАСНОСЛОВІЕ О БОГѢ-КАТОРЖНИКѢ СЕЛИВАНОВѢ.

Помѣшанники скопцы составили объ этомъ каторжникѣ слѣдующую сказку: Тридцать лѣтъ, говорятъ они, прошло, какъ высѣли кнутомъ бога ихъ Селиванова. Наконецъ на престолъ вступилъ государь императоръ Павелъ I, который послалъ немедленно въ Сибирь гонца съ повелѣніемъ привести царя-искупителя. Въ то же время послано было также повелѣніе въ Ригу относительно предтечи, съ ко-

торнымъ государь видѣлся будтобы и говорилъ еще прежде, когда бывши великимъ княземъ, вмѣстѣ съ супругою проѣзжалъ черезъ Ригу за границу. Привезенный изъ Иркутска скопческій испу-читель-каторжникъ, по увѣренію скопцевъ, былъ будто бы пред-ставленъ государю Павлу Петровичу. Мы не будемъ передавать суть скопческихъ разсказовъ о разговорѣ этого изувѣра съ го-сударемъ—до того нелѣпы эти басни!

Свиданіе кончилось тѣмъ, что испуителя повелѣно было содержать въ одной изъ петербургскихъ богадѣлень, а предтеча отправленъ былъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ вскорѣ потомъ умеръ въ заточеніи, но, по смерти, погребенъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, съ необычайнымъ великолѣпіемъ и пышностію на подгородной преобра-женской горѣ, на которой впоследствии и явились будто бы его мощи. Между тѣмъ испуитель дожилъ въ богадѣльнѣ до воцаре-нія императора Александра I, при которомъ воспослѣдовало его полное освобожденіе и соединеніе съ учениками. Слѣдовавшее за тѣмъ время, когда онъ, для соблюденія формы приписанный къ с. пе-тербургскому градекому обществу подъ именемъ мѣщанина Селива-нова, жилъ въ столицѣ спокойно и безпрепятственно, съ вѣдома, какъ увѣряютъ скопцы, не только высшихъ властей, но и самаго монарха, распространяя ученіе свое словомъ и дѣломъ, собирая во-кругъ себя многолюдныя торжественныя собранія и въ нихъ пріемля отъ поклонниковъ своихъ честь, подобающую Богу и царю,—это время скопцы называютъ „воскресеніемъ испуителя“, своимъ „кра-снымъ и теплымъ лѣтомъ“, своимъ „золотымъ временемъ“. Ва-снословныя преданія скопцевъ объ этомъ времени поражаютъ своею нелѣпностію и своимъ крайнимъ нахальствомъ, превосходящимъ всякое вѣроятіе. Но впоследствии „слуги испуительскіе“, т. е. приближенные къ испуителю скопцы, возгордясь своимъ земнымъ величіемъ, начали сами „жить слабо“, а надъ прочими собратіями „вести строго“, удаляя ихъ отъ испуителя. Тогда будто государь, разгнѣвавшись, уславъ прежде недостойныхъ „слугъ“, а потомъ, для устрашенія и вразумленія „слабыхъ“, отнялъ у нихъ самого испуителя, отправивъ его въ Суздаль. Скопцы вѣруютъ, что бли-зокъ часъ, когда испуитель-царь явится снова, и явится „со сла-

вою и силою“, приведетъ отъ „восточной страны“, т. е. изъ Сибири, „полки полками“, *придетъ въ Москву*, и тамъ, „зазвонивъ въ Успенскій колоколь“, соберетъ къ себѣ *вѣхъ скопцевъ „миллионами, билліонами“*, *возсядетъ на Всероссійскомъ престолѣ*, а потомъ, въ Петербургъ, откроетъ всеобщій судъ міру, будетъ судить „живыхъ и мертвыхъ“, т. е. скопцевъ и не скопцевъ...

Въ этомъ изображаютъ они „второе пришествіе искупителя“ и „Страшный судъ“, предвозвѣщенный въ Евангелии. Тогда, говорятъ они, *вѣс царя и владыки земные надену поклонятся некупятелю, повергая въ стада ево свои короны и скипетры и изъясняя глубокое сокрушеніе, что не познали такого сокровища, обрѣташагося между сынами человѣческими*, не удостоившись принять благодати оскопленія (?). Въ своемъ неизреченномъ милосердіи, искупитель снизойдетъ къ этому смиренному раскаянію, и во вѣс концы вселенной пошлетъ своихъ апостоловъ и пророковъ, имѣющихъ „одинаковые дары“, т. е. подвергнувшихъся однообразному оскопленію, состоящему въ отнятіи вѣхъ половыхъ органовъ, а ими, по фигурному выраженію скопцевъ, „въ каждой землѣ посѣется по зернышку пшеницы, и каждое зернышко произраститъ пшеницы на пятьдесятъ кораблей“, что означаетъ на ихъ фигуральномъ языкѣ вообще оскопленіе рода человѣческаго. Совершивъ, такимъ образомъ, „дѣло свое“ на землѣ, Царь-искупитель скончается естественною смертію, и тѣлесные останки его будутъ, какъ убѣждены въ томъ изувѣри, положены въ Невской Лаврѣ, въ ракъ св. князя Александра Невскаго. Послѣ того, міръ сей, и въ немъ родъ человѣческій, очищенный окончательно отъ „всякой нечистоты“, т. е. *состоящій изъ однихъ скопцевъ*, будетъ существовать „во вѣки вѣковъ“. Такъ какъ предъ вторымъ пришествіемъ на землю Христа Спасителя вѣра истинныхъ христіанъ ожидаетъ явленія антихриста, то скопцы, нетерпѣливо чающіе своего торжества, увѣрили себя, что антихристъ уже явился въ лицѣ французскаго императора Наполеона III, про котораго, въ свою очередь, баснословствуютъ, что онъ былъ побочный сынъ императрицы Екатерины II, которая, воспитавъ его первоначально въ им-

ператорской российской академіи, отправила потомъ во Францію, гдѣ онъ своимъ высокимъ разумомъ достигъ императорскаго престола, причемъ прибавляютъ еще, что Наполеонъ I живъ еще до сихъ поръ, скрываясь въ Турціи, откуда при общемъ судѣ миру явится, обращенный въ истинную вѣру, т. е. въ скопчество, и будетъ „великимъ сосудомъ благодати Божіей“.

Этимъ-то именно блаженствомъ тѣ изъ людей, которыхъ страшный судъ застигнетъ въ живыхъ, будутъ наслаждаться вѣчно на „сей землѣ“; а тѣ, которые до того умерли, станутъ блаженствовать своими душами въ седьмомъ небѣ, куда, по совершении великаго дѣла очищенія и спасенія всего рода человѣческаго, возвратится и Оныи Божій, Христосъ-Искупитель, воплотившійся, пострадавшій и пребывающій нынѣ на землѣ, въ лицѣ императора Петра III.

IV.

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ КАТОРЖНИКА СЕЛИВАНОВА.

Между тѣмъ вотъ подлинная исторія этого каторжника, — бога скопческаго. Въ январѣ 1797 г., Селивановъ С.-Петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Чулковымъ отправленъ былъ, по вытребованіи его изъ Сибіри, въ домъ сумашедшихъ, гдѣ и сидѣлъ во все время царствованія Павла Петровича. Въ 1802 г., онъ переведенъ былъ изъ дома сумашедшихъ въ богадѣльню, находящуюся при Смольномъ монастырѣ. Въ мирномъ пріютѣ богадѣльни Селивановъ провелъ только около четырехъ мѣсяцевъ, съ 6 марта по 23 іюля 1802 г.; въ это же послѣднее число предписано было отъ С.-Петербургскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія богадѣленному надзирателю коротко и просто: „находившагося въ бога-

дѣльнѣ, Орловской губерніи села Столбова крестьянина Кондратя Селиванова, отобравъ отъ него казенныя вещи, уволить (къ) просителю, Статскому Совѣтнику Алексѣю Елянскому. Этотъ Елянскій вскорѣ былъ сосланъ по Высочайшему повелѣнію въ Суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, гдѣ онъ, подъ именемъ поляка Алексѣя Михайлова, содержался, съ 1804 г. по мартъ 1813 годъ, „за разглашеніе скопческой ереси.“ Вотъ каковъ былъ „проситель“, въ которому дескуткомъ бумаги изъ Приказа предписано было „уволить“ отъявленнаго ересоначальника! Явно, что Елянскій былъ только орудіемъ севты, къ которой очевидно принадлежалъ, и которая конечно рада была пользоваться для своихъ цѣлей его провизію титуломъ Камергера и Статскаго Совѣтника... Селивановъ былъ принятъ сямъ Елянскимъ изъ богадѣльни только на бумагѣ, дѣйствительно же — поступилъ онъ сначала къ богатому купцу, скопцу Сидору Ненастьяву, а потомъ перешелъ въ домъ также богатаго купца, и также скопца, Андрея Иванова Кострова, считавшагося мужемъ Евфросиньи Софоновой Поповой, дочери Сосновскаго первооскопленника Софона Попова, родной сестры лжепророчицы Анны Софоновы. Осьмнадцать лѣтъ прожилъ каторжникъ Селивановъ въ Петербургѣ, боготворимый своими поклонниками... Жизнь его въ это время не была ознаменована никакими особыми приключеніями: она протекла въ мирномъ, однообразномъ, ничѣмъ не возмущаемомъ наслажденіи оказываемыми ему почестями... Иногда поднимались нѣкоторые юридическія бури на предводительствуемомъ имъ обществѣ; но богатые и сильные скопцы владѣли могущественнымъ золотымъ талисманомъ, который заставлялъ ихъ стихать немедленно... Во всѣхъ этихъ случаяхъ, собственное лице каторжника Селиванова ограждалось, какъ мы видѣли уже, его глубокою старостію, граничившею съ дѣтствомъ. Жилъ онъ въ домѣ купца Михаила Назарова Солодовникова, богача, ворочавшаго милліонами и украшеннаго разными знаками отличія, въ томъ числѣ и орденами, у котораго Селивановъ жилъ послѣднее время, до роковаго 1820 года, когда мѣра долготерпѣнія правительства исполнилась и Селивановъ наконецъ подвергся вторичной ссылке и заточенію въ Суздаль. Ссылка каторжника изъ Петербурга въ Суздаль, совершившаяся 17 іюля 1820 года, произведена была съ особенными предо-

сторожностями и нарочно съ необыкновенною внимательностію. Самъ тогдашній оберъ-полицеймейстеръ пріѣхалъ къ нему на квартиру въ часъ по полуночи, взялъ его къ себѣ въ карету и, не объявляя настоящей надобности, отвезъ въ сѣвѣжій домъ Московской части, откуда во второмъ часу по полуночи, онъ былъ отправленъ въ дальнѣйшій путь, сопровождаемый до городской заставы оберъ-полицеймейстеромъ. Изъ рапорта сопутствовавшего ему до мѣста назначенія слѣдственнаго пристава Путвинскаго видно, что, въ слѣдъ за высланнымъ, поскакали тотчасъ скопцы — купцы Солодовниковъ и Кузнецовъ, и настигли его на станціи Тоснѣ, гдѣ обратились къ приставу съ усиленными просьбами доволить имъ проститься съ изгнанникомъ. „Опасаясь, какъ выражается въ рапортѣ приставъ, сдѣлать пріѣздъ ихъ гласнымъ чрезъ ропотъ въ случаѣ несогласія на ихъ просьбу“ онъ дозволилъ имъ свиданіе съ Селивановымъ при себѣ; и эти изувѣры, бросаясь предъ нимъ на колѣни, съ благоговѣніемъ осмысли подѣлуями его руки и обливали ихъ горячими слезами, между тѣмъ какъ этотъ „благословилъ ихъ и давалъ имъ послѣднія наставленія и ободренія.“ По пріѣздѣ въ Москву, по причинѣ слабости своего здоровья, Селивановъ убѣдилъ пристава остановиться съ нимъ въ трактирѣ, а на другой день усиленно просилъ его остаться еще въ Москвѣ дня на три, или по крайней мѣрѣ доволить ему увидѣться съ тамошнимъ скопцомъ, извѣстнымъ подъ именемъ Онуфрія Ефимова Прохорова, обѣщая ему за то, какъ отъ Прохорова, такъ и отъ прочихъ обратитъ его въ Москвѣ и въ Петербургѣ, такую награду, которая можетъ быть для него весьма значительною; на что, впрочемъ, тотъ никакъ не согласился. Это все, между прочимъ, даетъ поводъ заключать, что вѣтхій, столѣтній старецъ совѣмъ не былъ такое „дита“, какимъ представляли его въ Петербургѣ. Относительно содержащаго Селиванова въ назначенномъ для пребыванія его Суздальскомъ Спасо-Ефѣиміевскомъ монастырѣ, дано было слѣдующее секретное наставленіе мѣстному настоятелю, Архимандриту Пареевию, подписанное митрополитомъ Новгородскимъ и С.-Петербургскимъ Михаиломъ: „1) По Высочайшему повелѣнію, препроводится на жительство въ монастырь, управленію вашему ввѣренный, подъ присмотръ, старикъ, начальникъ секты скопцевъ, именующій себя

и отъ единомышленниковъ своихъ называемый „искупителемъ и спасителемъ“; 2) По Высочайшему же повелѣнію, сообщается въ наставленіе Ваше слѣдующее: принять его въ монастырь, имѣя надъ нимъ такой присмотръ, какой предписанъ будетъ отъ Правительства; 3) Приставить къ присмотру и услугъ ему людей немолодыхъ и въ христіанскихъ правилахъ опытныхъ и постоянныхъ, дабы не могли они быть соращены отъ него въ пагубное скорчество; 4) Постороннихъ къ нему не допускать, дабы не было у него тайнаго сношенія съ единомышленниками его и чтобы онъ не могъ распространять ложнаго ученія своего; 5) не допуская постороннихъ видѣться съ нимъ, не принимать и не доставлять ему писемъ и присылокъ подъ видомъ милостыни и приношеній, а поступать съ нимъ узаконеннымъ порядкомъ, или какъ назначено будетъ отъ правительства; 6) Вамъ, по настоятельской должности и по обязанности духовнаго званія, надобно часто посѣщать его и бесѣдовать съ нимъ о истинныхъ средствахъ ко спасенію; 7) Для сего назначить ему изъ братіи духовника, человѣка благонаправнаго и свѣдущаго, который бы также, по временамъ посѣщая его, располагалъ къ чтенію Слова Божія и къ молитвѣ, занимаясь съ нимъ таковымъ чтеніемъ и отправляя у него келейное монашеское правило; 8) При употребленіи таковыхъ къ обращенію его изъ настоящаго заблужденія средствъ, примѣчать, какъ за наружнымъ поведеніемъ его, такъ и за внутреннимъ расположеніемъ, испытывая совѣсть его и мысли его, доводя до откровенности въ разсужденіи сердечныхъ чувствованій его благоговѣйными духовными бесѣдами съ нимъ; 9) И въ какомъ положеніи когда онъ будетъ находится, по секрету доводить до свѣденія г. министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князя Голицына, по третямъ года.“

Послѣдствія показали, что мѣры строгости, предписанныя въ этомъ наставленіи, были небезполезны, но отъ мѣръ кротости и снисхожденія, имѣвшихъ цѣлю обращеніе ересеначальника, не послѣдовало желаемыхъ успѣховъ. Въ первомъ донесеніи своемъ мѣстному начальству, отъ 25 августа 1820 года, Архимандритъ писалъ, что въ Суздаль пріѣзжали съ Макарьевской ярмарки, 15 августа — петербургскій купецъ Солодовниковъ, а 20 августа — тамошній же мѣщанинъ Михайловъ (вѣроятно Кононовъ) съ какимъ-то крестья-

ниношь, кои, подъ видомъ богомоленія, приходили въ монастырь и просили у Архимандрита позволенія „посмотрѣть арестантовъ и раздать имъ милостыню по рукамъ,“ но онъ Архимандритъ замѣтилъ, что они „хотятъ узнать мѣстопробываніе начальника скопческой секты,“ почему выслалъ ихъ вонъ изъ монастыря и свесся съ мѣстнымъ городничимъ о немедленномъ удаленіи ихъ изъ города; въ разсужденіи же самого заключенника извѣщаль, что онъ убѣдилъ его 8 августа исповѣдаться и причаститься Святѣхъ Таинъ, чего тотъ, по собственному признанію, „ошнадцать лѣтъ (т. е. все время славы своей въ Петербургѣ) не дѣлалъ; впрочемъ, „совершеннаго раскаянія въ грубомъ и вредномъ его расколѣ“ не замѣчаетъ. Затѣмъ извѣстно, что каторжникъ Селивановъ, отягченный лѣтами, умеръ въ 1832 году, съ 19 на 20 февраля и погребенъ въ томъ монастырѣ. Людямъ остается удивленіе, что безвѣстный и безымянный бродяга, невѣжда, не знавшій грамоты, каторжникъ, высѣченный кнутомъ, въ продолженіи столькихъ лѣтъ, на глазахъ правительства, могъ играть и доиграть до конца такую невообразимо чудовищную роль: роль самозванца царя и самозванца бога!..

V.

СКОПЧЕСКІЕ СТРАДЫ.

Сумазбродный каторжникъ Селивановъ оставилъ скопцамъ свои прощальныя „страды“, которыя они имѣютъ *вмѣсто Евангелія* и читаютъ какъ божественное писаніе во вся дни... Нѣкоторые изувѣры носятъ ихъ на шнурѣхъ на груди, зашитыми въ ладонку. Какъ историческій документъ секты скопческой, мы представляемъ здѣсь эти „страды“ въ ихъ подлинномъ видѣ, чтобы дать возможность *всякому здравомыслящему читателю удостовѣриться* въ полномъ безуміи сумазбродовъ нашихъ, скопцовъ... Вотъ какъ читаются эти страды:

СТРАДЫ.

Начало страданія о возлюбленномъ нашемъ государѣ-батюшкѣ, мекупителѣ нашемъ, который пришелъ во-вторы на землю души на путь спасенія забрать, а грѣхъ весь изодрать. И онъ своею волею къ намъ пришелъ, а вромѣ его некому эту чашу пить, и этому дѣлу такъ и быть.

И я не самъ пришелъ. А прислалъ меня самъ Отецъ Небесный, и матушка Акулина Ивановна, пречистою утробою, которая грѣха тяжкаго недоточная грѣхамъ писакимъ, и была великая миллионщица; приващики у ней были по всей вселенной, торговали, да ужъ жили не горевали, а только грѣхъ весь изъ себя выгоняли, и на крестъ свой люди отдавали въ руки Іудеямъ. И на крестъ меня отдали божьи люди. А жилъ я въ городѣ Тулѣ, въ домѣ у жены мірской, у Федосьи Іевлевны грѣшницы, у ней въ подпольѣ тамъ и жилъ. Она меня приняла, а свои не приняли, и они же довазали, и привели къ ней въ домъ команду солдатъ, однако она въ это время не обробѣла. И я въ это время былъ въ подпольѣ, и стали говорить и доказывать: „Ломайте полъ! онъ тамъ, въ подпольѣ!“ И стали ломать и не нашли меня; такъ и въ два раза приходили, и не нашли. И сказали: „пойдемте въ третій разъ, и найдемте его!“ И стали ломать полъ, и другой: „ломайте полъ третій! онъ въ подпольѣ, и найдемте и отдадимте въ руки на мука!“ И вытащили меня за святые волоса, и Бога не страшась, и тутъ всѣ били. кто чѣмъ понало, безъ всякой пощады; и поясоекъ съ меня сняли, и крестъ, и ручки назадъ завязали, и назадъ гири привязали. И повели съ великимъ конвоемъ, и пшаги обнажили, и со всѣхъ сторонъ меня ружьемъ прищипули; однимъ ружьемъ въ грудь, а другимъ сзади, и по моимъ обѣимъ сторонамъ; только что меня не закололи. Привели меня въ Тулу и посадили меня на крѣпкомъ стулѣ. И препоясали меня шелковымъ поясоемъ, желѣзнымъ, фунтовъ въ пятнадцать, и приковали меня къ обѣимъ стѣнамъ, и за шею, и за ручки, и за ноги, и хотѣли меня тутъ уморить. И было завсегда четыре драгуна на часахъ; и въ другой комнатѣ сидѣли мои дѣтушки трое,

которые на меня доказали, и было сказано по утру съчь ихъ плетьюми. Но мнѣ ихъ стало жалъ, и я со креста сошелъ, и всѣ кандалы съ меня свалились, а драгуны въ это время всѣ задремали и меня не видали, какъ я прошелъ. И я своихъ дѣтушекъ нашель, и говорилъ имъ: „дѣтушки, не бойтесь! Ничего вамъ не будетъ, и будете отпушены. А я ужъ одинъ пойду на страды за всѣхъ своихъ дѣтушекъ, прославить имя Христова и побѣдить злыя злова, чтобъ онъ на пути не стоялъ и моихъ дѣтушекъ не поѣдалъ.“ И тутъ меня хватились, и всѣ злыя удивились, а иные устрашились, и по всѣмъ мѣстамъ бросились. И нашли меня на дворѣ; и я по двору гуляю: изъ желѣвъ я ушелъ, а со двора не пошелъ. Отецъ небесный мнѣ не велѣлъ, а приказажъ мнѣ сію чашу пить: мимо меня оной нейти. И тутъ мнѣ отъ нечистыхъ великъ былъ допросъ. И ретикъ мнѣ драли, и въ ушкахъ моихъ смотрѣли, и подъ носомъ глядѣли, говорятъ: „Глядите вездѣ! Есть у него гдѣ нибудь отрава!“ И тутъ мнѣ въ личико плевали и всѣ тутъ меня били, кто чѣмъ попало, и тутъ мою головушку сургучемъ горячий обливали. И приказъ былъ отданъ, чтобы „близо къ нему не подходить, чтобы на кого нибудь не дунуль или не взглянулъ: вишь онъ великій прелестникъ, и чтобы не приворотилъ“. И великимъ назвали волхвою, такъ, какъ прежде Господа назвали волхвою: „Онъ всякова можетъ прельстить; онъ и царя прельститъ, не довольно что наст! Ево-бы надо досмерти убить, да указъ не велеть! Смотрите, кормите ево, да бойтесь, и подавайте ему хлѣбъ на шестикѣ!“ И хлѣбъовые подавали, ложка была сдѣлана аршина полтора: „Подавайте ему, да прочь отворачивайтесь!“ И повезли меня изъ Тулы въ Тамбовъ. И народу было нечисленно: кто бранить, кто плюеть, а Господь это и любить; хоть не любишь, да такъ Отецъ Небесный все велѣлъ съ радостію принять, не для себя, а для всѣхъ дѣтушекъ. А мои дѣтушки стоять и провожаютъ, да плачутъ. И привезли меня въ Тамбовъ, и посадили въ тюрьму. И тутъ я содержался два мѣсяца. И опять повезли меня въ Сосновку, съ великимъ комвоемъ меня наказывать. Народъ за мною шель полки полками. И ружья, и шпаги у солдатъ были на-голо, а у мужиковъ было у всякаго въ рукахъ по палкѣ. Тутъ меня сосновскіе дѣтушки встрѣтили, и говорятъ: „Везутъ нашего

роднова Батюшку!“ И плакали всё слезно. И тутъ вдругъ поднялась великая буря и сдѣлался въ воздухѣ шумъ и пыль, что за тридцать сажень никово не видать было, не довольно Батюшку, и народъ весь не разглядишь! И привезли меня въ Сосновку, и стали называть меня кнутаомъ, и сѣли долгое время, такъ что не родился человекъ на свѣтѣ. И мнѣ стало весьма тошно, и сталъ я просить всѣхъ своихъ вѣрныхъ и праведныхъ: „О вѣрные и праведные! Помолитесь за меня и помогите мнѣ вытерпѣть сіе тошное наказаніе. О! Отецъ мой Небесный! Не оставь ты меня безъ твоей помощи, и помоги мнѣ все опредѣленное отъ тебя вынести на моемъ тѣлѣ, и если да поможешь, то наступи на злова змія и разори всю лѣпость до конца!“ Тогда мнѣ стало полегче, и тогдажь указъ подослѣлъ, чтобъ до смерти не засѣчь. И эти Іудеи, по ненависти, заставили моихъ дѣтушекъ меня держать: за лѣто древа держалъ мой сынъ Іонушка, а Ульянъ за головушку держалъ. И тутъ мою рубашечку всю окрovenили, съ головушки и до ножекъ: вся стала въ крови, какъ въ морсу. И тутъ мои дѣтушки мою рубашечку выпросили, а на меня свою бѣленькую надѣли. И тутъ я имъ сказалъ, что я съ вами увижусь со всѣми. И тутъ мнѣ стало очень тошно; и сказалъ я имъ: „Не можно ли мнѣ дать парнова молочка?“ Но злые сказали: „Вотъ еще, лечиться хочеть!“ Однако умидились, отыскали и мнѣ дали. И какъ я напился, мнѣ стало полегче, и сказалъ: „Благодарю Бога!“ И теперече въ Сосновкѣ, на которомъ меня мѣстѣ сѣли, по-явности, поставлена церковь, а тогда мои дѣтушки были люди бѣдные. И я имъ сказалъ: „Только храните чистоту, и всѣмъ будете довольны, тайнымъ и явнымъ. Всѣмъ васъ Отецъ мой Небесный наградить, и оградой оградить, и нечистой не будетъ къ вамъ ходить. А чужихъ пророковъ къ себѣ не принимайте!“ И повезли меня изъ Сосновки въ Иркутской. И посадили меня въ повозку, и ножки мнѣ сковали, и ручки сковали по обѣимъ сторонамъ телеги, а за шейку желѣзомъ къ подушкѣ приковали. Приказывали: „Смотрите не упустите!“ Злой нечистому приказывалъ: „такова еще не было и не будетъ: хоць кого обманеть!“ И повезли за строгимъ конвоемъ, на-гадо шпаги: у мужиковъ, у всякаго была палка въ рукахъ, а деревенскія провожали отъ деревни до деревни. Въ ту

пору, когда Пугачева везли, и онъ на дорогѣ мнѣ встрѣтился. И его провожали полки полками, и тожь подѣ великимъ везли кнрауломъ его, а меня везли вдвое того больше, и весьма строго везли. И тутъ который народъ меня провожалъ, за нимъ пошли, а которые его провожали, за мной пошли. Ъхавши я дорогой, и помыслилъ: «Напрасно я людей скоплялъ, а скопиль-би самъ себя, и спасалъ бы свою душу!» И гдѣ ни взялся турка, и схватилъ съ моей головушки престоль, и унесъ въ каяву. А я за нимъ: «отдай турка, да отдай же! А не отдашь, разорю на землѣ всю лѣдность, и не дамъ ей нигдѣ мѣста на землѣ, такъ головушку и срублю!» И взялъ самъ турка, на головушку мнѣ и надѣлъ: «На вотъ изволь! только насъ не трогай!» И тутъ престоль несъ до самаго Иркутска, и держалъ ручками на головушкѣ. И во время дороги нашли у меня, даннныя дѣтушками моими, защитилъ въ платьѣ, деньги сорокъ рублей. И тутъ меня офицеръ вѣрцко билъ ефесомъ и палашемъ по всѣмъ моимъ составамъ, продолжая оное во всю дорогу, такъ что я во время наказанія кнотомъ не принималъ столько муки, какъ отъ него. Ибо онъ всѣ члены мои разбилъ, и притомъ говорилъ: «Ты праведный! тебѣ не надо имѣть деньги, а ты имѣешь!» и взялъ оныя себѣ и меня приказалъ каждый день бить, и хотѣлъ до смерти убить; отъ чего у меня и нынѣ правая рука и всѣ члены болятъ. Но господь его наказалъ. И во всякомъ городѣ былъ мнѣ допросъ великій: никакому душегубцу и никакому разбойнику не было такова, какъ мнѣ. И везли меня полтора года, сухимъ путемъ и водою: шелъ съ прочими невольниками по канату. И прибывши въ Иркутской, жилъ не малое время, и увидѣлъ во снѣ про Сосновскихъ дѣтушекъ, будто хочеть нечистый духъ мой корабль опровергнуть, а я кругъ своего корабля ходилъ и столбы становилъ, съ матушкой своей съ Акулиной Ивановной, и съ сыночкомъ своимъ съ Александромъ Ивановичемъ, и съ Романомъ Родивоновичемъ, и со всѣми своими дѣтушками. И мнѣ про своихъ дѣтушекъ по-явности слуху не было пять лѣтъ: ни мнѣ объ нихъ, ни имъ обо мнѣ.

И нарядилъ Богъ дочку мою Анну Сафоновну, и стала пророчить. И сталъ изъ ней духъ выходить, какъ Отца. Искупителя находитъ и кого къ нему изъ дѣтушекъ отрядить. И нарядилъ Богъ судьбой своей

Алексѣя Тарасъича и Марѣя Барповича. И говорилъ духъ мой, посланный Отца моего, чрезъ уста Анны Сафоновны: „ступайте дѣтущки за своихъ Батюшекъ!“ И ей отвѣчали: „куда мы, матушка, поѣдемъ, и гдѣ намъ ево найтить?“ Она вторично чрезъ судьбу Божию прогласила: „поѣзжайте! Окрожѣ васъ некому ѣхать. Не вы будете его искать, онъ васъ искать будетъ!“ И, благословясь всею обителю, помолились Богу, и всею обителю собрали на дорогу: тогда за суету не стояли. Такъ и поѣхали въ Иркутской городъ. И пріѣхали, и лошадей поставили на постоялый дворъ, и говорятъ между собою: „Ну вотъ братъ. Что намъ дѣлать?“ И вздумали идти на базаръ. А я тогда ходилъ по городу съ блюдомъ, и собиралъ по-явности на церковное строеніе. И увидѣлъ ихъ и говорю имъ: „Здравствуйте! Никакъ вы російскіе?“ Они и признали меня, и залились горькими слезами. Я имъ говорю: „молчите, молчите! Подите на постоялый дворъ, гдѣ вы стоите! Я къ вамъ приду!“ Такъ ночь прошла. Я къ нимъ и пошелъ, и пришелъ, отъ радости у нихъ и ночевалъ, обо всемъ переговорилъ. Они мнѣ говорили: «мы за тобой, государь батюшка, пріѣхали!» И я сказалъ: «Нѣтъ! Я видѣлъ будто у васъ на дорогѣ разслано веретѣ, и нѣтъ нѣ дороги къ вамъ. Еще мнѣ Отецъ Небесный велѣлъ поплакать. Да и вы когда наплачете чанъ воды, тогда Отецъ мой Небесный къ вамъ отпуститъ. И я вамъ еще скажу: какъ поѣдете къ себѣ въ дѣмъ, то нападутъ на васъ разбойники; не знаю, какъ васъ Богъ помилуетъ! Только вы смотрите, ночи не спите и у Бога милости просите: такъ Отецъ мой заступитъ!» Поѣхали они отъ меня домой. И не доѣзжая верстѣ пять до той деревни, гдѣ разбойники живутъ, такъ и ѣдутъ по дорогѣ. И лежитъ которой наибольшій ихъ атаманъ безъ ноги. И возмолился: «Господа купцы! Не можно ли меня довести верстѣ пять до моего двора? Я самъ васъ за это неоставлю, вы сами увидите, какую я вамъ сдѣлаю добродѣтель!» И они его взяли и посадили въ повезку въ хорошее мѣсто. И привезли его къ нему въ домъ, такъ и братья ево выскочили на дворъ изъ горницы съ такою радостію: «Экъ нанѣ братъ какихъ подхватилъ купцовъ!» И какъ скоро увидѣли, что братъ безъ ноги, и причекались. И дѣтущкамъ моимъ пришлось у нихъ ночевать, и они сердцами своими

почувствовали страхъ, что глаголь Батюшкинъ исполнѣнъ: „что нашъ батюшка говорилъ, вотъ дѣло-то тепереча и пришло такъ!“ И они къ намъ на дворъ не поѣхали, повозку поставили на улицѣ, подъ окошкомъ, и говорятъ: «Ну, братья, смотри же, чтобы намъ по глаголу Батюшкину, ночью не спать, а лежать, одинъ въ горницѣ, другой въ повозѣ!» Такъ и ночь проходить. Это ево прикащики собираются и говорятъ промѣжь собою: «Ну, братья, приготовляйтесь! Берите кому что надо, и смотрите не плюшайте, и гостей не унущайте!» И услышалъ вдругъ ихъ набольшій, что они хотятъ дѣлать и прѣзжихъ убить; то онъ имъ и сталъ говорить: „Нѣтъ, братья! оставьте, не трогайте, и ничего этого не дѣлайте, и ничего имъ не говорите! А завтра ихъ во-утру проводите честно чрезъ ту деревню, гдѣ нами товарищи живутъ, и до той благочестивой деревни, гдѣ ихъ ничѣмъ не тронуть!“ Прѣѣхали въ деревню и тутъ ихъ стали спрашивать: „Которой вы дорогой ѣхали и гдѣ ночевали?“ „Мы вотъ тутъ ѣхали и тутъ ночевали!“ И стали дивиться: „Какъ васъ Богъ пронесъ этой дорогой! Тутъ неловольно проѣзжимъ ѣхать, и мы ближніе боимся и пройти мимо этого мѣста!“ Еще я вамъ скажу. Шелъ я одинъ разъ по дорогѣ на пустомъ мѣстѣ, и гдѣ ни взялся блаженный, меня палкой по плечамъ ударилъ: „Что стаде, глядишь? Ступай, куды посланъ! Ты назвался отцемъ, еще учитель!“ Еще же я скажу. Когда я былъ въ Тулѣ, сидѣлъ на стулѣ, и тамъ есть монастырь Задвиженье. И я ходилъ на колокольню, и во всѣ колокола звонилъ, и всѣхъ дѣтушекъ манилъ, и въ трубу трубилъ: «Подите мои дѣтушки ко мнѣ на корабль, и я вамъ буду весть рабъ!» Еще скажу. Пасъ я овецъ и самъ влѣзъ на древо кедръ. Волку сказалъ: стереги овецъ! И на дрѣвѣ сидѣлъ, крестомъ благословляя на всѣ четыре стороны. Еще я пишу вамъ. Когда я шелъ въ Иркутской, было у меня товару за одной печатью: изъ Иркутска пришелъ въ Россію, вынесъ товару за тремя печатями. И тутъ меня стали спрашивать цари и короли, и архіереи, и всякова чину: „Покажи намъ товаръ!“ Я имъ отвѣчалъ: „Не покажу, сами догадайтесь! Я товаръ добывалъ все трудами своими: свѣчи мнѣ становиди, по плечамъ и по бокамъ, все дубинами; а свѣтильни были воловья жиля!“ Еще. Когда я имѣлъ нужду по

всѣмъ городамъ ходить, потому что не могъ видѣть головушки преклонить: ходилъ я въ нищенскомъ образѣ, и часто перемѣнялъ платье на себѣ. Однажды, не цывши, не ѣвши, сидѣлъ трое сутокъ въ ямѣ, гдѣ бросали всякую пададь. Да во ржи былъ я десять сутокъ, отчего очень утомившись, легъ и заснулъ; а когда проснулся, то увидѣлъ, что возлѣ меня лежитъ волкъ и на меня глядитъ. Но я сказалъ ему: „Поди на свое мѣсто!“ И онъ послушался меня, и пошелъ. А потомъ я проживалъ въ солодѣ двѣнадцать сутокъ, и пищи было со мною только одинъ маленькой курьяничекъ водицы, которую употреблялъ я по дожечью въ сутки. Послѣ онаго перешелъ я къ Божьему человѣку. Но и тутъ на меня деказали, и пришли со мной съ обыскомъ. Меня же тогда спрятали и завязали въ пеньковый снопъ. А которые искали, сказали хозяину: „Что у тебя это какой большой снопъ?“ А я велѣлъ хозяину пробѣжать на задъ двора, въ подѣ лечь. Послѣ того и еще меня искали. А я былъ въ другомъ мѣстѣ, тожъ у Божьяго человѣка, и мнѣ дѣваться было некуда. Велѣлъ покрыть себя свинными корытомъ, и тутъ меня отецъ мой покрылъ и не нашли. И еще. Когда я ходилъ въ Тулѣ, въ нищенскомъ образѣ, и вздумалось мнѣ идти въ село Тифинъ на арманку, и тамъ стихи пѣть. И братъ мой Мартынушка меня не пушалъ и говорилъ: „Государь батюшка, не ходи туда, тебя тамъ поймають!“ Однако я пошелъ туда, и говорилъ Мартынушкѣ: „Смотри же братъ встрѣчай меня!“ И пришелъ я на арманку, а на ней стоялъ полкъ солдатъ. И у меня были три сумки, двѣ я набралъ, да хотѣлъ набрать и третю, и самъ себѣ думаю: „тутъ-то меня братъ мой встрѣтитъ съ большею добычею!“ И пошелъ къ солдатамъ просить милостыню. И они меня схватили, и подъ палатку къ себѣ взяли, и за телегу меня привязали кушачкомъ, и крѣпко караулили. А наибольшій говорилъ имъ: „Не вѣрьте, онъ уйдетъ! Остригите ему половину головы!“ Тутъ солдаты остригли мнѣ половину головы. И пришла ночь, и солдаты всѣ подегли вокругъ меня, а меня положили въ серединкахъ. И я шибко захрапѣлъ, будто бы уснулъ; а солдаты промежду себя и говорятъ: „этакъ старикъ намаался тотчасъ и заснулъ!“ Потомъ и они всѣ уснули. Такъ я взявши головушку свою тряпочкой обвязалъ и, чрезъ нихъ перепрыгнувши, ушелъ въ рожь. А они ме-

ни хватились и закричали: „Бѣжалъ, бѣжалъ!“ Да уже негдѣ взять: только видно было гдѣ я бѣжалъ, тамъ рожь шаталась. И говорятъ: „если пѣшкомъ бѣжать, не догонишь, а на лошади ѣхать, то всю рожь поломаешь.“ И бѣжалъ я двадцать пять верстъ все рожь, да рѣчками; потому ежели на большую дорогу вытти, нельзя; схватятъ и увидятъ, что полголовки острижено. И такъ я стороной бѣжалъ къ братцу своему Мартынушкѣ, и поступался подъ окномъ. И онъ выскочилъ и обнялъ меня крѣпко, и сказалъ: „О, о, братецъ, братецъ! говорилъ я тебѣ, чтобы не хѣдилъ!“ — А что? Я слава Богу! — А гдѣ же тебѣ полголовки остригли? А я ему отвѣчалъ: „я тебѣ сказалъ, что я къ тебѣ приду; а волосы выростутъ, объ этомъ не тужи!“ И онъ меня весьма крѣпко любилъ и во всемъ берегъ. Я былъ молчаливъ и несмѣлъ: такъ еуды мы съ нимъ пойдемъ и гдѣ намъ дадутъ блинковъ, то онъ меня все кормилъ, и подкладывалъ, и говорилъ: „На; ѣшь, да ѣшь же.“ А я молча кушалъ. И мы съ нимъ ходили по Божьиимъ людямъ. И въ одно были мы на бесѣдушкѣ, и одна дѣвица Пророчица, по ненависти, стала съ камнемъ у дверей, поднявши руку, и какъ подняла, такъ и окаменѣла у ней рука. А я пошелъ и легъ въ ясли, и лежалъ въ нихъ трое сутокъ, не пилъ, и не ѣлъ, а крѣпко плакалъ. И просилъ Отца Небеснаго: „О Отецъ мой Небесный! Заступи ты за меня сироту и поддержи подъ своимъ покровомъ!“ И Отецъ мой за меня вступился. И она видѣла во снѣ, что ее Ангелы наказывали жезлами, и все ее избивали, и велѣли просить у меня прощеніе, и сказали: „Если онъ тебя не проститъ, то все будетъ тебѣ такое мученіе.“ Тогда она у меня просила прощеніе и говорила: „Прости меня, что я дерзнула на тебя поднять камень: я не сама собою, а меня люди научили. И видѣла я во снѣ, что меня Ангелъ жезломъ наказывалъ, и все кости во мнѣ изломаны и болятъ. И онъ велѣлъ мнѣ у тебя просить прощенія, и если тобою прощена не буду, то все такое мученіе принимать стану.“ И тутъ я ее простилъ. А еще братъ ея хотѣлъ меня застрѣлить изъ ружья. Когда я ходилъ на праздники изъ села въ Тулу, то каждый праздникъ, когда я приду, то онъ выходилъ въ лѣсъ съ ружьемъ, и стрѣлялъ по мнѣ шесть разъ; но ружье, по промыслу Божьему, не выстрѣлило ни одного раза;

И послѣ того возстали на меня всѣ Божьи люди, возненавидѣли чистоту мою и жаловались учителю своему, Пророку Филимону, который ходилъ въ славѣ бойко. И онъ про чистоту мою въ духѣ пѣлъ, а такъ ненавидѣлъ меня, и призвавши говорилъ: „На тебя всѣ жалуются, что ты людей отъ меня отвращаешь!“ А я ничего не говорилъ, и все молча былъ. И онъ сказалъ: „Вишь, какой ты: даромъ что молчишь, смотри опасайся!“ И инѣ въ то время пристать было негдѣ, потому что всѣ меня погнали. Тогда я пошелъ стороною, лѣсомъ, къ Божьему человѣку Аверьянову, и пришедши къ нему говорилъ: „Любезный Аверьянушка! не оставь ты меня сироту, призри и утай отъ семейства и отъ посестрии своей, чтобъ никто не зналъ! Пусти меня въ житницу, за что тебя Богъ не оставитъ!“ И онъ меня призрѣлъ, и ходилъ ко мнѣ тихонько отъ своихъ. И я ему объявилъ о чистотѣ, но онъ сказалъ: „Боюсь, чтобъ не умереть!“ И я ему говорилъ: „не бойся, не умрешь, а паче воскресишь душу свою; и будетъ тебѣ легко и радостно, и станешь, какъ на крыльяхъ, летать: духъ къ тебѣ переселится, и душа въ тебѣ обновится!“ Поиди къ учителю своему, Пророку Филимону, и онъ тебѣ тоже пропоетъ, и скажетъ, что „въ твоёмъ домѣ самъ Богъ въ тайнѣ живетъ, и никто объ ономъ не знаетъ кромѣ тебя.“ И онъ пропѣлъ все то самое, что я ему говорилъ. И тутъ онъ мнѣ повѣрялъ, пришелъ и поклонился, и принялъ мою чистоту. И, по приказанію моему, объявилъ посестрии своей, что я у нихъ живу, и сказалъ ей, какъ учитель ихъ обо мнѣ въ словѣ провѣстилъ, что „самъ Господь живетъ у насъ въ домѣ тайно и я его принялъ.“ И еще, въ одно время, былъ и въ кораблѣ у матушекъ своей Акулины Ивановны, у которой было Божьихъ-людей тысяча человѣкъ. У ней была первая и главная пророчица Анна Романовна. Она узнавала въ морѣ и рѣкахъ, когда будетъ рыбы ловъ и въ поляхъ хлѣба урожай: почему, и по-явности, она прославилась. И узнавши объ ономъ, многіе изъ міру къ ней приходили, и спрашивали: съять-ли нынѣшній годъ хлѣбъ, а также и о рыбѣ; и ѣздить ли ловить или нѣтъ? И если она кому велитъ съять хлѣбъ или ловить рыбу, то много въ томъ году уродится хлѣба и рыбы поймаютъ; а въ который годъ не прикажетъ, то ничего не поймаютъ и хлѣбъ не родится.

И какъ я вступилъ въ Соборъ, а она тогда ходила въ славѣ, и людей было съ семьдесятъ, вдругъ все вострепнулось. И оборотясь ко мнѣ говорила: „Самъ Богъ пришеде! Теперь твой конь бѣлъ и смиренъ!“ И, взявши крестъ, ходила по порядку по всѣмъ въ Соборѣ людямъ, давала каждому въ руки, дошла до меня послѣдняго, потому что я садился всегда у самаго порога и за перегородомъ, и былъ нѣмъ, и не слышалъ, и никогда не отверзалъ устъ своихъ, и отдала мнѣ. И говорила потомъ Пророкамъ: „Ступайте по кругу, и угадайте: у кого Богъ живетъ?“ Тогда Пророки пошли, искали по себѣ, и по другимъ богатымъ, и у первыхъ людей: ни у кого не нашли, а на меня и не подумали. Тогда Анна Романовна сказала имъ: „Для чего же вы меня, бога, не нашли, гдѣ я пребываю?“ Взяла у меня крестъ и показала всѣмъ, „Вотъ гдѣ Богъ живетъ!“ И всѣмъ сдѣлалось противно и злобно. Потомъ велѣла она выдвинуть на средину Собора сундукъ, и сѣла на ономъ крѣпко, и меня возлѣ себя посадила, и говорила: „Ты одинъ откупишь всѣхъ иностранныхъ земель товаръ. И будутъ у тебя оныя спрашивать, то ты никому не давай, и не показывай, и сиди крѣпко на своемъ сундукѣ. А тебя хотятъ теперь же всѣ продать. Но хотя ты и будешь сосланъ далеко, вложить на тебя оковы на руки и ноги, но по претерпѣннѣ великихъ нуждъ, возвратишься въ Россію, и потребуешь всѣхъ Пророковъ къ себѣ ва лицо, и станешь судить ихъ своимъ судомъ. Тогда тебѣ всѣ Цари, всѣ Короли и Архіереи поклонятся, и отдадутъ великую честь, и пойдутъ къ тебѣ полки полками.“ И, въ одно время, взявши она меня въ особую горницу, сказала: „Я давно съ тобою хочу побесѣдовать. Садись возлѣ меня!“ И посадя, схватила крестъ, и хотѣла привести меня, и говорила: „Прикожись во кресту.“ А я взялъ отъ нее, и сказалъ: „Дай-ко я тебя приведу самое снова!“ И она, неслыхавши отъ меня никогда словъ, удивясь оному, сказала: „Ахъ! и ты говоришь! что ты съ кѣмъ говорилъ?“ И тутъ накатилъ на нее мой духъ, и она слѣдалась безъ чувствъ, упала на полъ. А я испугался, будто бы Богъ мой ничего не знаетъ: взялъ подулъ на нее своимъ духомъ. И она, какъ отъ сна пробудилась, встала и перекрестилась, сказала: „О Господи! что такое со мною? О! куда твой Богъ великъ! Прости меня!“ Взяла и прилежилась

во кресту, и говорила: „Ахъ! какъ что я про тебя видѣла!“ А и сваяла: „А что такое видѣла? Скажи, такъ и я тебѣ скажу!“ И тогда она стала мнѣ сказывать, что отъ меня птица полетѣла во всей вселенной всемъ возвестить, что я Богъ надъ Богами, и Царь надъ Царями, и Пророкъ надъ Пророками. Тутъ я ей сказала: „Это правда! смотри же, никому объ этомъ не говори, а то плоть тебя убьетъ!“ Но всего моего похождения и страдаль не можно перомъ описать, и человѣческаго ума не постигнетъ. А скажу вамъ только вѣрацѣ о возлюбленномъ моемъ сыночкѣ Александрѣ Ивановичѣ, который былъ мнѣ другъ и наперсникъ. И родился съ благодатю, и еще въ мирѣ Бога узналъ. Произшелъ изъ вѣры, и былъ перекрещенецъ, и во всѣхъ вѣрахъ былъ учителемъ, а самъ говорилъ всемъ: „Не истинна наша вѣра и постоять не за что. О еслибы я нашелъ истинную вѣру Христову, то бы не пощадилъ своей плоти. Радъ бы головушку за оную сложить, и отдалъ бы плоть свою на мелкія части раздробить?“ Господь, услышавши сіе его обѣщаніе, избралъ его мнѣ въ помощники. И потому я говорилъ, чрезъ искупительскія уста свои, сыночку Романушкѣ: „Поди любезный, къ одному человеку, зовутъ его Александромъ Ивановичемъ, и объяви ему объ моемъ спасеніи и истинной вѣрѣ, а онъ давно ищетъ оной, и желаетъ на путь истинный прійти.“ Романушка послушалъ, пошелъ къ нему и сталъ говорить: „Александрюшка! не можно ли какъ лучше пожить?“ А онъ ему въ отвѣтъ: „Нѣтъ, еслибъ ты самого того прислалъ, отъ кого ты самъ посланъ, то я бы съ нимъ поговорилъ, а съ тобою мнѣ говорить нечего. Я знаю, что его нѣтъ больше на свѣтѣ, и онъ одинъ только можетъ нашъ грѣховный узелъ развязать.“ И пришедши отъ него ко мнѣ, Романушка говорилъ: „Ну, государь! Да вѣдь онъ никакъ приведетъ? Недовольно намъ его учить, но и онъ насъ научить. Пришли, говорить, того, отъ кого ты посланъ, и онъ одинъ только можетъ грѣховный узелъ развязать.“ И пошелъ я къ нему самъ, и только подхожу къ его дому, а онъ меня и встрѣтилъ. И говоритъ: „вотъ, кого надо, и того я ждалъ сорокъ лѣтъ, вотъ и идетъ! Ты-то нашъ истинный свѣтъ, и просвѣтилъ всю тьму, освѣтилъ всю вселенную, и тобою все грѣшныя души просвѣтятся, и отъ грѣ-

ховныхъ узловъ развяжутся; и тебѣ я съ крестомъ поклоняюсь! Ты одинъ, а насъ много, и радъ я за тебя головушку сложить, и на мелкія части плоть свою раздробить. Кто какъ хочеть, а я тебя почитаю за Сына Божьева. И ты поживи на землѣ, а я прежде тебя сойду. Тебѣ много еще надо на землѣ дѣлъ сдѣлать: свою чистоту утвердить, и всю лѣпость истребить, всѣхъ пророковъ со-
кратить, и всю гордость и грѣхъ искоренить.“ Тутъ я его благо-
словилъ крестомъ и далъ ему крестъ, свѣчу и мечъ, и свазалъ:
„Вотъ тебѣ мой мечъ! Ты будешь у многихъ дровъ сучья и грѣхи сѣчь!“ И много съ нимъ бесѣдовалъ, и ни съ кѣмъ такъ много не бесѣдовалъ, какъ съ нимъ. И послалъ его на первую бесѣду къ матушкѣ своей Акулинѣ Ивановнѣ, и велѣлъ поклониться съ крестомъ: а тогда еще съ крестомъ не кланялись. И сказалъ ему:
„что мы теперь съ тобой бесѣдовали, то и пророки тебѣ на пер-
вой бесѣдѣ пропоютъ; и какъ скоро ты взойдешь въ соборъ, такъ и обратится къ тебѣ пророкъ и встрѣтитъ тебя.“ И онъ покло-
нился мнѣ, и пошелъ. И какъ скоро вступилъ въ соборъ, такъ пророкъ и обратился къ нему. А онъ взомелъ въ соборъ и по-
клонился три раза съ крестомъ матушкѣ моей, царицѣ небесной, а потомъ и всѣмъ на четыре стороны. И тутъ всѣ удивились и говорили: „никакъ онъ давно уже приведенъ! да кто его научилъ съ крестомъ кланяться?“ и сказали про меня: „этотъ научилъ его молчанка.“ И съ того времени стали всѣ съ крестомъ поклоняться. А пророкъ ему заплѣлъ: „Поди-ка, братъ молодецъ! Я давно тебя дожидалъ: ты мнѣ Богу и Духу Святому надобенъ. Благословлю тебя крестомъ, ты видѣлся съ самимъ Христомъ. Вотъ тебѣ отъ самаго Сына Божьева мечъ, и много будешь грѣхи сѣчь, только изволь Сына Божьева беречь! Да дастся тебѣ книга Голубина, отъ Божьева сына: ты самъ объ оной знаешь, и, съ кѣмъ бесѣдовалъ, знаетъ. Отъ васъ много народу народится: знать опять старинка хочеть явиться!“ Тутъ матушка Акулина Ивановна взяла его къ себѣ, и изволила спрашивать: „Кто тебя сюда прислалъ и какъ ты приведенъ?“ — „Вы, матушка, сами изволите знать, что отъ одного всѣ приведены Сына Божьева, да еще отъ Владычицы?“ — „Знаю, знаю! Поди же теперь, и поклонись отъ меня ему!“ — И онъ пришелъ ко мнѣ, поклонился, и говорилъ: „О государь ба-

тушка! что вы все изволили говорить, то и пророки пѣли, и матушка Акулина Ивановна изволила разговаривать со мною, и говорила, что это мой сыночекъ, что все пророки мнѣ поютъ, будто отъ меня сынъ Божій родился, я этому и сама дивлюсь!“ А я ему сказалъ: „ну любезный сыночекъ! Дастъ тебѣ Отецъ и Сынъ и Святой духъ, и отецъ искушитель много силъ, и порубишь много осинъ! Когда ты Сына Вожева просилъ, жалуетъ тебя Богъ Ригю, да тюрьмою. И благодарить тебя отецъ и сынъ и святой духъ за ревность твою и за вѣрное неизмѣнное обѣщаніе головушку свою за меня сложить. Ты хочешь животъ и сердце насадить, да и сады мнѣ насадить: такъ я благословлю тебя идтить въ ночь, а Господь пойдетъ на востокъ, и будетъ у насъ между собою истекать одинъ живой истокъ; духъ мой будетъ въ тебѣ во вѣки пребывать, и обо мнѣ возвѣщать. И мы съ тобою хотя будемъ плотями въ розѣ, но духомъ пребудемъ неразлучно вмѣстѣ. И кому будетъ ночь, а тебѣ день, и не возьметъ тебѣ никогда лѣнь. Послужимъ ради Бога и не пощадимъ своихъ плотей, такъ и Богъ послушаетъ насъ, а то всехъ лѣпость поѣсть. О любезный мой сыночекъ! помоги мнѣ лѣпость изогнать! Ходилъ я по всемъ кораблямъ, и поглядѣлъ: но все лѣпостью перевязаны, братья и сестры; того и коровятъ, гдѣ бы братъ съ сестрою въ одномъ мѣстѣ посидѣть. Ужъ змѣю бить, такъ бей поскорѣе до смерти, покуда на шею не вспрыгнула и не укусила!“ А онъ мнѣ былъ вѣрный другъ, и великой помощникъ, непобѣдимый воинъ. Отъ начала до конца въ жизни своей, ревностно воевалъ противу грѣха, и много мнѣ помогалъ. И нѣтъ мнѣ нынѣ такова помощника, и нигдѣ не могу избрать: ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, и ни въ другихъ городахъ; много есть у меня добрыхъ людей, но все нѣтъ такова, каковъ былъ онъ. Онъ не имѣлъ и не желалъ себѣ чести, равно и не собиралъ себѣ тѣлеснаго богатства, и не занимался суетою. Не щадилъ своей плоти, и жизнь истощалъ свою ради Отца своего искупителя, и былъ вѣрный подражатель Христу, и имѣлъ чистый непорочный соудъ духу святому. Онъ по благословенію отца своего небснаго, пошелъ на станъ освятить всю вселенную, и истребить въ Божьихъ людяхъ всю лѣпость, и побѣдить змѣя лютата, поядающаго всехъ на пути идущихъ моихъ

дѣтушекъ. Ну любезныя дѣтушки! Скажу еще вамъ, и что-то Богъ послѣшитъ! Отецъ искупитель явился: то которые приведены Александромъ Ивановичемъ и бѣлыя рубахи надѣли, и тутъ и ихъ живыхъ засталъ, а многіе въ морѣ потонули, который по шею, который по поясъ. Отецъ искупитель явился, всѣхъ изъ моря вытащилъ и расковалъ; а на старыхъ учителей нечего пенять.

Изъ всего сказаннаго нами оказывается, что вся суть скопчества состоитъ въ смѣшеніи религіознаго изувѣрства съ сумасбродствомъ, ивѣющимъ цвѣтъ *политическій*... Какъ ни смѣшно можетъ показаться это послѣднее выраженіе въ отношеніи къ такимъ уродамъ, какъ скопцы, оно однако буквально точно и совершенно справедливо. Въ вѣрованіяхъ, мечтахъ и надеждахъ скопцевъ, политическіе интересы берутъ даже ясно верхъ надъ религіозными. Цѣль ихъ фанатическаго изступленія не въ небесахъ, а на землѣ, они ждутъ себя торжества и блаженства не тамъ, въ другомъ, лучшемъ духовномъ мірѣ, но здѣсь, въ этомъ свѣтѣ, въ этой жизни, даже въ этомъ самомъ быту, который существуетъ теперь; съ перемѣною его только въ пользу ихъ, скопцевъ. Переставъ быть людьми, но все еще сохраняя въ себѣ кровь русскую, скопцы не умѣютъ себя представить этого утвержденія для нихъ царства небеснаго на землѣ, иначе какъ въ воцареніи на російскомъ престолѣ императора Петра III, котораго они считаютъ вторымъ Христомъ, истиннымъ сыномъ Божиимъ, живымъ до нынѣ. Онъ-то долженъ придти къ нимъ съ Восточной иркутской стороны, зазвонитъ въ Успенскій колоколъ, созвать своихъ дѣтушекъ, *завладѣть короною съ державою*, и потомъ совершить надъ всѣми страшный судъ. „Этому дѣлу не миновать!“ говорятъ скопцы; и это должно произойти не тихо и смиренно, а съ „громомъ страшнымъ и преужаснымъ“, подъ предводительствомъ лже-царя, придуть полки-полками, съ силою великою, въ боевомъ порядкѣ! Мечта самая дикая, самая сумасбродная! Но скопцы вѣрують въ нее, во всей наготѣ буквальнаго смысла, или вѣра въ нее — бессмыслия... Это основной догматъ ихъ вѣроуче-

ніа! Можно смѣяться, можно презирать такую невмѣстимуя для здраваго ума нелѣпость, но отрицать ея существованіе въ головахъ помѣшанныхъ изувѣровъ, нѣтъ никакой возможности. Невольно рождается теперь вопросъ: такой бредъ, при всей его дикости, если будетъ оставаться и ходить въ народѣ, не можетъ ли имѣть послѣдствій, положимъ не существенно опасныхъ, но крайней мѣрѣ такихъ, которыхъ отнюдь не желательно видѣть. Извѣстна необыкновенная простота и легковѣріе нашего народа; нѣтъ нелѣпости, которая не нашла бы къ нему доступа; нѣтъ глупости, въ которой бы нельзя было убѣдить его! Не восходя слишкомъ далеко, не упоминая наприимѣръ о томъ несчастномъ времени, когда тоже самое имя, которое теперь служитъ основою сумасшествію скопцевъ, было нривесово простымъ казакомъ, и народъ увлекся вслѣдъ за нимъ мятежными волнами, и нашлись даже православные священники, которые потому только не исполняли безумнаго приказанія самозванца поминать на эвтезіяхъ супругу его, благовѣрную государыню императрицу Устинью Никифоровну, что не имѣли на то указа отъ синода. Изувѣрное злоупотребленіе священнымъ именемъ царя, составляющее душу скопцеской ереси и ей только исключительно принадлежащее, какъ оно ни бессмысленно, можетъ угрожать существенно-пагубными послѣдствіями отъ самихъ скопцевъ и, распространяясь чрезъ нихъ въ народѣ, не можетъ не возбудить справедливыхъ опасеній въ разсужденіи общественной тишины и государственнаго спокойствія, которое, какъ доказали неоднократные опыты, ничѣмъ такъ легко у насъ не возмущается, какъ самозванствомъ... Противъ всякаго другаго заблужденія, могутъ съ пользою быть употреблены мѣры увѣщанія, наставленія, вразумленія; скопчество, напротивъ, по самой сущности своей, состоящей въ невозвратномъ отторженіи отъ человѣчества, есть язва, которую можно лишь искоренить, но излечить нельзя!

VI.

КАКЪ КАТОРЖНИКЪ СЕЛИВАНОВЪ ИЗОБРАЖАЛЪ СОВОЮ БОГА У СКОПЦЕВЪ.

Опишемъ со словъ очевидцевъ, какииъ образомъ богомоленіе скопцевъ совершалось въ Петербургѣ, когда самъ каторжникъ Селивановъ здѣсь присутствовалъ. Въ то „золотое время“ скопчества, дома, въ которыхъ имѣлъ пребываніе лже-искупитель и куда собирались къ нему на поклоненіе его читатели, были настоящими „святимицами“: они и называли себя „святими обителями“, „благословенными церквами“. Послѣдніе годы самозванецъ жилъ въ домѣ купца Михайлы Солодовникова. Тогда этотъ домъ былъ снаружи запертъ кругомъ на глухо, дабы, по выраженію скопцевъ, „никто изъ Іудеевъ и фарисеевъ не могъ проникнуть въ него ни зрѣніемъ, ни слухомъ“, денно и ночью держали вокругъ него строгій караулъ скопцы изъ отставныхъ солдатъ; сектаторы, собираясь на богомолье по ночамъ, сначала должны были позвонить у воротъ въ колокольчикъ, и потомъ впускались не иначе, какъ опрошенные, размѣнявшись съ карауломъ извѣстными словами „на подобіе пароля“. Такия необыкновенныя предосторожности не могли не обращать на себя вниманія, и дѣйствительно, нѣкоторые изъ петербургскихъ гражданъ рассказываютъ, что, бывъ тогда еще дѣтьми, они, напуганные носившимися слухами, боялись проходить мимо этого таинственнаго дома, особенно вечеромъ, послѣ сумерекъ. Селивановъ жилъ во второмъ этажѣ дома; зала собранія скопцевъ, или молельная находилась подъ нимъ въ нижнемъ этажѣ. Эта зала была весьма обширна, да и не могла не быть такою, когда собиралось въ ней до трехъ сотъ человѣкъ. Недоходившая до потолка перегородка раздѣляла ее на двѣ половины: одну для мужчинъ, другую для женщинъ. Каждое отдѣленіе украшалось богатыми иконами, предъ которыми висѣли лампы и паникадила со свѣчами; на общемъ обоимъ отдѣленіямъ потолокъ, изображено было всевидящее Око, для Селиванова было устроено особое „сѣдалище“, или „ложе“,

называемое „престоломъ“, оно стояло между обоими отдѣленіями, такъ что онъ и самъ могъ видѣть всѣхъ, и былъ видимъ ото-всюду. До появленія его, собравшіеся братья и сестры занимались, кто какъ ужѣлъ и кто какъ хотѣлъ, одинъ радѣлъ, другая про-рочествовала, третьи попивали чаекъ... Снисшествіе самозванца воз-вѣщалось громкимъ возгласомъ: „*катитъ нашъ батюшка ка-титъ нашъ Сынъ Божій!*“ Тогда все собраніе, въ глубо-чайшемъ благоговѣніи, преклоняло колѣни, и привѣтствовало входъ Бога-искупителя и царя. Каторжникъ Селивановъ являлся обыкно-венно на божескомъ престолѣ въ богатомъ левантиновомъ *халатѣ*, *въ колпакѣ и въ спальныхъ сафьянныхъ сапогахъ* (?) Величественно восходилъ онъ на свой царскій престолъ, и, сидя, или *лежа*, облаченный подушками, благословлялъ обѣими руками собраніе, объявляя, что теперь присутствуетъ посреди дѣтей онъ самъ „живый Богъ“, и приговаривая протяжно: „Милость, ми-лость! Покровъ, покровъ!“ Затѣмъ отрывалось „общее радѣніе“. Самъ Селивановъ, по глубокой старости и хилости, не радѣлъ и не пророчествовалъ. Онъ, и вообще говорить, былъ «несловесенъ» или, по крайней мѣрѣ, «несловоохотенъ». Всѣ его несогласія и пред-сказанія состояли обыкновенно въ нѣсколькихъ короткихъ словахъ, произносимыхъ тихимъ голосомъ; да и на такую короткую бесѣду рѣшался онъ только у себя на верху, куда приглашалъ избранныхъ, хорошо извѣстныхъ ему старыхъ скопцевъ, или допускалъ до при-нятія благословенія новыхъ поклонниковъ, пріѣзжавшихъ нерѣдко изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ. Отпуская отъ себя, особенно по-слѣднихъ, онъ напутствовалъ изъ своихъ рукъ подарками, состояв-шими обыкновенно въ маленькомъ образкѣ, или въ простомъ бумаж-номъ платкѣ. Эти дары развозились всюду, какъ неоцѣненная свя-тыня, съ которой ничто не имѣло сравненія въ глазахъ скопцевъ; удостоиться же получить отъ самозванца ручной осьмиконечный крестъ, значило быть признаннымъ въ достоинствѣ Учителя, съ при-своеніемъ права председательствовать въ скопческихъ собраніяхъ, принимать приводимыхъ новичковъ и *совершать операцію осконенія*... Затѣмъ, верхомъ благодати, сокровищемъ изъ со-кровищъ, почиталось пріобрѣтеніе какихъ нибудь крохъ отъ тра-дезы же-искупителя, или другихъ вещей, находившихся въ его

личною непосредственною употребленіи, какъ-то: носилкаго нѣтъ платья, спальнаго бѣлья, даже *грязной воды съ мыломъ, которою онъ умывался*; тѣмъ большую цѣну имѣли частички отъ него самаго, именно вычесанные цѣпъ головы и бороды волосы, или остриженные ногти, которые по нинѣ отыскиваются всюду у скопцевъ, зашитые въ ладонкахъ, носимыхъ благоговѣнно на тѣльномъ крестѣ... Нельзя сомнѣваться, что самозванецъ-каторжникъ самъ содѣйствовалъ распространенію и утвержденію такого *идолопоклонническаго суевѣрія* во всему, что до него относилось... Известно, что въ Ригу, городъ освященный пребываніемъ его „возлюбленнаго“ Александра Иванова Шилова, самъ онъ отиралъ свой сѣрый кафтанъ, въ которомъ былъ нѣкогда наказанъ чрезъ палачей кнутомъ и шелъ въ Сибирь; даръ этотъ, предметъ глубочайшаго благоговѣнія изувѣровъ, хранится въ рукахъ скопца Пидулина, чиновника 14 класса, братъ котораго, скопонецъ же, былъ царско-сельскимъ казначеемъ, а сынъ, тоже скопонецъ, находился смотрителемъ гатчинскихъ казармъ. Теперь прошли эти «красные дни». Искупителя нѣтъ уже между „дѣтушками“! Впрочемъ, они сѣтуютъ о томъ, но нисколько не унываютъ. До конца царствованія императора Александра I, въ домѣ Солодовникова оставалось неприкосновеннымъ «ложе», на которомъ возсѣдалъ, или воздегалъ самозванецъ, и вокругъ него, портретомъ самозванца, совершались обряды богомоленія скопческаго, если не съ тѣмъ же весельемъ, то съ тою же, какъ и прежде, торжественностію. Отсюда разсылались, по прежнему, святыни, безъ сомнѣнія выдаваемые за остатки вещей, обладѣтельствовавшихъ прикосновѣніемъ изгнанника. Другіе болѣе ревностные и усердные обращались прямо въ Суздадь, гдѣ отъ имени заключенника раздавались подобныя же драгоцѣнности, большей частью подложныя. Настали другія времена; правительство стало смотрѣть бдительнѣе: скопцы присмирѣли. Но ихъ оживляетъ надежда скорого возвращенія къ нимъ государя-батюшки, Искупителя, смерти котораго они никакъ не хотятъ вѣрить. Всевозможное ускореніе этой вождѣльной минуты составляетъ нинѣ главный предметъ ихъ моленій; и многіе увѣрены, что искупитель и теперь иногда удостоивается являться на нѣкоторыя избранныя сборища, ради утѣшенія и одобренія ожидающихъ... Изувѣры увѣрены несомнѣнно, что ка-

торжвикъ-богъ ихъ скоро возвратится къ нимъ опять съ силою и славою, сядетъ на принадлежащій ему російскій императорскій престоль, *испровернетъ существующій порядокъ вещей*, и здѣсь, на сей землѣ, въ Россіи утвердитъ полное торжество и вѣчное блаженство своихъ послѣдователей... Для сего своицы скидываютъ въ груды золото, начиная съ самаго стариннаго чекана, и копятъ сотни миліоновъ въ тайникахъ у разныхъ въ Россіи лицъ для будущаго своего царя, министровъ его и новой, имѣющей быть вмѣсто нынѣшней, администраціи государственной... Этими золотомъ они находятъ случай подвунать правительственныя лица, а иногда и литературу русскую!..

XXI

ПРОПОГАНДИСТЪ МЯСНИЦКІЙ.

Желая раскрыть ослѣпленныя очи несчастной массы раскольниковъ, идущей слѣпо за своими ходаками, древле-благочестниками, вопреки желаніямъ всѣхъ благомыслящихъ людей, мы рѣшаемся очертить нѣкоторыхъ *• торгошій религіознымъ чувствомъ* слѣпаго русскаго народа... (мы не знаемъ ничего постыднѣе торговли этими чувствами!) во главѣ коихъ выдается изъ всѣхъ въ Москвѣ преимущественно одинъ, другъ многихъ ученыхъ московскихъ и коноводъ раскольниковъ. Сія въ глазахъ несчастныхъ слѣпцовъ-раскольниковъ древле-благочестіемъ, крупно поддерживая купленную бѣглую іерархію раскольниковъ, возясь съ бѣглыми попами и дурача народъ древними 500-лѣтними иконами, собранными во множествѣ, онъ въ то же время содержитъ французенку, для которой и купилъ домъ у башни. Нынѣ этой французенкѣ лѣтъ 40, но тогда, когда она плѣнила сердце древле-благочестника, она была молода, ловка и красива. Древле-благочестника сего можно видѣть и за кулисами у актрисъ... и жадно сезерцающимъ ноги балетницъ въ театрѣ и въ кое-какихъ уголкахъ Москвы возящимся съ пикантными дѣвочками изъ Риги и французенками, что почище 40 лѣтней французенки. Богобоязливому древле-благочестнику съ лысиною на затылкѣ пріятно проводить время въ эмпиреяхъ... но не хочется выпустить изъ рукъ и темной массы раскольниковъ. Какъ разстаться съ почетомъ, великимъ именовъ *столпа древляго благочестія*, а главное, набиваніемъ кармана на счетъ слѣпотствующихъ?.. И вотъ онъ ловко сочетаетъ и то и другое! Онъ дѣлаетъ даже слѣдующія возмутительныя вещи,

для того, чтобъ изъ-за французенокъ не потерять званія столпа древяго благочестія: купивъ у одного художника, отличающагося даровитостью и вмѣстѣ пасквилями, картину съ пасквилюю на православіе, онъ снимаетъ съ нея въ раскольничьей фотографіи (раскольники имѣютъ свою абонированную фотографію, гдѣ снимаютъ портреты съ своихъ бѣглыхъ поповъ и архіереевъ и рассылаютъ ихъ по Россіи) не одну тысячу фотографическихъ копій и рассылаетъ повсюду слѣпо-му народу изъ раскольниковъ и православныхъ, чтобъ окончательно смутить и безъ того смущенную всякими баснями совѣсть простолудиновъ... Вотъ какими штукаами промышляютъ московскіе столпны древяго благочестія, содержатели французенокъ, друзья близорукихъ ученыхъ, вѣдающіе частенько за-границу!... Спрашиваемъ: *какимъ именемъ можно назвать этихъ господъ, такъ дерзко и такъ святотатственно* посягающихъ на чистоту души русскаго крестьянина, который имѣетъ лучшее сокровище—невозмутимую совѣсть въ дѣлѣ своей религіи? Думаютъ ли эти люди о томъ, что одинъ экземпляръ такой картины сослалъ, быть можетъ, не одну тысячу несчастныхъ жертвъ въ Сибирь, и все это могло сдѣлаться очень просто? Картина эта натурально производитъ сильное впечатлѣніе на простой и довѣрчивый умъ крестьянина. Онъ совращается въ расколъ, его судятъ, таскаютъ по судамъ и острогамъ; его семейство, безъ главы дома, бѣдствуетъ, разоряется; въ острогахъ совращенный ожесточается, не признаетъ властей, называетъ ихъ антихристами, съ устъ его срываются дерзости, оскорбленія начальства и т. п. И вотъ онъ кончаетъ ссылкой на поселеніе. И куча несчастныхъ, совершенно невинныхъ дѣтей, и мать семейства съ груднымъ младенцемъ идутъ по сибирской дальней дорогѣ вслѣдъ за главою семейства, разоренные, обнищавые, убитые физически и морально, тогда какъ все это честное семейство крестьянское могло жить и спокійно, и въ возможномъ довольствѣ. За что же вся эта семья почти погибла и пришла въ разореніе?..

Намъ однажды случилось быть въ воскресенье въ московскомъ Кремлѣ на раскольничьихъ спорахъ и дать вопросъ одному старику-раскольникову: почему раскольники не пускаютъ дѣтей своихъ въ гимназіи и университеты учиться? Раскольникъ съ азартомъ заговорилъ: „Незачѣмъ! потому что всё науки есть оскверненіе

антихристово, — на всежъ лежитъ печать Антихриста! Мы двѣсти лѣтъ не учимся этому еретичеству и дѣтей своихъ не пустимъ. У меня ихъ трое, а я ни одного изъ нихъ не пушу въ ваши школы!..“

— Это не столпы-то ли древяго благочестія, что живутъ въ Мясницкихъ частяхъ въ Москвѣ, нацѣли тебѣ эти пѣсни? говорилъ я.

— Да хоть бы и они! Они это дѣло знаютъ лучше насъ съ тобою: бывають и въ царскихъ дворцахъ съ депутаціею, ѣздятъ по начальству высокому, у генераль-губернаторовъ и въ министерствѣхъ ходы (лучше сказать пороги) знаютъ, стало быть намъ съ тобою не учить ихъ...

И благодарятъ за все это такими дѣлами, подумалъ я, — какъ пропагандистъ Мясницкій... Хороша отплата! А вѣдь дѣти этаго ослѣпленнаго старика могли не хуже, если не лучше, племянничка Мясницкаго пропагандиста учиться въ университетѣ, быть, пожалуй, свѣтилами науки, не хуже другаго; теперь же останутся въ слѣпотѣ и невѣжествѣ, сидящіе на горло въ тинномъ болотѣ, и придаютъ ихъ еще въ добавокъ эксплуататоры ходаки раскольниковъ въ этомъ болотѣ... Вотъ вамъ и будущее Россіи... Грустно!

По нашему мнѣнію, слѣдуетъ въ Россіи по всемъ епархіямъ въ церквахъ открыть духовенству бесѣды съ раскольниками. Прямой долгъ духовенства — выводить людей изъ религіознаго заблужденія; ужели же мы въ двѣсти лѣтъ не домыслились до этого?... Священниковъ, изучившихъ расколъ и подвижающихся въ публичныхъ состязаніяхъ въ переквахъ съ раскольниками слѣдуетъ щедро награждать и отличать для прочаго соннаго духовенства, слѣдуетъ изъ сунода, или на счетъ суммъ епархіальныхъ и церковныхъ, снабжать всевозможными раскольниковыми книгами, чтобъ они могли давать отвѣты всякому вопрошающему; тотчасъ же, на мѣстѣ. Шкафъ съ такими книгами могъ бы помѣщаться въ церкви и служить противораскольниковой бібліотекой. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, равнодушно смотрѣть, какъ въ нашихъ глазахъ гибнутъ въ невѣжествѣ и совращаются въ расколъ тысячи народа? Пора подумать объ этомъ серьезно и пожалѣть народъ! Пропаганда рас-

кольничья, набивая карманы золотомъ, не спитъ; неужели же мы должны отвѣчать на ея дѣятельность и энергію сномъ?..

Существенная и безотлагательная потребность Россіи состоитъ въ школахъ — народныхъ и приходскихъ. Самымъ лучшимъ дѣломъ было бы открыть подписку, кому слѣдуетъ, для заведенія народныхъ училищъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ особливо пропагандируютъ раскольники, учатъ дѣтей канонники и злые фанатики, и готовятъ изъ этихъ мѣстностей будущее сплошное поселеніе раскольниковъ... Спассти тысячи дѣтей отъ невѣжества и изувѣрства — подвигъ благородный, и для отечества нашего жертвованія на такой предметъ были бы, конечно, благотворны въ особенности. Не потеряло бы денегъ и земство русское, еслибъ удѣлило на эти мѣстности для школъ народныхъ нѣкоторую сумму. Вѣдь эти деньги воспитали бы для отечества добрыхъ будущихъ гражданъ, а не изувѣровъ, невѣждъ и фанатиковъ, которые тревожатъ правительство цѣлыя 200 лѣтъ, и съ которыми доселѣ правительство наньчится, какъ съ блаженнымъ ребенкомъ, хотя у этого ребенка давно отросли острые зубы и ему ступнуло недавно два столѣтія отъ рожденія. Ребенокъ этотъ начинаетъ уже замышлять кое о чемъ... Онъ купилъ для себя бѣглую іерархію за границую, таскается по переднимъ турецкихъ султановъ и польскихъ агентовъ, фабрикуетъ бѣглыхъ архіеревъ, благословляющихъ царубійщъ... и въ грубомъ невѣжествѣ своемъ мечтаетъ задарить правительство деньгами (пустая, конечно, мечта!), чтобъ получить утверженіе его бѣглой іерархіи. Замѣчательно, что московскіе коноводы всевозможными письмами и посланіями во всѣ концы Россіи, увѣряютъ слѣпой народъ, что это время близко, и потому-де стойте и крѣпитесь въ своемъ фанатизмѣ и невѣжествѣ, не ходите въ школы, заводимыя нынѣшнимъ земствомъ и, поклоняясь столпамъ древлаго благочестія въ Москвѣ, ждите, когда мы все для васъ устроимъ! Кто-жь, однако, не понимаетъ, что *никогда этого времени не будетъ въ Россіи*, что никакое правительство не можетъ покровительствовать невѣжеству, тупости, фанатизму, слѣпотѣ и такимъ религиознымъ обществомъ, гдѣ, по самой догмѣ, исключается всякое образованіе, всякій прогрессъ. Говорить, что бѣглая раскольничья іерархія можетъ быть когда бы то ни было утверждена Государемъ и Суно-

домъ—значить ни слова непонимать въ церковной русской исторіи... Допустить подобную нелѣпость — значить *зачеркнуть всю исторію русской Церкви* и съ позоромъ разрубить православіе на двѣ части... въ то время, когда на русскую церковь устремлены нынѣ взоры всего свѣта, какъ на одинъ изъ чистыхъ источниковъ христіанской вѣры, значить, создать два главенствующихъ Синода и пустить по Россіи безпренятственно пропаганду тьмы, невѣжества и фанатизма... Что же въ перспективѣ будетъ ожидать такое раскольниковъ государство? Когда однажды, въ Брестѣ, въ воскресенье, мы дали вопросъ одному раскольникову: хорошо ли было бы то государство, гдѣ всѣ подданные были бы раскольники и такія невѣжды, какъ нынѣ, т. е. отвергающіе всякую науку, считающіе гимназію, университетъ и всѣ другія высшія учебныя заведенія антихристовыми забавами, то онъ отвѣчалъ съ фанатизмомъ: „Да такое государство и должно быть на землѣ, и будетъ время, когда вся Россія сдѣлается такою!“ Кого изъ насъ не поразятъ какъ гробомъ такія слова, пророчащія всеобщее очумленіе Россіи? Что придется отвѣчать на нихъ намъ, жаждущимъ скорѣйшаго увеличенія числа народныхъ школъ и ожидающимъ, чрезъ всеобщее образованіе массы, великихъ мыслителей и государственныхъ людей изъ народа, какъ это бываетъ въ Англіи, Америкѣ и т. п.?

Но намъ особенно нравится въ раскольникахъ практичность ихъ. Они, напримѣръ, съ удовольствіемъ отсыплютъ деньги становому, исправнику, губернатору, его правителю канцеляріи, или кому бы то ни было—и тотчасъ же наворачиваютъ эту сумму десятирицею. Положимъ, напримѣръ, они дадутъ кому нибудь хоть 5000 руб. сер. и на другой же день пишутъ во всѣ концы Россіи о присылкѣ 15,000 руб. для пополненія кассы раскольниковъ. За такую легкую операцію, какой нибудь коноводъ получаетъ въ свою пользу, значить, 10,000 руб. сер.

Намъ кажется, что скоро въ Москвѣ составятся компаніи на акціяхъ для пріобрѣтенія капиталовъ въ свою пользу чрезъ прістанодержательство бѣглыхъ архіереевъ и поповъ, и мы дивимся, что эти операціи не приняты до сихъ поръ такихъ же размѣровъ, какъ ссуда денегъ подъ залоги, разросшаяся въ Петербургѣ и Мо-

свѣ. А комерція выгодная! Вѣглые архіереи и попы будутъ служить, совершать требы и собирать кучами деньги (по 300 р. за свадьбы берутъ, по 200 р. за обѣдни), а акціонеры будутъ отъ нихъ эти деньги получать и пускать въ обороты; для раздачи же дивиденда, по окончаніи года, собирать церковные сборы....

Неужели коноводы раскола вѣрятъ, что помимо правительства русская литература будетъ отстаивать безобразіе, невѣжество, фанатизмъ, узкость догмы, моральную окаменѣлость. Да разувѣрятся однажды навсегда въ этомъ! Русская литература *жалеть* обманутый народъ, и потому желаетъ ему одного—скорѣйшаго просвѣщенія наукою и поднятія уровня его образованія, чтобъ онъ, стяхнувъ поскорѣе съ себя 200-вѣковыя путы невѣжества и рутины, которыми опутали его богачи-коноводы, нажившіе миліоны на счетъ слѣпыхъ крестьянъ и щеголяющіе нынѣ въ каретахъ по Москвѣ, пошелъ вслѣдъ за призывомъ Царя, который желаетъ всѣмъ свѣта, свѣта, и свѣта, а не тьмы и невѣжества...

Разоблачать дѣятельность коноводовъ раскольничьихъ, особливо современныхъ и нынѣ дѣйствующихъ, есть самое благотворное дѣло. Для нихъ сколько не издавай строгихъ узаконеній, они чрезъ нихъ, съ помощію денегъ, шагаютъ также легко, какъ чрезъ соломенку... Чрезъ гласность же печатную не перешагнешь такъ легко! Вотъ почему мы увѣрены, что *гласность по расколу самое острое и самое вѣрное противъ него оружіе*... Жаль, что мы домыслились до этого чрезъ 200 лѣтъ, только недавно! А все раскольничьи денежки дѣлали! сколько вреда надѣлали одни неумѣлые писаки о расколѣ? А объ этихъ писакахъ раскольничьи коноводы съ презрѣніемъ отзываются такъ: на нашъ вѣкъ дураковъ этихъ еще хватить! постановимъ имъ ящики шампанскаго, ну и заорутъ за насъ... Да еще какъ? Всѣ газеты и журналы запереть. Писалъ же безъ разбору за насъ недавно одинъ редакторъ съ пѣною у рта за 6000 р. сер. годоваго содержанія и готовую въ Москвѣ квартиру!

XXII

РАСКОЛЬНИКИ САВВА И ТИМОФЕЙ МОРОЗОВЫ

I.

ЕЛИСОВА ВЪРА.

Въ Москвѣ у Ильи пророка на земляномъ валу стоитъ домъ, извѣстный всей Россіи, какъ домъ главы раскольниковъ, Елисыя Савича Морозова. Сначала Бѣглоповецъ, потомъ Ѳедосѣвецъ, и наконецъ Поморецъ, — Елисий Морозовъ всю жизнь свою пробылъ фанатикомъ и умеръ не разставшись, въ несчастію, съ своими заблужденіями... Самое продолжительное упорство Елисыя Морозова было во время пребыванія его въ Ѳедосѣвской сектѣ. Кто бы повѣрилъ, что русскій миліонеръ, владѣлецъ извѣстныхъ ситцевыхъ морозовскихъ фабрикъ, первостатейный московскій купецъ, живя въ такомъ жалкомъ ослѣпленіи, что не на шутку вѣровалъ, что съ православными нельзя ни пить, ни ѣсть, ни на молитвѣ стоять, въ банѣ изъ единыхъ сосудовъ во оскверненной водѣ не мыться, не имѣти сосуды особые, аще ли обращается кто мыющіеся изъ ирскихъ, сей да творить поклоновъ 300 до земли при соборѣ... Какъ назвать вѣрованіе, не принимающее браковъ, считающее женъ погаными сосудами, а дѣтей щенятами, которыя, если придутъ въ возрастъ и восхощутъ быти со христіяны, то жити имъ слѣдуетъ

въ особннхъ храминахъ и страпать самнхъ на себя, которыя же въ бракѣ будутъ дѣтей рождати, о таковыхъ наказывати отцамъ духовнымъ за перваго полгода отлучать, за втораго годъ, за третьяго два лѣта, а за очистительныя молитвы три тысячи поклоновъ до земли... Въ мрачной сектѣ Фодосѣвской есть слѣдующія правила, полученныя правительствомъ изъ вѣрнаго источника: „блудная жизнь терпима, дѣтубійство не преступленіе; общая присяга считается антихрнстовою“. Разрѣшая прелюбодѣяніе, фанатики основываются на слѣдующемъ умозаключеніи: „по правиламъ Кормчей книги за прелюбодѣяніе опредѣлено тягчайшее наказаніе, чѣмъ за блудъ; бракъ есть прелюбодѣяніе, слѣдовательно лучше блудить съ чужими женами и дѣвками...“ Въ шестидесятихъ годахъ Елисѣй Морозовъ сдѣлался Поморцемъ и пропагандировалъ „свою вѣру“ между старообрядцами, которые и теперь слывуть „по Елисовой вѣрѣ.“

II.

ПРОФЕССОРЪ ПО ЧАСТИ АНТИХРИСТА.

Помѣшавшнсь на Антихристѣ, Елисѣй Морозовъ всю жизнь свою собиралъ и изучалъ все что только писано было объ этомъ предметѣ. Послѣ долгодѣтнхъ розысканій, онъ пришелъ къ убѣжденію, что Антихристъ долженъ явиться въ чувственномъ образѣ. Плодомъ этого убѣжденія было обширное сочиненіе его объ Антихристѣ, которое, однакожъ, авторъ почему-то не издалъ, хотя по содержанію своему оно и не могло, кажется, встрѣтить препятствій къ напечатанію.

Какъ важенъ былъ для Морозова вопросъ объ Антихристѣ, показываетъ, между прочимъ, рассказанный въ газетахъ случай. Однажды въ 1861 году Елисѣй вошелъ въ книжную лавку Т. Ѳ. Большакова и встрѣтилъ тамъ известнаго бібліографа В. М. Ундольскаго, котораго онъ зналъ какъ знатока древней письменности. — Не теряя времени, Морозовъ обратился къ Ундольскому, ни

съ того ни съ сего, съ своимъ любимымъ разговоромъ объ Антихристѣ.

— Эхъ, Елисей Савичъ, прервалъ его Ундольскій, охота тебѣ вѣчно толковать объ Антихристѣ! Ну что такое Антихристѣ? Сказано въ Св. писаніи: сынъ погибели; значить просто „сукинъ сынъ!“ Молча, какъ темная ночь, вышелъ Елисей Савичъ изъ лавки. На другой день, часу въ шестомъ утра, Ундольскій былъ разбуженъ въ своей квартирѣ звонкомъ. Входитъ Морозовъ.

— А! Елисей Савичъ, что такъ рано? спросилъ Ундольскій.

— Послушай, Вуколь Михайловичъ, мрачно заговорилъ фанатикъ Морозовъ. Неужели ты и въ самомъ дѣлѣ такого мнѣнія объ Антихристѣ?

Закоренѣлый раскольникъ не спалъ всю ночь, услыхавъ на канунѣ такой презрительный отзывъ о предметѣ своихъ долгодѣньихъ думъ и бесплодныхъ изысканій. — Зачитавшись сочиненіями Иполита папы римскаго объ Антихристѣ, Елисей Морозовъ пришелъ къ убѣжденію, что Антихриста должно разумѣть въ „мундирѣ“ администраціи края, т. е. съ красными обшлагами и свѣтлыми пуговицами!?. За такія и симъ подобныя великія открытія Морозовъ названъ старообрядцами „профессоромъ по части Антихриста“.

III.

Чѣмъ занимается наше купечество?

Какъ образчикъ той чепухи, которою занимается наше темное купечество вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ и усовершенствовать свои фабрики и заводы, на которыхъ все еще толкутъ деревянные толчеи, мы приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ разглагольствованій ихъ объ Антихристѣ.

— Како мудрствуеши: чувственно или нечувственно былъ и будетъ Антихристѣ? вопрошаетъ обыкновенно купчина въ родѣ Елисея Морозова, собрата по комерціи.

Комерсантъ отвѣчаетъ:

— Антихристъ есть и будетъ по реченному Апоѳоломъ, и откритъ челоуѣкъ грѣха сынъ погибели, противникъ превозносящій выше всякаго бога, или чтилища, яко събсти ему въ церкви Божией, яко Богу, показующи себя, яко Богъ есть; и неизрѣченныхъ тайнъ зритель вопиеть: слышасте, яко Антихристъ грядеть и нынѣ уже въ мѣрѣ есть; и пакы покланяются ему всѣ живущи на земли, яко Богови святому, имъ же имена не написана въ книгахъ животнохъ отъ сложенія мѣра; и пакы егда исполнится тысяща лѣтъ, тогда разрѣшенъ будетъ сатана отъ темницы своея. Сіе число таинственно самому Богу извѣстно. — Тысящу лѣтъ не всяко числомъ разумѣвати благоразумно есть. Тысяща лѣтъ сиричь совершенное число отъ перваго Христова пришествія. — Егда не начаша Римомъ цари владѣти, оттолѣ начася и Антихристово царство и пр.

— О печати Антихристовой како мудрствуеша? вопрошали Елисея Морозова пустосвяты.

— Святѣи, отвѣчалъ обыкновенно Елисей, овогда крестъ печати нарицають, иногда миропомазаніе и сложеніе перстовъ съ крестнымъ воображеніемъ; тако и Антихристову печать не единообразно мудрствовати подобаетъ. — По реченному: даде Господь вѣрующимъ въ него знаменіе честный и животворящій крестъ; и пакы: начертаетъ змѣй свое знаменіе за крестъ спасовъ, дасть бо на десней руцѣ челоуѣку, да не имать власти знаменатися знаменіемъ Христа Спасителя, ни крестомъ его; число же печати змѣя 666. — Отъ сего нынѣ познавается, по исполненіи числа сихъ лѣтъ, великороссійская церковь, ея же патриархъ Никонъ, злодерзостно съ клятвословнымъ и не изчетнымъ ругательствомъ отверже сіе знаменіе Спасителя вмѣсто же его предаде знаменатися тремя персты, въ нихъ же заповѣданіе новоузаконенное изнесе и уже Троицу и воплощеніе въ трехъ перстахъ негодковавъ, противно древде-православной церкви и ратоборствуя со св. Богословцы, предавшими вышесказанное перстовъ сложеніе и въ немъ двухъ превеликихъ сихъ таинствъ исповѣданіе, къ сему же не истинный крестъ Христа Спасителя, по ученію Богословцевъ, на себѣ вообразити умствують, на нѣкое четвероружіе, сиче глаголюще: егда полагаемъ знаменіе на главу — касается ея вышній рогъ креста, егда же на чрево — ниж-

ній рогъ, такожъ и на правое плечо и на лѣвое, еще знаменуетъ два концы; но и сіе ихъ новопредаіе, елико святымъ Богословомъ, истый крестъ Христа Владыки на себѣ вообразити научающимъ, противно, толико древле-православной церкви раторбно, исповѣдаше бо пречистаго Владыку страдаша не на четверорожій крѣеомъ, но по прорѣченіи Богогласнаго Исаи, на тредревесномъ крестѣ, имущемъ въ четвертыхъ дщицу, Пилатомъ положенную, того видотвореніе на просфорахъ уготованныхъ къ совершенію пречистаго тѣла полагаху и подъ симъ пречестнѣйшимъ видотвореніемъ агнца закалаху.

— Зри со вниманіемъ, кого въ вышеписанномъ чинѣ отрицаются, кого проклинають и кому поклоняются повелѣвають: Разумѣвай, да разумѣешь!

Какъ не пожалѣть о такихъ „Профессорахъ объ Антихристѣ“, которымъ неизвѣстно было ни грозящее пониженіе тарифа, ни тарифныя комиссіи, недавно заставившія пустосвятовъ востать отъ вѣковаго сна, умыться, продрать глаза и отложить книги объ Антихристѣ на время въ сторону? — Время пришло тугое! остается или заняться наукою дѣльной и усовершенствовать фабрики и заводы, или же, занимаясь сочиненіемъ жалкихъ книгъ объ Антихристѣ, приготовить тѣ фабрики и заводы къ продажѣ съ аукціоннаго торгоа...

IV.

МОРОВОВСКІЕ ФАБРИКИ И МОДЕЛЬНИ.

Утверждаютъ, что фабриками Елисея Морозова, всю жизнь изучавшаго похождения Антихриста, управляла больше жена его, одаренная торговою смышленностію, самъ же „профессоръ по части Антихриста“ занимался болѣе размноженіемъ модельныхъ и пропандированіемъ своей „Елисовой вѣры“. — Плотный, коренастый мужчина съ голуеѣдою бородою, нависшими бровями и взглядомъ изъ подлобья, Елисей Морозовъ былъ типомъ „завятаго расколь-

ника. Въ своемъ кабинетѣ, за раскольничьими работами, Елисей Морозовъ большею частію бывалъ въ бѣлой холщевой рубахѣ, подпоясанный поясомъ ниже брюха и съ открытымъ воротомъ на груди.—Заложивъ руки за поясъ рубахи, русскій „Вагнеръ“ просиживалъ ночи за полууставною чепухою, которая не стояла выѣденнаго яйца, и въ этомъ видѣ принималъ гостей и собесѣдниковъ своихъ.—Изъ молельнъ его особливо извѣстны Зуевская, въ селѣ Зуевѣ, Владимірской губерніи, на ситцевыхъ его фабрикахъ, и домашняя его молельня, что у Ильи Пророка на Земляномъ валу, въ собственномъ его домѣ.—Кто не слыхалъ о Зуевѣ и Зуевскихъ ситцевыхъ фабрикахъ Морозовыхъ? На этихъ-то фабрикахъ работали и работаютъ „Елисовцы“, за тѣцкими станками пропагандируя жалкое ученіе, исполненное бредней и книжной бесплодной схоластики... Долго не выдти изъ-за этихъ тѣцкихъ станковъ ни свѣжей мысли, ни умному стремленію къ наукамъ, къ движенію впередъ, къ прогрессу!.. „Елисовцы“, должны остаться вѣчными вьючными рабочими своихъ хозяевъ, адептами ихъ религіозныхъ бредней, набивателями золотомъ чужихъ мѣшковъ, если время и общій потокъ разливающагося цивилизирующаго начала по Россіи не проникнетъ какъ нибудь въ это мрачное логовище и не дастъ сильнаго толчка мысли жалкихъ и слѣпыхъ труженниковъ.—Отвернувшись отъ „Елисовыхъ вѣръ“, бросивши полууставныя книги, паче же кожаныя, работники могутъ взяться за полезную науку, пойти въ слѣдъ за производительно-мыслящими гражданами Россіи и, быть можетъ, построить себѣ свои соственныя фабрики по началамъ науки, по образцу заграничному, но когда настанетъ это возжеленное время,—одному Богу извѣстно!.. Нынѣ же пока всѣ эти „Елисовцы“, въ тысячѣ экземпляровъ сидящіе за тѣцкими станками на морозовскихъ фабрикахъ, скованные по рукамъ и ногамъ жалкою и тупою догмою, ни больше, ни меньше, какъ жалкія человѣческія силы, находящіяся въ положеніи „вьючнаго животнаго“.—Грустно!

V.

ПОКОРОНЫ ЕЛИСЕЯ МОРОЗОВА.

На Елисея Морозова имѣлъ огромное вліяніе нѣкто Павелъ Прусскій, нынѣ присоединившійся, наконецъ, къ православной церкви. — Лицо это въ высшей степени замѣчательное по своему уму и образу жизни. — Павелъ Прусскій мірское имя носилъ — Петръ Ивановъ Ледневъ; родился онъ въ 1820 году въ городѣ Сызрани, Сибирской губерніи, крещенъ былъ въ православной церкви и съ раннихъ лѣтъ воспитывался въ правилахъ Феофанскаго толка и ученія Феофанія. Живя въ родной семьѣ, иноку Павлу еще малолѣтнему, часто приходилось выслушивать самыя жаркія пренія о вѣрѣ и разномыслія въ ихъ старовѣрской средѣ. Поводомъ къ такимъ спорамъ было ученіе Феофанцевъ о пришествіи въ міръ Антихриста, о необходимости разрыва, ради спасенія своей души, всякихъ связей съ міромъ и о безбрачномъ сожитіи ихъ послѣдователей. — Подобныя бесѣды на Павла имѣли такое вліяніе, что онъ на 18-омъ году жизни пожелалъ навсегда отказаться отъ міра и уединенно поселился въ небольшой кельѣ, построенной, съ согласія отца его, въ саду. — Здѣсь однимъ изъ наставниковъ Павелъ принятъ былъ въ Феофанское согласіе и перекрещенъ, съ обязательствомъ не „мірщити“ себя съ инославными. — Черезъ годъ отшельникъ, не довольствуясь своимъ уединеніемъ, переселился на „пасѣку“ своего отца, за десять верстъ отъ города, на рѣку Крымзу. — Въ этомъ пустынномъ, среди лѣса уединеніи инокъ прожилъ шесть лѣтъ. — Жизнь Павла среди подвижничества „по древнему благочестію“ скоро доставила ему громкую извѣстность въ средѣ Феофанцевъ, которые относились къ нему съ уваженіемъ и даже обращались за помощью въ отправленіи разныхъ духовныхъ требъ. Обдумывая въ уединеніи ученіе своей секты, Павелъ понемногу началъ приходить къ убѣжденію, что все ученіе Феофанцевъ шло въ разладъ съ дѣйствительною ихъ жизнію, а по-

тому пожелалъ заняться болѣе серьезнымъ изученіемъ основаній Оедосѣвскаго ученія. Снабженный въ значительномъ количествѣ книгами, иконами и другими богослужебными вещами, онъ поѣхалъ въ Прусскій скитъ „Григорьичевъ“ чрезъ Черниговскую губернію, гдѣ проѣздомъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Злынковомъ безюповскомъ монастырѣ, Новозыбковскаго уѣзда, среди старцевъ Оедосѣва согласія. — Въ Пруссію онъ пріѣхалъ въ февралѣ 1847 года.

Чѣмъ болѣе Павелъ изучалъ ученіе Оедосѣвскаго толка, тѣмъ явнѣе представлялась ему невѣрность этого ученія. Болѣе всего возмущало его понятіе Оедосѣвцевъ, а также и Филиповцевъ, о семейной жизни. По ихъ ученію, бракъ законнымъ не признавался; жена, живущая съ мужемъ, считалась блудницею и младенецъ, происшедшій отъ такого брака, послѣ крещенія не долженъ былъ питаться материнскою грудью, дабы не оскверниться... Въ случаѣ такого оскверненія, младенецъ считался отлученнымъ и если онъ умиралъ въ это время, то лишался обычнаго погребенія. Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Павелъ сочиненіями учителей церкви и выписками изъ старообрядческихъ сочиненій, доказываетъ законность брачной жизни, необходимость введенія молитвы за царя. Результатомъ многолѣтней дѣятельности трезваго ума Павла Прусскаго было презрѣніе къ раскольничьей Оедосѣвской догмѣ и присоединеніе 23 іюня 1867 г., въ Николаевскомъ единновѣрческомъ монастырѣ, къ православной церкви. Павелъ былъ могущее лицо въ расколѣ и Елисей Морозовъ боялся его и благоговѣлъ предъ нимъ. Въ 1866 году Павелъ возвратился изъ своего путешествія по разнымъ мѣстамъ Россіи въ свой прусскій заграничный скитъ къ братіи и въ скоромъ времени заявилъ ей, что онъ уже по духу не принадлежитъ къ ихъ ученію, почему и слагаетъ съ себя званіе ихъ „настоятеля“. Эта страшная вѣсть какъ громомъ поразила учениковъ Павла!... Начались слезы, мольбы, совѣщанія, и общая молитва за отца настоятеля. Павелъ былъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи оставить расколъ; ученики его не могли перенести потери своего наставника, послѣдовали за нимъ въ Россію и введены ихъ пастыремъ въ лоно общей православной церкви. Когда Елисей Морозовъ узналъ о рѣшимости Павла бросить мрачный расколъ, то, какъ утвер-

ждають, кричалъ: „Павель, Павель! бери что хочешь, поль-Зуева отдамъ, только не переходи въ православную церковь!“ Честный и умный Павель былъ непреклоненъ... Замѣчательно то, что въ тотъ самый день, когда Павель съ многочисленными учениками своими присоединился къ православной церкви, въ стѣнахъ преображенскаго кладбища, во вторую половину сего кладбища, занятую и доселѣ мрачными Оедосѣвцами, — несли для похоронъ тѣло фанатика Елисея Морозова... Ужасъ объялъ всѣхъ свидѣтелей сихъ двухъ знаменательныхъ церемоній. Два друга, въ одинъ день и почти въ одни часы, входили въ разныя врата, одинъ во врата раскаянія и новой жизни, другой во врата могилы и *неразкаяннаго фанатическаго заблужденія*... Страшный рокъ судьбы и потрясающее сочетаніе фактовъ!

VI.

ТИМОЕИ МОРОЗОВЪ.

По смерти Елисея Морозова остались дѣти, изъ коихъ, между прочимъ, одна дочь въ замужествѣ за раскольниковъ поморцемъ Иваномъ Семеновымъ Рудаковымъ, богатымъ московскимъ купцомъ, доселѣ путающимся въ раскольниковъ тѣмъ еромѣшной... Изъ братьевъ у Елисея остались Абрамъ Савичъ, раскольникъ поморской секты, и Тимоей Савичъ, раскольникъ бѣглопоповской секты, извѣстный богачъ московскій. Послѣдній представляетъ собою неразгаданное явленіе... Въ домъ его съ золотою крышею, недалеко отъ землянаго вала, купленномъ у извѣстнаго богача, нынѣ впрочемъ павшаго, В. А. Кокорева, собираются доселѣ бѣдые попы раскольниковъ, служить въ образѣ архіерея Гучовскій дворникъ, именуемый Антономъ, богословствуютъ неучи изъ отставныхъ солдатъ, дворниковъ, бродягъ, спившихся монастырскихъ служебъ и затѣмъ, послѣ этихъ мрачныхъ картинъ, даются великосвѣтскіе балы важнымъ лицамъ московскимъ; поддевки и хламицы раскольниковъ замѣняются мундирами адъютантовъ и пышными платьями

вещью свѣтлыхъ дамъ; вмѣсто архіерейскаго ладана, воскуряемаго Гучковскимъ дворникомъ, купю съ бѣглыми попами изъ спившихся монастырскихъ служекъ — кашеваровъ, домъ Т. Морозова наполняется тончайшимъ амбре... Самъ хозяинъ Тимофей Савичъ Морозовъ, ирванный въ Москвѣ „англичаниномъ“, ѣздитъ постоянно за границу; обращается въ клубахъ и театрахъ и въ то же время съ темною массою вѣруеть въ догмы, которыя безмыслиемъ своимъ и тупостию поражаютъ всякаго мыслящаго человѣка... Какъ все это понять? Если это преддверіе къ тому пути, на который вступилъ недавно честный и умный Павелъ Прусскій, или это „игра въ религиозное чувство народа,“ нужная для работы на театрахъ фабрикахъ въ селѣ Зуевѣ? Вопросъ этотъ мы ставимъ такъ потому, что отъ разрѣшенія его зависитъ участь можетъ быть сотенъ тысячъ темныхъ раскольниковъ въ Россіи, нашихъ, однако, братій и соотечественниковъ... Стадо быть публицистика имѣетъ право ставить *открытыми* такіе важные вопросы, касающіеся подданныхъ Государя, всегда огорчавшагося и мнѣ огорченнаго „безсмысленною игрою въ покушное австрійское бѣглое священство, святотатственно благословляющее, наконецъ, фанатиковъ на царубійства... Последнее слово нашего дѣря, выразившееся въ утвержденіи постановленія комитета министровъ только „*терпѣть расколъ*“, какъ грустную необходимость, какъ *дань жалкому невѣжеству*, въ надеждѣ, что тьма рано или поздно освѣтится лучами образованія. Это рѣшеніе великодушнаго русскаго царя и его правительства понятно относительно дѣйствительно темной, невѣжественной массы, ходящей въ дубленыхъ полшубкахъ и дырявыхъ лаптяхъ; понятно оно и въ отношеніи фанатиковъ, въ родѣ Елисѣя Морозова, но какъ оно приложимо въ отношеніи первостатейнаго владѣльца фабрикъ, московскаго раскольника, богача Тимофея Савича Морозова? Для насъ понятно великое значеніе гуссовъ и лютеровъ среди католичества, понятно значеніе и всякихъ *цивилизующихъ сектъ*, дѣйствительно разрабатывающихъ христіанство и двигающихъ человѣчество впередъ, но что могутъ выработать наши раскольничьи секты, *суть* коихъ нейдетъ дальше выстриженныхъ маковиць на затылкахъ бѣглой іерархіи?—Ничего, кромѣ *окаме-*

ннннн народнаго, что и доказаль уже двухсотъ вѣковой опытъ ихъ существованія на землѣ русской!

Въ Европѣ было время, когда, по словамъ Иоанна-де-Торквемеды, сомнѣваться въ могущество и непогрѣшимости Папы было все равно, что сомнѣваться въ священномъ писаніи; у насъ въ Россіи существуетъ нынѣ время, когда темная и достойная сожалѣнія необразованная раскольникья масса считаетъ для себя преступленіемъ сомнѣваться въ святости и непогрѣшимости своихъ раскольникьихъ большаковъ и отцовъ-благодѣтелей, хотя бы они содержали французенокъ и актрисъ и, развалившись по мужичьи въ креслахъ театральныхъ, смѣялись съ пріятелями отъ души надъ жалкою толпою, закупоренною въ молебныхъ на кожанныхъ Иосифовскихъ книгахъ... Въ началѣ XVI вѣка человечество въ Европѣ доходило до того, что церковь, по словамъ доминиканца Томы Гаэтекаго, сдѣлалась природною рабынею Папы, который если былъ дурень, то церковь могла противодѣйствовать ему одною только молитвою, въ Россіи во второй половинѣ XIX вѣка по крайней мѣрѣ пять миліоновъ темныхъ людей—религіозныя свои убѣжденія привязали къ традицимъ станкамъ и золотымъ мѣшкамъ своихъ милостивцевъ, вращающихъ миліонами въ Москвѣ и Саратовѣ, въ Екатеринбургѣ и на Дону, и всюду, гдѣ только есть *матеріальное нищенство и непроглядная умственная тьма*... Скоро ли же будетъ всему этому конецъ? для Папы, какъ извѣстно, онъ уже настаеть!..

XXIII

МОЛОКАНСКАЯ ОБЪДНЯ

Если не считать нѣкоторыхъ сторонъ догматическаго ученія молоканъ, то въ нравахъ и обычаяхъ ихъ много образцоваго. Живя среди ихъ, мнѣ удалось посвятить нѣкоторую часть одного лѣта изученію бытовой страны молоканъ, изъ жизни общественной и домашней, во многихъ отношеніяхъ сложившейся лучше, чѣмъ гдѣ нибудь, даже и не у сектантовъ. Молокане доселѣ еще мало извѣстны нашему обществу; въ литературѣ объ нихъ совсѣмъ почти ничего не говорилось, между тѣмъ секта молоканская, довольно многочисленна въ Россіи, но своимъ рационалистическимъ тенденціямъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія и ученаго историческаго изслѣдованія. У молоканъ, для живущаго среди ихъ, все обращаетъ на себя вниманіе, начиная съ постройки домовъ. Войдите въ домъ къ любому молокану — у каждаго найдете особаго рода внутреннее расположеніе. Направо, при входѣ, въ домахъ ихъ всегда устроена особая комнатка, большею частью въ одно окно, противъ которой направо, кухня; затѣмъ уже идетъ общія большая комната, у многихъ перегородженная на двое. Первая комнатка противъ кухни всегда назначается для стариковъ: родители оны, или дѣды, или родственники. Въ ней старики живутъ особо отъ всѣхъ прочихъ, читаютъ молитвы, пьютъ чай и принимаютъ къ себѣ прочихъ членовъ семейства, для наученія и наставленій. Изъ одного этого уже видно, что старость у молоканъ вообще въ почетѣ. Но они, го-

вора справедливо, того и заслуживаютъ. У молоканъ старикъ не будетъ пьянствовать, ругаться на улицѣ, безобразничать публично и какъ часто бываетъ не у молоканъ, даже съ раскрашеннымъ до крови лицомъ, возвращаться торжественно изъ кабака... Нѣтъ, типъ старика у молоканъ сложился вѣками и солидность ихъ безпримѣрная въ крестьянскомъ быту въ Россіи...

Вина молоканы не пьютъ ~~ни гдѣ~~, отъ этого у нихъ и кабаковъ нигдѣ не найдете. Даже посуды: штофовъ, полуштофовъ, рюмокъ и т. п. не увидишь ни въ одномъ домѣ. Пьянство считаютъ они, во первыхъ, грѣхомъ по слову писанія, во-вторыхъ неприличнымъ человѣку, созданному по образу и подобию Божію... „Намъ дивятся православные — рассказываютъ молоканы — что изъ насъ никто не пьетъ вина, а мы не надивимся имъ, что они пьянствуютъ.“ Понятно послѣ этого, почему, между прочимъ, молоканы все живутъ ~~важно~~ важно: деньги, проживаемыя, на примѣръ, православными, остаются, всегда въ молоканскихъ селахъ цѣлыми, къ увеличенію ихъ благосостоянія. Изъ любопытства, мы собрали нѣсколько справокъ въ сѣверныхъ съ молоканами православныхъ селахъ и нашли, что среднимъ числомъ, пропиваются въ такихъ селахъ всемъ населеніемъ до 10,000 руб. сер. въ годъ, въ 10, значить, лѣтъ 100,000 руб. сер., тогда какъ эти 100,000 р. въ 10 лѣтъ въ молоканскихъ селахъ сохраняются цѣлехонькими въ карманахъ хозяевъ и возвышаютъ благосостояніе села замѣтнымъ образомъ...

Не говоримъ уже о томъ, что трудолюбіе молоканъ вошло на Руси въ пословицу. Шесть дней въ недѣли они все, отъ маля до велика, въ работѣ, седьмой же день (воскресенье) проводятъ въ меньшей работѣ, только духовной. Вотъ какъ проводятъ они воскресенье. Съ утра, т. е. часовъ съ 8, собираются на молитву (по нашему, въ обѣднѣ), которая обанчивается около часа. Послѣ этого обѣдаютъ, и затѣмъ въ каждомъ домѣ раскрывается библія и читается еѣмъ либо изъ старшихъ, но такъ, что все въ домѣ, отъ маля до велика, обязаны слушать библію и толкованіе, заучивать правила вѣры и жизни наизусть и вообще умственно работать. Эту работу они и называютъ работою для Бога. Праздность изгнана изъ ихъ общества навсегда, и даже самое слово: „празд-

ность“ считается на ихъ языкѣ смѣшнымъ терминомъ. Къ такому трудолюбію молokane подготовляются съ дѣтства. У нихъ ребенокъ лишень съ самой колыбели развлеченій. На вопросъ: отчего у дѣтей ихъ самага малаго возраста, даже начинающихъ только ходить, не видно никакихъ игрушекъ? отцы и матери отвѣчаютъ: эти забавы приучаютъ человѣка къ праздности, къ разсѣянности; дѣти, возрастая, будутъ требовать забавъ и игрушекъ, а человѣкъ созданъ совсѣмъ не для этого. „Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой“ сказалъ Богъ.

Мало этого, дѣти у молokane не играютъ и на улицахъ ни въ какія игры, не поютъ пѣсенъ, не веселятся въ хоровахъ, не качаются на качеляхъ, не покупаютъ закусокъ, конфетъ, пряниковъ и т. п. лакомствъ, даже не грызутъ подсолнечныхъ сѣмечекъ и орѣховъ.

— Что же вы находите грѣшнаго въ грызеніи, напримѣръ, орѣховъ? Вѣдь это, кажется, такое безвинное время препровожденіе? спрашивали мы у отцовъ и матерей.

— Да какъ вамъ сказать, добрый человѣкъ, отвѣчали старики:— грѣха мы въ этомъ не находимъ, это правда, но обычай-то безполезный; смотришь, человѣкъ сидитъ безъ дѣла и только шелушитъ, да шелушитъ, а время-то идетъ даромъ. Ну, онъ нынѣ такъ пошелушитъ, завтра пошелушитъ, послѣ завтра пошелушитъ, а въ году-то и много такого времени пропадетъ безъ пользы и для хозяйства и для души... Намъ противно даже смотрѣть, какъ это дитя, напримѣръ сидитъ, да шелушитъ, да шелушитъ, а толку никакого... Нѣтъ! это намъ не по душѣ. Есть время свободное: бери книгу, да читай, да размышляй, правилами жизни запасайся—вотъ это и есть, по нашему, грызть сѣмечки!

— Ну, а игра хоть бы въ козны-то мальчикамъ чѣмъ вредна? Вѣдь motionъ дитяти необходимъ, это потребность его возрастать? спрашивали мы.

— И тутъ также не видимъ ничего, кромѣ вреда для мальчика—отвѣчали молokane:—нынѣ онъ играетъ въ козны, завтра захочетъ того же послѣ завтра того же, а тамъ глядишь въпослѣдствіи захочетъ и въ орлянку поиграть, а тамъ и еще хуже что-нибудь... Всякая праздность—мать порокамъ!

Такой пуританизмъ не можетъ не казаться ужъ черезчуръ крайнимъ. Вематриваясь, однако, въ лица мальчиговъ и дѣвочекъ молоканскихъ, мы думали подмѣтить, имѣтъ ли на нихъ слѣдовъ маломощности, малоразвитости физической и т. п.; но къ удивленію, должны были убѣдиться, что мальчишки и дѣвочки молоканскія всѣ пресвѣжія дѣти, полныя и румяныя и болышею частію довольно красивыя. Ключъ къ разрѣшенію этой загадки хранится въ постоянномъ занятіи дѣтей домашними и полевыми работами: они шесть дней въ недѣлѣ проводятъ наравнѣ съ болышыми на воздухѣ и помогаютъ имъ во всѣхъ занятіяхъ. Это и составляетъ для нихъ мощію; этимъ они и удовлетворяютъ потребности возраста. Мы лично были свидѣтелями слѣдующаго приложенія этой теоріи физическаго развитія дѣтей къ практикѣ. Молокану нужно было запречь намъ лошадей въ сосѣднее село — это было въ драздничный день; старшій сынъ хозяина вывелъ лошадей, сыновья помоложе надѣли на нихъ конуты, малые ребятинья подавали кто дугу, кто возжи, дѣвочки несли съ повѣти сѣна въ толѣжку, укладывали подушки, сѣмьвожь и т. п., старики же, отецъ и мать, сидѣли на крыльцѣ и только смотрѣли.

— Къ чему это весь домъ-то вы подняли на ноги? спросили мы стариковъ.

— Это у насъ всегда такъ водится, отвѣчали они. Къ хозяйству приучаются, къ труду; кабы въ конны-то играли на улицѣ дѣти наши, такъ и тебя, добрый человекъ, некому было бы собрать, или пришлось бы намъ подъ старость этимъ заниматься; а это не порядки.

Пуританизмъ молоканъ въ воспитаніи дѣтей доходитъ до того, что у нихъ женщины лишены даже права носить женскія украшенія, серебряныя и золотыя и т. п., такъ что серегъ, перстней и колець не увидишь ни на одной молоканкѣ и молоканской дѣвочкѣ; о прокалываніи ушей у дѣвочекъ для серегъ они и понятія не имѣютъ.

— Неужели ваши дочери не завидуютъ православнымъ дѣвочкамъ въ украшеніяхъ? спросили мы. Вѣдь дѣвичій возрастъ таковой, что онѣ любятъ рядиться и украшаться?..

— Наши дочери любятъ украшаться душою, а не серьгами и

кольцами. Какая изъ нихъ раньше грамотѣ выучится, да больше читаетъ, больше знаетъ слова Божія и лучше другихъ поетъ въ собраніи, тѣ и считаются у насъ красивѣе другихъ...

Впрочемъ, надобно сказать, что молочанскія дѣвочки всѣ не дурны собою; особенно же ярко бросается въ глаза ихъ женственность, стыдливость, застѣнчивость и какое-то тихое, спокойное, даже меланхоличное выраженіе лица... Если лицо — зеркало души, то въ лицахъ молочанскихъ дѣвочекъ свѣтится хорошая душа, выправляемая воспитаніемъ. Отличная хозяйка, вѣрная жена и умная мать предвидится въ каждой изъ дѣвочекъ молочанскихъ. Выраженіе лица мальчиковъ, воспитываемыхъ въ такомъ спартанскомъ пуританизмѣ, совсѣмъ другое. Первая черта, которая протлывается въ нихъ — это повиновеніе старшимъ, потомъ какая-то напряженная пытливость ума и сосредоточенность въ себѣ... манеры ихъ скромны, но застѣнчивости никакой; они вездѣ съ большими, и общества, собственно дѣтскаго, у нихъ нѣтъ. Даже при гостяхъ, наприимѣръ, при насъ, они не выходили никогда изъ избы и внимательно слушали (хотя ихъ нисколько въ этому не принуждалъ) разговоръ большихъ. Мы, однакожъ, не замѣтили, чтобы дѣвушки молочанскія одѣвались небрежно. Чистыя платья, чистыя бѣлыя рукава, часто съ вышитыми воротничками и т. п., считаются у нихъ приличнымъ нарядомъ, какъ они выражаются, для христіанской дѣвочки; прочія же каменные и металлическія украшенія считаютъ они обычаемъ языческимъ. „Христіанская дѣвушка должна украшаться христіанскою думою — вотъ это такъ!“ При разговорѣ съ матерями, мы были изумлены начитанностію ихъ и знаніемъ наизусть тысячи правилъ жизни, основанныхъ непремѣнно на текстѣ. На вопросъ, какъ они обращаются съ дѣтьми и бьютъ ли ихъ за проступки, матери отвѣчали, что „дѣтей надобно учить собственнымъ примѣромъ, а вразумлять словомъ (и сейчасъ же текстъ на это подвели); только для самаго негоднаго дитяти велѣно употреблять жезлъ (привели текстъ и на это); но мы къ этому почти никогда не прибѣгаемъ. Наши дѣти и безъ того послушны!“

Вообще положеніе женщины у молочанъ очень хорошее. Ребенкомъ еще она обучается непремѣнно грамотѣ матерью (грамота

обязательна у молоканъ, и они всё поголовно почти грамотны), потому дѣлается пѣвчею въ собраніяхъ, и когда выходитъ замужъ, то ея спокойствіе гарантируется церковнымъ собраніемъ, не говоря о томъ, что она считается равною по догмѣ молоканъ. Церковное собраніе у молоканъ—это народный трибуналъ, имѣющій страшную власть надъ всеми... Если мужъ измѣнитъ женѣ, или оскорбитъ ее сильно словомъ, а тѣмъ болѣе если побьетъ, жена прямо заявляетъ о томъ церковному собранію, и собраніе на первомъ же моленіи вызываетъ къ отвѣту виновнаго, разбираетъ дѣло публично... и затѣмъ налагаетъ наказаніе. „Мужъ долженъ любить жену, какъ Христосъ возлюбилъ церковь“—твердятъ молоканы— „а развѣ Христосъ оскорбляетъ когда нибудь церковь?“ Такимъ образомъ молокане, эти русскіе рационалисты-сектанты, не руководствуются въ своей жизни нашими господствующими законами и имѣютъ свои практическіе кодексы законовъ: церковныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ. Нашихъ господствующихъ законовъ они и не читаютъ... Положившись на біблію, молокане, съ помощію текстовъ, составили себѣ свое священное законодательство, коимъ и управляются неуклонно не одно уже столѣтіе.

Намъ удалось быть при одномъ общественномъ богослуженіи молоканъ. Молокане никогда и ничего не отероютъ православному священнику, становому, квартальному и губернскому чиновнику, но охотно довѣряются ученому, когда не увидятъ на немъ ни форменной фуражки, ни ферменныхъ пуговицъ на платьѣ, и когда гость докажетъ имъ своими знаніями разныхъ вѣръ, что онъ изъ ученыхъ побужденій желаетъ проникнуть въ ихъ тайны. Вотъ по какому обряднику совершалось у нихъ общественное богослуженіе, называемое у насъ „обѣднею“. Какъ драгоценный матеріалъ для исторіи русскихъ сектъ въ Россіи, мы приводимъ здѣсь этотъ обрядникъ цѣликомъ безъ измѣненія.

ОБРЯДЪ

Молитвеннаго Богослуженія Молоканъ называемаго:

„МОЛЕНІЕМЪ ОВЩИМЪ“.

Аггостихъ.

Аще убо принесеша даръ твой къ олтарю и ту помянеша, яко братъ твой имать нѣчто на тя, остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ братомъ твоимъ и тогда пришедъ принеси даръ твой. Хощу убо, да молитвы творять мужіе на всякомъ мѣстѣ, вездѣюще руки безъ гнѣва и размышленія.

1) Тимоф. гл. 11 ст. 8) Матф. гл. V ст. 23.

Молитвы Господни церкви духовныхъ христіанъ

(Сначала)

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь?

Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ человѣчѣхъ благоволеніе! Хвалимъ Тебя, Господи Боже Вседержителю; живъ Господь Богъ вышнихъ, спаси Спаситель нашъ и душъ нашихъ отъ вынѣ и до вѣка. Аминь.

(Потомъ)

Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ... (читать до конца)

(Потомъ)

Молитва.

Господи Иисусе Христе Сыне Бога живаго? Тебя единого Ходатаю имамы ко Отцу. Иисуса Христа праведника, той есть очищеніе

о грѣсѣхъ нашихъ и не о нашемъ точию, но и всего міра! Тебя Господи просимъ и Тебя Бога молимъ; излей Господи духа благодати отъ Престола Твоего Святаго на сердца наша и да научимся Тебѣ единому творити волю Твою Святую! Ты Господи изъ-начала реклъ еси: идѣже бо есте два, или тріе собрани во имя Мое, ту есмь и Азъ посреди ихъ; и нынѣ Господи удостой насъ рабовъ и рабынь Твоихъ помолитися всепресвѣтлѣйшему лицу Твоему и поклонитися пречистому образу Твоему. Аминь?

(еще)

Молитва.

Господи, Господи Царю Боговъ! Не погуби людей Твоихъ и наслѣдія Твоего, юже избралъ еси отъ всѣхъ языкъ во спасеніе себѣ, стязалъ еси кровію Своею отрока Своего Іисуса, рукою Твоею крѣпкою и мышцею высокою! Помяни Господи клятву Твою; ею же клялся еси отцамъ нашимъ Аврааму и Исааку, и Іакову, и не разори завѣта Твоего Святаго и не презри Господи на жестокость нашу и на грѣхи наши; но призри Господи на молитву рабовъ Твоихъ, молящихся предъ Тобою въ собраніи людей Твоихъ! Доволя Господи гнѣваешься на молитву рабовъ Твоихъ, напитаети насъ хлѣбомъ слезнымъ и напоиши насъ слезами въ мѣру; врази же наши попраша насъ, имени ради Твоего святаго, поношенія пріяхомъ, и кто избавитъ насъ отъ насилія ихъ? Аще не Ты Господи обратиши лице Твое на насъ и милостію Твоею покрыетъ насъ Десница Твоя и спасемся? Молимся Ти Господи Воже Израилевъ, пошли намъ миръ многолюбящимъ законъ Твой, избави насъ отъ власти темныя, да поработаемъ Тебѣ единому подъ игомъ единымъ въ правдѣ и въ преподобіи истины; и положи Господи страхъ Твой въ сердца наша, да научимся бояться имени Твоего Святаго отъ нынѣ и до вѣка. Аминь!

(Потомъ)

Молитва.

(съ коленнопреклоненіемъ)

И нынѣ Господи възглаголю о всякомъ чловѣцѣ, Ты наче вѣси

о людяхъ Твоихъ, о нихъ же азъ болѣзную, о наслѣдіи Твоимъ, его же ради азъ рыдаю, и ради Израиля, о немъ же скорбень есмь, и Иакова ради, о немъ же азъ болѣзную. Сего ради, начну молитися за ма и за нихъ; яко вижу паденіе наше, еже обитаетъ на землѣ, но слышахъ Судія, еже прійдетъ. Сего ради услыша гласъ мой и разумѣи слово мое! Возглаголю предъ Тобою начало словесъ моихъ, прежде нежели взять бысть и реку: Господи, еже обитаеши во вѣкъ, Твои же очи вознесенны на вышнихъ и на воздухъ, и Твой же престоль безцѣнный есть и слава непостижимая: Тебѣ же предстоятъ Ангельстїи съ трепетомъ, ихъ же сохраненіе въ вѣтрѣ и огнѣ обращается; Твое же слово истинно и глаголы вѣчны, Твое же повелѣніе крѣпко и разсмотрѣніе страшно, Твой же зракъ изсушаетъ бездны и гнѣвъ растаявати творить горы, и истина свидѣтельствуеть. Услыши молитву раба Твоего и во ушѣхъ прїими моленіе творенія Твоего! Егда бо живу, глаголати буду, егда разумѣю, отвѣтити буду; не смотри на людей Твоихъ грѣхи, но иже Тебѣ во истинѣ служатъ. Не внемли нечестивымъ языковъ началіямъ, но иже Своя свидѣнія съ болѣзнію сохранили: не помысли иже предъ Тобою лживо пожиша, но помяни сихъ, иже по волѣ Твоей страхъ познаша, иже хоци погубити, иже скотскіе обычаи имѣша; но воззри на тѣхъ, иже закону Твоему ясно учина! Не прегнѣвайся на нихъ, иже звѣрей горши осуждени суть, но возлюби сихъ, иже всегда на правду Твою надѣются и славу. Яко ми и отцы наши таковыми болѣзными исчезаемъ, Ты же ради насъ грѣшныхъ милосердѣ наречешися. Аще бо пожелаеши, да насъ помилуеши, тогда милосердѣ наречешися, не имѣющимъ намъ дѣлъ правды; праведніи бо, ихъ же суть дѣла многа представлена, отъ своихъ дѣлъ прїимуть мзду. — Кто бо есть человѣкъ, да на него прегнѣваешися, идѣже родъ растлѣнъ, да тамо огорченъ будеши на него. Во истину бо никто же отъ рожденныхъ есть, иже бы нечестиво не сотворилъ, и отъ исповѣдующихся, иже бо не согрѣшили! Въ томъ бо возвѣстается правда Твоя Господи, егда милосердѣ будеши намъ, еже не имѣемъ существа благихъ дѣлъ. Не прегнѣвайся на насъ, Господи, но прости людямъ Твоимъ и помилуй наслѣдіе Твое! Ты твореніе Твое милуеши, помилуй и насъ

Господи. Спаси Спаситель нашъ дущѣ нашихъ, отъ нынѣ и до вѣка. Аминь!

(послѣ сего псаломъ 26-й).

(потомъ)

Молитва

(съ колѣнопреклоненіемъ)

Благословенъ еси Господи Боже нашъ и благословенно имя Твое святое и честное во вѣки! И да благословятъ Тя вси дѣла Твоя во вѣкъ! Се Господи азъ очи мои и лице мое къ Тебѣ дахъ. Яви намъ Господи милость Твою и гласъ спасенія Своего! Изнеси отъ сокровищъ Твоихъ благоволенія, и укрѣпи въ насъ Господи образъ свой во благоправіи и тука хотѣнія своего. Благослови насъ Господи именемъ Твоимъ святымъ, отрока твоего Іисуса, и благоволи въ насъ Господи славу Христа Твоего въ сердца наши, и подаждь намъ Господи гласъ въ образъ подобія Твоего, и осѣни насъ Господи и духомъ страха Твоего и облецы насъ Господи яко въ ризу свѣтомъ спасенія Своего и укрѣпи насъ Господи духомъ силою спасенія Твоего и пошли къ намъ Господи съ небеси отъ престола Твоего Спасителя и всѣхъ утѣшителя, нашего духа истиннаго и той поставитъ насъ предъ престоломъ славы Твоея, яко свѣтильникъ горящъ и возвыси Господи судъ вроткій съ высоты, славы десницы Твоея, покрый насъ Господи отъ звѣря страшнаго и соблюди насъ Господи отъ прелести зминой, и изми насъ Господи изъ устъ вражнихъ и сохрани насъ Господи отъ бедны и пролитія крови, изнеси Господи трапезу Твою предъ нами во исполненіе тука хотѣнія Своего, и умасти Господи главы наша елеемъ радости во исповѣданіи силъ и возвышеніи славы имени Твоего и да не оскудѣютъ отъ праведныхъ суть, и да благословятъ Тя вси святыя Твои, яко велія и дивна сотвори Господь во избранныхъ Твоихъ; небеса созданія Твоя, удѣвають на Тя и призываютъ Тя и восхвалятъ имя Твое въ вышнихъ и вси Ангели Твои вознесутъ славу Твою до небеси во облацы, яко чудо быхъ многимъ; и Ты покровитель нашъ крѣпокъ избраннымъ, щедроты Твоя многи, и

сотвори съ нами Господи милость и сотвориши животъ нашъ во здравіе съ веселіемъ милостію Твоею, спаси насъ и помилуй насъ. Аминь!

(послѣ псаломъ 50-й).

(потомъ)

Молитва.

(съ колѣнопреклоненіемъ)

Господи Боже небесный, великій и крѣпкій и страшный, хра-
ный завѣтъ Твой и милосердіе любящимъ Тя и хранящимъ запо-
вѣди Твоя! Да будутъ уши Твои внимлющія и очи Твои отверзты
на молитву раба Твоего, ею же азъ молюся предъ Тобою днѣсь.
Господи, Господи, яко во власти Твоей сія вся есть и нѣсть про-
тиву мудрствуяй Тебѣ егда восхоцещи спасти израиля! И нынѣ
Господи возвыси всевышнюю руку Твою и поиди ю съ небеси отъ
престола Твоего и собери все сѣмя избранныхъ Твоихъ въ соеди-
неніи вѣры и постави Господи страхъ Твой окрестъ насъ въ ограж-
деніе, яко стѣну огненную (крѣпку и мѣдяну) и воздвигни Госпо-
ди руку Твою на всѣхъ, призывающихъ Тя! Въ силахъ слова свѣ-
тильника Твоего и съ гласы громными и спусти намъ Господи яко
молнія блистанія, гласъ спасенія своего, и освѣти намъ Господи
очеса сердечныя и соверши насъ Господи въ Ломѣ мѣствія Твоего
и явися намъ Господи въ знаменіяхъ Твоихъ и въ повелѣніяхъ
яко въ столпѣ облачнѣ и укрѣпи насъ Господи въ славу имени
Твоего, яко стѣну крѣпку и мѣдяну, и положи Господи знаменія
Твои на облацѣхъ въ явленіяхъ пришествія сына царева и да воз-
несетса дивныя десница Твоя и чудное имя Твое будетъ славно во
избранныхъ Твоихъ, и прійдетъ всякая плоть поклониться предъ
Тобою Господи и вознесутъ славу Твою во неовѣданіи имени Тво-
ему! Введи насъ Господи во храмъ святой во обновленія скиніи
свидѣнія Твоего и покрый насъ Господи десницею Твоею, яко Ты
Господи сотворивый небо и землю, и вся удивляемыя поднебесныя
и нѣсть, иже воспротивится руки Твоея Господи, яко Ты Госпо-
ди покровитель и защититель, крѣпость и держава всему роду из-
бранному, отъ нынѣ и во вѣкъ Аминь!

(послѣ псаломъ 85-й).

(За симъ)

Молитва

(съ колѣноприниженіемъ)

Сподоби насъ Господи отроковъ и отроковицъ Твоихъ, стати во образѣ подобія Твоего, уготови насъ Господи, яко же анфраксъ камень Твой, избери насъ Господи во основаніе Твое, яко же сапфиръ, утверди Господи въ забрало Твое, яко же асписъ, и очисти насъ Господи, яко же камень кристальный, и научи насъ Господи духомъ Твоимъ Святымъ; спаси спаситель нашъ и душъ нашихъ отъ нѣтъ и до вѣка. Аминь!

(потомъ псаломъ 87-й).

(Послѣ)

Молитва.

(съ колѣнопреклоненіемъ)

Призри Господи съ небеси на смиреніе наше и приими отъ насъ Господи моленія наша и умилосердися Господи на приношенія, яко же на Авелеву жертву и приими отъ насъ Господи утѣшенія наша, яко же Еноха! Сохрани насъ Господи отъ потопа мысленнаго, яко же Ноя, и соблюди насъ Господи отъ ерни и жупела; яко же Лота отъ Содомлянъ! Явися намъ Господи Духомъ Твоимъ Святымъ, яко же Отцу нашему Аврааму и подаждь намъ Господи завѣтъ Твой, яко же Исааку, и прослави насъ Господи яко же отрока Твоего Израиля! Напиши Господи на сердцахъ нашихъ оправданія и суды, яко же Моусею на горѣ Синайстей и проводи насъ Господи сквозъ источники водные, яко же Моусея сквозъ моря; избави насъ Господи отъ меча летяща, яко же Давида отъ меча Голиафа! Сокруши Господи предъ нами идоли, яко же во дни Иліи пророка сокрушилъ еси Ваала. Пошли намъ Господи съ небеси отъ

престола Твоего благодѣтельница матеръ нашу премудрость, изведи насъ Господи отъ бездны глубочайшей и отъ ада преисподнѣйшаго и отъ прегрешеній нашихъ и постави насъ Господи на горнѣй Твоей лѣствицѣ, оправданій нашихъ судовъ, и спаси Спаситель нашъ и душъ нашихъ отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

(потомъ псаломъ 114.

(послѣ)

Молитва

съ колѣнопреклоненіемъ.

Усмири Господи, усмири отроковъ и отроковицъ твоихъ; очисти Господи прегрѣшенія наши; вольныя же и невольныя! ущебри Господи, ущебри святыя твоя посланники; освати насъ Господи, освати на насъ имя твое святое! Огради насъ, Господи, огради святыми твоими Ангели, да ополченіемъ ихъ будемъ соблюдаемы отъ всякаго врага и супостата и отъ всѣхъ духовъ непріязненныхъ и наставляемы на всякую добродѣтель и истину, и спаси спаситель нашъ душъ нашихъ отъ нынѣ и до вѣка!

(за сию псаломъ 129.

(послѣ)

Молитва

съ колѣнопреклоненіемъ.

Бъ Тебѣ Господи преклоняемъ колѣна наша Господу сотворившему небо и землю. Господи прости насъ отъ всякаго грѣха! Господи очисти насъ отъ всякія скверны! Господи освободи насъ отъ темницы вѣчныя! Господи соблюди насъ отъ прелести зминой! Господи покрый насъ кровомъ крыль твоихъ отъ ярости врагій! Господи избави насъ отроковъ и отроковицъ твоихъ отъ вѣчнаго мученія! Господи спати насъ спасеніемъ твоимъ вѣчнымъ! Господи освати насъ предъ всѣми языки, яко Ты Господи возлюбитель

всѣхъ святыхъ Твоихъ. Возлюби насъ Господи и приими моленіе наше отъ нынѣ и до вѣка. Аминь!

(еще псаломъ 140.

(потомъ)

съ колѣнопреклоненіемъ.

Устрой насъ Господи, устрой отроковъ и отроковицъ Твоихъ! Управи Господи, управи предъ Тобою путь нашъ, яко Ты Господи долготерпѣливъ и многомилостивъ о согрѣшеніяхъ нашихъ, прощаеши всякаго человѣка, кающагося къ тебѣ отъ чистаго сердца! И нынѣ Господи прости насъ и освободи отроковъ и отроковицъ Твоихъ отъ вѣчнаго мученія и помилуй насъ. Аминь!

(засимъ псаломъ 142.

(потомъ)

Молитва.

Благословенъ Господь Богъ Израилевъ отъ вѣка и до вѣка Господи Боже Отецъ нашъ, Авраамовъ, Исааковъ и Яковъ! Пошли намъ Господи съ небеси Духа Твоего Святаго на рабы Твоя; и нынѣ Господи Вседержителю приими сіе моленіе наше и прошеніе отъ устъ нашихъ! И собравшимся намъ въ Храмъ Святыни Бога нашего, и преклоншимъ намъ колѣна къ Пресвятому Агнчу; и нынѣ Господи Боже Творецъ небеси и земли, соедини насъ Господи къ единому стаду дому Изралеву и пошли намъ Господи пастыря единаго Господа нашего Иисуса Христа, и той упасетъ насъ рукою Твоею крѣпкою и мышцею высокою! Положи насъ Господи на хребтѣ Твоемъ праведномъ и приими насъ Господи въ обитель Святую Твою и воззри на насъ Господи всевидящимъ Твоимъ и пречистымъ окомъ, и обрати къ намъ Господи пресвѣтлое лице свое и приими Господи взываніе отъ сердець нашихъ, и расторгни въ насъ Господи сердца пламянныя, да послѣдуемъ Тебѣ единому истинному Богу и Господу нашему Иисусу Христу. Тебѣ единому

возсылаемъ честь и славу и благодареніе, и поклоняемся духомъ.
Аминь!

(ПОТОМЪ ПѢТЬ ВСѢМЪ)

Сподоби насъ Господи святымъ твоимъ.

И соедини, насъ Господи

къ Святой твоей церкви

И не остави насъ Господи

во вѣкъ вѣка! (цѣловать другъ друга)

(ПѢТЬ)

Цѣлуютъ другъ друга лобзаніемъ святымъ (къ Рим. гл. 16
стр. 16.)

(ПОТОМЪ)

МОЛИТВА.

(Съ колѣнопреклоненіемъ)

Се нынѣ прославляемъ тя и преклоняемъ колѣна наша Господу,
сотворившему насъ! Хвалимъ все святое имя твое и превозносимъ
бозплотныхъ силъ Ангель и Архангель, херувимъ и серафимъ и
послѣдуемъ святымъ твоимъ пророкамъ и Апостоламъ мученикамъ
избраннымъ твоимъ, яко сподобилъ еси насъ Господи по молитися
всѣ пресвѣтлѣйшему и честнѣйшему святому имени твоему, и пре-
чистому образу твоему! И нынѣ Господи сподоби насъ отроковъ и
отроковицъ твоихъ вселиться съ лицомъ твоимъ въ Царствіе Не-
бесное во вѣкъ и вѣка. Аминь!

(и еще)

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ.

Господи Господи небесный царь царствующій и Владыко живо-
та нашего! Собери насъ Господи всѣхъ рабовъ и рабынь твоихъ
во едино избранное твое стадо отъ конецъ небесъ и до конца ихъ;
и прими отъ насъ Господи моленіе наше и прости намъ Господи

согрѣшенія наша, вольныя и не вольныя, елико согрѣшихомъ въ житіи семъ, и очисти беззаконія наша! Ты убо Господи Боже Вседержителю реклъ еси: аще обратитесь ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душею вашею, и азъ обращуся къ вамъ; и нынѣ Господи буди милостивъ рабамъ твоимъ по словеси твоему и прими отъ насъ Господи жертву нашу отъ всеобщаго нашего собранія приносимую тебѣ во множествѣ отроковъ и отроковицъ твоихъ; и научи насъ Господи разуму и премудрости, духу кротости, воздержанія терпѣнію, братолюбію, вѣры, надежды и любви, и соверши насъ Господи яко же Ты совершенъ есть, чтобы намъ познать Тебя единаго Бога и хвалиться твоимъ превѣчнымъ святымъ именемъ и славить царя вѣковъ единаго премудраго Господа Саваоа! Спаси Господи люди твоя и благослови достоянія твоя! Упаси насъ, и возьми отъ нынѣ и до вѣка! Спаси Господи рабовъ и рабынь твоихъ, милующихъ и питающихъ и страждущихъ, скорбящихъ и болящихъ и въ темницахъ сидящихъ. Избави насъ Господи отъ дома темническаго и отъ селенія веліярова, и прими отъ насъ Господи всеобщія моленія наши и пошли намъ Господи Духа твоего святаго и той уклонетъ насъ отъ всѣхъ беззаконій нашихъ и наставитъ насъ на всяку истину. Аминь!

(читать послѣ моленія) (1)

Сія нынѣ принадлежитъ намъ и приличествуетъ, чтобы намъ очистити самихъ себя отъ всякія скверны плоти и духа и совершити святыню въ страхѣ Божиємъ: устроенный намъ домъ достоинъ небеснаго жителства: овъ есть; любите, знайте другъ друга, воздадите хвалу Богу небесному: воздадите ему славу и честь и спасеніе! И вы тимпанецы: дѣвы прекрасны, Господа Бога исповѣдайте: велиіа Господа и хваленъ зѣло, праведенъ и преподобенъ, вельми пресвѣтенъ, святъ и пресвятъ, честенъ и пречестенъ истинный Богъ нашъ во святыхъ почиваетъ; велиа сила Господня смиренными хвалится. Мнози суть высоцы и славны, но кроткимъ отгрываются тайны. Воздадите тому Бого-сладкіа устенъ пѣнія, много-сочныя

(1) Вѣроятно нѣчто въ родѣ церковныхъ поученій?

и плодovitя. Подвизайтесь другъ ко другу смиренномудріємъ въ кротости духу, ко спасенію не прежде чуждіи вины взирайте; но смотриа, гдѣ бревно дежить: потому и сучецъ изъемлите: благо бо спасеніе съ молчаніемъ! А грѣшникамъ и нечестивымъ скорбь и тѣснота на всяку душу человѣчу; въ Богѣ бо есть чувства, и братолубіе, тому Господу поклонимся. Аминь!

(Конецъ моленію) ¹⁾.

Молитва напутственная.

Господи Боже отецъ нашъ, отче владыко живота моего! Ты еси покровитель нашъ, Ты еси прибѣжище мой, къ Тебѣ Господи духъ нашъ предаемъ и Тебя Господи Творца всея вселенныя призываемъ! Воспомани насъ Господи, и не сотвори мщенія о грѣсѣхъ нашихъ, и непомяни Господи грѣховъ юности нашей, и невѣденія нашего Господи непомяни! Господи, Боже вседержителю: Ты обѣщала еси людямъ Твоимъ милосердіемъ Своимъ послати избраннымъ Твоимъ посѣтителя въ роды вѣчныя, наставника и утѣшителя Духа Твоего Святаго, и нынѣ Господи Боже Творецъ еси всея вселенныя и всея твари; и Ты Господи управлявши Твоею правостію. Молю Тя Господи Боже мой! помози намъ, немѣющимъ помощи, кромѣ Тебя единого, и очисти грѣхи наша и омы насъ отъ беззаконія нашего и пошли намъ Господи съ высоты Своея Духа Твоего Святаго Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ во исправленіе намъ предъ Тобою сердцемъ нашимъ и на умовеніе совѣсти и тѣла нашего отъ всякаго грѣха, тогда вси вкупѣ принесемъ жертву, духовнаго исповѣданія и хваленія отъ устенъ нашихъ, совѣми, призывающими имя Твое Святое отъ чистоты сердца, и да совершится моленіе наше предъ Тобою Господи отъ нынѣ и до вѣка. Аминь!

(¹⁾ Въ обрядникѣ помѣщаются въ концѣ моленія богослужебнаго еще нѣтъ молитвъ, кои невидно изъ обрядника, когда читаются послѣ ли моленія заразъ, или вставляются въ самое моленіе по усмотрѣнію наставника. По смыслу сихъ молитвъ кажется, можно думать, что ими заканчиваютъ моленія. Молитвы эти мы при семъ также прилагаемъ подлинникомъ.

Молитва о Царѣ и властяхъ.

Молишь Тебя Господи Боже Вседержителю за Царя нашего Императора (имя рекъ) и за всю Его Царскую фамилию и за князи и за вся, яже во власти суть, да въ тихомъ и безмолвномъ житиі поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ! Господи услыши молитву нашу и пошли намъ съ небеси отъ престола Твоего Святаго Духа премудрости и откровенія, познати волю Святую Твою и просвѣти имъ Господи очеса и сердце наше озарѣнемъ и знаменіемъ отъ обѣтованія Духа Твоего Святаго. Тогда вся вкупѣ Царіи и Князи земсти принесуть исповѣданіе имени Твоему и созиждутъ храмъ духовный и на всякомъ мѣстѣ принесуть жертву духовную и благоприятну Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ. И пошли Господи Царю и Князю его съ высоты всеильную десницу Твою, и утверженіе исправленіе престола. И поставятъ они себя непорочна предъ славою Божіею, единому премудрому Богу и Господу нашему Іисусу Христу; Ему же воздаемъ честь и славу нынѣ и вся вѣки. Аминь!

Молитва темничная.

Господи Царю, небесе и земде и Владыко всякаго созданія! Услыши молитву избранныхъ Твоихъ и призри Господи на моленіе наше! И нынѣ Господи обратися къ намъ отъ храма Святаго Твоего, и отъ престола пламеннаго; и услыши Господи молитву рабовъ и рабынь Твоихъ и сотвори Господи милость съ созданіемъ Твоимъ, яко же сотворилъ еси со Изралемъ, услышалъ еси стѣнание ихъ во Египтѣ и послалъ еси имъ рабовъ Твоихъ Моисея и Арона, и далъ еси въ руку ихъ знаменія и чудеса, велиа: избавилъ еси ихъ отъ злобныхъ и руки Фараоновои, и звелъ еси люди Твоя изъ Египта въ радости и веселии и освятить еси предъ ними море Черное и провелъ еси ихъ сквозь пустыню непроходимую, гонящаго же прегордаго Фараона, съ вой его погубилъ еси на водѣ зельной! Тогда избавленныя твои видѣша славу Твою, воспѣша пѣснь и похвалиша имя Твое святое, но скоро забыша благодареніе Твое, яко сотворилъ еси въ Египтѣ и въ Черномъ морѣ и превратилъ еси въ лукъ развращенъ и возропташа на избранныя Твоя Моисея

и Аарона, и похулиши имя Твое великое въ пустынь при рѣкѣ Аморійстей. Но Ты Господи тогда милостивъ былъ еси имъ, не огонь за худеніе далъ еси имъ: но вложилъ еси древу и сотворилъ еси воду сладку и благонадежду и напоилъ еси родъ избранныхъ своихъ. И нынѣ Господи Боже отецъ нашъ Авраамовъ, Исааковъ и Яковль и сѣмени ихъ праведнаго; сотвори милости съ рабами Твоими, яко прославлено имя Твое свитое по всеи Вселенной! Мы же познахомъ Тебя единаго и нѣтъ у насъ развѣ Тебя, Господи. И нынѣ, Господи Боже Царю небеса и земли! буди покровитель намъ безнадежнымъ, избави насъ отъ мукъ страшныхъ и пошли намъ, Господи, Духа Твоего святаго, и той освободитъ насъ отъ темницъ земныхъ и наставитъ на всякую добродѣтель истинну. И даждь Господи рабамъ Твоимъ съ дерзновеніемъ прѣлаголати тайну, и пошли намъ, Господи, отъ престола твоего благодѣтельницацу матеръ нашу „премудрость“, да трудится съ нами и проведетъ насъ въ законъ Господнѣ во языкѣхъ. И нынѣ Господи Боже нашъ, послушай насъ, якоже послушалъ еси святаго твоего пророка Илію во время бездождія: послалъ еси огонь съ небесе на жертвенникъ твой и погубилъ еси вся пророки студныя! Тако сотвори съ нами Господи милость свою и послушай избранныхъ твоихъ, расточи враги наша и покрый насъ отъ сонма лукавующихъ, дане когда вознесется рогъ грѣшныхъ на люди Твоя; избави насъ отъ врагъ нашихъ, отъ нынѣ и до вѣка! Аминь.

Молитва объ обидящихъ.

Господи, Господи, Царю небесный и Владыко всякаго созданія, Святаго во святыхъ, единоначальниче, Вседержителю! Вонми намъ вопіющимъ къ Тебѣ, и призри Господи отъ престола святаго Твоего и славы Твоея; не помяни намъ, Господи, согрѣшенія наши, буди Господи милостивъ на молитву рабовъ твоихъ, исповѣдающихся имени Твоему святому; не предаждь насъ Господи въ руки обидящихъ насъ, избави насъ отъ рукъ вражнихъ! Ты, Господи, обѣщаль если избраннымъ Твоимъ въ брани и рече еси: Аще будетъ вамъ злоключенія и обыметъ васъ тѣснота, обратитесь ко Мнѣ азъ услышу вы! И мы Господи молимся Тебѣ: услыши мо-

литву нашу, избави насъ отъ рукъ оскорбившихъ; и Ты убо Господи вѣренъ еси и истиненъ и понеже многожды прежде бывшимъ отцамъ нашимъ въ скорбѣхъ многихъ помогаль еси имъ, и избавилъ еси ихъ отъ великихъ бѣдъ. Се убо нынѣ святыи Царю многихъ ради и великихъ нашихъ грѣховъ страждемъ и повинужемся смиренно обижаящимъ насъ. Но да не похвалятся обижатели и въ гордости своей нелаголютъ: не избавить ихъ Господь! Господи! остави грѣхи наша и разруши неправости наша и обрати лице свое на насъ въ милости и не прогнѣвайся на насъ до конца. Не погуби насъ Господи со беззаконіями нашими! Помыни Господи клятву твою: ея же клялся еси отцамъ нашимъ Аврааму, Исааку и Якову и сѣмени ихъ праведнаго до вѣка! И нынѣ Господи буди милостивъ людямъ, молящимся въ Тебѣ отъ нынѣ и до вѣка. Аминь!

Молитва отпустительная.

Господи Саваоѣ, Боже Израилевъ, сѣдй на херувимѣхъ! Ты еси Богъ единъ и Царь всякаго царства и всея Вселенной. Ты сотворилъ еси небо и землю. Преклони Господи ухо Твое и отверзи очи Твои и услыши съ небеси святаго Твоего! Призри Господи на молитву рабовъ Твоихъ и рабынь, исповѣдающихся имени Твоему святому, великому и страшному. Буди Господи милостивъ людямъ Твоимъ, согрѣшившимъ Тебѣ; не помыни намъ Господи согрѣшеній нашихъ и явими намъ Господи путь благъ, въ нему же поидемъ. И нынѣ Господи Боже Израилевъ буди милостивъ на словеси раба Твоего отъ нынѣ и до вѣка. Аминь.

(Конецъ сему моленію)

По сличеніи настоящаго „обряда общаго моленія молоканъ“ съ таковыми же обрядами моленій молоканъ разныхъ губерній, оказывается, что онъ тождественъ съ моленіемъ молоканъ Тамбовской губерніи, что указываетъ, само собою, и на его происхождение отъ молоканъ тамбовскихъ, какъ старѣйшихъ по своему появленію въ Россіи.

Лица, совершающія богослуженіе у молоканъ, простые міряне, избираемые или изъ своей среды за отличное знаніе св. писанія и примѣрно-нравственную жизнь. Это лице называется у молоканъ

пресвитеромъ, но никакихъ обрядовъ при постановленіи его въ это званіе не бываетъ.

Ни ризъ, ни какихъ другихъ облачений при Богослуженіи молокане не имѣютъ и пресвитеры ихъ присутствуютъ при Богослуженіи въ обыкновенной крестьянской одеждѣ. Нигдѣ не видно, говорятъ молокане, чтобы св. апостолы для богослуженія надѣвали особья одежды. Это дѣлали лишь ветхозавѣтные священники, а не апостолы. Мѣстомъ богослуженія у молоканъ бываетъ простая изба и видимыхъ церквей они не строятъ никогда.

Каждое селеніе, гдѣ живутъ молокане, имѣетъ своего наставника, или мужа избраннаго. Зная, что правительство особенно преслѣдуетъ такихъ людей, молокане тщательно скрываютъ ихъ и ни въ какихъ случаяхъ не выдаютъ, хотя бы черезъ то угрожала опасность цѣлому селенію; но если, не смотря на бдительность, наставникъ подвергается за что нибудь суду, или тюремному заключенію, а потомъ, хотя бы и чрезъ долгое время, освобожденъ и возвратился на прежнее жительство, то такому страдальцу молокане отдають большую честь.

Возвратившись изъ моленной и простившись съ молоканами, охотно позволившими осмотрѣть все ихъ цвѣтущее хозяйство, я выѣхалъ изъ молдованскаго села по тракту въ другую губернію. Выѣзжая изъ села мы долго любовались живописною обстановкою „сектаторской колоніи“. Прадѣды жителей, пришедши въ это мѣсто лѣтъ 50 назадъ изъ Тамбовской губерніи, своими руками насадили первые фруктовые сады съ липовыми аллеями. Теперь сады (наполненные и пчельниками) и липы росли себѣ на славу, и окруженные распаханными полями, гласили племени о прежде почившихъ отцахъ и братьяхъ. Прекрасное дерево — старая липа! Ее щадить даже безжалостный топоръ русскаго мужика... Листъ на ней мелкій, могучія сучья далеко раскинулись во все стороны, вѣчная тѣнь подъ ними. А подъ этой тѣнью по силѣ разума своего богословствуютъ русскіе люди, незримо для насъ богатѣютъ, мирно благоденствуютъ и крѣпко-на-крѣпко держатъ слово Божіе (библію) въ рукахъ...

XXIV

АДАМАНТЪ БЛАГОЧЕСТІЯ

Приятно слышать, а еще болѣе видѣть и убѣдиться лично, что печать имѣетъ вліяніе на нашу общественную жизнь. Пусть скептики твердятъ, что нашъ рутинный складъ жизни, нашъ застой моральный — отлились въ такія вѣковыя огнеупорныя формы, что пушками не прошибешь, — мы имъ не повѣримъ, и не повѣримъ потому, что убѣждаемся въ противномъ. За примѣрами ходить недалеко. Какъ-то въ печати было заявлено, что въ Москвѣ живетъ одна баба-ханжа, въ утробѣ коей сохранилось древнее благочестіе, и на чердакѣ дома которой живутъ частенько бѣглые раскольничьи архіереи. Объ этомъ прочла вся Москва и стала указывать на бабу-ханжу пальцемъ... Адамантъ благочестія (такъ величаютъ раскольники эту бабу) смутилась, и увы! пригрозила раскольникамъ уйти отъ нихъ подѣ большіе колокола — выраженіе раскольничье, означающее переходъ въ православіе, подѣ кремлевскій звонъ, въ православныхъ соборахъ Успенскомъ и др. Раскольники завопили объ адамантѣ и стали втулики предѣ вопросомъ: гдѣ же будетъ храниться благочестіе древнее, если оно *исчезнетъ изъ благоутробія адаманта?* Въ самомъ дѣлѣ, есть надѣ чѣмъ поломать голову! А благочестіе древнее дѣйстви-

тѣло" исчезаетъ изъ утробы адаманта съ каждымъ днемъ. Бѣгле архіерей, вѣсто дома адаманта, стали больше жить на Остоженкѣ: бѣгле попы въ поддевкахъ стали рѣже приниматься адамантомъ, и сама адамантъ начала выѣзжать въ свѣтъ почаще. Нынѣ видать адаманта разряженную часто въ пухъ и прахъ по послѣдней модѣ... Что сказали бы раскольники, еслибъ увидѣли своего адаманта, разодѣтую въ шляпкѣ послѣдняго фасона и палевыхъ перчаткахъ? Бѣдные! Они все еще до поту лица надрываются въ Кремлѣ въ доказываніи, со всею искренностью, вредности и бесполезности образованія вообще въ нашихъ школахъ, гимназіяхъ и университетахъ и въ злокозненности и душепагубности мірскихъ удовольствій... Дай-ка Богъ, чтобъ адамантъ поскорѣ сознала, что играетъ очень глупую роль въ расколѣ, что нельзя совмѣстить модную шляпку, французскій языкъ и палевыя перчатки съ хламидою раскольничью и гнусеніемъ каноновъ ересіархавъ въ присутствіи бѣглыхъ архіереевъ съ братією, и что всего лучше выпутаться съ честью изъ этого позорнаго положенія, — адамантъ слыветъ въ Москвѣ притчею и предметомъ разговоровъ въ каждомъ домѣ и даже трактирахъ, — уйти поскорѣ подъ большіе колокола... Времена нынѣ измѣняются! Общественное мнѣніе растетъ, и растетъ къ лучшему. Да погибнуть же всѣ темные люди со всѣми ихъ темными дѣлами! да приметь это къ свѣденію и „адамантъ благочестія"! Ея дѣянія въ расколѣ позорны, она играетъ общественную роль среди миллионъ раскола и поэтому дѣла ея подлежатъ общественному обсужденію. Изъ ея дома посылаются телеграммы къ заграничнымъ бѣглымъ архіереямъ, въ ея домѣ раскольничья консисторія... У ней фабрикуются ставленныя грамоты бѣглымъ попамъ. Съ своей стороны мы скажемъ, что печать не оставитъ се въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока она или, запершись въ модельной, будетъ въ самомъ дѣлѣ дѣйствительною раскольницею по убѣжденію (убѣжденій мы не трогаемъ, какъ бы они ни были тупы и узки), или убѣдившись, что выѣзжать въ собранія, по человѣчески одѣваться, обучать родственницъ свѣтскимъ приемамъ, во всякомъ случаѣ несравненно приличнѣе, чѣмъ пустосвятствовать, покупать продажное заграничное, архіерейство возиться съ бѣглыми архіереями и попами, — перейдетъ подъ большіе колокола. Средняго пути между этихъ двухъ дорогъ

не может существовать! Ни дѣловки, ни бѣглые архіереи не дѣлаютъ человѣка истинно честнымъ въ широкомъ значеніи этого слова, а слѣдовательно, и благочестнымъ (безъ чести нѣтъ благочестія), но наука и дѣйствительное просвѣщеніе души образованіемъ всестороннимъ. Вотъ истина, въ которой давно бы пора увѣриться нашимъ раскольникамъ!

XXV

ФАБРИКАЦІЯ

МОСКОВСКИМИ РАСКОЛЬНИКАМИ

ПОДЛОЖНЫХЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ УКАЗОВЪ.

Было время, когда на расколъ установляли взглядъ недоучившіеся бр. Кельсіевы, когда одинъ изъ бѣглецовъ Россіи, прославившійся, впрочемъ, болѣе грошовымъ либерализмомъ, чѣмъ серьезнымъ радикализмомъ, Василій Ивановъ Кельсіевъ, въ предисловіи къ пропавшимъ изъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ документамъ, отпечатаннымъ, однако, имъ въ Лондонѣ, писалъ слѣдующее (см. предисл. къ 1 вып.) въ поученіе русскому народу: „Всякій споръ о превосходствѣ сектъ одна передъ другою совершенно праздное дѣло; что пресвитеріанство, аввакумовщина, католицизмъ, поморщина — разницы нѣтъ никакой.“ И такъ *цивилизующее* пресвитеріанство и *отупляющая* поморщина одно и то же. Логично! „Ми не видишь, почему бы слѣдовало гнать раскольниковъ за *изувѣрство* и запрещать имъ слѣдовать своимъ *безобразнымъ* ученьямъ. Нелѣзно запрещать людямъ сжигаться, рѣзаться, скопиться, если они имѣютъ на то желанье.“ Такимъ образомъ, если бы Вас. Ив. Кельсіевъ былъ императоръ русскій, то непременно бы перекъ въ законъ: рѣжьтесь мои подданные и рѣжьте другихъ въ

моемъ царствѣ сколько угодно, ибо для меня совершенно не обидно, и нисколько не конфузно предъ Европою называться „императоромъ скопческаго государства.“ Мы (т. е. Вас. Ив. Кельсіевъ) видимъ въ существованіи раскола великій залогъ будущаго развитія Россіи. Вотъ какъ хватилъ! Честный и глубоко-образованный человѣкъ Н. И. Надеждинъ въ своей прекраснѣйшей запискѣ „о заграничныхъ раскольникахъ“ выражаетъ, что мысль объ учрежденіи ебглю-епископской каеодры нелѣпность, „которая, къ сожалѣнію, увѣнчалась успѣхомъ.“ Почему нелѣпность, восклицаетъ либеральнѣйшій Кельсіевъ, и почему она, къ сожалѣнію, увѣнчалась неожиданнымъ успѣхомъ? — намъ рѣшительно непонятно.

Если Вамъ непонятно г. изгнанникъ, шеголяющій и нынѣ плащемъ „эмигранта“ (такъ значится на обложкѣ книгъ Вашихъ), почему честный и умный Надеждинъ назвалъ мужичью затѣю московскихъ раскольниковъ „блудливой и глупой“, то просимъ припомнить, между множествомъ другихъ, хотя два факта изъ позорной исторіи этой продажной іерархіи, — торжественное благословеніе самозваннымъ раскольниковымъ архіереємъ, московской покупи и австрійскаго ставленія, Аркадіемъ Славскимъ въ недавнюю крымскую войну раскольниковъ на стравленіе въ русскихъ своихъ братіи... и подсылка убійцъ на парубіество, завѣдомо московскихъ богачей раскольниковъ (См. прекрасную книгу: расколъ, какъ орудіе враждб. Россіи партіи, Н. Субботина. Москва 1867 г.). Польская исторія, либеральничаетъ В. Кельсіевъ, не только что позоритъ русское имя въ глазахъ цѣлаго свѣта, но въ насъ самихъ подрываетъ всякую связь съ нашимъ правительствомъ и утачиваетъ его въ пропасть, вытти изъ которой ему не будетъ возможности. Пророчество это, однако, не сбылось! Правительство Русское Вас. Ив. Кельсіева не послушалось, полжками Западную Россію вплоть до Кіева не соблаговолило отдать, и связанъ своимъ русскимъ народомъ чрезъ это нисколько не порвало! Оно позоритъ себя въ этомъ дѣлѣ, восклицаетъ Кельсіевъ, такъ точно, какъ на вѣки себя опозорилъ одинъ изъ его агентовъ — Надеждинъ предательствомъ, записаннымъ его же рукой въ желчномъ доносѣ (т. е. составленной прекрасно запискѣ о заграничныхъ раскольникахъ). Кто его толкалъ? во имя чего онъ дѣйствовалъ? На него

остается страшное клеймо, одно изъ тѣхъ, которыя не смываются никакими заслугами, даже и большими помѣщенъ въ Телескопѣ письма Чаадаева.“ Н. И. Надеждинъ оставилъ по себѣ имя честнаго и глубокообразованнаго человѣка, свѣтлое имя труженника и добросовѣстнаго правительственнаго и общественнаго дѣятеля; никакого страшнаго клейма на его, высочочтимомъ всеми учеными нашими, имени не осталось; но *какое* клеймо поставилъ на своемъ имени эвсъ-эмигрантъ Вас. Ив. Кельсіевъ, написавшій безсмысленныя изъ безсмысленныхъ предисловія къ *пропавшимъ* изъ Министер. Внутр. Дѣлъ документамъ о раскольникахъ и нѣтъ хотя объявившій, что онъ раскаивается въ своихъ прошедшихъ заблужденіяхъ, но считающійся по прежнему „другомъ раскольниковъ“, и старающійся всеми мѣрами въ литературѣ нашей проводить прежніе, самаго *дешевого либерализма*, дикіе взгляды на вопросъ раскольничій? „..... Орловъ, либеральничаетъ В. Кельсіевъ, Несельроде, Перовскій и К^о являются какими то наглецами, грозятъ силой слабому, подсылаютъ шпионовъ, перелюбостровываютъ письма, схватываютъ двухъ монаховъ (т. е. покупщиковъ бѣглой іерархіи), доставляютъ ихъ прямо въ штабъ, судятъ и заключаютъ въ крѣпости, въ монастыри. И все безъ нужды, такъ, по любви въ искусство.“ И эти воззванія Кельсіевскія читались простодушными русскими мужиками, ибо мы самолично видѣли въ безчисленныхъ модельныхъ раскольничьихъ сборникахъ В. Кельсіева (вѣрнѣе не его, а правительственные) на полкахъ церковныхъ, и дикія предисловія Вас. Кельсіева читались тамъ народомъ русскимъ, какъ верхъ мудрости, послѣ богослужебныхъ книгъ... „Если бы въ русскомъ правительствѣ была жизнь и хоть одна общая капля крови (?) съ русскимъ народомъ, оно разрѣшило бы вопросъ о расколѣ безъ помощи всякихъ секретныхъ комитетовъ. Оно объявило бы полноправіе и свободу всѣхъ исповѣданій безъ исключенія.“ Рѣжь, значить, скопцы кого хочешь по всей Россіи, Безносовыя топи дѣтей въ Ханиловскихъ прудахъ сколько угодно. Что за безсмыслица! „Отецъ Кирилль (мужель самозванный, Бѣловкриницкій митрополитъ) поселился бы, либеральничаетъ В. Кельсіевъ, въ Москвѣ рядомъ съ отцомъ Филаретомъ (т. е. митрополитомъ московскимъ) и само правительство избавилось бы отъ вѣчнаго стра-

ха: что скажут раскольники?" Какъ это выходитъ картинно! Бурлакъ не грамотный поселится рядомъ съ свѣтиломъ науки, пресвищ. Филаретомъ московскимъ, а позади ихъ поселатся покушникъ и торгаши бѣглою іерархіи, московскіе коноводы раскольниковъ, взывая къ Россіи: зря на насъ, чтите въ нашей особѣ творцовъ новой митрополіи въ Россіи (хотя и бурлацкой); мы историческія лица (это вѣрно, только въ дурномъ смыслѣ!), мы покушники и пр. Но довольно о существовавшихъ у насъ жалкихъ взглядахъ на расколъ. Въ томъ недоучившагося купеческаго сына Вас. Кельсіева вричала до послѣдняго времени почти вся наша русская литература и безпощадно осмѣяла напр. многіе капитальные труды по расколу дѣйствительныхъ знатоковъ его, профессоровъ И. Нильскаго и Н. Субботина. Нынѣ время это, слава Богу, миновало и, надѣмся, безвозвратно. Наступила пора устанавливать взглядъ на расколъ знатокомъ дѣла, а не грошовымъ либераломъ, не умѣющимъ часто отличить попавца отъ безпоповца... и мы, не страшась дешеваго либерализма рецензій и фельетонныхъ завываній о настоящей своей книгѣ, заключимъ ее статью о фабрикаціи фальшивыхъ документовъ, выпускаемыхъ изъ Москвы по народу московскими коноводами раскола. Въ тѣхъ знатныхъ раскольничьихъ домахъ, гдѣ фабрикуются въ Москвѣ и понинѣ фальшивыя грамоты священническія, фабрикуются и *фальшивые* правительственные документы, съ которыми подробнѣе мы познакомимъ публику русскую въ другое время, и изъ которыхъ въ настоящее время можемъ передать печати одинъ подложный Высочайшій указъ московской фабрикаціи, слѣдующаго содержанія:

„По Высочайшему повелѣнію.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссийскаго изъ Правительствующаго Сената Г. Управляющему Астраханскою губерніею.

Правительствующій сенатъ въ общемъ собраніи слушали положеніе комитета гг. министровъ относительно исповѣданія старообрядческой вѣры издревле содержащими ихъ потомками, а также и вновь ежегодно размножающимися послѣдователями этой вѣры, какъ это усмотрѣно изъ вѣдомостей доставляемыхъ правительствующему сенату! А потому комитетъ гг. министровъ, разсмотрѣвъ доклады, относящіеся

до обрядовъ съ законами Его Императорскаго Величества, нашелъ, что книги какъ стараго завѣта, такъ и новаго последовали отъ писателей по внушенію св. Духа, то и последователи ихъ, если уже они такъ вѣрно соблюдаютъ и почитаютъ завѣтъ свой, что не смотря на всѣ предпринимаемыя мѣры правительства къ искорененію старообрядцевъ къ обращенію въ единовѣріе, т. е. православной католической вѣрѣ остаются неудобопреклонными, — то должны быть ограждаемы законами Его же Императорскаго Величества въ чемъ и составленъ планъ относительно старообрядческой вѣры, который былъ на разсмотрѣніи Его Императорскаго величества, рукою котораго написано: „быть по сему“; а положеніе комитета гг. министровъ есть слѣдующее: 1) всѣхъ послѣдователей старообрядческой вѣры, содержащихъ такую до изданія сего положенія оставить свободными отъ всѣхъ притязаній со стороны правительства относительно исповѣданія ихъ вѣры; 2) тѣхъ, которые хотя издревле содержали эту вѣру, или же отпавшіе отъ православія и правительствомъ преданы суду, учинить свободными; 3) въ губерніяхъ, а также въ городахъ и уездахъ, гдѣ будутъ последователи этой вѣры въ числѣ не менѣе 500 душъ дать полную свободу по ихъ обрядамъ богослуженія, для чего по усмотрѣнію гг. начальниковъ губерній отвести имъ мѣсто соотвѣтственно, какъ послѣдователямъ Христа Спасителя, на которомъ бы они могли построить молитвенные дома, гдѣ нѣтъ таковыхъ; и чтобы какъ на новыхъ, такъ и на старыхъ ихъ моленныхъ были отличія, какъ напримѣръ крестное знаменіе по ихъ обряду; 4) вѣнзить въ обязанность старообрядцамъ, чтобы они изъ среды своей общины избрали одно лицо, которое бы во всѣхъ бумагахъ и дѣлахъ подписывалось какъ настоятель старообрядческой общины (такой то). Итѣ, которые находятся въ губерніи обращались со всѣми требами до таинствъ по ихъ обрядамъ, относящимися къ нему одному, и всѣ требы до богослуженія касающіеся должны быть отправляемы въ устроенныхъ для сего моленныхъ. Для тѣхъ же, которые въ уездахъ или городахъ, то это уже на обязанности этого наставника по усмотрѣнію своему назначить въ томъ городѣ или уездѣ, гдѣ находятся старообрядцы. Такое же лицо, которое бы могло исполнять требы и всѣ таинства, а также какъ настоятелю, такъ и назначенному отъ него въ горо-

дакъ или уздахъ лицамъ виѣннѣ въ обязанность, чтобы они всѣхъ, находящихся подъ ихъ властью единавѣрцевъ имѣли въ домости бракамъ, сочтанныхъ и умершихъ чрезъ вальдые погрома доводили бы до свѣденія мѣстной полиціи; (5) Надъ тѣми, кои обжалуются отпавшими отъ православія послѣ сего положенія, — не произведеди слѣдствія, недѣлая ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ приговора, прямо слѣдствіе представлять отъ лица начальника губерніи въ правительствующій сенатъ и такимъ образомъ изложивъ все вышеозначенное, — правительствующій сенатъ предписываетъ всѣмъ начальникамъ губерній, и вамъ г. управляющему Астраханскою губернію, означенное положеніе комитета гг. министровъ привѣсти въ исполненіе не радѣе, какъ пополученіи сего чрезъ годъ, впредь до особаго указа правительствующаго Сената. 20-мая 1859 года.“

Эта грамота, разсылаемая московскими самодурами въ тысячахъ экземплярахъ по всей Россіи, не одно сто простодушныхъ гражданъ подвела подъ лишеніе правъ и къ высылкѣ въ отдаленныя губерніи, еъ разореніемъ, разумѣется, въ разорѣ. Сколько честныхъ, но слѣбныхъ гражданъ увела она въ тюрьмы при полномъ сознаніи проставовъ, что они терпятъ заключеніе за настоящую волю царя. А что художники фальшивыхъ документовъ? Да ничего! ноживаютъ себѣ благополучно въ Москвѣ, ѣздятъ въ каретахъ и никуда, конечно, не думаютъ о томъ, какой потогъ слезъ пролили они по всей Россіи, тѣша свое глубокое самолюбіе въ качествѣ стодной и заправителей раскола!.. Мы не называемъ ихъ имени, но предаемъ ихъ *угрызенію своей совѣсти*, если только она у нихъ, хоть въ какомъ нибудь личествѣ, осталась. Бровъ не повинныхъ вопіеть на небо орь отомщеніи! говорятъ слово Божіе.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ЦѢНА 1^р 85^к СЕР
СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ 2^р 20^к

ТѢОГРАФИ. ЛѢТ. КУДРЯКОВА

